

СОЧИНЕНІЯ
ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
СЕЛИВАНОВА.

Изданы подъ редакціею и съ примѣчаніями
Ал. Вас. Селиванова.

ТОМЪ I.

ВЛАДИМІРЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 11 сентября 1901 года.

2007338634

Оглавленіе I тома.

	Стран.
Отъ издателя	I
1. Преданія и воспоминанія	1
2. Тимофей Николаевичъ Грановскій	333
3. Изъ давнихъ воспоминаній	350
4. Записки офицера въ Вознесенскомъ походѣ 1837 г.	369

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Василій Васильевичъ Селивановъ родился 28 февраля 1813 г. въ г. Зарайскѣ, Рязанской губ. Получивъ воспитаніе въ частномъ пансіонѣ Кистера въ Москвѣ, онъ поступилъ въ военную службу въ Драгунскій Казанскій полкъ унтеръ-офицеромъ, будучи 17 лѣтъ (въ 1830 г.) Въ томъ же году произведенъ въ юнкера и затѣмъ въ слѣдующемъ году за отличіе въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ былъ произведенъ въ прапорщики. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ: 2 февраля 1831 г. при переправѣ черезъ рѣку Вислу въ мѣстѣчкѣ Пулавахъ; 7-го февраля при мѣстѣчкѣ Казеницѣ, во время отраженія мятежниковъ, сдѣлавшихъ подъ предводительствомъ Дверницкаго сильное нападеніе на отрядъ генерала Барона Крейца, и за отличіе въ этомъ дѣлѣ былъ награжденъ знакомъ военного ордена; съ 11 по 12 февраля при деревнѣ Тырчннѣ; 27 февраля при взятіи приступомъ гор. Люблина; съ 4 по 7 марта во время движенія отряда генерала Барона Крейца для преслѣдованія корпуса Серавскаго въ авангардѣ; 4 апрѣля при с. Бабинѣ; 5 при Вроновѣ; 6 при мѣстѣчкѣ Казиміровѣ; 28 апрѣля въ дѣлѣ подъ Ленчнымъ; 29 подъ мѣстечкомъ Старымъ Замощимъ; 3 іюля при селеніи Млинержѣ и 11 во время слѣдованія отъ города Остроленки черезъ Пултускъ на присоединеніе къ главной арміи при мѣстѣчкѣ Раціонжѣ. Въ 1837 году онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а въ слѣдующемъ году, согласно его желанія, прикомандированъ къ Штабу Корпуса

жандармовъ, куда и былъ вскорѣ переведенъ съ назначеніемъ за адъютанта къ штабсъ-офицеру Харьковской губ. Въ 1841 г. былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Курскую, а затѣмъ снова въ Харьковскую губ. Въ 1842 г. онъ былъ по прошенію уволенъ отъ службы съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. По выходѣ въ отставку и женившись на Марѣ Дмитріевнѣ Желтухиной, онъ около 13 лѣтъ прожилъ у себя въ имѣніи (сельцѣ Любавѣ), занимаясь хозяйствомъ. Къ этому времени съ 1843 по 1857 г. относятся его труды по археологіи (рисунки и изданія Рязанскихъ древностей), а также большая часть литературныхъ произведеній.

Въ 1857 г. онъ снова поступилъ на службу въ Рязанскую Палату Государственныхъ Имуществъ на должность совѣтника Хозяйственнаго Отдѣленія Палаты съ переименованіемъ въ коллежскіе секретари. Въ 1857 г. былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ титулярнаго совѣтника, но, по просьбѣ его, въ томъ же году переименованъ въ прежній военный чинъ капитана, который за нимъ и сохранился навсегда. Въ 1860 г., съ цѣлью воспитанія дѣтей, перешелъ на службу въ Москву, получивъ тамъ мѣсто полиціймейстера Воспитательнаго Дома. Въ этой должности онъ прослужилъ 9 лѣтъ, а за тѣмъ вышелъ въ отставку и поселился уже окончательно въ деревнѣ, посвятивъ себя земской дѣятельности. Былъ губернскимъ и уѣзнымъ гласнымъ, предсѣдателемъ Училишнаго Совѣта и, наконецъ, непремѣннымъ членомъ Уѣзднаго Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Въ качествѣ губернскаго гласнаго, В. В. Селивановъ возбуждалъ нѣсколько важныхъ вопросовъ. Между прочимъ онъ первый заговорилъ о необходимости уничтоженія института мировыхъ посредниковъ, утратившихъ свое первоначальное значеніе, о средствахъ къ ограниченію пьянства и семейныхъ раздѣловъ въ средѣ крестьянъ и, въ особенности, настойчиво, но безуспѣшно, онъ возбуждалъ ходатайства объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній между крестьянами. Къ сожалѣнію, ни рѣчи его, ни замѣчательныя пренія въ Рязанскихъ земскихъ собраніяхъ по этому вопросу, по независящимъ обстоятельствамъ, не были напечатаны въ журналахъ Земскаго Собранія. Служебныя непріятности, вызванныя партійною борьбою въ Зарайскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ принадлежалъ къ прогрессивному меньшинству, отразились на его здо-

ровъ и 12 августа 1875 г. онъ внезапно скончался отъ разрыва сердца, оплакиваемый крестьянами, которые теряли въ немъ своего покровителя и защитника.

Какъ писатель, В. В. Селивановъ принадлежитъ къ эпохѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ нашей литературѣ царили двѣ соперничающія между собою партіи: славянофиловъ и западниковъ. Позднѣе эти партіи слились въ одну народническую съ умѣренно-либеральнымъ оттѣнкомъ. Но въ то переходное время борьба между славянофилами и западниками выражалась въ крайнѣ рѣзкихъ формахъ и казалась непримиримой, не смотря на то, что ихъ одинаково связывало отвращеніе къ крѣпостному праву. В. В. Селивановъ примыкалъ къ славянофиламъ, хотя и былъ чуждъ нѣкоторымъ крайностямъ послѣднихъ, и его мало интересовала политическая программа славянофиловъ. Онъ былъ чело-вѣкъ глубоко вѣрующій и горячій патріотъ. Всѣ его сочиненія проникнуты искреннею любовію ко всему русскому и тѣмъ народнымъ духомъ, который составлялъ отличительную особенность лучшихъ писателей славянофильскаго лагеря: Хомякова, Аксакова и др. Къ числу лучшихъ произведеній его пера относится безспорно: «Годъ русскаго земледѣльца», въ первый разъ напечатанный въ Русской Бесѣдѣ, изд. Кошелевымъ. Это сочиненіе, какъ справедливо отмѣчено издателями Русской Бесѣды, „замѣчательно по истинно русскому духу, которымъ все оно проникнуто“. „Такого рода произведенія,“ говорятъ они далѣе, „имѣютъ особенную важность теперь, когда изученіе русскаго быта стало общею задачею, какъ литературы, такъ и всѣхъ людей мыслящихъ“. Сочиненіе это было принято какъ критикой, такъ и всею читающей публикой вообще въ высшей степени сочувственно. Во многихъ хрестоматіяхъ и сборникахъ стали появляться извлеченія и отрывки изъ этого труда, который признанъ былъ образцовымъ не только по своему содержанію, но и по языку. Сочиненія В. В. Селиванова разбросаны по различнымъ журналамъ, почему далеко не всѣ пользуются извѣстностью, что и побудило меня собрать ихъ вмѣстѣ, присоединить къ нимъ и нѣкоторыя изъ неизданныхъ сочиненій покойнаго писателя. Все собраніе сочиненій состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первый томъ вошли—семейная хроника и воспоминанія. Во 2-й томъ—всѣ прочія сочиненія В. В. Сели-

ванова, какъ прежде изданныя (Годъ русскаго земледѣльца, День помѣщика и др.) такъ и вновь издаваемыя (Новый бѣсъ и Дворянскіе выборы). Кромѣ того въ этомъ томѣ помѣщены мелкія статьи, отрывки, стихотворенія, земскіе доклады и заявленія и проч., а также мною составленная и пересмотрѣнная по послѣднимъ имѣющимся у меня даннымъ, родословная Селивановыхъ.

А. Селивановъ.

ПРЕДАНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ¹⁾.

ГЛАВА I.

Рожденіе мое и смерть матери.—Характеристика покойной матери.—Могила ея.—Мое дѣтство.—Первыя сознательныя впечатлѣнія.—Мама.—Воспоминанія о 12-мъ годѣ.—Общество офицеровъ.—Полковникъ Ивановъ.—Подполковникъ Муравскій.—Маіоръ Померанскій.—Есиповъ и сем. Чагиныхъ.—Трагическое происшествіе.—Вліяніе на меня военныхъ.—Воспитаніе братьевъ.—Французъ Пемпаре.—Мое первое знакомство съ природой.—Ученъе.—Дѣдушка Павелъ Михайловичъ.—Письмо его къ сыну.—Семья его.—Бабушка Надежда Николаевна.—Николай и Михайлъ Павловичи.—Забавы ихъ.—Раздѣлъ имѣнія.—Начало рода Селивановыхъ.—Кичибей.—Потомство его.—Михаилъ Ивановичъ и его дѣти: Игнатъ и Павелъ.—Дѣти Игнатія Михайловича: Иванъ, Дмитрій и Максимъ.—Ихъ дѣти и внуки.—Павелъ Михайловичъ и его сыновья.—Асонъ Васильевичъ.—Авдотья и Прасковья Асоновны.—Иванъ меньшей Павловичъ, первый владѣлецъ Любавы.—Жена его, Агафья Сидоровна, урожденная Любавская.—Дѣти ихъ.—Михаилъ Ивановичъ.—Василій Яковлевичъ Еропкинь.—Тяжба.—Потомство Степана Ивановича.—Романъ Михайловичъ.—Дѣти его.—Левъ Юрьевичъ, Деньшикъ Петра Великаго.—Преданіе о немъ.—Его помѣшательство.—Указъ Петра второго.—Анекдотъ изъ жизни Льва Юрьевича.—Дѣти Ивана Романовича.—Осипъ Ивановичъ.—Прасковья Осиповна Нестерова.—Письмо Осипа Ивановича.—Николай Михайловичъ Нестеровъ.—Его семейство.

Въ столѣтнемъ календарѣ изданія 1802 года, въ книгѣ, постоянно лежавшей на письменномъ столѣ моего покойнаго отца, на оборотѣ верхней крышки кожанаго, довольно обветшавшаго, переплета есть замѣтка, писанная собственною его рукою, слѣдующаго содержанія: «Въ городѣ Зарайскѣ, 1813 года, февраля 28 числа, на память преподобнаго Василія, рожденіе сына моего Василя (т. е. меня). Крестины были марта 5 дня; священнодѣйствовалъ Вознесенской церкви священникъ Іоаннъ Тимофеевичъ; восприѣмниками были братъ Николай Павловичъ и тетушка Марья Николаевна Нестерова; тезоименитство того-жъ 28 числа.»

Ниже другая замѣтка:

«1813 года, марта 7 дня, въ пятницу, въ 5 часовъ пополудни, скончалась любезная супруга моя, Александра Петровна; погребена въ с. Куковѣ. Замужество ея было 12 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, а всего житія 28 лѣтъ».

¹⁾ Преданія и Воспоминанія были напечатаны въ первый разъ въ журналѣ „Историческая Библіотека“.

Не на радость ближнимъ, какъ видитъ читатель, было мое рожденіе. Мать моя, за недѣлю до родовъ, ѣздила куда-то въ гости въ однихъ башмакахъ по шелковому чулку и простудилась. Будучи чрезвычайно терпѣлива, а можетъ быть и изъ страха, чтобъ ее не бранили, таила болѣзнь, хотя слѣдствіе простуды давало себя чувствовать колющемъ въ боку. Она страдала, но не показывала страданія, пока не пришелъ часъ родить. Роды совершились благополучно, но болѣзнь усиливалась не поднимъ, а по часамъ, и, наконецъ, разлилось молоко. Напрасно Егоръ Ивановичъ, лекарь-нѣмецъ, давалъ микстуры, ставилъ горчичники, ничто не помогло.... Часовъ за 5 до смерти, когда Егоръ Ивановичъ пріѣхалъ ее навестить и щупалъ пульсъ, мать моя сказала ему: ну что, колбасникъ. Ты говорилъ, что мнѣ къ твоему пріѣзду будетъ хуже, анъ мнѣ лучше: теперь я не чувствую никакой боли.... Отъ этихъ словъ больной, у Егора Ивановича лице судорожно скривилось въ улыбку; онъ промычалъ; гм!... и уѣхалъ. Скоро началась предсмертная агонія. У постели страдалицы сидѣла Прасковья Ивановна—одна изъ дворовыхъ женщинъ, которой поручено было наблюдать за больною. Отъ утомленія и бессонныхъ ночей, она скоро заснула и больная осталась предоставленною самой себѣ. Послѣ полуночи, когда пришелъ взглянуть на нее мой отецъ, онъ увидѣлъ раздирающую картину. Сальный огарокъ, стоявшій на столѣ, нагорѣлъ и едва слабымъ мерцаніемъ озарялъ комнату; умирающая лежала въ постели, болѣзненно разметаившись и судорожно переводя дыханіе, губы ея почернѣли и ссохлись; растрепанные волосы набились въ ротъ.... Эта картина такъ сильно врѣзалась въ памяти моего отца, что, при воспоминаніи о быломъ, постоянно терзала его совѣсть. Онъ не могъ простить себѣ, зачѣмъ не сидѣлъ онъ самъ въ эту страшную ночь у кровати умиравшей; но не могъ простить и Прасковью Ивановну ея сонливости. До самой ея смерти, послѣдовавшей уже въ 30-хъ годахъ, онъ чувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе, хотя ни словомъ, ни дѣломъ никогда не показывалъ ей этого.

Не бывши самовидцемъ, я, естественно, не могу передать читателямъ того отчаянія, которое овладѣло отцомъ моимъ въ первыя минуты кончины матери; но, какъ рассказывали мнѣ бывшіе при этомъ, онъ не плакалъ... Онъ толь-

ко поблѣднѣлъ, какъ полотно, и хохоталъ,—хохоталъ такъ, что наводилъ на всѣхъ ужасъ. Ему открыли кровь. Въ самомъ дѣлѣ, утрата была неощѣнима, не говоря о томъ, что лишиться молодой любимой жены, въ полномъ цвѣтѣ ея красоты и молодости, ужасно; но, кромѣ этого, на рукахъ отца оставалось восемь сиротъ, малъ-мала меньше. Ко всему этому онъ могъ еще упрекнуть себя и въ излишней вспыльчивости и даже подчасъ въ излишне суровомъ обращеніи съ нею; тогда какъ напрасно искалъ-бы въ своей памяти чего-нибудь такого, въ чемъ бы могъ обвинить ее. Общій отзывъ всѣхъ, знавшихъ покойницу былъ таковъ, что кротче и добрѣе женщины они не встрѣчали. Современниковъ поражало въ ней уже и то, что, не подчиняясь духу времени и примѣру тогдашнихъ барынь, она не только никогда никого не прибила, но даже никто изъ прислуги не слыхалъ отъ нея суроваго, не говоря уже браннаго, слова. Одинъ только разъ, сказывалъ мой отецъ, домашній парикмахеръ, Федотъ, мальчикъ лѣтъ 16 и страшный шалунъ, разсердилъ ее именно тѣмъ, что вмѣсто того, чтобъ придти въ свое время причесать ей волосы, ушелъ куда-то съ рабочими въ поле и долго пропадалъ. Узнавъ, что онъ, наконецъ, возвратился, она выбѣжала къ нему въ лакейскую и, выбравивъ дуракомъ, буквально однимъ пальцемъ, какъ рассказывалъ въ послѣдствіи самъ Федотъ, толкнула его въ щеку. Сдѣлавъ это страшное дѣло, она побѣжала обратно въ спальню и, бросившись на постель, зарыла лице свое въ подушки. Въ этомъ состояніи нашелъ ее отецъ и долго не могъ успокоить въ ней опасенія, что она очень больно сдѣлала Федоту. Въ другой разъ она меня и самого очень оскорбила, говорилъ мой отецъ. Будучи по дѣламъ въ Рязани, я купилъ ей тамъ на платьѣ ситцу и привезъ въ подарокъ. Когда я показывалъ ей мою покупку, она, посмотрѣвъ на узоръ, сказала: Эхъ, Вася, что это тебѣ понравилось? не хорошо.—А, не хорошо, возразилъ я холодно... подайте ножницы! и тутъ-же, при ней, изрѣзалъ весь ситецъ въ мелкіе куски.

Мучимый и сознаниемъ о невозвратной потерѣ друга и совѣстью, что не выполнѣ умѣлъ цѣнить ее при жизни, отецъ мой часто впадалъ въ меланхолію и, подъ вліяніемъ этого настроенія духа, воображалъ ее святою. Лѣтъ 7 или 8 спустя

послѣ ея кончины, рядомъ съ ея могилою копали могилу Николаю Ивановичу Коробыну, двоюродному брату отца, и, выбрасывая землю, могильщики открыли могильный склепъ матушки. Когда объ этомъ услышалъ мой отецъ, онъ выбралъ время, когда близъ церкви никого не было, спустился въ яму, приподнялъ крышку завѣтнаго гроба и заглянулъ въ него. Онъ былъ увѣренъ найти тѣло нетлѣннымъ, но, что онъ нашелъ, онъ не сказалъ никому.

Надъ могилою матушки отецъ мой поставилъ камень, состоящій изъ базы, съ полуколонною, увѣнчанной пылающею урною. На одной изъ мраморныхъ досокъ, вдѣланныхъ въ этотъ могильный памятникъ, была изсѣчена эпитафія, сочиненная помѣщикомъ-сосѣдомъ, Николаемъ Яковлевичемъ Любавскимъ, который питалъ къ усопшей благоговѣйное уваженіе.

Вотъ она:

„Чей прахъ сокрытъ лежитъ въ семъ гробѣ мрачномъ тѣсномъ?
„То я, чей образъ вѣкъ жить будетъ въ сердцѣ нѣжномъ;
„Слезой здѣсь гробъ роситъ страдающій супругъ,
„Въ сей горести его, къ ней духъ его стремится,
„Бывъ въ жизни сопряженъ, съ ней въ небѣ соединится.

А на другой сторонѣ памятника:

„Прими въ твой вѣчный кровъ безсмертный духъ ея:
„Она была достойна милости Твоея....

Въ 1813 году отецъ мой былъ зарайскимъ уѣзднымъ предводителемъ; по этому обстоятельству онъ и жилъ тогда въ Зарайскѣ. Квартиру занималъ онъ въ домѣ Масленникова, что на Ильинской улицѣ, близъ церкви Иды Пророка. Домъ этотъ оставался безъ всякаго измѣненія до 1859 года, т. е. до пожара, истребившаго большую часть города. Домъ этотъ былъ тогда двухъэтажный, но какъ верхній деревянный этажъ сгорѣлъ, то нижнюю каменную его часть исправили, покрыли и въ этомъ обновленномъ видѣ онъ и донинѣ красуется.

По приведеніи меня въ христіанскую вѣру, т. е. по совершеніи надо мною таинства крещенія, меня съ кормилицею, вѣроятно, во избѣжаніе тѣсноты, отправили къ бабушкѣ Федосьѣ Николаевнѣ, въ село Куково¹⁾, а дней черезъ пять привезли туда-же и опустили въ могилу, близъ церкви, тѣло моей скончавшейся матери.

Обо мнѣ почти забыли. ..

Съ обтертою отъ новой коленкоровой рубашки кожей, ни разу послѣ крестинъ немытою, недѣлю спустя послѣ похоронъ матери, поревезли меня съ кормилицею къ отцу.

Не предупредивши его ни о чемъ, велѣли кормилицѣ вынести меня къ нему и, когда вынесли, я инстинктивно протянулъ къ нему руки. Онъ не выдержалъ, зарыдалъ, схватилъ меня на руки и уже болѣе не разставался со мною. Впослѣдствіи говорили, что я его баловень, что онъ будтобы любилъ меня болѣе другихъ дѣтей.

Первая минута сознательнаго состоянія моего бытія, какъ я припоминаю, захватила меня въ моей маленькой дѣтской, въ с. Любавѣ ²⁾. Это было, какъ я полагаю, въ 15-мъ году, въ маѣ или въ іюнѣ мѣсяцахъ. Я стою по срединѣ комнаты; на мнѣ надѣта ситцевая рубашечка, набитая розовыми цвѣточками, въ видѣ мелкихъ гвоздичекъ. Вотъ старая мама подпоясала меня тесемкой съ вытканною на ней молитвою; деревяннымъ гребнемъ, какимъ она расчесывала свою кудельку, причесала мнѣ волосы и повела въ садъ.

Мамка моя, Настасья, которую я звалъ обыкновенно мамою, была старуха, лѣтъ подъ 70. Взята она была въ должность мамки изъ крестьянскаго дома Бобровыхъ, существующаго и понынѣ въ Любавѣ и переселеннаго батюшкою изъ Цензенской вотчины, почему всѣ дворовые люди матушку мою величали Бобрихой.

Не могу судить о достоинствѣ ухода за мною старухи, однакожъ помню, что въ деревянной, довольно ветхой, моей кроваткѣ водились въ обилии клопы, которые меня, впрочемъ, не кусали, и что зимою мама покрывала меня, сверхъ одѣяла, своею заячьею шубенкою, что было мнѣ очень пріятно... Когда, бывало, въ долгія зимнія ночи я просыпался и на меня нападали страхъ и тоска, я будилъ маму и требовалъ, чтобы она несла меня къ отцу, она сквозь сонъ, стуча кулакомъ о свои подмостки, говорила: молчи... тссъ! слышишь, староста съ мѣшкомъ пришелъ, въ окошко стучить... вотъ тебя унесетъ! и я со страху умолкалъ и засыпалъ отъ ску-

¹⁾ Село Куково на рѣкѣ Осетрѣ, въ 9-ти верст. отъ г. Зарайска.

²⁾ Сельцо Любаво въ 22 верстахъ отъ г. Зарайска, между Коломною и Рязанью. До сего времени оно сохраняется въ нашемъ родѣ Примѣч. А. С.

ки; но, по большей части, часы такой бессонницы бывали мучительны. Не легко было дѣтскому, напуганному воображенію примириться съ непроницаемымъ ночнымъ мракомъ, при закрытыхъ ставняхъ, наполнившимъ комнату, стукомъ въ окно, при глубокой окружавшей тишинѣ, и старостой съ мѣшкомъ... Я крѣпко сжималъ вѣки глазъ, закутывался въ одѣяло съ головою... меня охватывалъ жаръ, обливалъ потъ, и я не смѣлъ открыться, чтобъ свободно продохнуть.. Помню, что мама зимними днями постоянно сиживала на лежанкѣ, на донцѣ, со вставленною въ него деревянною вилою, и пряла шерсть. Веретено ее жужжало, а я, валяясь по полу, мечталъ, что пойду на войну и буду генераломъ.

Событія 1812 и послѣдующихъ, славныхъ для русскаго оружія, годовъ не только жили тогда въ памяти и въ изустныхъ разсказахъ, но, кажется, и самый воздухъ былъ еще пропитанъ славой этихъ воспоминаній. Къ намъ тогда ѣздило много офицеровъ квартировавшаго въ Зарайскѣ 1-го егерскаго полка. Самъ командиръ полка, полковникъ Степанъ Емельяновичъ Ивановъ, знакомъ былъ съ батюшкою по-пріятельски. Впрочемъ, всѣ дворяне-помѣщики уѣзда его очень любили. Онъ былъ храбрый воинъ, тучный, изувѣченный ранами старикъ, отъ природы умный и веселый. Любилъ кушать жирные пироги и кулебяки и, когда его звали въ гости, особенно обращали вниманіе на приготовленіе колоссальныхъ кулебякъ къ закускѣ. Происхожденіемъ изъ даточныхъ, изъ рядовыхъ, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, Ивановъ дослужился до чина полковника. Про его человѣческое достоинство разскаывали тогда слѣдующій анекдотъ. Мать его, коломенская крестьянка, узнавъ, что сынъ ея въ Зарайскѣ, пришла повидать его, находить квартиру и спрашиваетъ, гдѣ мой Степушка? Вѣстовые и деньщики стали ее гнать, но она не шла и требовала настоятельно, чтобы вызвали Степушку. Пошли, доложили. Степанъ Емельяновичъ вышелъ и, узнавъ въ грязной крестьянской старухѣ мать, не смотря на свою тучность, упалъ предъ нею на колѣни и поклонился до земли.

Но любимцемъ моимъ, на котораго я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ, былъ подполковникъ Муравскій Я называлъ его мурашкой: маленькій, худенькій, тщедушненькій человѣкъ. Не помню, другіе говорили ли о его храбрости, но самъ онъ, при

воспоминаній о множествѣ сраженій, въ которыхъ участвовалъ, по его словамъ, часто молилъ Бога, чтобы его ранили, чтобъ хотя немного отдохнуть. Онъ имѣлъ на шеѣ Анну съ алмазами, pour la merite, и другіе ордена... Ъздило къ намъ много и другихъ офицеровъ этого полка. Я помню маіора Померанскаго. Про него или, вѣрнѣе, про его деньщика, изъ чухны, говорили, что, не смотря на безчеловѣчные побои, какіе претерпѣвалъ отъ Померанскаго, тотъ, послѣ какого-то сраженія, не видя его въ числѣ вышедшихъ изъ дѣла офицеровъ, пошелъ искать его, нашелъ его раненымъ взятымъ въ плѣнъ въ непріятельскомъ лазаретѣ, остался при немъ и во все время болѣзни и плѣна служилъ ему. Конечно Померанскій смотрѣлъ на него, какъ на своего друга и спасителя. Ъздили къ намъ многіе другіе молодые офицеры, и все-то съ польскими фамиліями: Градовскій, Тучиновскій—идеаль уѣздныхъ барынь, а другихъ ужъ окончательно теперь перезабылъ. При стоянкѣ этого полка въ Зарайскѣ, произошелъ маленькій романъ, вслѣдствіе котораго одинъ изъ офицеровъ полка, Есиповъ, заплатилъ жизнью, какъ я припоминаю тогдашніе объ этомъ событіи рассказы. Это случилось такимъ образомъ: Есиповъ былъ очень молодой офицеръ, кажется, не болѣе 20 лѣтъ, былъ красивъ собою и порядочно воспитанъ; послѣ того немудрено, что въ уѣздномъ городѣ тогдашняго времени онъ былъ истиннымъ ловеласомъ. Въ Зарайскѣ въ то время проживало семейство Чагиныхъ. Отецъ, какъ говорили, былъ полупомѣшанный и съ утра до ночи только игралъ на скрипкѣ. Мать была, что называется, бой-баба, или яга, а дочь очень миленькая дѣвочка. Есиповъ познакомился съ ними. Молодые люди сблизились, чему потворствовала сама мать, въ той увѣренности, что Есиповъ богатъ. Причиною забужденія главное было то, что Есиповъ всегда былъ очень чисто и красиво одѣтъ, имѣлъ всегда при себѣ деньги и жилъ далеко изысканнѣе своихъ армейскихъ товарищей. Въ сущности, онъ былъ не богачѣ другихъ, но мать его, у которой онъ былъ единственный ненаглядный сыночекъ, во всемъ сама нуждаясь, отдавала ему послѣднюю копѣйку.

Заблужденіе г. Чагиной не могло продолжаться долго, а дѣло между молодыми людьми мало-по-малу заходило черзчуръ далеко. Какъ избавиться отъ невыгоднаго жениха? И вотъ г-жа Чагина придумала выслать своихъ крѣпостныхъ.

дворовыхъ людей къ мосту, ведущему чрезъ глубокой оврагъ, съ тѣмъ, чтобы, когда Есиповъ пойдетъ черезъ мостъ для свиданія съ дочкой, хорошенько поколотить его. Угощенные барынею, для смѣлости, водкой, кучеръ, поваръ и лакей, съ дубинками пошли подождать Есипова и, когда онъ сходилъ съ моста, бросились на него и ужъ не поколотили, а просто убили. Такъ Есиповъ и пропалъ. Черезъ недѣлю на р. Осетрѣ, когда расчищали прорубь для стирки бѣлья, увидали, что изъ проруби торчитъ кусокъ сѣраго сукна; начали тащить—оказалась шинель, тащили еще—и вытащили несчастнаго Есипова. Это происшествіе долго было исключительнымъ предметомъ разговоровъ и въ городѣ, и въ деревняхъ, а нѣкто, князь Менцерскій, товарищъ Есипова, пѣхотный офицеръ, написалъ на эту тему трагедію, которая читалась тогда во всѣхъ домахъ и переписывалась въ тетрадки уѣздными барышнями. Постоянныя посѣщенія военныхъ, общественное предпочтеніе, отдаваемое имъ, рассказы о славныхъ битвахъ, о Бородинѣ, Лейпцигѣ, пожарѣ Москвы и занятіи Парижа, о всеобщемъ народномъ возстаніи на врага рано заволновали мою дѣтскую кровь, а въ сердцѣ посѣяли первыя сѣмена любви къ родному краю и чувства народной гордости... Во всѣхъ иностранцахъ я, съ младенческаго возраста, видѣлъ только враговъ моего отечества. Въ тѣ времена военный духъ охватилъ всю общественную жизнь. Юное поколѣніе изъ дворянъ посвящало себя исключительно военной службѣ и только одни развѣ тѣлесные недостатки могли вынудить столбового дворянина идти въ подъячіе, какъ тогда честили служителей Оемиды.

Подчиняясь духу времени, отецъ мой всѣхъ своихъ дѣтей—насъ, сыновей было у него семеро—готовилъ къ военному званію. Двое старшихъ, Петръ и Павелъ, были отведены, еще до моей памяти, въ морской кадетскій корпусъ. Алексѣй, Николай и Михайла, въ ожиданіи времени быть также розданными по корпусамъ, учились пока дома у француза Пемпаре, а объ насъ, съ братомъ Ильею, не было еще и разговора. Для трехъ братьевъ, остававшихся еще дома, были построены изъ армейскаго сукна егерскіе мундиры. Съ содѣйствія капитана, стоявшаго съ ротою въ с. Григорьевскомъ, были пригнаны на нихъ кивера и сумы съ перевязями, а ружья отыскились въ домашнемъ арсеналѣ. Для уче-

нія братьевъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ два раза въ недѣлю приходилъ съ ротнаго двора унтеръ-офицеръ и братья занимались военнымъ дѣломъ очень серьезно. Когда, бывало, пріѣзжали къ намъ лѣтнею порою гости, то отецъ мой, послѣ вечерняго чая, отдавалъ братьямъ приказъ выходить на ученье; они немедленно одѣвались въ мундиры и съ ружьями выходили на плацъ, на срединѣ двора, передъ балкономъ, на виду у гостей. Послѣ пальбы, отъ которой слабонервныя барыни-помѣщицы затыкали уши, ученье кончалось разсыпнымъ строемъ въ саду, гдѣ юные воины продолжали перестрѣлку, то скрываясь въ кустарникахъ, то переползая съ мѣста на мѣсто въ густой травѣ. Первое образованіе, т. е. читать и писать, всѣ три брата, какъ впоследствии и мы, т. е. младшіе, братъ, я и сестра, получили отъ тетушки Варвары Павловны, о которой я скажу ниже; но преподавателемъ французскаго языка и кое-чего еще жилъ у насъ въ домѣ французъ, Пемпаре. Онъ былъ частичкою того остатка великой арміи, которую растерялъ Наполеонъ въ Россіи. Быть можетъ онъ даже и не былъ солдатомъ, а просто маркитантомъ, во всякомъ случаѣ онъ происходилъ изъ торговаго сословія и былъ уже порядочно старъ. Въ тѣ времена французами-учителями хотъ прудъ, бывало, пруди, и въ рѣдкомъ домѣ не было француза при дѣтяхъ. Нашъ французъ былъ добрый старикъ, лѣтъ 70. Одѣвался онъ въ такую длинную двубортную куртку, сѣраго сукна, и въ узкія панталоны, былъ очень скроменъ, нюхалъ табакъ и по вечерамъ игралъ въ лото, для чего въ батюшкину комнату, на мезонинѣ нашего деревяннаго дома, собиралось все семейство. Игра производилась на мѣдныя полушки, которыхъ у батюшки былъ цѣлый мѣшокъ, на орѣхи, или на пряники. Во время игры въ лото, я сиживалъ обыкновенно на колѣняхъ у отца. Разумѣется, скоро мнѣ наскучивало смотрѣть на серьезную игру, я начиналъ дремать и отецъ клалъ меня на свою постель, подъ ситцевый пологъ; когдаже приходили ко мнѣ туда братъ Илья и сестра Анна Васильевна, старше меня однимъ годомъ; у насъ начиналась возня, чего французъ Пемпаре очень не любилъ. Онъ еще терпѣть не могъ, когда его трогали сзади, и поэтому составила мысль, что онъ не бѣглый ли съ галеръ и нѣтъ ли у него на спинѣ клейма? Тѣмъ болѣе казалось это правдоподобнымъ, что онъ

не ходилъ никогда въ баню, никогда не купался, однимъ словомъ, скрывалъ свое тѣло. Впрочемъ, повторю еще разъ, онъ былъ добрый старикъ и долго бы у насъ жилъ, если бы не обидѣла его тетушка Варвара Павловна. Французъ отъ насъ уѣхалъ, а братья, до отъѣзда въ корпусъ, продолжали учиться французскому языку у тетушки.

Когда я, умытый и причесанный, или, лучше сказать, съ пособіемъ воды прилизанный, приведенъ былъ мамою въ садъ, ко мнѣ подошелъ отецъ и нѣжно меня приласкалъ... А я... я стоялъ неподвижно, созерцая синее небо, яркій солнечный свѣтъ, капли росы на листьяхъ деревь и на сочной густой травѣ. Вижу кустъ высокихъ синихъ колокольчиковъ и я смотрю на нихъ, ожидая чего-то... Скачетъ съ вѣтки на вѣтку сѣрый воробушекъ, я слушаю его чериканіе. Вьется въ воздухѣ желтая бабочка—я гляжу за ея полетомъ. Съ шумомъ и крикомъ пробѣжали мимо меня, доганяя одинъ другого, рѣзвые братья, и я слышу ихъ смѣхъ... Мнѣ хорошо въ Божіемъ мірѣ, но я смотрю на него, какъ растерянный, и ничего не понимаю. Это было мое первое знакомство съ природою, и съ этогоже утра я началъ знать отца. Годы, проведенные мною въ дѣтской съ мамою, не смотря на ея старческую неопрятность и не смотря на клоповъ и нечистоту, меня окружавшую, были моимъ земнымъ раемъ. Отецъ любилъ меня исключительно нѣжно. Когда, бывало, въ одноколѣ, запряженной Соловою, его любимую лошадью, онъ ѣхалъ посмотрѣть по хозяйству въ поле, или на сѣнокосъ, онъ бралъ меня съ собою, что доставляло мнѣ великую радость, а если проходилъ онъ по двору въ садъ и видѣлъ меня сидящимъ въ моей дѣтской на окнѣ, отецъ подходилъ къ окну, протягивалъ ко мнѣ руки, говоря:—«иди!» я не ждалъ повторенія, бросался къ нему на шею и мы шли съ нимъ всюду, куда ему было нужно. Никакой прислуги никогда съ нами не было; никогда не отягощался онъ мною...

Невидимо протекло для меня это блаженное время, и наступилъ періодъ ученія. Періодъ горькій! Прости, свобода прости, земной рай!...

Это было въ день пророка Наума; мнѣ было лѣтъ шесть. Поутру, когда я валялся по полу, безпечно колотя ногами о лежанку, на которой сидѣла мама и пряла кудельку, а въ

яркихъ лучахъ солнца, врывающихся въ окно, кишѣли міриады пылиннокъ, поглощавшихъ мое вниманіе; вдругъ въ дѣтскую вошла тетушка Варвара Павловна. «Пора тебѣ учиться, сказала она строго, даромъ живешь на свѣтѣ—баловень отцовскій!... Ужъ ты немаленькій... изволь-ка идти!» Слова эти оледенили во мнѣ кровь! Я видалъ, какъ тетушка учила братьевъ и сестру, какіе имъ доставились тумакі въ шею и трепки за волосы, а потому немудрено, что на ученіе смотрѣлъ я, какъ на родъ какого-то истязанія, съ отвращеніемъ и ужасомъ.

Тетушка Варвара Павловна была родная сестра моего отца и была моложе его только двумя годами. Батюшка родился въ 1772 году, апрѣля 13, а тетушка въ 1774 году, декабря 2. Ихъ съ малолѣтства сблизила одиноковая участь. У дѣдушки Павла Михайловича было четверо сыновей: Алексѣй, Николай, Михайла и, мой батюшка, Василій Павловичъ и двѣ дочери—Анна и Варвара Павловны. О дѣдушкѣ я мало слыхалъ. Знаю, что онъ родился въ 1732 г., служилъ въ Нарвскомъ Драгунскомъ и лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полкахъ, участвовалъ въ 7-лѣтней войнѣ. Въ 1761 г. 5 декабря при атакѣ непріятеля близъ мѣстечка Гильцау подъ нимъ была ранена лошадь. Въ чинѣ секундъ-маіора вышелъ въ отставку. Въ 1763 году онъ женился на дѣвицѣ Надеждѣ Николаевнѣ Нестеровой. Бракосочетаніе было совершено въ церкви Николая Чудотворца, въ селѣ Авдѣевѣ. На первыхъ дворянскихъ выборахъ, послѣдовавшихъ по учрежденіи губерній, при императрицѣ Екатеринѣ, былъ избранъ въ засѣдители земскаго уѣзднаго суда и, не дослуживъ трехлѣтія въ 1779 году, на 48 году жизни, скончался и похороненъ въ селѣ Жилконцахъ, подъ церковью. Впослѣдствіи тамъ же похоронены были бабушка, Надежда Николаевна и дядя Алексѣй Павловичъ.

Въ старомъ хламѣ бумагъ сохранилось у меня собственное его письмо къ старшему сыну Алексѣю, родившемуся въ 1764 году; письмо это безъ мѣсяца и числа но, во всякомъ случаѣ, письмо не позднѣе 1768 года. Вотъ оно:

«Алешечка, радость моя, здравствуй. Я слышалъ, что ты обо мнѣ плачешь; не плачь, голубчикъ, я къ вамъ буду, игрушекъ тебѣ привезу. Притомъ прошу веселить мать, также Николашу и Анюту не бить и поцѣлуй за меня мать

и брата, и сестру. Прощай, душечка, буди надъ вами Божія милость. Павелъ Селивановъ».

По смерти дѣдушки, бабушка Надежда Николаевна осталась 36 лѣтъ вдовою, самостоятельною хозяйкою и матерью шестерыхъ дѣтей. Старшему изъ сыновей, Алексѣю, было 15 лѣтъ. Объ немъ осталось немного преданій. Онъ воспитывался въ Петербургѣ у вліятельнаго и богатаго родственника, Татищева, терся въ хорошемъ кругу, служилъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, лицомъ былъ не хорошъ, но хорошо сложенъ и ловокъ въ обращеніи. Возвратившись въ Любаво къ матери, онъ занимался охотою; 24 лѣтъ женился на дѣвицѣ Чеботаевой, Вѣрѣ Егоровнѣ, жить съ нею не владу, говорятъ, много пилъ, и въ 1791 году скончался въ Любавѣ, на 29 году жизни. Потомства онъ не оставилъ. Вѣра Егоровна, по смерти мужа, проживала до своей кончины въ с. Сасекинѣ и извѣстна была хлѣбосольствомъ.

Кажется, что и при жизни дѣдушки, бабушка, Надежда Николаевна, была неограниченною распорядительницею въ семействѣ. Меньшихъ дѣтей, т. е. моего отца и тетуску Варвару Павловну, она не любила со дня рожденія, и эти отверженцы жили не подъ одной кровлей съ матерью, не въ домѣ, какъ другія дѣти, а въ банѣ съ нянькою. Нянька эта была добрейшее существо; жаль, что имени ея я не запомнилъ, хотя и много слыхалъ объ ней отъ тетуски. Когда, бывало, бабушка зайдетъ въ баню взглянуть на дѣтей, то всегда находила ихъ въ чемъ-нибудь виноватыми, хотя отцу моему было не болѣе 5 лѣтъ, о тетускѣ года три, и тогда же приказывала нянькѣ ихъ высѣчь. Та повиновалась приказанію барыни, брала розгу, раздѣвала малютокъ, махала розгою, — но била не по нимъ, а по полу, или по чемъ попало, приговаривая шепотомъ: «кричи громче, кричи громче!» Дѣти кричали, мать въ передбанникѣ стояла, слушала и уходила въ домъ, совершенно удовлетворенная.

Наконецъ, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ дѣтей, она рѣшилась отправить ихъ въ Петербургъ, для воспитанія: отца, на 7 году, въ Шляхетный Кадетный Корпусъ, а тетуску, на 5 году, въ Смольный Монастырь. Бабушка не понимала, что, подъ вліяніемъ неестественнаго чувства къ малымъ своимъ дѣтямъ, она дѣлала имъ благодѣяніе, котораго были лишены любимыя дѣти. Шляхетный Корпусъ и Смоль-

ный Монастырь были самыми блистательными учебными заведеніями вѣка Екатерины. Когда малютокъ готовили къ отъѣзду—это было въ Зарайскѣ, гдѣ дѣдушка тогда служилъ, какъ я выше сего сказалъ, засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ,—то онъ, страдая душою, чтобъ не видать дорожныхъ сборовъ, ушелъ въ судъ: но путь отъѣзжавшимъ дѣтямъ лежалъ мимо суда. Взглянувъ случайно въ окно, онъ увидалъ проѣзжавшую кибитку, и громкій вопль вырвался изъ его груди,

Послѣ кончины дѣдушки, послѣдовавшей вскорѣ послѣ этого, бабушка до самаго раздѣла имѣнія между дѣтьми оставалась жить въ Любавѣ. При ней находились сыновья: Николай, Михайла и дочь Анна. Съ малолѣтства Николай и Михайла Павловичи числились фурьерами лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, но жили постоянно въ Любавѣ. Когда при Екатеринѣ сдѣлался разрывъ съ Швеціею, они, подъ покровительствомъ вліятельнаго родственника, Татищева, поѣхали въ полкъ. Поѣхали изъ дома въ іюнѣ, возвратились въ августѣ или въ сентябрѣ, съ чинами капитановъ арміи. Между дворовыми людьми оставалось долго преданіе, что Николай Павловичъ и Михайла Павловичъ поѣхали служить, когда засѣвали гречиху, а возвратились со службы, когда гречиха поспѣла.

Образованія, исключая грамоты, они почти не имѣли, хотя Михайла былъ въ Москвѣ, въ какомъ-то пансіонѣ, у француза, гдѣ, по тогдашнему обыкновенію, и мальчики, и дѣвочки учились вмѣстѣ. Въ пансіонѣ этомъ, вѣроятно, онъ какъ матушкинъ сыночекъ, былъ очень короткое время.

Жизнь въ Любавѣ молодыхъ людей, при совершенной праздности, направляла ихъ дѣятельность къ удалымъ забавамъ—псовой охотѣ, да и къ молодецкому разгулу. Старикъ-охотникъ, доѣзджачій дяди Алексѣя Павловича указывалъ еще мнѣ на большой дорогѣ, лежащей отъ Зарайска къ Рязани, верстахъ въ 10 отъ Любава и въ 2 отъ с. Ильицина, мѣсто, гдѣ онъ, дядя, затравилъ медвѣдя. Лѣсовъ тогда еще было вездѣ множество, и собственныхъ лѣсовъ было въ изобиліи. Но это не мѣшало молодымъ людямъ, моимъ дядямъ, кромѣ охоты, искать другихъ, соединенныхъ съ большою отвагой, развлеченій. Велятъ съ вечера сѣдлатъ лошадей и съ толпою дворовыхъ и охотниковъ ѣдутъ въ чужіе лѣса воровать лучину. Изъ деревни Федоровской, тогда эконо-

номического вѣдомства, народъ выходилъ съ дубьемъ противъ наѣзтниковъ, и начиналось побоище... Иногда они ночью, когда бабушка отойдетъ ко сну, сядутъ на лошадей и скачутъ верстъ за двадцать за пять на свиданіе съ своими любовницами, крестьянскими бабами. Къ восходу солнца, на утренней зарѣ, возвращались домой и ложились въ свои пуховики, какъ ни въ чемъ не бывало. Бабушка вставала рано и, какъ настоящая хозяйка, помолившись Богу, шла осматривать свое хозяйство. Заходила въ конюшню и, когда видѣла валявшихся въ стойлахъ помученныхъ лошадей, спрашивала кучера Степана, отчего это лошади въ мылѣ? «Не знаю, матушка-сударыня, Надежда Николаевна, что ужъ вамъ и докладывать. Вы сами изволите знать, что это не въ первый: домовою не дастъ лошадямъ покоя, заязжаетъ нечистый... Прикажете, матушка, за попомъ съѣздить отслужить молебенъ, да покропить святою водою...» И бабушка призывала попа, пѣли молебенъ, но ничто не помогало.

Въ концѣ 90 годовъ Михайла Павловичъ служилъ въ московскомъ комиссаріатѣ, въ 1198 г. онъ былъ уволенъ отъ службы. За три г. до его отставки послѣдовалъ раздѣлъ имѣнія, по которому Николаю Павловичу досталось с. Авдѣево, гдѣ онъ и поселился; сельцо Бѣльево наслѣдовалъ дядя Михайла Павловичъ. Кинишемская деревня, Кинино, отдана была двумъ дочерямъ, моимъ теткамъ, а сельцо Любаво—батьюшкѣ.

Въ жизни семейства все еще оставалось по прежнему: бабушка жила въ Любавѣ, а батюшка служилъ въ Москвѣ. Такъ продолжалось до 1803 года, когда бабушка составила духовное завѣщаніе и тутъ-же, при жизни, привела его въ исполненіе. Всю движимость и недвижимость, оставшуюся ей, какъ вдовѣ, на седьмую часть и свою Лебедянскую деревню отдала любимому сыну Михайлѣ, и сама переѣхала жить съ нимъ въ Бѣльево.

Такимъ образомъ лучшіе крестьянскіе дворы—въ числѣ 25 тяголь—на выборъ изъ всѣхъ деревень, въ томъ числѣ и изъ Кининой, были стянуты въ Бѣльево и тамъ поселены. Для постройки ихъ дубовый старинный лѣсъ, росшій по рябушкинскому оврагу въ Любавѣ, былъ срубленъ и увезенъ въ Бѣльево. Туда-же перевезены были изъ Любавскаго дома всѣ ея дворовые люди—женщины и сѣнные дѣвки.

Дядѣ Николаю Павловичу и отцу моему отъ родительскаго достоянія осталось по 20 душъ крестьянъ и голыя стѣны домовъ. Когда въ Любаво пріѣхалъ мой отецъ, онъ не нашелъ въ домѣ ни задвижки, ни крючка, ни замка, ни даже гвоздя въ стѣнѣ повѣсить шапку: все было увезено. Теткамъ досталось по 15 ревизскихъ душъ оброчныхъ крестьянъ; но ни сундуковъ съ полотнами, которыхъ въ старинномъ хозяйствѣ было много, и никакой домашней рухлядишки изъ материнскаго обильнаго скарба не оставила бабушка своимъ дочерямъ.

Дочерей во время раздѣла и не было дома. Старшая, Анна Павловна, проживала въ Москвѣ, въ родственномъ домѣ Нестеровыхъ, а младшую, Варвару, по выходѣ ея изъ Смольнаго Монастыря, пріютило семейство Спиридовыхъ.

Гнѣздо рода Селивановыхъ, говоря собственно въ Зарайскомъ уѣздѣ, съ-начала 17 столѣтія состояло изъ двухъ осѣдлостей—въ селѣ Авдѣевѣ и въ селѣ Куковѣ.

При этомъ необходимо коснуться нѣсколько нашей родословной.

Во дни великаго князя Θεодора Ольговича Рязанскаго ¹⁾ пріѣхалъ къ нему служить изъ Большой Орды Телемаховой татаринъ, имя ему Кичибей. Крестился въ православную вѣру и при крещеніи дано ему имя Селиванъ, что на греческомъ языкѣ значитъ: лѣсной, дикій или молчаливый. И былъ онъ Селиванъ у великаго князя Θεодора Ольговича бояриномъ. У него было два сына, а отъ старшаго сына Василя, Селивановича произошелъ родъ Селивановыхъ. ²⁾

¹⁾ Князь Θεодоръ Ольговичъ княжилъ въ Рязани съ 1402 по 1427. г.

²⁾ У Кичибея было два сына: Василій—родоначальникъ Селивановыхъ, и Иванъ, по прозванію Коробья, отъ котораго пошли Коробьины. (Справка Разр. Архива, отъ 9 дек 1808 г. № 132). Иловайскій, на основаніи копій съ поколѣнной росписи Коробьиныхъ, утверждаетъ, что у Кичибея, названнаго во крещеніи Василюмъ, было два сына: Иванъ и Селиванъ. Отъ перваго, будто бы, пошли Коробьины, а отъ втораго—Селивановы. Но неправильность Коробьинской росписи доказывается купчей записью, помѣщенной въ Сборникъ древнихъ актовъ Рязанскаго края, издан. Пискаревымъ (Др. грам. и акты, стр. 5—6). Въ этой купчей упоминается Иванъ Селивановичъ Коробья, сталобытъ Иванъ Коробья былъ сыномъ Селивана, но не братъ его. Затѣмъ въ древнемъ рукописномъ синодикѣ, хранившемся прежде въ церкви села

У внука Васи́лія Селивановича, Ивана Яковлевича, были опять два сына—Иванъ и Степанъ.¹⁾

Потомки Ивана свили себѣ гнѣздо въ с. Авдѣевѣ, а потомки Степана въ с. Куковѣ.

Прослѣдимъ сначала Авдѣевское гнѣздо. Михайла, единственный сынъ Ивана, убитъ подъ Тулою въ смутное время самозванцевъ. Отъ него осталось двое сыновей, Игнатій и Павелъ.

Игнатій Михайловичъ упоминается въ 1648 г. въ числѣ дворянъ. Въ 1662 и 63 годахъ былъ воеводою у Каширскихъ и у Веневскихъ засѣкъ, на мѣсто стольника князя Семена Андреевича Хованскаго, а въ 1664 и 1665 годахъ былъ воеводою въ Зарайскѣ. Въ 1668 г. значится въ числѣ дворянъ, отставленныхъ отъ полковой службы за старостью и увѣчье. Братъ его, Павелъ Михайловичъ, 1630 году былъ пожалованъ стольникомъ къ великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу, въ 1654-1656 годахъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ воеводою въ Карповѣ, въ 1656 году убитъ отъ литовскихъ людей въ Губаряхъ.

Игнатій Михайловичъ имѣлъ трехъ сыновей: Ивана, Дмитрія и Максима. Иванъ въ 1659 году былъ царемъ. Алексѣемъ Михайловичемъ пожалованъ въ стряпчіе, а подъ 1686 г. упоминается въ числѣ стольниковъ. Участвовалъ во многихъ походахъ и службахъ и отличился въ Конотопскомъ бою. Въ 1692 г. состоялъ стольникомъ въ Черни, а также былъ воеводою въ Корочѣ.

Дмитрій былъ въ числѣ стольниковъ, упоминается на службѣ съ 1664 по 1687 г., участвовалъ во многихъ походахъ и въ бою подъ Сѣвскомъ былъ раненъ.

Максимъ въ жилецкомъ спискѣ упоминается съ 1659 г. Въ 1675 г. записанъ въ стряпчихъ, а подъ 1688 г. значится уже стольникомъ. Онъ находился сперва въ Литовской служ-

Авдѣева, а нынѣ находящемся въ Рязанскомъ Историческомъ Архивѣ, поминанье рода Селивановыхъ начинается съ именъ: Селивана, Ивана (вѣроятно Коробы), Якова, Васи́лія и проч. Наконецъ, самыя росписи рода Селивановыхъ сохранились въ болѣе древнихъ спискахъ, чѣмъ Коробынскія, почему, по сравненію съ послѣдними, являются болѣе достовѣрными.

А. С.

¹⁾ Степанъ Ивановичъ значится въ числѣ поручителей за бояръ, поручившихся за Ивана Дмитриевича Бѣльскаго въ 1562 г. А. С.

бѣ, затѣмъ въ Черкасской, Сѣвской, Путивльской и Кіевской, участвовалъ въ Троицкомъ и Крымскомъ походахъ, а также въ Конотопскомъ бою; былъ воеводою на Ельцѣ, на Усердѣ, въ 1676 и 77 годахъ, а въ 1683 и 84 годахъ воеводою же въ Переславлѣ Рязанскомъ.

Иванъ Игнатовичъ потомства не оставилъ; у Дмитрія былъ одинъ сынъ, но тоже потомства не оставилъ. У Максима Игнатовича былъ сынъ Дмитрій Максимовичъ, стольникъ; а у Дмитрія Максимовича сынъ Михайла, который въ 1729-1730 годахъ былъ артиллеріи и фортификаціи пейхвахтеромъ. Какъ Дмитрій Максимовичъ, такъ и сынъ его Михайла жили въ Авдѣевѣ.

У Михайла былъ одинъ сынъ, но тоже не оставившій потомства.

У Павла Михайловича было пятеро сыновей, а именно: Иванъ старшій, или большой, Дмитрій, Иванъ меньшой, Михайла и Борисъ.

Иванъ Павловичъ большой упоминается въ жилецкомъ спискѣ за 1658 г. Въ 1668 г. онъ былъ стряпчимъ, а въ 1680 г. пожалованъ въ стольники. Находился въ Литовской, Конотонской, Сѣвской и Кіевской службахъ, также въ Троицкомъ походѣ (въ 1683 г.). ¹⁾

Дмитрій въ жилецкомъ спискѣ значится съ 1660 г., а въ 1685 г. онъ былъ стольникомъ и воеводою въ г. Михайловѣ.

Иванъ меньшой упоминается въ жилецкомъ спискѣ подъ 1672 г., впослѣдствіи былъ стряпчимъ. Онъ находился въ Путивльской и Кіевской службахъ, также въ Троицкомъ походѣ 1683 г. Въ спискѣ 1722 г. по Сенатскому опредѣленію въ смотру отмѣченъ: „старъ“, а затѣмъ упоминается, какъ „испомѣщенный въ Рязанскомъ уѣздѣ“, гдѣ онъ и проживалъ въ своей вотчинѣ сельцѣ Любавѣ.

Четвертый сынъ Павла Михайловича, Михайлъ, а также послѣдній, Борисъ, были стряпчими. Всѣ сыновья Павла Михайловича, кромѣ Бориса, оставили потомства.

Сынъ Михайла Павловича, Ѳеодоръ, съ 1729 г. служилъ въ разныхъ морскихъ чинахъ и при Екатеринѣ былъ гене-

¹⁾ Въ моемъ семейномъ архивѣ сохранилась печатная грамота 1685 г. на пожалованіе ему разныхъ помѣстей и вотчинъ. А. С.

раль-контролеромъ Адмиралтейства. Умеръ въ 1782 г. въ чинѣ вице-адмирала въ Петербургѣ, гдѣ и похороненъ. ¹⁾

Одинъ изъ внуковъ Дмитрія Павловича, Асонъ Васильевичъ, проживалъ въ Авдѣевѣ. Онъ былъ рослъ, толстъ и былъ одаренъ необыкновенной силою. Старики рассказывали, что въ сапогъ его вмѣщалась цѣлая мѣра овса. Бывало, когда онъ ляжетъ навзничъ отдохнуть, послѣ обѣда, говорилъ покойный дядя мой, Михаилъ Павловичъ, то мы съ братьями, будучи, конечно, еще маленькими дѣтьми и придемъ его просить, чтобъ онъ посадилъ насъ къ себѣ на животъ. Онъ согласится, втянетъ въ себя животъ и задержитъ дыханіе. Но лишь только мы умѣстимся на его животѣ, онъ вдругъ освобождаетъ дыханіе, выпускаетъ животъ и мы всѣ трое разлетались, какъ мячики, во всѣ стороны.

Однажды на его дворѣ ставили къ воротамъ новую дубовую вереву. Тогдашніе дубы не то, что нынѣшніе, а для верей ужъ обыкновенно выбирается въ лѣсу, что нѣсть самый толстый дубъ. Девять человѣкъ-мужиковъ, съ раннего утра, возились съ вереею, спустили уже ее въ яму; но и съ помощью рычаговъ никакъ не могли уставить, какъ слѣдовало. Бились, бились, да, наконецъ, и изъ силъ выбились. Проходилъ въ это время Асонъ Васильевичъ по двору. —Богъ помочь, мужички, сказалъ онъ, подходя къ нимъ, чего вы тутъ трудитесь?...—Да что, батюшка, Асонъ Васильевичъ, все съ дубомъ не уладимъ. Всунуть-то мы всунули его, черта, въ яму, а повернуть-то и не повернемъ.

—Отощали, мужички, видимо отощали, замѣтилъ Асонъ Васильевичъ, пора обѣденная... Подите-ка, мужички, лучше пообѣдайте, отдохните: соберитесь съ силами, такъ и работа пойдетъ веселѣе.—Выслушали мужички умную рѣчь, переглянулись промежъ собою, почесали въ затылкахъ, пробормотали: «пойдемъ что-ли, ребята, обѣдать!» Бросили рычаги, поклонились барину и пошли. Когда мужики ушли, Асонъ Васильевичъ, оставшись одинъ, подошелъ къ столбу,

¹⁾ Въ сборникѣ рѣчей и словъ разныхъ проповѣдниковъ (Спб. 1782 г.), помѣщено „слово при погребеніи Вице-Адмирала Феодора Михайловича Селнванова, говоренное Святогорскаго монастыря архимандритомъ Варлаамомъ“.—Оставилъ ли Федоръ Михайловичъ потомство—намъ неизвѣстно.

обхватилъ его могучими руками, приподнять, да и поставилъ на мѣсто.

Когда я былъ ребенкомъ, такъ лѣтъ около 4, въ Авдѣевѣ доживали свой вѣкъ двѣ его дочери - старушки, Авдотья и Прасковья Асоновны. Домикъ ихъ стоялъ недалеко отъ церкви посреди двора, а къ двору примыкалъ густолиственный садъ, наполненный старыми развѣсистыми яблонями, заглохшими въ густой травѣ.

Одна изъ этихъ старушекъ имѣла на головѣ колтунъ, о у другой животъ былъ такъ великъ, что, когда нужно было обѣдать, она, подостлавъ на животъ салфетку, ставила на него преспокойно тарелку со щами.

Много прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ, но черты ихъ лицъ еще живо сохранились въ моей памяти.

Помню, что онѣ были очень некрасивы, что сами онѣ и вся обстановка ихъ были черезчуръ неопрятны. На лежаночкѣ изъ старинныхъ кафель въ ихъ спальнѣ лежалъ полустлѣвшій, изорванный войлочекъ, на который я и усѣлся. Я былъ у нихъ вмѣстѣ съ тетушкой Варварою Павловною и, помнится, что это первое мое знакомство съ старушками было сдѣлано великимъ постомъ, въ ясный мартовскій день — утромъ. Помню, что обѣ хозяйки сидѣли на своихъ, почернѣвшихъ отъ времени, дубовыхъ кроватяхъ, на перинахъ, покрытыхъ ситцевыми на ватѣ одѣялами. Тутъ-же стоялъ простой сосновый столъ.

Колтунъ съ головы одной висѣлъ свалаявшимися ключьями. Помню, что я ѣлъ у нихъ поданную на завтракъ кулебяку изъ домашней, довольно черной пшеничной муки, съ начинкою изъ кислой капусты и изъ сухихъ грибовъ. Помню, что одна изъ старухъ, глядя на меня съ состраданіемъ и обратясь къ тетушкѣ, сказала: «Этотъ-то сирота, которымъ умерла мать!... что эта была за ангелъ!..» проговорила она, вздохнувъ глубоко и отеревъ выкатившуюся изъ глазъ слезу.

«Не худо-бы приложить сироту-то къ образамъ!» сказала она еще. «Махайла, а, Михайла! Михайла!» Пожилой средняго роста, съ добродушнымъ выраженіемъ челоѣкъ, одѣтый въ долгополый сертукъ домашнего сукна, вошелъ. «Снеси-ка сироту-то въ церковь, приложи къ Николаю Чудотворцу»... И старый служитель, съ подобающимъ благого-

вѣніемъ, исполнилъ порученіе, возложенное на него барскою волею: на рукахъ донесъ меня въ церковь и обратно и, прикладывая къ образамъ стариннаго иконостаса, бормоталъ шепотомъ молитвы прикладываясь къ нимъ самъ. Кажется, что скоро послѣ этого перваго моего знакомства съ зажившими въ чужомъ вѣкѣ старушками, обѣ онѣ отошли къ предкамъ, смутно напоминающимъ теперь о своемъ быломъ существованіи только рядами большихъ старинныхъ камней, изсѣченныхъ надписями и уже вросшихъ почти въ землю между крапивою и репейникомъ на заброшенномъ Авдѣевскомъ кладбищѣ.

Иванъ меньшей Павловичъ, мой прапрадѣдъ, по прямой линіи, въ 1658 году женился на Агафѣ Сидоровнѣ Любавской и въ приданое за нею взялъ половину сельца Любава, гдѣ и водворился.

У Ивана меньшаго Павловича, перваго владѣльца Любава, было два сына—Иванъ и Михайла Ивановичи. Оба они въ 1722 году уже служили въ Преображенскомъ полку. Иванъ въ чинѣ гвардіи капитана, будучи отставленъ отъ службы 49 лѣтъ, былъ «испомѣщенъ въ Шацкомъ въ Бѣлозерскомъ,» имѣлъ потомство, которое, впрочемъ, въ третьемъ колѣнѣ угасло. Михайла Ивановичъ, мой прадѣдъ, при государѣ Петрѣ Первомъ въ 1717 г., значился сержантомъ лейбъ гвардіи Преображенскаго полка. Въ 1723 г. онъ занималъ должность егермейстера при дворѣ Его Императорскаго Величества, каковую обязанность исполнялъ и въ царствованіе Императора Петра II.

Извѣстно, что государь Петръ II страстно любилъ псовую охоту и вслѣдствіе этого любилъ и своего егермейстера. Существуетъ семейное преданіе, что не задолго до кончины государя былъ, по повелѣнію его, заготовленъ указъ, по которому государь жаловалъ егермейстеру Селиванову всѣ волости, лежащія за Окою, нынѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, какъ-то: село Дѣдново, Ловцы, Любичи и Бѣло-Омутъ, съ необъятнымъ количествомъ луговъ, лѣсовъ и водъ, но... вдругъ государь занемогаетъ оспою, умираетъ и заготовленный указъ остается не подписаннымъ. Михайла Ивановичъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ, урожденной Веревкиной. Анна Ивановна была искусною золотошвейкою, и въ домѣ ея, подъ ея руководствомъ, занималось этимъ рукодѣльемъ много

сѣнныхъ дѣвушекъ. Юный государь любить проводить время въ теремѣ Анны Ивановны и слушать русскія пѣсни ея золототшевекъ.

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ 1737 году, будучи, 47 лѣтъ отъ-роду, въ чинѣ полковника, Михайла Ивановичъ былъ уволенъ отъ службы.

У меня сохранились списки стай царской охоты ¹⁾, и долго еще, даже до позднѣйшаго времени, наши Селивановскія борзые собаки почитались лучшими во всемъ околodкѣ.

Другое вліяніе придворной службы прадѣдушки отразилось на этикетѣ домашней прислуги. Еще при дѣдушкѣ Павлѣ Михайловичѣ лакеи ходили въ домѣ неслышною поступью и, будучи зачѣмъ-нибудь призваны къ барынѣ или барину или докладывая, что кушанье подано, лакей или дворецкій не оборачивались спиною. Головы у прислуги были всегда напудрены и они не иначе являлись къ столу, какъ въ чулкахъ и башмачкахъ.

Все это, конечно, не было и тогда рѣдкостью не только въ высшемъ кругу столицъ, да даже и въ провинціи у людей значительныхъ; но у скромныхъ деревенскихъ помѣщиковъ того времени это было необыкновенно. Кромѣ Любава, прадѣдушка мой имѣлъ владѣніе еще въ селѣ Бѣляевѣ, большая часть котораго принадлежала престарѣлому Василю Яковлевичу Еропкину.

Въ 1730 г. прадѣдушка мой купилъ у этого Еропкина его часть деревни Бѣляева, и покупка послужила поводомъ къ продолжительной и разорительной тяжбѣ.

Дѣло тянулось цѣлыя 50 лѣтъ. Прадѣдушка Михайла Ивановичъ и сынъ продавца Василя, Петръ Еропкинъ, начавшіе тяжбу, давно уже сошли въ могилы, а дѣло тянулось... Еропкинымъ наслѣдовали Мотякины, и такъ какъ денежные средства ихъ были поувѣсистѣ средствъ дѣдушки Павла Михайловича, наслѣдовавшаго тяжбу, то вѣсы правосудія естественно, потянули на ихъ сторону.

Кажется, что эти и другія тяжebныя дѣла, отъ которыхъ дѣдушка потерялъ много изъ своего состоянія, сократили дни его.

¹⁾ Списки эти въ настоящее время находятся въ моемъ семейномъ архивѣ. А. С.

Теперь, покончивши до поры до времени съ Авдѣвскимъ гнѣздомъ, посмотримъ, чѣмъ заявили потомки Степана Ивановича, свившаго свое гнѣздо въ Куковѣ.

Три внука его, отъ трехъ его сыновей, положили животъ свой за отечество: Иванъ, сынъ старшаго сына Василя, убитъ подъ Смоленскомъ, Алексѣй, сынъ второго сына Федора, убитъ подъ Москвою отъ литовскихъ людей, „очищая московское государство,“ а третій внукъ, Михайла, сынъ третьяго меньшаго сына Василя-же, убитъ подъ Тулою.

Сынъ этого убиеннаго Михайла, Романъ Михайловичъ, который въ жилецкомъ спискѣ упоминается подъ 1622 г., въ слѣдующемъ 1627 г. былъ стольникомъ государя патриарха, а въ 1631 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, состоялъ стряпчимъ съ платьемъ. Въ 1649 г. находился въ Бѣлгородской, а позднѣе въ Литовской службѣ. Въ бою съ Радзивилломъ, подъ Шиловомъ, былъ раненъ. Въ 1657 и въ двухъ слѣдующихъ годахъ былъ воеводою въ Брянскѣ, а въ 1668 году, за увѣчьемъ и старостью, отъ службы уволенъ. Подъ 1677 г. упоминается въ боярскихъ книгахъ въ числѣ Московскихъ дворянъ царицы Натальи Кирилловны (9 кн., стр. 822).

У Романа Михайловича было трое сыновей: Иванъ въ 1653 г. былъ назначенъ въ Государеву службу въ житьѣ, въ 1670 г. пожалованъ въ стряпчіе, а въ 1676 г. въ стольника. Участвовалъ въ разныхъ походахъ: въ Смоленскѣ, подъ Дубровною, подъ Шиловымъ на бою съ Радзивилломъ, подъ Вильною, въ нѣмецкомъ походѣ подъ Ригю и на морѣ, подъ Мстиславомъ въ бою съ польскимъ полковникомъ Руденкой, подъ Кричевымъ, Быковымъ въ бою съ Хмытичемъ Лукомскимъ, подъ Почепомъ, въ Малороссійскихъ городахъ подъ Глуховымъ: былъ въ Сѣвскѣ, подъ Чигириномъ и въ Кіевѣ, гдѣ дѣлалъ земляныя крѣпости. Въ 1684 г. посланъ воеводою въ Устюгъ Великій, гдѣ и умеръ въ 1685 г. Димитрій Романовичъ въ 1664 г. убитъ отъ литовскихъ людей подъ Быховымъ. Третій сынъ, Юрій, былъ пожалованъ въ стряпчіе въ 1676 г., затѣмъ находился въ Путивльской и Кіевской службахъ, а также въ Турецкомъ походѣ. Подъ 1704 г. значился уже стольникомъ. ¹⁾

¹⁾ Одна изъ дочерей Романа Михайловича, Матрена Романовна, была за мужемъ за Демидомъ Михайловичемъ Леонтьевымъ. Въ 1664 г.

Юрій Романовичъ имѣлъ двухъ сыновей—Льва и Григорія. Левъ Юрьевичъ служилъ въ гвардіи. Подъ 1714 г. онъ значился унтеръ-офицеромъ и былъ деньщикомъ Петра Великаго. По преданію, онъ былъ высокаго роста и очень красивъ собою. Петръ Первый, изъ всѣхъ деньщиковъ, довѣрялъ ему исключительно. Кстати расскажу здѣсь бывшій съ нимъ случай, дошедшій до насъ въ изустныхъ разсказахъ. Въ то время, когда онъ былъ деньщикомъ императора, оказался недочетъ въ какой-то значительной суммѣ денегъ, отвѣтственность въ которой лежала на немъ, на Львѣ Юрьевичѣ. Одинъ изъ его товарищей, а кто именно—неизвѣстно, сдѣлалъ на него доносъ, что недостающія деньги похищены имъ самимъ. Вслѣдствіе этого доноса, какъ обвинитель, такъ и обвиняемый были арестованы и подвергнуты допросу. Кто не знаетъ тогдашняго способа допросовъ? Не сознается, такъ пытаться... И вотъ обоихъ ихъ отвели въ застѣнокъ. Доносчикъ долженъ былъ быть первый подвергнутъ пыткамъ, по пословицѣ: доносчику первый кнутъ, и если-бы онъ выдержалъ, тогда приступили бы къ пыткамъ оговореннаго, о чемъ послѣдній и былъ предупрежденъ.

Когда Левъ Юрьевичъ сидѣлъ за перегородкой, отдѣлявшей его отъ страшнаго застѣнка, онъ отъ утомленія, сидя на лавкѣ и прислонившись къ углу, задремалъ... И слышитъ онъ, какъ-будто сквозь дремоту, что кто-то говоритъ ему: «Нагнись! Подъ лавкою, гдѣ ты сидишь, найдешь образъ Казанской Божьей Матери, возьми его и молись ему, и будешь спасенъ». Очнувшись отъ дремоты, Левъ Юрьевичъ тотчасъ-же бросился шарить подъ лавкою, нашелъ тамъ дѣйствительно образъ Божьей Матери Казанской и началъ ему усердно молиться.

Наступило, наконецъ, время допроса. Вотъ слышитъ

7 декабря, какъ видно изъ одного, сохранившагося въ моемъ семейномъ архивѣ, столбца, Матрена Романовна, будучи уже вдовою, была, по указу царя Алексѣя Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, взята вверхъ къ царевичу Петру Алексѣевичу; 9 декабря она пожалована великимъ государемъ къ рукѣ. 11-го же декабря великій государь пожаловалъ ее, „Матрену Романову дочь Михайлова сына Селиванова Демидовскую жену Левонтьева“, въ боярыни въ мамы и въ назначенъ къ великому государю царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу.

А. С.

онъ чрезъ перегородку, что вотъ пришли въ застѣнокъ, что спрашивать начинаютъ его лиходѣя, и тотъ поколебался.

Устрашенный страшными приготовленіями къ пыткамъ онъ сознался, что сдѣлалъ доносъ на Льва Юрьевича по злобѣ и указалъ мѣсто, гдѣ мнимо разстраченная сумма находится. Въ послѣдствіи, найденный въ застѣнкѣ образъ Левъ Юрьевичъ обложилъ серебряною вызолоченою ризою и завѣщалъ предъ смертію, чтобъ образъ этотъ вѣчно оставался въ его потомствѣ.¹⁾

У Льва Юрьевича было пять сыновей и всѣ они умерли бездѣтными, исключая Петра Львовича, отъ котораго остался одинъ сынъ, Павелъ Петровичъ. Петръ Львовичъ въ 1760 г. упоминается поручикомъ Навагинскаго пѣхотнаго полка. Послѣ смерти Петра Львовича бывшая, ихъ усадьба въ Куковѣ сгорѣла и Павелъ Петровичъ, продавъ тамъ свою часть имѣнія бабушкѣ Федосѣ Николаевнѣ Нестеровой, переселился въ Карцево, въ приданную деревню своей матери, урожденной Неклюдовой.

Со смертію Павла Петровича, пресѣклось потомство Льва Юрьевича. Завѣтный образъ хранится теперь у внуки Павла Петровича, рожденной отъ одной изъ его двухъ дочерей, А. К. Леленгъ, и предъ нимъ и теперь, уже болѣе полутора ста лѣтъ, постоянно теплится неугасимая лампада. Въ послѣдствіи Левъ Юрьевичъ былъ комендантомъ въ Царицынѣ и на службѣ помѣшался въ умѣ.

Въ домашнемъ моемъ архивѣ хранится указъ его императорскаго величества государя Петра Второго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода рязанской епархіи Николаевскаго Радовицкаго монастыря архимандриту Гедeonу съ братією. Вотъ онъ: „Сего августа 5 дня Святѣйшему Правительствующему Синоду Синодальный оберъ-прокуроръ господинъ Баскаковъ предлагалъ словесно: сего же де августа 4 дня присланъ къ нему отъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера ордена святого апостола Андрея, князя Алексѣя Григорье-

¹⁾ Въ моемъ фамил. архивѣ сохранился указъ за собственно ручною подписью императора Петра I слѣдующаго содержанія: „Указъ Ундоръ-Афицеру отъ гвардіи Селиванову. Брать ему вновгородъ и взявъ Саву Боровитинова привезти ссобою сюда какъ наискоряя. Петръ. Изъ Санктъ Питербурха отъ 9 декабря 1714“. Указъ этотъ переданъ мною для храненія въ Рязанскій Истор. Архивъ. А. С.

вича Долгорукова, Вятскаго драгунскаго полку капитанъ Федоръ Тимофеевъ сынъ Хомяковъ съ такимъ объявленіемъ, что по именованному Его Императорскаго Величества указу велѣно являвшагося въ безуміи полковника Льва Юрьева, сына Селиванова, отправить отъ Святѣйшаго Синода подъ начальъ въ Рязанскую епархію, въ Николаевскій Радовицкій монастырь и содержать его въ великомъ присмотрѣ, чтобъ надъ собою и надъ другими чего онъ не учинилъ, и для увѣдомленія онъ, оберъ-прокуроръ, господинъ Баскаковъ, того тайнаго дѣйствительнаго совѣтника князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова докладывалъ о томъ персонально; при чемъ послѣдующимъ объявлено, что ежели-жъ солдатъ при томъ полковникѣ для присмотра будетъ не опредѣлено, то присматривать за нимъ въ томъ монастырѣ за неискusstvenнымъ (хотя неколикое число и имѣется тамошнихъ служителей) некому; на что его сіятельство сказалъ, что того рода присмотру съ тѣмъ полковникомъ солдаты отправлены будутъ. И по Его Императорскаго Величества указу, Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: по оному оберъ-прокурора господина Баскакова предложенію, въ которомъ именной Его Императорскаго Величества указъ объявленъ, вышепоименованнаго полковника Льва Селиванова въ безуміи явившагося соопредѣленнымъ для присмотру за нимъ изъ свѣтской команды солдаты въ оной Николаевской Радовицкой монастырь, что въ Переяславлѣ Рязанскомъ, для содержанія, въ подначальство принять и содержать его подъ добрымъ присмотромъ, дабы онъ не могъ себя и другихъ чѣмъ повредить или умертвить, и въ томъ содержаніи приводить его въ церковь ко всякому Божественному пѣнію повседневно, и какъ онъ въ совершенный разумъ придетъ, тогда прислать объ немъ въ Святѣйшій Синодъ донесеніе и рязанской епархіи Николаевского Радовицкаго монастыря архимандриту Гедeonу съ братією, о приѣмѣ онаго полковника Селиванова по содержанію его противъ вышеписаннаго учинить по сему Его Императорскаго Величества указу. Секретарь Михайла Дубинъ. Алексѣй Возскаво“.

Августа 10 дня 1728 года.

Канцеляристъ Петръ Васильевъ, № 609.

Причину упомѣшательства Льва Юрьевича современ-

ники приписывали извѣстію, дошедшему до него, о кончинѣ его благодѣтеля государя Петра Перваго.

Неизвѣстно, долго-ли онъ находился подъ присмотромъ въ Радовицкомъ монастырѣ, но положительно извѣстно, что послѣдніе годы своей жизни онъ проживалъ въ Куковѣ, гдѣ и скончался. Какъ говорятъ, при немъ въ Куковѣ состояли особые пристава, которые за нимъ наблюдали, но обращались съ нимъ почтительно. Умапомѣшательство его обнаруживалось только нѣкоторыми странностями: навязетъ въ узелъ всякихъ драгоценныхъ вещей изъ золота, серебра и проч., которыхъ онъ, служа при дворѣ, имѣлъ не мало, и пойдетъ въ поле разсѣвать по пашнѣ. Разумѣется, вещи эти тщательно собирались, но, во всякомъ случаѣ, послѣ его кончины не осталось ничего. Всѣ онъ куда то испарились. ¹⁾ Еще рассказывали про него анекдотъ, характеризующій его время.

Въ селѣ Никитинѣ, въ двухъ или 3-хъ верстахъ отъ Кукова, назначено было освященіе вновь воздвигнутой деревянной церкви, во имя Преображенія Господня. Къ этому торжеству было приглашено духовенство, соборный протопопъ и пѣвчіе изъ Зарайска, приглашены были также и окрестные помѣщики. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Левъ Юрьевичъ.

Всѣ приглашенные давно уже съѣхались, духовенство облачилось, кадила дымятся, не пріѣхалъ еще только Левъ Юрьевичъ и его ждутъ... Ждутъ потому, что къ нему всѣ относились съ величайшимъ уваженіемъ, какъ къ человѣку заслуженному и извѣстному при дворѣ.

Наконецъ, въ толпѣ пробѣжалъ говоръ: ѣдетъ, ѣдетъ, — и колымага, запряженная цугомъ, съ вершниками и гайдуками, подъѣхала къ церкви. Раздался возгласъ діакона, пѣвчіе грянули. Входитъ Левъ Юрьевичъ. Передъ его прямою колоссальною фигурою разступается толпа. Онъ идетъ прямо къ клиросу. Вотъ взошелъ на клиросъ; по движенію его руки, пѣвчіе торопливо сходятъ внизъ, онъ остается на клиросѣ, и, вмѣсто пѣвчихъ и дьячковъ, поетъ и читаетъ, исполняетъ всю службу освященія церкви и литургіи одинъ.

Обратимся опять къ родословной. У стольника Ивана

¹⁾ Изъ принадлежащихъ ему вещей до сихъ поръ сохраняется у меня стеклянный кубокъ съ двуглавымъ орломъ и надписью: "Peter. Alex. Magn. Czar. Mosc." а также небольшая серебр. чарка съ буквамъ К. Д. С. (вѣроятно означающими: „Камендантъ Левъ Селивановъ“). А. С.

Романовича, старшаго брата отца Льва Юрьевича, было трое сыновей: Никита, Федоръ и Осипъ. ¹⁾

Осипъ Ивановичъ въ 1701 г. значится стряпчимъ. Въ послѣдствіи онъ служилъ въ Л. Гвард. Преображенскомъ полку и состоялъ въ чинѣ каптенармуса. Онъ былъ женатъ на Еленѣ Ивановнѣ Гагиной, скончавшейся въ 1734 году, декабря 26 дня. Въ 1747 году онъ простригся въ монахи подъ именемъ Іоны, въ Трегуляевъ монастырь, что въ Тамбовской губерніи, гдѣ въ 1748 г. апрѣля 16 дня скончался и похороненъ. Плодомъ его супружества была единственная дочь, Прасковья Осиповна. Въ 1734 г. она была выдана замужъ за Николая Михайловича Нестерова. Бракосочетаніе совершалось при церкви Успенія Пресвятой Богородицы, въ селѣ Куковѣ. Невѣстѣ было 14 лѣтъ.

Прасковья Осиповна родила 5 сыновей и 13 дочерей. Не смотря на такое обиліе дѣтей, потомства въ мужскомъ колѣнѣ не осталось теперь никого. Послѣ старшаго сына, Николая Николаевича Нестерова, остался одинъ сынъ Семенъ Николаевичъ, умершій уже въ 38-хъ годахъ холостякомъ. Изъ дочерей замужемъ было только двѣ: Надежда Николаевна и Елизавета Николаевна.

Итакъ, въ половинѣ прошедшаго столѣтія главнымъ владѣльцемъ въ селѣ Куковѣ былъ Николай Михайловичъ Нестеровъ. Кромѣ Кукова и вотчинъ рязанскихъ, онъ обладалъ и другими значительными вотчинами въ Тамбовской, Пензенской и Тульской губерніяхъ. Дочери едва знали грамоту. По рассказамъ, онѣ, въ простотѣ нравовъ, будучи уже взрослыми дѣвицами, на широкомъ барскомъ дворѣ игравали съ своими дворовыми дѣвушками въ горѣлки, коршуны и жгуты, и нерѣдко въ однихъ рубашкахъ и башмакахъ. Изъ всѣхъ ихъ Елизавѣта Николаевна, которая въ послѣдствіи вышла замужъ за капитана Ивана Ивановича Коробьина, почиталась особенной умницею.

Федосья Николаевна славилась умной, распорядительной и гостепріимной хозяйкою, а Александра Николаевна будучи отъ природы туга на ухо, ничему не училась.

¹⁾ Никита Ивановичъ былъ стольникомъ царя Петра Алексѣевича при державѣ царей Ивана и Петра Алексѣевичей.—Федоръ Ивановичъ подъ 1692 г. упоминается стольникомъ царицы и великой княгини Прасковьи Федоровны. Въ 1722 показанъ имѣющимъ 70 лѣтъ отъ роду и въ томъ же году по Сенатскому опредѣленію съ смотру отмѣченъ умершимъ. А. С.

ГЛАВА II.

Рассказы Гаврилы Малафѣвича о старинѣ.—Семень Николаевичъ Нестеровъ.—Рассказы тетушки Варвары Павловны о ея жизни и воспитаніи въ Смольномъ Монастырѣ.—Бабушки Нестеровы.—Семейство Спиридовыхъ.—Письмо отца къ бабушкѣ Надеждѣ Николаевнѣ.—Александръ Матвеевичъ Нестеровъ и его семейство.—Пріѣздъ отца въ Москву.—Его служба въ Грнизонномъ полку.—Г-жа Раевкая.—Рассказы отца о его жизни въ то время.—Комендантъ Гессе.—Сергѣй Николаевичъ Глинка.—Дядя Михаилъ Павловичъ.—Мосолова.—Камандировка въ Ярославль въ 1799 году.—Анекдотъ.—Болѣзнь отца.—Фамилія фонъ-Рехенбергъ.—Дѣдушка Петръ Астафьевичъ Рехенбергъ.—Акакій Прокофьевичъ Демидовъ.—Бабушка Анна Акакіевна.—Супруги Плинцнеръ.—Женитьба отца.

Въ 50 годахъ еще былъ живъ одинъ изъ дворовыхъ людей прадѣдушки Николая Михайловича Нестерова. Звали его Гаврилою Малофѣвичемъ. Послѣ смерти Николая Михайловича, будучи приписанъ къ Саранской его вотчинѣ, селу Большой-Танѣвки, онъ перешелъ съ частію этой вотчины въ наслѣдство дочери Марьѣ Николаевнѣ. Она была дѣвица. Изъ всѣхъ племянниковъ и племянницъ она болѣе всѣхъ любила батюшку и, когда онъ женился, она переселилась жить къ нему. Пріютивши себя къ семейству батюшки, она отдала ему въ собственность всю свою наслѣдственную часть Танѣвки, а сама занялась у него въ домѣ женскимъ хозяйствомъ. Въ числѣ дворовыхъ людей переѣхалъ съ нею въ Любаво и Гаврила Малафѣвичъ. Гаврила Малафѣвичъ былъ порожденіемъ крѣпостного права въ самомъ лучшемъ его проявленіи. Господа для него были душою, а свое состояніе, т. е. крѣпостнаго двороваго человѣка, почиталъ членомъ этой двигающей силы, составляющимъ съ нею одно необходимое цѣлое. По ремеслу онъ былъ ткачъ и, пока не измѣнили ему глаза, онъ не прогулялъ въ жизни ни одного рабочаго часа. Бодрый духомъ и тѣломъ, онъ никогда не ропталъ, ничѣмъ не тяготился и на красивомъ его лицѣ постоянно сіяли спокойствіе и веселость. Понадобится-ли сложить печь, покрывать-ли тесомъ кровлю, сбить-ли кадушку, связать-ли

сундукъ,—все это онъ дѣлалъ самоучкою, не только съ готовностью, но и съ удовольствіемъ. Онъ умеръ, когда ему было гораздо за 100 лѣтъ; но еще годовъ за 6 до смерти онъ имѣлъ довольно силы, чтобъ сходить обыденкою въ Зарайскъ на ярмарку пѣшкомъ купить фунтика три соли, дѣлая такимъ образомъ въ оба конца до 44 верстъ.

Переставъ быть ткачомъ, Гаврила Малафѣвичъ преобразился въ мельника; занимался помоломъ и велъ дѣло, какъ нельзя лучше. Какъ теперь вижу его съ невозмутимоспокойнымъ и старчески—прекраснымъ лицомъ, украшеннымъ небольшою окладистою бородою, бѣлою, какъ снѣгъ, и такими же вьющимися въ кудри волосами, съ прямымъ, какъ у юноши, станомъ, дѣтски-кроткими и чистыми глазами.

При уборкѣ хлѣбовъ съ полей онъ всегда добровольно присутствовалъ на гумнѣ и, сидя въ ригѣ, нарѣзывалъ ножомъ на биркѣ изъ орѣховой палочки крестики, отмѣчая количество привезенныхъ въ гумно копенъ.

Разъ, во время уборки, зашелъ я какъ-то въ ригу и засталъ старика сидящимъ на снопахъ съ биркою и съ ножомъ.

При входѣ моемъ онъ всталъ.

— Сядьте, Малафѣвичъ, сказалъ я ему, садясь самъ и усаживая его возлѣ себя. Онъ сѣлъ.

— Нынѣшній годъ пшеница то, кажется, наливна и суха, сказалъ я, чтобъ начать разговоръ.

— Знатная пшеница, батюшка, и весь хлѣбъ хорошъ, отвѣчалъ Гаврила Малафѣичъ, а все такихъ урожаевъ, какъ бывало, нѣтъ. Богъ знаетъ отъ чего, а какъ-то не помнится, чтобъ въ старину была засуха или другое что.

— Тогда было лѣсовъ много, а потому и засухи не было.

— Можетъ статья, а вотъ я вамъ доложу, государь мой, что вотъ отъ самаго Зарайска до села Кукова все то были сплошные лѣса. Дубы, примѣрно, обхвата въ два и въ три. Въ Куковѣ, вотъ изволите видѣть, жилъ прадѣдушка вашъ Николай Михайловичъ Нестеровъ.

— А вы хорошо его помните?

— Какъ же не помнить! Я былъ тогда, государь мой лѣтъ 20 или 25, когда онъ скончался.

— Какую-же должность вы тогда исправляли?

— Да все-же ткачомъ былъ. И славно-же жилъ вашъ

прадѣдушка, у него было душъ тысячи двѣ. И какія вотчины, какія земли, угоды!

— Много получаль доходъ?

— Да какъ бы вамъ сказать, не солгать, государь мой? Денегъ тогда какъ-то было мало, да и нужды въ нихъ не было, можетъ статья, получаль рублей 500 со всѣхъ вотчинъ и все то мѣдными деньгами. Какъ если брать нужно было съ собою денегъ, куда ѣхать, такъ возили деньги въ особой фурѣ.

— Да чѣмъ-же жилъ-то онъ безъ денегъ?

— Какъ чѣмъ, государь мой? Да на что-жъ нужны были деньги? Винокуренный заводъ свой, всякая вотчина доставляла запасы--изъ одной вотчины везли пшено, крупу, изъ другой свинину, изъ третьей всякую живность, бывало амбары и кладовыя биткомъ набиты всякимъ харчемъ.

— Чѣмъ занимался прадѣдушка?

— Какъ-съ это занимался?

— Читаль-ли что? играль-ли въ карты, или хозяйствомъ занимался?

— Нѣтъ-съ, этого не было. Книги, не знаю, не то были, не то нѣтъ. Въ карты тогда не знали играть, да и не было ихъ у насъ; о хозяйствѣ тоже на заботились. Этимъ завѣдываль староста да управляющій. Всего было много!

— Да чѣмъ же, наконецъ, занимались господа-то?

— Мало-ли чѣмъ! разными забавами занимались. Тогда, бывало, господъ много жило въ деревняхъ; вотъ всѣ гурьбой отъ сосѣда къ сосѣду, отъ одного къ другому, а какъ, бывало, соберутся къ намъ въ Куково, то по недѣлямъ, бывало, живутъ. Запасъ примѣромъ всякій—свой не купленный; наливомъ бывало въ волю: пьютъ да гуляютъ. Вечеромъ иной разъ поставятъ на дворѣ столъ и пьютъ взварецъ, знаете, вино, сваренное на ягодахъ... А тутъ бабы пѣсни играютъ, пляшутъ, водятъ хороводы. Ну, вотъ господа и веселятся... люди дворовые играютъ въ городки, въ бабки, въ свайку... А народу-то у насъ много было: однихъ лакеевъ, государь мой, было челоуѣкъ до 80, и всѣ чуть не въ сажень ростомъ, молодецъ къ молодцу!..

— Какъ же ихъ одѣвали? Чай дорого стоило!

— Одѣты они были въ темнозеленые казакины, домашняго сукна, и подпоясаны красненькими шерстяными кушач-

ками, въ родѣ пояса; волоса обстрижены были въ кружокъ, а на ногахъ, вмѣсто сапогъ, носили волосники.

А это, государь мой, родъ лаптей, сплетенныхъ изъ волоса конскаго хвоста; сами и плели.

—Отчего-жъ сапогъ-то имъ не давали?

—Сапоги носили только господа. Да вотъ, я вамъ доложу, и на барышняхъ ничего покупного не было. Платья и платочки носили все моей работы; бывало, купишь тонкой аглицкой бумаги, да и наткешъ канифасу барышнямъ на платья; еще изъ красной аглицкой бумажки натку, бывало, платочковъ тоненькихъ; вотъ и носятъ. И хорошо было. Барышня Федосья Николаевна заправляла всѣмъ домомъ. Старой барыни Прасковьи Осиповны я уже не засталъ въ живыхъ, не знавалъ ея.

—Что-жъ бабушка-то, Федосья Николаевна, исправно хозяйничала?

—Ну-таки исправно. Вотъ видите-ли, государь мой, встанетъ, бывало, еще часу въ пятомъ и усадить дѣвочъ за работу. Придетъ и ко мнѣ въ ткацкую... Къ намъ въ то время ѣзжалъ баринъ Коробьинъ—имени то его не упомяну; братецъ Ивана Ивановича, что вотъ былъ женатъ на нашей барышнѣ Елизаветѣ Николаевнѣ; баринъ такой тучный, безъ ноги, ему ногу-то оторвало ядромъ въ Прусскую войну. Онъ, случалось, у насъ гашивалъ мѣсяца по два, а сыпалъ въ ткацкой—отъ мухъ, въ домѣ мухъ было много. Вотъ я, бывало, хочу работать, а онъ проситъ, дай ему спать, вотъ и ходишь безъ дѣла. Случится, барышня придетъ въ ткацкую и гнѣвается: «Гаврило, что не работаешь?»—Нельзя, молъ, матушка, братецъ поживаетъ. Вотъ она на него и напуститъ: хромой чертъ! долго-ли тебѣ здѣсь жить? Пора домой! А онъ-то ей: погоди, матушка, не всѣхъ еще барановъ переѣли. Нечего дѣлать, погнѣвается барышня да и пойдетъ.

—А прадѣдушка строгъ былъ?

—Прадѣдушка не любилъ только обмана. Чтобы не сдѣлать, не скрывайся. Бывало сойдетъ съ крыльца и станетъ у притолоки, возлѣ деревяннаго солдата. У насъ возлѣ крыльца стоялъ деревянный, раскрашенный солдатъ съ усищами съ такими... глаза выпученные такіе!.. Вотъ станетъ возлѣ солдата, да и смотреть, что дѣлается на дворѣ. Гля-

дишь, идетъ какой дворовый, выпросилъ у ключника гуся, либо индейку. Увидить баринъ да и спросить: «что тамъ несешь?» Ежели скажешь сейчасъ, что вотъ молъ, батюшка, выпросилъ живность, ну и ступай, ничего. А если, примѣромъ, кто, бывало, начнетъ прятаться или прятать птицу, ну—бѣда: крѣпко разгнѣвается баринъ. Къ столу господскому каждый день особо варили окорокъ ветчины для подачекъ. Какъ только господа сядутъ за столъ, такъ въ залу и набѣгутъ всѣ дворовые ребяташки, босикомъ, въ рубашенкахъ, подъ часъ въ грязи, и станутъ около стѣнки, всякій съ чашечкой. Когда покушаютъ, примѣромъ, горячее, праѣдушка вашъ и закричитъ дворецкому: дай имъ, братецъ, подачи! Вотъ дворецкій нарѣжетъ ломтиками хлѣба, положить на нихъ по ломтику ветчины, да такъ и надѣлитъ всѣхъ. А какъ, бывало, праѣдушка начнетъ собираться ѣхать въ Страхово, знаете село Страхово верстъ 70 отъ Кукова, въ Каширскомъ уѣздѣ. Вотъ, государь мой, иной разъ цѣлую недѣлю въ дорогѣ. Проѣдетъ верстъ 10 или 15, увидитъ, примѣромъ, праѣдушка вотъ рощицу, лужекъ тамъ какой, понравится мѣсто—стой! Разобьетъ палатку, экипажи въ кружокъ, поваръ застряпню и гуляй. Да иной разъ и переднюетъ тутъ день иль другой. Лошадей спутаютъ и ходятъ онѣ на подножномъ корму...

—А что, Малофѣичъ, слышали вы, вотъ недавно рыли на Куковскомъ кладбищѣ могилу да и наткнулись на склепъ. Въ склепу стоитъ гробъ и гробъ цѣлешенекъ: обить атласомъ съ галунами... Склепъ, разумѣется, засыпали... и никто не знаетъ, кто тамъ схороненъ.

Старикъ задумался

—А вотъ изволите видѣть, батюшка, я вамъ сейчасъ доложу, это могила Прасковьи Осиповны, вашей прабабушки.

Гаврила Малофѣичъ умеръ незадолго 19 февраля... Долголѣтняя жизнь, пройденная имъ въ крѣпостной зависимости, тихо догорала, когда на горизонтѣ отечества ярко занималась заря народной свободы. Впрочемъ, онъ говорилъ объ ней, онъ ждалъ ее—и не дождался... Предсмертныя страданія его были и продолжительны, и мучительны. Видно, угодно было Господу испытать его терпѣніе.

Въ то время, какъ я началъ себя помнить, бабушки

Федосьи Николаевнѣ Нестеровой въ живыхъ уже не было. Куково опустѣло.

Другія бабушки, ея сестры, оставшіяся еще въ живыхъ, Марья, Прасковья, Ольга и Аграфена Николаевны, проживали въ Рязанскомъ уѣздѣ, сельцѣ Митинскомъ. Причиною неудовольствія, по которому бабушка Марья Николаевна оставила нашъ домъ, была, кажется, неумѣстная ея забота и наблюденіе за образомъ жизни батюшки, какъ вдовца. Александра Николаевна жила одна въ наслѣдственномъ сельцѣ Спасскаго уѣзда—Наземовѣ, что въ 10 верстахъ отъ Старой Рязани, а братьевъ ихъ, сыновей Николая Михайловича, не оставалось въ живыхъ никого. Куковымъ владѣлъ единственный представитель потомства Николая Михайловича внукъ его, сынъ Николая Николаевича, Семень Николаевичъ; но онъ жилъ не въ Куковѣ, а въ родной-же своей вотчинѣ, въ Каширскомъ уѣздѣ, селѣ Страховѣ. Семень Николаевичъ былъ не глупъ, хорошо образованъ и красивъ собою, но жизнь проводилъ въ оргіяхъ и въ необузданномъ развратѣ. Онъ былъ холостякъ, имѣлъ свой домашній гаремъ, въ который не проникалъ мужской глазъ, и горе было тому изъ прислуги, кто-бы полюбопытствовалъ заглянуть въ него. Ни одинъ лобъ, по тогдашнему выраженію, былъ забритъ за такую продерзость. Пляски бабъ, сопровождаемыя безстыдствомъ, неразлучный спутникъ разврата—вино, охота съ собаками, которыя, по какимъ-то особеннымъ охотничьимъ соображеніямъ, не имѣя собственнаго пріюта, проживали въ крапивѣ, густо разросшейся на его усадьбѣ—составляли его обыкновенныя забавы.

Впрочемъ, личность Семена Николаевича мало касается нашихъ семейно-родовыхъ преданій, и потому я обращаюсь съ моимъ рассказомъ къ пережитому моимъ отцомъ и тетушкою Варварою Павловною, которыхъ не любовь матери какъ-будто обрекла на совмѣстную жизнь отъ дѣтскихъ пеленокъ и до гробовой доски.

Вмѣстѣ, какъ уже знаетъ читатель изъ первой главы, они были отвезены въ Петербургъ на воспитаніе: отецъ въ Шляхетный Кадетскій Корпусъ, а тетушка въ Смольный Монастырь.

По принятіи въ корпусъ, отецъ мой поступилъ на попеченія женщинъ, которыхъ попеченіями до 10-лѣтняго возраста пользовались всѣ малолѣтніе кадеты. По словамъ от-

ца, попеченія эти были самыя нѣжныя. Кадеты этого перваго возраста были одѣты въ курточки кофейнаго цвѣта. Впрочемъ, о корпусномъ воспитаніи батюшки читатели познакомятся отчасти изъ послѣдующихъ разсказовъ.

Начальницею монастырокъ, какъ называла обыкновенно покойная моя тетушка себя и воспитанницъ Смольнаго Монастыря, была госпожа де-Лафонъ, объ которой тетушка относилась всегда съ высокимъ уваженіемъ. Впрочемъ, въ разговорѣ объ ней она называла ее просто Лафоншею. Французскій языкъ былъ какъ-бы естественнымъ языкомъ монастырокъ, такъ что тетушка, по выходѣ изъ Монастыря, несравненно легче объяснялась на французскомъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ, хотя и по-русски писала совершенно правильно.

Тетушка очень любила говорить про свое монастырское воспитаніе, но чего-нибудь связнаго и послѣдовательнаго изъ разсказовъ ея составить нельзя. Вообще она объяснялась несвязно.

По словамъ тетушки, воспитательное заведеніе Смольнаго Монастыря дѣлилось тогда на два отдѣленія: на благородное и мѣщанское, отдѣленія, —которыя никогда между собою не сближались. Говорила, что Монастырь, т. е. ихъ воспитательное заведеніе, посѣщался не только императрицею и членами царской фамиліи, но и всѣми знаменитыми иностранцами и иностранными посольствами, которымъ ихъ заведеніе показывали, какъ петербургскую достопримѣчательность; что на балы къ нимъ въ Монастырь привозили кадетъ и преимущественно братьевъ изъ Шляхетнаго Корпуса, и что въ танцахъ съ монастырками не рѣдко участвовали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи. «Я очень любила танцевать съ Константиномъ Павловичемъ», говаривала тетушка, «да и онъ любилъ танцевать со мною, потому что я была очень легка въ танцахъ. Я прыгала антраша вотъ, какъ высоко»... И тетушка при этихъ словахъ подымала руку въ уровень съ своимъ плечомъ. Надобно замѣтить, что тетушка была очень небольшого роста.

Товаркою ея и одного съ нею выпуска была дочь графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. По словамъ тетушки, она была собою некрасива, худа, блѣдна, вяла и училась дурно. Суворовъ, навѣщая свою дочь, всѣхъ монастырокъ называлъ сестрицами.

Бывали у нихъ въ Монастырѣ и спектакли и для постановки представленій присылались придворные актеры. Актеры эти и сами участвовали съ ними въ игрѣ, и тетушка въ рассказахъ своихъ говорила много объ игрѣ Шушерина.

Тетушка училась хорошо и при публичномъ собраніи, бывшемъ въ 1791 году, февраля 15-го дня, какъ гласитъ свидѣтельство, данное ей при выпускѣ, на пергаментѣ, отъ совѣта Императорскаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ, за подписомъ Sophie de Latont и членовъ совѣта Петра Заводовскаго, Петра Соймонова и Александра Храповицкаго, удостоена серебряной меньшей медали, *въ память приобритеннаго чрезъ воспитаніе ея достоинства*. При раздачѣ наградъ, не всегда наблюдалась справедливость, что возбуждало, по словамъ тетушки, между дѣвицами монастырскими негодованіе.

Въ числѣ присужденныхъ къ наградамъ, рассказывала тетушка, была одна Лачинова, которой опредѣлили на Совѣтѣ высшую награду—большую золотую медаль. Монастырки наши знали, что опредѣленіе Совѣта было сдѣлано не по справедливости, а по уваженію родства и отношеній семейства Лачиновой къ высшему кругу. Когда начали вызывать Лачинову подойти къ столу для полученія награды, то всѣ монастырки взбунтовались и кричали: Лачинова не достойна! Лутовинова достойна!... Чѣмъ болѣе Совѣтъ настаивалъ въ вызовѣ, тѣмъ громче кричали монастырки, а Лачинову ухватили за платье и не пускали выйти изъ толпы. Напрасно несчастная силилась высвободиться, борьба и стыдъ вызвали сначала слезы, а наконецъ она не выдержала и упала безъ памяти. Напрасно члены Совѣта, Соймановъ, Заводовскій, бросивъ свои мѣста, подошли уговаривать дѣвицъ. Крикъ «Лачинова не достойна! Лутовинова достойна» не прекращался до тѣхъ поръ, пока несчастную Лачинову чуть не замертво вынесли въ лазаретъ. Золотая медаль была уже вручена ей послѣ.

Чувства правды и справедливости были исключительными свойствами тетушки, развитыми въ ней монастырскимъ воспитаніемъ. Они не оставляли ее до могилы. Всякое, даже въ шутку сказанное, мнѣніе она съ какою-то до дѣтства наивностью принимала за истинное убѣжденіе и, судя по впечатлѣнію, умилялась, или приходила въ негодованіе. Дожив-

ши до 90 лѣтъ, она оставалась все той-же легковѣрной и непонимающей жизни монастырскою, какою вышла изъ Смольнаго Монастыря.

Если теперешняя институтка, вступая въ общественную жизнь, бываетъ ошеломлена противорѣчіемъ дѣйствительности съ тѣмъ призракомъ, который создало ей ея воображеніе въ часы отдохновенія между уроками и сномъ, или въ ночные часы безсонницы, то что-же должна была перечувствовать при тѣхъ-же условіяхъ тогдашняя семнадцатилѣтняя, съ четырехлѣтняго возраста попавшая въ воспитательное заведеніе, устроенное по понятіямъ тогдашняго высшаго европейскаго развитія.

Марфа Александровна, старая дѣвушка, пришедшая къ намъ въ домъ въ числѣ приданныхъ дворовыхъ людей моей матери, знавшая большой свѣтъ Москвы по Екатерининскимъ казармамъ, гдѣ дѣдушка, какъ командиръ Московскаго Гарнизоннаго (Архаровскаго) полка, имѣлъ квартиру, рассказывая бывало о жизни своей въ Москвѣ и о большомъ свѣтѣ, говорила. «Когда мы пріѣхали съ барынею въ Любаво, такъ даже я удивилась, какъ увидала бариновыхъ тетюшекъ: все такія не полированные!» Марфа Александровна при этомъ рассказѣ еще болѣе расширяла свои и безъ того совершенно круглые, какъ у совы, глаза, вздергивала маленькій, въ родѣ пуговки, носъ, торчавшій на покрытомъ множествомъ морщинокъ лицѣ.

Если Марфа Александровна, бывшая горничная дѣдушки Петра Астафьевича и шившая, по ея словамъ, всѣ панталоны лакеямъ, была поражена неполированностію бабушекъ, то каковы онѣ должны были показаться монастырскѣ, возросшей въ воспитательной тепличкѣ, нагрѣвавшейся французскими парами. Впрочемъ, всякій, познакомившись съ бабушками, скоро переставалъ замѣчать въ нихъ отсутствіе того, что вызывается воспитаніемъ и образованіемъ. Съ ними бесѣдовать скучно не было. Книгъ онѣ, конечно, не читали, не читали по тому, что, не зная иностранныхъ языковъ, читать въ то время было еще нечего, особенно живя въ деревнѣ. Книгъ въ домѣ ихъ и не было, но зато широко и привольно была передъ ними раскрыта книга опыта житейскаго, книга природы, почти дѣвственной, да людской дѣятельности, не отуманенной никакими отвлеченными теоріями. Кромѣ этой

книги, онѣ читали и вчитывались въ книги священнаго писанія, житія св. отецъ и, въ особенности, въ псалтырь. Нельзя отрицать, что чтеніе книгъ священнаго писанія развиваютъ умъ и пробуждаютъ мышленіе, пожалуй, не мѣнѣе писаній латинскихъ и греческихъ классиковъ.

Онѣ свято соблюдали посты и твердо знали кругъ церковный. Про бабушку Марью Николаевну сохранился одинъ разсказъ, который чрезвычайно обрисовываетъ и воспитаніе бабушекъ и духъ времени.

Лѣтъ за 90 до нашего времени, въ Куковѣ, при церкви былъ священникомъ капризный старикашка.

Бабушка, присутствуя постоянно въ церкви во время служенія, замѣчала ему многое, чего онъ не исполняетъ по уставу. Однимъ словамъ, учила его, чего старикъ, конечно, не любилъ.

Разъ, подошедъ къ сѣвернымъ дверямъ и наблюдая чрезъ нихъ за батюшкою, бабушка замѣтила ему, что онъ дѣлаетъ что-то не такъ, и затѣмъ долго его точила.

Старикъ сначала по немножку перебранивался, но, наконецъ, потерявъ терпѣніе, быстро снялъ съ плечъ своихъ ризу и набросилъ на оторопѣвшую и на половину высунувшуюся въ алтарь бабушку, проговоривъ:

—Когда лучше знаешь, такъ и служи сама!

Но обратимся къ тетушкѣ-монастыркѣ.

Если странными ей казались деревенскія тетушки, то не менѣе странною должна была казаться и имъ не практичная племянница-куколка, съ прическою подъ пудру, на розовыхъ каблучкахъ подъ замшевыми башмаками, но не умѣвшая въ нихъ ходить по неровному полу или по неровной дорогѣ, говорившая сентенціями, приискивавшая слова, чтобъ связать по-русски какую-нибудь фразу и произносившая русскія слова на французскій манеръ въ носъ.

Къ счастью тетушки, она не жила долго въ родительскомъ домѣ, а, какъ я, кажется, уже упомянулъ въ первой главѣ моего разсказа, пріютилась въ родственномъ домѣ Акулины Матвеевны Спиридовой, урожденной Нестеровой.

Покойный мужъ Акулины Матвѣевны, Григорій Григорьевичъ Спиридовъ, былъ адмираломъ, участвовалъ въ знаменитой Чесменской битвѣ и, какъ разсказывала тетушка, вѣроятно, слышанное отъ дочерей, исключительно распоряжавъ

шійся ходомъ сраженія, тогда какъ Орловъ, герой битвы, сидѣлъ въ каютѣ. Разумѣется, вѣрить безусловно этимъ хвастливымъ семейнымъ преданіямъ исполнѣ нельзя, хотя впрочемъ и въ наше время во всѣхъ войнахъ начальникамъ штабовъ всегда воздается болѣе заслуженнаго.

Сынъ его, Алексѣй Григорьевичъ, участвовавшій также въ Чесменской битвѣ, будучи почти ребенкомъ, в послѣдствіи адмиралъ и командиръ Ревельскаго порта, жилъ въ Петербургѣ.

Другой сынъ, Матвѣй Григорьевичъ, былъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Самъ Матвѣй Григорьевичъ, по отзывамъ, слышаннымъ много отъ современниковъ, былъ честный человѣкъ, но супруга его любила и очень любила подарки, приносимые съ задняго крыльца.. Впрочемъ, не будемъ къ ней строги: таковъ былъ духъ времени.

Двѣ дочери, Дарья и Александра Григорьевны, жили при матери, пользуясь вмѣстѣ съ нею независимой жизнью и хорошимъ состояніемъ. Домъ ихъ былъ полною чашею.

О жизни у Спиридовыхъ тетушка очень любила вспоминать до конца своей жизни и, начиная разсказъ, говорила обыкновенно:

—У нашихъ Спиридовыхъ и проч... Къ несчастью, изъ всѣхъ разсказовъ я припоминаю только, что у нихъ, у Спиридовыхъ, была псовая охота и что онѣ, дѣвѣцы, ѣзжали въ отъѣзжее поле... что, отправляясь въ открытой коляскѣ въ путь, набирали съ собою множество всякаго рода съѣдобнаго запаса, лакомства и «и всякой всячины» и все поѣдали.

Александра Григорьевна в послѣдствіи была за мужемъ за адъютантомъ князя Италійскаго Густавомъ Ивановичемъ Цимерманомъ. Я зналъ эту чету уже въ старости. Густавъ Ивановичъ до конца жизни носилъ военный мундиръ своего времени, ходилъ съ напудренными, гладко примазанными волосами на головѣ и съ болтавшейся сзади длинною косою. Онъ и она слыли въ Москвѣ хлѣбосолами, и я часто слышалъ выраженія удивленія къ обилію ихъ ежедневныхъ домашнихъ завтраковъ, о творогѣ, вареныхъ и густыхъ сливкахъ. Онъ много разсказывалъ про свою службу при Суворовѣ; но я, будучи ребенкомъ, хоть и слышалъ, да все забывалъ. Одно какъ-то уцѣлѣло въ моей памяти: это, что Суворовъ допрашивалъ своего деньщика Трушку о

политическихъ и военныхъ вопросахъ, разумѣется въ присутствіи и своихъ, и австрійскихъ генераловъ. Когда Трушка нехотѣлъ отвѣчать и отпирался незнаніемъ, тогда онъ приказывалъ его разложить и сѣчь. Для такого истязанія употреблялись мочалы. Разумѣется, все это была комедія и Трушка подъ мочалами разрѣшалъ всѣ сомнѣнія.

Самъ-же Суворовъ, допрашивая его, причиталъ, повидимому, сумбуръ, но этотъ сумбуръ ѣдко отзывался въ ушахъ тѣхъ, до кого касался.

Александра Григорьевна во всю свою жизнь оставалась и лакомкою, и привередницею. Она не могла иначе спать, какъ чтобы горничныя дѣвки сидѣли всю ночь въ ея спальнѣ, а безобразная желтая, смуглая калмычка, бывшая у нея въ услуженіи, терла ей ноги. Чтобъ дѣвкамъ не было скучно, она ставила имъ угощенія. Онѣ могли разговаривать, хотовать, играть въ карты, работать и даже возиться, нисколько не стѣсняясь, а днемъ отсыпаться, сколько душѣ угодно.

Дарья Григорьевна была необыкновенно кротка и набожна. Не знаю, когда умерла, но, какъ я слышалъ отъ тетушки, она скончалась на молитвѣ, стоя на колѣняхъ передъ образомъ. По словамъ тетушки, это было олицетвореніе ангела.

О матери ихъ самой, Акулинѣ Матвѣевнѣ, изъ слышаннаго мною, я помню только одно, что она имѣла привычку заказывать повару для слѣдующаго дня обѣдъ, сидя, но какъ бы это выразиться, ну хоть, сидя на извѣстныхъ креслахъ.

Тетушка, вышедши изъ Монастыря, вынесла съ собою большой запасъ тщеславія. Разъ, говорила она, ѣдемъ мы съ Спиридовыми по Москвѣ и вдругъ карета наша была остановлена въ пути переѣзжавшимъ поперекъ улицы обозомъ. Кучеръ кричалъ, а подводы обоза не останавливались и дороги не давали. «Скажите, что я ѣду», вскричала монастырка, тетушка, высунувшись изъ окна кареты!... Она была убѣждена, что воспитанницу Смольнаго Монастыря вся Москва должна была знать и почитать.

Долго-ли жила тетушка въ домѣ Спиридовыхъ, не знаю; но въ 1801 году она уже проживала въ Спасскомъ уѣздѣ, въ селѣ Наземовѣ. Послѣ смерти Акулины Матвеевны Спиридовой, бабушка перезвала ее жить къ себѣ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее послѣ своей смерти наслѣдницею всего своего немалаго достоянія.

Тетушка оставила Монастырь двумя годами ранѣе выпуска батюшки изъ корпуса; она кончила въ 1791 году, а батюшка въ 1793 году, 25 іюля.

Отецъ мой былъ выпущенъ изъ корпуса поручикомъ въ Пермскій пѣхотный полкъ. При производствѣ въ офицеры, выпускнымъ кадетамъ данъ былъ списокъ полковъ, изъ которыхъ всякій могъ избирать себѣ любой для своей службы.

Не имѣя понятія ни о полкахъ, ни о мѣстахъ ихъ расположенія, отецъ мой избралъ Пермскій полкъ, но почему и для чего—онъ и самъ себѣ не могъ-бы объяснить.

Привожу здѣсь письмо моего отца, ново-инспекченнаго офицера, еще не оставившаго корпусъ, къ бабушкѣ Надеждѣ Николаевнѣ.

«Милостивая государыня, матушка Надежда Николаевна!

Сего Іюля 2 дня имѣлъ я честь получить непріятное для меня письмо, въ которомъ вы писать изволите, вопервыхъ, что братецъ Алексѣй Павловичъ скончался, во вторыхъ, что и вы находитесь теперь не очень здоровы. Сколь я былъ симъ жестокимъ для меня ударомъ пораженъ, услыша отъ васъ такую для меня непріятную новость, но что дѣлать, угодно такъ судьбѣ, мы ея повелѣвать не можемъ... жестокая... она нами владѣтъ, она возводитъ насъ на высоту благополучія и опять снова свергаетъ насъ въ бездну несчастія. Ахъ, любезная родительница, еслибъ извѣстно вамъ было все то, что я чувствую, зная слабость вашего здоровья... Прошу васъ дать мнѣ скорѣе знать о излѣченіи вашемъ.

Вы писали также ко мнѣ, любезная матушка, что вамъ еще по сихъ поръ неизвѣстно о выходѣ моего изъ корпуса, но мнѣ кажется, что я васъ о семъ увѣдомлялъ, что по именному ея Императорскаго Величества указу опредѣлено было прежде положеннаго времени насъ выпускать сего іюля 27 дня. Я живу еще теперь въ корпусѣ въ ожиданіи себѣ поручичьяго чина, я надѣюсь, что на сихъ дняхъ оный получу. Получивши чинъ, не замедлю ни мало; постараюсь, какъ можно скорѣе, къ вамъ быть.

Но, какъ вы мнѣ давали знать, какъ въ семъ письмѣ, такъ и въ прежнемъ, чтобы я, по выходѣ моемъ изъ онаго корпуса, старался бы заслужить поведеніемъ своимъ отъ Алексѣя Григорьевича себѣ любовь и просилъ бы совѣтовъ,

какимъ образомъ могъ бы я удобнѣе вступить въ свѣтъ. Увѣдомляю васъ, что онъ не только не отринулъ мое прошеніе, но взялъ еще меня въ домъ свой подъ свое покровительство и обнадежилъ, что онъ меня никогда не оставитъ, а всегда стараться будетъ, сколь возможно, наставить меня на путь истинной добродѣтели такъ, какъ отецъ сына своего.

Будьте увѣрены, любезная матушка, что онъ не изъ числа тѣхъ, кои, достигши до высокой степени, презираютъ не только ближнихъ своихъ, но и родныхъ; онъ, напротивъ того, полагаетъ все свое удовольствіе, чтобы содѣлать ближнимъ своимъ благополучію и тѣмъ привлекаетъ ихъ. Вы же, любезная матушка, столь близкій сосѣдъ, а никогда ни единой строчки не напишете. Повѣрьте мнѣ, что вы его тѣмъ чувствительно оскорбляете.

Увѣдомляя васъ о семъ, цѣлуя заочно ваши руки, остаюсь съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію, прося вашего родительскаго благословенія, вѣрно покорнѣйшій, послушнѣйшій

Сынъ вашъ
Василій Селивановъ.»

Получивъ прогоны до Саратова, гдѣ квартировалъ Пермскій полкъ, батюшка отправился въ путь. Такъ какъ, кромѣ отпущенныхъ казенныхъ прогоновъ, другихъ денегъ у него не было, то онъ и нашелъ для себя выгоднымъ ѣхать съ почтою, заплативши за это право почталіону, сопровождавшему почту въ Москву, часть своихъ прогонныхъ денегъ.

Только что выбравшійся на свѣтъ изъ четырехъ стѣнъ корпуса, не зная ни цѣны деньгамъ, ни цѣны предметамъ, приобретаемымъ, батюшка за всякій вздоръ, который ему случалось купить для своего продовольствія, платилъ, что просятъ, и разумѣлся въ три-дорога. Скоро не стало бы у него денегъ и пришлось бы въ дорогѣ голодать, если бы почталіонъ, его везшій, не принялъ въ немъ участія.

—Васъ обираютъ, говорилъ онъ отцу моему, отдайте ка лучше ваши деньги мнѣ, я васъ буду и поить, и кормить; предложеніе было принято. Почталіонъ во всю дорогу и кормилъ, и поилъ батюшку, а по пріѣздѣ въ Москву возвратилъ ему оставшіеся отъ расхода его не большіе рубли съ копѣйками.

Родныхъ у батюшки въ Москвѣ было много, но болѣе всѣхъ другихъ, по богатству и общественному положенію, отличался домъ Александра Матвеевича Нестерова; это былъ двоюродный братъ Николая Михайловича Нестерова, родного дѣда батюшки. Оба они принадлежали одному вѣку, но разница между ними была та, что Александръ Матвеевичъ былъ обитатель Москвы, а Николай Михайловичъ—деревенскій помѣщикъ.

Бѣло-каменные трехъ-этажныя палаты Александра Матвеевича находились въ Лефортовѣ, въ Кирочной улицѣ, съ угла на уголъ съ Лефортовскимъ дворцомъ. Жена его, Александра Афанасьевна, урожденная Гончарова, была когда то красавица, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; но въ то время, когда батюшка пріѣхалъ въ Москву, она была довольно уже пожилою женщиною. Трое сыновей, служившихъ въ Преображенскомъ полку, были стройны и красивы, а дочери всѣ невѣсты и красавицы. Въ особенности Варвара Александровна, пылкая брюнетка, была особенно прекрасна. Духъ аристократизма, а по тогдашнему—барства высшаго круга, вѣялъ надъ этимъ семействомъ. Блестящее, по тогдашнему времени, воспитаніе, знаніе французскаго языка, напудренные головы, фижмы—все рѣзко отличало семейство Александра Матвеевича отъ простого и необразованнаго семейства Николая Михайловича.

Будучи гвардейскими офицерами, сыновья перваго: Афанасій, Егоръ и Матвей Александровичи объѣхали Европу, жили въ Парижѣ, посѣтили Римъ, входили на Везувій, видѣли въ Фернеѣ свѣтило энциклопедистовъ Вольтера, а въ Берлинѣ Фридриха Второго.

Все это было бы не диво теперь, но въ тѣ времена путешествовали за границу только немногіе избранные.

Прадѣдушки Николая Михайловича на свѣтѣ уже не было и мои бабушки, т. е. не вышедшія за мужъ дочери его, купили себѣ тоже въ Москвѣ небольшой деревянный одно-этажный домикъ, не вдалекѣ отъ бѣлокаменныхъ палатъ Александра Матвеевича.

Не знаю, въ какомъ изъ этихъ двухъ родственныхъ домовъ остановился батюшка, по пріѣздѣ въ Москву, но знаю, что онъ въ семействѣ Александра Матвеевича былъ принятъ по родственному, тепло, и скоро сдѣлался въ домѣ

его какъ бы необходимымъ членомъ семейства. Близость сношеній, молодость, живой, пылкій характеръ, искательность и ловкость скоро сблизили юношу-офицера съ молоденькими, прекрасными тетушками, и онѣ его полюбили, какъ живую игрушку, съ которою, по родству, играть не запрещается. Варвара Александровна, не смотря на свою гордость, въ него влюбилась. Бывало онѣ, говаривалъ мой отецъ, начнутъ возиться со мною, повалятъ меня, щекочутъ или, растегнувъ мой камзолъ, гладятъ нѣжною рукою грудь, покрывая меня поцѣлуями.

Не всегда спокойно глядѣлъ на такое обращеніе, продолжалъ мой отецъ, дѣдушка. Разъ какъ то, расшевеленный шалостями Варвары Александровны, я погнался за нею, она побѣжала по корридору къ своей комнатѣ, я за нею. Она, вбѣжавъ въ комнату, захлопнула за собою дверь и заперла ее. Я началъ было стучаться, но видя, что напрасно, не пускаетъ—прошелъ въ залъ. По залѣ взадъ и впередъ ходилъ дѣдушка, брови его были нахмурены. Онъ холодно, противъ обыкновенія, взглянулъ на меня, спросилъ, что тамъ былъ за стукъ и что я такъ запыхался? я ему отвѣчалъ, что вотъ Варвара Александровна отъ меня убѣжала въ свою комнату... я догонялъ ее...—Прошу впредь за нашими дѣвками не гоняться, прервалъ меня старикъ, и не ломиться въ двери, въ моемъ домѣ! Съ этихъ поръ батюшка сдѣлался осторожнѣе въ наружномъ обращеніи съ барышнями; но Александръ Матвеевичъ продолжалъ быть съ нимъ попрежнему ласковъ и когда одинъ или два дня онъ не видалъ батюшку за своимъ столомъ, то говаривалъ: «что это Василія давно не видно»?

У всѣхъ богатыхъ и знатныхъ людей того времени такъ же, впрочемъ, какъ это было принято при дворѣ, и у Александра Матвеевича былъ тоже дуракъ въ домѣ, который имѣлъ право ругать самого барина въ глаза и обращаться со всѣми безъ малѣйшаго стѣсненія. Когда дуракъ дѣйствительно или мнимо надоѣдалъ барину, Александръ Матвеевичъ приказывалъ его сѣчь. Приносили розги, клали дурака и хотя его сѣкли только для вида, осторожно, но онъ и рвался, и кричалъ притворно, когда же случайно задѣвали его за живое, онъ неистово начиналъ ругать барина. Одинъ разъ, за какое-то преступленіе или упрямство, тѣлесное наказаніе было замѣнено обливаніемъ водою на дворѣ

у колодца, при чемъ дуракъ далъ полную волю своимъ браннымъ изліяніямъ.

— Дуракъ, чертъ! кричалъ онъ на барина внѣ себя а Александръ Матвеевичъ, сидя у окна, хохоталъ. Эта забава, кажется, не прошла даромъ для несчастнаго обливанца, и отъ послѣдовавшей за тѣмъ горячки онъ отдалъ душу Богу. Иногда Александръ Матвеевичъ вздумаетъ, бывало, сидя за обѣденнымъ столомъ, приказать дураку, всегда стоявшему за его стуломъ, пѣть, а чтобъ ему было сподручнѣе, приказывалъ дочери Варварѣ Александровнѣ подтягивать. Та всегда повиновалась безпрекословно, но иногда и съ полными слезъ глазами, вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, когда это случалось при гостяхъ.

Въ Пермскій пѣхотный полкъ, куда батюшка былъ выпущенъ, онъ не поѣхалъ. Обласканный московскими родными, онъ попалъ какъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго выходу уже нѣтъ. За него хлопотали, писали въ Петербургъ къ Алексѣю Григорьевичу Спиридову и содѣйствіемъ его онъ скоро былъ переведенъ въ Московскіе шести-ротные полевые баталліоны, которые поступили на составленіе Московскаго Гарнизоннаго полка.

Въ 1798 году, марта 10, батюшка былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и того-же года, іюля 5 дня, въ капитаны. Въ чинѣ штабсъ-капитана онъ уже командовалъ ротой.

Время военно-служебной дѣятельности моего отца текло какъ по маслу. Все ему улыбалось. По службѣ онъ былъ исправенъ и начальство его любило. Шефомъ полка былъ Архаровъ, который, по рассказамъ моего отца, любилъ наущниковъ. У отца, какъ и у всякаго порядочнаго человѣка, были и завистники, и тайные недоброжелатели. Они нашептывали Архарову про батюшку, вѣроятно, что-нибудь не хорошее и разъ, когда былъ смотръ баталліона, въ которомъ служилъ батюшка, то Архаровъ явился на смотръ уже съ предвзятою мыслию. Осмотрѣвши всѣ роты и оставшись доволенъ всѣми, онъ долго муштровалъ роту батюшки, бранился, кричалъ, горячился, находилъ все дурнымъ и, наконецъ, подошедъ къ батюшкѣ, потребовалъ его шпагу.

— Я не въ состояніи самъ отдать вашему высокопревосходительству мою шпагу, отвѣчалъ мой отецъ съ достоинствомъ, я еще никогда арестованъ не былъ.

—Вамъ видно жаль вашей шпаги, замѣтилъ Архаровъ.

—Жаль, отвѣчалъ мой отецъ, я съ нею ни разу не разставался! Архаровъ, не сказавъ ничего на это, отошелъ; но батюшка арестованъ не былъ. Богъ знаетъ, чѣмъ-бы могло кончиться предубѣжденіе Архарова противъ батюшки, еслибы одинъ случай не помогъ обратить Архарова въ его пользу.

—Разъ какъ-то, въ субботу, я пошелъ въ торговую баню, говорилъ мой отецъ; когда уже вышелъ одѣваться, увидѣлъ въ передбанникѣ, на одной лавкѣ со мною, двухъ какихъ-то господъ, которые тоже только что вышли изъ бани и были еще нагіе. Они, вѣроятно, по платью, лежавшему на лавкѣ, признали во мнѣ офицера московскаго гарнизоннаго полка и, разговорившись между собою о томъ, о семъ, начали бранить и поносить Архарова. Считаю моимъ долгомъ вступить за своего шефа, я сталъ ихъ опровергать, горячиться, и дѣло доходило, что называется, до ссоры. Въ послѣдствіи оказалось, что это были пріатели Архарова. Одинъ изъ нихъ, при свиданіи съ Архаровымъ, спросилъ его: кто это у тебя въ полку маленькій черненькій офицеръ? Да какой задорный, такъ и лѣзетъ чуть не въ драку—и тутъ-же рассказъ о своемъ умышленномъ разговорѣ въ банѣ, подавшемъ поводъ батюшкѣ разбраниться съ нимъ.

Съ этого дня Архаровъ уже не слушалъ болѣе наговоровъ на моего отца и постоянно былъ съ нимъ хорошъ.

Архаровскій полкъ нижними чинами, по большей части, комплектовался по приговорамъ суда арестантами изъ тюремнаго замка. Все это были коренные москвичи изъ купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и дворовыхъ людей. Рѣдкій изъ нихъ не зналъ грамоты. Когда, бывало, подслушаешь ихъ разговоры, говорилъ мой отецъ, какъ они разсуждаютъ: такъ что твои министры!.. Одинъ унтеръ-офицеръ его роты, ученый парикмахеръ, ходилъ его причесывать. Изъ разговоровъ во время причесыванія онъ какъ-то случайно узналъ и объ имени, и о мѣстѣ жительства одной барыни, которая къ батюшкѣ была не равнодушна. Въ тѣ счастливыя времена любовью играли, или, лучше сказать, забавлялись въ любовь; а батюшка былъ тоже не послѣдній изъ ловеласовъ. Тутъ парикмахеръ воспользовался открытіемъ и отъ имени батюшки завелъ съ чувствительной барыней чувствительную пере-

писку. Барыня таетъ, пишетъ отвѣты, а отецъ мой и не по-дозрѣвалъ ничего. Шутка эта продолжалась довольно долго, и, когда была открыта, бѣдный ея виновникъ сильно попла-тился своею шкурою.

Отецъ мой не былъ жестокъ по службѣ и потому былъ любимъ своею ротою. Впрочемъ, понятія жестокости и доброты обусловливаются духомъ времени: что выдерживали тог-дашніе солдаты, такъ это не вѣроятно!

— У меня на ученіе палокъ никогда не вывозили, го-ворилъ мой отецъ, рассказывая про свою службу, развѣ толь-ко какой унтеръ-офицеръ вкладывалъ въ дуло ружья нетол-стую палочку, на всякій случай. Но другіе ротные команди-ры, особенно изъ немцевъ, были истинными тиранами. Мно-гіе вывозили на ученіе палки возами и къ концу ученія всѣ онѣ были переломаны обѣ спины солдатъ.

Въ 1793 году въ московскомъ тюремномъ замкѣ содер-жалась нѣкто г-жа Раевская; за что она содержалась—не знаю. Она была женщина еще молодая и собою очень красива; бѣ-ла, что называется, какъ сметана, и хорошо воспитана. Какъ дежурному по карауламъ, батюшкѣ часто приходилось бы-вать въ тюремномъ замкѣ. Вѣжливое и даже нѣжное обра-щеніе, чего г-жа Раевская не видала отъ другихъ, имѣвшихъ отношенія къ арестантамъ въ замкѣ, расположило ея серд-це къ батюшкѣ. Бывая на дежурствѣ, онъ всегда посѣщалъ ея камеру, по долгу сидѣлъ, бесѣдуя съ нею, и, наконецъ... завязалась игра въ любовь; г-жа Раевская занималась литера-турою и, какъ въ то время другого рода поэзіи, кромѣ одъ, почти не знали, то она написала двѣ оды и подарила батюшкѣ.

Обязанности службы какъ-то долго не призывали ба-тюшку въ тюремный замокъ, и онъ потерялъ изъ виду г-жу Раевскую, которою онъ, впрочемъ, не много интересовался... Мало-ли въ Москвѣ было тогда барынь?

Разъ, въ какой-то праздничный день, проходя по Ни-китской улицѣ, онъ зашелъ въ монастырь къ обѣднѣ. Войдя въ церковь и оглянувъ присутствовавшихъ, онъ вдругъ уви-дѣлъ двухъ дамъ, роскошно одѣтыхъ; смотритъ—и въ одной изъ нихъ узнаетъ свою арестантку, Раевскую. Напрасно онъ ищетъ поймать ея взглядъ; она по сторонамъ не смотритъ, она вся погружена въ молитву. Но вотъ обѣдня кончилась, и обѣ дамы прошли мимо его къ дверямъ, гордо, съ досто-

инствомъ и на него не взглянули. За ними прошелъ высокій лакей, одѣтый въ великолѣпную ливрею.

Разспрашивая того, другого въ монастырѣ, батюшка успѣлъ узнать, что г. Раевская, по выходѣ изъ замка, гостить въ Никитскомъ монастырѣ, у своей родственницы, кажется, такъ рассказывалъ батюшка, а можетъ быть она проживала въ монастырѣ на покаяніи... Какъ бы то ни было, только вечеромъ, когда батюшка сидѣлъ дома и размышлялъ о своей утренней встрѣчѣ у обѣдни, вдругъ входитъ ливрейный лакей и докладываетъ ему, что г-жа Раевская прислала за нимъ карету и проситъ его пожаловать къ ней. Отецъ не поѣхалъ. Воображеніе манило его на тайное свиданіе; но ѣхать въ монастырь онъ не рѣшался.

Послѣ встрѣчи въ монастырѣ батюшка не видалъ уже болѣе г-жу Раевскую никогда въ жизни.

Какъ благовоспитанный молодой человѣкъ, отецъ мой всегда бывалъ очень чисто одѣтъ; посѣщать благородныя собранія и всегда бывалъ на балахъ у главнокомандующаго и градоначальника Москвы, какъ тогда называли, и все это дѣлалось со средствами самыми маленькими. Конечно, бабушка присылала ему кое-что изъ деревенской провизіи, но денегъ не давала. Въмѣсто денегъ, присылала ему холстовъ, талекъ и тому подобныхъ мануфактурныхъ произведеній своей дѣвичьей, которая отецъ мой продавалъ, выручая такимъ образомъ скудныя копѣйки. У него была лошадь, дрожки и кучеръ Андрей.

Когда нужно было самому куда выѣхать, батюшка ѣхалъ на своей лошади, а если лошадь была ему ненужна, то Андрей выѣзжалъ на биржу и возилъ сѣдоковъ. Извозничествомъ этимъ онъ прокармливалъ лошадь, кормился и одѣвался самъ, а излишнія вырученныя деньги отдавалъ барину. Работы Андрею всегда было довольно, потому что офицеры полка брали его на расхватъ. Служба гарнизонная исправлялась тогда и тщательно, и строго. Жутко бывало, говаривалъ мой отецъ, когда приходилось объѣзжать посты по заставамъ—главнымъ рундамъ въ темныя осеннія ночи, или во время погоды зимою. По камеръ-колежскому валу пуста и глушь были страшныя: только и слышишь дальній

лай или вой цѣпныхъ собакъ да завываніе вѣтра. Разъ, ѣхавши съ Андреемъ зимою, въ погоду, на саняхъ, мы потеряли дорогу; бились долго въ сугробахъ, а ужъ была полночь. Наконецъ, выбились куда-то и видимъ какія-то незнакомыя строенія, какъ-будто палатки... Андрей, соскочивъ съ саней, побѣжалъ посмотрѣть, куда мы заѣхали, я остался въ саняхъ и жду. Вдругъ слышу Андрей что-то кричитъ, а немного погодя, вижу его, бѣгущаго къ санямъ, безпрестанно вязнущаго и спотыкающагося въ глубокомъ снѣгу. „Баринъ, кричитъ онъ въ ужасѣ, баринъ, мы заѣхали на кладбище!“ Съ этихъ поръ я уже не ѣздилъ одинъ, а всегда отъ заставы до заставы бралъ съ собою патруль.

— Разъ, когда я стоялъ въ караулѣ на главной гауптвахтѣ, и подъ арестомъ находилось двое, или трое офицеровъ, въ томъ числѣ и Юни, ночью, также уже около полуночи, забрелъ самъ на гауптвахту, или приведенъ былъ обходомъ, какъ бродяга, запоздавшій монахъ. Онъ былъ порядочно подъ хмѣлькомъ и, по словамъ его, отлучился изъ монастыря безъ спроса. Для Юни это былъ совершенный праздникъ. Скоро онъ подружился съ гостемъ, отогрѣлъ его чайкомъ съ пуншикомъ, а потомъ пригласилъ и поужинать, чѣмъ Богъ послалъ.

— Какъ-же быть то, Ваше Преподобіе, вѣдь у насъ рыбнаго-то нѣтъ?

— А что-жъ это?

— Это поросенокъ жареный... Развѣ благословите на поросенка.

— Да обратишься сія порося въ карася! всегласно благословилъ святой отецъ.

— А водочки-то передъ ужиномъ?

— Можно...

— Повторить, закусивши!..

— Можно...

Когда поужинали, кто-то взялъ гитару, кто-то затянулъ плясовую пѣсеньку, другіе подхватили, и вотъ монахъ пустился съ Юни въ плясъ. Пляшетъ Юни, но монахъ не устываетъ. Свистъ, гиканье, прищелкиванье, пѣсни, хохотъ,

топотъ вывели монаха окончательно изъ себя. Вотъ онъ пускается въ присядку, плясалъ, плясалъ, да какъ-то вдругъ оступился, упалъ да переломилъ себѣ ногу по поламъ.

Тутъ уже было не до смѣха. Вся отвѣтственность за допущеніе безпорядка падала на меня, а между тѣмъ время приближалось прибытія рунда.

— Спрячьте меня пока подъ нары, придумалъ монахъ, а передъ свѣтомъ велите перенести къ Чудову монастырю да положить на паперти, возлѣ дверей!..

Такъ сдѣлали. Лежа подъ нарами, бѣдный монахъ сильно стоналъ, а передъ свѣтомъ его отнесли на Чудовскую паперть. Что ужъ тамъ съ нимъ было, не знаю... Рады были что избавились отъ него.

Но вотъ одинъ необыкновенный случай, который остался неразъясненнымъ.

Въ Кремлѣ, когда я служилъ, было еще много строеній, которыя теперь разобраны, и мѣстъ, гдѣ они стояли, я-бы теперь и указать не сумѣлъ.

Помню, что гдѣ-то тамъ, какъ-будто недалеко отъ коммандатскаго дома, торчала какая-то длинная колокольня, и на этой колокольнѣ для чего-то ставился часовой. Что онъ тамъ караулилъ, едвали о томъ зналъ и самъ учредитель постовъ, а подобныхъ бесполезныхъ постовъ было въ Кремлѣ множество. Дѣло въ томъ, что не только стоять на часахъ на этой колокольнѣ въ темныя осеннія ночи, въ совершенномъ мракѣ, когда вѣтеръ глухо завываетъ въ колоколахъ, было жутко, но даже и ходить-то туда, когда случалось при обходахъ и даже въ сопровожденіи патруля, бывало неприятно.

Разъ, такъ уже передъ свѣтомъ, когда ефрейторъ повелъ смѣну, вдругъ видятъ, что часового на его посту нѣтъ. Подумали, погадали, да и поставили другого часового на опустѣвшее мѣсто. Когда уже совсѣмъ разсвѣло, и ефрейторъ велъ новую смѣну, видятъ мнимобъжавшаго часового лежащимъ безъ памяти на землѣ, не вдалекѣ отъ колокольни. Ружье его все было разбито въ куски; а сломанный замокъ и погнутый стволъ валялись разбросанными; когда несчастнаго привели въ чувство, онъ не могъ ничего сказать, что съ нимъ было, какъ онъ очутился внизу и кто ему изломалъ ружье. Все это не спасло его однакожъ отъ палокъ за оставленіе ввѣреннаго ему поста.

А вотъ еще случай:

Въ одно время было замѣчено, что крестъ на Иванѣ Великомъ нѣсколько покачнулся на сторону—и между тѣмъ носились слухи, что на колокольнѣ Ивана Великаго каждую ночь ходитъ чертъ. Многіе часовые сами видятъ черта, но остановить его или окликнуть никто не рѣшался. Дошолъ этотъ слухъ и до коменданта Гессе. «Сказать мнѣ, когда шерти-дьяволи ходитъ по колокольни!..» приказалъ комендантъ, и приказаніе его не замедлило исполниться. Въ первую-же ночь доложили Гессе, что чертъ на колокольнѣ, и Гессе тотчасъ отправился на главную гауптвахту, взялъ тамъ одного унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ съ ружьями и полѣзъ съ ними туда. Когда они уже поднялись по послѣдней лѣстницѣ, въ самый куполъ, они съ помощью фонаря дѣйствительно увидѣли черта, который сидѣлъ надъ ними подъ самымъ крестомъ. Усмотрѣвъ его, Гессе закричалъ: Господине шерти-дьяволи, пожалій сюда...

Вмѣсто отвѣта, чертъ распустилъ когти и зарычалъ.

—Шерти-дьяволи, пожалій сюда, а то мой прикажетъ стріляить. Ей, сольдати, стріляить въ шерти! Такое приказаніе не понравилось черту; онъ быстро спустился и упалъ коменданту въ ноги. Что-жъ? это оказался кузнецъ, одѣвавшійся чертомъ, чтобъ ходить на колокольню воровать винты, которыми въ куполѣ былъ укрѣпленъ крестъ.

При точномъ исполненіи гарнизонной службы обращалось вниманіе на всякую мелочь. Въ караульной книгѣ, находившейся на гауптвахтѣ, куда записывались смѣны часовыхъ, въ бытность мою въ караулъ были мною, вслѣдствіе ошибки въ размѣщеніяхъ по графамъ, сдѣланы помарки, за что взыскивалось очень строго. Объ этомъ доложили коменданту. Когда я смѣнился съ караула, онъ тотчасъ велѣлъ мнѣ явиться къ нему и представить книгу постовъ. Смекнувъ, что дѣло не ладно, что Гессе неминуемо арестуетъ меня, я досталъ сухого хвоща и вычистилъ имъ всю страницу. Потомъ, разграфивъ ее вновь, вписалъ все, какъ слѣдовало. Когда я явился къ коменданту, онъ, посмотрѣвъ на меня сурово, взялъ изъ рукъ моихъ книгу и началъ разглядывать листы, разглядывалъ ужъ онъ и такъ, и сякъ, и на свѣтъ, нѣтъ ничего не найдетъ; хоть и видитъ, что одинъ листъ попрозрачнѣе, но только придратъся не къ чему.

— Скажите пожалуйста—какъ вы это сдѣлалъ? спросилъ меня вдругъ Гессе, самымъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Я не знаю, Ваше Превосходительство, что вамъ угодно знать?

— О ви знаетъ, ви знаетъ, ви все знаетъ, какъ книга билъ замаранъ, а теперь чистъ... Скажите пожалуйста!..

— Я вычистилъ хвощемъ.

Тутъ Гессе принялся меня разспрашивать, какая это трава хвощъ, и какъ я вычистилъ имъ листь въ книгѣ и, узнавъ все въ подробности, отпустилъ меня домой.

Въ хозяйствѣ своемъ батюшка былъ очень аккуратенъ и домовитъ. Получивъ жалованье, онъ немедленно покупалъ все необходимое изъ домашняго запаса: чай, сахаръ, сладкой водочки. И хотя у меня за покупкою не оставалось почти денегъ,—говаривалъ батюшка,—но зато я ужъ былъ на долго покоенъ. Кто заходилъ ко мнѣ, находилъ у меня все прилично, было чѣмъ угостить, и всѣ полагали меня богаче дѣйствительнаго.

— Со мною коротко былъ знакомъ и даже жилъ нѣкоторое время у меня въ квартирѣ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Когда онъ сочинялъ стихи, ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ и прыгалъ, и бѣгалъ по столамъ и по стульямъ. По выходѣ изъ монастыря, сестра мнѣ передала на храненіе много французскихъ книгъ замѣчательныхъ изданій. У меня тоже были книги, такъ что все вмѣстѣ составляло порядочную библіотеку. Сергѣй Николаевичъ, приходя по временамъ ко мнѣ, бралъ ихъ читать и мало-по-малу всѣ книги перетаскалъ къ себѣ. Въ отношеніи себя онъ былъ безпеченъ, одѣвался небрежно, ходилъ всегда растрепанный и жилъ очень бѣдно; но онъ объ этомъ мало думалъ—и весь былъ преданъ литературѣ.

Въ концѣ 90-хъ годовъ, когда мой батюшка служилъ въ Архаровскомъ полку, жилъ также въ Москвѣ и служилъ въ комиссаріатской комиссіи и дядя Михаилъ Павловичъ. Онъ тоже, какъ родственникъ, часто бывалъ въ домѣ Нестеровыхъ, но его тамъ не любили. Онъ былъ нувеллистъ по призванію, и когда услышитъ гдѣ либо какую-нибудь новость, развозитъ ее съ усердіемъ; но при этомъ позволялъ себѣ и прилгать, и посплетничать. Бабушка Надежда Николаевна, пріѣзжая въ Москву провѣдать родныхъ

и дѣтей, всегда останавливалась у него, какъ у любимого сына. Разъ батюшка, пріѣхавъ повидаться съ матерью, не нашелъ ея дома. Его встрѣтила горничная бабушки Авдотья Степановна, черноглазая, стройная красавица дѣвушка. Поручивъ ей передать бабушкѣ, что онъ къ ней пріѣзжалъ, онъ, какъ молодой человѣкъ, пошутилъ; побалагурилъ съ Дуняшей и при этомъ сдернулъ съ нея косыночку. Въ это время возвратился со службы дядя Михайло Павловичъ. Входя въ дверь, онъ видѣлъ, какъ батюшка сдернулъ съ Авдотьи Степановны косынку, и ревность взволновала его сердце. Онъ самъ ухаживалъ за Авдотьею Степановною, но безъ успѣха. Она была и скромна, и цѣломудренна.

Когда батюшка уѣхалъ, дядя тоже, не думая долго, сейчасъ-же поѣхалъ въ домъ къ бабушкамъ, потомъ въ домъ Нестеровыхъ, гдѣ засталъ мать, и вездѣ разсказалъ, что «братъ Василій Павловичъ, пріѣхавши къ матери и не заставъ ея, дѣлалъ разныя безчинства съ Дуняшкою», разсказалъ о сдернутой косынкѣ, приправляя свой разсказъ различными вариантами.

Услыхавъ это, бабушка вспылала гнѣвомъ, тотчасъ поскакала домой и жестоко отстегала плетьюми бѣдную красавицу.

Ничего не зная и не подозрѣвая, когда батюшка пріѣхалъ въ домъ Нестеровыхъ, онъ былъ удивленъ, что и бабушка его, и молодые тетушки, когда онъ здоровался съ ними, двусмысленно улыбаются, грозили на него пальчиками и въ полголоса называли проказникомъ.

— Что ты это тамъ надѣлалъ, проказникъ, говорила прабабушка Александра Афанасьевна. Вотъ мать-то тебѣ задастъ! А батюшка смотрѣлъ въ оба глаза и ничего не понималъ.

Когда объяснилось дѣло, всѣ приняли въ немъ участіе, и когда пріѣхалъ къ нимъ дядя Михайло Павловичъ, то барыни обратились къ нему съ просьбою, говоря:

— Михайло Павловичъ, ты такъ хорошо плетушки плетешь, сплети мнѣ, пожалуйста! А дѣйствительно дядя занимался плетеніемъ какихъ-то сѣтокъ и умѣлъ даже плести кружева.

Служа въ комиссаріатской комиссіи, дядя Михайло Павловичъ всегда выжидалъ, когда караулъ въ комиссаріатѣ

бывалъ отъ батюшкиной роты. Пользуясь этимъ, онъ, выѣзжая изъ комиссаріата, увозилъ къ себѣ оставшіяся отъ экономіи половинки суконъ.

Хотя батюшка ни душой, ни тѣломъ не участвовалъ въ этихъ похищеніяхъ, оправдываемыхъ отчасти обычаями времени, обычаями, отъ которыхъ еще не отвыкло и современное поколѣніе касательно взгляда на казенный интересъ, но дядя все-таки считалъ себя болѣе обезпеченнымъ, когда караулъ зависѣлъ отъ человѣка, отъ котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя было ожидать доноса.

Празднаго богатаго дворянства проживало тогда въ Москвѣ множество. Балы въ благородномъ собраніи были многолюдны: нерѣдко число посѣтителей доходило тысячь до семи. Деревенскія бабушки, дочери Николая Михайловича, тоже бывая въ Москвѣ, выѣзжали въ собранія, не пропуская ни одного ни бала, ни маскарада. Для этихъ выѣздовъ онѣ имѣли по богатому штофному платью. Тогдашнее общество не было такъ требовательно, какъ теперь. Не почитая за необходимость для каждаго выѣзда имѣть новыя платья, бабушки мои веселились цѣлыя зимы все въ однихъ и тѣхъ-же. Лѣтъ 15 назадъ умерла ихъ бывшая горничная дѣвушка Акулина Федуловна. Рассказывая объ этомъ, и сравнивая настоящее съ прошедшимъ, она говорила: нынѣшнія дѣвушки ничѣмъ недовольны; а въ наше-то время, вотъ когда я жила съ барышнями въ Москвѣ, какъ надѣнешь миткалевую юбку, да башмаки, да выйдешь за ворота, такъ думаешь, что вся Москва-то на тебя смотритъ.

Въ это время еще были живы и жили въ Москвѣ невестки прадѣдушки, т. е. сестры его жены: Агафакля Ивановна и Татьяна Ивановна Веревкины и княгиня Шаховская, тоже родственница по прадѣдушкѣ; но какъ ее звали—не помню. Всѣ они и любили, и ласкали батюшку. «Свой своему по неволѣ другъ» и теперь, а тогда родство, не смотря на различіе положенія въ свѣтѣ и различія въ богатствѣ, чрезвычайно уважалось.

Не менѣе другихъ родственниковъ покровительствовала батюшкѣ одна добродѣтельная старушка Мосолова. Ея имя я тоже забылъ. Разъ случилось пріѣхать мнѣ къ ней часу въ первомъ дня, рассказывалъ мой отецъ, меня встрѣтилъ на крыльцѣ человѣкъ и на вопросъ мой, дома-ли баринъ,

отвѣчалъ: дома-съ и никого не принимаетъ; но васъ приказано просить. Вхожу въ залъ, и что-же вижу? За накрытыми, уставленными серебряной посудой и дорогимъ хрусталемъ, столами сидѣло множество нищихъ, калѣкъ, убогихъ; а сама хозяйка, одѣтая въ богатое шелковое платье и засучивъ рукава, сама прислуживала имъ. Кушанья были роскошныя.—Вотъ, другъ мой, сказала она мнѣ, когда я съ ней поздоровался, и учись, какъ угощать меньшую братію. Когда дѣлаешь пиръ, не зови ни родныхъ, ни богатыхъ, а зови убогихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, чтобъ они не могли воздать тебѣ тѣмъ-же... Во дни такихъ угощеній она, разумѣется, не принимала гостей, сказываясь больною или выѣхавшей въ подмосковскую.

Въ іюлѣ или въ августѣ 1799 года батюшка съ ротою, знаменемъ и однимъ полевымъ орудіемъ былъ посланъ въ городъ Ярославль. Въ то время въ Ярославской губерніи обнаруживался во многихъ мѣстахъ между крестьянами духъ неповиновенія помѣщикамъ, вслѣдствіе ложно распространяемыхъ въ народѣ слуховъ объ освобожденіи изъ крѣпостной зависимости.

По словамъ батюшки, въ продолженіе всего похода до Ярославля, онъ питался исключительно только телятиною. Телята тогда были не дороги. За живого, двухнедѣльнаго и старѣе, молочнаго телка онъ платилъ гривенникъ, т. е. 10 коп. серебр. Впрочемъ, такая дешевизна происходила оттого, что народъ телятъ не ѣлъ, почитая это грѣхомъ или, какъ говорится, телячьимъ мясомъ мерзилъ.

По прибытіи съ ротою въ Ярославль, отецъ мой получилъ, чрезъ генераль-адъютанта графа Ливена, Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

«Гарнизоннаго Архаровополка г. капитану Селиванову.

«Государь Императоръ указать соизволилъ, чтобъ вы, по прибытіи съ ввѣренною вамъ ротою въ городъ Ярославль, раздѣлили наличное число людей для карауловъ на три смѣны и потому распредѣлять число постовъ.

Генераль-адъютантъ графъ Ливень.»

Повелѣніе это писано на полулистѣ, сложенномъ пополамъ, простой писчей синеватой бумагѣ; вложено въ небольшой квадратный пакетъ. Пакетъ былъ запечатанъ печатью съ вензелемъ Императора, т. е. буква П, подъ императорскою короною. На пакетѣ адресъ: «Гарнизоннаго Архарова полка господину капитану Селиванову. Въ Ярославль».

Высочайшее повелѣніе, передаваемое генераль-адъютантомъ непосредственно ротному командиру, минуя его ближайшее начальство, невольно заставляетъ задуматься о напряженной дѣятельности государя Павла Петровича, неусыпно слѣдившаго за передвиженіемъ каждой небольшой частички его арміи. Почиталь-ли онъ событіе, подавшее поводъ къ откомандированію въ Ярославль роты съ орудіемъ, дѣломъ важнымъ, или ужъ такъ, просто, озабочивало государя сохраненіе новыхъ порядковъ и дисциплины, введенныхъ имъ въ русскую армію по образцу, такъ восхищавшихъ его прусскихъ войскъ? Естественно, такія непосредственныя повелѣнія не могли нравиться шефу полка Архарову, и вотъ онъ пишетъ батюшкѣ ордеръ такого содержанія:

«Господину капитану Селиванову.

Рекомендую вашему благородію съ присылаемыхъ къ вамъ изъ разныхъ мѣстъ повелѣній и сообщеній, по полученіи, съ каждаго доставлять ко мнѣ копіи, кромѣ секретныхъ, непременно. Сентября 17 дня 1799 года.

Иванъ Архаровъ».

А вотъ еще предписаніе по поводу орудія, находившагося при ротѣ.

«Артиллеріи отъ генераль-лейтенанта шефа артиллерійскаго баталіона и кавалера Батурина

Господину капитану Селиванову.

По откомандированію васъ съ ротою въ Ярославль отряжено изъ баталіона имени моего одно орудіе, то я рекомендую вашему благородію оное сохранять и имѣть какъ его, такъ и всѣ прочіе снаряды, къ оному принадлежащіе, подъ крышею, въ безопасномъ мѣстѣ, дабы лафетъ и зарядная фура не могли-бъ придти въ гнилость, равномерно и о конской амуниціи имѣть свое смотрѣніе, чтобъ она, чрезъ небреженіе, не попорчена была мышами, я во всемъ полагаю

юсь на вашу попечительность и ожидаю отъ васъ на оное увѣдомленіе.

Генераль-Лейтенантъ Батуринъ.»

№ 1060.
Сентября 3 дня
1799 года
Москва.

Въ Ярославлѣ батюшка завелъ знакомство съ лучшими домами въ городѣ и вездѣ былъ принятъ отлично. Въ числѣ его знакомыхъ была одна молодая вдова Ш., хорошенькая собою, которая принимала батюшку особенно внимательно.

Въ то-же время ухаживалъ за нею, и даже былъ влюбленъ въ нее, одинъ значительный господинъ, но фамилію его я забылъ, и потому она для исторіи погибла.

Господинъ этотъ, назовемъ его хоть N, вздумалъ привезти въ подарокъ г-жѣ Ш. клюквы, которую она очень любила и которой, вслѣдствіи неурожая, было мало.

Вотъ онъ ... но лучше я расскажу объ этомъ событіи словами батюшки.—Пріѣхалъ я къ Ш. на Рождество поздравить ее съ праздникомъ и когда сидѣлъ я съ нею и сестрою ея въ гостиной, пріѣхалъ и N. Думая, что никого постороннихъ нѣтъ, онъ съ своимъ подаркомъ входитъ прямо, безъ доклада, въ гостиную, но, увидавъ меня и смѣшавшіеся нѣсколько, не рѣшился отдать его сейчасъ. Раскланявшись и поздравивши хозяекъ, онъ сѣлъ, а самъ, держа на колѣняхъ свою шляпу, прикрывалъ ею привезенный мѣшочекъ. Разговоръ не клеился, я умышленно молчалъ, хозяйки тоже; а гость, хотя видимо было ему неловко, [сидѣлъ упорно въ ожиданіи, что я уѣду прежде него.

Время шло, мерзлая клюква въ мѣшочкѣ стала отходить и, наконецъ, красныя капли начали падать на полъ. —Ай, ай! смотрите! вскричала хозяйка, что это такое? кровь! откуда это кровь?

—Нѣтъ-съ, это ничего-съ, это... это клюква.

—Какая клюква? кровь! ай, ай! дѣвка, скорѣе полотри!.. Вы окровавили мой полъ, обратилась она къ гостю.

Сестра ея вторила ей, производя суматоху и крича кровь! кровь! а я сидѣлъ и улыбался, а между тѣмъ и самъ не понималъ, что-бъ это значило. N растерялся окончательно. Не находя, что сказать, глухо бормочетъ, суетъ хозяйкѣ

мѣшочекъ, весь взмокшій текущимъ изъ него краснымъ сокомъ... Та отъ него пятится, крича: «ай, что вы, что вы за гадость привезли?! Вы меня запачкали», и несчастный Н съ своею клюквою бѣжитъ, не простившись, вонъ, и уѣзжаетъ, «не солоно хлебавъ», добавлялъ всегда при этомъ рассказъ батюшка.

Время для батюшки въ Ярославлѣ проходило пріятно. Онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о красотѣ ярославскихъ горожанокъ, купеческаго сословія, которыя тогда по—заморски еще не одѣвались, а ходили одѣтыми по-русски, въ богатыхъ штофныхъ сарафанахъ, да въ собольихъ шубейкахъ, въ золотыхъ уборахъ на головахъ, съ фатами, да съ дорогими жемчугами на шеяхъ и самоцвѣтными камнями въ упакъ.

Великолѣпный видъ представлялъ берегъ Волги, говоривалъ мой отецъ,—въ крещенье, во время водосвятія, усыпанный женщинами полными, бѣлыми, румяными и цвѣтушими здоровьемъ!..

Наконецъ, въ февралѣ 1800 года батюшка получилъ за подписомъ Архарова ордеръ, въ которомъ, вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія отъ 23 января, предписано ему, чтобъ находящимся для содержанія караула ротамъ въ Ярославлѣ, Угличѣ, Коломнѣ и Костромѣ возвратиться къ полку, какъ скоро мушкатерскіе полки Лейтнера, Меркулова, Миллера 1-го и Берга придутъ на непремѣнныя свои квартиры въ оные города.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ самую распутицу, батюшка выступилъ изъ Ярославля въ Москву и, къ несчастію, больной, потому что передъ выступленіемъ въ походъ онъ простудился и его ежедневно трепала лихорадка,

На половинѣ пути, когда въ одномъ селеніи на ночлегъ онъ лежалъ на своей квартирѣ, въ палящемъ жару, вдругъ сильный свѣтъ озарилъ его комнату и крики; пожаръ! пожаръ! вывели его изъ забытья.—Спасайтесь, ваше благородіе!.. вскричалъ вбѣжавшій въ избу фельдфебель,—дворъ горитъ, да ужъ и сѣни занимаютъ. Отецъ въ одной рубашкѣ вскочилъ съ постели, крича: спасайте знамя!.. схватилъ его, но отъ изнеможенія упалъ и обезпамятѣлъ.

Фельдфебель вынесъ его почти что изъ огня и онъ очнувшись, увидѣлъ себя лежащимъ въ постели на кровати въ другомъ селеніи, куда рота успѣла уже сдѣлать переходъ.

Такимъ образомъ едва живого везли моего отца за ротою. Разъ когда онъ былъ въ сильномъ жару, на ночлегѣ, пригрезился ему сонъ. Видитъ онъ, что онъ въ Донскомъ монастырѣ, тогда какъ дѣйствительно въ Донскомъ монастырѣ ему никогда бывать не приходилось. Видѣлъ онъ себя въ церкви, передъ образомъ Донской Божіей Матери и слышитъ будто голосъ: «Радуйся, мѣсто это свято!» Онъ разудлся, началъ усердно молиться и проснулся.

Весеннее солнышко ярко свѣтило въ окна его квартиры, онъ чувствовалъ, что силы его возвратились, что на сердцѣ повеселѣло.... Съ этого утра лихорадка его покинула и онъ возвратился въ Москву совершенно здоровымъ.

По прибытіи въ Москву, при первомъ свободномъ времени, онъ поѣхалъ въ Донской монастырь, о которомъ онъ, какъ я выше сказалъ, не имѣлъ никакого понятія, чтобъ возблагодарить Бога за свое излеченіе и отслужить молебенъ Божіей Матери. Видѣнный имъ сонъ еще былъ свѣжъ въ его памяти. Онъ входитъ въ соборъ и видитъ на яву все такъ-же, какъ видѣлъ во снѣ. Точь-въ-точь имъ видѣнный соборъ, точь-въ-точь такой-же и чудотворный образъ, какимъ онъ грезился ему во снѣ, и на томъ же мѣстѣ стоитъ онъ, и такъ-же теплится передъ нимъ лампада...

Какимъ образомъ и когда батюшка познакомился съ семействомъ шефа своего и будущаго тестя Петра Астафьевича фонъ-Рехенбергъ, въ 1800 году смѣнившаго Архарова, — мнѣ неизвѣстно, но кажется, что объ этомъ позаботился нѣкто г. Плинцнеръ.

Предокъ фамиліи Рехенберговъ былъ уѣзднымъ начальникомъ въ Растенбургѣ и совѣтникомъ въ г. Мемелѣ, по имени Эрнстъ фонъ-Рехенбергъ, и за вѣрныя услуги въ 1580 году отъ Марк-графа Бранденбургскаго Альбрехта, въ Растенбургскомъ уѣздѣ, награжденъ маестностями.

Потомки сего рода находились нѣкоторые въ курфиртской, а другіе въ российской службѣ. Изъ числа ихъ Освальдъ Людовикъ фонъ-Рехенбергъ въ 1772 году эзельскимъ дворянствомъ принятъ съ потомствомъ въ сочлены рыцарства, потомъ родъ Рехенберговъ внесенъ въ Нижегородской губерніи въ дворянскую родословную книгу.

Утверждаютъ, что оный родъ имѣетъ свое происхожденіе отъ фамиліи фонъ-Гауквицъ, которой начальный пре-

докъ Гансъ фонъ-Гауквицъ находился въ 1241 году въ сраженіи противъ татаръ при Лигницѣ, подъ начальствомъ Гейнрикуса Пяуха и тогда наименованіе получилъ Рехенбергъ.

Есть преданіе, что первоначальный предокъ ихъ, командуя отрядомъ войскъ, получилъ отъ начальника своего приказъ: «мсти сей горѣ» т. е. Рехедербергъ (Räche den Berg), что имъ и было исполнено. Въ воспоминаніе этого подвига ему была дана фамилія Рехебергъ. Гербъ съ краснымъ полемъ, вѣроятно, обозначаетъ кровавое поле, и въ немъ поднятый серебряный кулакъ означаетъ, что побѣда или месть была произведена холоднымъ оружіемъ, въ томъ вѣкѣ употребляемымъ.

Дѣдушка Петръ Астафьевичъ воспитывался въ томъ-же шляхетномъ корпусѣ, гдѣ и батюшка; но выпущенъ былъ прапорщикомъ еще въ 1759 году, былъ въ походахъ въ Польшѣ, Молдавіи, Валахій и Бессарабіи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и въ томъ числѣ, 7 іюля 1769 г., у рѣки Ларю, при взятіи непріятельскаго ретраншемента, и 21 числа лагеря при озерѣ Кагулѣ. Въ генераль-маіоры былъ пожалованъ въ 1800 году, и, по особенному вниманію Императора Павла Петровича, былъ, по удаленіи Архарова, назначенъ шефомъ московскаго гарнизоннаго полка.

Прежде онъ былъ комендантомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, женился на дѣвицѣ Аннѣ Акакіевнѣ Демидовой, родной внукѣ Прокофія Аканфіевича Демидова, такъ извѣстнаго своимъ мотовствомъ, дурачествами и громадными благодѣяніями.

Отецъ Анны Акакіевны Акакій Прокофьевичъ воспитаніе получилъ въ Голландіи, и потому по-русски говорилъ почти какъ иностранецъ.

Отецъ мой узналъ его, уже женившись на его внучкѣ, когда онъ былъ уже вдовцомъ и доживалъ свой вѣкъ въ Нижегородской своей вотчинѣ. Въ обильномъ его подвалѣ хранилось много старыхъ драгоценныхъ винъ; онъ былъ гостеприименъ и любилъ, чтобъ за столомъ пили и ѣли, какъ можно болѣе.

Онъ не любилъ, чтобъ на тарелкахъ его гостей оставалось недоѣденное кушанье, или въ большихъ его рюмкахъ не допитое вино. «Что ты, душенька, не пьешь?» говорилъ онъ гостю, замѣтя, что вино не допито.

— Не могу, Акакій Прокофьевичъ, много пилъ.

— А зачѣмъ-же ты, душенька, наливалъ? Пей, или я велю, душенька, вылить тебѣ за пазушку... Гость зналъ Акакія Прокофьевича, что его спокойно сказанная угроза неотразима,—выпивалъ. Такъ-же точно онъ заставлялъ гостя доѣдать взятое излишнее на тарелку кушанье, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, выложить остатки гостю за пазушку.

Вина въ его подвалѣ были распредѣлены по числу лѣтъ. Спрашивая, напримѣръ, венгерскаго или ренвейна, онъ только показывалъ дворецкому знаками, поднимая вверхъ то одну, то другую руку, съ растопыренными пальцами.

Одна поднятая рука значила 5 лѣтъ; двѣ руки—10 лѣтъ; вторично поднятая первая рука 15 лѣтъ, и такъ далѣе. Для почетныхъ и рѣдкихъ гостей счетъ этотъ восходилъ до 80 и болѣе лѣтъ.

Воспитанникъ чужой земли, онъ, вопреки духу своего времени и устава православной церкви, не соблюдалъ постовъ, но разъ въ годъ, т. е. въ великую пятницу, весь день не ѣлъ ничего и только около вечера выпивалъ рюмку вина.

Домоправительницею его была дворовая женщина, кажется, по имени Аграфена; но онъ обыкновенно называлъ ее Барушкою. Внѣшнимъ же хозяйствомъ завѣдывалъ управляющій, котораго онъ звалъ Кондрантъ Степановичъ.

Когда управляющій приходилъ къ нему съ докладомъ по хозяйству, Акакій Прокофьевичъ восклицалъ: Барушка! подай Кондрантію Степанычу чаю... А Кондрантъ Степанычъ былъ немножко плутовать и конечно проводилъ барина, тѣмъ болѣе, что баринъ былъ не практиченъ, какъ младенецъ, и хозяйствомъ не занимался.

Разъ, когда пріѣхалъ къ нему батюшка, онъ, между прочимъ разговоромъ, вдругъ говоритъ ему:—какая странность, душенька, у меня случилась! На мельницѣ жерновъ мыши проѣли.

— Можетъ-ли это быть, дѣдушка?...

— Ты, душенька, дуракъ... не вѣришь!... Кондрантъ Степанычъ лучше знаетъ; Барушка, проводи его на мельницу, да покажи жерновъ.

Батюшка пошелъ, осмотрѣлъ жерновъ и нашелъ въ немъ дыру, вѣроятно размоловшуюся отъ случайно попавшаго между жернововъ какого-нибудь твердаго тѣла:

желѣза или кремня;.. а Барушка совѣтовала не спорить съ дѣдушкой.

— Ну что, душенька, видѣлъ? спросилъ Акакій Прокофьевичъ возвратившагося батюшку.

— Видѣлъ, дѣдушка, правда!

— То-то, душенька, не спорь!.. Кондрантъ Степанычъ говоритъ, такъ ужъ, значить, правда!..

Когда Акакій Прокофьевичъ отдавалъ Кондрантію Степанычу приказанія по хозяйству, Кондрантъ Степанычъ, засунувъ растопыренные пальцы правой руки за бортъ своего казакина и насупивъ въ продолженіе всей рѣчи барина брови съ мрачнымъ видомъ, говорилъ: слушаю-сь!.. слушаю-сь! слушаю-сь! Это слушаю-сь онъ повторялъ то возвышая, то понижая голосъ на всѣ тоны. Не смотря, впрочемъ, на всѣ слушаю-сь, Кондрантъ Степанычъ распоряжался, какъ ему казалось лучше.

У Акакія Прокофьевича, кромѣ дочери Анны Акакіевны, былъ еще сынъ Александръ Акакіевичъ, веселый остроумный повѣса... Но до лѣтописи нашего семейства онъ уже касается мало.

Бабушка Анна Акакіевна скончалась въ концѣ 30-хъ годовъ. Въ старости она была терпѣлива, держала себя съ достоинствомъ, не было ни капризовъ, ни строптивости; духъ ея былъ покоенъ и разливалъ спокойствіе на окружавшихъ. Не такова она была въ молодости. Обладая рѣдкою красотою, которую не могли совершенно изгладить и многіе пережитые ею годы, она была капризна, нетерпѣлива и бранлива, однимъ словомъ «характерна», какъ выражался батюшка, или какъ обыкновенно выражались въ его время о женщинахъ съ разстроенными нервами.

Дѣдушка былъ и терпѣливъ и кротокъ. Отъ шума и брани съ домочадцами онъ уходилъ и запирался въ своемъ кабинетѣ, пока не проходила буря; но иногда, вышедъ изъ терпѣнія, давалъ такой окрикъ на жену, что она, въ свою очередь, что называется, поджимала хвостъ.

Бабушка была хорошею хозяйкою, въ смыслѣ распорядительности. Вставала рано, и къ 10 часамъ все въ домѣ было въ порядкѣ; сама была одѣта и готова принимать гостей. Ломберный столъ, съ готовыми картами, былъ уже

раскинуть въ ея гостиной... Играть въ карты была бабушкина страсть.

Въ бытность свою въ 1835 году въ Москвѣ, въ годовомъ отпуску (полкъ казанскій драгунскій, въ которомъ я служилъ, стоялъ тогда въ Курскѣ), я любилъ навѣщать гостепріимную бабушку и пользоваться ея хлѣбосольствомъ. Она жила на квартирѣ, въ приходѣ Никиты Мученика, что въ старой Басманной, въ Гороховомъ переулкѣ, въ деревянномъ чистенькомъ флигелькѣ, при домѣ купца Суслова.

Большой квартиры она имѣть не могла, потому что жила небольшимъ пенсіономъ, получаемымъ за службу мужа, да пенсіономъ отъ одного изъ Демидовыхъ, да деревенскимъ запасомъ, который доставляла ей одна изъ дочерей, тульская помѣщица Марья Петровна Авдѣева. Какъ истинная хлѣбосолка, бабушка терпѣть не могла маленькихъ рюмокъ, стакановъ, чашекъ, графиновъ, всѣ подобнаго рода вещи были у нея крупны и объемисты. Пирожки къ горячему пеклись вѣсомъ едва-ли менѣе $\frac{1}{2}$ фунта; разливая горячіе щи или борщи, она свои особенно глубокія и объемистыя тарелки наполняла съ краями наравнѣ жижею и двумя или тремя увѣсистыми кусками мяса. Едва начинаешь доѣдать щи или пирожокъ, она уже снова подливаетъ жижи, или съетъ другой пирогъ.

— Бабушка, не могу, не въ силахъ...

— Врешь, врешь, ѣшь! говорила бабушка съ такой энергіей гостепріимства, что возражать не было невозможно. Что съ горячимъ и съ пирожками, то бывало и съ жаркимъ, и съ котлетами, которыя только-что укладывались въ тарелкѣ, изъ края въ край, и вѣсомъ, если-бы ихъ свѣсить, мало уступали пирожкамъ.

Не смотря на волчій аппетитъ юности, тогда мнѣ было 22 года, послѣ бабушкинаго обѣда, меня распирало такъ, что я съ трудомъ возвращался домой на Ольховцы, что въ Красномъ Селѣ.

Въ квартирѣ ея все было необыкновенно чисто и покойно. Самоваръ блестялъ, какъ золото, столовое бѣлье сіяло серебристой бѣлизной. Сама бабушка всегда была одѣта тщательно, воротнички и оборки ея чепца были туго накрахмалены.

Исключая родныхъ да въ городъ за покупками, она не выѣзжала никуда. Изъ родныхъ она чаще всего бывала

въ гостяхъ у двоюроднаго своего брата Петра Львовича Демидова, имѣвшаго свой домъ въ Денисовскомъ переулкѣ, и гдѣ для нея всегда собиралась пуляка. Когда приходилъ, бывало, отъ Петра Львовича посланный съ такими словами: «Петръ Львовичъ приказалъ кланяться и приказалъ доложить вашему превосходительству, что они, молъ, дома, и у нихъ будутъ вечеромъ Надежда Петровна,—такъ неугодно-ли, дескать, и вамъ пожаловать провести съ ними время. Если прикажете, они пришлютъ за вами карету».—Благодаря, молъ, Петра Львовича, отвѣчала всегда бабушка,—и доложи ему, что Анна Акакіевна очень, дескать, рада провести съ ними время, что пусть, молъ, въ 6 часовъ пришлютъ карету.

Но возвратимся назадъ къ моему отцу. Я выше сказала, что о знакомствѣ его съ домомъ Рехенберга хлопотала г-жа Плинцнеръ. Варвара Сергѣевна Плинцнеръ была родственницею извѣстной Салтычихи. Не знаю, похожа-ли она была на нее лицомъ, но положительно можно сказать, что не только такихъ звѣрскихъ наклонностей, какъ ея родственница, она не имѣла, но, напротивъ, была необыкновенно и добра, и кротка. Мужъ ея, Богуславъ Крестьяновичъ, былъ отставной капитанъ, и въ двадцатыхъ годахъ, когда я ихъ узналъ, они оба были уже стариками.

Не знаю, какова Варвара Сергѣевна была съ молодю, но въ старости очень не красива, если не сказать страшна. Черныя, густыя сросшіяся брови дугообразно изгибались надъ черными большими круглыми глазами съ вѣками, какъ-будто вывороченными. Черные съ просѣдью волосы по сторонамъ узкаго лба висѣли какими-то прядями, а верхняя толстая, надъ большимъ ртомъ, губа и подбородокъ были покрыты рѣдкими волосами. Вся-же фигура представляла разбрызглую массу.

Богуславъ Крестьянычъ представлялъ, напротивъ, сухую, нѣмецкаго типа, фигуру, съ маленькими сѣрыми глазами и сѣдыми, примазанными, коротко остриженными, волосами на головѣ. Онъ всегда былъ одѣтъ въ отставномъ форменномъ сюртукѣ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, съ желтымъ воротникомъ и бѣлыми пуговицами. Маленькій деревянный ихъ домикъ, въ 5 оконъ на улицу и свѣтелкою надъ крышей, находился въ Красномъ Селѣ, рядомъ съ церковью Тихвинской Божіей Матери, что нынѣ соборный храмъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Теперь до-

мика этого и слѣдовъ нѣтъ, на мѣстѣ его теперь возвышается одна изъ угольныхъ башенъ монастырской ограды съ южной стороны, что близъ монастырскихъ воротъ.

Въ домикѣ этомъ постоянно сидѣло за пяльцами нѣсколько дѣвушекъ швей, вышивавшихъ гладью по коленкору и батисту на заказъ. Въ то время, т. е. въ 20 годахъ, на такого рода шитье была мода; капоты, платья, платки носовые, воротнички, перелинки и даже концы мужскихъ галстуковъ, все вышивалось, а потому и недостатка въ заказахъ для бѣлошвейнаго заведенія г-жи Плинцнеръ не было. Швейное мастерство этого рода было не столько изящно, сколько копотно. Рѣшетки, паутинки требовали много труда и старанія, такъ что на вышиваніе иной рѣшетки нужно бывало употребить времени болѣе половины дня, а для вышиванія платья или кобота отъ 2-хъ до 6-ти мѣсяцевъ и болѣе для двухъ швей. Въ лѣтніе жаркіе дни работа эта была мучительна, тѣмъ болѣе, что требовала большой чистоты рукъ, чтобы работа вышла изъ пяльцевъ совершенно чиста. Мытая работа теряла уже свой видъ, а слѣдовательно и цѣну; почти во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ того времени горничныя дѣвушки были заняты шитьемъ въ пяльцахъ. Нерадивымъ швеямъ, которыя, по неосторожности, брались за иглу потными руками и салили работу, задавались трепки, а хорошихъ старательныхъ швей расчетливыя барыни осуждали на безбрачіе, говоря: Вотъ еще! учила, учила... выучила шить да выдавай дѣвку за мужъ; а кто-жъ мнѣ шить-то будетъ? и такимъ образомъ много швей оставалось на всегда весталками по милости моды и пяльцевъ.

Старички Плинцнеры выѣзжали изъ дома не иначе, какъ въ каретѣ парой. Лошади старыя, кожа да кости—будто сейчасъ съ живодерни, карета дребезжащая; одежда и видъ кучера—все соотвѣтствовало лошадямъ и каретѣ... Таковъ ужъ былъ духъ времени 20-хъ годовъ.

Вотъ эта-то г. Плинцнеръ сосватала батюшку. Какъ происходило первое знакомство съ невѣстою, свиданія и объясненія, не знаю; но кажется, что все это совершилось очень просто. Объясненія были производимы чрезъ сваху, а невѣсту спросили, когда предложеніе было принято и слово уже было дано. 1801 года, января 21 дня, былъ сговоръ, а апрѣля 10, того-же года, совершилось и бракосочетаніе въ Екатерининскихъ казармахъ.

ГЛАВА III.

Свиданіе молодыхъ съ В. А. Нестеровой.—Выходъ отца въ отставку и первые годы его жизни послѣ женитьбы.—Рожденіе дѣтей.—Генераль Ермоловъ.—Дѣло его о кражѣ вещей.—Письмо Ермолова.—Анекдотъ.—Жизнь въ Любавѣ.—Хозяйство.—Тетушка Марія Николаевна.—Шалости моего отца.—Пожаръ въ Любавѣ въ 1806 г.—Перестройка въ деревнѣ.—Служба въ уѣздномъ земскомъ войскѣ.—Левъ Дмитріевичъ Измайловъ.—Стихи, ему посвященные.—Его сумасбродства.—Милиція 1807 года.—Письмо тетушки Анны Павловны о пребываніи въ Москвѣ Императора Александра Павловича.—Н. И. Коробинъ.—1812 годъ.—Ожиданіе непріятеля.—Переѣздъ матушки съ семьей къ Нестеровымъ въ Алешню.—Паника въ Зарайскѣ.—Безпорядки.—М. Н. Лихаревъ.—Депутатія рязанскаго дворянства къ Государю.—Письмо Булыгиной.—Письма отца къ моей матери изъ Зарайска.—Вліяніе событій 12-го года на общественную жизнь.—Воспоминанія изъ моего дѣтства.—Поѣздки съ отцомъ на охоту.—Ученіе.—Наше воспитаніе.—Опредѣленіе братьевъ въ корпусъ.

Когда батюшка, женившись, пріѣхалъ съ молодою женою къ Нестеровымъ, чтобъ представить ее роднымъ, Варвара Александровна въ то время была нездорова. Большіе черные ея глаза ввалились и горѣли неестественнымъ огнемъ, на впалыхъ щекахъ румянецъ рдѣлъ ярче обыкновеннаго. Чихотка довольно уже рѣзко положила на нее свое разрушительное клеймо.

—Варвара Александровна проситъ васъ къ ней, доложили отцу моему, когда онъ сидѣлъ въ гостиной. И вотъ, молодые, въ сопровожденіи Александры Александровны и тетушки Анны Павловны, пошли къ ней.

Варвара Александровна сидѣла на диванѣ, въ полулежащемъ положеніи, обложенная подушками. На ней была одѣта бѣлая кофта, обшитая кружевами; черные волосы были подобраны подъ маленькій бѣлый чепчикъ. Не смотря на болѣзнь и простоту одежды, она все еще была прекрасна. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и любезностей, всѣ сѣли. На столѣ, стоявшемъ передъ больною, между стеклянками лекарствъ лежало нѣсколько померанцевъ,

Варвара Александровна, сжавши одинъ померанецъ въ горячей рукѣ, держала его долго, отчего онъ сильно нагрѣлся. Когда общій разговоръ отклонился къ пріѣзжей молодой, она долго и пристально на нее смотрѣла и, наконецъ, подавая отцу нагрѣтый ею померанецъ, спросила: — что, горячъ?

— Горячъ, отвѣчалъ батюшка.

Она, поспѣшно вырвавъ изъ руки его, поданный ею померанецъ обратно, и взявъ другою рукою со стола холодный, сказала: Такъ возьми-жъ себѣ этотъ. Намекъ этотъ былъ вызванъ неотразимымъ чувствомъ ревности увядавшей красоты къ красотѣ, только что расцвѣтшей,—ярко догоравшей, послѣ знойнаго дня, вечерней зари къ блѣдносіяющей потоками свѣта, зарѣ утренней, освѣжающей предвѣстницѣ чуднаго дня.

Вечерняя заря, послѣ этого свиданія, не долго горѣла, а батюшка вскорѣ послѣ женитьбы подалъ въ отставку и 16-го сентября 1801 года былъ изъ военной службы уволенъ.

Положеніе батюшки было довольно тѣсное. Чѣмъ было жить съ молодою женою, которая послѣ замужества скоро сдѣлалась беременною? По предположенному раздѣлу, батюшкѣ досталось 19 душъ и разоренная усадьба въ Любавѣ, за женой онъ взялъ въ Царевосанчурскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, 50 душъ оброчныхъ крестьянъ... и только. Ясно, что жить было нечѣмъ. Сначала онъ попробовалъ было попросить себѣ мѣсто городничаго въ какомъ нибудь изъ уѣздныхъ городствъ, ѣздилъ даже самъ въ Петербургъ, но мѣста городничихъ оказались продажными, а денегъ у батюшки не было; кое-какъ онъ получилъ мѣсто въ Нижегородской губерніи надзирателя за прогономъ гуртовъ, но долго ли онъ имъ пользовался—не знаю. Вообще время отъ получения увольненія изъ военной службы и до 1807 года, какъ-то, осталось темно... вѣрнѣе всего, что онъ оставался еще жить въ Москвѣ, въ семействѣ Петра Астафьевича, и изъ Москвы поѣхать въ Зарайскій уѣздъ повидаться съ родными и съ матерью. Я это думаю потому, что старшіе братья мои, Петръ Васильевичъ, родившійся 18-го мая 1802 года, и Павелъ Васильевичъ, родившійся 5-го ноября 1803 года, оба родились въ Москвѣ, въ Екатерининскихъ казармахъ, и въ этотъ 1803 годъ, мая 8-го дня, дѣдушка Петръ Астафьевичъ

по Высочайшему Его Императорскаго Величества приказу, прослуживъ въ офицерскомъ званіи безъ году 40 лѣтъ, былъ уволенъ отъ службы съ правомъ носить мундиръ и съ пенсіономъ половиннаго жалованія.

Въ это время многобаталіонный Архаровскій полкъ былъ расформированъ и оторванныя отъ него команды ежедневно одна за другою выходили изъ Екатерининскихъ казармъ съ тѣмъ, чтобъ ужъ болѣе яъ нихъ не возвращаться.

Стоя у окна своего кабинета, дѣдушка внимательно смотрѣлъ на удалявшіяся команды и невыразимая тоска отразилась на его кроткомъ лицѣ.

Въ концѣ 1803 года онъ оставилъ Москву и переселился въ Нижній-Новгородъ, Вѣроятно, что въ одно съ нимъ время, или вскорѣ, переѣхала туда и бабушка.

Всѣ родные со стороны матушки, т. е. Демидовы, по большей части жили въ Нижегородской губерніи, и потому надобно полагать, что батюшкѣ было не дурно. Всѣ новые родные его и любили, и уважали.

Во время батюшкиной службы въ Нижнемъ-Новгородѣ, мая 19 го дня 1805 года, родился братъ Алексѣй Васильевичъ.

Долго ли служилъ батюшка въ Нижнемъ-Новгородѣ, опредѣлить не могу; но только въ 1806 году онъ уже проживалъ въ родномъ своемъ гнѣздѣ въ Любавѣ. Въ декабрѣ 18-го дня 1806 года родились въ Любавѣ братъ Николай Васильевичъ.

20-го мая 1808 года тамъ же родился братъ Михаила Васильевичъ.

22-го іюня 1809 года родился братъ Дмитрій Васильевичъ. Онъ родился въ Зарайскѣ, потому что батюшка въ это время былъ судьей. Воспріемниками отъ купели былъ орловскій помѣщикъ отставной генералъ Ермоловъ, отецъ Алексѣя Петровича.

Знакомство съ Ермоловымъ было чистою случайностію. Дѣло вотъ въ чемъ: у Ермолова была украдена шкатулка, или, лучше сказать, довольно большой ящикъ, обложенный бархатомъ съ металлическою оправою, въ которомъ хранилось значительное количество драгоценныхъ вещей: браслеты, фермуары, колье, перстни и проч. въ этомъ родѣ.

Надобно полагать, что вещи эти были жалованныя Дворомъ. Воровъ этихъ поймали въ Зарайскѣ, началось слѣд-

ствіе и ихъ предали суду. Узнавъ, что воры, пойманы, Ермоловъ пріѣхалъ въ Зарайскъ для полученія вещей; но увы, вещи какъ-то застряли въ рукахъ полиціи. Тогда Ермоловъ обратился къ моему отцу, какъ къ судѣ. Слѣдственное дѣло оказалось неполнымъ. Судъ опредѣлилъ переслѣдовать, а ужъ какимъ то образомъ сдѣлалось, что настояніемъ отца, вмѣстѣ съ окончательнымъ слѣдствіемъ, былъ представленъ въ судъ и украденный ящикъ съ вещами.

Все это продолжалось довольно долго, и Ермоловъ жилъ въ Зарайскѣ и, пользуясь гостепріимствомъ батюшки, всѣ дни проводилъ у него, и обѣдалъ, и ужиналъ, однимъ словомъ, только что не ночевалъ.

—Всѣ ли тутъ ваши вещи? спросилъ батюшка Ермолова, представляя ему въ уѣздномъ судѣ, куда онъ былъ приглашенъ батюшкою освидѣтельствовать отысканный ящикъ, и тутъ же на присутственномъ столѣ, снявши съ него печать и открывъ его, началъ вынимать вещи одну за другою.

—Всѣ, отвѣчалъ Ермоловъ, но тутъ не достаётъ одного браслета съ изумрудомъ. И лицо его нѣсколько омрачилось. Онъ всталъ со стула и проворно началъ ходить по комнатѣ.

Между тѣмъ отецъ мой, укладывая снова вещи по своимъ мѣстамъ, ощупать подъ бархатомъ подмѣннымъ, подъ крышкою, что-то твердое; онъ оторвалъ бархатъ, и это оказался браслетъ. Кто его туда засунулъ, неизвѣстно.

—Вамъ очень жаль вашего браслета? спросилъ батюшка Ермолова.

—Да! Это былъ лучший камень изъ всѣхъ моихъ вещей — рѣдкій изумрудъ.

—Вотъ онъ, сказалъ батюшка, подавая ему браслетъ съ изумрудомъ.

Вотъ въ это-то время Ермоловъ покумился съ нашимъ семействомъ и во все время пребыванія своего въ Зарайскѣ все тужилъ, что нечѣмъ подарить куму, что нечего купить въ Зарайскѣ. Онъ былъ, какъ видится, порядочно скупъ.

По отѣздѣ своемъ онъ присталъ матушкѣ въ подарокъ платокъ, очень небольшой и очень недорогой, при слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивая Государыня Александра Петровна!

Изстари ведется, что кумовья дарятъ, слѣдовательно и

я, слѣдуя старинному обыкновенію, препровождаю платокъ, сожалѣю, что онъ не таковъ, какого хотѣлось; я выписалъ его изъ Польши, но и тамъ, по причинѣ повсемѣстной войны и остановки товаровъ, не могли отыскать большой мѣры, по крайней мѣрѣ, примите, Милостивая Государыня, къ улучшенію платка мое истинное къ Вамъ почтеніе: я, можетъ быть, сдѣлаю вамъ заботу отдарить кума, ежели вы примете мой совѣтъ, вы тѣмъ кума вашего одолжите: пошлите ему банку рѣдьки, варенной въ меду, и она принята будетъ съ большею благодарностію тѣмъ паче, что ему здѣсь не вѣрятъ, чтобъ рѣдьку варили. Въ заключеніе, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, съ неперемѣннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю навсегда.

Милостивая Государыня вашъ покорнѣйшій слуга
Петръ Ермоловъ.

1809, Октября 6-го.

Милостивому Государю моему Василю Павловичу мое истинное почтеніе. Ежели что о дѣлѣ-жъ моемъ извѣстно, покорно прошу меня увѣдомить.»

Въ 1810 году іюля 16 родился братъ Илья Васильевичъ въ Любавѣ.

Въ 1811 году ноября 15, тамъ-же, въ Любавѣ, родилась сестра Анна Васильевна.

Но я забѣжалъ впередъ и потому снова обращаюсь къ повѣствованію о батюшкѣ и его жизни.

Къ несчастію, я опять повторяю, что объ этомъ періодѣ его дѣятельности въ моей памяти осталось мало преданій. Изъ разсказовъ батюшки объ общественной жизни въ Нижнемъ-Новгородѣ я помню одинъ анекдотъ, который въ дѣйствѣ нашемъ, т. е. меня и братьевъ, очень смѣшилъ.

Въ тѣ времена, т. е. въ первые года текущаго столѣтія, всякій, чуть мало-мальски поразжившійся чиновничекъ, въ подражаніе дворянству, прежде всего обзаводился каретою.

Таковъ былъ ужъ обычай. Случилось, что одинъ какой-то проходимецъ изъ подъячихъ получилъ мѣсто секретаря гражданской палаты, мѣсто въ тѣ времена очень доходное, женился и къ наступающей веснѣ купилъ карету. Положено было обновить пріобрѣтенный экипажъ къ заутренѣ Свѣт-

лаго Христова Воскресенія, и какъ только поразгудѣлись колокола, молодые разошлись, сѣли въ карету и велѣли кучеру ѣхать въ соборъ. Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и лошади помчались большою рысью, Все-бы, казалось, шло хорошо, да карета-то, къ несчастью, оказалась ветха. На половинѣ пути полъ подъ ногами молодыхъ внезапно проламывается и молодые, до половины провалившись подъ него, очутились ногами на мостовой. Карета катится и они бѣгутъ. Напрасно они кричатъ кучеру: стой! стой! кучеръ не слышитъ: стукъ отъ проезжающихъ экипажей и звонъ колоколовъ заглушаютъ ихъ голоса. Наконецъ, карета подѣхала и остановилась у собора. Лакей отворилъ дверцы, но къ величайшему его изумленію господа выходятъ не изъ дверцъ, а изъ подъ кареты. Много по поводу этого происшествія было разговоровъ въ нижегородскомъ обществѣ, толковали долго, но никакъ не могли рѣшить вопроса: пріѣхали-ли молодые въ соборъ, или прибѣжали?...

По водвореніи въ Любавѣ, батюшка терпѣлъ большую нужду. Въ домѣ не было ни крючка, ни гвоздя, никакой мебели и никакой посуды. Все надобно было заводить, какъ послѣ непріятельскаго пожара. Денегъ не было, и доходило иногда до того, что негдѣ было взять нѣсколькихъ копѣекъ на самыя необходимыя нужды. Часто случалось, говорилъ нашъ батюшка, «что мать ваша напишетъ письмо къ своимъ и принесетъ ко мнѣ съ просьбою отослать на почту; я, чтобъ не огорчить ее, возьму у нея письмо, наобѣщаюсь отослать, а какъ она уйдетъ, поплачу, поплачу, да изорву его»...

Впрочемъ, время такой крайней нужды продолжалось не долго. Вскорѣ переѣхала къ намъ въ домъ бабушка Марья Николаевна, которая, какъ я говорилъ уже въ первой главѣ, изъ всѣхъ племянниковъ и племянницъ исключительно любила батюшку, и принесла съ собою въ домъ доходы свои съ Саранской вотчины. Съ пріѣздомъ ея дѣла значительно поправились. Она была дѣятельная, неутомимая хозяйка, такъ что до маменьки почти не доходило ничего; какъ принимала это маменька въ тайнѣ своего сердца—Богъ вѣсть, но, при необыкновенной ея кротости и терпѣніи, въ домѣ обитали и миръ, и тишина. Въ многочисленной дѣвчей всѣ дѣвки были заняты работой. Лѣтомъ шили и вязали чулки, зимою пряли тончайшія тальки. Въ ткацкой ткались полотна,

по своей тонинѣ и добротѣ возбуждавшія удивленіе всего околота. Дѣйствительно, батюшка продавалъ ихъ по 3 рубля ассигнаціями за аршинъ, или по 75 коп. на нынѣшнія серебрянныя, что, если сообразить относительную цѣнность денегъ тогдашняго и нынѣшняго времени, окажется, что наше домашнее полотно продавалось вдвое дороже, нежели очень хорошее голландское.

Кромѣ полотень, ткачи ткали салфетки, скатерти и сукно для одежды домашней прислуги. Вытканное сукно отдавалось на сукновальню и потомъ въ красильню, гдѣ его окрашивали преимущественно въ темно-зеленый или синій цвѣтъ.

Крупитчатая мука не покупалась. Тогда крупчатоку было еще мало, и потому мука была цѣнна. Ее только покупали въ оказіяхъ важныхъ, въ ожиданіи гостей. Для пироговъ и домашнего употребленія къ чаю пеклись папушники изъ своей домашней пшеничной муки. Чтобъ получить муку болѣе бѣлую, бабушка призоветъ бабъ на барскій дворъ, съ деревянными ступами, поставитъ ихъ противъ оконъ и подъ личнымъ ея наблюденіемъ велитъ сталкивать подсыянную и чисто промытую пшеницу, назначенную для помола.

По полученіи съ мельницы муки, она сама разсушивала ее, раскладывая на разостланныхъ листахъ бумаги по столамъ, по окнамъ дома, чтобъ мука не слиплась и, наконецъ, убирала въ кадочки своей кладовой, ключъ отъ которой она носила въ своемъ карманѣ. Энергія ея въ хозяйственныхъ занятіяхъ была неутомима. Ежедневно, съ ранней зари и до ночи, она вездѣ дѣйствовала лично. Заказывала повару столъ, выдавала провизію, дѣлала запасы вареньевъ и соленьевъ въ зиму, считала тальки, мѣрила полотна—и работа кипѣла, и со дня на день возрастало въ домѣ довольство и даже избытокъ. Правда, при тогдашнихъ понятіяхъ о хозяйствѣ и крѣпостномъ правѣ, въ полнѣйшемъ его развитіи, не обходилось безъ строгости, т. е. безъ побоевъ, и бабушка нерѣдко желѣзнымъ аршиномъ или бѣзмяномъ тузила нерадивыхъ, но это нисколько не возбуждало противъ нея ожесточенія, а напротивъ ее любили, и даже въ позднѣйшія времена говорили объ ней, какъ о доброй барыни. И она дѣйствительно была добра; а въ не добрѣ было виною недоброе крѣпостное право. Не смотря на ея постоянную дѣятельность и взысканія, пѣсни въ дѣвичей не умолкали, и

вся дворянъ была весела, а въ свободные часы лѣтнихъ вечеровъ и праздниковъ гуляла и веселилась.

Батюшка занимался садоводствомъ, и этой отраслью хозяйства занялся съ жаромъ и любовью. Въмѣстѣ съ красавицею женою, моею матушкою, они трудились въ саду, и въ цвѣтникахъ, и въ огородѣ; ихъ собственными руками былъ насаженъ новый садъ, который долго носилъ названіе молодого.

Впослѣдствіи этотъ садъ разросся и приносилъ въ иной хорошій годъ дохода до 1000 р. ассигнаціями.

Батюшка былъ чрезвычайно веселаго нрава и необыкновенно любезенъ. Онъ любилъ составлять общественныя удовольствія; вскорѣ дворянство уѣзда и сосѣди искренно полюбили его и оцѣнили. Изъ разсказовъ объ его шалостяхъ этого времени я помню два. Батюшка, еще въ корпусѣ упражняясь гимнастикой, приобрѣлъ легкость и ловкость. «Разъ, разсказывалъ онъ,—это было на святой недѣлѣ,—пришли, по обыкновенію, священникъ съ причтомъ и съ образами. Приѣхали тоже къ обѣду кое-кто изъ сосѣдей и родныхъ; когда молебень былъ отслуженъ и образа поставлены, я пригласилъ всѣхъ гулять въ садъ. Когда всѣ шли по узкой дорожкѣ, одинъ за другимъ, я разбѣжался сзади, оперся въ плечи пономаря и перепрыгнулъ черезъ голову. Не успѣлъ онъ опомниться и оглянуться, а я уже перепрыгнулъ точно такъ-же черезъ дьячка, онъ: ахъ! а я уже прыгнулъ черезъ попа; еще сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ чрезъ всѣхъ, кто только шелъ по дорожкѣ и, наконецъ, черезъ тетушку. Разумѣется, это гимнастическое упражненіе моего отца послужило поводомъ къ продолжительному удовольствію маленькаго домашняго общества.

Въ другой разъ батюшка, нарядившись въ какой-то халатъ, надѣлъ курчавый длинный парикъ на голову, а другою, женскою, подвѣсилъ къ подбородку (парики эти достались ему отъ дѣдушки Петра Астафьевича, который, впрочемъ, самъ париковъ не носилъ) и пошелъ въ садъ, когда пошли туда матушка и бабушка съ гостями. Матушка была предупреждена, но другіе не знали ничего, и потому очень удивились и даже не безъ нѣкоторой робости увидали крадущагося около садоваго забора и укрывающагося между деревъ страннаго вида человѣка. Не менѣ ихъ струсилъ и

сидѣлецъ снявшаго садъ куща, караулившій садъ, но, признавая своею обязанностію прогнать мошенника, какъ онъ полагалъ, вошедшаго въ садъ, пошелъ къ батюшкѣ на встрѣчу съ дубиной: «кто ты такой?» вскричалъ онъ, бросившись на батюшку, и прежде, чѣмъ батюшка успѣлъ ему отвѣчать, онъ огромною своею ручищею нанесъ батюшкѣ славнѣйшую затрецину. Вѣроятно, онъ бы пустилъ въ ходъ и дубинку, если бы батюшка не успѣлъ сдернуть съ себя парика и бороды. Увидѣвъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, сидѣлецъ страшно перепугался, упалъ на колѣни, просилъ прощенья... Разумѣется, что батюшка и не сердился на него, но долго не могъ забыть печальнаго послѣдствія своей шалости.

Въ 1806 году Богъ посѣщалъ Любаво пожарами. Сгорѣлъ скотный дворъ и задній дворъ съ избами, гдѣ жили женатые дворовые и, наконецъ, всѣ крестьянскіе дворы. Объ этомъ пожарѣ Гаврила Малафѣевичъ рассказывалъ такъ: «Вотъ, государь мой, Тимофей кузнецъ затеръ квашню на хлѣбы и во время пожара квашня-то осталась въ избѣ. Когда все сгорѣло и мы бродили по пепелищу, подымая то и другое, роясь въ угольяхъ—глядь! квашня-то цѣлехонька, да что цѣлехонька! хлѣбъ-то испекся въ ней во всю квашню. Поднялся чуть не въ полтора аршина и какой же вкусный. Въ жизнь свою не ѣдалъ я такого хлѣба. Право слово, государь мой. Цѣлую недѣлю мы имъ питались».

Послѣ пожара батюшка нашелъ необходимымъ, для большого простора строеній, мѣсто сгорѣвшихъ дворовъ сажень на 5 отодвинуть назадъ. Дѣло очень простое, но возбудило неудовольствіе со стороны домовыхъ. По словамъ кузнеца Тимофея, домовые по ночамъ вопили по старымъ пепелищамъ и что онъ самъ слышалъ въ пустомъ мракѣ ночи, какъ они завывали, плакали...

Народъ встревожился, но батюшка нашелся... Онъ приказалъ на сгорѣвшемъ пепелищѣ деревни положить розги, объявивъ при этомъ Тимофею кузнецу и всѣмъ дворовымъ и крестьянамъ, что кто услышитъ, что домовые плачутъ, то тутъ же на мѣстѣ будетъ выдранъ. Вѣроятно, домовые, чтобъ не подвергать истязанію невинныхъ, перестали плакать, а деревня отстроилась по новой линіи.

Въ 1807 году отецъ мой былъ избранъ въ тысячные начальники Зарайскаго земскаго войска. О дѣятельности его

въ эту эпоху я мало имѣю свѣдѣній, и изъ бумагъ, отъ нея сохранившихся, мало что можно извлечь интереснаго.

Зарайскимъ уѣзднымъ земскаго войска начальникомъ былъ генераль-маіоръ Логвеновъ, а командиромъ всего рязанскаго земскаго войска былъ генераль-маіоръ и кавалеръ Левъ Дмитріевичъ Измайлловъ. Личность эта была необыкновеннымъ психологическимъ явленіемъ тогдашняго общества. Жаль, что нѣтъ его біографіи, жаль, что нѣтъ у меня въ рукахъ никакихъ документовъ, чтобъ сколько нибудь посерьезнѣе познакомить съ нимъ читателя.

Смутны были разсказы, и еще смутнѣе преданія о жизни и дѣятельности Льва Дмитріевича. Довольно того, что онъ былъ потомокъ хорошаго рода, наслѣдовавшій отъ предковъ огромное состояніе, какъ въ недвижимомъ имуществѣ, такъ и въ капиталахъ и драгоценныхъ вещахъ. Извѣстность свою между современниками пріобрѣлъ онъ богатствомъ, роскошью, всевозможныхъ родовъ неистовствами, богохульствомъ, кощунствомъ, дерзостью противъ властей и необузданнымъ самоуправствомъ.

Онъ имѣлъ огромную псовую охоту, до 2000 собакъ и до 3000 охотниковъ и псарей; стаи гончихъ считались у него не десятками, а сотнями. Украшенія одежды охотниковъ и ихъ охотничьи рога блистали настоящимъ серебромъ. Что онъ ни творилъ въ жизни, все сходило ему съ рукъ.

Когда старость и болѣзни его уже уgomонили, онъ жилъ въ небольшомъ своемъ помѣстьѣ Горкахъ, на берегу Оки, близъ сельца Перевицкаго Торжка, гдѣ нынѣ одна изъ станцій московско-рязанской желѣзной дороги; когда ужъ онъ и ходить не могъ вслѣдствіе подагры, отъ которой у него вываливались разлагавшіяся въ известъ кости, вдругъ со стороны крестьянъ села Дѣднова возникло дѣло о правѣ владѣнія лугами и, наконецъ, доносъ.

Началось слѣдствіе и длилось много лѣтъ; но конца слѣдствія Левъ Дмитріевичъ уже не дождался. Онъ умеръ и похороненъ въ селѣ Дѣдновѣ за алтаремъ собора. Надъ прахомъ его воздвигнутъ великолѣпный памятникъ изъ карарскаго мрамора, дѣланный въ Италіи.

Три трехлѣтія Левъ Дмитріевичъ былъ избираемъ дворянствомъ Рязанской губерніи въ предводители и въ этомъ званіи Левъ Дмитріевичъ Измайловъ постоянно дѣйствовалъ

въ пользу своего сословія; но эта забота въ сущности проистекала болѣе изъ тщеславнаго побужденія стоять въ постоянной оппозиціи къ административнымъ властямъ и судебнымъ преслѣдованіямъ, безъ всякаго уваженія къ правдѣ и справедливости. Оппозиція эта, опираясь на богатство и на связи, доходила до сумасбродства. Напримѣръ: кто-то изъ губернаторовъ современныхъ предводительству Льва Дмитріевича Измайлова объявилъ циркулярно запрещеніе ѣздить по Рязани съ колокольчиками. Конечно, это была не выдумка губернатора, а вѣроятно запрещеніе это послѣдовало свыше и распространялось, какъ на столицы, такъ и на всѣ губернскіе города. Льву Дмитріевичу распоряженіе это почему-то не понравилось. Широкая его натура не терпѣла никакихъ ограниченій; и вотъ онъ велѣлъ изготавить 20 или болѣе троекъ лихихъ лошадей въ телѣгахъ; подъ дугами подвязали по нѣсколько колокольцевъ съ бубенцами, на каждую телѣгу поставили по человѣку, кого съ чайникомъ, кого съ кофейникомъ, кого съ сахарницей, кого съ самоваромъ, блюдами, мисками и пр. и весь этотъ поѣздъ, гремѣющій и звенящій, три раза пролетѣлъ во всю скачъ изъ конца до конца города мимо дома, занимаемаго начальникомъ губерніи.

Ссадить губернатора съ мѣста, что, кажется, ему не разъ удавалось, для него, по его собственнымъ словамъ, было нипочемъ. «Стоить мнѣ послать въ Петербургъ тысячъ 20, говорилъ онъ, вотъ губернатора и долой!» Много слыхалъ я рассказовъ про его самоуправство, но теперь я все перезабылъ. Помню только разъ, когда я былъ маленькій, пріѣхали къ намъ гости и, какъ новость, говорили, что вотъ на дняхъ Левъ Дмитріевичъ высѣкъ одного дворянина, помѣщика, именно Гальянинова.

—Какъ, Гальянинова, кривого-то? спросилъ мой отецъ: —да вѣдь онъ дворянинъ?

—Какъ есть дворянинъ, продолжалъ рассказчикъ, --со сѣдъ, и порядочный. У него, кажется, работниковъ 12 на работу выходятъ.

—Да за что же, и какъ же это?

—Гальяниновъ былъ у него въ гостяхъ и что-то съ нимъ заспорилъ.. Генераль разсердился, приказалъ подать розогъ и тутъ же въ гостиной въ своемъ присутствіи его высѣкъ.

Объ этомъ происшествіи тогда долго говорили, но какъ я помню, это выходящее изъ границъ самоуправство не возбуждало въ слушателяхъ и разсуждавшихъ особеннаго негодованія. Генераль разсердился, стало быть виновать Гальяниновъ, что его высѣкли: не споръ съ такимъ лицомъ! Куда ужъ мелкопомѣстному спорить.

Въ 13-мъ году онъ командовалъ конною дивизіею рязанскаго ополченія. Сѣдла и вся сбруя были плохи, гдѣ было взять? Левъ Дмитріевичъ, не думая долго, построилъ всѣ сѣдла и съ приборами на цѣлую дивизію на свой счетъ. Въ Лейпцигѣ ему вздумалось войти въ одинъ галантерейный, довольно богатый магазинъ; «что стоитъ весь магазинъ? спросилъ онъ и, получа отвѣтъ, не выходя изъ магазина, заплатилъ деньги и велѣлъ всѣ товары, наполнявшіе магазинъ, накладывать на воза. Все это я слышалъ въ малолѣтствѣ. Преувеличено ли все это—не знаю, но, какъ говорили и какъ я слышалъ, такъ и передаю.

Но обратимся къ милиціи 7-го года. Можетъ быть, читателямъ любопытно будетъ знать, какіе мундиры носили офицеры милиціи, то я могу удовлетворить ихъ любопытство. Вотъ Высочайше утвержденное описаніе мундира для служащихъ въ милиціи.

Мундиръ, жилетъ и нижнее платье.

Мундиръ темно-зеленаго цвѣта по образцамъ, кои доставлены будутъ къ главнокомандующимъ областною милиціею

Жилетъ бѣлый.

Нижнее платье темно-зеленое подъ цвѣтъ мундира.

Отличіе мундира по чинамъ.

Главнокомандующій областною милиціею имѣетъ два золотые эполета. Они могутъ носить и военные ихъ прежніе мундиры по произволу. Командующимъ губернскаго милиціею имѣтъ эполетъ на лѣвомъ плечѣ и погонъ на правомъ.

Командующимъ уѣздной милиціей имѣтъ два пагона.

Тысячнымъ начальникамъ имѣтъ эполетъ на лѣвомъ плечѣ.

Пятисотеннымъ погонъ на лѣвомъ плечѣ. Главнокомандующимъ и командующимъ какъ губернскаго, такъ и уѣздною милиціею носить шпаги и сабли по произволу.

Начальникамъ тысячнымъ и прочимъ ниже ихъ носить сабли.

На подлинномъ описаніи подпис: «графъ Кочубей».

По случаю введенія вышеописанной форменной одежды отъ начальниковъ губернскаго войска въ январѣ 1807 года послѣдовалъ ордеръ слѣдующаго содержанія:

«Господину Зарайскому уѣздному земскаго войска начальнику генераль-маіору Логвену».

«Замѣчено мною, что нѣкоторые изъ служащихъ въ милиціи здѣшней губерніи чиновниковъ носятъ фраки, а какъ они уже воспользовались Высоко-Монаршею милостію носить имъ мундиры, то рекомандую Вашему Превосходительству въ командѣ вашей состоящимъ подтвердить, дабы никто не отваживался одѣваться иначе, какъ въ мундирѣ, въ противномъ случаѣ подвергнуть себя взысканіямъ».

Подлинный подписалъ: «генераль-маіоръ Измайловъ.»

Въ хламѣ писемъ, относящихся къ описываемому здѣсь времени, я нашелъ одно письмо отъ тетушки Анны Павловны изъ Москвы, въ которомъ она описывала о прибытіи въ Москву Императора Александра Павловича.

Вотъ оно:

«Милый и любезный мой братецъ, Василій Павловичъ, и любезная сестрица, Александра Петровна! Мысленно Васъ и ручки Ваши цѣлую. Благодарю Васъ за писанье и желаю Вамъ быть здоровыми и спокойными. Вы пишете, братецъ, чтобъ я Вамъ описала о пребываніи Государевомъ. Только Вамъ скажу, что никогда такъ не были утѣшены, какъ нынѣшнимъ пріѣздомъ. Вся Москва такъ утѣшена была, Государь такъ былъ веселъ и милостивъ, какъ нельзя больше. Веселья не манкировалъ, но и во всѣхъ мѣстахъ успѣлъ быть, гдѣ должно ему видѣть. Кого чѣмъ жаловалъ, увидите въ газетахъ. Въ собраніи Государь былъ и въ купеческомъ маскарадѣ, гдѣ были одѣты 40 маленькихъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ гирляндами и у каждой корзинка съ живыми цвѣтами, и какъ Государь входилъ, то бросали ему въ ноги цвѣты».

«Государь говорилъ: «жарко мнѣ, какъ въ банѣ, но пріятно какъ въ раю!» Балъ былъ еще во дворцѣ, а послѣдній день маскарадъ; то уже тутъ такая была давка, что и теперь больныхъ много. Во время маскарада Государь уѣхалъ

одинъ, а Великая Княгиня оставалась. Сутки пробыла, въ ночь уѣхала».

«Всякое утро Государь ѣздилъ съ Великою Княгинею въ маленькихъ саняхъ, и на ней (была надѣта) бархатная мужская шуба, а на головѣ пунцовая шапочка или желтая бархатная шляпа, обшитая соболями. Все Вамъ написала, пожалуйста не смѣйтесь надо мною, что все такъ подробно. Для того такъ пишу, чтобы занять милую мою Сашеньку. Не прогнѣвайтесь, что такъ называю: право отъ любви, но не все еще кончила».

«Теперь скажу, какъ я Государя смотрѣла. Изъ сада на крыльцѣ¹⁾ нельзя лучше и ближе (видѣть) когда Государь кушаетъ, столъ ставили посреди комнаты, но ближе къ окошкамъ, если помните, тутъ стеклянная дверь, такъ противъ двери Государь и садился, а какъ откушаетъ, то къ самой двери подойдетъ показать себя. Я два раза ходила; но для меня такъ было пріятно это время. Теперь такъ скучно послѣ Государя, точно сочельникъ. Когда выѣздъ былъ Государевъ, то Николай Ивановичъ нанималъ домъ; но въ народѣ только головка была видна. Николай Ивановичъ ѣдетъ въ Петербургъ опредѣляться къ дѣлу».

«Всели моя матушка? велите мнѣ перестать? Не могу: рука заломила, но и еще ко многимъ писать. Простите мнѣ милые и любезные, не забудьте болтунью вашу, искренно много любящую Васъ».

«Анна Селиванова».

Въ письмѣ этомъ упоминается объ Николаѣ Ивановичѣ. Это Николай Ивановичъ Коробьинъ, двоюродный братъ батюшки, сынъ Елизаветы Николаевны, урожденной Нестеровой.

Николай Ивановичъ получилъ хорошее воспитаніе, былъ очень красивъ собою, высокъ, строенъ и служилъ въ гвардіи. Онъ былъ очень гордъ, тщеславенъ, и въ описываемое мною время женился на дѣвицѣ Сусаннѣ Фотьевнѣ Митьковой.

Въ первый день, или лучше сказать, еще стоя подъ вѣнцомъ, имъ овладѣла безумная ревность, которая конечно скоро свела въ могилу несчастную женщину. Когда они

¹⁾ Въ бывшемъ Слободскомъ дворцѣ, стоявшемъ на мѣстѣ нынѣшняго Техническаго училища, что очень недалеко отъ дома.

ѣхали отъ вѣнца, онъ вдругъ, обратясь къ ней, спросилъ ее, знаетъ ли за кого она вышла..

— Я разбойникъ! и въ доказательство вынимаетъ изъ кармана пару заряженныхъ пистолетовъ и выстрѣливаетъ въ окна. Разумѣется отъ ужаса она въ обморокъ, и въ этомъ состояніи пріѣхала въ домъ. Такое начало не обѣщало ничего хорошаго; но это только было начало страданій. Она ни дома, ни въ гостяхъ не ходила иначе, какъ въ чепцѣ, почти нахлобученномъ на лице, съ широкою оборкою спереди, чтобы никто не могъ видѣть ея глазъ. Онъ ревновалъ ее не только къ самымъ близкимъ роднымъ, но даже къ лакеямъ, прислуживавшимъ за столомъ.

Въ кругу родныхъ, въ обществѣ гостей, если ему казалось, что она взглянула на кого нибудь изъ мужчинъ, онъ подходилъ къ ней, какъ будто съ ласкою, и цѣловалъ ее, а въ это время незамѣтно для другихъ щипалъ ее безчеловѣчнымъ образомъ. На тѣлѣ ея не было живаго мѣста: все было покрыто синяками. Разъ, это было въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы, молодые пріѣхали въ Любаво, по обыкновению сдѣлать родственный визитъ. Для ночлеговъ батюшка уступилъ имъ свою спальню, а самъ съ матушкою переехалъ въ кабинетъ. Когда только что разошлись послѣ ужина, батюшка пошелъ къ молодымъ удостовѣриться, покойно ли будетъ, все ли тамъ хорошо, и чтожъ? когда онъ началъ отворять дверь, онъ нашелъ, что Николай Ивановичъ уже успѣлъ нагромоздить къ дверямъ столы, стулья, ящики, сундуки, однимъ словомъ все, что онъ могъ только найти подъ руками, чтобъ нельзя было войти. Батюшку это очень озадачило и онъ сказалъ:

—Прошу у меня въ спальнѣ дверей не загораживать. Надъ моей кроватью ангелы летаютъ. Спите себѣ покойно, а городить я не позволю!

На другой день, молодые супруги пришли благодарить батюшку за ночлегъ. Первую еще ночь послѣ замужества, говорила Сусанна Фотьевна батюшкѣ, я спала покойно... Да, видимо это, что ангелы охраняютъ вашу спальню!

Впрочемъ, недолго она страдала. Чрезъ 6 или 7 мѣсяцевъ, выкинувши мертвago младенца, скончалась. Николай Ивановичъ долго смотрѣлъ въ лицо своего недоноска и самодовольно промолвилъ: Весь въ меня!

Ревность и неограниченное самолюбіе помрачили въ немъ разумъ. Родовое состояніе, что у него было, онъ прожилъ. Не разъ, живя въ Петербургѣ, когда батюшка прѣзжалъ туда по дѣламъ, онъ занималъ у него по 50 или 100 руб., которые за него уплачивали бабушки Нестеровы; и наконецъ, окончательно прожившись, онъ переселился на жительство къ нимъ въ селцо Митинское, Рязанскаго уѣзда, гдѣ и скончался.

Въ послѣдніе годы его жизни съ старушками-тетками, онъ впалъ въ религіозный мистицизмъ, но въ наружномъ обращеніи съ посторонними держалъ себя гордо, такъ что по манерамъ его можно было принять не за прожившагося дворянина, а за богача-аристократа.

Проходили дни, мѣсяцы, годы и наступилъ 1812 годъ. Батюшка въ это время былъ уѣзднымъ предводителемъ, когда французы заняли Москву. Паническій страхъ охватилъ всѣхъ жителей Зарайскаго уѣзда. Большинство дворянъ-помѣщиковъ покидали свои имѣнія; кто только имѣлъ возможность съ болѣе цѣнными вещами, имуществомъ, ѣхали въ другія губерніи и уѣзды, болѣе отдаленные отъ театра войны.

Имущество, которое по громадности нельзя было везти съ собою, зарывали въ землю. Такая мѣра была принята и въ Любавѣ. Вырыли въ саду большую яму, сложили туда всю мебель и весь домашній скарбъ, заложили досками, насыпали землю и подѣлали изъ нея грядки. Матушка съ маленькими дѣтьми, бабушка Марья Николаевна и тетушка Варвара Павловна уѣхали къ бабушкамъ Немировымъ Рязанскаго уѣзда въ село Алешню.

Туда же за ними, также зарывъ въ землю свое имущество въ Авдѣевѣ, послѣдовалъ съ семействомъ и дядя Николай Павловичъ.

По пути, встрѣчая безпрестанно вереницы тянущихся экипажей бѣжавшихъ изъ Москвы и ея окрестностей семейства дворянъ, народъ и проходящія военныя команды осыпали ихъ ругательствами и насмѣшками.

— Вотъ бы славная-то красотка была для постели Бонапартію,—говорили съ хохотомъ солдаты, указывая на маменьку и сопровождая эти слова солдатскими прибаутками.

Кучера и лакеи думали ихъ остановить: началась брань. —Ради Бога молчите, ради Бога молчите, говорила въ ужасѣ

своимъ людямъ матушка. Не бранитесь съ ними, не трогайте ихъ.

Оставшіеся въ Любавѣ дворовые долго входили по вечерамъ на балконъ мезонина нашего дома смотрѣть на зарево, разливавшееся по сѣверо-западу отъ пылавшей Москвы. Плодовъ въ саду ту осень родилось множество, земля была усыпана сливами; ихъ ѣлъ и топталъ, кто хотѣлъ.

Батюшкао ставался въ Зарайскѣ. По его совѣту, Зарайское купечество учредило свою почту; ею поддерживалось постоянное сообщеніе съ Коломною, Каширою и даже съ Тарутинскимъ лагеремъ. Каляска, запряженная четвернею, день и ночь стояла готовою на дворѣ батюшкиной квартиры, чтобъ имѣть возможность уѣхать при первой опасности... Купцы складывали свои товары на воза и уже съ возовъ производили торговлю. Паника была общая... Но причиною ея были, вѣроятно, преувеличенные слухи, распространяемые бѣжавшимъ изъ Москвы народомъ и множествомъ провозимыхъ раненыхъ.

Нѣсколько тысячъ подводъ было согнано въ Зарайскѣ. Подводчики, не имѣя что ѣсть, разбѣгались.

Пріѣзжіе въ армію и изъ арміи офицеры чинили буйства, требовали исправника. Гдѣ исправникъ? Давай сюда исправника! Не желая быть битымъ, исправникъ, при пріѣздѣ такихъ гостей, бывало, прятался, куда попало, такъ что и по отѣздѣ ихъ долго еще его искали. Самоуправство, беззаконіе, страхъ господствовали вездѣ. Одинъ только батюшка старался поддерживать порядокъ. Одушевлялъ и успокоивалъ другихъ, насколько могъ. Но и примѣръ батюшки не дѣйствовалъ на его уѣздныхъ сослуживцевъ: два засѣдателя внезапно бѣжали. Судъ закрылся.

Въ 12 году губернскимъ предводителемъ рязанскаго дворянства былъ Михайлъ Никифоровичъ Лихаревъ. Не могу положительно утверждать, былъ ли онъ дѣйствительно губернскимъ предводителемъ, или исправлялъ только должность, только когда вѣсть о готовности пожертвованій, выраженной московскимъ дворянствомъ предъ Государемъ Александромъ Павловичемъ и Его Всемилостивѣйшей признательности дошла до Рязани, всѣ уѣздные предводители, подъ предсѣдательствомъ Михайла Никифоровича, поѣхали въ Москву и, не испросивъ предварительнаго разрѣшенія, явились въ прі-

емный залъ Слободскаго дворца, гдѣ и стали ожидать выхода Императора. Жизнь и все имущество отъ имени всего дворянства Рязанской губерніи хотѣли они повергнуть къ его стопамъ... Но вышло не такъ.

Вмѣсто Государя, вышелъ къ нимъ генераль-адъютантъ Балашовъ и, узнавъ, зачѣмъ они пріѣхали, напустился на нихъ чуть не съ бранью.—Какъ могли вы, вскричалъ онъ, въ такое время, какъ теперь, не испросивъ разрѣшенія, оставить ваши посты? Кто вамъ это позволилъ? У кого вы спрашивались?... Сейчасъ поѣзжайте назадъ, пока Государь еще не знаетъ.

Губернскій предводитель не нашелъ, что сказать; другіе было стали просить настоятельно Балашова доложить о нихъ Государю, что они несутъ на алтарь отечества все, что имѣютъ. Одинъ—не помню его фамиліи—разгорячился до того, что кричалъ:—Бери, Государь, всѣхъ: и Дуньку, и Лушку, и Марфушку... всѣхъ отдаю!..

Но все это не помогло. Балашовъ ихъ выпроводилъ съ угрозой, что ихъ отдадутъ подъ судъ, если узнаетъ Государь, и они въ тотъ же день гнали изъ Москвы по всѣмъ тремъ безъ оглядки въ свои уѣзды.

Но возвратимся къ болѣе намъ близкимъ лицамъ моего разсказа.

Тетушка Анна Павловна, съ семействомъ московскихъ Нестеровыхъ, бѣжала изъ Москвы въ село Починки, не то Тамбовской, не то Пензенской губерніи.

Гаврила Малафѣевичъ, извѣстный уже читателю, будучи въ Москвѣ во время пребыванія тамъ Государя, разсказывалъ, что Государь, приложившись къ Иверской и вышедъ изъ часовни, обратился къ народу съ такими рѣчами:—Помогите православные! Ужъ я съ горя изсохъ, какъ лутошка!..

Будучи въ разлукѣ съ матушкою, отецъ мой постоянно писалъ обо всемъ, что происходило въ окружавшей его средѣ, и все, что доходило до его слуха.

Писемъ этихъ, вѣроятно, было много, но къ несчастію не много ихъ уцѣлѣло. Они такъ просты и безыскусственны, что, читая ихъ, самъ какъ будто переносишься подъ влияніе тѣхъ событій и впечатлѣній, которыя вдругъ неожиданно, негаданно въ 1812 г., Богъ знаетъ для чего и почему,

встревожили умы и смутили покой богоспасаемаго населенія и градовъ и всего нашего отечества.

Вотъ они:

«Милый и любезный другъ, Сашенька! Здравствуй! Я здоровъ и молю Бога о твоёмъ. Цѣлую тебя заочно.»

«Что тебѣ сказать, право не знаю: слуховъ много, но пріятнаго ничего. Я, пріѣхавши изъ Авдѣева въ Зарайскъ нашель московскаго коменданта Гессе. Онъ меня съ перваго раза узналъ. Отвелъ меня въ особую комнату, многое о чемъ говорилъ, а болѣе о Москвѣ, которой безъ слезъ вспомнить не можетъ».

«Онъ ѣздитъ по городамъ, собираетъ дезертиръ и мародеровъ и отсылаетъ въ армію. Его конвоируетъ эскадронъ драгунъ и казаковъ, и два плацъ-адъютанта: Скарятинъ и Мозелевъ. Они у меня обѣдали, а послѣ обѣда вскорѣ вмѣстѣ съ комендантомъ уѣхали въ Каширу. Онъ при отъѣздѣ своемъ насъ успокоилъ, получа черезъ курьера извѣстіе, что французы, не доходя Бронницъ, своротили на Серпуховскую дорогу, почему и наша армія двинулась за нимъ».

«Главная квартира за Подольскомъ, въ селѣ Красномъ, и потому купцы наши съ понедѣльника и до сегодня снова производили свой торгъ покойно, а нынче я получилъ отъ нашего губернатора отношеніе, по которому приказываютъ суды закрыть и ополчиться поголовно».

«Мы, не видя никакой повидимому опасности, крайне сему удивились: стали въ пѣнь. Жители, узнавъ о семъ, снова начали укладываться, и уже многіе оставили городъ».

«Здѣсь всякій день проходятъ войска: новое ополченіе въ Каширу, а иные обратно изъ Каширы. Туда и сюда везутъ провіантъ».

Другая страница этого письма оторвана.

Гессе, выведши батюшку въ особую комнату, увидалъ стоявшее тамъ на столѣ въ углу большое блюдо, съ наваленнымъ на него грудю крупнымъ, отлично вызрѣвшимъ терномъ, или, какъ называютъ, терносливомъ. Батюшка замѣтилъ, что Гессе, не понимая, что такое на блюдѣ, смотреть съ любопытствомъ, предложилъ ему откусать.

— Нѣтъ, отвѣчалъ морщась Гессе,—черна, гадка.

— Откусайте, ваше превосходительство, говорилъ батюшка, желая похвастаться произведеніемъ своего сада, это

хорошо!.. Но Гессе морщился и твердилъ: черна, гадка! Но, наконецъ, убѣжденный неотступными просьбами батюшки, нехотя положилъ въ ротъ одну терносливну и съѣлъ, потомъ другую, третью...

— Пожалій сюда! пожалій сюда! вдругъ закричалъ онъ своимъ адъютантамъ, отворивъ двери—глядить, какой чуда: черна, гадка, а сладка!

Прощаясь съ Гессе, батюшка все блюдо съ терносливомъ отпустилъ съ нимъ на дорогу. Продолжаю далѣе батюшкину переписку.

«Я съ недѣлю назадъ слышалъ объ участи брата Дмитрія Ивановича ¹⁾, но не смѣлъ къ вамъ писать. Здѣсь говорили, что онъ убитъ, а теперь слышу отъ Васъ, что безъ вѣсти пропалъ. Я что-то худо этому вѣрю. Можетъ быть, что и со многими случилось, онъ, отставъ отъ своего полка, не попалъ ли на Владимірскую дорогу, гдѣ точно есть главный госпиталь: надо тамъ его поискать. Нашъ Афанасій Александровичъ и не больной, а окружилъ полъ Россіи, чтобы попасть въ Козловку, въ которой уже не засталъ бабушки; онъ поѣхалъ въ Починки, откуда, какъ слышно, смотря по обстоятельствамъ, хочетъ ѣхать къ Матвѣю Александровичу».

«Я на дняхъ получилъ отъ сестрицы Анны Павловны письмо, въ которомъ она, какъ къ смерти приговоренная, прощается со мною на вѣчно. Просить прощенія, если въ чемъ виновата, а между тѣмъ просить не оставить своимъ надзоромъ и Козловку, гдѣ все ихъ имущество зарыто въ землѣ—даже и перины. Я къ тебѣ писалъ, чтобы отпустить мужиковъ, то пріостановись до времени. Можетъ быть и сами скоро воротятся».

Прости, любезный другъ, цѣлую тебя заочно и дѣтей благословляю. Тетушкамъ скажи мое почтеніе. Я ихъ отъ души благодарю за ихъ благорасположеніе. Будь здорова, не грусти. Остаюсь на всегда вѣрный тебѣ мужъ Basil.»

Тутъ опять другая страница оторвана.

«Выбранные мной засѣдатели, Егоръ Семеновичъ и Павелъ Петровичъ отъ страху Богъ знаетъ куда скрылись, нигдѣ ихъ не отыщутъ. Судья отнесся къ губернатору и

¹⁾ Коробьина, родного брата Николая Ивановича.

имъ будетъ не хорошо. На сихъ дняхъ нашъ начальникъ ополченія, Л. Д. Измайловъ, показалъ мнѣ свое особое покровительство. Не знаю отъ кого-то дошелъ до него слухъ, что будто бы у меня въ Любавѣ мародеры дѣлаютъ большія безпокойства, почему онъ, отрядя чиновника съ конвоемъ, прислалъ для усмиренія оныхъ. Люди мои, видя пріѣхавшихъ казаковъ, сочли ихъ за настоящихъ, крайне встревожились и всѣ попрятались, но узнавъ, что они присланы отъ Л. Д. Измайлова, вышли изъ своихъ норъ и благодарили чиновника, объявляя ему, что они никакихъ безпокойствъ не имѣютъ, да и мародеровъ во все время не видали.»

„Сентября 19, среда“.

«Я послѣ вчерашней бани спалъ спокойно, и теперь жду къ себѣ протоколиста, съ которымъ отправляюсь въ Рязань. Меня крайне ѣзда сія безпокоитъ: не знаю, гдѣ остановиться. Николая Левонтича домъ занятъ подъ постоемъ: стоитъ въ немъ генеральша Дохтурова, а постоянные дворы дороги.»

«Въ послѣднюю мою поѣздку я ночевалъ ночь въ лагужкѣ и то заплатилъ 2 рубля, а всего съ расходомъ вышло до 8 руб. Прости, другъ мой, будь покойна, береги свое здоровье для дѣтей и для вѣрнаго твоего друга. В.»

„20, четверг“.

«Вчера въ полдни я пустился въ назначенный свой путь въ Рязань. Доѣхавъ до Ильинска, былъ встрѣченъ козловскимъ старостою, который Богомъ и Христомъ просилъ меня заѣхать къ нимъ въ село по причинѣ, что у нихъ остановилась команда солдатъ изъ 300 человѣкъ, и дѣлаетъ неустройства; почему я и принужденъ былъ согласиться на его просьбу заѣхать въ Козловку, гдѣ для спокойствія ихъ ночевалъ. По пріѣздѣ моемъ туда, узналъ я, что эта партія набрана изъ мародеровъ и выздоровѣвшихъ отъ ранъ солдатъ, отправляемыхъ въ армію, почему я за нужное почелъ объявить маіору, чтобы онъ безослабно смотрѣлъ за своею командою и не давалъ бы вольничать. Узнавши солдаты о моемъ пріѣздѣ, остановились въ своихъ требованіяхъ и жители успокоились. Старосту я освободилъ отъ постоя, потому что я самъ занялъ его избу. Вчера поймали мужика и солдата на гумнѣ, таскавшихъ снопами изъ одонья овесъ, и привели обоихъ ко мнѣ. Обще съ маіоромъ сдѣлали приговоръ: солдата отдали подъ караулъ, а мужика я велѣлъ наказатъ

и отправить въ Ильинское, ибо онъ былъ оттуда. По выходѣ моемъ отъ маіора, солдатъ, остановя меня; просилъ меня о помилованіи его, объясняя, что онъ служилъ у меня въ ротѣ въ баталіонѣ Сухотина и узналъ меня по голосу. Сжалься надъ нимъ, я просилъ маіора, чтобы онъ его простилъ, и онъ охотно снизошелъ на мою просьбу. По утру, проводивши ихъ изъ села, я далъ имъ квитанцію, а самъ отправился въ Рязань, куда прибылъ въ 12 часовъ. Когда я явился въ дворянское собраніе, первымъ встрѣтившимся былъ Суздальцевъ, который доставилъ мнѣ два твои письма, за что я его два раза поцѣловалъ. Впрочемъ, онъ ничего объ Васъ не могъ мнѣ сказать, ибо онъ, кромѣ брата Николая, никого изъ Васъ не видалъ. Письма твои меня много утѣшили, узнавъ изъ нихъ, что Вы въ своемъ ковчегѣ живете спокойно. Дай Богъ здоровья тетушкамъ за ихъ доброе расположеніе, съ своей стороны и я при раскладкѣ ихъ навѣрно не забуду и не дамъ Суздальцеву воли. Къ намъ въ Зарайскъ вчерашній день вступило 12,000 войска Лобанова-Ростовскаго, гдѣ, какъ слышно, пробудеть дней 10, а потомъ отправляются чрезъ Каширу къ арміи, а другіе говорятъ, что въ Рязань. Первое быточнѣе послѣдняго».

«Братъ пишетъ, что онъ слышалъ отъ Суздальцева, что Москва выжжена,—это справедливо, и что наши войска соединились, то это пустое. Генераль Витгенштейнъ стоитъ на переднимъ мѣстѣ въ Полоцкѣ; ему нельзя отойти, ибо онъ пересѣкаетъ путь французамъ возвратиться; также перехватываетъ ихъ курьеровъ; Тормасовъ стоитъ въ Луцкѣ и Гродно, Виленской губерніи. Это достовѣрно. Я лично видѣлся съ курьеромъ, посланнымъ отъ него въ С.-Петербургъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что къ нему присоединился Чичаговъ, Эртель и Запольской, также часть и турецкихъ войскъ. Они сдерживаютъ стремленія австрійскихъ войскъ, и потому имъ тотъ край оставить никакъ нельзя. Что-жъ касается до казаковъ, чтобы ихъ бить дубьемъ, это негодится, и не вѣрте офицеру, который Вамъ сказалъ. Лучшій способъ ихъ брать и отсылать въ городъ, откудова приказаніе есть отправлять ихъ въ Рязань, а изъ Рязани въ армію, гдѣ ихъ уже не сотня разстрѣляна. Сейчасъ сказывалъ мнѣ Демидовъ, что онъ слышалъ отъ Измайлова, что наши перахватили франнузскаго курьера, посланнаго изъ Москвы

съ увѣдомленіемъ о вѣществіи въ оную, также и транспортъ, шедшій съ порохомъ, нашими отбитъ...» Опять далѣе оторвано.

«Любезный и милый другъ, Сашенька! Я, мой другъ, по возвращеніи изъ Рязани пробылъ въ Любавѣ по маменькому нездоровію дня два; но, выпарившись въ банѣ комфарнымъ веничкомъ, снова на выписку пошелъ. Успѣлъ скотную избу сломать и новую поставить, а безъ себя велѣлъ и другую поставить. Я бы до сыта наработался, да людей нѣтъ. Устроивши все, сегодня, т. е. 27 числа, переѣхалъ на житье въ Зарайскъ, гдѣ и займусь раскладкою.»

«Не худо-бы; если бы тетушка заблаговременно похлопотала о себѣ, ибо и ихъ предводитель въ Рязкѣ будетъ самъ заниматься. Я правда просилъ Ермія, да что-то на него не надѣюсь. а предводитель чловѣкъ честный. У меня по Зарайску назначено 32 погонщика и 34 лошади. Сухарей и овса по 51 четверти и 4 четверика, крупъ 4 четверти и 6 четвериковъ, а у васъ по Рязску всего меньше, то можетъ быть Вы ото всего можете быть избавлены».

«За часъ до моего пріѣзда въ Зарайскъ проѣхалъ изъ арміи графъ Растопчинъ. Онъ ѣдетъ чрезъ Ярославль въ Петербургъ по подорожной Тульского Губернатора. Онъ увѣрялъ здѣшнихъ жителей, чтобы они остались покойны и что навѣрное недѣли черезъ двѣ Москва будетъ совершенно очищена. За нимъ въ слѣдъ проѣхалъ курьеръ въ Ярославль же къ принцу. Я его видѣлъ и съ нимъ говорилъ; но худо его понималъ, ибо онъ, окромѣ нѣмецкаго языка, ни покаковски не говоритъ, однако онъ мнѣ толковалъ и нарисовалъ планъ, какъ наши расположены, почему я могъ догадаться, что непріятель совершенно окруженъ».

«Посылаю къ тебѣ отъ дѣтей ¹⁾ и сестры Ф. П. письмо. Послѣднее доставъ къ матушкѣ и увѣдомъ ее обо всемъ обстоятельнѣе. Здѣсь слухи пронеслись, что въ Нижнемъ что-то не хорошо; да, правду сказать, вѣсть сія была отъ чернаго ворона Михаила Павловича ²⁾. Онъ сказывалъ мнѣ, что будто тамъ народъ бунтуетъ, да я этому очень худо вѣрю. Скажи брату Николаю, что его Дмитрій ³⁾ имѣетъ рѣдкое

¹⁾ Отъ братьевъ Петра и Павла изъ Петербурга.

²⁾ Дядя Михаилъ Павловичъ Селивановъ.

³⁾ Дмитрій Степановъ, бывшій приказчикомъ въ Авдѣевѣ.

чутье. Я не успѣлъ взойти въ комнату, какъ онъ уже явился передо мною, я ему далъ совѣтъ: погребъ отъ мебели очистить и вмѣсто оной поставить кадучки съ капустою, и буде нѣтъ надобности въ молотьбѣ хлѣба, то чтобы поправлялъ около дома городьбу. Здѣсь начали покупать хлѣбъ довольно. Цѣна пшеницы 16 руб., рожь 10 руб. и выше. Надо думать, что и дороже будетъ. Завтра наше купечество посылаетъ нарочнаго въ Серпуховъ и какое извѣстіе привезутъ я не премину Вамъ дать знать. Прости, другъ мой, цѣлюю тебя отъ души. Дѣтямъ посылаю мое благословеніе. Тетушкамъ скажи мое почтеніе, также и брату съ сестрами; а писать право особо нечего. Еще разъ прости, будь покойна, береги свое здоровье. Остаюсь на всегда вѣрный твой

Basil».

„27 дня 1812 года,
Зарайскъ“.

«Сейчасъ вступили въ Зарайскъ два баталіона Смоленскаго ополченія съ ружьями и пиками. Они водили плѣнныхъ и возвращаются къ арміи».

«Понедѣльникъ.

Здравствуй, любезная супруга, милый другъ, Сашенька!»

«Послѣднее твое письмо, гдѣ ты описываешь чувствительность и доброе расположеніе нашего милаго Николиньки къ бѣднымъ, меня столько восхитило, что я, признаюсь, немножко и поплакалъ. Я увѣренъ, что ты за слабость мою не прогнѣваешься, ибо это были слезы радости, а не печали. Примѣры доброй матери большія имѣютъ вліянія на дѣтей. Я увѣренъ, что Миша и Ильюша подъ твоимъ материнскимъ надзоромъ, будутъ имѣть тѣ же чувства и тѣ же правила. Скажи Николинькѣ, что я при первомъ съ нимъ свиданіи не забуду вознаградить его за столь похвальный поступокъ. О себѣ скажу: я здоровъ; объѣхавши часть уѣзда, третій день отдыхаю въ Любавѣ. Вчерась я навѣстилъ Катерину Андреевну ¹⁾. Она изъ Тамбова возвратилась, какъ сказываютъ, по вызову княженъ, и крайне огорчилась, что по пріѣздѣ ихъ уже въ Ильининѣ не нашла и не знаетъ, гдѣ они теперь находятся. У ней живетъ изъ Москвы ея части частный приставъ съ женою и съ дѣтьми, которымъ она

¹⁾ Новосильцеву.

душевно рада, ибо здѣсь не скѣмъ дѣлать время. Всѣ здѣшнія ея пріятельницы и сосѣди разѣхались. Сказывала она мнѣ непріятныя вѣсти на счетъ дома бабушки Александры Афанасьевны, который совершенно разоренъ и ограбленъ. Въ кладовой найдено множество сундуковъ съ разнымъ имуществомъ и серебряною посудой: все вытаскали, сверхъ того и 30 лошадей. Богъ знаетъ, о чемъ Афанасій Александровичъ думалъ. Неужто онъ полагалъ, что люди, имъ оставленные, защитятъ его домъ отъ грабительства—ничего не вывезъ? Я душевно болѣю о ихъ участи, а особенно жаль старушку, которая безъ сумнѣнія симъ извѣстіемъ много огорчится. Ихъ роденька, Акулина Павловна съ зятемъ своимъ, передались къ французамъ. При вступленіи ихъ въ Польшу зятекъ ея представилъ Бонопарту цѣлый полкъ, за что и былъ сдѣланъ комендантомъ въ Могилевъ, а Акулина попалась видно въ наши руки—сидитъ въ Орловской губерніи въ тюрьмѣ. По дѣламъ вору и мука. Она уже не въ первый разъ. Въ прошедшую войну она была изобличена въ доставленіи непріятелю нѣсколько бочекъ пороху, да какъ-то вывернулась; а нынче видно попалась въ вершу. Вотъ, милый другъ, все, что могу для нынѣшняго дня тебѣ сказать. Прощай, ангелъ мой, поцѣлуй за меня дѣтей, тетушкамъ, брату и сестрамъ скажи мое почтеніе. Завтра, по пріѣздѣ въ Зарайскъ, еще что нибудь напишу. Еще цѣлую. Вѣрный твой мужъ.

В. С.»

«Во вторникъ.

Цѣлую тебя и благодарю за присланное лекарство для моей души, т. е. за письмо, которое я получилъ. Радуюсь душевно, слыша о твоёмъ здоровьи, да поможетъ тебѣ Богъ соблюсти оное и съ спокойствіемъ твоей души, ты не думай такъ много, милый другъ, и не безпокойся о моей участи. Я здоровъ. Есть немножко, что грушу; но этому причина наша разлука».

«Черезъ здѣшній городъ провели вчера, которыхъ я однакожъ не видалъ, до 700 человѣкъ плѣнныхъ французовъ, взятыхъ, какъ сказываютъ, въ разныхъ маленькихъ сраженіяхъ. Слухи здѣсь есть и сказывалъ мнѣ городничій, что въ субботу было сраженіе, на которомъ непріятель потерялъ до 5000 убитыми и взятыми въ плѣнъ; сверхъ того отбитъ

у него большой обозъ и паркъ его артиллеріи. Впрочемъ, новостей здѣсь никакихъ нѣтъ. Перемиріе, которое было положено на 12 дней, уже кончилось и опять начались сшибки. Главная наша квартира на томъ же мѣстѣ. Непріятель, какъ говорятъ, отступилъ къ Москвѣ. Сегодня я обѣдалъ у Грабовскаго. Онъ на время пріѣхалъ изъ Рязани; игралъ въ бостонъ и къ счастью на первый случай ничего не проигралъ. Ко мнѣ пріѣхалъ гость, котораго я и въ умѣ не полагалъ видѣть, а именно Павелъ Ивановичъ Новиковъ. Я его удержу на нѣсколько дней у себя, чтобы онъ вмѣстѣ отправился въ армію съ Дмитриемъ Ивановичемъ, который также намѣренъ скоро ѣхать.»

«10 Октября, четвергъ.

Сегодня мы получили пріятное извѣстіе отъ курьера посланнаго въ Рязань, и есть уже, какъ сказываютъ, печатныя афиши въ нашемъ ополченіи, о которомъ поспѣшаю тебя, мой другъ, увѣдомить. Въ воскресенье, послѣ 12-ти дневнаго перемирія между деревнями Тарутино и Вороновой, было жаркое сраженіе подъ командою Бениксена, гдѣ мы одержали побѣду надъ 50-ти тысячами, разбили ихъ совершенно и взяли въ плѣнъ 48-мъ пушекъ и большой обозъ, шедшій изъ Москвы съ серебромъ и съ прочимъ багажемъ; также отбито много экипажей, какъ-то каретъ, колясокъ и дрожекъ. Въ ономъ сраженіи больше отличались казаки, за что многіе изъ нихъ награждены Георгіевскими крестами серебряными. Во вторникъ было другое, при которомъ отбито у непріятеля еще 12 пушекъ. Къ общему сожалѣнію у насъ убитъ Генераль-Лейтенантъ Боговуть. Непріятеля преслѣдовали верстъ за 20-ть и больше, однимъ словомъ прогнали его за красную Пахру».

«Вотъ извѣстіе, которое, кажется, справедливо. Теперь надо думать, что наша главная квартира подвинулась ближе къ Москвѣ. Сверхъ того есть еще слухи, что Свѣтлѣйшій переслалъ въ Муромъ къ преосвященному Августину 10 пудовъ серебра изъ церковной утвари, какъ-то: въ сосудахъ, окладахъ и тому подобное, что также вѣрно».

«Вотъ, любезный братецъ, теперь, кажется, я могу васъ ордеровать возвратиться восвояси; также и тебя, любезная супруга, жду съ нетерпѣніемъ видѣть и прижать въ свои

объятія. Я увѣренъ, что вы, поблагодаря хозяевъ за ихъ ласку и гостепріимство, не замедлите выѣхать. Конечно, утвердительно сказать не могу, чтобы мы совершенно были правы: онъ, проклятый, еще въ Москвѣ, и потому не можетъ быть совершеннаго спокойствія; но чтожъ дѣлать? Сколько же томиться намъ въ разлукѣ! Буде вы разсудите и найдете за лучшее, то вы можете, кой что у васъ есть получше оставить у тетушекъ въ домѣ. Онѣ вѣрно не почтутъ за тягость сохранить до совершеннаго спокойствія въ цѣлости. Я бы самъ за вами пріѣхалъ, да не возможно отлучиться... дѣла замучили».

«Новиковъ еще у меня и пробудетъ еще дня два. Я ему душевно радъ. Мы съ нимъ проводимъ время, сидя у столика въ пріятныхъ разговорахъ. Онъ мнѣ рассказывалъ о своихъ походахъ подъ Смоленскомъ и подъ Можайскомъ; Богъ помиловалъ, онъ не раненъ, а баталіонъ его почти весь побитъ: осталось не больше 50 человѣкъ».

«Въ 5 часовъ. Четвергъ же.

Сейчасъ вошли въ городъ слѣдующіе изъ арміи въ Арзамасъ для сформированія полка новобранные рекруты. Офицеръ, при ихъ находящійся, сказывалъ мнѣ, что Бонапартъ проситъ мира и согласенъ на всѣ требованія нашего Государя, лишь бы приказалъ снабжать его провіантомъ. Посланный отъ свѣтлѣйшаго къ Императору съ симъ донесеніемъ уже возвратился. Государь на такія его предложенія не согласился и приказалъ свѣтлѣйшему, чтобы онъ ни на какія его лести не полагался, а дѣйствовалъ бы всѣми силами для искорененія его».

«Простите, милые друзья, будьте покойны: Богъ нашъ покровитель. Я вамъ желаю всѣмъ наилучшихъ благъ и добраго здравія. Остаюсь на всегда вѣрный мужъ, добрый братъ, покорный племянникъ и чадолюбивый отецъ и дядя
Василій Селивановъ»

«Р. s. Павелъ Ивановичъ пошелъ рекогносцировать не поймаетъ ли какую плѣнницу себѣ. Онъ армейскій, привыкъ уже рекогносцировать.»

„Октября 10 дня 1812 г.

Зарайскъ“.

Когда французы оставили Москву, всѣ, покидавшія свои родныя попелища, помѣщики стали мало по малу опять воз-

вращаться къ нимъ и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Но эпоха этого страшнаго нашествія долго еще жила въ памяти народной и долго еще служила предметомъ разговора въ темные зимніе вечера у горящаго камелька, или подъ шумокъ шипячаго самовара, и въ семейномъ кругу и въ кругу, съѣхавшихся на какой нибудь семейный праздникъ, сосѣдей.

Вліяніе славныхъ событій рѣзко отразилось на нашей общественной жизни. Если принято исторіею относить внѣшнія проявленія жизни народа, т. е. его обычаи, нравы, степень самосознанія и проч., къ столѣтіямъ, то XIX столѣтіе для Россіи рѣзко обозначалось 1812 годомъ. До 12 года продолжалась жизнь XVIII вѣка, но въ 12 году совершился переломъ въ общественной жизни, давшій русскому обществу тотъ видъ и порядокъ, въ какомъ оно почти можно сказать остается неизмѣннымъ до 1855 года.

Всѣ наши родные, и ближніе, и дальніе, и старые и молодые, и всѣ почти сосѣди и знакомые нашего семейства— всѣ перешли этотъ рубежъ отъ стараго порядка къ новому. Одна только осталась за нимъ и не перешла: это—моя матушка. Какъ уже извѣстно читателямъ она скончалась 7 Марта 1813 года.

Многіе помѣщики—сосѣди разумѣется не очень богатые но и не мелкопомѣстные, въ сторогомъ смыслѣ слова, до 12 года жили еще обычаями почти не рознящимися отъ обычаевъ ихъ крестьянъ.

Къ храмовому празднику, или къ именинамъ своимъ или своихъ супругъ они покупали по нѣскольку ведеръ хлѣбнаго вина, и дня 2 или 3 шелъ кутежъ. Забава гостямъ были пѣсни и пляски крестьянскихъ бабъ. Грубыя скоморошества полупьяной дворни и гости, пресыщенные жирными явствами и нагруженные винными парами, тутъ же склоняли свои отяжелѣвшія головы на разостланную въ обилии по комнатамъ солому и засыпали сномъ крѣпкимъ до новой попойки. На моей памяти этого уже не было. Исключительнымъ занятіемъ дворянъ-помѣщиковъ, за немногими исключеніями, была псовая охота. При каждомъ господскомъ домѣ, какъ было это и у насъ, бродили по двору борзые и гончія собаки; а въ переднихъ на стѣнѣ постоянно вывѣшивались лисьи и волчьи шкуры, какъ трофеи охотничьихъ побѣдъ.

Доѣзжаіе, приобрѣвшіе извѣстность во всемъ околоткѣ искусствомъ порскать, и охотники въ неизмѣнныхъ своихъ казакинахъ, первые бросались въ глаза при вѣздѣ на дворъ или при входѣ въ домъ, и далеко по окрестности разносились въ вечернемъ воздухѣ звукъ охотничьяго рога, призывавшій собакъ къ корыту съ овсянкой.—Батюшка тоже держалъ охоту. У него было положенное число собакъ: 6 гончихъ, и 9 или 12 борзыхъ. Въ часы отдохновенія отъ домашнихъ и хозяйственныхъ заботъ, онъ любилъ ѣздить съ своею небольшою стаею по ближайшимъ окрестнымъ лѣсамъ, и болѣе всего любилъ пороши. Когда, бывало, выпадалъ въ ночь первый пушистый снѣжокъ и бѣлоснѣжною пеленою покрывалъ землю, камердинеръ батюшкинъ Иванъ Николаевъ, лишь только начиналъ брезжиться свѣтъ, входилъ тихо въ его спальню на мезонинѣ и, подойдя къ изголовью кровати, слегка дергалъ, бывало, подушку подъ его голову. Батюшка просыпался и спрашивалъ: что тамъ?—Пороша, отвѣчалъ Иванъ Николаевъ: санки вамъ запряжены лошади осѣдланы, все готово!...

Одѣваясь,—говорилъ батюшка и тотъ часъ вставалъ, умывался, надѣвалъ свою сѣренъкую, обшитую по краямъ крымской овечкой, на лисьемъ мѣху, бекешку, подпоясывался кушакомъ, на которомъ висѣлъ небольшой охотничій ножикъ, впрочемъ никогда въ дѣлѣ не бывшій, потому что батюшка никогда самъ не отпарывалъ зайцевъ, надѣвалъ черезъ плечо обшитую кожей, на шелковомъ шнуркѣ, фляжку съ сладкой водкой и выходилъ на крыльцо.

Часто батюшка бралъ и меня съ собою, и я съ жадностью вдыхалъ въ себя морозный зимній воздухъ... Простыя лубочныя санки безъ подрезовъ скользили по снѣжку, собаки весело бѣжали на сворахъ, тишина господствуетъ въ лѣсу, съ нависшими по сучьямъ хлопьями снѣга, и въ пустыхъ поляхъ и оврагахъ... Охотники ищутъ слѣдовъ... Вотъ нашли... Вотъ батюшка и я вылезаемъ изъ санокъ, идемъ по слѣду. Долго продолжаются поиски по нескончаемому лабиринту зайчей прогулки, но, наконецъ, и слѣдъ пропадаетъ. Близо, говорятъ охотники, вотъ и слѣдъ прыжка, вотъ другой... Ухъ! вскрикиваю я, и русакъ вскакиваетъ изъ подъ моихъ ногъ и быстрѣе стрѣлы катитъ по снѣжному полю, преслѣдуемый собаками.

Пойманных отколотых зайцев складывали въ наши санки, иногда штукъ 10 и 15; съ этими живыми доказательствами успѣха охоты возвращались уже въ сумерки домой.

Дома ожидали заботы тетушки. Хотя она никогда не пропускала случая кстати и не кстати попрекнуть меня отцовскимъ баловнемъ и лѣнтяемъ учиться, а все таки употребляла все стараніе и согрѣть, и накормить усталаго охотника.

— Вотъ посиди на лежанкѣ, погрѣйся, пока принесутъ обѣдать, да скоро ужъ и чай. Что, прозябъ? Усталъ? Да какъ не устать, легко-ли цѣлый день на дворѣ?— Тутъ начинались распросы, и я рассказываю свои подвиги, ѣмъ и грѣюсь.

Въ 1824 году въ Зарайскѣ на Никольской ярмаркѣ батюшка купилъ маленькую сѣрую лошадку и подарилъ мнѣ. Я прозвалъ ее Коняшкою. Достали маленькое, сообразно моему возрасту, сѣдло, и вотъ я, имѣя въ полномъ своемъ распоряженіи и лошадь и сѣдло, не только катался въ свободные часы, сколько мнѣ было угодно, но и ѣздилъ съ батюшкою на охоту. Сотоварищемъ по охотѣ изъ сосѣдей былъ ближайшій сосѣдь, имѣвшій усадьбу въ селѣ Протасовкѣ, Алексѣй Степановичъ Лихаревъ.

Это былъ холостякъ, отецъ многочисленнаго семейства, состоявшаго изъ двухъ матерей и цѣлой толпы мальчиковъ и дѣвочекъ, наполнявшихъ домъ. Онъ былъ очень честный и хорошій человекъ, служилъ въ ополченіи въ конной дивизіи Измайлова и до конца жизни постоянно носилъ ополченскій мундиръ своего полка, т. е. казакинъ сѣрый съ оранжевымъ воротникомъ и такія же широкія шаравары съ оранжевымъ лампасомъ.

Вотъ съ нимъ то батюшка ѣзжалъ, бывало, въ отъѣзжее поле. Хотя онъ далеко былъ бѣднѣе батюшки, но собака держалъ чуть ли не болѣе, чѣмъ у него. Батюшка не любилъ проводить время на охотѣ долго, и потому, поохотившись дня два, оставлялъ своего товарища охотиться одного, а самъ возвращался домой. Когда же нужно было батюшкѣ поѣхать въ деревню Паршино посмотреть по хозяйству—это отъ Любава въ 12 верстахъ, то батюшка отправлялся туда съ охотою. Пока ѣхали туда, по всѣмъ островамъ на пути (островъ техническій терминъ охотниковъ, от-

дѣльный лѣсъ или кустарникъ, гдѣ предполагается найти звѣря) бросали гончихъ и травили зайцевъ. Поздно вечеромъ прїѣзжали въ Паршино, располагались на скотномъ дворѣ, готовился ужинъ, кормили собакъ, а на другой день съ разсвѣтомъ выѣзжали опять въ поле: и окрестные лѣса оглашались воплями гончихъ и порсканіями доѣзжачаго. Переночевавши ночи двѣ въ Паршинѣ, тѣмъ же порядкомъ возвращались въ Любаво. Эти полубивачные ночлеги, эта жизнь на сѣдлѣ, дѣятельность, предупреждавшая восходъ солнца, безконечныя пѣсни жаворонковъ, высоко выющихся въ воздухѣ, или крикъ перепѣловъ въ тишинѣ ночей, не пуховикъ въ душной комнатѣ, а сѣно подъ навѣсомъ для ночлега, все сближало меня съ природою, все это вмѣстѣ дѣлало подобные поѣздки на охоту чѣмъ то обоятельно пріятными. Учиться я не любилъ. Ученье и мученье имѣли для меня одинъ смыслъ.

И дѣйствительно, первой моей учительницей была тетушка Варвара Павловна. Когда я приступилъ къ азбукѣ, ей уже было за 45 лѣтъ. Какъ старая дѣвушка, она была необуздана во всѣхъ порывахъ души и сердца. Все что могла она только придумать и на что имѣла возможность, она съ увлеченіемъ все дѣлала, чтобъ доставить намъ удовольствіе, но если она пылила, то гнѣвъ ея не имѣлъ границъ. Неровность характера дѣлала изъ нея странную смѣсь добра и зла. Разсердившись на когонибудь изъ людей или дѣвокъ, на ключницу или кого другого—она послѣ бабушки Марьи Николаовны завѣдывала хозяйствомъ—она кричала, топала ногами, выходя изъ себя, и подчасъ била чѣмъ попало.

Точно такой же была она и въ классѣ. Будучи страшно нетерпѣлива, за малѣйшую ошибку въ урокѣ и даже при изученіи азбуки, она кулаками била по головѣ, драла за волосы и, когда заплачешь, то ожесточалась еще болѣе. Старшіе мои братья, Николай и Михайло, терпѣли не лучшую участь, особенно Николай, существо кроткое и прелестное. Алексѣй какъ то отвертѣлся; не знаю почему, только онъ у тетушки не учился. Батюшка душою скорбѣлъ и часто выговаривалъ ей, за что, разумѣется, поднималась буря. Батюшка былъ очень горячъ, вспыльчивъ и, когда выходилъ изъ себя, уже себя не помнилъ. Разъ, я помню, тетушка, недовольная братомъ Николаемъ, повела его къ батюшкѣ

съ жалобой на него. Батюшка вспылить, впрочемъ болѣе на нее, нежели на брата, но, чтобы не показать слабость, вывелъ его въ залъ, приказалъ людямъ его раздѣть, растянуть на полу и своеручно началъ стегать розгой. Тетушка, не ожидавшая такихъ послѣдствій своей жалобы, перепугалась, бросилась отнимать; но, будучи оттолкнута отцомъ моимъ, ушла въ свою комнату. Почти нагого, въ изодранной рубашкѣ, въ слезахъ, отецъ привелъ моего бѣднаго брата къ ней. Самъ былъ блѣденъ, губы дрожали. Довольна ли ты?—спросилъ онъ ее съ ироніей. Нѣтъ, недовольна, — отвѣчала она, желая тѣмъ сказать, что она не ожидала этого со стороны батюшки, но отецъ мой, будучи уже раздраженъ, вскричалъ: А недовольна... Такъ пойдемъ!—и онъ поволокъ брата къ новому истязанію. Тетушка бросилась встѣдъ за нимъ и вырвала изъ рукъ его розги.

Брату Николаю было тогда 12-тъ лѣтъ, эта вспышка не прошла батюшкѣ даромъ. Онъ почти обезпамятѣлъ. Ему терли виски, давали нюхать спиртъ, пить холодную воду. Это былъ единственный случай гнѣвной вспышки противъ дѣтей со стороны батюшки. Впрочемъ, старшихъ дѣтей въ ихъ малолѣтствѣ батюшка, хотя и очень рѣдко и очень слабо, но все еще, держась обычая своего времени, наказывалъ тѣлесно, но зато мы, послѣдніе дѣти, кромѣ любви и ласки, или самаго кроткаго выговора, ничего отъ него не видали. Впрочемъ и про тетушку еще разъ скажу, что если она была неумѣренно вспылчива и бивала насъ въ классѣ за уроки, то въ остальное время баловала. Сестра Анна Васильевна, какъ дѣвочка и потому исключительная ея воспитанница, терпѣла болѣе насъ мальчиковъ отъ ея необузданно вспылчиваго характера; но зато тетушка и съ своей стороны не жалѣла ничего изъ своихъ маленькихъ средствъ (весь тетушкинъ доходъ былъ въ 250 руб. ассигнаціями), чтобы ее пріодѣть получше (батюшка на этотъ предметъ давалъ очень мало) и доставить ей всякое удовольствіе, и показать ее въ лучшемъ свѣтѣ передъ постороннимъ. Съ ранняго дѣтства и до выхода замужъ сестры, тетушка ненавидѣла всѣхъ тѣхъ дѣвицъ, даже въ ближнемъ родствѣ, которыя образованіемъ, вкусомъ въ одеждѣ, манерами и вообще воспитаніемъ могли быть опасны ея Анночкѣ. Анночка была ея гордостью, ея идоломъ. Батюшка же напротивъ

смотрѣть подозрительно на заботы объ ней тетушки, боясь развитія кокетства и суетности въ дѣвочкѣ. Будучи отъ природы ревнивъ, обращался съ сестрою моею довольно холодно такъ, что сестра, вѣря душою въ тетушку, была убѣждена, что отецъ ее ненавидитъ, чрезъ это становилась скрытна и, начитавшись съ ранняго дѣтства романовъ, которыхъ было множество въ батюшкиной библіотекѣ и которые съ неменьшею жадностью поглащались и самою тетушкою, воображала себя жертвою человѣческой несправедливости, горюю судьбою героиню романа какой нибудь г-жи Радкливъ или Дюкре дю-Мениля.

Конечно съ 15 и 16 лѣтняго возраста кругъ понятій сестры расширился. Отецъ сталъ съ нею нѣжнѣе, но это неестественное положеніе въ дѣтствѣ и воображеніе, воспитанное романами, исказили ея жизнь.

Въ 1818 году въ концѣ ноября, батюшка, забравъ старшихъ братьевъ: Алексѣя, Николая и Михайлу, повезъ ихъ въ Петербургъ для опредѣленія въ кадетскій корпусъ. Выѣзжали изъ Любава съ полуночи. Я помню прощальныя минуты передъ выѣздомъ. Темно было въ залѣ. Въ гостиной горѣла одна только сальная свѣча, и та нагорѣла... Братья были уже одѣты въ свои дорожныя шубки. Присѣли, встали, помолились Богу. Помню слезы и рыданіе тетушки. Братья тоже плакали навзрыдъ. Бѣдный братъ, Николай, чувствовать ли онъ, что уже больше никогда не видать ему Любава?

ГЛАВА IV.

Святки.—Маскарады и гаданія.—Дворня.—И. И. Любавскій.—Вредъ отъ черезполосицы владѣній.—Тяжба между помѣщиками.—Г-жа Дубовицкая и Ляпуновъ.—Тяжба съ дѣвицами Кошелевыми.—Тяжба съ Мяткинымъ и Коноплинымъ.—П. П. Селивановъ.—Храмовый праздникъ въ с. Карцевѣ.—Зимніе вечера въ деревнѣ.—Наши забавы.—Катанье по льду.—Случай со мной.—Хозяйство отца.—Смерть брата Николая.—Горе отца.—Поступленіе на службу брата Алексѣя.—Пріѣздъ къ нему семейства Подколызиныхъ.—Жизнь съ ними.—Гроза наканунѣ ихъ отъѣзда.—Братъ Петръ.—Тетушки Татаринова и Авдѣева.—Учитель-французъ.—Зацѣпинъ.—Встрѣча съ нимъ въ 1848 году на вечерѣ у Ѳ. Н. Глинки.—Литературный вечеръ Глинки.—Путешествіе къ бабушкѣ Анны Акакіевнѣ въ Нижній-Новгородъ.—Друкортъ и Батурины.—Бабушки Нестеровы.—Князь Крапоткинъ.—Бабушка Александра Николаевна Нестерова.—Ея жизнь.—Управляющій Петръ Ивановичъ.—Пріѣздъ въ Нижній.

Отсутствіе батюшки изъ Любавы продолжалась довольно долго. Онъ возвратился изъ Петербурга уже великимъ постомъ. Святки для насъ, оставшихся съ тетушкою, дѣтей, прошли весело. Каждый вечеръ освѣщалась зала, и туда приходили наряженные. Дворня тогда была большая, дѣвушекъ въ дѣвичей было много, лакеевъ тоже, и потому маскарады эти были оживлены чрезвычайно... Въ письмѣ своемъ, отъ 31-го декабря 1818 года, тетушка Варвара Павловна, между прочимъ, писала къ батюшкѣ въ Петербургъ:

«Дѣти, благодареніе Богу, здоровы, теперь нарядились въ турецкія платья, въ залѣ забавляются, а я, при всемъ шумѣ семъ, пишу, тутъ же сидя, сіе письмо. Я всячески стараюсь ихъ утѣшить. Маскарадъ у насъ довольно великъ: медвѣди, чучелы и разныя представленія», и проч.

Дѣйствительно, тетушка употребляла все стараніе, чтобъ намъ было весело, но надо сказать, что и духъ времени надъ дворовыми людьми обоихъ половъ виталъ еще старинный праздно-безпечный, наивно-веселый и не оскорблявшійся своимъ рабствомъ.

Обезпеченные пищею, одеждою и тепломъ, они и женились, плодились и обзаводились своимъ маленькимъ хозяйствомъ, водили своихъ коровъ на барскомъ корму, куръ, свиней, и жили себѣ настоящимъ, мало думая о будущемъ... У нихъ былъ свой особенный міръ, въ который они замкнули свое честолюбіе и интриги, любовныя шашни, сердечныя страданія и свои надежды, а до вѣшняго міра имъ и дѣла небыло.

Вотъ объясненіе того искренняго увлеченія въ играхъ на дворѣ лѣтнею порою, хотъ, напримѣръ, въ горѣлки, въ которыхъ не рѣдко принимали участіе молодые барскія дѣти, и въ свайку, въ которой, долго и степенно наблюдавшіе, и сами пожилые помѣщики, наконецъ, принимали участіе.

Вотъ причина, почему въ святочные вечера толпы наряженныхъ шли даже безъ зова, по обычаю старины, въ разнородныхъ нарядахъ въ барскія хоромы. Въ избахъ не было ни свѣта, ни того простора, какъ въ барскомъ столовомъ покоѣ, гдѣ съ увлеченіемъ плясали, пѣли и гадали. Овчинныя шубы, мочальные колпаки, старинные господскіе мундиры и другія одежды, мужскаго и женскаго наряда, хранившіяся въ кладовыхъ, пеньковые бороды и парики—все служило наряжавшимся, всякій старался одѣться, какъ можно чуднѣе и смѣшнѣе. Всѣ играли и веселились отъ чистаго сердца. За плясками и скоморошествомъ слѣдовали святочные игры, подблюдныя пѣсни, хороненіе золота, полонье свѣта, гаданіе съ гусемъ, съ пѣтухомъ, и во всѣхъ затѣяхъ принимали участіе сами господа, разумѣется, молодые и дѣти. Рабскія отношенія дворовыхъ смягчались близкими отношеніями господъ съ прислугою. Тамъ нянька, которая вынянчила самаго стараго барина или барыню, или старинная наперстница дѣвичьихъ шашней, не только сама пользовалась привилегіей почти равенства съ господами, но и все ея родство сближалось съ молодымъ поколѣніемъ господъ. Тамъ какой нибудь грамотный, домашній юристъ-консультъ, повѣренный по дѣламъ или прикащикъ, отлично знавшій свое дѣло, и сами они, и ихъ семейства, пользовались исключительной близостью къ господамъ а чрезъ нихъ и другіе, кто свать, кто кумъ, спланивались какъ будто въ одну семью, составлявшую что-то общее и нераздѣльное съ господскою семьею, Барышни имѣли своихъ наперстницъ между горничными, мо-

лодые люди нуждались въ тайныхъ послугахъ молодыхъ дворовыхъ людей...

Пьянство и буянство обуздывалось единственно властію помѣщиковъ. Часто родители, а то такъ и жена иного гуляки просила барина, чтобъ онъ хорошенько попоролъ бы пьяницу сына или мужа. И правда, что пьянство было если не единственнымъ, то главнѣйшимъ поводомъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Почти ни одного праздника не приходило безъ шума, буйства и дракъ. Такъ какъ въ Любавѣ были нашими законными сосѣдями Любавскіе, то между нашимъ и ихъ домами въ продолженіе 200 лѣтъ были постоянныя ссоры, за которыми, разумѣется, слѣдовали и примиренія. При мелочномъ самолюбіи и воинственныхъ наклонностяхъ старинныхъ дворянъ поводовъ къ ссорамъ, особенно при череполосныхъ владѣніяхъ, было безъ конца, но чаще всего дворовые люди наши и Любавскихъ въ ссорахъ между собою втягивали и господъ. Не рѣдко драки кончались увѣчьями, дрались не кулаками, а лубьемъ и даже оружіемъ.

Бывало на какомъ нибудь свадебномъ, или праздничномъ пиру у Любавскихъ дворовыхъ, въ которомъ участвовали и наши дворовые, какъ гости, вдругъ раздавалось восклицаніе: бей Селиванщину! и начиналась свалка. Съ разбитыми носами, съ исцарапанными рожами, съ проломленными головами, являлись на другой день бойцы всякій къ своему барину, съ жалобами на обиду. Начиналась разборка и кончалась розгами. Чаше, впрочемъ, господа, обманутые наговорами своихъ людей, становились ихъ защитниками и обвинителями сосѣдскихъ... Начинались неумѣренныя требованія удовлетвореній, начинался между господами споръ, обращавшійся въ ссору, кончавшійся подачами жалобъ въ земскій судъ и судебнымъ разбирательствомъ. Сосѣдомъ нашимъ, на моей памяти, былъ И. И. Любавской, очень добрый человекъ, но страшно слабый въ отношеніи свой буйной дворни. Наказывать тѣлесно онъ боялся, а современное той жизни поклѣнне дворовыхъ людей иначе не признавало власти. Къ тому-жъ онъ былъ страшно самолюбивъ, хотя чиномъ былъ не болѣе, какъ губернский секретарь, и, будучи несравненно богаче батюшки, никакъ не могъ усвоить себѣ общественнаго уваженія, какимъ пользовался батюшка. Разъ на страст-

ной недѣлѣ, когда и наше семейство и семейство Любавскихъ говѣло, Иванъ Ивановичъ передъ причастіемъ подошелъ къ батюшкѣ, сталъ просить у него прощенія.

— Въ чемъ же, Иванъ Ивановичъ? У насъ съ тобою, кажется, все ладно.

— А помните ли, Василій Павловичъ, какъ на выборахъ я наступилъ вамъ на ногу, еще вы сказали: ахъ, Иванъ Ивановичъ, какъ больно ты мнѣ наступилъ!..

— Ну, помню.

— Я это нарочно наступилъ, думая, что вы разсердитесь и меня толкнете, или скажете дерзость, тогда-то бы я васъ ужъ изломалъ, ужъ далъ бы вамъ себя знать!..

Разумѣется, батюшка посмѣялся надъ этимъ признаніемъ угрожавшей ему опасности.

Надобно замѣтить, что Иванъ Ивановичъ былъ одаренъ порядочно физическою силою, и между тѣмъ боялся своихъ людей. У него былъ дворовый человѣкъ, по прозванію Капускинъ—пьяница страшный. Что то Капускинъ сдѣлалъ очень дурно, пьяный набуянилъ или нагрубилъ чрезъ мѣру, ужъ не знаю, только Иванъ Ивановичъ призвалъ его предъ свои барскія очи на судъ.

— Какъ ты смѣлъ, каналья, это сдѣлать?

— Чтожъ теперь дѣлать, отвѣчалъ Капускинъ, сдѣлалъ, такъ сдѣлалъ. Чтожъ мнѣ остается! Вотъ возьму ножъ, да зарѣжу и васъ, и себя... И говоря это, сдѣлалъ такое рѣшительно-отчаянное движеніе, что баринъ поскорѣе отъ него отходить, и ушелъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ вѣрилъ своимъ людямъ во всемъ, какую бы сплетню они ни придумали, тогда какъ, отъ праздности и не имѣя надъ собою узды, они сами безпрестанно дѣлали непріятности разнаго рода.

То, не спросивъ позволенія и не сказавъ никому, извертять вѣковыя деревья въ нашей роцѣ и выжгутъ внутренность дупла, выкуривая оттуда случайно залетѣвшій рой пчелъ; то въ пруды наши въ глухую ночь поставятъ верши и въ слѣдующую за тѣмъ ночь вынимаютъ изъ нихъ рыбу. Батюшка жаловался Ивану Ивановичу, но жалобы оставались безъ удовлетворенія. Разъ люди наши, купаясь въ прудѣ, наплыли случайно на мѣсто близъ плотины, поросшее ветлами и ольхами, гдѣ были укрыты верши. Ихъ вытащили

и представили къ батюшкѣ совѣмъ съ рыбою. Батюшка послалъ челоука доложить о томъ сосѣду, съ покорнѣйшею просьбою разыскать воровъ; но такъ какъ сосѣдъ вслѣдствіе своей слабости не обратилъ вниманія на просьбу батюшки, то батюшка приказалъ поставить высокій шестъ на плотинѣ, между прудовъ, прямо противъ оконъ сосѣдскаго дома, и на него повѣсить верши

Черезполосныя владѣнія земель тоже давали поводъ къ безконечнымъ спорамъ и ссорамъ. Черезполосица была сушимъ бичемъ землевладѣній и неисчерпаемымъ источникомъ наживы подъячествующей братіи, служителей Фемиды всѣхъ инстанцій, начиная съ земскихъ и уѣздныхъ судовъ.

Безсмертную заслугу оказалъ Государь Николай Павловичъ отечеству размежеваніемъ владѣній къ однимъ мѣстамъ. Владѣльцы спорили и начинали тяжбы, сами не увѣренные въ правотѣ своего дѣла, потому что межи кусочковъ земли разныхъ величинъ и видовъ, составлявшихъ владѣнія, охранялись единственно преданіями крестьянъ, что этотъ, молъ, клинъ нашъ, а это сосѣдскій. Вздумается мужику бороздки на двѣ увеличить свой лоскутъ, онъ, пахавши, и передвинетъ межу. Дѣло откроется, начинается споръ, но подпахавшій смѣло говоритъ, что въ третьевощнемъ, напримѣръ, году, когда я былъ болѣнъ и дѣдушка не досмотрѣлъ, сосѣди передвинули межу, а я, молъ, только поправилъ. Крестьяне одного владѣльца поддерживаютъ своего, а крестьяне другого—своего, доходитъ до господъ, господа должны по неволѣ вѣрить своимъ крестьянамъ: плана на черезполосицу не бывало. Вотъ и поводъ къ тяжбамъ. А тамъ примѣшивалось самолюбіе. Умру, разорюсь, а не уступлю,—было обкновенной поговоркой тяжущихся.

Подобныя случайности, при недостаткѣ какой нибудь дѣятельности, потому что при черезполосномъ владѣніи хозяйствомъ серьезно заниматься было невозможно, развивали между помѣщиками страсть къ сутяжничеству. Нерѣдко, кто побогачѣ, оттягивалъ землю у бѣднаго сосѣда, не ради какой нибудь необходимости въ ней, а ради удовлетворенія своего сутяжническаго самолюбія. Страсть эта иногда доходила до комизма.

По сосѣдству госпожи Дубовицкой, пользовавшейся большимъ уваженіемъ, въ одномъ съ нею сельцѣ имѣлъ

владѣніе и усадьбу помѣщикъ Николай Алексѣевичъ Ляпуновъ. Онъ былъ очень старъ и скончался, когда ему было чуть ли не за 100 лѣтъ. Г-жа Дубовицкая устроила на маленькой рѣчкѣ, протекавшей по близости усадьбъ обоихъ владѣній, небольшую запруду, чтобъ имѣть болѣе воды. Рѣчка, запруженная такимъ образомъ, въ обыкновенное время года разливалась въ небольшой прудъ въ дачѣ г-жи Дубовицкой, но противъ дачи сосѣда оставалась въ своихъ берегахъ. Но по веснамъ, во время полоой воды, рѣчка разливалась, и дня на два, или много на три подтопляла плетень сосѣдскаго огорода. Каждую весну Николай Алексѣевичъ, видя такой произволъ со стороны рѣчки и относя его къ устроенной сосѣдкою запрудѣ, немедленно приказывалъ запрягать лошадей въ коляску и, не смотря на свои преклонныя лѣта и распутицу, катилъ въ Зарайскъ за 35 верстъ подавать прошеніе объ уничтоженіи запруды, самовольно устроенной сосѣдкою къ его обидѣ. Разумѣется, пока-то судъ дѣлалъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія, пока слѣдователь являлся на мѣсто, вода въ рѣчкѣ давно уже текла смирно въ своей законной ложбинкѣ, а прилегавшій къ ней поемный лужокъ былъ покрытъ сочною травою, съ желтыми цвѣточками и по немъ, не замоча ногъ, паслись гуси. По слѣдствію оказывалось, что жалоба Николая Алексѣевича была неосновательна, о чемъ ему по прошествіи нѣкотораго времени и объявлялось.

Николай Алексѣевичъ до слѣдующей весны оставался спокоенъ, а съ новымъ весеннимъ разливомъ снова скакалъ въ городъ и снова подавалъ прошеніе на запруду.

Возвратясь изъ города, онъ отправлялся къ сосѣдкѣ пить чай.

— Куда это вы ѣздили, Николай Алексѣевичъ? спрашивала она.

— Въ городъ, матушка, подавалъ прошеніе...

— На кого?

— На васъ, матушка, о причиняемомъ мнѣ подтопѣ.

— И вамъ это не стыдно?

— Чтожъ дѣлать, матушка? дружба дружбою, а дѣло дѣломъ.

И дѣйствительно, дружескія отношенія между ними не нарушались.

Въ мое дѣтство батюшка имѣлъ двѣ значительныя тяжбы и все вслѣдствіе чрезполосности земель съ сосѣдями, а именно:

Въ деревнѣ батюшка состоялъ въ чрезполосномъ владѣніи съ старыми дѣвицами Кошелевыми, хотя главнымъ владѣльцемъ былъ батюшка, а Кошелевы имѣли только въ Паршинѣ два двора. Сами они жили въ селѣ Рожновѣ и имѣли очень хорошее состояніе. Батюшкѣ вздумалось запрудить рѣчку и поставить мукомольную мельницу. Прудъ запрудили, мельницу поставили, но г-жи Кошелевы сочли себя обиженными и тотчасъ подали прошеніе въ судъ о сносі мельницы, на томъ основаніи, что прудъ — де затопилъ ихъ лугъ. Лугомъ онѣ называли косогоръ, прилегающій къ рѣчкѣ, на которомъ, Богъ вѣсть, когда-то стоялъ крестьянскій ихъ дворъ. Это было такъ давно, что въ деревнѣ никто и не помнилъ, считая это мѣсто съ прилегавшею къ нему землею выгономъ, исключительно принадлежавшимъ батюшкѣ. Поднялось дѣло, тянулось 18 лѣтъ. Мельница по маловодью, а потому и за незаботами объ ней, разваливалась, и когда по указу Сената велѣно было ее оцѣнить, нашли, что мельница и не существуетъ. Ясныхъ же доказательствъ о принадлежности имъ затопленнаго берега онѣ представить не могли — такъ дѣло и кончилось. Нѣсколько разъ батюшка предлагалъ имъ окончить дѣло полюбовно, онѣ не соглашались ни на что. Мы знаемъ, что мы не выиграемъ ничего, — говорили онѣ, а все таки не уступимъ ни за что. Это нашъ женскій капризъ. Повѣренный у нихъ былъ нѣкто Язвцовъ, извѣстный въ свое время въ Зарайскомъ уѣздѣ ябедникъ и сутяга. Ихъ женскій капризъ обошелся имъ дорого.

Другое дѣло было посерьезнѣе. Въ с. Бѣляевѣ было три владѣльца. Главный — покойный дядя Михаилъ Павловичъ, который тамъ и имѣлъ старинную усадьбу; второй помѣщикъ Матякинъ, а третій — Александръ Михайловичъ Коноплинъ. Дядя Михаила Павловичъ съ Александромъ Михайловичемъ долго жили ладно, однимъ словомъ душа въ душу, но чертъ видно не дремалъ и пустилъ между ними черную кошку въ видѣ прикащика Александра Михайловича, его двороваго человѣка, по имени Максима. Максимъ былъ заносчивъ не менѣе своего барина и барина своего водилъ за носъ. Онъ былъ грамотный и занимался хожденіемъ по

дѣламъ, по старому обычаю. Въ старину господа сами никогда не вели тяжбъ и не ходили по судамъ, а давали всегда довѣренность своимъ крѣпостнымъ адвокатамъ. Впрочемъ, это совершенно было все равно, потому что свода законовъ и въ поминѣ не было, ходъ дѣла охранялся канцелярскою тайною, стало быть дѣло заключалось въ сованіи денегъ и гостинцевъ секретарямъ, начальникамъ, стряпчимъ, а можетъ стать кому и покрупнѣе. Дворовому человѣку и поторговаться сподручнѣе. Разъ этотъ Максимъ, являсь къ Михаилу Павловичу, объявилъ ему, что крестьянинъ его запахалъ ихъ, т. е. коноплинскую, землю полдесятины. Не знаю, какъ шелъ разговоръ, только Максимъ, принявъ грубый тонъ, наговорилъ дядѣ дерзостей. Дядя взбѣсился, дворянская кровь закипѣла и онъ, отгаскавъ Максима, выгналъ его въ шею.

Александръ Михайловичъ подалъ прошеніе о завладѣніи у него $\frac{1}{2}$ десятины земли. Максимъ сорилъ деньгами, дядя не уступалъ, и дѣло затянулось на многіе годы. Раза два дѣло доходило до Сената и вновь возвращалось къ нижнимъ инстанціямъ. Наконецъ, дядя окончательно разорился и продалъ Бѣляеву князю Хованскому. Какъ родовое имѣніе, батюшка его выкупилъ, а дѣло тянулось. Когда оно еще разъ поступило на разсмотрѣніе въ Сенатъ, Сенатъ опредѣлилъ командировать землемѣра для наложенія черезполосицы на планъ и свѣрить съ крѣпостями. Наложили черезполосицу, свѣрили съ крѣпостями и оказалось, что земли-то недостаетъ у насъ и что она захвачена Коноплинымъ въ числѣ 40 десятинъ, Матякиными въ числѣ 170 десятинъ, почему Сенатъ опредѣлилъ недостающее у насъ число земли пополнить, отрѣзавъ излишнюю землю отъ Коноплина и Матякина.

Исходъ дѣла былъ особенно неблагопріятенъ Матякину, который понесъ убытокъ Богъ вѣсть за что, именно по пословицѣ: въ чужомъ пиру похмѣлье; но если припомнить читатель изъ первой главы моего разсказа процессъ моего дѣда съ предками Матякиныхъ, то въ этомъ дѣлѣ увидить перстъ Божій. Тогда несправедливо выигранная Матякиными тяжба по тому же сельцу Бѣляеву разорила дѣдушку, а горе сократило дни его.

Однакожь я заговоря о дворовыхъ, перешелъ къ черезполосицѣ и къ тяжбамъ - вернемся назадъ.

Наши дворовые женатые жили на заднемъ дворѣ. Тамъ для нихъ устроено было три избы. Въ каждой избѣ помѣщалось по три семьи. Въ каждой семьѣ, если положить круглымъ числомъ, было не менѣе 5-ти душъ, стало быть, на заднемъ дворѣ всѣхъ жителей было около 50-ти душъ. Холостые же и нѣкоторыя близкія дому личности женатые проживали на господскомъ дворѣ. Жившіе на заднемъ дворѣ получали мѣсячину, а жившіе на господскомъ дворѣ обѣдали въ застольной, т. е. общимъ обѣдомъ въ людской.

Внутренность задняго двора вся была застроена клѣтками для скарба, для коровъ, овецъ и свиней. Маленькій, я любилъ ходить лѣтними вечерами на задній дворъ. Мнѣ нравилось смотрѣть на семейную дѣятельность обитателей его и видѣть ихъ спокойное довольство. Завѣтною мечтою холостыхъ лакеевъ, кучеровъ и проч. было обзавестись женою и устроить себѣ клѣтушку на заднемъ дворѣ. Лучшаго чегонибудь они себѣ и не представляли.

Каждое, изъ границъ выходящее, пьянство преслѣдовалось (хотя и не очень), но когда оно случалось несвоевременно и часто, то тогда наказывалось розгами. Поэтому тѣ, которымъ представлялся какойнибудь поводъ пображничать, особенно лакеи, обыкновенно приходили къ батюшкѣ и просили позволенія завтрашній день погулять. Это значило уволить ихъ напиться сколько душѣ угодно. На подобную просьбу погулять отказа никогда не было. Но если батюшка бывалъ въ продолжительной отлучкѣ, то случались большіе безпорядки. Разъ, я помню, въ праздникъ Рождества Богородицы, когда батюшка былъ въ Тамбовѣ и хозяйкою въ домѣ оставалась тетушка, къ удивленію нашему въ обыкновенный часъ обѣда столъ не былъ накрытъ. Въ лакейской не было ни души. Мы пошли въ людскую — вездѣ хоть шаромъ покати. Тетушка, приказавъ горничнымъ дѣвушкамъ накрывать на столъ и нести все, что найдутъ на кухнѣ, сама пошла съ нами пройти по дорогѣ къ сосѣдней намъ деревнѣ экономическаго вѣдомства, Мухину, гдѣ въ этотъ день былъ храмовой праздниѣ.

Выйдя за околицу, мы увидали лежащаго навзничъ спящаго буфетчика Тимофея Ивановича, еще нѣсколько сажень спалъ старый нашъ дядька Астерій Андреевичъ, въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ валялась и супруга его, Пра-

сковья Ивановна, еще и еще. Открылось, что вся дорога устлана мертвецки-пьяными нашими дворовыми, валявшимися въ различныхъ положеніяхъ и въ самомъ развратномъ видѣ.

Въ новый годъ наше семейство обыкновенно ѣзжало къ храмовому празднику въ село Карцево, къ Павлу Петровичу Селиванову, гдѣ иногда ночевало ночи по двѣ. У него было 2 дочери, Александра и Людмила, изъ которыхъ послѣдняя, очень много лѣтъ спустя послѣ времени моего разсказа, вышла за Соловова. Со смертію же Павла Петровича потомство Куковского гнѣзда Селивановыхъ, какъ припомнить читатель изъ первой главы, прекратилось.

Онъ былъ очень небогатъ, но любилъ жить открыто и по возможности прилично. Самъ онъ былъ очень полонъ и черноватъ; все лицо его было покрыто сплошными рябинами, щеки жирныя, губы толстыя и отвислыя, но, при всей некрасивости лица, оно было запечатлѣно добродушіемъ и искренностію.

Въ новый годъ къ нему пріѣзжало много гостей. Кромѣ родныхъ его жены, урожденной Клишиной, и близкихъ сосѣдей, у него всегда праздникъ его былъ украшенъ присутствіемъ нѣсколькихъ пѣхотныхъ офицеровъ, постоянно тогда квартировавшихъ въ Зарайскомъ уѣздѣ полковъ. Молодыхъ людей во фракахъ и теперь въ провинціи мало, а тогда вся молодежь дворянской крови исключительно служила въ военной службѣ.

Безъ офицеровъ не было тогда и кавалеровъ для танцевъ, да и самый нравственный духъ тогдашнихъ офицеровъ былъ несравненно выше теперешняго. Какъ танцоры, они были неутомимы, и барышни ихъ очень любили. Послѣ обѣда, спустя часа два, начинался маскарадъ съ танцами, къ которому всѣ готовились заранее. Преимущественно преобладалъ нарядъ русскій, т. е. сарафанъ, одѣвались по цыгански и турчанками; но бывали маски и довольно оригинальныя, какъ напримѣръ, весь наряженный былъ съ ногъ до головы обшитъ картами и проч. Офицеры рядились крестьянскими бабами, или кто во что гораздъ. Музыка была камнемъ преткновенія. У одной нашей сосѣдки, Коноплиной, была музыка, а именно: скрипка, альтъ и виолончель, и эти три инструмента играли порядочно; но не всегда въ полномъ составѣ можно было ихъ достать. Обыкновенно бальный

оркестръ въ Карцевѣ состоялъ изъ одной скрипки, на которой игралъ старикъ-виолончелистъ г-жи Коноплиной, Сергѣй Федотычъ. По окончаніи всякаго танца, его подкрѣпляли рюмочкою водки, и онъ игралъ до изнеможенія. Когда же утомлялся очень, особенно играя котильонъ, онъ переставалъ играть во время самаго разгара танца и преспокойно уходилъ. Никакія моленія не могли склонить его продолжать.

Сергѣй Федотычъ былъ музыкантъ настоящій, но на бѣду не всегда можно было имѣть и его. Когда не могли достать Сергѣя Федотыча, то игралъ на скрипкѣ не то сапожникъ, не то столяръ, въ ярко зеленого цвѣта нанковомъ сюртукѣ, и для всякаго рода танцевъ зналъ только одну музыку: «чижикъ, жичикъ, гдѣ ты былъ?».

Не смотря на этотъ маленькій недостатокъ, одушевленное веселье охватывало гостей, и всѣ плясали отъ чистаго сердца. Въ промежутки танцевъ приходилъ въ залъ цѣлый таборъ цыганъ, которыхъ Павелъ Петровичъ очень любилъ и допускалъ зимовать въ своей деревнѣ. Эти тоже и рядились, и плясали, а въ пѣсняхъ драли глотки безъ всякаго состраданія къ ушамъ гостей. Послѣ ужина всѣ помѣщенія въ домѣ: и гостинная, и зала, не говоря о внутреннихъ комнатахъ, устилались перинами, и гости ложились въ повалку. Разумѣется, для болѣе почтенныхъ гостей были кровати и, по возможности, болѣе спокойныя комнаты.

Всѣ зимніе дни я, братъ Илья и сестра Анна проводили въ тетенькиной комнатѣ, дни учились, въ сумерки сидѣли передъ пылавшимъ каминомъ и смотрѣли на веселые переливы огня и летающія искры. Яркое освѣщалась каминомъ небольшая комната, и тѣни наши рисовались на противоположной стѣнѣ, то блѣднѣе, то чернѣе, то сливаясь въ неопредѣленныя очертанія... Иногда тетушка рассказывала намъ что нибудь изъ прочитаннаго ею романа Дюкредю-Мениля «Алексисъ или домикъ въ лѣсу,» или рассказывала о житіи Никиты Столпника, Феодосія Тотемскаго и о своемъ монастырскомъ воспитаніи при Государынѣ Екатеринѣ.

Когда каминъ потухалъ, мы садились къ столу. Иногда играли въ карты, забавлялись и мыльными пузырями, а иногда спускали бумажные кораблики въ большой деревянной чашкѣ, налитой водою. Читали басни Крылова и Измайлова и такъ часто, что знали ихъ почти напамять всѣ, а иногда

просили тетушку прочитать намъ апокалипсисъ. Апокалипсисъ насъ очень занималъ, потому что сильно дѣйствовалъ на воображеніе, закидывая въ него сѣмяна мистицизма. Чтожъ касалось до пониманія, то, читая и теперь эту пророческую книгу, я понимаю ее не болѣе, какъ понималъ и тогда.

Въ дни рожденія или именинъ сестры или тетушки я устраивалъ щитъ изъ масляной бумаги съ изображеніемъ буквъ имени и фамиліи, изъ половинокъ греческихъ орѣховъ и сальныхъ свѣчей дѣлались плошки, и плошками этими, по столамъ, комодамъ и окнамъ расставленными, освѣщалась чайная комната. Она была прозвана чайною потому, что въ нее съ незапамятныхъ временъ по утрамъ и вечерамъ все наше семейство собиралось пить чай.

Батюшка изъ Петербурга все не ѣхалъ. Вотъ ужъ пришла и масленица. На дворѣ подъ окнами залы, какъ и всегда прежде, была устроена ледяная гора. Каждый день послѣ обѣда мы катались съ нее на ледяницахъ. Ледяницы дѣлались крестьянскими ребятами изъ старыхъ рѣшетъ. Снизу ихъ обмазываютъ коровьякомъ, обливаютъ водою и такъ они обмерзаютъ. Внутрь постелятъ мягко соломки для сидѣнья, вотъ леденецъ и готовъ. Для дѣтей при катаніи съ горы они безопаснѣе. Впрочемъ, одно изъ такихъ катаній окончилось драматическимъ происшествіемъ. Когда я скатился съ горы и, вставая съ леденца, хотѣлъ отойти въ сторону, вдругъ одна дворовая дѣвочка, не дожлавшись, чтобъ я сошелъ въ сторону, скатилась съ горы и сшибла меня съ ногъ; я полетѣлъ прямо лицомъ на леденецъ и разсѣкъ надъ правымъ глазомъ бровь. Кровь полилась потокомъ, рана была съ вершокъ. Тетушка въ это время отходила отъ горы, а за порядкомъ катанья наблюдала Софья Ивановна, нянька сестры, Анны Васильевны. Она была въ это время вдовою, а мужъ ея былъ тотъ самый Андрей, который былъ кучеромъ при батюшкѣ, когда онъ служилъ въ архаровскомъ полку. Софья Ивановна выкормила грудью брата Михайла Васильевича. Когда тетушка увидала окровавленное мое лицо, страшно перепугалась и вмѣстѣ съ тѣмъ разсердилась на Софью Ивановну за ея недосмотръ. Примачивая мнѣ рану виномъ, настоеннымъ камфарою, она въ ярости бросилась на Софью Ивановну, сдернула съ головы ея платокъ, схватила за косу и ударила объ полъ.

Мнѣ долго было жаль Софью Ивановну: меня мучила совѣсть, что она пострадала за меня.

Съ прїѣздомъ отца изъ Петербурга, жизнь въ нашемъ домѣ потекла обыкновенной чередою. Въ мартѣ мѣсяцѣ батюшка устроилъ теплицу для раннихъ огурцовъ и редисъ, парники для огурцовъ и дынь. Все это было еще чуждо помѣщичьихъ занятій. Дворяне того времени такими пустяками не занимались. Полевымъ хозяйствомъ батюшка занимался, насколько можно было при черезполосицѣ. Онъ ввелъ у себя приходо-расходныя книги, и ежедневно подавались ему суточные рапортички, сколько чего выдано изъ амбара и отъ ключницы. Ѣздивъ въ сопровожденіи старосты по полямъ, смотря за пахатою и уборками сѣна и хлѣбовъ. Но черезполосица была въ развитіи сельскаго хозяйства камнемъ преткновенія. Разъ онъ приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ въ поле посмотрѣть макъ. Прїѣхавъ, нашель, что макъ цвѣтетъ великолѣпно, но былъ густъ. Возвратясь домой, онъ позвалъ старосту и приказалъ, чтобъ онъ послалъ бабъ продергать макъ, что на другой же день староста и исполнилъ. Батюшка поѣхалъ самъ посмотрѣть, но нашель, что макъ въ томъ же видѣ. Онъ опять посылаетъ за старостою и приказываетъ ему продергать еще. Тотъ повинуется и продергиваетъ во 2 разъ. Батюшка опять ѣдетъ и опять находитъ, что макъ еще густъ. Онъ разсердился. Снова призываетъ старосту и грозно ему приказываетъ, чтобъ макъ былъ продерганъ.

— Помилуйте, баринъ, возражаетъ староста, не много ли будетъ, ужъ онъ и такъ рѣдокъ!

— Говорятъ тебѣ, такъ слушай, такой сякой!— закричалъ батюшка, и староста исполнилъ еще разъ приказаніе.

Батюшка снова смстрѣлъ и ужъ тутъ рассердился не нашутку: староста явно его не слушаетъ. Прїѣзжаетъ домой, призываетъ старосту.

— Ахъ ты, сукинъ сынъ, да я тебя и проч.

— Помилуйте, возразилъ староста. Я не знаю, что и говорить, я продергивалъ, продергивалъ, да ужъ скоро нечего будетъ и дергать.

— А вотъ я тебя самого отдеру, да и покажу, какъ дергать. Сейчас пойдемъ со мною. Поѣхали.

— Несюда, баринъ, нашъ макъ вотъ тутъ, а здѣсь Любавскій.

Батюшка поѣхалъ за старостою и видѣть свой маѣ въ самомъ плачевномъ состояніи. Былка отъ былки чуть ли не на аршинъ. Батюшка всѣ раза смотрѣлъ чужой маѣ.

Въ половинѣ сентября на батюшку напала какая-то необъяснимая тоска, и чтобъ разсѣять себя, онъ поѣхалъ на охоту. Тетушка въ сумерки лежала на своей кровати, а мы только что кончили послѣ обѣда классъ—приносятъ письма съ почты изъ Петербурга отъ Николая Ивановича Коробьина. Тетушка распечатала и прочла его вслухъ. Николай Ивановичъ извѣщалъ, что братъ Николинъ боленъ и что у него открылась нервная горячка. Тетушка, предупредивъ насъ не говорить ничего о письмѣ, скрыла отъ батюшки и ничего ему не сказала.

Прошла недѣля. Батюшка груститъ, тоскуетъ... Но вотъ шесть часовъ; подали самоваръ; тетушка разливала чай, а мы усѣлись около стола. Приходить батюшка и сѣлъ по обыкновенію на свое мѣсто. Когда ему тетушка подала налитую чашку, онъ задумался надъ нею и, какъ будто говоря самъ съ собою, не глядя ни на кого, промолвилъ: Странный сонъ я видѣлъ сейчасъ? Батюшка послѣ обѣда отдыхалъ; тетушка и мы наострили уши.—Вижу я, что я будто куда-то одѣваюсь и что надѣваю на себя 8 жилетовъ. Мнѣ показалось жарко—я началъ ихъ снимать; сначала одинъ, другой, считаю далѣе и насчитываю только семь, осьмого жилета нѣтъ... Не успѣлъ батюшка договорить, приносятъ письмо съ черною печатью и подають батюшкѣ; тетушка выхватила это письмо изъ рукъ человѣка, посмотрѣвъ на адресъ и сказавъ: это изъ Кинешмы отъ моего старосты, спрятала письмо подъ себя. Прошелъ вечеръ, прошелъ и другой день; на третій день батюшка приходитъ къ тетушкѣ и говоритъ: Сестра, меня одолеваетъ тоска, я чувствую, что не даромъ... Покажи мнѣ письмо, которое ты отняла... Оно не изъ Кинешмы... Отъ кого оно? Тетушка отвѣчала, что оно дѣйствительно отъ Николая Ивановича, и подала батюшкѣ первое письмо, промолвивъ: Николинъ очень боленъ.

Батюшка взялъ письмо, прочелъ и, взглянувъ на печать, сказалъ: это письмо не то, это давнишнее... То съ черною печатью... Я чувствую, что Николинъ умеръ. И вопль, страшный вопль отчаянія огласилъ весь домъ...

Батюшку подъ руки привели на верхъ и посадили на

его кровать. Рыданія его были ужасны. Тетушка терла ему виски спиртомъ и уговаривала беречь себя, указывая на насъ. Мы плакали, глядя на слезы батюшки, старались ласкаться къ нему, цѣловали его руки. Братъ Петръ стоялъ на колѣняхъ у ногъ его, стараясь успокоить, а братъ Павелъ ушелъ въ другую комнату, гдѣ не было свѣчи и въ страхѣ смотрѣлъ оттуда, сидя на своей кровати.

Я забылъ сказать, что батюшка, возвратясь изъ Петербурга, взялъ съ собою изъ морскаго корпуса обоихъ братьевъ въ отпускъ для излѣченія въ деревню. Братъ Петръ по зимнему пути обратно уѣхалъ въ Петербургъ, а Павелъ уже болѣе въ корпусъ не возвращался. Лакеи и дѣвушки толпою нныя набились въ батюшкину комнату, другіе оставались въ коридорчикѣ при входѣ или на лѣстницѣ, тревожно ожидая, когда батюшка успокоится. Многие плакали...

Такъ прошелъ этотъ страшный вечеръ.

На другой день по утру батюшка всталъ съ постели, прямо пришелъ въ мою дѣтскую. Онъ былъ одѣтъ въ халатъ. На открытой его груди висѣлъ медальонъ съ миниатюрнымъ портретомъ покойной матушки, лицо его выражало страданіе, глаза были красны и опухли отъ слезъ. Онъ приласкалъ меня.... и, горько опять заплакавъ, ушелъ.

Но время, лучший цѣлитель всѣхъ скорбей, взяло свое; прошло двѣ или три недѣли—грусть становилась все тише, тише, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и совсѣмъ изсякла.

Брата Алексѣя батюшка также возилъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ братьями Николаемъ и Михайломъ для помѣщенія въ корпусъ, но его не приняли, потому что ему было уже болѣе 13 лѣтъ. Онъ возвратился въ Любаво, и полковникъ Ивановъ, бывшій командиръ 1-го Егерскаго полка, предложилъ батюшкѣ записать брата въ юнкера въ его полкъ.—Отдай его мнѣ, говорилъ Ивановъ, и мы его скоро выведемъ въ офицеры.—Батюшка согласился, и братъ поступилъ въ юнкера. Въ то время, когда было получено извѣстіе о кончинѣ брата Николая, братъ Алексѣй находился въ полку въ Зарайскѣ, на слѣдующую весну ушелъ въ походъ съ полкомъ въ прибалтійскія губерніи.

Вскорѣ по вступленіи въ полкъ онъ былъ произведенъ въ портупей-юнкера, а на второмъ переходѣ изъ Зарайска полученъ былъ приказъ о производствѣ его въ прапорщики.

Въ этотъ годъ переѣхало къ намъ въ Любаво гостить семейство Подколызинныхъ. Тетунка Федосья Петровна, родная сестра матушки, сначала вышла замужъ за Воронца, но скоро овдовѣла. Вскорѣ вступила она во вторичный бракъ за моряка, капитана 1-го ранга Подколызина. Это былъ человѣкъ очень умный, съ волею и характеромъ; но видно ей не суждено было быть счастливой. Они жили въ Петербургѣ въ довольствѣ, пользовались общественнымъ уваженіемъ. Она была дружна съ женою министра полиціи Балашева, была горда, но бѣдствіе и горе подкапывались подъ ихъ счастье. Не зная хорошо дѣла, я не стану описывать всѣхъ причинъ которыя привели его подъ слѣдствіе и къ суду. Всѣ козни несправедливости были направлены противъ него: по суду его лишили орденовъ, сняли одинъ чинъ и онъ былъ исключенъ изъ службы не только безъ пенсіона, но даже вѣрно было описать по взысканію съ него все движимое имущество. Тутъ помогла дружба Балашева, что они не остались совершенно нищими. Г-жа Балашева, узнавъ время, когда будетъ полиціею производится опись и наложенъ арестъ на имущество, пріѣхала съ визитомъ къ тетункѣ и, сидя съ нею въ гостиной, велѣла ей всѣ деньги и всѣ болѣе драгоценныя вещи вложить въ шкатулку и передать ей, что разумѣется и было тетункою исполнено. Когда полицейскіе явились для описи, то, войдя въ переднюю, увидавъ лакеевъ министра полиціи и узнавъ, что въ гостиной сидитъ его супруга, естественно остановились и стали выжидать, когда она уйдетъ. Балашева вышла, неся сама шкатулку и, отдавая ее лакею, велѣла поставить къ себѣ въ карету. По отъѣздѣ ея, полиція приступила къ описи... Не имѣя пріюта они до поры до времени, пока не придумаютъ, что дѣлать, переѣхали къ намъ.

Это было самое пріятное время нашего дѣтскаго возраста. Семейство Подколызинныхъ состояло изъ отца съ матерью, 5 дочерей и сына. Старшая дочь была ровесница брату Ильѣ. вторая мнѣ. Всѣ другія дѣти были моложе меня. Сыну Петру было 4 года, а младшей дочери Варинкѣ только 2 года. Мнѣ же шель 7-й годъ.

Дядя Яковъ Ефремовичъ Подколызинъ самъ занимался ученіемъ своихъ дѣтей всѣмъ предметамъ научнаго преподаванія, но, по просьбѣ отца, онъ училъ ариметикѣ и насъ.

Для изученія арифметики мы и наши милые гости, двоюродныя сестры, сходились въ одинъ классъ. Послѣ ужина введенъ былъ такой обычай, что мы всѣ въ числѣ 6 человекъ, исключая двухъ меньшихъ дѣтей Подколызинныхъ, садились рядышкомъ на диванъ, и по очереди всякій изъ насъ долженъ былъ прочесть на память по 3 басни изъ нашихъ извѣстныхъ баснописцевъ: Крылова, Дмитріева, Измаилова, Хемницера и другихъ, но непремѣннымъ условіемъ было для каждаго, чтобъ всякій вечеръ одна изъ трехъ обязательныхъ басенъ была бы новая, а двѣ читанныя уже прежде. Я былъ картавъ и вмѣсто л выговаривалъ всегда р, что всегда представляло всѣмъ моимъ слушателямъ обильный поводъ для смѣха. Особенно забавляло всѣхъ, когда я читалъ басню Ворона и Курица. Крылова: гдѣ я, какъ говорили, особенно смѣшно выговаривалъ стихъ:

«Прощай, хохлаточка, счастливый путь!!!»

Прогостивши у насъ съ годъ, Подколызины уѣхали въ купленную ими маленькую деревушку Лукояновку, въ Лукояновскомъ уѣздѣ. День отъѣзда былъ назначенъ не помню какого числа мая, но помню, что это, кажется, было въ день Преполовенія. Всѣ пожитки ихъ были уже уложены обозъ съ громаднымъ имуществомъ былъ отпразднованъ въпередъ. Такъ какъ они предполагали выѣхать послѣ обѣда, то тетушка Варвара Павловна, по случаю праздника, поѣхала къ обѣднѣ. День былъ жаркій и не было ощутительно ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Мы съ братомъ Ильей стали у батюшки проситься купаться, и батюшка не только позволилъ, но и самъ пошелъ съ нами на нижній прудъ смотрѣть, какъ мы будемъ купаться. Когда мы начали раздѣваться, далеко съ юго-западной стороны послышались раскаты грома сначала тихо, глухо, но безъ перемежки всегромче и громче, и бѣлыя тучи мало по малу стали облепать горизонтъ.—Скорѣй купайтесь, дѣти, туча находитъ—будетъ гроза,—говорилъ отецъ.—Охъ, не хорошо, промолвилъ бывшій съ нами человекъ; туча полуденная—будетъ градъ!

Мы выскочили изъ воды и стали скоро одѣваться. Туча, казалось, какъ будто и тиха стала, но быстро уже обложила чуть ли не полъ-неба; начала подниматься буря, раскаты грома становились сильнѣе и сильнѣе. Заблистала мол-

нія. Мы одѣлись и ускореннымъ шагомъ пошли домой. Семейство Подколызиныхъ сидѣло на балконѣ, мы тоже вышли къ нимъ. Буря усиливалась. Молнія заблестала ярче и учащеннѣе, и вотъ разразился какъ будто надъ головою страшный ударъ грома. Всѣ мы, бывшіе на балконѣ, и старые и малые, перекрестились, стали торопиться входить въ домъ, закрывать окна и балконную дверь. Въ это время, гонимая сзади бурей, во всю конскую мочь влетѣла въ ворота тройка лошадей, запряженныхъ въ крытыя дрожки, возвращавшейся отъ обѣдни тетюшки. Съ ея прїѣздомъ, хлынулъ дождь съ градомъ и въ одно мгновеніе пруды наши наполнились водою и затопили весь выгонъ. Тетюшка гсворила, что лишь только она успѣла переѣхать черезъ Авдотину рѣчку, въ урочищѣ Курьяновѣ, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Любавы, въ которой въ обыкновенное время вода бываетъ глубиною рѣдко болѣе $1\frac{1}{2}$ вершка, бурнымъ потокомъ воды разрушило до основанія и снесло устроенный мостъ, черезъ который она переѣзжала. Никогда я не запомню такой грозы и такого грома. Молніи и градъ не прерывались ни на минуту; удары были такъ сильны, что казалось все небо готово рушиться на землю и раздавить въ своемъ паденіи. Градины были съ куриное яйцо, а потоки воды, не вмѣщаясь въ обыкновенные свои стеки и канавы, затопили нашъ скотный дворъ. Вода въ птичной избѣ поднялась выше аршина, подняла кошечки съ сидѣвшею на ящикахъ птицею и вмѣстѣ съ курами и цыплятами унесла ихъ въ прудъ. Ставни дома съ подвѣтренной стороны были закрыты, въ полисадникъ была вынесена и поставлена на цвѣточной земляной горкѣ, бывшей у насъ по срединѣ цвѣтника, чайная съ отбитою ручкою чашка съ святою Богоявленною водою, а предъ образами у тетюшки въ комнатѣ затеплена Богоявленская свѣча, всегда имѣвшаяся въ домѣ для подобныхъ случаевъ.

Гроза эта естественно помѣшала выѣзду Подколызиныхъ, а потому они отправились въ путь уже на другой день. Много было пролито слезъ на разставаніи, а по отъѣздѣ ихъ долго ощущалась въ домѣ невыразимая пустота.

Въ продолженіе того года, когда у насъ гостили Подколызины, прїѣхалъ въ отпускъ братъ Петръ Васильевичъ, только что выпущенный изъ корпуса съ чиномъ.

Но его прїѣздъ и пребываніе какъ-то не было радостно.

Онъ по выходѣ изъ корпуса сейчасъ же надѣлалъ долговъ, что очень огорчило и разсердило батюшку. Тогдашнія средства батюшки были очень не велики, а насъ у него было много...

Когда братъ пошелъ къ отцу, въ его кабинетъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и его спальнею на мезонинѣ—дать отчетъ въ посланныхъ ему деньгахъ, и онъ сознался, что надѣлалъ долговъ, въ первомъ порывѣ гнѣва батюшка такъ вспылить, что закричалъ: кнутъевъ! Въ это время мы всѣ были въ залѣ, а дядя Яковъ Ефремовичъ ходилъ вздлъ! и впредъ по гостиной и залѣ, залажа руки на спину. Услыхавъ возгласъ батюшки, онъ тотчасъ побѣжалъ наверхъ, куда тоже побѣжала и тетушка Варвара Павловна, и ихъ стараніями буря затихла. Братъ Петръ, не смотря на свою молодость, нашелся въ минуту самаго страшнаго порыва батюшкина гнѣва. Онъ, по словамъ тетушки Варвары Павловны, снялъ со стѣны аrapникъ, висѣвшій на стѣнѣ между охотничьими доспѣхами, и подавая его батюшкѣ сказать: Бейте меня: я больше ничего не стою, я заслуживаю этого.

Слова эти, сказанныя братомъ спокойно, обезоружили батюшку. Онъ успокоился. Вмѣстѣ съ Яковомъ Ефремовичемъ, они начали считать расходы и долги брата и послѣ кротко сдѣланнаго увѣщанія и совѣта, батюшка со слезами на глазахъ обнялъ его, а братъ тоже въ слезахъ цѣловалъ его руки, прося забыть прошедшее и обѣщаясь исправиться. Причиною долговъ, сдѣланныхъ братомъ, были пуншъ и карты, съ которыми онъ, при выходѣ изъ корпуса, съ помощію добрыхъ товарищей и друзей, прежде всего познакомился.

Кромѣ брата Петра, пріѣхали къ намъ тетушки, Катерина Петровна Татаринова и Марья Петровна Авдѣева, съ своими мужьями и дѣтьми. Катерина Петровна привезла множество игрушекъ, которыя были раздѣлены между всѣми нами дѣтьми по жребію. Мнѣ достался деревянный барабанчикъ. При этомъ къ стати замѣчу, что въ дѣлѣ игрушекъ, какъ въ художественномъ отношеніи, такъ и въ изобрѣтательности ихъ производства, въ продолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ, усовершенствованія не послѣдовало: какъ тогдашнія, такъ и теперешнія игрушки все такія же: не лучше и не хуже. Эта отрасль промышленности у насъ въ Россіи какъ будто оцѣпенѣла.

По отъѣздѣ Подколызинныхъ, этимъ же лѣтомъ пріѣхалъ къ намъ учитель-французъ, жившій у Титовыхъ, но разочтенный, съ предложеніемъ своихъ услугъ батюшкѣ быть при насъ.

Одѣтъ онъ былъ очень плохо. Онъ былъ лѣтъ 30 тѣ лицомъ худощавъ, волосы черные, курчавые, былъ даже не дурень, но при этомъ тяжелый запахъ отъ его потѣвшихъ ногъ наполнялъ комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ. Батюшка его нанялъ, кажется, за 150, если не за 100 рублей ассигнаціями въ годъ. Въ Зарайскѣ купилъ онъ темнозеленаго сукна на сюртукъ. Домашній нашъ портной сшилъ его и спалилъ утюгомъ лацканъ, отчего онъ нѣсколько поряжѣлъ.

Филиппъ Петровичъ училъ насъ по-французски по-нѣмецки, географіи, ариѳметикѣ. Въ классѣ намъ рассказывать разные анекдоты и смѣшили насъ, заставляя кожу съ волосами на своей головѣ двигаться то впередъ, то назадъ. Въ его классѣ учиться было весело.

Я забылъ выше сказать, что, прежде пріѣзда Подколызинныхъ, у насъ жилъ учителемъ только что вышедшій изъ университета лѣкаремъ г. Зацѣпинъ—молодой человѣкъ рябоватый и очень собою некрасивый, но веселый и любившій играть на гитарѣ. Это тотъ Зацѣпинъ, который впоследствии много трудился для науки, но безплодно; издавалъ сочиненія, которыхъ не раскупали и не читали, и который нѣсколько лѣтъ назадъ кончилъ жизнь въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ врачомъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ званіи доктора медицины. Мы, дѣти, его ужасно полюбили. Онъ училъ добросовѣстно, серьезно, но классы его для насъ были пріятны. Онъ много бы принесъ намъ пользы, если бы болѣзнь не принудила его ѣхать въ Москву для излѣченія и тамъ остаться на нѣкоторое время. По выздоровленіи, онъ писалъ къ батюшкѣ, прислать за нимъ лошадей, но батюшка, Богъ знаетъ почему, не послалъ, такъ я и потерялъ его изъ вида. Однажды, это было въ 1848 году, когда я уже былъ женатъ и по зимамъ живалъ въ Москвѣ, въ одинъ изъ литературныхъ вечеровъ Федора Николаевича Глинки, я встрѣтилъ въ числѣ гостей толстаго, рябаго пожилаго господина, съ лицомъ, впрочемъ, хотя и дурнымъ, но открытымъ и добрымъ.

Цѣлый вечеръ онъ велъ споръ съ сыномъ бывшаго оберъ-прокурора сената, Дмитріевымъ, съ человѣкомъ молодымъ, но острымъ. Они спорили о пониманіи въ воспитаніи значенія словъ: самодержавія, религіи и народности. Это было такъ давно, что я забылъ совершенно, въ чемъ заключался самый споръ, но помню, что, слушая пожилаго господина, я не разъ улыбнулся какой-то особенной странности его выводовъ. Это было въ кабинетѣ Федора Николаевича, когда большая часть гостей, литераторовъ и художниковъ, были въ гостиной; когда же споръ между Дмитріевымъ и рябымъ господиномъ уже истощался, и я собирался тоже возвратиться въ гостиную, цѣлая толпа гостей, мужчинъ изъ гостиной вошла въ кабинетъ. Въ числѣ ихъ былъ, какъ мнѣ помнится—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, всегда милый, всегда любезный художникъ пейзажистъ Рабусъ, Бергъ, но этотъ тогда еще студентъ, (Нееловъ офицеръ, генеральнаго штаба, написавшій драму), художникъ Завряловъ, Лихонинъ, а другихъ уже не помню. Всѣ стѣснились около стола на диванѣ, на креслахъ, на стульяхъ. Когда усѣлись, не помню уже теперь, кто вдругъ предложилъ поднять для разговора вопросы библейскіе—вотъ хоть бы объ остановленіи солнца Иисусомъ Навиномъ, и какъ согласить возможность остановки одной планеты въ солнечной системѣ, не разрушая общаго механизма или гармоніи остальныхъ міровъ. Два или три голоса заявили свои взгляды, въ основаніи которыхъ, болѣе или менѣе, было принято всемогущество Божіе, а кто-то еще припомнилъ, что этотъ вопросъ въ числѣ другихъ подобныхъ былъ уже разобранъ и разрѣшенъ, не за долго до этого времени, въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія не помню кѣмъ-то изъ профессоровъ С.-Петербургскаго Университета. Однимъ словомъ, камень былъ брошенъ, и оживленный на эту тему споръ скоро перешелъ къ отдѣльнымъ кружкамъ. Толстый, рябой господинъ, тоже приписавъ возможность чуда остановленія солнца Навиномъ всемогуществу Божію, разъяснилъ такъ: что Богъ, не нарушая порядка въ движеніи свѣтилъ, могъ послать ангела съ зеркаломъ, которымъ тотъ отражать видъ и свѣтъ солнечный на полѣ сраженія, когда дѣйствительное солнце уже сокрылось за горизонтомъ... Разумѣется, ангелъ съ зеркаломъ многихъ заставилъ улыбнуться, и я не знаю, къ чему бы повесть даль-

нѣйшій разговоръ, если-бы самъ почтенный ветеранъ-хозяинъ не подошелъ къ столу и не предложилъ сказать экспромтъ, который ему пришелъ въ голову. Разумѣется, всѣ смолкли, и онъ сказалъ четырехстишіе, котораго окончаніе было таково: «Я здѣсь встрѣчаю сокъ московскихъ всѣхъ умовъ.»

Самолюбіе гостей было удовлетворено и, по приглашеніи хозяина, всѣ пошли въ гостиную, гдѣ на трехъ или четырехъ столахъ былъ приготовленъ ужинъ. Мнѣ досталось сѣсть подлѣ Рабуса, съ которымъ я былъ коротко знакомъ, а за столомъ, который былъ поставленъ позади меня, сѣлъ тотъ господинъ, который разрѣшалъ вопросъ о чудѣ Іисуса Навина посредствомъ ангела съ зеркаломъ. Хотя онъ сидѣлъ и за другимъ столомъ, но, по тѣснотѣ комнаты, мы сидѣли съ нимъ немного что не бокъ о бокъ. Я наклонился къ Рабусу и на ухо спросилъ его: кто такой этотъ господинъ?

— Это Зацѣпинъ, отвѣчать мнѣ Рабусъ.

— Какъ, неужели это бывшій нашъ учитель? подумалъ я, этотъ молодой человѣкъ, Зацѣпинъ, который—какъ будто теперь его вижу, когда мы съ братомъ купались въ прудѣ, въ иланшевыхъ нанковыхъ понталонахъ и въ какой-то курточкѣ, которую онъ носилъ лѣтомъ по утрамъ, сидя на берегу пруда на травѣ, играть на гитарѣ... Неужели?... и я обратился къ Зацѣпину, пожилому толстому старику съ вопросомъ: знавалъ ли онъ Селивановыхъ?

— Василья Павловича! Въ Зарайскомъ уѣздѣ? Какъ же, знать. Я былъ у него въ домѣ учителемъ, когда окончилъ курсъ.

— Стало быть, я вашъ ученикъ, сказать я; я меньшой сынъ Василія Павловича—помните-ли?

— Какъ не помнить—очень, очень помню. Это время, когда я жилъ у васъ, оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе... И мы стали припоминать былое. Когда ужинъ окончился, мы встали, пожали крѣпко другъ другу руки и съ тѣхъ поръ я уже болѣе не видалъ его.

Федоръ Николаевичъ еще живъ, хотя давно оставилъ Москву. Большая часть тѣхъ личностей, которыя посѣщали его литературные вечера, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, съ кѣмъ я былъ хорошо знакомъ, сошли въ могилу. Никто ничего не пишетъ объ этихъ вечерахъ, и потому я, пользуясь случаемъ, хочу передать объ нихъ кое что моимъ читателямъ.

Кто не знаетъ, что Федоръ Николаевичъ Глинка есть оторванная частичка того великаго поколѣнія, которая своею грудью отстаивала независимость отечества въ славную годину 1812 года? Кто не знаетъ, что до занятія Москвы французами, онъ, какъ адъютантъ Милорадовича, при отступленіи нашей арміи, былъ въ аріергардѣ, а, по изгнаніи француза изъ Москвы и въ продолженіе всего похода до Парижа, былъ постоянно въ авангардѣ? Кто изъ образованныхъ русскихъ не читалъ, и не читалъ съ наслажденіемъ, его писемъ русскаго офицера? Въ комъ не билось, не страдало сердце, при чтеніи страницы о страшной Бородинской битвѣ, и не умилялось восторгомъ при описаніи занятія Парижа и пребыванія тамъ благословеннаго Александра?

Домикъ Федора Николаевича въ Москвѣ стоялъ на Садовой улицѣ, не въ далекѣ отъ Спасскихъ казармъ. Онъ еще стоитъ и теперь; но кому принадлежитъ—не знаю. Домикъ этотъ имѣлъ на улицу 5 оконъ, былъ окрашенъ сѣрою краскою, а передъ домикомъ, какъ противъ всѣхъ домовъ по Садовой, былъ полисадникъ, наполненный кустами и большими деревьями, за которыми онъ прятался отъ глазъ проходившихъ по тротуару со всѣми своими 5 окнами.

Гостиная этого домика занимала весь фасадъ его, т. е. всѣ 5 оконъ, и была убрана со вкусомъ и изяществомъ. Плющъ, цвѣты, за которыми стыдливо скрывалась статуэтка изъ карарскаго мрамора Венеры медицинской; бронзовые часы, столовыя лампы красовались, украшенныя абажурами... Спокойная и изящная мебель, столикъ съ инкрустаціей, на которомъ лежали разные журналы, альманахи и вновь вышедшія брошюры,—все было на своемъ мѣстѣ, все было кстати, все было мило и удобно.

На литературные вечера съѣзжались, какъ мнѣ помнится, по понедѣльникамъ; сама хозяйка Авдотья Михайловна, всегда бывшая одѣта въ платья съ открытыми плечами, съ короткими рукавами, а сѣдые ея волосы были завиты въ тербушены. Какъ самъ хозяинъ, такъ и всѣ гости не иначе являлись на вечера, какъ во фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Военные въ мундирахъ, а барыни-гости въ платьяхъ съ открытыми воротами и короткими рукавами.

На вечера эти преимущественно собирались любители литературы, т. е. всякая пишущая братія и художники. Меж-

ду литераторами, учеными и художниками, много встрѣчалось личностей уже извѣстныхъ. Но, не менѣе того, встрѣчалось талантовъ и непризнанныхъ, имена которыхъ были извѣстны только хозяину и хозяйкѣ, и то иногда по докладу лакея о пріѣхавшихъ.

Около дивана, гдѣ сидѣла хозяйка и барыни гости, собирался кружокъ и по просьбѣ хозяина кто-нибудь читалъ или замѣчательную газетную статейку, подававшую поводъ къ разговорамъ, или какое-нибудь свое стихотвореніе. Вотъ, напримѣръ, студентъ Бергъ говоритъ отрывокъ изъ какой-то своей поэмы или остроумное подражаніе Данту его аду, и всѣ слушаютъ со вниманіемъ, хвалятъ и жалѣютъ, что отрывокъ очень малъ, что продолженіе онъ забылъ, а написаннаго на бумагѣ онъ не взялъ и проч.

У дивана, во все время чтенія, на маленькой низенькой табуреткѣ сидѣлъ высокій молодой человѣкъ, съ красивымъ лицомъ, съ черными кудрями на головѣ и бѣлымъ широкимъ лбомъ. Слушая, онъ наклонился головою на руку, упиравшуюся локтемъ на колѣно, и «съ печатью думы на челѣ» слушалъ чтеніе.— Не доставить ли намъ удовольствіе г-нъ N, я забылъ имяи отечество,—сказать хозяинъ, обращаясь къ господину съ съ печатью думы на челѣ. Онъ, кажется, принесъ намъ что-то прочесть. И господинъ N встаетъ, идетъ и садится на тотъ стулъ, гдѣ сидѣлъ Бергъ.

Вынимаетъ изъ бокового кармана тетрадь, тетрадь во весь листъ, и начинаетъ читать поэму, подъ названіемъ «Петергофъ». Прочелъ строфу, прочелъ другую, третью, 10, 15, 20-ю—конца нѣтъ и дребедень страшная. Нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые слушатели вышли въ кабинетъ, я тоже не выдержалъ и пошелъ, за мною пошелъ Рабусъ, и входя въ кабинетъ, сказалъ: сколько терпѣнія нужно Федору Николаевичу слушать подобный вздоръ.

Услыхавъ отъ прішедшихъ въ кабинетъ, что чтеніе поэмы окончилось, я снова пошелъ въ гостиную и сѣлъ, ожидая новаго чтенія. И дѣйствительно, мѣсто чтеца не осталось празднымъ и кто-то уже сидѣлъ на немъ и разбиралъ принесенную въ карманѣ тетрадку.

Въ это время входитъ человѣкъ и докладываетъ Федору Николаевичу, что пріѣхалъ поэтъ. Какой поэтъ, какъ фамилія?—Приказать сказать только, поэтъ!

— Не знаю, кто же это? проси. Человѣкъ вышелъ, и не много спустя въ гостиную вошелъ какой-то бѣлобрысый офицеръ въ артиллерійскомъ мундирѣ,—вѣроятно, тоже изъ числа непризнанныхъ талантовъ.

Между тѣмъ гостиная все болѣе и болѣе наполняется гостями и хозяинъ предлагаетъ мужчинамъ пойти въ кабинетъ, въ кабинетъ было несравненно свободнѣе,—но ни сигаръ, ни трубокъ никто не курить. Домъ очень малъ. Въ кабинетъ начинались и споры, и разговоры, и вечеръ всегда кончался ужиномъ, не роскошно, но прекрасно поданнымъ и со вкусомъ. Не смотря на маленькую натяжку въ одеждѣ, всѣ ѣхали съ удовольствіемъ въ маленький домикъ Федора Николаевича и увозили изъ него домой всегда спокойное, всегда какое-то тихо—отрадное впечатлѣніе.

Кромѣ вечеровъ Федора Николаевича, въ 40-хъ годахъ я посѣщалъ вечера, рано увядшаго, Вадима Пасека, Рабуса и Вельмана. Вездѣ было многолюдно, пріятно, вездѣ сталкивался я съ теплыми личностями. Ни въ одномъ изъ этихъ вечеровъ не было о картахъ и помину. У Рабуса, подъ конецъ, Раичъ и я, когда бывалъ въ Москвѣ, были уже непремѣнными посѣтителемъ. А у Вельмана, послѣднее время до его кончины, я все еще по старому порядку, какъ было и за 30 лѣтъ назадъ, проводилъ вечера четверговъ; не въ веселомъ кругу гостей, а одинъ на одинъ съ умиравшимъ хозяиномъ и... и проводилъ его до могилы. И никого у меня теперь не осталось друзей въ литературномъ и художественномъ кружкѣ. Всѣ мои сверстники и современники, всѣ погибли въ сырой землѣ.

Итакъ мы учились у Филиппа Петровича, а жизнь и время текли своимъ порядкомъ. Составилось предположеніе по первому зимнему пути ѣхать гостить къ бабушкѣ Аннѣ Акакіевнѣ, жившей въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ, у меньшей своей дочери, бывшей за мужемъ за оберъ-форсмейстеромъ Нижегородской губерніи, Николаемъ Федоровичемъ Реновымъ. Какъ нарочно, зимній путь въ тотъ годъ долго не устанавливался: все оттепели да оттепели, а нетерпѣніе наше росло. Каждый день, вставая утромъ съ постели, первый нашъ вопросъ былъ, а что есть морозъ, и всякій день все получали въ отвѣтъ: нѣтъ. Филиппъ Петровичъ не меньше нашего озабочивался погодой и по нѣскольку разъ въ день отворялъ форточку въ окнѣ, чтобы узнать не пере-

мѣнился ли вѣтеръ. Солнышка мы не видали уже недѣли три, постоянно на небѣ была наволока. Разъ, когда мы сидѣли въ классѣ, вдругъ блеснуло солнышко, весело отрисовывая раму на стѣнѣ возлѣ нашего стола. Взглянули въ окошко на небо, небо прочистилось и дымъ изъ трубы людской избы подымался прямымъ столбомъ. Мало по малу, стекла начали покрываться морозовыми узорами... Слава Богу, морозъ! Сталобыть скоро и въ дорогу.

Наконецъ, день выѣзда наступилъ. Это было постѣ крещенія. На дорогу нажарили телятины, гуся, индѣйку, утку, испекли пирогъ съ курицею, пирожковъ съ фаршемъ и варенихъ лепешекъ, сдобныхъ калачиковъ, въ которые были запечены яйца цѣльными, совсѣмъ съ скорлупою. Стоило разломать тѣсто, вынуть яичко и кушай его съ калачикомъ на здоровье. Особый большой ящикъ назначался для харчового запаса. Для чайнаго и столоваго прибора быть изготовленъ погребецъ. Тамъ было все: и жестяныя тарелки для стола, ножи, вилки, ложки и столовыя и чайныя чашки, чайники, перечница, горчицница, водка, соль, уксусъ, чай, сахаръ, салфетки и проч. Кромѣ погребка и ящика для харчей, быть еще ящикъ для дорожнаго складнаго самовара. Лѣтъ за 50 безъ всего этого запаса путешествовать съ семействомъ было почти невозможно. Не во всякомъ постояломъ дворѣ бывать даже самоваръ.

Для обороны отъ разбойниковъ, объ которыхъ преданія были еще свѣжи, особенно при неизбѣжномъ переѣздѣ черезъ страшные лѣса Муромскіе, были взяты съ собою два ружья, пара пистолетовъ, а изъ холоднаго оружія сабля. Когда все было готово, уложено, и кучера выводили запрягать лошадей, священникъ, заранѣе приглашенный, отслужилъ напутственный молебенъ съ колѣно-преклоненіемъ, а когда лошади были уже поданы къ крыльцу, одѣлись въ шубы, по старому обычаю всѣ присѣли въ затѣ на стулья, потомъ встали, помолились Богу, вышли на крыльцо и начали разсаживаться по кибиткамъ.

Вся дворня собралась для проводовъ и для прощанья. Последнія приказанія были отданы батюшкой старостѣ и дворецкому уже изъ кибитки. Колокольчики зазвенѣли подъ дугами, и тройка за тройкой шагомъ съѣхали со двора. Поѣздъ нашъ состоятъ изъ трехъ кибитокъ. Въ первой си-

дѣли я, братъ и отецъ, во второй тетушка съ сестрою, въ третьей поваръ съ горничными дѣвушками и со всѣми запасами для стола: провизіею, кастрюлями и проч., и наконецъ, сзади всѣхъ ѣхали сани съ овсомъ для продовольствія въ дорогѣ лошадей.

Это былъ обыкновенный порядокъ путешествій нашихъ и близкихъ и дальнихъ, и прежде и послѣ описываемой мною поѣздки въ Нижній, когда батюшка ѣздилъ въ Петербургъ, когда ѣзжалъ въ Москву или къ бабушкѣ Александрѣ Николаевнѣ въ Наземово, все совершалось такимъ же образомъ: всегда ѣзжали на своихъ лошадяхъ.

Зимою останавливались на постоянныхъ дворахъ. Покупалась курица, разводили огонь, и поваръ приступалъ къ своему дѣлу. Для господъ варили супъ, а для людей кашу съ саломъ. Лошадямъ на постояломъ дворѣ брали только сѣно и малую часть овса, болѣе для виду, потому что овесъ былъ свой; еще брали хлѣбъ людямъ да сливокъ къ чаю. Лѣтомъ при хорошей и ясной погодѣ и вовсе не въѣзжали на постоянные дворы, а останавливались близъ селеній на выгонѣ; ставили экипажи въ кружокъ, разводили огонь и стряпня совершалась на чистомъ воздухѣ. Ночевали въ экипажахъ или на разостланномъ на травѣ сѣнѣ.

Разумѣется, такія путешествія обходились недорого, такъ что 20 или много 25 рублей ассигнаціями, т. е. менѣе 7 рублей нынѣшнимъ серебромъ, на 4 тройкахъ достаточно было проѣхать до Нижняго—это отъ насъ около 500 верстъ, а можетъ и болѣе. Первая упряжка наша была сдѣлана въ селѣ Березники, въ 6 верстахъ не доѣзжая до Рязани, у Батуриныхъ, съ которыми мы считались въ сродствѣ. Родство это вотъ какое: мать Натальи Николаевны, по мужу Батурина (мужа ея звали Павелъ Ивановичъ), была дочь Екатерины Львовны, по мужу Друкорть, урожденной Демидовой, дочери Льва Прокофьевича, т. е. двоюродная сестра бабушки моей, Анны Акакіевны, какъ читатель знаетъ, дочери Акакія Прокофьевича Демидова. Ни Екатерины Львовны, ни мужа ея Николая Леонтьевича Друкорть я уже не знавалъ, но батюшка былъ ими ласкаемъ, какъ самый близкій родной, и пользовался ихъ довѣріемъ.

Она была бойкая—пребойкая, а онъ тоже былъ старикъ—нраву его не перечь, вслѣдствіе чего у нихъ была постоян-

ная домашняя война. Обойкости ея я приведу одинъ случай, слышанный мною отъ батюшки. Къ ней прѣхали въ числѣ гостей двѣ барыни, которыхъ нравственное поведеніе не пользовалось хорошею славою. Екатерина Львовна, вставъ съ постели, одѣвалась всегда не торопясь. Но услыхавъ о прѣздѣ сказанныхъ барынь, вышла въ гостиную въ одной сорочкѣ. Видя такую странность, всѣ уди ились, другіе ахнули... Екатерина Львовна нисколько не смутилась и говоритъ: Что вы ахаете? Что дурного въ рубашкѣ. Если бы рубашка была у меня не чиста, ну, стыдно—а у меня—смотри всѣ, и она начала вертѣться во всѣ стороны, нѣтъ ни пятнышка. Пускайка другія разряженные покажутъ свои рубашки. Анъ глядишь замарано... продолжала она, посматривая на барынь....

Разъ батюшка прѣхалъ къ нимъ въ домъ навѣстить ихъ въ болѣзни. Оба они были стары и больны, и чуть ли кто-то изъ нихъ не былъ на смертномъ одрѣ. Помѣщенія ихъ находились въ противоположныхъ сторонахъ дома; она лежала въ спальнѣ, онъ въ своемъ кабинетѣ, и батюшка, по прѣздѣ къ нимъ, изъ передней сначала пошелъ къ Николаю Леонтьевичу. Поздоровавшись съ нимъ, поговоривъ и посидѣвъ у него на постели, пошелъ навѣстить и Екатерину Львовну, съ тѣмъ, чтобъ опять зайти къ Николаю Леонтьевичу.

— Ну, что кобель-то мой? ккаъ ты его нашелъ? спросила Екатерина Львовна вошедшаго въ ея спальню батюшку: скоро ли издохнетъ?!!

— Какъ вамъ не стыдно, Екатерина Львовна, говорилъ батюшка. Оба вы стары, оба смотрите въ могилу, ссоритесь и проч. Но напрасно увѣщевалъ ее батюшка: это былъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Простившись съ Екатериною Львовною, онъ опять пошелъ къ Николаю Леонтьевичу, и первый вопросъ, который батюшка отъ него услыхалъ, былъ: Ну что сука-то? видѣлъ ты ее?.. Ну, что скоро ли околѣетъ?!

Пользуясь хорошимъ состояніемъ, Батурины жили очень хорошо и были очень гостепріимны и родственны. Отъ нихъ мы еще заѣзжали въ селцо Митенское къ бабушкамъ Нестеровымъ. Онѣ тамъ жили въ числѣ четырехъ сестеръ: Ольги, Прасковьи, Аграфены и крестной моей матери Марьи Николаевны. Съ ними жилъ и промотавшійся, полусумашедшій, знакомый уже читателю, племянникъ Н. И. Коробинъ. До-

микъ бабушекъ былъ старинный, небольшой, деревянный, построенный безъ фундамента, такъ что полъ лежалъ почти на землѣ. Старушки мало занимались своимъ домомъ, заботясь единственно только о теплѣ. И дѣйствительно зимою у нихъ бывало жарко, но зато лѣтомъ полусогнившая тесовая крыша пропускала течь, такъ что въ залѣ, во многихъ мѣстахъ, бумага, которой былъ обклеенъ потолокъ, отмокла и висѣла въ видѣ широкихъ воронокъ. Весной же или въ сырую погоду нерѣдко черезъ лакейскія и дѣвичьи двери, если онѣ оставались непритворенными, въ комнаты проникали лягушки и давали о себѣ знать неблагозвучнымъ шлепаніемъ по полу.

Въ этомъ домикѣ все было по старому: какъ будто жизнь, вошедшая въ него въ началѣ прошедшаго вѣка, забылась въ немъ и оцѣпенѣла; мебель, домашняя утварь, прислуга и столъ, и ихъ шлафоры на ватѣ, и сами старушки—хозяйки, и чепцы съ широкими оборками,—все носило на себѣ печать какого-то невозмутимаго согласія, которое разрушить могла единственно смерть.

Отъ бабушекъ заѣзжали въ селъцо Киселево, къ князю Степану Матвѣвичу Крапоткину, имѣвшему въ супружествѣ за собою Анну Ивановну, урожденную Коробьину, т. е. двоюродную сестру батюшки. Князь Иванъ Матвѣвичъ былъ небольшого роста, имѣлъ всю, какъ ладонь, плѣщивую голову, за что батюшка мой звалъ его и въ глаза и за глаза не иначе, какъ Лыскою, а дядя Николай Павловичъ—яснымъ солнышкомъ. Онъ имѣлъ хорошее состояніе душъ до 900, но ему хотѣлось имѣть непремѣнно тысячу, и для этого онъ пустился въ откупа. Не имѣя не только коммерческихъ, но и никакихъ способностей, откупъ его лопнулъ, и все его имѣніе было продано съ молотка,

Но обратимся къ нашему путешествію въ Нижній-Новгородъ.

Не помню, заѣзжали ли мы въ этотъ разъ къ князю Матвѣю Ивановичу, или поѣхали прямо отъ Батуриныхъ въ Рязань, только помню, что Рязань показалась мнѣ тогда такимъ великолѣпнымъ городомъ, лучше котораго и на свѣтѣ нѣтъ.

У заставы, съ опущеннымъ шлагбаумомъ, стоялъ военный караулъ отъ какого-то пѣхотнаго полка, и часовой ходитъ въ полной парадной формѣ. На спросъ часового, кто ѣдетъ? кучеръ нашъ отвѣчалъ: здѣшній—и шлагбаумъ былъ поднятъ.

Въ тѣ времена не только въ губерніяхъ, но даже въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ только квартировали войска а за неимѣніемъ ихъ отъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ или отъ инвалидныхъ командъ, всегда городскія заставы охранялись военнымъ карауломъ, непременно въ полной, формѣ. Въ столицахъ у заставъ прописывались виды прѣзжающихъ, а въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ часовые только спрашивали: кто ѣдетъ? и получивъ въ отвѣтъ: здѣшніе, поднимали шлагбаумъ. Для чего морозили и мучали людей въ бесполезномъ караулѣ—Богъ вѣдаетъ. Но вотъ проѣхали Рязань, кормили лошадей и обѣдали въ с. Гавриловскомъ, Спасскаго уѣзда, а къ вечеру прѣхали въ село Назимово, къ бабушкѣ Александрѣ Николаевнѣ.

Бабушка Александра Николаевна Нестерова была отъ природы глуха на ухо, безграмотна и за свое убожество наслѣдовала изъ родового имѣнія значительно, т. е. втрое или вчетверо болѣе, нежели что получили отдѣльно каждая изъ ея сестръ.

Въ то время ей было далеко болѣе 60 лѣтъ. Домъ ея былъ небольшой, старинный, построенный на дубовыхъ подклѣткахъ. Подклѣтками назывались деревья въ естественномъ видѣ съ обрубленными только сучьями и вершинами, но нисколько не тесанные и не обдѣланные, сложенные на поверхности земли клѣтками, одно на другое въ вышину отъ земли на сажень, что замѣняло фундаментъ. Естественно, что такимъ образомъ сооруженные дома, имѣя постоянно подъ накатомъ свободное движеніе воздуха, переживали столѣтія. Къ одному изъ угловъ передняго фасада было пристроено крыльцо съ сѣнями и съ лѣстницею ступеней въ пятнадцать, надъ которымъ спускался далеко выдавшійся впередъ тесовый навѣсъ. Тесовая крыша дома, съ большими слуховыми окнами, круто и высоко поднималась надъ домикомъ.

Кругомъ дома расположенъ просторный дворъ, поросшій травой и кругомъ обнесенный службами, т. е. амбарами, погребами, кухней, избами для дворовыхъ и разнаго рода клѣтушками. Къ одной сторонѣ примыкалъ садъ.

Весь домъ состоялъ изъ комнатъ, довольно просторныхъ, дѣлившихъ его на шесть почти разныхъ частей. Изъ сѣней входили въ переднюю или лакейскую, тамъ зала, далѣе гостиная. Изъ гостиной дверь въ спальню, изъ спальни въ

дѣвичью, съ выходомъ на заднее крыльцо. Въ шестую комнату дверь была изъ лакейской; ее занималъ Петръ Ивановичъ, крѣпостной человѣкъ бабушки и главный управляющій.

Вечеръ, когда мы подѣзжали къ крыльцу бабушкина дома, былъ морозный, снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями нашихъ подводъ, бороды и усы кучеровъ заиндѣвели, и самихъ насъ, не смотря на то, что мы были укутаны хорошо, чиналъ пронимать холодъ.

Пріятнымъ тепломъ охватило насъ, когда мы вошли въ переднюю и сняли шубы, но еще теплѣе было въ бабушкиной спальнѣ, куда мы немедленно были приглашены. Бабушка была одѣта въ ситцевомъ капотѣ на ватѣ, съ ость-индскимъ клѣтчатымъ платкомъ на плечахъ и съ такимъ же платкомъ на головѣ. Она сидѣла на диванѣ, что-то въ родѣ турецкаго, но довольно жесткомъ, обитомъ самымъ простымъ полосатымъ тикомъ, стоящимъ возлѣ изъ старинныхъ изразцовъ лежанки, на которой стояла бутылка съ закисавшимъ уксусомъ домашняго производства. Передъ бабушкою стоялъ круглый дубовый столъ безъ полировки и лаку, на бѣлыхъ кленоваго дерева ножкахъ, самой простой работы. На столѣ лежала серебряная съ чернью табакерка и носовой синій ость-индскій платокъ, такого же качества, какъ на головѣ и на плечахъ. На стѣнѣ, съ одной стороны дивана, висѣли на гвоздѣ большіе карманные серебряные часы.

Кровать бабушки стояла у противоположной лежанкѣ стѣнѣ. Надъ ней высоко поднимался ситцевый, набитый крупнымъ узоромъ пестрый пологъ, утвержденный на четырехъ столбахъ, съ подзоромъ въ видѣ широкой оборки наверху. Подъ всѣми четырьмя точеными ножками старинной кровати подставлены были жестяныя тарелки съ водою. Мѣра эта была принята противъ клоповъ, чтобъ они не могли по ножкамъ заползати на ложе. Еще небольшой столикъ, старинный краснаго дерева комодъ съ откидной крышкой, или лучше сказать съ конторкой, и десятка два разной величины образовъ, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ и безъ ризъ, съ теплившейся передъ ними висячей лампадкой въ углу, да нѣсколько креселъ довершали все убранство спальни.

Бабушка, какъ и всѣ ея сестры, была довольно высокаго роста, сухого сложенія, но не чахоточная, какъ другія;

лицо ея было продолговато, но не худощаво; ея небольшіе каріе глаза выражали природное добродушіе.

Бабушкѣ Александрѣ Николаевнѣ семейство наше обязано своимъ благосостояніемъ. Утрата матушки и малолѣтнее наше сиротство, возбуждая въ сердцѣ ея сострадательное участіе, навело ее на мысль все имѣніе свое, минуя прямого наслѣдника, своего родного племянника Семена Николаевича, передать батюшкѣ. Имѣніе ея состояло изъ сельца Назимова, въ Спасскомъ уѣздѣ, 120 душъ, сельца Орловки, 300 душъ, съ большимъ количествомъ земли степью и съ коннымъ заводомъ, и изъ выкупленного ею и назначеннаго уже въ продажу, заложенного и просроченнаго Семеномъ Николаевичемъ, родового имѣнія с. Кукова. Выкупая Куково, она совершила актъ, по которому Семень Николаевичъ оставался владѣльцемъ Кукова и пользовался съ него доходомъ, но ни продать, ни заложить не имѣлъ права. По смерти же его, Куково должно было перейти въ наше семейство.

Планъ этотъ былъ уже бабушкою составленъ и сообщенъ батюшкѣ, но въ описываемое мною время еще въ исполненіе приведенъ не былъ. Исполненіе его послѣдовало на слѣдующее лѣто такимъ обрасомъ. Батюшка вмѣстѣ съ бабушкою поѣхали въ Тамбовъ и тамъ была совершена купчая на продажу Орловки батюшкѣ, послѣ чего онъ и вступилъ въ полное владѣніе этимъ имѣніемъ. Назимово же она отдала по духовному завѣщанію послѣ своей смерти, которая послѣдовала въ 1827 году Марта 10-го дня. Бабушка была похоронена въ селѣ Запольѣ.

Пріѣзду нашему бабушка была повидимому очень рада. Перездоровавшись со всѣми нами, она сѣла на свое обычное, мѣсто на своемъ диванѣ, мы всѣ размѣстились около стола.

Передъ поѣздкой, я склеилъ себѣ изъ красной бумаги сумочку въ родѣ бумажника, и когда всѣ мы сидѣли около бабушкина стола передъ диваномъ и я игралъ своимъ бумажникомъ, бабушка взяла его изъ моихъ рукъ, будто чтобъ его получше разглядѣть, пошла къ своему бюро и возвратилась обратно. Я ничего не подозрѣвалъ, раскрываю его и чтожъ? нахожу въ немъ бѣленькую ассигнацію въ 25 рублей.

На другой день, она брату и сестрѣ подарила постольку же, а старшимъ всѣмъ братьямъ по 100 рублей, которые и передала батюшкѣ для отсылки имъ.

Бабушка вела жизнь очень регулярную. Вставала рано, часовъ въ 7 утра пила чай и, покопошившись въ своемъ комодѣ или въ сундукахъ, садилась на свой диванъ. Возлѣ дивана на скамейкѣ сиживала горничная дѣвушка съ распущенною косою. Зимомъ съ гребнемъ и донцемъ пряла, а лѣтомъ вязала чулокъ. Всѣ сѣнныя дѣвушки бабушкины, чтобъ не баловались и не зазнавались, гребней не носили, привилегіей этой пользовалась только собственно ходившая за нею дѣвушка, да дочь ея управляющаго Дунька, или Авдотья, имѣвшая огромное вліяніе въ домѣ между женской прислугой.

Отецъ ея, Петръ Ивановичъ, управляющій бабушки, былъ довольно высокаго роста. Имѣлъ большой, довольно красный носъ, сѣдые волосы и небольшіе сѣрые умные глаза, ходилъ солидною поступью, рѣчь плавная и твердая, и вообще вся наружность была благовидная. Одѣвался въ сюртукъ сѣраго сукна всегда опрятно и высокіе сапоги носилъ поверхъ панталонъ. Обращеніе его съ бабушкой было почтительно, но съ примѣсю нѣкоторой фамильярности, или лучше сказать увѣренности, что она безъ него обойтись не можетъ. Всѣ, дворовые и крестьяне, чтили его почти какъ барина. Впрочемъ, довѣрія бабушки онъ во зло не употреблялъ и вель хозяйство исправно; крестьянамъ и дворовымъ, всѣмъ было хорошо, всѣ жили, что называется, какъ у Христа за пазухой.

Въ половинѣ 12 часа бабушка смотрѣла на часы, кликала дѣвку и приказывала идти къ повару, сказать, чтобъ припускалъ жаркое. Въ 12 часовъ обѣдали, въ 5 часовъ кушали чай, въ 8 ужинали.

Въ 12 часовъ Петръ Ивановичъ самъ приходилъ не то, что доложить, что кушать поставили, а просилъ пожаловать въ залъ кушать. Когда бабушка и мы всѣ гости ея выходили изъ спальни, гдѣ постоянно сидѣли съ нею, въ залъ и и садились за столъ, Петръ Ивановичъ, продѣвъ въ петлю борта своего сюртука салфетку, самъ подавалъ кушанье съ достоинствомъ, не какъ офиціантъ или лакей, а какъ радушный хозяинъ, угощающій даромъ гостей. Разнесши блюдо и отдавъ его буфетчику, онъ становился къ окну или, прислонившись къ стоявшему у стѣны столу, заложивъ ногу за ногу и сложивъ руки, разговаривалъ съ батюшкою о ново-

стяхъ, о сосѣдяхъ, объ урожаѣ, или шучивать съ нами дѣтьми всегда въ мѣру и съ достоинствомъ.

Онъ былъ грамотный. Съ малолѣтства жилъ всегда при господахъ и при прадѣдушкѣ состоялъ въ должности земскаго. Кромѣ книгъ священнаго писанія, онъ читалъ много книгъ и свѣтскихъ, какія, разумѣется, приобрѣталъ отъ бродячихъ букинистовъ или сосѣднихъ помѣщиковъ. По большей части, это были романы, въ плохихъ переводахъ иностранныхъ писателей, которыми тогда была наводнена русская книжная торговля. Этимъ добромъ онъ болѣе всего пользовался отъ сосѣдняго богатаго помѣщика Ржевскаго, имѣвшаго свой домашній театръ и свой домашній балетъ. Балетъ этотъ состоялъ изъ крѣпостныхъ терпсихоръ, которые въ 20 годахъ были куплены, въ числѣ 30 дѣвокъ, Дирекціе Императорскаго Московскаго театра и составляли въ послѣдствіи лучшее украшеніе или, вѣрнѣе сказать, блестящее основаніе его коръ-де-балета.

Однимъ словомъ, Петръ Ивановичъ въ умственномъ развитіи, въ умѣнні держать себя и въ обращеніи съ ниже и выше его поставленными лицами нисколько не отличался отъ тогдашняго общества дворянъ помѣщиковъ, средней руки, постоянно проживавшихъ въ своихъ деревенскихъ усадьбахъ. Такія личности, какъ онъ, могли быть только завѣщаны намъ прошедшимъ столѣтіемъ, когда умственное образованіе для большинства самихъ дворянъ заключалось только въ грамотности; естественно, что всякій дворовый мальчикъ, котораго готовили для домашняго письмоводства, жившій постоянно въ барскомъ домѣ, въ умственномъ и нравственномъ развитіи шелъ въ уровень съ дѣтьми своихъ господъ. Какъ для того, такъ и для другихъ учителями были если не старый домашній земскій, то приходскій дьячекъ.

Преданный фамиліи Нестеровыхъ, онъ съ тайною скорбію принималъ къ сердцу намѣреніе бабушки лишить законнаго наслѣдника, Семена Николаевича, родового Нестероваго достоянія, и потому доброжелательствовать нашему семейству не могъ, но никогда ни словомъ, ни дѣломъ, онъ этого не обнаружилъ. Вѣроятно, что онъ и отговаривалъ бабушку, но бабушка осталась тверда и непреклонна. Каждую зиму къ бабушкѣ изъ Тамбовской ея вотчины пріѣзжалъ въ Назимово староста, и кромѣ денежнаго дохода, привозилъ

свинину, откормленную всякую домашнюю птицу, масло, пшено, крупу и все это въ большомъ количествѣ. Разумѣется, все это поѣдалось не бабушкою, а дворнею, отъ чего все окружавшее бабушкою было довольно, весело, счастливо, каталось какъ сыръ въ маслѣ; и не смотря на то, что, по кончинѣ бабушки, они должны были воспользоваться заранѣе написанными отпускными на волю, молили искренно Бога о продленіи ея жизни.

Крестьяне Тамбовской вотчины жили зажиточно. Староста Тихонъ былъ очень умный и богатый мужикъ, но не безъ хитрости и плутовства проходилъ свое служеніе. Въстѣ съ оброкомъ привозилъ приходо-расходныя книги для повѣрки, которыя велись не меньшимъ плутомъ, земскимъ Семеномъ. Петръ Ивановичъ просматривалъ въ книги и хотя по книгамъ всѣ отчеты были вѣрны, исправно подведены и всякія концы плутней были припрятаны, но всегда находилось что нибудь, дабы придратъ къ старостѣ съ тѣмъ, чтобы его посѣчь. Тихонъ, выѣзжая еще изъ Тамбовской вотчины, зналъ уже, что его посѣкутъ; но вѣдь на это барская воля. Барская же воля въ этомъ случаѣ основывалась не на уликахъ въ плутовствѣ, а въ убѣжденіи, что староста Тихонъ уже непременно плутуетъ, а потому надобно его поучить на будущее время. И вотъ когда всѣ отчеты сданы, привезенное принято и старосту надобно отпускать, передъ отъѣздомъ его, бабушка приказывала принести въ лакейскую розокъ, выходила туда сама и въ присутствіи своемъ матерински учила Тихона не плутовать.

Получивъ розокъ 15, Тихонъ вставалъ, поднималъ и подвязывалъ спущенныя портки, потомъ подходилъ къ своей старой барынѣ, низко кланялся, цѣловалъ ея руку на прощанье, благодаря притомъ, что его поучили.

Посѣкши Тихона, бабушка возвращалась на свой диванъ у лежанки также спокойна и не взволнована, какъ пошла, и, посмотрѣвъ на часы, добродушно приказывала пропускать жаркое. Во все время гащиванія нашего у бабушки, а мы гащивали по недѣлѣ и по двѣ,—всякій день Авдотья Петровна часовъ въ 9 утра приходила въ спальню, гдѣ мы обыкновенно сиживали и приглашала насъ въ дѣвичью «фриштикать». Дѣвичья была большая, опрятная комната рядомъ съ бабушкиною спальнею. Тамъ на большомъ бѣ-

лолиповомъ столѣ приготавлился фриштикъ, какъ называла Авдотья Петровна, состоявшій изъ творогу съ густыми сливками или сметаной, здобныхъ полновѣсныхъ лепешекъ, пироговъ или ватрушекъ, яичницы или яицъ въ смятку, молочной каши и тому подобнаго. Все это было свѣжо, подано чисто, обильно, такъ что и теперь при словѣ фриштикъ въ воспоминаніи моемъ воскресаютъ и бабушкина дѣвичья, и бѣлолиповый столъ, накрытый простою, но чистой—пречистой скатертью, установленной разными снадобьями, и угощающая Авдотья Петровна, и все это въ такихъ радушносіяющихъ очертаніяхъ, какъ это можетъ грезиться развѣ только во снѣ.

Когда же гощеніе наше случалось лѣтомъ, то нерѣдко послѣ ужина, который у бабушки подавался еще до захожденія солнца, мы, дѣти, съ Петромъ Ивановичемъ, да съ буфетчикомъ Евстигнѣемъ, да лакеемъ-сапожникомъ Дмитриемъ, хаживали въ поле на охоту за перепелами. Разстеливши сѣть по ржамъ, мы всѣ ложились на землю и съ тихимъ біеніемъ сердца въ полной тишинѣ ждали, когда перепелъ, привлеченный дудочкою, подходилъ подъ сѣть и дѣлался жертвою нашего коварства. Ночная тишина въ темномъ полѣ, нарушаемая криками то ближними, то отдаленными, перепеловъ или дергачей, влажная теплота въ чистомъ воздухѣ, пропитанная ароматомъ наливающейся ржи, или медовымъ далеко разносившимся запахомъ цвѣтущей гречихи вмѣстѣ съ охотой за перепелами, имѣли что-то неизъяснимообаятельное... Вспомнивъ буфетчика Евстигнѣя, нельзя не замѣтить, что онъ отлично приготавлилъ къ ужину окрошку. Воспользоваться вольною ему не хотѣлось; онъ всегда намъ говорилъ: Ужъ я себя вамъ закаблю. Непремѣнно закаблю! Преданія о кабалѣ еще жили въ памяти народной...

Въ Назимовѣ у бабушки мы всегда гащивали неопредѣленное время, и потому бабушка, когда ужъ ей наскучивало лишнее движеніе въ домѣ и хотѣлось тишины, съ которою она такъ свыклась, то она обыкновенно обращалась къ отцу или тетускѣ Варварѣ Павловнѣ и ко всѣмъ намъ, дѣтямъ, и спрашивала: что вы велите приготовить на дорогу? Это значитъ, что пора намъ собираться домой.

Разумѣется послѣ этого временемъ отъѣзда назначался слѣдующій день.

На дорогу нажаривалось и напекалось множество всякаго рода провизіи, и мы уѣзжали сытые и довольные ласкою и гостепріимствомъ благодѣтельной бабушки.

Проѣздомъ въ Нижній-Новгородъ мы прогостили у бабушка трое сутокъ; а на четвертыя, часу въ 3-мъ пополудни, отправились въ дальній путь. Въ селѣ Павловскомъ, гдѣ остановились кормить лошадей и обѣдать, мы всѣ ходили на заводъ, гдѣ приготавлилась сталь. Въ первый разъ я тутъ узналъ, что значитъ заводъ. На другой день обѣдали въ Касимовѣ, и я въ первый разъ видѣлъ татаръ. Въ лавочкахъ, куда мы послѣ обѣда ходили ради прогулки, татары-купцы предлагали разныя, шитыя золотомъ, ермолки и пестрые халаты.

Отъ Касимова ѣхали рѣкою, по гладкой ледяной дорогѣ, и къ вечеру другого дня выѣхали на берегъ, въ пригородномъ близъ Мурома селѣ Корочаровѣ. Тутъ мы ѣли муромскіе калачи, изъ низкаго сорта, невзрачные на видъ, но необыкновенно вкусные. На другой день въѣхали въ страшные лѣса, которыми, еще при одномъ предположеніи ѣхать въ Нижній, было у всѣхъ отъѣзжающихъ напугано воображеніе.

Но вотъ ѣдемъ мы и цѣлый день: ничего. Вотъ и вечеръ, пора на ночлегъ, и въѣхали мы на постоянный дворъ. Дворъ этотъ стоялъ на краю какой-то деревни, хотя и на большой дорогѣ, но кругомъ былъ лѣсъ. Мы дѣти, нисколько не думали, что мы ѣдемъ Муромскими лѣсами, но тетушка Варвара Повловна въ тайнѣ сердца не была покойна, а тутъ еще на бѣду, взойдя въ избу, увидала тамъ стоящаго у стола мужика, съ черною курчавою бородою, что показалось очень подозрительно. Это былъ хозяинъ двора. Тетушка сообщила о своемъ подозрѣніи батюшкѣ, и батюшка, чтобы ее успокоить, велѣлъ принести изъ повозокъ въ избу ружья, пистолеты, которые въ присутствіи подозрительной личности, самъ зарядилъ и велѣлъ обратно отнести въ повозки. Всѣ эти предосторожности были принимаемы по преданію о когда-то бывшихъ разбояхъ. Чернобородый дворникъ залѣзъ на печь и храпѣлъ тамъ прежде, нежели поужинали, а мы со вторыми пѣтухами поднялись, одѣлись, уложились, сѣли въ повозки и тихо съѣхали со двора на большую дорогу, погружаясь въ темное безмолвіе высокаго дремучаго лѣса.

Долго ли, коротко ли были мы въ дорогѣ—не помню, только на послѣдней упряжкѣ къ Нижнему спустились мы опять на Оку. Ъдемъ, и вотъ у подошвы горы съ того берега съ правой стороны рѣки, длинною вереницею потянулись бревенчатая, крытая тесомъ зданія соляныхъ магазиновъ и цѣлый лѣсъ мачтъ оцѣпенѣлыхъ во льду судовъ. Ъдемъ далѣе... Вотъ, вдали налѣво за Волгою показалось какое-то обширное село, а направо отъ насъ изъ синевы морознаго тумана спускались уступами съ горъ потемнѣвшія стѣны и башни древняго кремля, увѣнчаннаго пятиглавымъ соборомъ, и засіяли яркимъ солнышкомъ кресты на главахъ старинныхъ церквей Новгорода Нижняго.

ГЛАВА V.

Приѣздъ въ Нижній.—Встрѣча съ родными.—Нижегородскій театр.—Представленіе въ немъ.—Актеры.—Откупщикъ К. И. Кузинъ.—Его біографія.—Знакомство съ драматическимъ писателемъ кн. Шаховскимъ.—Братья Исаковскіе, соорудители Нижегородскаго театра.—Поѣздка къ дѣдушкѣ А. А. Демидову въ с. Елвашку.—Удовольствія на масляницѣ въ Нижнемъ.—Возвращеніе въ Любаво.—Великій постъ. Весна.—Страстная недѣля.—Священникъ отецъ Федоръ.—Его семья.—Приготовленіе къ празднику.—Крашеніе яицъ.—Поѣздка въ церковь къ заутренѣ.—Церковная служба.—Розговенье.—Четверговая соль.—Ожиданіе образовъ.—Приготовленія.—Приходъ образовъ.—Дядя Михаилъ Павловичъ.—Домашніе шуты.—Продѣлки дяди Николая Павловича.—Вечерня.—Проводы образовъ.—Обычай катать попа.

Чтобы показаться роднымъ въ приличномъ видѣ, мы не вѣхали прямо въ городъ, а повернули въ село, что виднѣлось за Волгою, на луговой сторонѣ противъ Нижняго, гдѣ и вѣхали на постоянный дворъ. Дворъ этотъ былъ чистъ и просторенъ. Тесовая, зеленая его кровля была изукрашена рѣзнымъ узорчатымъ и пестро раскрашеннымъ гребнемъ, филечатыя ставни разрисованы цвѣтами, а внутри полы были выметены, и все было въ порядкѣ.

Пока ставили самоваръ, изъ повозокъ были вытащены и внесены въ горницу нужные чемоданы и сундуки съ платьемъ; и вотъ, умывшись и напившись чаю, всѣ принялись мѣнять бѣлье, холиться, чиститься, одѣваться. Батюшка побрился передъ дорожнымъ зеркальцемъ; тетушка надѣла чепецъ съ бантами, и когда все было улажено, свѣжими и добрыми всѣ сѣли въ повозки и поѣхали въ городъ, оставивъ за собою постоянный дворъ съ тѣмъ же веселымъ духомъ, какъ оставляли бывало свой деревенскій домъ, отъѣзжая къ какому нибудь ближнему сосѣду на имянинный обѣдъ.

Вотъ переѣхали поперекъ Волгу, вотъ поднялись на гору, сердце такъ и замираетъ отъ радостнаго ожиданія чего-то пріятнаго. Вотъ миновали площадь, повернули въ улицу, въ другую, въ третью и наконецъ въѣхали на дворъ и остановились у крыльца деревяннаго, окрашеннаго дикой краскою дома съ желѣзною зеленою крышею.

Всѣ родственныя, какъ встрѣчи такъ и проводы издалека пріѣхавшихъ или далеко отъѣзжавшихъ родныхъ, въ тѣ времена сопровождались слезами, что нынѣ повывелось за рѣдкими исключеніями. Были ли тогда чувствительнѣе, любили ли родныхъ больше—трудно рѣшить. Всего вѣрнѣе, что эту восторженность при свиданіи и грусть при прощаніи поддерживала затруднительность сообщеній и потому неуверенность когда либо свидѣться.

Самое возможно-быстрое передвиженіе производилось только на почтовыхъ лошадяхъ; но этотъ способъ ѣзды для частныхъ лицъ, особенно семейныхъ, былъ почти недоступенъ. На всякой станціи проѣзжающій находилъ непреодолимое препятствіе со стороны станціонныхъ смотрителей, у которыхъ для пріѣзжающихъ по своей надобности никогда лошадей не было. Одни военные, усвоивъ себѣ право безнаказанно колотить не только ямщиковъ, но подъ часъ и самихъ смотрителей,—скакали, сломя голову, загоняли, лошадей, и все сходило имъ съ рукъ. Объ желѣзныхъ дорогахъ или пароходахъ никому и во снѣ не грезилось; а потому семейнымъ людямъ только и оставался одинъ способъ передвиженія—это на своихъ лошадяхъ съ кормами, съ ночлегами и съ огромною потерей времени. На проѣздъ 500 верстъ, при самой лучшей дорогѣ, надобно было употребить по меньшей мѣрѣ отъ 7 до 8 сутокъ, а въ осеннія грязи или зимою по ухабамъ, такъ и вдвое болѣе.

Изъ всего этого читателю не трудно понять, что дальнія путешествія для свиданія съ родными требовали нѣкотораго самоотверженія, и когда, отъѣзжая, прощались, прощались чуть-чуть что не на вѣчную разлуку.

Въ передней дома, къ которому мы подъѣхали, насъ стрѣтили бабушка Анна Акакіевна и тетушка Варвара Петровна, которой тогда было не болѣе 24 лѣтъ. Начались объятія, слезы, рыданія; съ бабушкой слѣзалась дурнота; это ужъ не по обычаю. Бабушка въ первый разъ увидела

меня 8-ми лѣтнаго мальчика, виновника смерти ея любимой дочери, и сердечная рана потери, еще не совсѣмъ зажившая, была растравлена. Восемь лѣтъ не могли изгладить скорбныхъ воспоминаній.... Дяди Николая Федоровича Ренова, мужа Варвары Петровны, въ это время не было въ Нижнемъ: какъ оберъ-форштмейстеръ, онъ ѣздилъ осматривать лѣса по губерніи и возвратился только черезъ недѣлю послѣ нашего пріѣзда.

Въ Нижнемъ мы прожили около мѣсяца и, захвативъ тамъ масляницу, лишь на 2-й недѣлѣ великаго поста пустились въ обратный путь. Гощеніе въ Нижнемъ нашего семейства было для насъ, дѣтей, самымъ пріятнымъ гощеніемъ, какое я могу только припомнить въ моемъ дѣтствѣ. Домъ дяди Николая Федоровича можно было назвать полною чашею домашняго благосостоянія. Изобиліе лучшей волжской рыбы за его столомъ, его хлѣбосольство и дружеское вниманіе къ батюшкѣ, радость бабушки видѣть своихъ внучатъ; живыя ласки хозяйки-тетушки; невѣдомая нами дотолѣ городская, хотя и губернская, но кишившая свѣтскими удовольствіями жизнь, а главное, первое знакомство съ театромъ, о которомъ мы знали только по наслышкѣ, производили на насъ впечатлѣніе какого-то чуднаго обаятельнаго сна.

Къ немалому нашему удовольствію мы нашли въ Нижнемъ нашу двоюродную сестру Анночку Подкользину, которая, съ отъѣзда семейства Подкользиныхъ изъ Любавы и до отвоза ея въ Екатерининскій институтъ въ Петербургъ, оставалась гостить у тетушки Варвары Петровны.

Какъ особа уже прижившаяся въ домѣ, Анночка, сейчасъ же послѣ встрѣчи насъ вмѣстѣ съ другими въ передней, повела насъ, гостей, по всѣмъ комнатамъ, посвятила во всѣ обычаи дома и на вопросъ, что это за деревянное желтое зданіе, съ выбѣленными колонами, что видно изъ оконъ гостиной на другой сторонѣ улицы, противъ самаго дядинаго дома,—объяснила, что это театръ, что представленія въ немъ бывають три раза въ недѣлю; что вотъ и завтра будетъ представленіе, которое мы будемъ смотрѣть, потому что у тетушки есть въ театрѣ годовая ложа.

Въ то время, т. е. въ началѣ 20-хъ годовъ, зданіе Нижегородскаго театра составляло частную собственность князя Шаховскаго; а артистами сцены были его крѣпостные лю-

ди. Не помню хорошо, да кажется, что я и не видалъ афишъ тогдашняго Нижегородскаго театра, чтобъ полюбопытствовать, какъ именовались въ нихъ исполнители ролей; но вообще, въ публикѣ, артисты эти были извѣстны подъ именами Яшъ, Иванушекъ, Миная, Зари, вѣроятно передѣланной изъ Зои, Нади и проч. другихъ, которыхъ теперь ужъ не упомяну. Помню, что Яша и Иванушка играли въ трагедіяхъ, а Минай былъ первымъ комикомъ, любимцемъ публики, однимъ словомъ Нижегородскій Щепкинъ.

Вотъ наступилъ и слѣдующій день, вотъ уже и 6-й часъ пополудни, и всѣ по немногу начали собираться въ театръ. У освѣщеннаго сальными свѣчами въ деревянныхъ со стеклами фонаряхъ подъѣзда и въ сѣняхъ стояло и сидѣло человѣкъ 5 жандармовъ; вотъ отворилась обитая войлокомъ и клеенкою дверь, и мы вошли въ большую ложу въ бенуарѣ прямо противъ сцены.

Не знаю, есть ли теперь этотъ театръ; но въ 1843 году онъ еще существовалъ почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ нимъ; но ужъ на немъ давала свои представленія какая-то странствующая труппа.

Театръ этотъ имѣлъ тогда 2 ряда ложъ, т. е. бенуаръ и бельэтажъ, а выше ужъ былъ раекъ. Внутренность нашей ложи, какъ и входная однопольная дверь въ партеръ, бывшая иссѣлъ самой нашей ложи съ правой стороны, были оклеены грошевыми синими съ узорами обоями, во многихъ мѣстахъ порванными и подклеенными кое-какъ. Ложи были устроены на столбахъ, окружавшихъ партеръ и поддерживавшихъ потолокъ; а барьеры ихъ были украшены деревяннымъ точенымъ балясникомъ. Занавѣсъ изображалъ продолженіе этихъ столбовъ и барьеровъ такъ, что правая и лѣвая стороны ложъ, у стѣны, соединялись по занавѣсу въ намалеванной перспективѣ.

Судя потому, что каждый день по утрамъ, изъ трубъ, что торчали надъ крышею театра, выходилъ дымъ, надобно полагать, что театръ отапливался; но я очень хорошо помню, что и мы въ нашей ложѣ и зрители партера ни шубъ, ни теплыхъ сапогъ не снимали.

Размалеванный занавѣсъ мы приняли сначала за размалеванную стѣну и потому были пріятно изумлены, когда пос-

лѣ увертюры занавѣсъ взвился и глазамъ нашимъ открылась сцена.

Давали оперу князя Шаховскаго «Ломоносовъ или рекрутъ стихотворецъ». Ломоносова игралъ Яша, а Христіана Ганца, гусара ветерана, содержателя трактира, игралъ Минай. Игра его своимъ комизмомъ и веселостью приводила насъ въ восторгъ; но дѣйствительно ли она была такъ хороша, какъ представлялась нашему дѣтскому созерцанію, хотя я помню, что и старшіе всѣ говорили тогда объ Минѣ, какъ о величайшемъ талантѣ, рѣшить не могу. Въ представленіи труппы, игравшей на Нижегородскомъ театрѣ въ 1843 году, т. е. почти черезъ 23 года послѣ описываемаго мною времени, участвовалъ и Минай подъ именемъ г. Полякова. Тутъ я его видѣлъ въ роли пана Прудіуса въ оперѣ «Казакъ стихотворецъ»; но игра его была черезъ чуръ рутинная, или лучше сказать, что въ игрѣ его игры не было никакой, не смотря на то, что мнѣ на него указывали, какъ все еще на любимца Нижегородской публики.

Привычка уважать талантъ много значить. Этой привычкой увлекалась и московская публика въ послѣдніе годы жизни и игры знаменитаго Щепкина. Его встрѣчали восторженными рукоплесканіями, когда онъ отъ старости захлебывался на сценѣ отъ мокротъ, и нельзя было ни слышать хорошо, ни разобрать, что онъ говорилъ... Какая же ужъ тутъ могла быть игра? И не смотря на все это, онъ и до гробовой доски оставался любимцемъ московской публики Минаю Полякову, когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ, было тоже, если не за 90, то ужъ непременно подъ 80 лѣтъ.

Да не смѣшиваетъ читатель князя Шаховскаго, бывшаго владѣльца Нижегородскаго театра, съ княземъ Шаховскимъ, извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, бывшимъ директоромъ С.-Петербургскаго театра. Если я не ошибаюсь, они были двоюродными братьями.

Съ княземъ Шаховскимъ, драматургомъ, я познакомился въ Харьковѣ, когда я служилъ тамъ по корпусу жандармовъ адъютантовъ при жандармскомъ штабъ-офицерѣ. Это случилось въ 1842 году, въ домѣ коммерціи совѣтника, милліонера и знаменитаго въ то время кабацкаго откупщика, Кузьмы Ивановича Кузина.

Кузинъ былъ уроженецъ Зарайскаго уѣзда, с. Нижняго-

Бѣлоомута, изъ крестьянъ. Мальчикомъ еще началъ онъ свое поприще службою по кабакамъ. Въ юности, когда онъ былъ уже извѣстнымъ забулдыгою, кто-то въ кабакѣ хватилъ его въ рыло штофомъ; вслѣдствіе чего на его щекѣ остался шрамъ на всю жизнь, и за тотъ шрамъ былъ онъ въ родномъ селѣ прозванъ Кузькою-рубцомъ. Чтобъ обуздать его молодецкую удалъ, родные придумали его женить, и и женили на что ни не было въ селѣ глупой дѣвкѣ. Послѣ женитьбы, молодецъ остепенился и поступилъ на службу по откупу. Бывъ расторопенъ и втершись въ довѣренность управляющаго откупомъ, прикарманилъ тысячь 30 денегъ, ввѣренныхъ ему для отвоза въ Нижний или въ Казань, или въ другое какое мѣсто, не упомяну.

Съ этими деньгами онъ началъ участвовать въ откупахъ, какъ пайщикъ. Потомъ сдѣлался и самъ откупщикомъ, заворачалъ милліонами, и за милліонъ, пожертвованный имъ на погорѣвшую Тулу, былъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени.

Біографію эту почерпнулъ я изъ рассказовъ крестьянъ села Бѣлоомута, почему за истину ея не отвѣчаю. Не въ насмѣшку или въ упрекъ привожу я ее въ моемъ рассказѣ. Былъ молодцу не укоръ, говоритъ старинная пословица, а Кузьму Ивановича никто не вправѣ укорить даже и въ похищенныхъ имъ деньгахъ. При его широкой, чисто русской природѣ, никто не позаботился о его воспитаніи, не въ кабакахъ же было ему усвоивать понятія о долгѣ и нравственности? И при всемъ томъ нельзя было отрицать въ немъ ни дѣльности его ума, ни такта. Любимый не только своимъ семействомъ, но и многими его знавшими, онъ жилъ въ Харьковѣ, какъ патріархъ, окруженный дѣтьми и внучатами. Общество его уважало, хотя, конечно, немалую долю въ этомъ случаѣ играли его милліоны и хлѣбосольство; а громадная жертва, принесенная имъ человѣчеству въ лицѣ несчастныхъ погорѣльцевъ Тулы, кромѣ другихъ неофициальныхъ благодарнѣй, сторицею искупили преступленія его молодости.

Разъ какъ-то зимнимъ вечеркомъ, зайдя въ домъ Кузьмы Ивановича, не знаю по дѣлу или по приглашенію на чашку чаю, въ кабинетъ его, кромѣ самого хозяина, я нашелъ двухъ собесѣдниковъ, сидѣвшихъ около маленькаго

стола передъ догоравшимъ каминомъ. Одинъ изъ нихъ былъ Курскій помѣщикъ Григорьевъ, бывшій прежде Курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а впослѣдствіи откупщикомъ, съ которымъ я уже прежде былъ знакомъ, а другой, высокій, сгорбленный, съ сѣдыми прядями волосъ на вискахъ плѣшивой головы, рѣзкими чертами лица, тотчасъ напомнилъ мнѣ портретъ князя Шаховскаго во «Ста русскихъ литературахъ». Тогда еще на поэтовъ и вообще писателей я смотрѣлъ какими-то отвлеченными глазами и никакъ не могъ себѣ вообразить, что князя Шаховскаго, этого литературнаго ветерана, я встрѣчу въ кабинетѣ Кузина и въ собесѣдничествѣ съ двумя откупщиками.

Разговоръ шелъ о политикѣ, о состояніи современнаго общества, о торговлѣ, о просвѣщеніи.

— Нѣтъ, старинное дворянство исчезаетъ,—говорилъ старичекъ,—отъ вторженія въ него другихъ сословій... Чины, ордена возводятъ въ дворянское достоинство по большей части людей недостойныхъ; пора бы положить конецъ этому вторженію.

— А какъ же, вотъ я-то?—замѣтилъ Кузьма Ивановичъ, посмотрѣвъ на свой Владимірскій крестъ, висѣвшій въ петлицѣ его сѣраго сюртука.

— Это совсѣмъ другое дѣло, возразилъ незнакомецъ. Такихъ людей, какъ вы, давайте намъ поболѣе... Намъ нужны капиталы, давайте намъ капиталовъ!.. капиталами поддерживаются сословія...

Когда около полуночи старикъ ушелъ, я спросилъ у Кузина, кто это такой?

— Это князь Шаховской,—отвѣчалъ хозяинъ.— Онъ живетъ въ деревнѣ, недалеко отъ Харькова... Капиталами-то онъ ужъ больно плоховать.

Соорудителями и учредителями Нижегородскаго театра были два брата Шаховскихъ. Старшій братъ, по рассказамъ моего отца, даже и умеръ въ театрѣ, скоропостижно, въ одномъ изъ жилыхъ покоевъ, гдѣ, по какому-то случаю, онъ имѣлъ временное помѣщеніе. Такъ какъ это случилось ночью, то никто и не слыхалъ, какъ онъ умираетъ, а только уже по утру увидали, что на постели, вмѣсто него, лежалъ холодный трупъ.

На другой или на третій день послѣ нашего пріѣзда,

батюшка, какъ старый знакомый, поѣхалъ къ живому князю Шаховскому съ визитомъ, и тотъ, въ тотъ же день, отплатилъ визитъ.

Онъ былъ старичекъ, небольшого роста, худощаваго сложенія и, какъ мнѣ помнится, имѣлъ пріятныя черты. Подбородокъ его былъ выбритъ необыкновенно чисто, волосы напудрены. Онъ былъ одѣтъ въ мундиръ Екатериненскаго времени. Былъ ли онъ красный съ черными отворотами или темно-зеленый, а только отвороты, воротникъ и обшлага были красные, не могу сказать, помню только, что все на немъ было свѣжо, ново и золоченныя пуговицы ярко горѣли на солнцѣ. Ботфорты блистали, какъ зеркало. Шага, шляпа съ плюмажемъ и замшевыя бѣлыя перчатки довершали нарядъ. Движенія его были сдержаны до утонченности...

Незадолго до поѣздки нашей въ Нижній, мы гдѣ-то достали трагедію Озерова «Дмитрій Донской» и, читая ее часто, заучили на память цѣлыя явленія. Отецъ велѣлъ намъ съ братомъ продекламировать князю Шаховскому то, что мы знаемъ, и тотъ былъ такъ обязателенъ, что на другой-же день назначилъ для представленія на Нижегородскомъ театрѣ «Дмитрія Донского».

Иванушка игралъ Дмитрія, а Яша—князя Тверского. Мы были въ восторгѣ.

На масленицѣ въ Нижнемъ мнѣ быть не привелось. Батюшка, вздумавши съѣздить вмѣстѣ съ тетушкой Федосьею Петровною къ дѣдушкѣ Александру Акакіевичу Демидову въ Васильсурскій уѣздъ въ с. Елвашку, взялъ и меня съ собою. Особенно интереснаго въ поѣздкѣ этой не было ничего. Ѣхали на почтовыхъ. Зимняя дорога, проложенная по Волгѣ, была ровна и гладка; лошади неслись вскачь, и громко заливался колокольчикъ подъ дугою. Помню высокіе берега Волги, поросшіе вѣчно зелеными лѣсами елей и сосенъ, и на вершинѣ самой высокой скалы, подъ самымъ обрывомъ, бѣлѣвшую на грунтѣ темнаго лѣса красивую небольшую ротондочку на семи колоннахъ.

У Александра Акакіевича мы провели весело масленицу. Старинный деревянный его домъ былъ не штукатуренъ внутри, и потемнѣвшія бревенчатыя проконопаченныя стѣны остались въ своемъ естественномъ видѣ. Единственными

украшеніями гостиной были большіе портеты предковъ въ золоченныхъ рамахъ.

Праздновалъ ли онъ день своего рожденія, или именинъ, или же рожденіе своей жены, не знаю; помню только, что въ одинъ ясный и морозный день гостей наѣхало множество. Столъ въ залѣ былъ накрытъ покоемъ II. Помню огромныхъ стерлядей и часто хлопающія въ потолокъ пробки.

Вечеромъ масленичная гора на дворѣ, изукрашенная вешками, была освѣщена разноцвѣтными фонарями.

Во всякомъ случаѣ, я шибко проигралъ, что поѣхалъ съ отцемъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по словамъ брата и сестры, было далеко веселѣе. Во первыхъ былъ у кого то дѣтскій балъ-маскарадъ съ подарками для всѣхъ гостей; былъ маскарадъ въ собраніи; представленія въ театрѣ по два раза въ день, а по вечерамъ по улицамъ Нижняго разѣзжалъ украшенный флагами съ разноцвѣтными фонарями съ музыкой катеръ, на которомъ каталось лучшее Нижегородское общество.

На второй недѣлѣ поста выѣхали мы изъ Нижняго. Много опять было пролито слезъ при прощаньѣ, особенно нами дѣтьми и нашею двоюродною сестрицею Анночкой. Послѣ нашего отѣзда ее отвезли въ Патріотическій институтъ въ Петербургѣ, и я увидалъ ее послѣ Нижняго-Новгорода въ первый разъ уже по выходѣ изъ института совершеннолѣтней дѣвицей, въ Москвѣ, куда я пріѣхалъ въ началѣ 1832 года юнымъ драгунскимъ прапорщикомъ, по окончаніи польской войны.

Въ концѣ 3 недѣли великаго поста возвратились мы обратно въ Любаву. По пути опять заѣзжали мы къ бабушкѣ Александрѣ Николаевнѣ въ Наземово, къ князю Степану Матвѣвичу Крапоткину въ Киселево, къ другимъ бабушкамъ въ Митинское, и вездѣ находили привѣтъ, любовь и родственное гостепріимство. У князя Степана Матвѣвича обратило мое особенно вниманіе, стоявшее въ углу залы, огромное черемуховое дерево съ широкораскинувшимися вѣтвями и въ полномъ цвѣту. Медовой запахъ черемухи разливалъ ароматъ по всему дому и чтожъ? это было ничто иное, какъ срубленное цѣлое дерево черемухи, поставленное въ кадку съ водою.

Постъ въ нашемъ домѣ наблюдался строго, но и по обычаю тогдашняго времени великопостный столъ представлялъ страшное обиліе яствъ. Дѣло въ томъ, что при заказываніи великопостнаго обѣда имѣлось въ виду угожденіе вкусамъ, кто чего пожелаетъ: а въ слѣдствіе этого собранный для обѣда столъ, кромѣ обыденныхъ мисокъ, соусниковъ и блюдъ, весь устанавливался горшками и горшечками разныхъ величинъ и видовъ: чего хочешь, того просишь! Вотъ кашница изъ манныхъ крупъ съ грибами, вотъ горячее, рѣкомое оберточка, въ видѣ пирожковъ, свернутыхъ изъ капустныхъ листовъ, начиненныхъ грибами, чтобы не разсплозлись, сшитыхъ нитками и сваренныхъ въ маковомъ соку. Вотъ ушки и гороховая лапша, и гороховый супъ, и горохъ просто сваренный, и гороховый кисель, и горохъ, протертый сквозь рѣшето. Каша гречневая, полбенная и пшенная; щи или борщъ съ грибами и картофель вареный, жареный, печеный, въ винигредѣ убранномъ и въ винигредѣ сборномъ, и въ видѣ котлетъ подъ соусомъ. Масло орѣховое, маковое, коноплянное, и все свое домашнее и ничего купленнаго. Всѣхъ постныхъ яствъ и не припомнишь, и не перечесть.

Тихо проходилъ великій постъ. Вешнее солнышко нагрѣвало воздухъ, и дождевыя тучки смѣняли холодныя облака зимы. Во множествѣ зачернѣлись проталины; загурчали съ горъ потоки, зарѣяли жавороночки въ глубокой лазури, оглашая воздухъ нескончаемымъ пѣніемъ.

Въ парникахъ между сугробами ослѣпительно бѣлѣвшаго, но уже разрыхленнаго отъ солнечныхъ лучей, снѣга, и въ маленькой нашей тепличкѣ уже зеленѣли огурцы, укрываясь въ широкой листьѣ раскидистыхъ плетей, усыпанныхъ золотистыми цвѣтками, между редисами и пушистымъ салатомъ. На полкахъ теплички и по срубу тепличнаго парника въ банкахъ цвѣли желтофіоли, левкой и царственная красавица роза, наполняя растворенный парами воздухъ теплички своимъ чуднымъ благоуханіемъ. Цвѣли миндаль и малина, посаженные въ кадки, и багряными кистями спускались мясистыя ягоды ананасной клубники съ своихъ горшечковъ, приставленныхъ на верхней полкѣ, подъ самыя стекла тепличныхъ рамъ.

Но вотъ мало—по—малу снѣгъ сошелъ окончательно. По всѣмъ направленіямъ свѣтлыми ручейками сбѣгала вода и изъ влажной земли, пригрѣтой солнышкомъ, будто зеленныя иголочки вылѣзали гусятникъ, выкидывая вверхъ свой крошечный, блѣдножелтый цвѣтокъ на волоскообразномъ стебелькѣ.

Маленькій прудъ въ саду, рѣдкое лѣто не пересыхавшій, переполнившись водою, вылился на главную садовую дорожку, обсаженную сливами, и затопилъ ее. Случаемъ этимъ не преминули воспользоваться дворовыя бабы: перекинули черезъ разливъ доску и стоя на ней босыми чуть не до колѣнъ оголенными ногами, съ утра до вечера полоскали бѣлье, взмахивая и стуча вальками. Въ густотѣ рощи не изныли еще кое гдѣ бугры побурѣвшаго снѣга, а возлѣ нихъ уже пестрѣли цвѣтки медуники, куриной слѣпоты и кудрявыми головками выбивался изъ земли на свѣтъ Божій змѣвикъ-папортникъ. Мелкіе толкачики копошились въ прозрачномъ воздухѣ; щебетали пташки, и далеко разносился крикъ грачей, покрывавшихъ гнѣздами суковатыя вершины вѣковыхъ дубовъ.

Страстный охотникъ до сада, съ наступленіемъ весны, батюшка изъ него почти не выходилъ. Всѣ работы въ саду производились при немъ; многое дѣлалъ своими руками и радовался каждой травкѣ, каждому цвѣтку и деревцу, выращенному имъ. Увлекаясь его примѣромъ, мы съ братомъ, Ильей, и сестрою устроили на отведенномъ намъ въ саду мѣстечкѣ свой садъ. Копали грядки, сажали огурцы, горохъ, бобы, сами пропалывали траву и поливали... но любовь къ саду воплотилась на всю жизнь только въ одномъ во мнѣ: братъ и сестра съ лѣтами охладѣли къ этому дѣлу.

Наступила страстная недѣля—недѣля, въ которую семейство наше всегда говѣло. Въ церковь мы ѣздили только къ обѣднямъ; всѣ же другія службы, заутрени и вечерни отправлялись на дому. Кстати замѣчу, что и всеночныя подѣ всѣ большіе и двенадесятые праздники весь круглый годъ у насъ всегда служились дома.

Священникомъ въ то время въ нашемъ приходскомъ селѣ Ивановскомъ былъ отецъ Федоръ. Человѣкъ очень добрый, простой, не глупый; но какъ и большая часть священниковъ того времени бывалъ неводерженъ касательно

хмѣльнаго. Впрочемъ эта маленькая слабость нисколько не мѣшала бывшему тогда Зарайскому соборному протоіерею Ивану Даниловичу, пользовавшемуся въ Зарайскомъ уѣздѣ славою ученаго проповѣдника и стихотворца, отзываться объ отцѣ Федорѣ, какъ объ лучшемъ своемъ ученикѣ по духовному училищу и въ особенности по курсу латинскаго языка.

Когда Иванъ Даниловичъ находилъ нужнымъ проѣхаться по благочинію, то всегда заѣзжалъ къ отцу Федору и гасивалъ у него дня по два и датѣе. Въ такіе дни гощенія ворота двора отца Федора запирались наглухо, ставился единственный самоварчикъ изъ красной мѣди въ видѣ большого чайника, заваривался пуншикъ съ кизлярочкой и ужъ тутъ, не стѣсняемые свидѣтелями, и старый учитель и пожилой ученикъ нагружались веліе въ сласть.

Не смотря на латинскій языкъ, отецъ Федоръ обходился безъ носового платка, а сморкался съ пособіемъ пальцевъ прямо на полъ; но, высморкавшись, доставалъ платокъ и обтиралъ имъ усы и бороду. Эта манера вообще непріятно дѣйствовала на присутствующихъ, особенно когда отецъ Федоръ сморкался во время исполненія службъ. Чтобъ отучить его тонкимъ образомъ отъ нехорошей привычки, батюшка каждый разъ, когда бывала служба, у насъ въ домѣ, дарилъ отцу Федору носовой платокъ; но хотя отецъ Федоръ и набралъ таки довольно платковъ, а все окончательно не могъ отстать отъ своей привычки. Кромѣ этой слабости осудить его было не за что: онъ дѣйствительно былъ добрый человекъ, и мы всегда рады были его приходу къ намъ. Его образъ домашней жизни мало рознился отъ образа жизни крестьянъ. Та же одна чистая изба съ русскою печью, съ лавками по стѣнамъ, съ образами на полкахъ въ переднемъ углу, и чистымъ липовымъ русскимъ столомъ. Другая изба курная-черная.

Матушка попадья носила ситцевый сарафанъ, лѣтомъ кофту, зимой заячью шубейку, а на головѣ платокъ. Сама съ работницею работала серпомъ въ полѣ, ткала холсты, доила коровъ и вообще была домовитою хозяйкой. Набранныя на святой недѣлѣ красныя яйца за множествомъ ихъ солились въ кадкахъ и въ рабочую пору лѣтомъ ими кормились работникъ съ работницею, покрошивши въ квась и съ приправою зеленого лука.

Такъ какъ текушка Варвара Павловна была крестною матерью всѣхъ дѣтей отца Федора, то въ Рождество Христово, отпущенные на святки изъ духовнаго училища и изъ семинаріи, крестники приходили съ поздравленіемъ къ крестной матери и читали соотвѣтствующее торжеству праздника привѣтствіе въ стихахъ; читали скороговоркою безъ запятыхъ и точекъ, ровнымъ голосомъ, произнося слова не по разговорному, а по письменному, сильно ударяя на о.

Въ прощальный вечеръ, т. е. въ воскресенье на масленицѣ, отецъ Федоръ приносилъ своей кумѣ на деревянномъ лоткѣ гостинцы, состоявшіе изъ сметаны, изюму, молдавскаго чернослива и пряниковъ; разумѣется, всѣ эти гостинцы мы дѣти поѣдали съ наслажденіемъ...

Итакъ все наше семейство на страстной недѣлѣ говѣло. Съ нами вмѣстѣ говѣла вся дворня и даже часть крестьянъ всѣхъ возрастовъ, не говѣвшихъ въ продолженіе великаго поста. При отправленіи заутренъ, часовъ и вечеренъ, столовая, гдѣ совершалось самое служеніе, лакейская и корридоръ наполнялись народомъ; а когда ѣхали мы въ церковь къ обѣднямъ, то за нашимъ господскимъ поѣздомъ тянулася цѣлая вереница саней или телѣгъ, смотря по погодѣ.

Въ великую субботу съ 8 часовъ утра занимались крашеніемъ яицъ. Эта фабрикація производилась на мезонинѣ въ комнатѣ у батюшки. Туда несли яйца въ рѣшетахъ; разводился въ каминѣ огонь, и Софья Ивановна, сидя передъ нимъ на полу, красила въ большой кастрюлѣ яйца, погружая ихъ въ кипящій сандалъ.

Впрочемъ и мы дѣти не были только праздными зрителями, не сидѣли сложа руки. Мы усердно щипали лоскутки шелковыхъ матерій, которыми снабжала насъ тетушка, заворачивали въ нихъ яйца и варили въ особой кастрюлѣ. Это называлось красить подъ мраморъ. Съ любовію и съ неменьшимъ вниманіемъ принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе и самъ батюшка. Въ такія минуты онъ жилъ нашею радостію и увлекался самъ, какъ ребенокъ.

Въ сумерки приносили изъ погреба пасху и выкладывали ее изъ формы на блюдо, что производилось обыкновенно въ дѣвичей.

Вотъ куличъ господскій, вотъ куличъ для народа; ихъ тоже выкладываютъ на блюда и обкладываютъ кругомъ

красными яичками. Все это повезется въ церковь для освященія. Какой пріятный запахъ сдобнымъ разносится отъ нихъ и щекочетъ наше дѣтское обоняніе: такъ и текутъ слюнки, такъ бы и съѣлъ—да еще грѣхъ; а между тѣмъ какъ радостно бьется сердце въ ожиданіи розговѣнія. Но вотъ уже и темно... Мало—по—малу все затихло въ домѣ, хотя никому не спится. Только около каретнаго сарая возня, возгласы и разговоры кучеровъ, готовящихъ экипажи для ночного поѣзда къ заутренѣ. Ночь хоть глазъ выколи!..

Вотъ полночь—все оживаетъ и въ домѣ и на дворѣ. Въ домѣ все уже на ногахъ: все суетится, хлопочетъ одѣваться. Горничныя дѣвушки уже одѣлись въ свои лучшія платья, тщательно причесаны, примазаны; непритворная радость сіяетъ на озабоченныхъ лицахъ, и какъ будто особенно по праздничному теплится лампадка въ дѣвичьей предъ святыми иконами.

Вотъ и экипажи готовы и поданы къ крыльцу. Нѣсколько верховыхъ крестьянъ и дворовыхъ съ фонарями въ рукахъ окружаютъ ихъ, готовые освѣщать путь. Съ шумными разговорами, то съ бранью, то съ хохотомъ разсаживаются дѣвки и дворовыя женщины, старики и старухи, по телѣгамъ, и весь поѣздъ тихо съѣзжаетъ со двора.

— Стой!—кричитъ батюшка, и весь поѣздъ останавливается.—Взяли ли изъ зала тузюкъ съ яйцами, христосовать съ попами?..

— Взяли,—отвѣчаетъ изъ непроницаемаго мрака чей то голосъ.

— Пошелъ!

— Свѣти сюда!—кричитъ кучеръ.

— Тутъ яма, держи лѣвѣе,—предупреждаетъ фонарь.

— Ай, ай, ай!—раздается позади пронзительный женскій голосъ,—опрокинулъ, опрокинулъ!.. Потомъ начинается брань, упреки, хохоть.

— Куда те чертъ занесъ? Не видишь канава?—замѣчаетъ, подѣзжая, фонарь.

— А ты что не свѣтилъ?.. Чертъ!—внушительно отвѣчаетъ возница, и снова раздается хохоть.

Поѣздъ останавливается, проводники и лакеи спѣшать на помощь.

—Что тамъ такое?—спрашиваетъ батюшка своего камердинера или, какъ дворовые обыкновенно называли, *камардина* Ивана Николаева, который, возвратившись къ коляскѣ и карабкаясь на запятки, кричитъ—пошелъ!

—Хи, хи, хи!—ухмыляется Иванъ Николаевичъ:—умный-то нашъ человѣкъ Михаилъ Василичъ телѣгу съ Федуловой взвалилъ въ грязь...

—Ушиблась?

—Хи, хи, хи! мягко-съ!..

—Экой дуринда!—говорить, качая головою, батюшка; а между тѣмъ по всему поѣзду идутъ нескончаемые разсужденія и толки объ этомъ событіи, сопровождаемые смѣхомъ и разными прибаутками.

Вонъ въ полѣ не вдалекѣ отъ церкви горятъ смоляныя бочки, зажженныя сосѣдомъ Любавскимъ, озаряя церковь своимъ пламенемъ. Кругомъ церкви скучилось много телѣгъ, и изъ мрака слышно только, какъ лошади фыркаютъ, да жуютъ сѣно.

Разбитый 40 пудовый колоколь дребезжитъ, производя тазообразный звукъ изо всей мочи, а внутри ярко освѣщенной церкви тѣснота непроходимая. Отецъ Федоръ надѣлъ лучшія парчевыя ризы, тѣ самыя, которыя сдѣланы изъ покрова покойника Ивана Яковлевича Любавскаго; Иванъ Ильичъ и Илья Ивановичъ, отецъ и сынъ, пономарь и дьячекъ, нарядились въ стихари и расплели свои гривы.

Охотники до сладкозвучнаго пѣнія изъ дворовыхъ людей Ивана Ивановича Любавскаго и изъ крестьянъ деревни Рудневой тѣсняются на правомъ клиросѣ и поютъ изо всѣхъ силъ. Самъ Иванъ Ивановичъ стоитъ впереди всѣхъ и поддерживаетъ хоръ своимъ звучнымъ теноромъ.

По возвращеніи домой, приступали къ разговѣнью за семейнымъ столомъ. Разговѣвшись пасхою, куличемъ и яйцами съ четверговой солью, шли пить чай. Тетушка Варвара Павловна особенно торопилась поскорѣе усладить себя чаемъ со сливками. Она любила чай крѣпкій-прекрѣпкій, но любила не иначе, какъ съ прибавкою чайной ложечки теплыхъ густыхъ сливокъ, почему въ продолженіе великаго поста душевно страдала, будучи лишена этого удовольствія. Когда мы съ отцемъ еще входили только въ чайную, тетуш-

ка сидѣла уже передъ самоваромъ и съ наслажденіемъ втягивала съ блюдечка горячій чай.

Въ это время, т. е. пока мы пили чай, вся домашняя и дворовая челядь, а за ними и всѣ крестьяне и бабы съ деревни, имѣя красныя яйца за пазухой, приходили христосоваться съ нами и, похристосовавшись, разговлялись куличемъ и пасхою съ того же стола, съ котораго разговлялись и мы.

Всѣ двери въ домѣ были настежь. Въ лакейской, въ дѣвичьей, въ корридорѣ толпился народъ и слышалось чмоканье.... Полы, только что въ великую пятницу подмытые, грязнились безъ милосердія, не смотря на то, что въ сѣняхъ въ предвидѣніи такого обстоятельства, чуть не по колѣно была настлана солома.

Изъ всей дворни одинъ только Тимофей Ивановичъ, старый буфетчикъ, котораго дворня величала казначеемъ, бывалъ недоволенъ этимъ и ропталъ, что полъ, только что моль вымыли, а уже успѣли притоптать!.. Бралъ вѣнникъ, долго замѣнявшій у насъ въ домѣ половую щетку, и замѣталъ грязь въ уголъ.

Тимофей Ивановичъ по старинному обычаю къ розговѣнью св. Христова Воскресенія всегда заготовлялъ четверговую соль. Четверговою она называется потому, что приготовленіе ея совершалось въ великій четвергъ. Способъ самаго приготовленія былъ не мудренъ: брали соль и пережигали ее въ печи. Перегорѣлая, она получала сѣроватый цвѣтъ и особенный вкусъ. Соли этой приписывали таинственную силу врачеванія лихорадокъ.

Выпивши, закусивши и поблагодаривъ за угощеніе, мало-помалу народъ расходился. Послѣ безсонной ночи всякому хотѣлось отдохнуть, выспаться...—Идите-ка дѣти, усните.... Еще до обѣда не скоро,—говаривалъ бывало батюшка, приподнимаясь съ креселъ;—я то же пойду на боковую.

Въ понедѣльникъ приходили къ намъ образа, а извѣстное дѣло, что ни пѣсенъ играть, ни на качеляхъ качаться, прежде нежели образа не побывали, нельзя. Къ принятію образовъ дѣлались слѣдующія приготовленія: на задней половинѣ двора, на серединѣ, раскладывалась штучка, т. е. складной столъ, накрытый скатертью. Подъ столъ клали

клокъ сѣна, на столъ ставили четверикъ, до половины засыпанный овсомъ съ зарытыми въ него куринными яйцами. Въ овесъ втыкали рогульку:—небольшую суковатую палочку, а къ рогулкѣ прилѣпляли восковую грошовую свѣчу. Еще ставили на столъ миску для водосвятія, деревянную солоницу, и тутъ же клали большой ржаной хлѣбъ и пирогъ. На стѣнѣ дома противъ стола вывѣшивали на гвоздикъ образъ Матери Божіей, купины неопалимой. Образу этому изстари въ домѣ нашемъ приписывали неотразимую силу измѣнять во время пожара направленіе вѣтра, если вѣтеръ дулъ на строенія. На другомъ столѣ, тутъ же не подалеку, выставляли на лоткахъ нарѣзанные кусками солонину и пироги для закуски; штофъ съ виномъ и ушатъ съ брагою.

Окончивши всѣ эти приготовленія, ожидали прихода образовъ.

—Идутъ, идутъ!—вдругъ раздавался крикъ со стороны выгона, и на этотъ крикъ всѣ торопливо, господа и дворянъ, выходили встрѣчать за ворота. Стоятъ, смотрятъ, прислушиваются. Вотъ начинаютъ долетать возгласы церковнаго пѣнія—то тише, то рѣзче—и въ этихъ неопредѣленныхъ возгласахъ все явственнѣе и явственнѣе слышатся побѣдные слова: Христосъ воскресъ! Вотъ показалось наконецъ и шествіе... Мужчины снимаютъ шапки и крестятся, женщины крестятся и творятъ земные поклоны. Всему ходу предшествуетъ большой жестяной фонарь на древкѣ со слюдою вмѣсто стеколъ; за нимъ двухсторонній образъ съ изображеніями: съ одной стороны нерукотвореннаго Спаса, а съ другой Дмитрія Мироточиваго, съ подвѣшеннымъ къ нему кускомъ краснаго кумача, и съ нашитымъ на немъ изъ узенькаго галуна крестикомъ. Образъ однимъ своимъ бокомъ прикрѣплялся желѣзными ушками къ пестро закрашенному шесту, увѣнчанному деревяннымъ же крестомъ. За этой старинною хоругвей, о которой можно сказать, что она какъ-то теплѣе смотрѣла нынѣшнихъ, заимствованныхъ отъ западныхъ церквей хоругвей, одинъ за другимъ идутъ богоносцы, дѣвки и парни, мужики и бабы, усердствующие святынѣ или по общанію.

Всякій несетъ, кто запрестольный крестъ, кто образъ Божіей Матери, Николая Чудотворца, Ильи Пророка, Дми-

трія Солунскаго и проч. За богоносцами идеть бывало отецъ Федоръ въ облаченіи. Серебряный крестъ въ рукахъ сіяеть на вѣшнемъ солнцѣ. Далѣе выступаютъ дьячки и церковный староста съ денежнымъ ящикомъ, сыновья причетниковъ, пріѣхавшіе на праздникъ изъ семинаріи и духовнаго училища и, наконецъ, народъ пестрой толпою.

Подойдя къ накрытому столу на дворѣ, богоносцы располагаются полукругомъ съ восточной его стороны, зажигаются свѣчи передъ образами и начинается молебенъ съ водосвятиемъ. Отпѣвши молебенъ, образа шли по дворовымъ избамъ. По пути батюшка-священникъ заходилъ кропить святою водою всѣ хозяйственныя службы, скотный и конный дворъ, конюшню, птицъ и проч.; а обойдя всѣ семьи дворовыхъ и отслуживъ во всѣхъ углахъ молебновъ до 20-ти, образа несли въ домъ, ставили ихъ въ углу залы на приготовленное для нихъ мѣсто и зажигали передъ ними свѣчи. Отецъ Федоръ снималъ ризы и складывалъ ихъ тутъ же къ образамъ. Дьячки, богоносцы, дьячихи и ихъ дѣти шли въ дѣвичью, гдѣ для нихъ приготовленъ былъ обѣдъ; самъ же батюшка и матушка—попадья съ своими дѣтьми обѣдали съ нами. Тогда былъ еще такой обычай, что причетники, ходя по приходу, забирали съ собою и женъ, и чадъ, и домочадцевъ.

На второй день праздника пріѣзжалъ къ намъ изъ Бѣляева дядя Михайла Павловичъ въ широкихъ низко висящихъ панталонахъ и неуклюжемъ фракѣ, что все вмѣстѣ, если не уподобляло совершенно, то невольно напоминало медвѣженка не заднихъ лапахъ. Онъ обыкновенно привозилъ съ собою въ кошелькѣ цѣлую сотню сырыхъ куриныхъ яицъ биться. Желаящіе сразиться съ нимъ на аренѣ битья, выходили противъ него тоже съ сырыми яйцами. Удары свои дядя наносилъ до того сильно, что внутренность иного яйца всецѣло летѣла въ рыло его противника, что очень его забавляло.

Въ тѣ времена шуты и дураки въ домахъ сельскихъ дворянъ были еще въ ходу. Помѣщики любили потѣшаться ихъ пошлыми, часто доходившими до гадости шутками; шутили сами надъ ними, и шутки эти не дешево подчасъ обходились несчастнымъ шутамъ.

Вмѣстѣ съ приходомъ образовъ являлось въ Любаво много народа изъ сосѣднихъ деревень поздравлять батюшку

съ праздникомъ. Отъ крестьянъ монастырскаго вѣдомства, деревень Мухина и Федоровскаго, и нѣкоторыхъ деревень господскихъ оброчныхъ, являлись выборные или старосты и вмѣстѣ съ красными яйцами приносили на поклонъ отъ своихъ міровъ выпоеннаго телка, пару гусей или пѣтуха. Принимая эти приносы, батюшка, сидя въ лакейской за столомъ, бесѣдуя съ выборными, угощалъ ихъ виномъ и брагой изъ огромнаго стариннаго стакана съ орломъ*), отъ чего угощенные выходили изъ барскаго дома едва не на четверинкахъ. Изъ шутовъ, обыкновенно являвшихся въ домъ нашемъ въ день посѣщенія образовъ, я помню двухъ. Одинъ дворовый человѣкъ Любавскаго, природный, вывезенный еще младенцемъ изъ Очакова, турокъ, а другой дьячекъ, изъ села Жилконецъ, извѣстный подъ именемъ Сеньки. Оба они были пьяницы. Дьячекъ Семенъ имѣлъ на обоихъ рукахъ безобразно сведенные пальцы, и этимъ уродствомъ былъ обязанъ шуткамъ дяди Николая Павловича. Не то за гривенникъ, не то за полштофъ водки, онъ предложилъ пьяному Сенькѣ голыми руками достать изъ топившейся печи жаръ. Сенька выполнилъ уговоръ, получилъ гривенникъ и остался на всегда уродомъ: пальцы ему свело. Дьячекъ Семенъ былъ роста высокаго, сутуловатъ, съ включенными волосами на головѣ, рѣденькою бородкою и съ торчащею на затылкѣ тоненькою косичкою, глаза искоса и вѣчно пьяный. Одинъ разъ, тоже по предложенію дяди Николая Павловича, за пять рублей ассигнаціями, онъ согласился быть запряженнымъ въ дрожки, въ тройку за пристяжную лошадь, чтобы довести дядю до Жилконецъ. Сеньку раздѣли до гола, запрягли на пристяжку, и онъ четыре версты усердно скакалъ какъ пристяжная, не отставая отъ лошадей. Впрочемъ и кучеръ нерѣдко поощрялъ его кнутикомъ наравнѣ съ другою пристяжною, если замѣчалъ въ нихъ лѣнь.

Послѣ обѣда священникъ съ богоносцами подымалъ образа изъ зала и шли на деревню обходить дворы. Весь прежній причетническій полъ и матушка попадавъ тоже плелись за ними. Обойдя въ деревнѣ дворы, отецъ Федоръ, дьячки и богоносцы возвращались въ домъ сильно хмѣльными. Ставили образа въ тотъ же уголъ, гдѣ они стояли, и начиналась

*) Объ этомъ стаканѣ, принадлежавшемъ Льву Юрьевичу Селиванову, упомянуто на стр. 30.

вечерня. Пьяные дьячки и посторонніе, припѣвали, ревѣли всякій въ свой тонъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова: всѣ учили и упрекали другъ друга въ нескладицѣ, а отецъ Федоръ, при слуханіи такого пѣнія и не въ силахъ будучи самъ подтянуть, смѣялся отъ чистаго сердца.

Я помню, одинъ разъ, такая шутовская вечерня не на шутку разсердила батюшку. Онъ сдѣлалъ замѣчаніе отцу Федору, за что отецъ Федоръ очень оскорбился.—Какъ! духовный мой сынъ смѣетъ мнѣ выговаривать!.. Что ты думаешь, что ты маіоръ?.. я самъ маіоръ!..

Батюшка сильно разгорячился, не знаю, чѣмъ ссора эта могла бы кончиться, еслибы матушка—попадья съ дьячками не увлекли отца Федора.

Священникъ съ причтомъ отправились на ночь домой. Образа оставались ночевать въ залѣ. Передъ ними смѣнялись горящія свѣчи и три или четыре усердныхъ старушки богомолки оставались въ залѣ на молитвенномъ бдѣніи и для наблюденія за огнемъ въ продолженіе ночи.

По утру во вторникъ, по окончаніи обѣдни, священникъ съ причтомъ и со всѣми домочадцами снова являлись въ домъ. Служили молебенъ, завтракали, а послѣ завтрака поднимали образа и съ пѣніемъ «Христось воскресе» тѣмъ же порядкомъ, какъ пришли наканунѣ, шли въ домъ Любавскаго, для проведенія тамъ дня и ночи.

Въ среду съ утра съ обѣихъ усадьбъ приготавливали проходы образовъ на выгонѣ. На выставленномъ у часовни столѣ готовилось напутственное угощеніе: пироги, хлѣбы, мясо, штофы съ водкой, а возлѣ стола ставили ушатъ съ брагою. Тутъ служился послѣдній молебенъ. Послѣ молебна священникъ вызывалъ по одному отъ обѣихъ барщинъ нашей и Любавскаго крестьянъ запашиковъ, читалъ надъ наклоненными подъ епитрахиль головами ихъ молитву, благословлялъ ихъ и надѣлялъ хлѣбами. Потомъ, еще разъ выпивши и закусивши, священникъ, причтъ и богоносцы съ образами возвращались въ церковь, провожаемые до околицы молящимся народомъ.

При проходахъ у часовни существовалъ изстари обычай катать попа. Это дѣлалось такимъ образомъ. Когда священникъ по окончаніи молебна снималъ ризы, что-бы заку-

силь, на него внезапно бросались бабы и, поваливъ на землю, начинали катать. Все это для того, какъ объясняли бабы, что бы лень родился рослѣ. Отецъ Федоръ, хотя не позволялъ уже себя катать, но я помню, что бабы очень приговаривались къ этому и только не доставало уже въ нихъ смѣлости. Всѣ вспоминали предшественника отца Федора, отца Игната, который никогда не перечилъ.

ГЛАВА VI.

Путешествіе въ Москву.—Дорога.—Старники.—Ночлеги въ Степанцинѣ.—Село Никитское.—Бронницы.—Дуракъ Михаилъ Васильевичъ.—Его выходки.—Кривцы.—Легенда о двухъ братьяхъ.—Путевыя впечатлѣнія.—Островцы.—Жилино.—Теряевка.—Люберцы.—Въездъ въ Москву.—Мое первое знакомство съ ней.—Московскія развалины.

Въ 1821 году брату Ильѣ исполнился 12 годъ, сестрѣ минуло 10, мнѣ шель 9-й, и батюшка началъ подумывать о необходимости умственного образованія для сестры и брата. Старшихъ братьевъ онъ отдавалъ въ кадетскіе корпуса на казенное воспитаніе, но съ нами разстаться не хотѣлъ. Утрата брата Николая жила еще въ его памяти, къ тому-жъ и денежныя средства его чрезъ приращеніе состоянія на столько возросли, что онъ въ казенномъ воспитаніи для насъ не нуждался. Въ августѣ мѣсяцѣ рѣшено было ѣхать въ Москву и отдать брата Илью и сестру Анночку—въ пансіоны. Наступилъ августъ, начались приготовления. Нашли приличное количество бѣлья—навязали чулокъ, и вотъ въ концѣ августа, а можетъ быть даже и въ сентябрѣ, не помню именно какого числа, отслуживъ напутственный молебенъ, выѣхали со двора. Не знаю, что чувствовали братъ и сестра, но я былъ очень радъ путешествію, будучи увѣренъ, что возвращусь опять домой, что я только побываю въ Москвѣ, только посмотрю Москву.

Первый ночлегъ нашъ былъ въ Городнѣ, куда мы пріѣхали уже ночью. Обѣдали въ Старникахъ, что въ двухъ верстахъ отъ Коломны, проѣхавши ее. У батюшки былъ тамъ знакомый дворникъ по имени Савоська, страшный пьяница и веселый балагуръ. Дворъ его стоялъ почти противъ только строившейся тогда каменной церкви, крайній къ выгону. Возлѣ двора разстилался лугъ, на которомъ расположили эки-

пажи, отпрягли лошадей и задали имъ корма. Въ Савоськиной избѣ только обѣдали, но обѣдъ готовился поваромъ Филиппомъ и для насъ и для людей на таганѣ, на разложенномъ на чистомъ воздухѣ огнѣ. У Савоськи брали только сѣно для лошадей, квасъ, да курицу въ супъ. Помню, что насъ очень смѣшилъ нашъ хозяинъ Савоська. Съ крылечка его дома я много любовался видомъ Коломны съ ея кремлемъ и на величественныя его древнія башни, которыя тогда еще не были разобраны.

Изъ Сандырей выѣхали уже часу въ 4-мъ пополудни. Сквернѣйшая изъ сквернѣйшихъ дорогъ когда-либо существовавшихъ на равнинахъ нашего отечества, между Коломною и Бронницами, была изрыта вдоль колеями отъ колесъ, а поперекъ грядками отъ прогоняемыхъ гуртовъ, перерыта канавами,—и все это было взмѣшено въ вязкую грязь отъ лившихъ не задолго до того времени дождей. Наступила ночь, и ночь была темная, а мы все еще ѣхали, передвигаясь шагъ за шагомъ, помышляя съ невольнымъ трепетомъ каждую минуту быть опрокинутыми или завязнуть безвыѣздно. Большая четверомѣстная коляска, отживавшая 25-ти-лѣтіе своего существованія, тяжелая, прочная и съ козлами на столбикахъ, крытая дрожки, увѣсистѣе нынѣшней коляски, простая кибитка съ кожанымъ съ кокошникообразнымъ верхомъ и телѣга съ овсомъ, провизіей и рухлядью, составляли нашъ поѣздъ. Въ коляскѣ сидѣли батюшка, я и братъ Илья; въ дрожкахъ—тетушка Варвара Павловна съ сестрою, а въ кибиткѣ, запряженной тройкою, которую правилъ поваръ Филиппъ, помѣщалась кухня и сидѣли нянюшка сестры, Софія Ивановна, и горничная тетушки.

Батюшка, оставивъ коляску, помѣстился на мѣшкѣ съ овсомъ, привязанномъ на запяткахъ крытыхъ дрожекъ. Мы съ братомъ, оставшись одни, сидѣли тихо, творили про себя молитвы, прислушивались къ мурлыканію батюшки, напѣвавшаго какую-то пѣсню, что дѣлалъ онъ всегда, когда бывалъ не спокоенъ духомъ. Коляску мечетъ по колеямъ изъ стороны въ сторону... и вдругъ, о радость! вдали мелькнулъ огонекъ. «Степанщина», пробормоталъ кучеръ... «Слава Богу! Слава Богу», крестясь и вглядываясь въ огонекъ повторяли всѣ... Ъдемъ еще... Огонекъ все яснѣе прорѣзывается непроницаемую мглу; еще минутъ десять и мы въ Степан-

щинѣ. Свѣтъ огонька, такъ обрадовавшій насъ, выходилъ изъ деревяннаго неуклюжаго фонаря, подвѣшеннаго подъ навѣсомъ воротъ.

Хозяинъ съ рыжею бородою, выжидавшій пріѣзжихъ, подошелъ съ привѣтливымъ словомъ—милости просимъ. Не смотря на мученіе, потерпѣнное нами на дорогѣ, и необходимость ночлега, начался торгъ. Сторговавшись, что будетъ стоить овесъ, что сѣно, что будутъ кушать люди и, не смотря на баснословно ничтожныя цѣны, въ сравненіи съ нынѣшними, батюшка согласился только по убѣжденію, что ѣхать далѣе некуда. Наконецъ экипажи наши вѣхали на дворъ. Съ дѣтскою радостью впорхнули мы въ избу, гдѣ свѣтъ отъ сальной свѣчи въ желѣзномъ подсвѣчникѣ и тепло заставили насъ скоро забыть всѣ претерпѣнные дорожные страхи.

Вслѣдъ за нами внесли погребецъ и ящикъ съ харчемъ. Скоро на столѣ, накрытомъ чистой скатертью, закипѣлъ складной дорожный самоваръ.

Батюшка хлопоталъ по обыкновенію за всѣмъ самъ. Въ свободные отъ хлопотъ минуты разъяснялъ намъ и смѣялся съ нами, рассматривая лубочныя картинки, которыя, какъ я только помню, чрезвычайно меня занимали. Тамъ были и Прохоръ и Борисъ, которые ссорились и дрались; тамъ видна была и райская птица, съ женскою головою и въ коронѣ, птица поющая только Богу; тамъ и мыши кота хоронили, и въ лицахъ былъ изображенъ споръ между мальчикомъ и ученымъ философомъ: мальчикъ совсѣмъ загонялъ ученаго философа. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но до самаго устройства желѣзной дороги я съ какимъ то сочувствіемъ смотрѣлъ на всякій постоянный дворъ, особенно при поѣздкахъ въ Москву. Я и теперь не прочь глядѣть на лубочныя картинки и изучать по нимъ минувшій взглядъ народа на жизнь, науку и искусство,—но болѣе всего люблю эти картинки собственно за нихъ самихъ. Они переносятъ меня въ лѣта моего дѣтства. Когда мы напились чаю и вынимали дорожный запасъ для ужина, люди, дѣвки и кучера пили чай и шумно разговаривали за перегородкой о всѣхъ событіяхъ въ пути... Одинъ только кучеръ Егоръ, старшій сынъ Гаврила, не любилъ пить чай, вмѣсто котораго ему всегда предлагалась водка изъ дорожнаго штофика. Хозяинъ

постоялаго двора былъ услужливъ до невозможности, занималъ моего отца разсказами политическими и коммерческими, говорилъ и объ Боннопартіи и нашествіи двунадесять языкъ на Москву, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока мы не поужинали и не пришло время ложиться спать. Сестрѣ, брату и мнѣ постлали на полу; люди наши пошли одни къ лошадямъ, другіе полѣзли на полати. Я погрезилъ о чемъ-то, не помню, и не помню, какъ заснулъ. По утру насъ разбудили ѣхать, или, лучше сказать, пробудилъ споръ между отцомъ моимъ и хозяиномъ, который, держа въ рукахъ счета и уже не съ ласковымъ лицомъ, какъ наканунѣ, а съ наглымъ выраженіемъ въ чертахъ говорилъ, что онъ «ворота запретъ и не спуститъ насъ съ постоялаго двора». Отцу моему, да, вѣроятно, и многимъ было новостью, не смотря на то, что отецъ мой не мало поѣздилъ на своемъ вѣку, что можно требовать за ночлегъ, когда для лошадей брали овесъ и сѣно и люди ѣли и пили, за комнату, какъ за комнату, когда и въ поминѣ не было особой комнаты... Не помню, чѣмъ кончился споръ, но отецъ мой, отъ природы пылкій, разругалъ сильно дворника, и мы опять, разсѣвшись по мѣстамъ, потянулись шагъ за шагомъ по грязной, непроѣздной дорогѣ.

Служивъ впоследствии въ военной службѣ и пошатавшись и поѣздивъ по матушкѣ Россіи, я нигдѣ не встрѣчалъ бѣдственнѣе и непроѣзжаемѣе дороги, какая существовала до устройства шоссе между Москвою и Коломною. Какіхъ нибудь года за два до открытія шоссе, я съ женою и маленькими дѣтьми отъ Москвы до Любавы, 140 верстъ, ѣхали 6 дней. Правда, что весь апрѣль и до половины мая шли сильные дожди, а мы ѣхали въ концѣ этого мѣсяца.

Не помню, много-ли верстъ мы проѣхали до обѣда, но помню, что на этомъ переѣздѣ меня поразилъ и удивилъ господскій каменный домъ въ селѣ Никитскомъ. Такъ показался онъ мнѣ огроменъ и красивъ, что мы съ братомъ долго объ этомъ говорили. Когда мы заглядывали на домъ, обративши глаза изъ коляски направо, отецъ мой, тронувъ меня, сказалъ: «что смотрите то все направо, посмотрите-ка сюда налево!» Мы обернулись и были пріятно изумлены избами, росписанными самымъ фантастическимъ образомъ драпировками, цвѣтами въ вазахъ, плодами и ужъ не помню

чѣмъ. Признаюсь, мнѣ, какъ ребенку, хотя и казался господскій домъ особенно великолѣпнѣе, но избы были милѣе. Не смотря на безвкусицу и пестроту, отъ нихъ вѣяло теплотою какой-то дѣтской наивности; а домъ былъ такъ бѣлъ, такъ чистъ, такъ солиденъ, что я бы не желалъ въ немъ жить. Отъ него несло на меня холодомъ.

Часа въ четыре пополудни, кучера остановили лошадей, чтобъ дать имъ вздохнуть, а сами слѣзли съ козелъ. Я дремалъ но сквозь дремоту слышу: вонъ и Бронницы! Что за Бронницы, что это за городъ?—Гляжу, впереди верстахъ въ четырехъ раскинулся предъ нами маленькій, низенькій, состоящій изъ темныхъ деревянныхъ ветхихъ строеній городокъ. Впереди видѣлась группа бѣлыхъ длинныхъ низкихъ строеній съ башенкою, а надъ городомъ высоко поднимался пятиглавый старинный соборъ, съ отдѣлившеюся отъ него колокольнею. День былъ сѣренькій, но теплый и тихій. И маленький темный городокъ съ стариннымъ соборомъ и колокольнею, хотя каменною, но своими очертаніями напоминавшею деревянныя колокольни старинныхъ сельскихъ церквей, запечатлѣлся въ моей памяти, какъ хорошенькая картинка. Первое пріятное впечатлѣніе осталось при мнѣ до сихъ поръ, и всегда въ послѣдствіи, самъ не знаю за что, любилъ я вѣзжать въ бѣдный городокъ Бронницы и засматриваться на его высокій пестрораскрашенный соборъ. Но грустно мнѣ вспомнить, что нѣтъ ужъ той пестрой колокольни, покрытой разноцвѣтной обильной чешуйчатой черепицей. Колокольню ту разобрали и взамѣнъ ее сгородили что-то неуклюжее, тяжелое...

Когда кучера слѣзли съ козелъ, и мы, увлеченные мѣстечкомъ сухимъ и ровнымъ, вышли изъ коляски, чтобы порасправить ноги, подошелъ къ намъ, переваливаясь съ ноги на ногу и размахивая руками, Миша или Михаилъ Васильчъ, тотъ, что опрокинулъ въ ночь на свѣтлое воскресенье въ грязь Федуловну. Онъ ѣхалъ съ нами въ Москву въ качествѣ возницы въ телѣгѣ.

Начало 19 столѣтія еще носило на себѣ ветхія лоскутья обычаевъ и преданій когда-то по своему роскошной и лукаво-наивной цивилизаціи 18 вѣка. Это было переходное состояніе. Не было уже ни при дворѣ, ни въ домахъ вельможъ и людей богатыхъ, записныхъ, парадныхъ дураковъ, неразлучныхъ непремѣнныхъ членовъ кабинета и будуара; но дво-

ряне, начавшіе свою жизнь и дѣятельность въ золотой вѣкъ Екатерины, любили еще имѣть близъ себя дураковъ, хотя далеко не въ парадной одеждѣ. Любили надъ ними посмѣяться, пошутить съ ними и отъ души хохотали надъ неуклюжими шутками и случайнымъ дурацкимъ остроуміемъ. Въ устахъ дурака предполагалась всегда правда, и потому дураки эти нерѣдко своею болтовнею сѣяли въ сердцахъ господъ недовѣріе и ненависть къ людямъ добросовѣстнымъ, усерднымъ и вполне преданнымъ ихъ интересамъ.

Какъ помѣщикъ начала 19 вѣка, отецъ мой имѣлъ охоту, т. е. держалъ борзыхъ и гончихъ собакъ; но, будучи всегда благоразуменъ, стоя его числомъ своимъ никогда не превышала его средствъ.

Комплектъ охоты состоялъ изъ десяти борзыхъ и шести гончихъ собакъ, и только на семидесятихъ годахъ жизни батюшки, число собакъ уменьшилось, и, наконецъ, отецъ мой совсѣмъ пересталъ ѣздить въ поле. Дворянину-охотнику непремѣнно нуженъ стремянный, и Миша, такъ звали дурака, въ будничной жизни работавшій въ саду и считавшій себя чѣмъ-то въ родѣ подмастерья садовника, въ дни охоты и въ отъѣзжихъ поляхъ исполнялъ при батюшкѣ должность стремянного. Когда, бывало, сосѣдніе помѣщики-дворяне спрашивали его, въ какой онъ должности при баринѣ? «Струментомъ ѣзжу»,—отвѣчалъ обыкновенно Миша съ выраженіемъ въ лицѣ глупо скрываемаго самолюбія. Помню, какъ шутки или, лучше сказать, глупости Миши приносили удовольствіе и вызывали непритворный смѣхъ не только на уста насъ дѣтей, но и на уста людей пожилыхъ. Вся дворянщина находила нескончаемое удовольствіе шутить и смѣяться надъ Мишей. Одинъ разъ, держа на сворѣ собакъ, изъ которыхъ одна рвалась и тихо визжала, въ то время, когда гончія заливались въ островѣ, въ то время, когда должно было сохранять тишину, и Мишины ласки и угрозы, произносимыя шопотомъ, оказывались недѣйствительными, Миша разсердился, присѣлъ накорточки, схватилъ морду собаки въ обѣ руки и укусилъ ей носъ. Собака страшно завизжала... Это было до того умирительно, что я и теперь, чрезъ 37 лѣтъ, не могу, при воспоминаніи этого происшествія, не улыбнуться. Когда Миша пришелъ къ намъ, ему кто-то, указывая на Бронницы, сказалъ, что это Москва, и что если кто выѣзжаетъ въ Москву

въ первый разъ, то долженъ поцѣловать какую-нибудь слюнявую старуху, а иначе посадятъ въ мѣшокъ. Этому онъ вѣрилъ и не вѣрилъ;—но сомнѣніе въ достовѣрности было довольно сильно и Миша съ досадой махнулъ рукою.... «Сама-тъ цѣлуй слюнявую... чертъ!» проворчалъ онъ сердито сквозь зубы, возвысивъ голосъ на послѣднемъ словѣ,— «а то вишь ты прыткой какой!»... и, будучи доволенъ своимъ отвѣтомъ, залился отъ души самымъ дурацкимъ смѣхомъ.

Когда мы ѣхали чрезъ Кривцы и увидали двѣ церкви, стоящія неподалеку одна отъ другой, отецъ разсказалъ намъ легенду, что въ этомъ селѣ жили два брата, ненавидѣвшіе до того другъ друга, что одинъ, чтобы не встрѣчаться съ братомъ, выстроилъ для себя другую церковь.

Не доѣзжая боровскаго перевоза верстъ за 20, дорога сдѣлалась не проѣздна, и потому мы свернули куда-то въ сторону проселкомъ; переѣзжали гдѣ-то на большомъ паромѣ Москву рѣку, но гдѣ именно—теперь не могу дать себѣ отчета. Помню только, что этотъ паромъ былъ разукрашенъ и раскрашенъ, какъ игрушка. Цвѣта: зеленый, красный, бѣлый и черный пестрили его бока и точеныя баясенки перильцевъ.

Переѣхавъ рѣку и проѣхавъ отъ нея верстъ пять, мы остановились кормить Гдѣ и какая это деревня—не знаю. Помню какой-то лугъ въ долинѣ, а на горѣ памятники кладбища между орѣховыми кустами. Помню, какъ мы, дѣти, будучи пропитаны романами М. Раткливъ и балладами Жуковского, смотря на изсѣченные изъ бѣлаго камня и раскрашенные яркими красками и золотомъ урны, и думали и задумывались:—кто-то лежитъ подъ этихъ памятникомъ, какая таинственная судьба привела усопшихъ почить въ уединенной долинѣ?... и дѣтская душа застилалась какою-то неопредѣленною мечтою, какъ дымкою тумана. День былъ солнечный, небо лазурно. На луговинѣ возлѣ рѣчки поваръ нашъ, разложивъ огонекъ и уставивъ таганъ, варилъ въ кострюлѣ супъ изъ курицы.

Я случайно увидѣлъ, какъ поваръ рѣзалъ курицу, и потому смотрѣлъ на повара, какъ на варвара или злодѣя, и не хотѣлъ ѣсть супъ изъ несчастной курицы; но дѣтскій аппетитъ взялъ свое, и я, какъ теперь помню, съ какимъ наслажденіемъ глоталъ крылышко и проглотилъ пупочекъ. Вре-

мя шло, всѣ отдохнули, и уже приходила пора запрягать лошадей.

Мы, дѣти, сидя на завалинѣ, играли и смѣялись, толкуя о томъ, что скоро увидимъ Москву. При словѣ Москва, я нарочно коверкалъ выговоръ, что доставляло сестрѣ и брату великое удовольствіе. Вдругъ подошелъ къ намъ батюшка и, обратясь къ теткѣ, смотрѣвшей на насъ въ открытое окно, промолвилъ:—Сестра! если поѣхать въ Москву теперь, то вѣдемъ ночью, и дѣти не увидятъ Москвы при вѣздѣ. Нелучше ли намъ здѣсь ночевать и въ Москву вѣхать днемъ.—Тетка разумѣется согласилась съ этимъ, а мы, дѣти, хотя и вполне понимали всю нѣжную заботливость отца, все-таки нѣсколько смутились при мысли, что увидимъ Москву не ранѣе слѣдующаго дня.

Чѣмъ ближе на другой день приближались къ Москвѣ, деревни становились чаще, дорога оживленнѣе, и вотъ Островцы; какія они длинныя, предлинныя—безъ конца. Вотъ Жилино—и братъ мой, далеко будучи ученѣ меня и вычитавшій изъ исторіи Константинова, замѣтилъ, что къ этому селу отступила русская армія при оставленіи Москвы въ 1812 году.

Вотъ Теряевка,—какія высокія и прямые сосны растутъ направо отъ дороги; кажется такихъ исполиновъ и на свѣтѣ другихъ нѣтъ.

Теряевка, что-то не доброе слышно въ этомъ словѣ. Кругомъ лѣсъ, мѣсто уединенно;—въ сторонѣ торчатъ двѣ или три бѣдныхъ избенки. Ухъ, какъ ужасно!—тутъ совершались грабежи и разбои, о которыхъ долго не забывается въ исторіяхъ. Ну, слава Богу, проѣхали благополучно. Вотъ и Люберцы. Чрезъ рѣчку плотина изъ бѣлаго тесаннаго камня съ шлюзами. Большой прудъ, а надъ прудомъ садъ съ дорожками, посаженными сиреневыми кустами. Въ это время на берегу пруда строилась каменная, обнесенная лѣсами, церковь...—Дворецъ-то разобрали,—замѣтилъ отецъ,—да изъ этого-то кирпича видно и строить церковь.

Вотъ направо чрезъ березовую рощу мелькнули золоченные верхи церкви села Кускова и пробудили мысль о страшномъ богатствѣ графа Шереметьева; вѣдемъ дѣла... Какъ все оживлено, весело, сердце отъ радости хочетъ выскочить. Вотъ еще направо показались зданія и храмы съ осьмиконечными

крестами—ужъ не Москва ли это?— Нѣтъ, это раскольничій скитъ, а вотъ лѣвѣй-го смотрите,—сказалъ сидѣвшій на козлахъ съ кучеромъ Иванъ Николаевъ, — вонъ это ужъ Москва.

Гляжу-- въ синеватой дали показались конусообразныя башни Симонова монастыря, и золоченныя главы, но все Москва еще скрывалась отъ глазъ за отлогимъ холмомъ и за синевою осенняго тумана. Еще $\frac{1}{2}$ версты, и вотъ засіяли верхи безчисленныхъ храмовъ и монастырей.—Вотъ Андроніевъ монастырь,—говорилъ отецъ;—вотъ направо-то далеко синѣетъ Сухарева башня. Вонъ прямо-то башни Кремля и крестъ Ивана Великаго.—А это, что за домъ такой огромный?— Это Головинскій дворецъ!

Ахъ, какъ нехорошо пахнетъ, откуда это? И мы зажали носы. Отецъ шутилъ и смѣялся надъ нами, говоря, что пахнетъ Москвою, а кучеръ и лакей плюнули въ разныя стороны.

Меня, при вѣздѣ въ Москву, ужасно занимали и столбы заставы, и пестрый шлагбаумъ, и военный караулъ, и блестящіе штыки. Мнѣ очень хотѣлось быть военнымъ. Наконецъ, вѣзжаемъ въ Москву, ѣдемъ изъ улицы въ улицу и не знаемъ, на что смотрѣть. Тутъ мелочная лавочка съ огромною вывѣскою, представляющею сахаръ въ головахъ цибики чаю, банки варенья и кучи фруктовъ, конфетъ. Въ срединѣ золотая птица съ виноградною кистью въ клювѣ, а внизу надпись: продажа разныхъ иностранныхъ винъ, рому и водокъ и овощныхъ товаровъ. Тогда еще акцизно-откупное коммиссіонерство не стѣсняло торговли винами, и всякая мелочная лавочка торговала винами. Вывѣска чиста, опрятна и даже великолѣпна, а сквозь отворенныя двери виднѣлись неопрятныя бутылки съ конопляннмъ масломъ и кучи рѣпчатого луку. Тутъ калашня или входъ въ ресторацію, затѣйливо расписанный березами и другими деревьями. Ухъ, какіе большущіе дома, какія церкви, какъ много народу, какъ кричатъ разношники: «виноградъ хорошій! пельсины, лимоны хороши! сливы, черносливъ!...» Какъ ловко эти молодцеватые, въ красныхъ александриковыхъ рубашкахъ разношники носятъ лотки на шляпахъ. Ахъ, какія смѣшныя дрожки-войлочные у извозчиковъ-ванекъ, и еще съ фартукомъ изъ грязной тряпицы, чтобъ пассажира не обрызгало грязью....

Отчего такое множество обгорѣлыхъ домовъ? Каменные стѣны ихъ во множествѣ тамъ и сямъ, какъ остовы мертвецовъ, стоятъ среди новизны и жизни.—Москва вся была выжжена во время французовъ. Русскіе сами жгли Москву,—проговорилъ батюшка, и дѣтское сердце мое запыхало патриотизмомъ и радостнымъ сознаніемъ, что я русскій.

Ѣдемъ по большой Нѣмецкой улицѣ — всѣ дома новы, свѣжи, чисты, нигдѣ и слѣда пожара, но стоило только свернуть съ большой улицы въ любой переулокъ, чтобъ увидать другое.

Нескончаемая пустыря, усаженные развалившимися печами съ торчащими надъ ними трубами между репейниковъ и крапивы, представляли для глазъ картину страшнаго истребленія. Славно русскіе-то сожгли Москву, думалъ я изъ глубины бьющагося сердца, славно, такъ и слѣдовало, чтобъ она не доставалась врагамъ!

Наконецъ подъѣзжаемъ къ небольшому деревянному дому съ пилястрами изъ тесу, съ фронтономъ и семью окнами на улицу. Скоро ставни дома растворились, ворота отперлись, и мы въѣхали на просторный дворъ. Этотъ домъ принадлежалъ А. Б. Приклонскому—старому пріятелю и дальнему родственнику отца. Наконецъ мы въ Москвѣ.

ГЛАВА VII.

Москва.—Домъ Нестеровыхъ.—Наше посѣщеніе ихъ.—Семейство Нестеровыхъ.—Василій Трофимычъ, домашній ходатай по дѣламъ.—Дѣдушка Афанасій Александровичъ.—Разговоры.—Братъ Павелъ.—Его воспитаніе.—Дядька Алифонъ и жена его, Прасковья Ивановна.—Жизнь брата Павла въ Москвѣ.—Обѣдъ у него.—Александровскіе сады.—Оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ.—Пансіоны.—Пансіонъ доктора Кистера.—Кистеръ.—Вступленіе мое въ пансіонъ.—Занятія и распредѣленіе дня.—Первый урокъ учителя А. Д. Смирнова.—Пансіонская жизнь.—Танцмейстеръ Лобановъ.—Дивертисменты.—Урокъ танцевъ.—Суббота.—Квартальный Ф. Д. В.—Отпускъ.—Разлука съ отцемъ.

Я въ Москвѣ! я въ Москвѣ!—твердилъ я безпрестанно, радостно прыгая по комнатѣ. Братъ и сестра раздѣляли мою радость: скачемъ, хохочемъ, и, увидя открытое окно, всѣ трое бросаемся къ нему. Смотримъ... На другой сторонѣ улицы, надъ входомъ въ дверь красуется синяя вывѣска съ изображеніемъ золотыхъ ножницъ. Вотъ проѣхали войлочки съ сидящею на нихъ толстою купчихой въ шелковомъ травчатомъ платкѣ на головѣ и въ атласномъ салонѣ. Объ войлочкахъ, объ этомъ патріархальномъ экипажѣ, едва ли теперь кто знаетъ, тогда какъ устройство его было самое простое. Вообразите себѣ ломовыя дроги съ лежащею на нихъ подушкою, или бѣговыя дрожки въ большихъ неуклюжихъ размѣрахъ съ прицѣпленнымъ съ боку холщевымъ фартукомъ; вотъ вамъ и войлочки. Только въ концѣ 20 годовъ, и именно при оберъ-полиціймейстерѣ Шульгинѣ, извозничьи войлочки, мало по-малу, начали замѣняться калиберами, на которыхъ и до позднѣйшихъ временъ еще подвязаются Московскіе ваньки и которыхъ Шульгинъ считался

изобрѣтателемъ. Сквозь отверстіе переулка видѣлись остовы обгорѣлыхъ каменныхъ домовъ, груды развалинъ фундаментовъ и безчисленное множество торчащихъ печей и трубъ истребленныхъ пожаромъ деревянныхъ строеній. Широко разстился пустырь пожарища, поросшій черныбыльникомъ и крапивою, а по этому пустырю, во всѣхъ направленіяхъ, извивались тропинки, протоптанныя пѣшеходами.

Долго-бы еще мы смотрѣли въ окно на проѣзжихъ и на прохожихъ и на выѣску съ ножницами, если-бы голосъ отца не прервалъ нашихъ созерцаній и нашей болтовни. — Дѣти, одѣвайтесь, — сказалъ онъ, — пора къ Нестеровымъ. — Къ Нестеровымъ... твердилъ я въ умѣ, повторяя слова отца, и страхъ въ первый разъ быть представленнымъ богатымъ родственникамъ, всегда жившимъ въ Москвѣ, т. е. коренымъ москвичамъ, мимолетнымъ ознобомъ пробѣжалъ по кожѣ. Я былъ-бы радъ не видать никакихъ родныхъ, не знаться ни съ кѣмъ, такъ мнѣ было хорошо въ родимой семьѣ. Передъ поѣздкой въ Москву намъ съ братомъ сшили полуфраки по тогдашней модѣ изъ синяго сукна съ блестящими мѣдными пуговицами, и въ этотъ разъ суждено было намъ ихъ обновить. Открытые воротнички нашихъ машишекъ были расшиты крупными дырами съ рѣшетками и паутинками. Когда всѣ были готовы, одѣты и причесаны, мы вышли изъ воротъ на тротуаръ. Пройдя мимо маленькаго желтаго цвѣта домика съ портикомъ изъ 4 бѣлыхъ колонокъ, съ зеленою желѣзною крышею и съ стоящимъ у портика воиномъ «съ сѣкирою въ бронѣ сермяжной», повернули за уголъ по Кирпичному переулку. Вотъ на правой за высокою полуразвалившеюся каменною стѣною видѣнъ куполъ католической церкви, а вотъ и бѣлокаменные палаты Нестеровыхъ — цѣль нашего ходженія.

Въ большомъ домѣ тогда никто еще не жилъ; онъ только что возрождался послѣ пожара 12 года. Наружная отдѣлка была окончена; но внутри еще бѣлили стѣны, красили рамы и грунтовали двери. Съ утра и до вечера раздавались къ намъ удары топоровъ и кирокъ, визгъ пилъ, и далеко вокругъ въ чистомъ осеннемъ воздухѣ разливался запахъ масла и скипидара отъ малярныхъ работъ. Подъ домомъ этимъ когда-то была устроена кладовая со сводами, недоступная для огня, куда передъ нашествіемъ французовъ

и бѣгствомъ изъ Москвы владѣльцевъ дома было запрятано все, чего не успѣли или что не могло быть вывезено изъ Москвы: мебель, бронзы, фарфоръ, хрусталь, картины и сундуки съ богатымъ скарбомъ; входъ же въ кладовую былъ наглухо заложенъ кирпичемъ. Въ общемъ пожаръ домъ сгорѣлъ, но все, запрятанное въ кладовой, осталось бы цѣло, если бы не измѣнилъ дворникъ и не указалъ французамъ завѣтнаго тайника. Все, что они въ немъ нашли, было разграблено и истреблено... Лѣтъ около тридцати до настоящаго времени домъ Нестеровыхъ преобразился изъ барскаго въ частный домъ Лефортовской части и заторчала надъ нимъ каланча, но въ описываемое мною время онъ предназначался для жизни прекрасной 22-хъ лѣтней дѣвушки, единственной и послѣдней отрасли когда то многочисленнаго и цвѣтущаго семейства Александра Матвѣевича.

По возвращеніи въ Москву послѣ оставленія ея непріятелемъ, Нестеровы поселились въ двухъ-этажномъ оштукатуренномъ снаружи флигелѣ окнами на площадь, отдѣланномъ внутри на скорую руку для временнаго житія. Взойдя по крутой и узкой лѣстницѣ на второй этажъ, мы очутились въ небольшой передней, по стѣнамъ которой на лавкахъ сидѣло восемь или девять видныхъ лакеевъ, уже немолодыхъ, одѣтыхъ въ синіе суконные фраки, съ мѣдными гладкими пуговицами, и между ними мальчикъ лѣтъ 12-ти съ плутовскимъ улыбающимся лицомъ.

На столѣ лежала раскрытая большая книга церковно-славянской печати, и, какъ я соображаю по воспоминанію ея наружнаго вида, книга эта была минея-четія. Старый, какъ лунь, посѣдѣвшій, лакей пріятной наружности, читавшій ее, при входѣ нашемъ тихо приподнялся, снялъ съ носа очки и, положивъ ихъ на книгу, почтительно поклонился.

Вотъ и залъ, обставленный по стѣнамъ выкрашенными черною краскою стульями, съ веревочными рогожками подъ свѣтлой охрой. У одной изъ стѣнъ стояло фортепіано, а въ простѣнкахъ между оконъ ломберные столы темно-краснаго дерева съ мѣдными украшеніями.

Въ небольшой гостиной у окна, въ углу, сидѣла въ вольтеровскихъ креслахъ старушка, одѣтая въ тавтяный дикаго цвѣта на ватѣ шлафоръ. Широкій зеленый шолковый зонтикъ надъ глазами скрывалъ большую часть ея лица, а

ноги лежали на скамеечкѣ, обитой пестрымъ коврикомъ. При входѣ нашемъ она вскинула голову. Необыкновенная восковая бѣлизна старушки, ея худоба, тонкія черты ея лица и черные неугасимые глаза внушали къ ней невольное уваженіе. Старушкѣ этой было уже около 80 лѣтъ; ее звали Александра Афанасьевна.

На диванѣ, у задней стѣны гостиной, сидѣла другая старушка, лѣтъ за 50 отъ роду, довольно полная, бѣлая, круглоликая съ привлекательнымъ выраженіемъ темнокарихъ глазъ. Это была Александра Александровна, когда то типъ русской красоты, дѣвица, дочь Александры Афанасьевны, одна изъ всѣхъ дочерей, оставшаяся еще въ живыхъ. На креслѣ у круглаго стола, что передъ диваномъ, помѣщалась другая дѣвица, но молодая и прекрасная, съ голубыми глазами, съ меланхолическимъ выраженіемъ кроткаго и блѣднаго лица. Имя этой дѣвицы Марья Афанасьевна, она была внучка 90 лѣтней старухи, отрада семейства, дочь Афанасья Александровича, единственнаго, оставшагося еще въ живыхъ сына и хозяина дома.

Самого Афанасія Александровича въ это время дома не было. Изъ второй главы моего разсказа, вѣроятно, припомнимъ читатель, что Александра Афанасьевна имѣла много дѣтей. Дочери цвѣли красотою; сыновья были въ чинахъ; но она всѣхъ схоронила одного за другимъ, а сама жила. Афанасью Александровичу было уже около 60 лѣтъ, и онъ былъ вдовецъ. Представительницею новаго поколѣнія оставалась его единственная красавица дочь, объ которой я выше сказалъ; но и та была какъ будто уже отмѣчена смертію. Чухотка развивалась въ груди ея незамѣтно.

Кромѣ уже описанныхъ мною лицъ, въ углу, около печи сидѣла еще третья старушка, худощавая, съ продолговатымъ лицомъ, въ тавтяномъ капотѣ съ подвязушками, съ бѣлымъ бумажнымъ платкомъ на головѣ и въ остроносыхъ, екатерининскихъ временъ, съ каблуками башмакахъ; это была Анна Павловна, родная моя тетка, съ ранней молодости, какъ уже читатель знаетъ изъ первой главы, приютившаяся въ домѣ Нестеровыхъ.

Маленькая москка съ громкимъ лаемъ бросилась на насъ при входѣ нашемъ въ гостиную; старушка прабабушка вздрогнула; другія привѣтствовали насъ громкими излі-

янiями родственной радости. Начались цѣлованiя, слезы. Отецъ мой поочередно подводилъ насъ, дѣтей, сначала къ Александрѣ Афанасьевнѣ, а потомъ и къ другимъ. Мы, какъ слѣдуетъ, цѣловали ручки; цѣловали, ласкали и насъ.

Когда первыя движенiя свиданiя поуспокоились и старшiе занялись разговоромъ, я, сѣвши у окна на одномъ креслѣ съ братомъ, началъ отъ нечего дѣлать разсматривать гостинную. Все въ ней было пусто. По стѣнамъ висѣло три портрета въ круглыхъ вызолоченныхъ рамахъ съ изображенiемъ женскихъ фигуръ, полногрудыхъ, съ напудренными, высоко взбитыми волосами и въ фижмахъ. Диванъ и кресла стариннаго фасона съ мягкими пуховыми подушками; въ углу стариннаго краснаго дерева шифоньерка съ бронзовыми украшениями; а на столикѣ между оконъ, подъ зеркаломъ, красовались столовые англiйской работы часы съ курантами, разыгрывавшiе каждый часъ маршъ на голосъ: «Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ». Надъ окнами висѣли соломенные сторы.

Обозрѣвъ подробно гостиную, я повернулся къ окну и посмотрѣлъ въ него. Отъ самаго дома Нестеровыхъ разстилалась немощеная площадь или, лучше сказать, неровный пустырь, поросшiй травой; а за пустыремъ прямо противъ оконъ виднѣлись развалины каменныхъ зданiй съ полуобрушившимися колоннами, съ рядами сквозныхъ оконъ и съ торчащими трубами печей сгорѣвшаго въ 1812 году дома графа Бутурлина. Живописныя развалины эти уже успѣли одѣться мхами, порости травой, а въ разсѣлинахъ стѣнъ разрастались молодая березка и рябина. Позади развалинъ были видны пруды и каналы съ неподвижными водами, кое гдѣ подернувшiеся зеленью, а въ незацвѣтшiя еще мѣста зеркальной поверхности отражались вершины березъ, липъ и елей. Еще далѣе, между деревьями, сверкала Яуза, отдѣлявшая Бутурлинскую усадьбу отъ дворцоваго сада.

А вотъ направо и Лефортовскiй дворецъ, по которому вся эта часть Москвы называется Лефортовымъ. Зданiе это, построенное въ видѣ замка, составляетъ квадратъ двухъ этажныхъ строенiй, со всѣхъ четырехъ сторонъ однообразно украшенныхъ пилястрами. Въ то время обгорѣлыя стѣны были покрыты желтовато-красными пятнами и копотью. Крыши изъ ржаваго желѣза, а въ окна были вѣдланы доски съ намалеванными на нихъ рамами. Далѣе за Лефортовскимъ

дворцомъ тянулись обгорѣлые остоны одноэтажныхъ зданій бывшаго Слободскаго дворца... Зданія эти были построены въ легкомъ итальянскомъ вкусѣ и въ своихъ развалинахъ были чрезвычайно живописны.

—А гдѣ же дядюшка?—спросилъ мой отецъ.

—Братъ скоро долженъ прѣхать,—отвѣчала Александра Александровна,—онъ все съ воими дѣлами...—и при этомъ бабушка что-то пошептала батюшкѣ на ухо.

Батюшка покачалъ головою.

—Еслибы не Василій Трофимычъ,—продолжала бабушка...—Далѣе я не слыхалъ.

Василій Трофимычъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ и домашнимъ ходатаемъ по дѣламъ. Онъ былъ человѣкъ умный, хитрый и дѣлецъ по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. зналъ, кому дать и сколько дать. Старинные баре никогда не вели сами никакихъ процессовъ, никогда не дѣлали сами никакихъ рукоприкладствъ, а всегда довѣряли всякаго рода тяжбы своимъ крѣпостнымъ повѣреннымъ.

Это былъ особенный типъ слугителей. Начало своего юридическаго образованія они получали при вотчинныхъ конторахъ, вели приходо-расходныя книги и по довѣренности управляли имѣніями. Для нихъ при помѣщичьихъ усадьбахъ и при московскихъ домахъ отводились особыя помѣщенія во флигелѣ или въ домѣ, всегда особенно теплыя съ необходимою домашнею утварью: неопрятною кроватью съ ситцевымъ одѣяломъ и пологомъ отъ мухъ, шкафомъ для платья, столомъ, стульями; чего другая прислуга не имѣла и довольствовалась спаньемъ на полу, гдѣ Богъ привелъ. При нихъ всегда были карманные серебряные часы на бисерномъ шнуркѣ и прислуга, состоящая изъ какого нибудь двороваго мальчишки-сироты или старухи. Съ господами обращались они почтительно, но и сквозь эту почтительность всегда проглядывала какая-то фамиллярность: вслѣдствіе внутренняго сознанія, что у нихъ съ господами бывали общія тайны, да уже такія, что еслибы сослали въ Сибирь одного, то онъ потянулъ бы за собою и другого.

Къ тому-жъ, кто бы велъ безъ нихъ тяжбы, которыхъ у всякаго было вдоволь, или защищалъ бы интересы помѣстій и вотчинъ отъ набѣговъ земской полиціи и сводилъ бы съ нею счеты.

Таковъ былъ и Василій Трофимовичъ. Но вотъ часы съ курантами бьютъ часъ, проиграли Мальбрука, поѣхавшаго въ походъ, и вслѣдъ затѣмъ въ передней послышалось движеніе.

—Вотъ и папенька пріѣхалъ!—сказала радостно Марья Афанасьевна и, пока она проговорила эти слова, въ гостиную вошелъ довольно полный, но ровный мужчина, средняго роста. Лицо его было правильное и красивое; лысина, начинавшаяся отъ широкаго лба, сливалась съ обнаженною макушкою. Лобъ былъ прорѣзанъ морщинами, губы тонкія, а въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось выраженіе душевнаго волненія при совершенной неподвижности лица. Онъ былъ одѣтъ въ синій, однобортный сюртукъ съ обтяжными пуговицами.

—А! деревенскія вороны!—вскликнулъ онъ, весело обвиняя моего отца —Давно ли пріѣхали? что это? твои дѣти? Молодцы!...—и, говоря это, цѣловалъ насъ поочереди.

Поздоровавшись съ нами, дѣдушка подошелъ къ матери и поцѣловалъ ея руку. Та приподняла голову, чтобы взглянуть изъ подъ зонтика на сына, и тихо спросила—гдѣ былъ?..

—На бѣгу, матушка.

Старушка безмысленно засмѣялась, покачала головою и снова опустила глаза.

Дѣдушка былъ страстный охотникъ до лошадей, особенно до рысаковъ, и рысаки его нерѣдко составляли украшеніе московскихъ бѣговъ.

—Кушанье готово,—доложилъ дворецкій и всѣ пошли къ столу.

За обѣдомъ было два горячихъ супа и лѣнныя щи, стоявшія на столѣ въ массивныхъ серебряныхъ мискахъ. Впрочемъ, вся посуда и блюда и соусники, исключая тарелокъ, все было изъ серебра.

Къ жаркому подавали крыжовникъ въ укусѣ и довольно мелкій.

—Вотъ какое у насъ соленье нынѣшній годъ,—сказала бабушка Александра Александровна, взявъ на вилку и показывая ягодку крыжовника,—нашъ садовникъ ничего намъ болѣе не прислалъ. Чтобы вамъ догадаться, да привезти намъ гостинцу.

На другой же день желаніе это было исполнено, и часть нашего деревенскаго запаса по части солений въ укусѣ была отдѣлена и отправлена къ бабушкѣ.

Мальчишка, замѣченный мною между лакеями при входѣ въ переднюю и подававшій сметану ко шамъ, соленье и сахаръ къ пирожному, смотрѣлъ на меня въ продолженіе обѣда пристально и лукаво и, подавая всѣмъ, онъ какъ будто нечаянно, будто незамѣтивъ, обносилъ меня и скрывался въ буфетъ; но я, наблюдая за нимъ чрезъ щель буфетной двери, видѣлъ его черный, лукаво смотрѣвшій на меня глазъ и высунутый насмѣшливо языкъ.

Минуту спустя, вѣроятно, довольно позабавившись надъ моимъ смущеніемъ, онъ выходилъ изъ буфета и подавалъ мнѣ все особо, съ видомъ человѣка, нечаянно пропустившаго гостя. Такія продѣлки онъ повторялъ со мною въ послѣдствіи довольно часто, когда я обѣдалъ у Нестеровыхъ въ первые мѣсяцы моего съ ними знакомства.

Во время кофея, когда дѣдушка, взявъ Московскія Вѣдомости, сѣлъ возлѣ окна въ кресло и маленькая моська, взлѣзши къ нему на колѣна, всячески старалась лизнуть его въ лицо, отъ чего онъ, обороняясь, говорилъ съ моською такъ, что мы дѣти, помирали со смѣху, Марья Афанасьевна, ставши позади его и взявши какую-то четырехъ угольную стеклянку съ наклеенной на ней картинкою, тонкими прозрачными своими пальцами стала изъ нея мазать ему голову какой-то розовой жидкостью.

— Чѣмъ это вы мажете? — спросилъ ее батюшка.

— Это макасарское масло, недавно только привезенное въ Москву, отъ него растутъ волосы, отвѣчала Марья Афанасьевна. Эта стеклянка стоитъ 14 рублей.

На такое дорогое масло мы всѣ смотрѣли, какъ на чудо. Разглядывали картинку, изображавшую плантаціи, и негра, собирающаго цвѣты. Но, не смотря на драгоцѣнное масло, на заботы дочери, дѣдушкина голова все таки осталась плѣшивой.

Изъ разговоровъ я помню только, какъ было говорено, что уроки музыки Марья Афанасьевна даетъ Фильдъ, что онъ первый фортепіанный учитель въ Москвѣ, что въ Москвѣ, въ домѣ княгини Волконской, на домашнемъ ея театрѣ играетъ труппа итальянскихъ пѣвцовъ, отъ которой вся Моск-

ва, т. е. свѣтскаго круга, въ восторгѣ; особенно отъ оперы Сорока воровка. Съ восторгомъ объ этой оперѣ отнеслась и Марья Афанасьевна и тутъ же, доставъ изъ стола тоненькую книжку съ напечатаннымъ въ ней пореводомъ либретты Сороки воровки на русскій языкъ, дала прочесть брату, что онъ и исполнилъ во всеуслышанье.

Говорили о пребываніи въ Москвѣ Каталани и о ея концертахъ.

—Когда она давала свой первый концертъ въ дворянскомъ собраніи,—разсказывала бабушка,—публики наѣхало множество и внизу и на хорахъ не было пустого мѣста. Всѣ съѣхались, ждутъ Каталани, а она не ѣдетъ. Давно уже пробило 7 часовъ, въ публикѣ поднялся ропотъ. Всѣ стали обижаться и, наконецъ, многіе согласились за ея невѣжество освистать ее, когда она будетъ пѣть. Проходитъ и еще съ добрыхъ полчаса и вотъ, наконецъ, Каталани входитъ съ спокойнымъ сіяющимъ лицомъ, подходитъ къ роялю и вдругъ неожиданно на русскомъ языкѣ запѣла:

„Ты возвратился благодатный,

Нашъ кроткій ангелъ, другъ сердець...”

И публика пришла въ такой невыразимый восторгъ, что не только свистать, но даже окончательно забыла, что Каталани заставила себя дожидаться около двухъ часовъ.

Разсказываютъ, что англичане купили у Каталани ея горло послѣ ея смерти и заплатили 30 тысячъ рублей.

Восторгъ, съ которымъ публика отнеслась къ спѣтому Каталани гимну, объясняется безконечною любовью тогдашняго московскаго общества къ покойному Императору Александру Павловичу, не задолго возвратившемуся съ Вѣнскаго конгресса.

—Ты вѣдь знаешь, Василій, нашего Богоявленскаго протопopa Матвѣя Абрамовича,—снова начала бабушка, обращаясь къ моему отцу,—онъ намъ вчера принесъ стихи своего сочиненія на пожаръ Москвы. Очень курьезно!—прибавила она, и тутъ же, выдвинувъ изъ стола ящикъ, достала тоненькую брошюрку въ красной оберточкѣ, напечатанную тѣмъ гадкимъ шрифтомъ, какимъ печатались тогдашнія «Московскія Вѣдомости» и на самой плохой сѣро-синеватой бумагѣ.

Стихи эти я читалъ и перечитывалъ нѣсколько разъ. Не могу судить, дѣйствительно ли они были хороши; но пом-

ню, что они были исполнены патріотизма, заставляя мое дѣтское сердце трепетать и радоваться. Особенно мнѣ нравилось одно мѣсто, гдѣ поэтъ говорилъ о крестѣ Ивана Великаго, снятомъ врагами.

Время уже близилось къ чаю, когда въ гостиную вошелъ братъ Павелъ, старшій меня лѣтъ на 10-ть и который уже около года, какъ въ качествѣ канцелярскаго служителя, состоялъ на службѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ и жилъ въ Москвѣ.

Такъ какъ братъ пріѣхалъ по вызову батюшки, батюшка посылалъ къ нему нарочнаго, то вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и старикъ дядька его, состоявшій при немъ въ услуженіи.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій свиданья, батюшка вышелъ съ пріѣзжимъ братомъ въ залъ, позвалъ туда изъ передней дядьку и сталъ спрашивать у него: какъ ведетъ себя Павелъ Васильевичъ, ходитъ ли на службу и, наконецъ, какъ употребляетъ деньги? Въ отвѣтъ на это старый дядька докладывалъ барину, что Павелъ Васильевичъ не изволить слушаться и денежками транжирить по кеатрамъ.

Не помню теперь, какъ шелъ разговоръ, только батюшка, пожуривъ брата и взойдя въ гостиную, объявилъ намъ, что завтра мы всей семьей поѣдемъ къ нему обѣдать и посмотрѣть его житье-бытье. Старый дядька, стоя въ дверяхъ, съ почтительной улыбкой проговорилъ: милости просимъ, и мы, еще посидѣвъ часовъ до 9-ти, отправились домой, очень довольные гостепріимствомъ и ласками добрыхъ родныхъ.

Братъ Павелъ, я уже упомянулъ въ I главѣ моего разсказа, говоря о старшихъ братьяхъ, съ 9-лѣтняго возраста былъ отвезенъ въ морской кадетскій корпусъ. Тамъ развилась въ немъ природная золотуха, открылись раны въ ногахъ, и болѣзнь съ помощью тогдашняго казеннаго лѣченія развилась въ немъ до того, что отецъ мой вынужденъ былъ взять его для излѣченія въ деревню. Съ корою на головѣ, съ язвами на искалеченныхъ ногахъ, съ желто-сѣроватымъ цвѣтомъ лица, возвратился онъ подъ родительскій кровъ, но тутъ домашній уходъ, деко ты изъ калиновыхъ побѣговъ и репейнаго корня, чай изъ листьевъ черной смородины, а главное свобода и чистый деревенскій воздухъ возстановили его здоровье. Онъ скоро сталъ бѣлъ и румянъ, что называетъ

ся кровь съ молокомъ, хоть одна нога осталась короче другой. Причиною этого обстоятельства была не единственно золотуха. Въ кадетскомъ корпусѣ добрые товарищи-кадеты, ради ли шалости, или въ видахъ медицинскаго пособия, раскалили въ печи кочергу докрасна, да и прижгли ему ногу. Отъ такой операци въ ногѣ свело жилы, и онъ на всю жизнь остался хромымъ.

Любезнымъ его занятіемъ сдѣлалась голубятня. Какъ теперь вижу краснощекаго моего брата, полувылѣзшаго изъ слухового окна бани, гдѣ помѣщалась голубятня, и носовымъ платкомъ махавшаго на голубей, высоко кружившихся въ воздушной лазури. Я былъ тогда лѣтъ 7-ми; но забава съ голубями мнѣ нравилась, и хотя я никогда самъ не гонялъ голубей, но любилъ, да и теперь люблю этихъ птицъ. Люблю и радуюсь, когда голуби большими стаями покрываютъ крыши моихъ надворныхъ деревенскихъ строеній, или клюютъ разсыпавшіяся зерна въ гумнѣ или у амбаровъ.

Впрочемъ, брату Павлу недолго пришлось гонять голубей, а когда онъ совершенно поокрѣпъ въ силахъ, отецъ мой записалъ его на службу въ Зарайскій уѣздный суѣъ. Тутъ онъ впервые созналъ канцелярскій порядокъ, а еще нѣсколько времени спустя, былъ переведенъ на службу въ Москву, въ 8 департаментъ Правительствующаго Сената, въ чинѣ канцеляриста, гдѣ получилъ мѣсто за экзекуторскимъ столомъ.

Отпуская брата въ Москву, отецъ мой, въ качествѣ слугителя и ментора, отправилъ съ нимъ и его дядьку, объ которомъ я выше упомянулъ, ходившаго за нимъ и за братомъ Петромъ еще до отпращиванія ихъ въ корпусъ.

Христіанское имя дядьки, данное ему при крещеніи, было Афиногенъ; но вѣроятно современники нашли болѣе удобнымъ величать его съ молодю Алифошкой, а подъ старость Алифономъ Андреевичемъ. Впрочемъ, всѣ мы, братья, а за нами и сестры, въ малолѣтствѣ не иначе звали его, какъ дядькою.

Въ 80-хъ годахъ прошедшаго столѣтія Алифонъ Андреевичъ былъ доѣзжачимъ дяди Алексѣя Павловича и ему единственно обязана исторія сохраненіемъ преданія о затравленномъ дядею медвѣдѣ. Супругу его звали Прасковьей Ивановной. Это та самая, которая проспала мою мать въ часы предсмертной агоніи.

Какъ Алифонъ Андреевичъ, такъ и Прасковья Ивановна любили выпить; оба они одарены были большими носами; оба были стары и нѣжно любили другъ друга.

Подойдетъ бывало 60-ти-лѣтняя Паша къ своему 70-ти-лѣтнему Алифошѣ, такъ, не говоря ни слова, только посмотритъ на него значительно, а Алифоша, поднявъ свою сѣдую голову, взглянетъ черезъ окуляры, всегда торчавшіе на кончикѣ его носа, въ глаза своей Пашѣ, и вотъ они уже поняли другъ друга. Алифонъ Андреевичъ встанетъ, положить въ сторону всегда вертѣвшійся въ рукахъ его чулокъ со спицами, разсѣдлаетъ носъ отъ окуляровъ, скинетъ съ гвоздика свой неизмѣнный, долгополый сюртукъ и ваточный картузъ, одѣнется, и вотъ они рука въ руку идутъ въ ближайшій питейный, откуда черезъ нѣсколько времени возвращаются домой, хотя и тѣмъ же порядкомъ и съ тою же любовью, какъ пошли, но ужъ значительно съ разрумянившимися носами и не тою твердою походкой.

Въ жизнь свою они никогда не ссорились, не спорили и ни въ чемъ не упрекнули другъ друга, и когда гораздо уже позднѣе настоящаго моего разсказа, проживая на покоѣ въ деревнѣ, умерла Прасковья Ивановна, то старикъ, пережившій ее годами двумя, каждое воскресенье ходилъ версты за 3 на кладбище, едва передвигая отъ старости ноги, чтобы только хотъ посидѣть на могилкѣ своей Пашин.

Мой московскій братецъ, отъ природы живой, съ цвѣтущимъ здоровьемъ, былъ очень не прочь повеселиться, а деньжонокъ-то бывало на малѣ. Отъ батюшки онъ получалъ тогда рублей 300 въ годъ, да кой-какой домашній деревенскій запасъ: муку, крупу, масло, ветчину, зимою мерзлую живность и проч. Этого при тогдашнихъ условіяхъ для жизни канцелярскаго служителя, при жалованьѣ хотя и небольшомъ, было-бы и достаточно, но братъ любилъ этакихъ, разныхъ сильфидъ и другія удовольствія, особенно театръ, до котораго молодость вообще бываетъ страстна.

Хотя мой братецъ, посѣщая театръ, сиживалъ не болѣе какъ въ раю, или, какъ онъ тогда выражался, «на верхо-туріи», что конечно стоило не дороже двугривеннаго; но и двугривенными при другихъ секретныхъ удовольствіяхъ много утрачивалось изъ средствъ содержанія, а братъ бывало и послѣднюю копѣйку относилъ въ театръ.

Напрасно менторъ дядька дѣлалъ ему разныя представленія и въ обузданіе непутности читалъ натаціи. Ничто не помогало. Бывало братъ, послѣ весело проведенной ночи, часу въ третьемъ пополудни прибѣжить изъ Сената домой съ разгулявшимся аппетитомъ, хлопнетъ съ размаху дверью и бойко закричитъ: дядька, обѣдать! а дядька, продолжая вязать чулокъ, посмотреть на него спокойно чрезъ свои окуляры и спроситъ насмѣшливо: А денегъ-то на обѣдъ давалъ?... вотъ теперъ и сиди не ѣвши!...

Конечно, помучивши нѣсколько времени своего воспитанника и позабавившись его затруднительнымъ положеніемъ, Алифонъ Андреевичъ приказывалъ Пашѣ, т. е. своей супругѣ Прасковѣ Ивановнѣ, достать изъ печи шей: „пусть его ужъ похлебаеть!..“

Братъ Павелъ очень иногда любилъ полюбоваться собою, особенно принарядившись. Станетъ, бывало, передъ зеркаломъ, долго передъ нимъ охорашивается и выпрямляется, — то подойдетъ къ зеркалу, то отойдетъ отъ него, или, уже и такъ и сякъ вертясь, оглядываетъ себя съ боковъ. Старый дядька, продолжая вязать свой чулокъ, не спускаетъ съ него глазъ, но, наконецъ, не выдержать, ухмыльнется и промолвитъ: Охъ, ужъ ты мнѣ щеголь коровьи ноги!...

День былъ чудесный, когда мы въ четверомѣстной коляскѣ выѣхали изъ воротъ нашего временнаго пріюта въ Нѣмецкой слободѣ. Небо было безоблачно. Мы ѣхали по Ильинкѣ. Невиданныя зданія, шумъ и движеніе народа, множество лавокъ, стукъ колесъ отъ безпрестанно снующихъ каретъ, дрожекъ и войлочковъ наводили на насъ дѣтей какое-то сладостное одуреніе. На Ильинкѣ у жестяныхъ лавокъ вышли мы всѣ изъ коляски и пошли пѣшкомъ. Купцы кричатъ: что покупаете-съ? Пожалуйста-съ: шпильки, булавки, перчатки, помада, помочи...у насъ есть-съ, пожалуйста-съ!... Квасъ малиновый... Пирогъ горячіе!.. Что ни дальше, все становится шумнѣе и многлюднѣе. А это что видно вдали? Что это за золотыя главы, что за башни съ орлами? Это Кремль, соборы, Иванъ Великій. Какъ ярко горитъ солнце на золотѣ куполовъ.

Вотъ монументъ Минину и Пожарскому! указалъ нашъ отецъ, когда мы вышли на красную площадь, а вотъ и Василій бла-

женный, и Спасскія ворота. Снимайте, дѣти, шапки... И сняли мы шапки и въ первый разъ вошли въ Кремль.

Помолившись въ соборахъ и приложившись ко всѣмъ кремлевскимъ мощамъ, мы снова сѣли въ коляску и поѣхали на Никитскую, гдѣ противъ самыхъ святыхъ воротъ Никитскаго монастыря въ домѣ кривого дьячка проживалъ братъ Павелъ Васильевичъ.

Въ сѣняхъ низенькаго деревяннаго домика, котораго теперь нѣтъ въ поминѣ, насъ встрѣтили самъ братъ, дядька и менторъ его Алифонъ Андреевичъ съ супругою Прасковьєю Ивановною и черезъ просторную хозяйскую кухню ввели въ небольшую горенку, оклеенную грязнорозоваго цвѣта обоями съ букетами изъ желтыхъ и синихъ цвѣтовъ.

Столъ уже былъ накрытъ: ножи, тарелки, вилки, ложки, все было разнокалиберное. Частію свое, частію признанное, хозяйское.

—Ну-ка посмотримъ ваше хозяйство, что тамъ у васъ —сказалъ батюшка, и Алифонъ Андреевичъ и его Паша засуетились. Подали щи жирныя и горячія, потомъ большую часть говядины, зажаренную на противнѣ вмѣстѣ съ картофелемъ, плававшимъ въ растопленномъ жиру; подали и еще что то, чего ужъ я теперь не помню.

Послѣ обѣда пришелъ дьячекъ хозяинъ съ огромнымъ бѣльмомъ на одномъ глазу, съ свѣтлорусой небольшою, но окладистой бородкой и съ пучкомъ изъ волосъ на затылкѣ. Изъ разговоровъ его съ батюшкою помню только одно, что онъ хотѣлъ строиться, но говорилъ, что въ чертѣ бѣлаго города вновь деревянныхъ строеній возводить не дозволяется.

Часу въ шестомъ пополудни пошли мы всей семьей смотрѣть Кремлевскія сады, называвшіеся тогда садами Александровскими. Деревья и кустарникъ были тогда еще очень молоды. Тѣни никакой. Но лужайки были зелены и пушисты, дорожки выметены чисто и множество гуляющихъ густой толпой двигалось по главной аллеѣ. Подъ мостомъ, раздѣлявшимъ сады, помѣщалась харчевня, или ужъ не знаю что, только изъ двухъ дверей, находящихся подъ аркой, сильно несло запахомъ пригорѣлаго масла.

Въ садахъ этихъ особенно восхитилъ меня гротъ... Впрочемъ, все, что я тогда не видѣлъ, все очаровывало, какъ будто я былъ въ состояніи самозабвенія, какъ будто я на-

ходилъсь подъ вліяніемъ очаровательныхъ грезъ. Съ какимъ благоговѣніемъ глядѣлъ я на Кремль. И кто бы могъ думать, смотря тогда на меня, что въ маленькой груди моей, въ груди 8-ми лѣтняго мальчика, уже сознательно трепетало сердце гражданина, проникнутаго до фанатизма чувствомъ народной гордости.

Нагулявшись досыта, мы сѣли отдохнуть на каменныхъ ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ садъ отъ Экзерцисъ-гауза, и стали смотрѣть на проходившихъ и на все насъ окружавшее.

По Моховой проѣхала команда жандармовъ въ высокихъ каскахъ справа рядами. Городскіе жандармы того времени принадлежали корпусу внутренней стражи и имѣли желтыя выпушки и желтые лампасы, но мнѣ казалось, что ничего изящнѣе и быть не можетъ, потому что до этого времени я никогда не видалъ конныхъ войскъ. Куда это они ѣдутъ?—спросили мы съ братомъ Ильей брата Павла. —Вѣрно въ театръ—отвѣчалъ братъ москвичъ.—Театръ тутъ очень близко въ домѣ Пашкова.—Нужно же было такъ случиться, что это то самое зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается университетская церковь, и на томъ мѣстѣ, гдѣ музы и терпсихоры волновали сердца, теперь приносятся безкровныя жертвы.

Большой домъ съ портиками изъ колоннъ, на дворѣ, что теперь называется новымъ университетомъ, стоялъ тогда съ обгорѣлыми стѣнами. Не знаю, когда онъ сгорѣлъ; но въ то время не разъ мнѣ удавалось видѣть, особенно въ лавкахъ ножевой линіи гравюру, довольно впрочемъ плохую съ надписью внизу: „Дѣйствіе Московской пожарной команды во время пожара“. На картинѣ этой былъ изображенъ сказанный съ портиками домъ, съ бьющимися изъ оконъ и крыши языками пламени и столбами густого дыма. Пожарные ставятъ къ дому лѣстницы и лѣзутъ вверхъ. Немного впереди скачутъ съ бочками, съ трубами, а еще ближе виденъ скачущій на парѣ лихихъ лошадей, привставшій на дрожкахъ и протянутой рукою указывающій на пожаръ знаменитый Московскій оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ, І-й. Тогда онъ былъ въ славѣ; на его молодецкую старо-гусарскую наружность народъ глядѣлъ съ восторгомъ, купечество его любило.

Куда бы онъ ни ѣхалъ, его постоянно сопровождалъ конвой изъ 4-хъ жандармовъ и столько же казаковъ. Все это было въ духѣ того времени.

Шульгинъ былъ очень богатъ, имѣлъ нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ въ Москвѣ, но черезъ немного лѣтъ умеръ въ нищетѣ. Дѣло въ томъ, что незадолго до кончины Императора Александра Павловича, Шульгинъ былъ переведенъ на ту же должность въ Петербургъ. Послѣ 14 декабря впалъ въ немилость и уволенъ отъ службы.

Дома и все имущество его были проданы въ удовлетвореніе какихъ то денежныхъ взысканій—и вотъ бывшій Московскій оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ послѣдніе годы своей жизни въ той же Москвѣ ходилъ по лавкамъ гостиного двора, питаясь подаянiемъ.

Цѣлью пріѣзда нашего въ Москву было желаніе отца моего отдать брата и сестру въ пансіонъ, и вотъ, поживши, погулявши и повидавшись съ родными, отецъ мой началъ искать пансіоны, куда бы ихъ помѣстить. Въ то время частныхъ пансіоновъ было тьма. Не было, мнѣ кажется, не только улицы, но даже и переулка, гдѣ бы не было вывѣски: „Пансіонъ для благородныхъ дѣтей мужскаго пола“ или „Пансіонъ благородныхъ дѣвицъ“. Въ одной Нѣмецкой слободѣ было, кажется, пансіоновъ 7 или болѣе. Тутъ былъ пансіонъ Гильфердинкъ и нѣсколько пансіоновъ Дельсатей. На Сѣнной площади у Красныхъ воротъ — пансіонъ Дамоно. Въ новой Басманкѣ пансіонъ Бибикова, у Петра и Павла въ переулкѣ въ домикѣ о трехъ окнахъ былъ тоже чей-то пансіонъ, на Мясницкой близъ Красныхъ воротъ пансіонъ профессора Шлецера и доктора Федора Кистера, на Мясницкой, въ домѣ Саттыковой, пансіонъ мад. Жарин и далѣе близъ Лубянской площади пансіонъ М. Пернэ;—вотъ сколько пансіоновъ, которые сохранились въ моей памяти на протяжении отъ Нѣмецкой слободы до Лубянки; но и въ другихъ протяженіяхъ Московскихъ улицъ было не менѣе, и я слышалъ столько названій содержателей и содержательницъ, что и упомянуть нельзя. Гимназія въ Москвѣ была одна и далеко не была въ томъ видѣ, какъ теперь, и потому дворянство предпочитало отдавать своихъ дѣтей въ такъ называемый благородный пансіонъ, хотя въ сущности въ нихъ принимались всякія дѣти, лишь бы платили деньги.

Въ то время въ пансіонѣ, безъ благородныхъ дѣтей на вывѣскѣ, никто бы дѣтей и не отгадалъ. Не знаю, кто отрекомендовалъ батюшкѣ два пансіона Кистера и Пернэ. Только въ одинъ прекрасный день коляска наша, вмѣщавшая всю семью, остановилась на Мясницкой у подъѣзда дома Лобанова-Ростовскаго, что нынѣ домъ машинистовъ—братьевъ Бутеновъ. Надъ портикомъ, гдѣ вывѣска гласитъ теперь о машинистахъ, красовалась тогда синяя вывѣска, съ крупною писанною золотомъ надписью: „Учебное заведеніе для благородныхъ дѣтей мужскаго пола профессора Шлецера и доктора Кистера“.

Всѣ мы, не исключая моего отца, прочитавъ вывѣску, подумали, что это докторъ, прописывающій рецепты больнымъ, и мнѣ помнится, что батюшка даже подумалъ въ полголоса, что это хорошо, что самъ можетъ лѣчить въ своемъ пансіонѣ въ случаѣ болѣзни, но оказалось иначе. Кистеръ имѣлъ степень доктора философіи въ Московскомъ Университетѣ и читалъ, кажется, въ приготовительномъ факультетѣ нѣмецкую литературу. У подъѣзда стоялъ швейцаръ, плѣшивый, въ нанковомъ сюртукѣ, который проводилъ насъ по лѣстницѣ на верхъ и чрезъ комнату, въ которой находились шкафы съ книгами и физическими инструментами, ввелъ насъ въ гостиную.

Послѣ нашихъ деревенскихъ хоромъ домъ Лобанова показался намъ чрезвычайно великолѣпнымъ. Паркетные полы, лѣпные карнизы и подѣланные подъ мраморъ панели, пилястры и амбразуры оконъ возбуждали наше удивленіе. Пока мы глазѣли во всѣ стороны, въ гостиную взвошелъ одинъ изъ содержателей пансіона. Это былъ Кистеръ. Кистеръ былъ мужчина толстый и съ полнымъ брюхомъ. Голова сѣдая и плѣшивая; черты лица правильныя, круглыя и съ выраженіемъ кислоты, принимаемой за глубокую ученость. На лицѣ его сіяла привѣтливая и вкрадчивая улыбка, которую онъ всегда принималъ, когда привозили къ нему отдавать дѣтей. Походка его была торопливая, движеніе озабоченное.

— Вы господинъ Шлецеръ,—спросилъ его мой отецъ.

— Я докторъ Кистеръ. Шлецеръ ужъ оставилъ пансіонъ. Пансіонъ мой, я директоръ!

Послѣ этого Кистеръ просилъ садиться, и батюшка завелъ съ нимъ разговоръ о цѣли нашего посѣщенія. Дѣло шло только о братѣ; Кистеръ превозносилъ свой пансіонъ, свою попечительность и любовь къ дѣтямъ и, наконецъ, обратился ко мнѣ.—Ахъ какое миленька, миленька, этого права, ей Богу,—миленька, ошень миленька, право ей Богу. Надо въ пансіонъ ушиться, ушиться...—Его такая симпатія ко мнѣ была мнѣ не понутру, а дѣлать нечего.

— Онъ у меня,—говорилъ отецъ, любить все дѣлать машины, строить мельницы, архитекторъ.

О, о, о! этого право ей Богу все узнаеть у миня, всему ушать и математикъ, и шершеній все все,—говорилъ онъ, сдѣлавъ самыя сладкіе глаза и оттопыривъ, улыбаясь, губы такъ, что отецъ мой соблазнился и спросилъ о цѣнѣ. Кистеръ сказалъ ему, что онъ менѣе тысячи рублей (тогда былъ счетъ ассигнаціями) съ ученика не беретъ. По тогдашнимъ средствамъ батюшки—насъ было у него 7 человекъ дѣтей: иные были въ Корпусѣ, другіе уже офицерами—было дорого, и потому батюшка вдругъ не рѣшился. Кистеръ повелъ насъ показывать свое заведеніе, и мы изъ гостиной прямо вошли въ высшій классъ. Всѣ ученики встали, и чтоже? между учениками высшаго класса—и это было большинство—были верзилы лѣтъ отъ 20 до 25. Всѣхъ классовъ было четыре. За то въ низшемъ классѣ были дѣти лѣтъ 6 и по 7, впрочемъ и тутъ сидѣли вмѣстѣ съ крошками мальчики лѣтъ по 15 и болѣе.

Осмотрѣвъ классы и распрощавшись съ Кистеромъ, который снова обратился на меня свои нѣжныя ласки: потрепалъ по щекѣ, погладилъ по головѣ,—назвалъ нѣсколько разъ «миленька право, ей Богу,» мы уѣхали домой.

Я былъ не покоенъ, чувствовалъ, что мнѣ не миновать бѣды, и предчувствіе мое оправдалось. Когда мой отецъ рассказывалъ одному знакомому о пріемѣ Кистера и что онъ охотно отдалъ бы и меня, но только цѣна несоразмѣрна, потому что я еще не великъ, что платить за мое ученіе такъ дорого, то старый знакомый ему сказалъ: а Вы бы поторговались—можетъ и уступилъ бы,—и совѣтъ этотъ удался какъ нельзя лучше.

Батюшка поѣхалъ въ пансіонъ и порѣшилъ съ Кистеромъ платить ему за насъ двухъ братьевъ 1600 руб. ассигн. и половину денегъ заплатилъ впередъ.

Дня черезъ три приставленъ былъ къ намъ съ братомъ, въ видѣ дядьки, человѣкъ Максимъ. Его отправили съ нашими пожитками въ пансіонъ впередъ, а вслѣдъ за нимъ отвезли и насъ. Меня посадили въ меньшемъ классѣ, т. е. въ 1-мъ, а брата моего въ 2-мъ... Часы до обѣда прошли кое-какъ, но послѣ обѣда на насъ съ братомъ нашла такая тоска, мы такъ плакали, что я не знаю, испытываетъ ли эту грусть нынѣшнее поколѣніе дѣтей. Мнѣ казалось, что я оторванъ отъ теплаго угла и брошенъ въ холодный, безпріютный вертепъ беснующихся бездушныхъ мальчишекъ, которые никогда не знали отеческой любви, слѣдственно не въ состояніи понять и нашихъ горестей.

Часы занятій въ классахъ были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: вставали въ 6 часовъ. Отъ 7 до 8 шли въ классы и садились за утреннюю репетицію готовить уроки. Въ 8 часовъ пили чай изъ каменныхъ съ ручками кружекъ съ кускомъ бѣлаго хлѣба и шли въ классъ. Въ 10 часовъ звонокъ извѣщалъ о перемѣнѣ классовъ, и въ этотъ краткій промежутокъ всѣ шли въ столовую и получали по ломтю бѣлаго хлѣба, съ 10 часовъ до 12 опять въ классъ. Въ 1-мъ обѣдали; въ 2 часа въ классъ до 4 часовъ, съ 4 до 6 часовъ другой классъ; въ 7 пили чай, съ 8 до 9 часовъ репетиція; въ 10 ужинъ, и шли спать, а въ 6 часовъ утра звонокъ поднималъ всѣхъ къ началу новаго дня. Такимъ образомъ мы сидѣли на мѣстѣ 10 часовъ въ сутки и только два часа имѣли время для приготовленія уроковъ.

Въ послѣ-обѣденные часы того грустнаго дня, о которомъ я началъ говорить, учителя по какимъ-то обстоятельствамъ не приходили, и потому 1, 2 и 3 классъ собрали въ одинъ третій, гдѣ въ это время давалъ урокъ русской грамматики Александръ Дмитріевичъ Смирновъ.

Для насъ это былъ первый урокъ неуваженія къ учителямъ.

Смирновъ терпѣть не могъ названія монахъ, и потому, прежде его появленія въ классъ, уже былъ на большой математической классной доскѣ, стоявшей на треножникѣ, нарисованъ мѣломъ монахъ во весь ростъ, и взрослые ученики неистово радовались заранѣе эффекту, какой произведетъ монахъ на Александра Дмитріевича. На немъ былъ надѣтъ фракъ коричневаго цвѣта и очень потертый; панталоны узень-

кіе и бѣлый жилетъ пикэ съ огромнымъ желтымъ чернильнымъ пятномъ, чуть не въ половину всего жилета. Въ петличкѣ, на длинной Владимірской лентѣ, моталась дворянская медаль 1812 года, и Александръ Дмитріевичъ не иначе подписывался, какъ кавалеромъ мѣдной медали. Волосы на головѣ были курчавые, а лице его выражало незлобіе. При входѣ его всѣ ученики встали и насмѣшливо поклонились.

Онъ, дѣлая маленькіе частые поклоны головою, подошелъ и сѣлъ на свой стулъ, положивъ шляпу предъ собою на столъ, и, расправивъ на головѣ курчавые съ просѣдью волосы обѣими руками, вдругъ сталъ осматривать учениковъ.

—Это что такое еще нарисовали тутъ, какой это дуракъ?—Между учениковъ начался страшный хохотъ.—Давотъ дуракъ нарисовалъ, ну, ты Затыкевичъ! что зѣвъ-то дерешь, сотри поди, нечего горланить, бери мѣлъ, да пиши!

Затыкевичъ идетъ писать, а нѣкоторые ученики встали и идутъ къ Александру Дмитріевичу съ картинками, вырванными изъ книжекъ и дрянными лубочными гравюрками съ изображеніемъ лошадей и проч.

—Александръ Дмитріевичъ! не угодно ли картинку-съ! я для васъ приготовилъ,—говорили подошедшіе къ нему ученики, и онъ ласково скалилъ зубы и говорилъ, кивая головою въ видѣ учащенныхъ поклоновъ, что очень, очень благодаренъ-съ. Одинъ изъ учениковъ, не имѣя картины, поднесъ Александру Дмитріевичу гривенничекъ:—Вашимъ милымъ соболанкамъ на пряники-съ,—произнесъ онъ скромно и вкрадчиво.—Премного благодаренъ,—говорилъ снова, оскаливъ зубы, наставникъ,—премного благодаренъ, всякое даяніе благо,—и онъ спряталъ гривенничекъ въ жилетн. ѣ карманъ, въ которомъ скрывались огромные серебряные, въ видѣ луковицы, часы, на бисерномъ темно-бѣленькомъ незабудочномъ шнурукѣ.

Не помню, какъ прошелъ классъ, но только окончаніе онаго сопровождалось шумомъ и гамомъ бѣсновавшихся учениковъ, и, какъ сквозь туманъ, вижу проходящаго и сѣменящаго ногами Александра Дмитріевича, скалящаго зубы и кивающаго на прощаніе головою. Въ толпѣ учениковъ я искалъ брата и, когда веселая ватага ихъ отхлынула въ другую комнату, я его увидалъ и подошелъ къ нему. Онъ сто-

ялъ у окошка и тихо плакалъ. Сердце мое было переполнено тоскою; мнѣ мерещился нашъ домъ; мнѣ какъ будто слышался ласковый голосъ отца; мнѣ представлялась семья наша, сидящая около стола, на которомъ шипѣлъ самоваръ и стояли пестрыя чашки; и грустная существенность во всей наготѣ подавила окончательно духъ мой. Когда я увидѣлъ слезы брата, то и самъ заплакалъ горькими слезами. Вдругъ снова раздался шумъ и гамъ около насъ. Толпа небольшихъ учениковъ преслѣдовала одного большого съ крикомъ: Фока! Фока! сопровождавшая свой вопль плевками. Несчастный верзила остановился и въ отчаяніи закричалъ во все горло самымъ пронзительнымъ голосомъ. На крикъ прибѣжалъ надзиратель, французъ Пижосъ, и маленькіе разбѣжались. Сцена эта не могла порадовать насъ, но мы послѣ привыкли. Несчастный Фока, какъ звали его ученики, былъ Шишковъ.

Онъ страшно боялся плевковъ; къ тому-жъ онъ вѣроятно былъ въ младенчествѣ чѣмъ нибудь испуганъ: не смотря на свои лѣта, былъ робокъ и только отдѣлывался отъ преслѣдованій крикомъ.

Раздался звонокъ къ чаю; всѣ собрались въ большой залъ и попарно вошли въ столовую, гдѣ размѣстились на скамейкахъ, выкрашенныхъ зеленою краскою около стѣнъ. Намъ подали чай съ молокомъ въ кружкахъ и роздали по ломтю бѣлаго хлѣба.

Мы пили чай, но не разъ слезы скатывались въ кружку. Трудно припомнить всѣ подробности ничтожныхъ приключеній въ пансіонѣ; въ то время все казалось такъ обыкновенно, что не оставляло по себѣ особеннаго впечатлѣнія. Какъ новичковъ, насъ сначала били и щипали добрые товарищи, мы плакали, терпѣли, не жаловались, и дѣло обошлось.... Я былъ посаженъ въ самый маленькій классъ, а братъ однимъ классомъ выше.

Въ пятницу, по окончаніи первыхъ постѣ-обѣденныхъ часовъ, всѣ ученики начали суетиться, съ крикомъ одѣваться; одѣлись и всѣ бѣжали къ своимъ шкафамъ, стоявшимъ въ спальняхъ.

Что такое, зачѣмъ одѣваться, спросили мы? Лобановъ пріѣхалъ, Лобановъ пріѣхалъ! Мое воображеніе представило мнѣ какого-то вельможу, гостя—тѣмъ болѣе, что пан-

сіонъ нашъ занималъ домъ Лобанова-Ростовскаго; но.... оказалось другое.

Лобановъ былъ никто другой, какъ танцмейстеръ, артистъ Императорскаго Московскаго театра, дававшій въ нашемъ пансіонѣ уроки танцованія. Когда всѣ одѣлись и пришли въ залу, вдругъ двери отворились, и входитъ какой-то господинъ въ черномъ фракѣ съ продолговатымъ смуглымъ лицомъ, довольно вертлявый и въ башмакахъ. Ученики привѣтствовали его крикомъ: здравствуйте, господинъ Лобановъ! А онъ на привѣтствіе быстро раскланивался на всѣ стороны. Впослѣдствіи я видалъ Лобанова—знаменитаго Лобанова, неподражаемаго въ русской и цыганской пляскѣ, на сценѣ въ дивертисментахъ. Въ тѣ времена ни одинъ спектакль въ Москвѣ не оканчивался безъ дивертисмента. Дивертисменты имѣли свои названія, напримѣръ: Семикъ или гулянье въ Маріинской рощѣ; гулянье въ Сокольникахъ; праздникъ колонистовъ близъ столицы и проч. Въ дивертисментахъ пѣлись удалыя и заунывныя русскія пѣсни; плясали по цыгански, по русски, по казацки—и пусть меня называютъ варваромъ, вандаломъ; но для меня въ дивертисментахъ было болѣе жизни, стало быть и болѣе наслажденій, нежели во всѣхъ фантастическихъ, великолѣпно обставленныхъ балетахъ съ чертями и безъ чертей.

Не знаю, какъ на другихъ дѣйствуютъ балеты, но на меня по выходѣ изъ театра нападаетъ апатія въ родѣ той, которая посѣщаетъ человѣка на другой день, послѣ ночной оргіи. Пустота въ головѣ и въ сердцѣ, и недовольство собою за потраченное время. Но не то было послѣ дивертисмента: звуки родной пѣсни долго еще раздавались, если не въ слухѣ ушей, то слышались сердцемъ, наполняя его отрадою, воображеніе рисовало видѣнную въ театрѣ картину лѣса на утреннемъ разсвѣтѣ или восходѣ солнца и группы живыхъ людей, и плясавшихъ, и веселившихся отъ души въ полномъ разгулѣ, какъ веселится только русскій народъ. Въ этихъ-то дивертисментахъ являлся Лобановъ одѣтымъ въ кафтанъ съ окладистою бородою, съ черными кудрями, и, когда онъ плясалъ, театръ стоналъ отъ восторга. Въ немъ нельзя ужъ было узнать вертляваго актера, нѣтъ, это былъ типъ граціознаго русака. Поведетъ бывало плечемъ, взглянетъ, кажется, все просто, все обыкновенно, но все было

полно упоенія, мысли, чувства. Случалось мнѣ видѣть Лобанова, плясавшаго по русски въ числѣ многихъ паръ и одѣтаго одинаково со всѣми. Всѣ ловки, всѣ красивы, всѣ пляшутъ хорошо, а Лобанова узнаешь изъ всѣхъ по особенной прелести его пляски. Публика любила его и въ цыганской пляскѣ, гдѣ онъ въ красной поддевкѣ былъ до того вертлявъ и бѣшенъ, что не было возможности услѣдить его движеній. Заставляли криками «фора», тогда еще въ не кричали, переплясывать нѣсколько разъ; онъ обыкновенно бросалъ свою шляпу въ глубь сцены, бѣжалъ за нею и скрывался за кулисы. Послѣ брошенной шапки публика уже болѣе его не заставляла повторять. Такъ знали и такъ привыкли къ этой выходкѣ Лобанова.

Что касается до балетовъ, то онъ былъ замѣчательнъ только въ венгерской хижинѣ, гдѣ превосходно плясалъ по венгерски, но въ другихъ балетахъ, кажется, онъ занималъ только роли чертей.

За Лобановымъ взошелъ въ залу его музыкантъ со скрипкой; Лобановъ закричалъ: играй французскій кадрили, захопалъ въ ладоши и немедленно образовалось нѣсколько кадрилей въ 4 пары каждая; музыкантъ заигралъ и пошла писать.

Для насъ съ братомъ, какъ недавно пріѣхавшимъ въ Москву, французская кадрили была особенно новою. Она еще вводилась въ то время только въ Москвѣ, но въ провинціяхъ еще объ ней не имѣли и понятія; года черезъ два или болѣе начали только танцовать, и то не многіе избранные, въ Рязанскомъ Собраніи и съ трудомъ собрали 4 пары, заставляя вызывать многихъ изъ за картъ, чтобъ полюбоваться новымъ танцемъ. Тогда въ кадрили становилось не болѣе четырехъ паръ и танцовали со всѣмъ усердіемъ, выдѣлывая каждое па: танцовали съ антръ-ша, съ падеде, де зефиръ.

Сообразно съ духомъ времени и ученики прыгали, ломались.

Лобановъ не любилъ учить методически. Онъ прямо становилъ въ танцы то тамъ, то сямъ, выплясывая самъ, и, глядя на него, всѣ танцовали съ большимъ одушевленіемъ. Въ этомъ классѣ тоска по домѣ нѣсколько поутихла, тѣмъ

болѣе, что на другой день наступала суббота—день, когда, какъ и теперь ведется въ учебныхъ заведеніяхъ, всѣ ученики распускаются по домамъ.

Наконецъ наступила суббота—день, который я до сихъ особенно люблю, а за что и самъ не знаю.

Обязанъ ли этимъ впечатлѣніемъ тому времени, когда еще съ самаго нѣжнаго возраста по субботамъ ученье книжное прекращалось, а добрый отецъ нашъ собиралъ насъ въ свою комнату и давалъ намъ уроки рисованія, искусство, которое я страстно любилъ. Послѣ обѣда, уроковъ уже не было никакихъ, а впереди ожидалось воскресенье—цѣлый день свободы.

Въ пансіонѣ суббота имѣла еще большій интересъ, она возвращала меня къ дому, къ родной семьѣ, а когда впоследствии для сердца моего сдѣлались понятны незримыя, неосвязаемыя и неслышимыя впечатлѣнія поэзіи и любви, я полюбилъ субботній звонъ колоколовъ, призывающій ко всеобщей; мнѣ нравилась, для меня была полна красоты и мира даже лампадка, затепленная въ субботу во имя вѣры предъ образомъ Спаса,— и для меня казалось, что субботу и сама природа считаетъ долгомъ праздновать, посылая въ самые ненастные и мрачные дни осени хоть на минуту лучъ солнышка.

Весело освѣщало солнышко классъ нашъ, рисуя на паркетномъ дубовомъ полу ярко изображеніе рамъ; дѣтски радостно сияли личики всѣхъ моихъ маленькихъ товарищей въ ожиданіи отпуска. Давно уже пробило 11 часовъ, и вотъ отворились двери и въ классъ вошелъ квартальный надзиратель Ф. Д. В. въ мундирѣ съ вышитыми золотомъ вѣтками въ видѣ крючковъ на воротникѣ, съ трехъуголкой и бѣлыми перчатками въ лѣвой рукѣ. Онъ былъ еще среднихъ лѣтъ и, вѣроятно, хорошо воспитанъ, потому что бойко говорилъ по французски. Средняго росту, съ гладко причесанными волосами и съ тонкимъ нѣсколько вздернутымъ носомъ, онъ навѣчно врѣзался въ моей памяти. Причина его появленія была очень проста. Въ одномъ со мною классѣ учился его сынъ. однихъ лѣтъ со мною; Ф. Д. В. въ субботу въ 12 часовъ самъ заѣхалъ, чтобъ взять сына домой. Впоследствии онъ каждую субботу и всегда почти въ одно время, т. е. за $\frac{1}{4}$ часа до 12 часовъ, являлся къ намъ въ

классъ, и я помню, что мы на него въ его квартальническомъ мундирѣ смотрѣли, какъ на вѣстника радости, а на его крючковатые вѣтви воротника, какъ на масляниую вѣтвь, принесенную Ною голубкою по осушеніи земли.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ; я былъ въ военной службѣ, на войнѣ въ Польшѣ, служилъ долго, вышелъ въ отставку, женился и обзавелся семействомъ. Но лѣтъ 8 назадъ, будучи по дѣламъ въ Московской гражданской палатѣ, вдругъ вижу квартальнаго надзирателя: вглядываюсь—и что-жъ? это Ф. Д. В. Волосы у него побѣлѣли, какъ снѣгъ, щеки впали и прорѣзались морщины, но я ему обрадовался, какъ давно потерянному другу. Разумѣется, что онъ и не подозрѣвалъ моей радости;—его окружала толпа канцелярскихъ, съ различными островами, называли высокоблагородіемъ; онъ вертѣлся во всѣ стороны, улыбался, но былъ какъ будто встревоженъ; говорили о какомъ-то фальшивомъ свидѣтельствѣ, рукоприкладной и проч., чего я не могъ понять, не зная въ чемъ дѣло. Мундиръ его былъ сильно потертъ, не такъ щеголеватъ, какъ прежде, и висѣлъ на немъ мѣшкомъ, но я послѣ узналъ, что онъ постоянно все былъ надзирателемъ того же квартала, изъ котораго пріѣзжалъ къ намъ въ пансіонъ за сыномъ.

Наконецъ классъ кончился. Всѣ двери отворились и всѣ ученики съ шумомъ и гамомъ побѣжали во всѣ стороны. Бѣгу и я къ брату, сидѣвшему въ другомъ классѣ, нашелъ, побѣжали вмѣстѣ въ залу, и о радость—нашъ отецъ стоялъ въ ожиданіи насъ и съ сіяющимъ лицомъ принималъ насъ въ свои объятія. Еще двѣ или три субботы онъ пріѣзжалъ брать насъ, наконецъ пріѣхалъ проститься съ нами... Много было пролито слезъ... Онъ уѣхалъ, и мы остались съ братомъ, какъ сироты, покинутые всѣми.

ГЛАВА VIII.

Пансіонская жизнь.—Надзиратель Кляузень и музыкальный учитель Мерики.—Публичный экзамень.—Баль.—Пожаръ генераль-губернаторскаго дома.—Князь Юсуповъ.—Домъ нашъ въ Ольховцахъ.—Праздничные дни.—Елка у Кистера.—Шалость воспитанниковъ съ учителемъ Поповымъ.—Смерть его.—Пріѣздъ отца.—Масляница.—Гулянія на Москвѣ-рѣкѣ.—Театръ на Моховой.—Опера „Илья Муромецъ“.—Трагедія Кюцебу: „Смерть Роллы“.—Вѣтроцинская.—Смерть тетеньки Нестеровой.

Съ отъѣзда изъ Москвы отца началась жизнь истинно пансіонская. Привычка примирила насъ съ судьбою, сблизила и съ товарищами шалунами. Мы смѣшались съ ними, увлеченные общимъ потокомъ жизни. По воскресеніямъ изрѣдка пріѣзжалъ за нами братъ Павелъ и бралъ насъ къ Нестеровымъ, гдѣ мы находили всегда сестру, отданную, также какъ и мы, въ пансіонъ М-мъ Пернэ, находившійся на Мясницкой же въ домѣ Татищева, противъ переулка, ведущаго съ Мясницкой на Кузнецкій мостъ.

Домъ этотъ теперь перестроенъ, но тогда онъ имѣлъ свою отличную архитектуру; стоялъ, какъ и теперь стоитъ, имѣя предъ своимъ фасадомъ небольшой садъ.

Въ домѣ Нестеровыхъ мы находили теплый родственный пріемъ и потому бывали чрезвычайно рады, когда пріѣзжалъ за нами братъ. Отецъ, оставляя насъ въ пансіонѣ, не былъ покоенъ. Онъ боялся бросить насъ совершенно въ среду учениковъ безъ особеннаго надзора и потому придумалъ отдать насъ подъ особый присмотръ и попеченіе надзирателя Кляузена съ тѣмъ, чтобы мы спали въ его комнатѣ и имѣли нѣсколько болѣе удобства въ жизни. Онъ условился съ Кляузенемъ, и тотъ согласился исполнить желаніе отца, т. е. приютить насъ въ своей комнатѣ за 400 руб. ассигн. въ годъ. Однако-жъ забота добраго нашего отца не достигла цѣли—

деньги платились даромъ. Спать было все равно, что въ одной, что въ другой комнатѣ, а Кляузень, кромѣ лишней сальной свѣчки, да столика, за которымъ мы съ братомъ занимались, особеннаго ничего намъ не предоставлялъ. Въ комнату Кляузена были два хода: чрезъ швейцарскую съ параднаго крыльца и комнату музыкальнаго учителя Мерики и другой ходъ чрезъ дворъ на заднее крыльцо. Разумѣется, Мерики чрезъ свою комнату не пускалъ, или пускалъ рѣдко. Мерики былъ нѣмецъ уморительный, съ лицомъ краснымъ и такимъ же носомъ, съ хохломъ на головѣ, всегда съ поднятою вверхъ головою и въ зеленомъ фракѣ; онъ воображалъ себя величайшимъ артистомъ, что-то въ родѣ маэстро. Этотъ маэстро по сосѣдству съ нами не давалъ намъ покоя. Вдругъ ночью, когда мы собирались бывало засыпать, Мерики начиналъ разыгрывать на скрипкѣ симфоніи съ такимъ скрипомъ, ревомъ и фальшью, что, казалось, какъ будто пилилъ тупымъ ножомъ по сердцу, и часто случалось, что онъ погруженный въ игру, тиранилъ и скрипку и слухъ нашъ напролетъ цѣлыя ночи. Онъ былъ въ пансіонѣ учителемъ музыки, и мнѣ кажется, что Родивилловъ, восхищавшій впоследствии Москву игрою на балалайкѣ, имѣлъ его своимъ первымъ учителемъ. По крайней мѣрѣ я помню Родивилова съ скрипкою въ рукахъ и Мерики, дающаго ему урокъ, въ свѣтло-зеленомъ фракѣ, и притопывающаго ногою кадансъ. Не помню, долго ли онъ еще оставался учителемъ въ пансіонѣ, только помню, что онъ давалъ публичный концертъ по 10 руб. ассигн. за мѣсто. Публика съѣхалась, заняла мѣста. Заигралъ и Мерики, но что-жъ? къ концу симфоніи 1-го отдѣленія концерта публика куда-то исчезла, и Мерики разыгрывалъ удивительныя вещи только безмолвнымъ стѣнамъ и въ безпорядкѣ торчащимъ въ залѣ стульямъ. Мерики уѣхалъ вскорѣ послѣ этого и говорили, что онъ отправился въ Америку.

Зимнее пребываніе наше въ пансіонѣ ничѣмъ не отличалось особеннымъ. Вечера мы съ братомъ просиживали за своимъ столикомъ, иногда готовили уроки, а по большей части занимались рисованіемъ.

Иногда къ намъ приходили нѣкоторые изъ товарищей, а чаще всѣхъ Соловцовъ, служившій впоследствии въ гвардейской артиллеріи, которому открывалась, какъ говорили, блестящая карьера, но котораго самолюбіе заставило въ чинѣ

полковника гвардіи оставить службу. Соловцовъ имѣлъ даръ славно рисовать лошадей, черкесовъ, гусаръ, и мы чрезвычайно уважали въ немъ этотъ талантъ. Впрочемъ объ немъ мнѣ еще придется поговорить послѣ.

Не помню теперь хорошо, не то въ ноябрѣ, не то въ декабрѣ, былъ въ пансіонѣ публичный экзаменъ. Мѣсяца за два еще онъ составлялъ для всѣхъ учениковъ предметъ разговоровъ и помышлений. Для учениковъ высшаго класса воображеніе рисовало серебряныя медали, для другихъ похвальные листы и книги.

Наконецъ, давно ожидаемый день наступилъ. Въ концѣ столовой залы, гдѣ находилась украшенная колонами нишь, деревянную раскрашенную рѣшеткою было отдѣлено мѣсто для учениковъ. Возлѣ рѣшетки со стороны посѣтителей поставленъ былъ большой столъ, покрытый зеленымъ коленкоромъ, а на столѣ стояла электрическая машина со всѣми принадлежностями, воздушный насосъ, гириновы фонтаны и машина, приводившая въ движеніе солнечную систему, не настоящую, а составленную изъ свѣтилъ, выточенныхъ изъ дерева и изъ кости. Эта машина меня очень занимала, и я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда планеты начнутъ ходить около деревяннаго, сравнительно огромнаго солнца; а отъ электрической машины надѣялся видѣть такія чудеса, объ которыхъ и въ сказкахъ не рассказываютъ.

Около стола полукругомъ расположились профессора университета. Помню Чумакова, Цвѣтаева, Мерзлякова. Никто изъ профессоровъ и учителей не былъ въ мундирѣ; а напротивъ, какъ теперь вижу ученыхъ мужей, славу Московскаго университета, одѣтыхъ въ такіе фраки, какихъ не найдешь въ настоящее время и у самаго степнаго помѣщика, вѣчно живущаго въ захолустѣ. Если впечатлѣніе дѣтства и память мнѣ не измѣнили, то не солгать скажу, что фракъ на комъ-то изъ профессоровъ былъ не суконный, а какъ будто нанковый—коричневый; а можетъ быть и изъ другой какой матеріи съ обтяжными пуговицами.

Экзаменъ начался съ утра закономъ Божиимъ. Не помню, что спрашивали и что отвѣчали, потому что до экзамена мнѣ дѣла не было; я былъ въ маленькомъ классѣ, гдѣ учили настолько, что нечего было спрашивать. Изъ всего этого экзамена въ моей памяти осталось: „Вас-ис-дасть“ нѣмец-

каго пастора, экзаменовавшаго изъ закона Божія ученика лютеранскаго исповѣданія. Часу во второмъ утреннія испытанія кончились. Не знаю, куда дѣвалась публика, но профессора отправились, кажется, обѣдать къ содержателю пансіона во внутреннія комнаты.

Послѣ обѣда часа въ четыре пополудни, зала начала опять наполняться родителями и родственниками. Профессора опять заняли свои мѣста, и экзаменъ начался снова. Когда дѣло дошло до математической географіи, которую по тетрадкѣ на французскомъ языкѣ читалъ самъ Кистеръ, машина была заведена ключемъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Земля и Луна, все пошло вертѣться и около Солнца и около своихъ осей. Это для меня было необыкновенно любопытно, такъ что я забылъ и о снѣ, который давно уже начиналъ меня одолѣвать. Особенный восторгъ и удивленіе возбуждали во мнѣ электрическая машина и фонтаны, но, кажется, родители, родственники не менѣ моего были заняты всѣми этими чудесами. По крайней мѣрѣ я помню, что всѣ встали съ своихъ мѣстъ и тѣснились поближе къ столу. Физика была послѣднимъ предметомъ испытанія; за нею началась раздача наградъ. Сначала медали, потомъ листы, потомъ книги, и я также, какъ и другіе, былъ вызванъ и, Богъ знаетъ за что, получилъ маленькую священную исторію съ картинками, переплетенную въ папку и съ надписью на крышкѣ золотыми буквами: «За добрыя свойства, прилежность и успѣхи».

Когда награды были розданы, столъ со всѣми машинами физическими и астрономическими былъ убранъ,—явились пюпитры съ нотами, и четверо воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Родивиловъ, подъ управленіемъ нашего ночного тирана Мерике, разыгрывали симфонію, которая возбудила общія рукоплесканія. Эта симфонія была единственная, которую разыгрывали въ пансіонѣ при всѣхъ большихъ вокаціяхъ; да кажется больше ничего и не умѣли разыгрывать. Эта симфонія была пыль, пускаемая въ глаза родителямъ, отдававшимъ своихъ дѣтей въ нашъ пансіонъ для воспитанія. Наконецъ, въ большой танцевальной залѣ люстры и лампы были зажжены, музыка заиграла и начался балъ, открывшійся польскимъ. Полонезы, экосезы, мазурки, французскія кадрили, русскія кадрили, манимаски, вальсъ, англезы — смѣнялись одни другими. Гремѣли шпоры улановъ и гусаръ въ

мазуркахъ, отчетливо выдѣлывающихъ падезефиры и антраша, разносили чай, часто подавали оршадъ, лимонадъ и фрукты; все прыгало, вертѣлось, мѣшалось... и я ужасно удивился, когда очнувшись, увидалъ себя на своей кровати подъ байковымъ одѣяломъ, и сквозь внутреннія, не плотно притворенныя ставни оконъ проникалъ тихо въ комнату лучъ денницы.

Около этого времени вся Москва была занята событіемъ, слухи о которомъ возбудили толки и въ пансіонѣ. Это пожаръ въ генераль-губернаторскомъ домѣ на Тверской. Какъ рассказывали тогда, огонь началъ распространяться во время многолюднаго бала, на которомъ веселился весь цвѣтъ высшаго Московскаго общества. Говорили, что въ страшной суматохѣ при разѣздѣ инныя дамы и дѣвицы въ однихъ бальныхъ платьяхъ и башмакахъ искали свои экипажи. Морозъ былъ трескучій, и вслѣдствіе того многія перепростудились и сдѣлались жертвами горячки. Мошенники, пользуясь суматохой, грабили и даже рвали серьги изъ ушей у дамъ; не знаю, насколько все это правда.

Домъ генераль-губернатора въ 12 году уцѣлѣлъ отъ общаго разрушенія, но въ это время была молва, что команды умышленно долго не являлись на помощь и приписывали это враждебнымъ отношеніямъ бывшаго оберъ-полиціймейстера Шульгина 1-го къ генераль-губернатору князю Голицину. На деревянномъ заборѣ, которымъ былъ окруженъ въ послѣдствіи обгорѣлый домъ, какой-то острякъ написалъ слѣдующее четверостишіе, которое тогда повторялось всѣми:

„Чернышевъ построилъ,
Наполеонъ сберегъ,
Галицинъ сжегъ,
А Шульгинъ помогъ“.

Домъ горѣлъ три дня, и, какъ мнѣ помнится, говорили, что пожаръ начался съ кухни или кондитерской.

Еще въ памяти моей осталось впечатлѣніе, произведенное на меня обломкомъ вельможнаго вѣка Великой Екатерины княземъ Юсуповымъ. Какъ теперь вижу его, одѣтаго въ бѣлыя короткія панталоны, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ, съ туго накрахмаленными брызгами и жабо, въ синемъ фракѣ, покроя французскаго кафтана. Голова его была

напудрена, по сторонамъ были двѣ букли, а сзади коса, или пучекъ, вложенный въ кошелекъ, съ бантомъ изъ черной ленты. Борода была выбрита необыкновенно гладко, въ рукахъ его была золотая табакерка. Онъ нюхаль часто, отчего верхняя не много отдутая губа его и манишка съ брызжамп были засыпаны постоянно французскимъ табакомъ.

Какъ теперь вижу передъ собою, когда я вбѣжалъ въ танцевальную залу, Юсупова, стоящаго посреди комнаты, отставившаго одну ногу впередъ и важно нюхающаго табакъ изъ золотой эмальированной табакерки. Я хотя и не зналъ тогда, кто это, но безсознательно догадывался, что должно быть вельможа... Съ одной стороны возлѣ Юсупова съ поподобострастіемъ и съ сладенькимъ улыбающимся лицомъ стоялъ содержатель пансіона, а съ другой стороны маленький лѣтъ 8, худощавенькій съ длиннымъ личикомъ мальчикъ, очень хорошо одѣтый, какъ большой, во фракъ и въ галстукъ, держащій головку, какъ козликъ. Этому-то мальчику и были мы обязаны, что видѣли Юсупова въ нашемъ пансіонѣ. Мальчикъ носилъ фамилію извѣстной въ то время петербургской актрисы, но былъ ли ея сынъ,—не знаю. Для содержателя пансіона такой воспитанникъ былъ сущій кладъ; и дѣйствительно, получая за него, конечно, значительную плату, Кистеръ Заботился объ немъ, какъ объ сынѣ. Мальчикъ былъ смиренъ, кротокъ и учился прилежно. Какъ слышалъ я впослѣдствіи отъ кого-то мелькомъ, что онъ имѣлъ деньги, что молодость свою не тратилъ праздно и занимался съ успѣхомъ игрою на билліардѣ въ трактирахъ.

Зимніе праздники, т. е. съ Рождества и до Крещенія, мы съ братомъ проводили у Нестеровыхъ, но такъ какъ у Нестеровыхъ домъ былъ очень тѣсенъ (я выше сказалъ, что они жили во флигелѣ), а брата Павла квартира все еще была на Никитской, то онъ возилъ насъ ночевать въ Красное село на Ольховцы въ домъ, купленный батюшкою съ осени за 6000 руб. ассигн. у А. Л. Д—ва. Названіе «домъ» было великолѣпно; но въ сущности для предполагаемаго дома былъ только составленъ архитекторомъ планъ, а въ натурѣ возведенъ былъ еще только фундаментъ. Строеніе состояло только изъ флигеля, т. е. изъ двухъ большихъ избъ, выстроенныхъ изъ хорошаго лѣса, соединенныхъ сѣнями, въ которыхъ были небольшіе чуланчики. Одна изба была

разгорожена тесовыми перегородками на 4 комнатки, имѣвшая по срединѣ огромную русскую печь; а другая изба имѣла такую же печь, но безъ перегородокъ. На улицу изъ флигеля было два небольшихъ окна, а бревенчатая стѣны, потемнѣвшія отъ времени, не были обиты тесомъ.

На дворѣ была связь строеній, въ которыхъ помѣщались—конюшня, каретный сарай, погребъ и амбаръ, все это было покрыто желѣзомъ, а къ двору примыкалъ довольно просторный садъ, гдѣ по заборнику росли березы, акации, былъ не большой цвѣтничекъ, по дорожкамъ росъ крыжовникъ, смородина и было въ куртинахъ десятка 3 яблонь. Ольховая улица тогда была пустынна, но объ улицѣ и о обитателяхъ этого уголка Москвы я буду говорить особо.

Въ домѣ жилъ еще дворникъ старый, когда-то бывшій солдатъ съ своею старухой, одинъ изъ нашихъ кучеровъ, котораго папенька обратилъ въ ваньки—лѣтомъ на войлочкахъ, а зимою на санкахъ съ тѣмъ, чтобъ возилъ брата, а въ свободное время возилъ бы сѣдоковъ и собранныя деньги, по прошествіи мѣсяца, представлялъ бы брату. Четвертый обитатель дома былъ нашъ же дворовый человѣкъ—колесникъ, назначенный отцомъ моимъ въ будущіе дворники дома. Въ этотъ домъ послѣ ужина на первый день Рождества привезъ насъ, т. е. брата Павла, Илью и меня нашъ домашній извозчикъ Варфоломей.

Входимъ въ правую половину дома, слабо освѣщенную однимъ тоненькимъ огаркомъ, горящимъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ. По стекламъ оконъ выросли льды, спускавшіеся на подоконники, въ которыхъ замерзла и примерзла всякая дрянь.

Въ углахъ и съ потолка висѣла паутина клочьями, комнаты были засорены, холодъ страшный. Но... счастлива возрастъ дѣтей. Мы были счастливы съ братомъ, что могли ночевать въ этой нечистотѣ, гдѣ висѣли хомутъ и сѣделка, валилось корыто и стояла кадочка съ дегтемъ... Въ пансіонѣ мы спали въ чистой, свѣтлой, сухой и теплой комнатѣ, на кровати, покрытой чистымъ бѣльемъ и байковымъ одѣяломъ, но туда не хотѣлось. Отчего же бы это, что нравилось намъ валиться на полу, на посланномъ сѣнѣ, покрытомъ какой-то толстой простынею, одѣваться своими шубами, умываться надъ грязной лоханкой? Все это намъ нравилось. Отчего

же это? не отъ сознанія ли собственнаго, ни въ чемъ такъ не драгоцѣннаго, какъ въ родномъ пріютѣ, какъ грязень бы онъ ни былъ, или отъ того, что въ немъ жили люди, которыхъ привыкли мы были видѣть съ дней первоначальнаго своего бытія, людей, которые стлали и укладывали насъ, какъ мать своихъ дѣтей, какъ своихъ маленькихъ господъ, не стѣсняясь при насъ вести свою обычную жизнь, говорить между собою, по своему острить и смѣяться, садились при насъ ужинать одинъ на опрокинутую кадушку, другой на стулъ о трехъ ножкахъ; употребляли для ѣды, какъ они называли, суповую ложку, сдѣланную изъ обрубка съ помощію топора и долота. Въ дѣтскомъ возрастѣ намъ мила эта безъискусственная сфера жизни, отъ которой съ возрастомъ мы отстаемъ и попасть въ нее впослѣдствіи считаемъ страшнымъ бѣдствіемъ. Намъ не хотѣлось въ пансіонъ, тамъ было все чужое, равнодушно, холодно, безъ любви смотрѣли на насъ чистыя, отбѣланныя подъ мраморъ стѣны, еще равнодушнѣе смотрѣли люди, для которыхъ родной нашъ языкъ былъ чужой и который они по необходимости только коверкали безъ милосердія. По утру умывшись, мы возвратились опять къ Нестеровымъ. Тамъ проводили день съ сестрою, которую по праздникамъ они брали къ себѣ, пользуясь ласками старушекъ и особенно ласкою нѣжно насъ любившею молодою тетенькой.

Товарищемъ нашихъ дѣтскихъ занятій, съ которымъ мы рисовали и клеили, былъ мальчикъ нашихъ лѣтъ, незаконнорожденный сынъ умершаго брата дѣдушки, котораго онъ взялъ на воспитаніе послѣ смерти брата. Молодая тетенька смотрѣла на него съ состраданіемъ и ласкала его, дѣдушка равнодушно, а бабушка и прабабушка не то чтобы съ отвращеніемъ, а какъ на что-то такое, обо что можно запачкать понятіе о цѣломудріи. Прабабушка по кровному чувству быть можетъ и любила его, но показать это какъ будто считала неприличнымъ. Разъ я помню, прабабушка достала изъ стола 6 листовъ цвѣтной бумаги. Дала два листа брату, два листа мнѣ, а «эти, промолвила она, гдѣ ты тамъ?...» мальчикъ подошелъ «на и тебѣ»—и предварительно сунула ему, не глядя, остальные два листа цвѣтной бумаги. По вечерамъ люди и дѣвки, составлявшія довольно большую дворню, наряжались, какъ это водится еще, и то уже рѣдко,

по деревнямъ въ домахъ, въ разные уродливые и смѣшные наряды, и въ маленькой залѣ плясали и дурачились отъ дуни. Потомъ мы ужинали, а ночевать ѣхали на Ольховцы.

Не помню, почему наканунѣ новаго года или за день, братъ опять насъ привезъ въ пансіонъ. Вечеромъ, когда мы сидѣли съ братомъ въ своей комнатѣ за столикомъ, Кистеръ прислалъ насъ позвать къ себѣ въ комнаты. Мы пошли и что же увидѣли? Среди комнаты на столѣ поставлена была елка, украшенная свѣчками, плодами и конфектами, а кругомъ на тарелкахъ разложены были конфеты. Зрѣлище елки для насъ деревенскихъ мальчиковъ было ново до того, что мы объ наряженной елкѣ не имѣли никакого понятія. Тогда вообще у русскихъ елка въ обычаѣ еще не была; не только въ деревняхъ, но и въ столицахъ елка подъ Новый годъ красовалась только въ нѣмецкихъ семействахъ на забаву маленькихъ нѣмчиковъ;—елки не выдумать русскимъ! Съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ я на нѣмецкую затѣю, а никакъ не могъ, какъ и теперь не могу понимать, что тутъ веселаго? Если и безъ елки поставить конфетъ и игрушекъ, то дѣти точно также были бы рады, какъ и при елкѣ, а елка можетъ быть именно только достойною забавою чинныхъ, скромныхъ, слушающихся мальчиковъ и никогда не пачкающихъ платица благовоспитанныхъ дѣтей. Получивши свои конфеты, мы съ братомъ возвратились домой очень довольными: поѣли, спрятали про запасъ и отдѣлили часть, чтобъ отвезти сестрѣ.

Наконецъ, праздники прошли и 7 или 8 числа распущенные изъ пансіона ученики начали возвращаться. Въ пансіонѣ все оживилось: шумъ, гамъ, бѣготня, а подчасъ и потасовка между пріятелями, замѣнили праздничную тишину.

Въ тѣ времена студенты университета бывали лѣтъ въ 30-ть иногда женатые отцы семейства, а потому и въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ были верзилы лѣтъ отъ 20-ти до 25-ти.

Такихъ-то верзилъ въ нашемъ пансіонѣ было очень немало; они дѣлали, что хотѣли, не ставили и въ грошъ Кистера, котораго за то маленькіе страшно боялись. Разъ эти верзилы, въ числѣ которыхъ было два брата С., изъ которыхъ одного звали дѣдушкою и которому дѣйствительно давно была уже пора не учиться, а жениться, сочинили церемо-

началь пріема учителя—Попова, для класса котораго къ не-
счастію приходились первые утренніе часы наступившаго
дня. Поповъ этотъ былъ ипохондрикъ; онъ былъ довольно
полный мужчина, съ черными, курчавыми волосами, съ блѣд-
нымъ лицомъ, на которомъ всегда было постоянное выра-
женіе мрачной тоски. Постоянно въ каждомъ классѣ, а онъ
читалъ, кажется, математику въ высшемъ классѣ,—не обхо-
дилось безъ оскорбленій и насмѣшекъ; онъ терпѣлъ и толь-
ко грустиѣ и мрачнѣ становилось лицо его. Тогдашнее
учительское сословіе было очень бѣдно и потому черный
фракъ его съ обтяжными суконными пуговицами былъ до-
вольно ровнаго сукна. Придуманный церемоніаль немедленно
былъ приведенъ въ исполненіе. На площадкѣ, соединяющей
нижнюю лѣстницу параднаго крыльца съ двумя лѣстницами,
ведущими къ верхней галлерей дома, сталъ дѣдушка съ рас-
простертыми руками, котораго я теперь при воспоминаніи
его неуклюжей богатырской фигуры и тупого, старообразна-
го и наглаго выраженія лица, невольно сравниваю съ Сам-
еелемъ. Двое другихъ верзилъ помѣстились внизу, у самой
двери, раздѣляющей швейцарскую съ лѣстницей. Другіе
ученики, т. е. весь пансіонъ какъ есть, расположились по
ступенямъ лѣстницъ и по верхней галлерей. Тишина была
совершенная—наконецъ:пріѣхалъ, пріѣхалъ—пробѣжало меж-
ду учениковъ, и злая улыбка оживила лицо дѣдушки. Лишь
только Поповъ, снявъ шубу и ничего не подозревая, отво-
ривъ стеклянную дверь, сталъ входить на лѣстницу, двое
верзилъ подхватили его подъ руки, а всѣ ученики, которыхъ,
быть можетъ, на этотъ разъ собралось человѣкъ до 50 или
60, запѣли хоромъ во все горло:

„Екимъ, Екимъ! краса природы;
Чернокудрый въ завиткахъ;
Вспомни прежни свои годы
И надѣнь свой сѣрый фракъ,
А то въ черномъ ты дуракъ!“

Отъ этого пріема и хора лице Попова и безъ того
блѣдное покрылось мертвенною блѣдностью. Губы посинѣли
и затряслись, онъ ничего не могъ выговорить. Побѣждалъ
сначала къ Кистеру, но его не было дома, опять сбѣжалъ
съ лѣстницы, надѣлъ шубу и уѣхалъ...

Ученики провожали его съ хохотомъ; я, самъ, увлекшись общимъ потокомъ, пѣлъ глупыя стихи и хохоталъ, и сердце у меня долго щемило при воспоминаніи страданія, выражавшагося на лицѣ Попова.

Послѣ этого происшествія мы его въ пансіонѣ болѣе уже не видали, и какъ въ послѣдствіи я слышалъ, Поповъ прекратилъ свои страданія самоубійствомъ. Подробности этой катастрофы, Богъ уже знаетъ какимъ образомъ дошедшія до учениковъ, рассказывались уже такъ, что онъ выстрѣлилъ изъ пистолета себѣ въ бокъ. Когда на выстрѣлъ прибѣжала находившаяся при немъ какая-то женщина,—она нашла его въ крови смертельно раненнымъ; черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ. „Хотѣлъ-съ въ лобъ-съ, осклосъ-съ... я въ бокъ-съ—павъ... упалъ-съ... больно-съ!!!“ Такъ будто говорилъ онъ передъ смертію о своемъ самоубійствѣ, слова эти, съ гримасами и со смѣхомъ, передавались учениками другъ другу, какъ что-то преуморительное—забавное.

Время было уже въ половинѣ февраля. Дни прибавлялись. Я сидѣлъ въ классѣ за столомъ, сидѣлъ праздно, потому что учителя не было, что въ нашемъ маленькомъ классѣ случалось не рѣдко. Сидѣлъ и смотрѣлъ въ окно на группу румяныхъ яблочковъ, на лазурное небо, окрашиваемое золотымъ сіяніемъ послѣ полуденнаго солнышка. Передомною лежала русская грамматика, изданная для народныхъ училищъ и развернутая на приведенной тамъ для какого-то примѣра строфѣ Ломоносова:

„Уже врата отверзло лѣто;
Натура ставитъ общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣто,
Колеблетъ вѣтви тихъ Зефиръ;
Объемлетъ мягкій лучъ крылами,
Брега питаетъ тучный иль;
Листы и цвѣтъ покрылись медомъ,
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно красный вождь свѣтилъ“.

Поэзія-ли этого стихотворенія, изъ котораго вѣяло на меня какъ будто весною, лазурь-ли неба, сіявшаго изъ окна, только на сердцѣ у меня, какъ теперь помню, было такъ сладко, такъ отраднo, спокойно и вмѣстѣ такъ полно какого-то ожиданія,

что я и передать не въ состояніи. Чувство это можетъ испытывать только непорочное сердце ребенка, когда отдыхаетъ въ немъ самъ ангель-хранитель. Но вотъ, какъ сигналъ окончанія классовъ, зазвенѣлъ колокольчикъ надзирателя, всѣ двери въ одно мгновеніе распахнулись, ученики съ шумомъ густою толпою ринулись изъ всѣхъ классовъ, и когда очистилась вся амфилада комнатъ,—я вдругъ увидѣлъ отца моего, идущаго ко мнѣ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ въ сопровожденіи брата и надзирателя. Удивленіе, радость моя были неописанны. Одно мгновеніе—и я бросился къ отцу навстрѣчу и повисъ на его шеѣ.

Когда первое движеніе радости поутихло, отецъ мой присѣлъ на окошко, мы съ братомъ стали рядкомъ противъ него, и онъ намъ сообщилъ, что пріѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы завесновать и привезти хоть немножко въ порядокъ домъ нашъ на Ольховцѣ. Поговоривъ съ нами и пораспросивъ обо всемъ, отецъ уѣхалъ, а мы, радостные и счастливые, стали ожидать субботы, чтобы ѣхать въ отпускъ уже не въ чужой домъ, а въ родную семью.

Въ нашемъ убогомъ домикѣ все приняло другой видъ, и когда мы пріѣхали въ субботу—нашли, что всѣ полы были вымыты, пыли и паутины нѣтъ, ледъ на окнахъ исчезъ, воздухъ сухой и чистый. Въ передней комнатѣ помѣщалась дѣвичья; въ одной изъ маленькихъ комнатокъ мой отецъ; въ другой такой-же тетка, а самая просторная комната, въ которой огромная русская печь занимала чуть ли не цѣлую четверть, имѣла назначеніе столовой, гостиной и диванной. Мебель состояла изъ тесовыхъ старыхъ кроватей и такихъ-же столовъ, изъ полдюжины дрянныхъ стульевъ и пяти или шести креселъ очень плохихъ; но мы не промѣняли бы всего этого ни на какія бѣлокаменные палаты,—такъ намъ было хорошо.

Наступила масляница. Въ десять часовъ по обычаю у насъ ѣли блины, и потомъ возили насъ кататься или, лучше сказать, смотрѣть катаніе и балаганы. Тогдашнія масляничныя гулянья были одушевленнѣе теперешнихъ, болѣе въ народномъ духѣ и несравненно многочисленнѣе. На самой Москвѣ рѣкѣ на льду, противъ Воспитательнаго дома, выстраивались балаганы. Это были не нынѣшніе балаганы сараи, а фигурныя постройки, въ видѣ павильоновъ, кіоски съ куполами.

ми флагами, будто сказочный городокъ, что все вмѣстѣ представляло очень красивый видъ.

Балаганы строились около замоскворѣцкаго берега, и правѣе ихъ, но ближе къ серединѣ рѣки, красовались высоко устроенныя горы съ башенками, изукрашенныя флагами и елками. Противъ балагановъ тянулись лубочныя и полотняныя лавочки съ лакомствами, т. е. пряниками, орѣхами всѣхъ сортовъ, изюмомъ, черносливомъ, винными ягодами и проч. По срединѣ рѣки, мимо балагановъ и горъ, и по всему протяженію между Москворѣцкимъ, тогда еще деревяннымъ на сваяхъ и разбиравшимся съ каждою весною, мостомъ и мостомъ Каменнымъ, устраивалось катанье въ саняхъ въ одну лошадку, но веревкою, чинно, въ порядкѣ.

Тамъ по большей части катались горожанки, еще одѣтыя въ національныя штофныя шубейки на лисьемъ мѣху самыхъ яркихъ цвѣтовъ, а по набережной катались въ каретахъ шестернями и въ парныхъ саняхъ; экипажей на этихъ гуляньяхъ бывало такое множество, что разстояніе между Воспитательнымъ домомъ и, такъ называемою, Водоподъемною кремлевскою башнею не могло вмѣщать двухъ веревокъ, и потому вереницы экипажей тянулись по Неглинной, въ Иверскія ворота, по Красной площади и мимо Василія-блаженнаго съѣзжали опять на Набережную. Народъ во множествѣ толпился на рѣкѣ около балагановъ и унизывалъ рѣшетку Набережной со стороны Кремля, — и на все это смотрѣлъ величественный Кремль со своими вѣковыми башнями. Нѣтъ, масляничныя забавы на льду Москвы рѣки, въ виду древняго Кремля, а главное въ самомъ центрѣ Москвы, было несравненно оживленнѣе, народнѣе, радовали всякаго болѣе, чѣмъ нынѣшнія Новинскія гулянья. И зачѣмъ ихъ перенесли подъ Новинское? Въ особенности грустно, куда дѣвалась поэзія русскихъ горъ, которая непременно опять бы возникла, если бъ народъ снова перешелъ веселиться на равную ледяную и просторную площадь Москвы рѣки. Отецъ мой водилъ насъ по балаганамъ и самъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на конныя ристалища въ незатѣйливыхъ циркахъ, на ломавшихся акробатовъ, на китайскія тѣни, фокусниковъ, косморамы и кукольный театръ. И какъ я могъ замѣтить — забавы эти не подчинялись общимъ законамъ прогресса, по крайней мѣрѣ у насъ на Руси. Тогдашнія труппы балаганныхъ

артистовъ не были, мнѣ кажется, такъ ошипаны, и лица ихъ не носили на себѣ выраженія голода и грусти, какъ теперь. Читая объявленія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о спектакляхъ, отецъ мой замѣтилъ, что не худо бы съѣздить въ театръ, и что нужно бы выбрать какую нибудь получше пьесу. Перечитали театральныя объявленія, которыя въ началѣ 20-хъ годовъ печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ подъ рядъ съ объявленіями отъ Магистрата, отъ Коммисіи строеній или отъ Московской Синодальной типографіи, съ пропискою именъ всѣхъ артистовъ на каждую роль, съ обѣщаніемъ машинъ, декораций и великолѣпныхъ спектаклей. Между многими театральными объявленіями наше общее вниманіе обратила опера Ильи Муромецъ. Въ ней обѣщались полеты, танцы, сраженія, машины, декорации и превращенія, однимъ словомъ все, что только могло заинтересовать публику. На другой же день билетъ былъ взятъ, карету попросили у Нестеровыхъ, посажались въ нее биткомъ и отправились въ театръ.

Я кажется уже прежде сказалъ, что театръ на Моховой помѣщался тогда въ домѣ Пашкова, въ томъ зданіи, гдѣ теперь помѣщается Университетская церковь. Церковь просторна, но театръ былъ очень не великъ. Зрительный залъ освѣщался лампами съ двойными металлическими вогнутыми зеркалами. Креселъ не было: ихъ замѣняли диваны или, лучше сказать, лавки со спинками, обтянутыя краснымъ сукномъ съ раздѣленными ручками мѣстами.

Противъ cadaго мѣста на спинкѣ дивана была придѣлана жестяная круглая дощечка съ прорѣзаннымъ въ ней номеромъ. Театръ имѣлъ, кажется, совсѣмъ съ бенуаромъ два яруса ложъ и раекъ. Ложа наша была въ бенуарѣ. Декорации были не дурны, превращенія, полеты и всякія другія чудеса, все шло какъ нельзя лучше, и мы были въ восторгѣ. Раскрывавшійся кусть съ спящей въ немъ красавицей, окруженный группою геніевъ съ освѣщеніемъ бенгальскимъ огнемъ, дѣлалъ бы честь лучшему декоратору. Русскіе витязи и богатыри, народъ, женщины, князь, все было одѣто соотвѣтственно роли cadaго и не противорѣчило ни историческимъ, ни сказочнымъ преданіямъ. Одно только мнѣ кажется странно, зачѣмъ на Черниговской площади во время нашествія печенѣговъ, при Ильѣ Муромцѣ, танцовали паде-

труа? Да еще кто? Какой-то витязь съ обтянутыми въ лосину ногами и съ нимъ двѣ танцовщицы, одѣтыя просто по балетному. Когда я вышелъ изъ дѣтскаго возраста и поосмыслился, долго еще при воспоминаніи театра на Моховой мерещилась мнѣ Черниговская площадь, обставленная великолѣпными зданіями итальянской архитектуры, и витязь съ двумя сильфидами, выпрыгивавшій по ней антраша. Прогрессъ все двинулъ впередъ. Театръ изъ тѣснаго помѣщенія на Моховой перебрался въ зданіе, которое по его размѣрамъ едва ли не первое въ этомъ родѣ въ Европѣ, а анохронизмы появляются на немъ подъ часъ и теперь, да еще въ грубѣйшемъ видѣ. Кто не любовался баломъ, который сподвижники Рюрика, Аскольдъ и Диръ, давали современному имъ Кіевскому обществу въ чертогахъ, великолѣпно освѣщенныхъ гигантскими канделябрами и люстрами, и какъ на этомъ балу выплясываютъ мазурку и краковякъ? Кто не восхищался землячками Сусанина, крестьянками деревни Коробовой, въ расшитыхъ сарафанахъ и кринолинахъ, или коръ-де-балетомъ въ Кремлевскихъ палатахъ польской сволочи, разодртой въ великолѣпные полубалетные и полупольскіе костюмы. А русалка днѣпровская въ своихъ подводныхъ чертогахъ въ бѣлой блузѣ и въ кринолинѣ!... и проч.

Въ другой разъ, это было въ пятницу или субботу на масляницѣ, хорошо не помню, отецъ мой, взявъ съ собою меня и брата, поѣхалъ съ нами въ театръ. При входѣ въ раекъ взяли билеты, кажется по двугривенному; но тѣснота въ дверяхъ райка была такая, что пробраться туда было нелегко. Я былъ малъ, задоренъ и потому началъ работать локтями. „Смотри ты, не толкайся, баринъ, а то самого такъ толкнуть, что и духъ вонъ! жаль только, что молоденецъ-то ты, вотъ что!“—сказалъ мнѣ какой-то господинъ въ фризовой шинели, съ опухшими потреснутыми губами, и слова эти такъ глубоко запали мнѣ въ душу, такъ созналъ я съ тѣхъ поръ право всякаго человѣка на уваженіе, что въ жизни своей, даже провожая дамъ чрезъ толпу, будучи офицеромъ и кавалеристомъ, не только никого не толкнулъ, но даже и не отодвинулъ, не предупредивъ или не попросивъ извиненія.

Давали Смерть Роллы, трагедія Коцебу. Роль Эльвиры занимала г-жа Вѣтроцинская—любимица райка и молодого Московскаго купечества. Въ раекъ, чтобы занять тамъ

получше мѣсто, надобно было придти по крайней мѣрѣ часа за два до начала спектакля. Такъ сдѣлали и мы. При насъ начали зажигать лампы, при насъ музыканты заняли оркестръ и, наконецъ, по немножку начала съѣзжаться публика. Въ это время Вѣтроцинская, костюмированная въ мужской испанскій нарядъ пунцеваго цвѣта, нѣсколько по балаганному, въ которомъ должна была играть Эльвиру,—вышла изъ занавѣса съ боку, подошла къ самой срединѣ авансцены, переговорила что-то съ однимъ изъ музыкантовъ и, какъ мнѣ помнится, что-то передала ему и опять ушла за занавѣсъ. При удивительной простотѣ тогдашнихъ театральныхъ нравовъ выходъ Вѣтроцинской, кажется, никого не удивилъ. По райку пробѣжалъ восторженный говоръ: Вѣтроцинская, вонъ Вѣтроцинская—и намъ, видѣвшимъ всегда выходящихъ на показъ прежде представленія паяцевъ и акробатовъ совсѣмъ костюмированныхъ, появленіе Вѣтроцинской казалось въ порядкѣ вещей.

Роль Роллы занималъ также любимецъ Московскаго купечества г. Максимъ, перешедшій на московскую сцену съ Петербургской. Игра его была ниже посредственной, и въ журналѣ „Благонамѣренный“ Максима сравнивали съ козломъ. Онъ безъ милосердія размахивалъ руками и, какъ я помню, становился все задомъ къ тѣмъ, съ кѣмъ говорилъ. Перуанскіе воины были одѣты довольно хорошо, рубашки и головное украшеніе изъ перьевъ—составляли ихъ нарядъ; ноги и руки были обнажены, или вѣрнѣе обтянуты трико подъ цвѣтъ смуглой человѣческой кожи, но Ролла, какъ Перуанскій полководецъ, надѣлъ на себя шелковыя панталоны, шелковые бѣлые чулки и красные башмаки съ бантами.

Представленіемъ этой трагедіи мы съ братомъ не были довольны, въ особенности негодовали на Максима, который своею игрою исказилъ въ нашемъ воображеніи идеальнаго дикаря, героя Роллы.

Трагедія Коцебу была уже нами прочтена въ переводѣ и даже не одинъ разъ, а потому даваемая трагедія была намъ давно знакома. За „Смертію Роллы“ давался водевиль: „Новая шалость или театральное сраженіе“, Хмѣльницкаго. Тутъ опять играла Вѣтроцинская въ роли одного изъ воспитанниковъ военной школы и играла мило. Вообще воде-

виль этотъ вполне удовлетворилъ насъ, и мы долго не могли забыть Лисицину и Воеводскаго.

Такъ прошла масляница и наступилъ великій постъ. Въ домѣ Нестеровыхъ, казалось, все шло своимъ порядкомъ, но въ сущности готовился ударъ этому семейству, который вскорѣ и разразился. Молодая, наша добрая тетенька умерла скоротечною чахоткою; это извѣстіе привезъ намъ въ пансіонъ отецъ, когда она была уже схоронена. Расказывали послѣ, что когда она еще кончалась, на крыльцѣ и у воротъ дома уже толпились гробовщики съ образчиками бархату, галуновъ и парчи....

Отецъ мой въ оранжереяхъ дворцоваго сада, которыхъ теперь нѣтъ и въ поминѣ, накопилъ цвѣтовъ и усыпальницами покойницу въ гробу....

Узнавъ о кончинѣ тетеньки, мы, а особенно братъ мой, очень плакали....

Потомъ, потомъ... время и молодость взяли свое, слезы скоро обсохли и прекрасная тетенька мало-по-малу была забыта.

ГЛАВА IX.

Мои успѣхи въ пансіонѣ.—Мечты.—В. А. Ріспи.—Поѣздка въ Люба-
во.—Е. А. Гуферландъ.—Первая любовь. Мое первое стихотвореніе.—
Мечты о войнѣ.—Прогулка въ Марьину рощу.—Публичный экзаменъ.—
Возвращеніе въ Любаво.—Надежды на поступленіе въ полкъ.—Гене-
ралы Петерсонъ и Бистромъ.—Тетушка Варвара Петровна Ренова.—
Стихоманіе того времени.—Визитъ новобрачныхъ Шуваловыхъ.—И. И.
Шуваловъ.—Его судьба и смерть.—Случай, рѣшившій мою участь.—
Командировка брата Алексѣя и его пріѣздъ.—Отъѣздъ изъ Любава.—
Впечатлѣніе свободы.—Пребываніе въ Москвѣ.—Дорога въ Могилевъ.—
Еврей въ Лядахъ.—Пріѣздъ въ Могилевъ.—Наша жизнь.—Юнкерская
служба.—Мои друзья.—Капитанъ Сафроновъ.—Полковникъ Гаяри-
новъ.—Баль.—Моя болѣзнь.—Иезуитскій коллегіумъ.—Зачисленіе въ
драгунскій полкъ.—Пріѣздъ въ Москву.—Блюмеръ.—Посѣщеніе те-
атра.—Водевиль „Шіэтро-Дондини“.—Возвращеніе къ отцу.—Смерть
брата Михаила.

Въ 1829 году февраля 28 исполнилось мнѣ 16 лѣтъ. Я жилъ и продолжалъ учиться въ пансіонѣ; но ученіе не шло мнѣ въ голову и, наконецъ, опротивѣло до того, что я и на науку и на самихъ жрецовъ ея начиналъ глядѣть съ отвращеніемъ. Кистеръ, смотря на меня во время уроковъ нѣмецкаго языка и сдѣлавъ кисло-грустную гримасу, говаривалъ: „Шалкій, шалкій—мальшикъ!“, а французъ Дюсосе, когда я бывало стою передъ нимъ съ веселымъ, беззаботнымъ лицомъ, но безъотвѣтно на всѣ его вопросы, обращаясь къ ученикамъ, моимъ товарищамъ по классу, торжественно заявлялъ: „Selivanoff a un bon coeur, mais sot!...“

Впрочемъ, мнѣ ни до сожалѣній Кистера, ни до заявленій Дюсосе мало было дѣла. Я весь былъ погруженъ въ очарованія мечты, исполненныхъ поэзіи и жизни.

Предметами моихъ мечтаній, во-первыхъ, были образы дѣвъ, одаренныхъ всѣми прелестями той роскошной красоты, какими юная праматерь Ева очаровала нашего праотца Адама. На всякую мало-мальски смазливую дѣвченку

я смотрѣлъ, какъ Адамъ на Еву, чему, кромѣ врожденной воспримчивости чувствъ, много способствовало тогдашнее элегически-нѣжное настроеніе нашей литературы, а еще болѣе чтеніе непечатныхъ стихотвореній Баркова, Полежаева, Языкова, В. Пашкина и прочихъ писателей въ этомъ родѣ, творенія которыхъ, мимоходомъ сказать, были очень распространены въ нашемъ пансіонѣ. Во вторыхъ, я уже мѣсяца два какъ былъ влюбленъ, и вотъ какъ это случилось:

Въ декабрѣ 1828 года передъ Рождествомъ батюшка прислалъ въ Москву тройку лошадей съ тѣмъ, чтобы мы съ братомъ Ильей пріѣхали въ Любаво провести съ нимъ святки. Для большаго удовольствія братъ Илья пригласилъ ѣхать съ нами одного своего пріятеля, архитектора Московской строительной комиссіи, В. Ан. Ріеппи.

Василій Антоновичъ былъ сынъ итальянца, садовника при дачѣ Яковлева, что была близъ Сокольниковъ. Теперь эта живописная дача давно уже перешла въ другія руки, а отъ дома не осталось и слѣдовъ.

Ему тогда было не болѣе 23 или 24 лѣтъ. Онъ былъ очень хорошъ собою, носилъ военный мундиръ корпуса инженеровъ путей сообщенія, былъ сложенъ, какъ Аполлонъ, танцевалъ великолѣпно, отлично рисовалъ акварелью и хорошо игралъ на гитарѣ. Мать его была русская, вслѣдствіе чего онъ по вѣрѣ православной, по душѣ нараспашку и разгульному добродушію, былъ совершенный русакъ. Для деревни такой гость—кладъ; и вотъ мы второе, втиснувшись въ небольшую кибитку, 21 числа декабря въ 1-мъ часу тихой и звѣздной морозной ночи, выѣхали изъ Москвы.

Всю дорогу—мы всѣ трое были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дорожныхъ приключеній особенно замѣчательныхъ не было.

На вторыя сутки, часу въ 7-мъ вечера, по сугробамъ снѣговъ подѣхали мы къ крыльцу нашего скромнаго деревенскаго дома. На звонъ нашего поддужнаго колокольчика съ оглушительнымъ лаемъ сбѣжалась къ крыльцустая собакъ, мѣшаясь съ бѣгущими туда же изъ дворовыхъ избъ ребятишками. На крыльцѣ встрѣтилъ насъ дворецкій, Тимофей Ивановичъ, съ сальнымъ огаркомъ въ мѣдномъ засаленномъ подсвѣчникѣ въ рукахъ и еще два

или три лакея; а изъ отворенной двери лакейской, въ которую въ нетерпѣннѣи высунулся батюшка, валилъ намъ на встрѣчу густой и теплый паръ. Позади батюшки видна была сестра Анночка, далѣе тетушка и, наконецъ, толпа молодыхъ горничныхъ дѣвокъ, въ предшествіи старой Марфы Александровны и сестриной няни Софьи Ивановны. На всѣхъ лицахъ была написана непритворная радость; а у Марфы Александровны всегда круглые совиные глаза, казалось, отъ радости сдѣлались еще круглѣе.

Сестрѣ Анночкѣ было 16 лѣтъ и въ то время она была въ полномъ блескѣ своего дѣвическаго развитія. Живя въ деревнѣ почти въ совершенномъ одиночествѣ, потому что ни батюшка, ни тетушка, при всей любви своей къ ней не могли же наполнить окружавшей ее пустоты, она читала и только читала, разумѣется романы—и конечно была болѣе всѣхъ рада въ домѣ нашему пріѣзду. На другой день Василій Антоновичъ, какъ художникъ и любезный молодой человѣкъ, предложилъ снять съ нея акварельный портретъ. Предложеніе, съ разрѣшенія батюшкина, было принято, и онъ немедленно приступилъ къ дѣлу.

Весело прошло время краткаго нашего пребыванія въ Любавѣ отъ Рождества и до Крещенія. То сосѣди у насъ, то мы у сосѣдей. Каждый почти вечеръ игры, пляски, наряжанья, танцы. Мы танцевали въ Карцовѣ у Селивановыхъ, въ Строиловѣ у Исаковыхъ, въ Павловскѣ у Н. М. Коноплиной, у насъ, т. е. у себя дома, и, наконецъ, въ Нѣмцовой слободкѣ у Андрея Ефремовича Гуферландъ. Какъ у насъ гости, сосѣди, такъ и мы у иныхъ сосѣдей ночевали ночи по двѣ. Танцевали и подъ органъ, танцевали и подъ фортепьяны, и подъ музыку Коноплиной.

Изъ всѣхъ знакомыхъ дѣвицъ болѣе всѣхъ интересовала нашу молодежь дочь Андрея Ефремовича Гуферландъ, Елизавета Андреевна. Не знаю, была ли она дѣйствительно такъ хороша собою, какъ мнѣ тогда казалось, но чтобы не оставалось для читателя ничего недоговореннаго, постараюсь описать ея примѣты: лѣта—17, волосы—свѣтлорусые, спускавшіеся къ плечамъ длинными локонами, глаза—голубые, кроткіе, разрѣзъ ихъ продолговатый съ поволокой, ротъ—изящный, съ розово-караловыми губками, которыя Василій Антоновичъ называлъ брусничкою, зубки—жемчужные

Часто встрѣчаясь съ Елизаветой Андреевной, я началъ находить наслажденіе, незамѣтно для нея, любоваться ею, но все это безъ особеннаго участія сердца. Мнѣ даже казалось, что я и на нее смотрѣлъ, какъ на вѣхъ другихъ дѣвъ, однакожь скоро убѣдился, что потребность въ созерцаніи хорошенкаго личика Елизаветы Андреевны заключала въ себѣ побужденія и болѣе возвышенныя, и болѣе чистыя.

Разъ, танцуя съ нею котильонъ, я, какъ истинный Дезире-Корбо, подсѣлъ къ ней очень близко и, когда она хотѣла мнѣ что-то сказать и я наклонился къ ней, то почувствовалъ прикосновеніе ея локона къ своему лицу и горячее ея дыханіе на моей щекѣ. О, это была роковая искра, брошенная въ порохъ...

Вотъ эту-то искру, затлѣвшуюся въ моемъ сердцѣ, я привезъ по возвращеніи изъ деревни въ пансіонъ.

Любовь въ юномъ сердцѣ плохо уживается съ учебниками, и я, чтобъ они не мѣшали мнѣ предаваться моимъ завѣтнымъ мечтаніямъ, пересталъ окончательно въ нихъ заглядывать. Случилось однажды такъ, что въ одну длинную январскую ночь напала на меня бессонница. Я ворочался съ боку на бокъ, напрасно усиливаясь заснуть, и, наконецъ, началъ думать о ней!.. Думалъ, думалъ... Вотъ мысли мои начали понемногу слагаться въ рифмы, потомъ въ строфы, путались, двоились, испарялись, и когда утренній свѣтъ озарилъ комнату, я, вырвавъ изъ какой-то попавшейся мнѣ подъ руку тетради листокъ, записалъ на немъ карандашемъ то, что подсказала мнѣ бессонная ночь.

Это было мое первое стихотвореніе. Вотъ оно:

Какъ радъ былъ я, когда увидѣлъ
Твой глаза и ротикъ твой;
Но тутъ же я возненавидѣлъ
Сей день и даже міръ земной.
Когда впервые съ удивленьемъ
Я взглядомъ утѣшалъ себя,
И часто взоръ мой съ дерзновеньемъ
Былъ обращенъ лишь на тебя.

Какъ радъ былъ я, когда случалось
Сидѣть мнѣ близко отъ тебя;
Но сердце грустію терзалось:
Зачѣмъ несчастливъ я, любя?
Зачѣмъ такъ близко находился
Прелестнѣйшихъ твоихъ очей?
Зачѣмъ такъ скоро я плѣнился
Пріятностью твоихъ рѣчей?!

* *
*

Какъ радъ я былъ, когда въ эфирѣ
Я видѣлъ нѣжный образъ твой
И глазки свѣтло-голубые
Съ твоею чистою душой.
Я въ нихъ читалъ лишь восхищенье
Невинности твоей святой,
Тогда бывалъ я въ упоеньи
И возлеталъ къ тебѣ мечтой.

Я и спалъ и видѣлъ, какъ бы поскорѣ надѣтъ мнѣ
военный мундиръ. Скорѣ бы подъ ружье, скорѣ бы на
войну!..

Съ какой магической, чарующей лирою вербовали меня
на ратные подвиги и „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“
и поэтъ—партизанъ Давыдовъ.

Его „бранная лира“ неотразимо дѣйствовала на мое
воображеніе. Духъ мой носился съ поэтомъ „по дымному
полю между пылавшихъ огней“, гдѣ я съ нимъ вмѣстѣ
восхищался „Бурцовымъ“, этимъ „красою—гусаровъ“, но
вмѣстѣ съ тѣмъ „ерой и забіякой“, или скорбѣлъ о „друзь-
яхъ минувшихъ лѣтъ“.

Какое же тутъ можетъ быть сравненіе, сидѣть ли за
латинской грамматикой въ душномъ классѣ, чуть ли не
всякій день слышать: „Шалкій—этого право—ей Богу—
мальшикъ!“ или въ киверѣ „звѣрски на бекрень“ порхать
по широкому полю на ухарскомъ конѣ.

Школьная скамья мнѣ опротивѣла, страсти во мнѣ
бушевали, кровь кипѣла ключемъ. Любовь и война, война
и любовь — смѣшались и поглотили всѣ мои помыслы, все
мое бытіе.

А между тѣмъ время все шло, да шло. Я жилъ въ пансіонѣ, но не учился; по воскресеньямъ и по праздникамъ ходилъ къ братьямъ на Ольховцы, а по буднямъ и нерѣдко, пользуясь сумерками, уходилъ тихонько изъ пансіона чрезъ заднія ворота на улицу. Побродивши часъ или два по Набережной, по Кремлю, или по Красной площади, я тѣмъ же путемъ возвращался въ пансіонъ. Все удовольствіе этихъ прогулокъ заключалось единственно въ томъ, что я, хоть на короткое время, чувствовалъ себя внѣ пансіонскаго надзора.

Прошла масляница, прошла святая недѣля—время близилось къ лѣтней вакаціи. Въ семикъ, поутру были въ пансіонѣ классы, а послѣ обѣда по случаю гулянья въ Марьиной рошѣ учителей не было. Воспользовавшись свободой, я одѣлся въ новый мой синій фракъ съ бронзовыми золочеными пуговицами, надѣлъ на голову круглую шляпу и вышелъ тихонько изъ пансіона, направивъ свой путь въ Марьину рощу. Небо мало-по-малу заволокалось сѣрыми ненастными облаками и уже сталъ накрапывать дождь. Надобно бы было возвратиться въ пансіонъ, но не воспользоваться свободой, когда ужъ разъ вырвался изъ неволи—казалось мнѣ малодушіемъ, и я все шелъ, все шелъ впередъ, все далѣе и далѣе, а дождь все усиливался, усиливался и ужъ лилъ, какъ изъ ведра. Я чувствовалъ, что на мнѣ уже давно нѣтъ сухой нитки, а я все иду впередъ и не оглядываюсь.

Встрѣчные смотрѣли на меня съ удивленіемъ, лавочники въ каретномъ ряду и по 1-й мѣщанской смѣялись, а иные съ участіемъ говорили: „Куда вы баринъ—ишь вѣдь какой дождь!“, а я все шелъ. Вотъ и Крестовская застава, а вонъ вдали и Марьиная роща. Еще минутъ 15 ходьбы, и я въ рошѣ. Жандармы и казаки, бывшіе въ нарядѣ, спѣшившись и закутавшись въ шинели, стояли кучками между деревьевъ, одинокая карета скорой рысью проѣзжала по гуляню. Дождь лилъ.... Не смотря однакожъ на потоки дождя, на страшную грязь, во многихъ мѣстахъ рощи производились чаепитія, вѣроятно такой публикой, которая прибрела сюда съ утра изъ отдаленныхъ краевъ Москвы. По большей части дамы были одѣты въ бѣлыя кисейныя и даже съ прошивками платья и съ пунцовыми драдемамовыми

платками на плечахъ, а кавалеры во фракахъ и сюртукахъ лакейскаго типа. Въмѣсто столовъ чаепійцамъ служили могильные камни когда-то тутъ бывшаго въ старину нѣмецкаго кладбища, а отъ дождя любезныя дамы, какъ себя, такъ и своихъ кавалеровъ, укрывали своими бѣлыми каленкоровыми зонтиками; тогда еще антука не знали. Изъ трактировъ неслись вопли цыганскихъ завываній и шумъ пьянаго кутежа.

Пройдя Марьину рощу отъ одного конца до другого, я пошелъ въ обратный путь. Нечего говорить, въ какомъ состояніи было на мнѣ платье, т. е. мой синій съ золочеными пуговицами фракъ. Увы! прелесть новизны для него была потеряна навсегда, хотя онъ и былъ переданъ для переутюжки портному; а изъ сапогъ, снявши ихъ, я вылилъ порядочное количество воды.

Наступилъ іюнь. Время близилось къ вакаціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ публичному экзамену. Нетерпѣніе мое скорѣе оставить пансіонъ росло все сильнѣе. Въ день экзамена еще съ утра начались въ пансіонѣ приготовленія. Рекреаціонную залу къ одному ея концу на четвертую часть перегородили поперекъ барьеромъ; за барьеромъ разставили скамьи для учениковъ, а посрединѣ ближе къ барьеру двѣ черныхъ классныхъ доски на треножкахъ. Впереди барьера былъ поставленъ большой столъ, накрытый зеленымъ коленкоромъ, на которомъ были разложены приготовленные для отдачи наградныхъ пять серебрянныхъ медалей, изъ которыхъ одна была вызолоченная, похвальные листы и книги. Далѣе разставлены полукружіемъ кресла для экзаменаторовъ, профессоровъ университета и учителей, а еще далѣе нѣсколько рядовъ стульевъ для публики.

Въ четыре часа всѣхъ насъ учениковъ повели попарно за барьеръ, гдѣ мы разсѣлись на скамьяхъ поклассно; въ 5 часовъ начали сѣзжаться экзаменаторы, профессора, учителя, а, наконецъ, мало-по-малу и публика. Около 6-ти часовъ начался экзаменъ. Описывать экзаменъ, особенно публичный, нечего. Начался онъ, какъ я уже сказалъ, около 6 часовъ, окончился часу въ 11-мъ. Въ эти съ небольшимъ 4 часа произведено было испытаніе всѣмъ 4 классамъ изъ всѣхъ наукъ, начиная съ закона Божія и кончая физикой, ботаникой, для которой были приготовлены роскошныя бу-

кеты цвѣтовъ въ вазахъ, стоявшихъ передъ профессорами на столѣ, и военными науками: фортификаціей и артиллеріей. Исключая закона Божія, русской исторіи да полевой фортификаціи, я умѣлъ увернуться отъ испытанія въ другихъ предметахъ такъ ловко, что никто этого и не замѣтилъ. Михайла Петровичъ Погодинъ, тогда еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, ближе всѣхъ другихъ профессоровъ сидѣлъ къ барьеру, и когда тотъ классъ, въ которомъ находился я, не стоялъ на испытаніи, подзывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей поодинокѣ и предлагалъ имъ вопросы изъ исторіи. Хотя я по части русской исторіи и не былъ слабѣе другихъ, потому что много читалъ Карамзина, но все-таки по чувству самосохраненія почелъ за лучшее спрятаться отъ обязательнаго вниманія Михаила Петровича.

Александръ Дмитріевичъ Смирновъ, учитель русской грамматики, извѣстный уже читателю, явился на экзамень и выбрить, и напомаженъ, хотя все-таки въ своемъ неизмѣнномъ сильно потертомъ, коричневомъ фракѣ съ длинно-прицѣпленной въ петлицѣ, на владимірской лентѣ, бронзовой дворянской медалью 12-го года. Жилетъ его изъ бѣлаго пике былъ чисто вымытъ, но огромное почти во всю половину жилета чернильное пятно, которое отъ мытья сдѣлалось только желтымъ, придавало всей фигурѣ Алекс. Дмит. особенную оригинальность.

Когда очередь дошла до него, онъ, вызвавъ одного изъ учениковъ его класса къ доскѣ, велѣлъ взять мѣлъ.

„Пиши“, сказалъ Александръ Дмитріевичъ: „Мысли наши, подобно вѣтру, переносятся отъ одного предмета къ другому“.

— Какія же вѣтряныя мысли!—замѣтилъ громко профессоръ Снегиревъ. Всѣ захохотали, а Александръ Дмитріевичъ, обернувшись къ нему, оскалилъ подобострастно зубки и, пошменивъ ножками, торопливо поправилъ на головѣ свои сѣдые кудри.

Послѣ одного изъ испытаній, когда нашъ классъ, отошедъ отъ барьера, сѣлъ на свое мѣсто, Кистеръ, желая показать передъ публикою отеческую нѣжность къ своимъ воспитанникамъ, обратился къ нашему классу и, сдѣлавъ очень пріятную исполненную любви гримасу, сказалъ: „Allaiz, enfants, demander quelquechose à vous manger“.

Разумѣется, мы тотчасъ встали и пошли къ Шарлотѣ Ивановнѣ. Увидавъ насъ, пришедшихъ къ ней толпою, и услыхавъ въ чемъ дѣло, она нѣсколько растерялась; но, пробормотавъ что-то по-нѣмецки, вышла въ другую комнату и въ ту-же минуту вынесла круглое блюдо съ высоко-наложеннымъ на немъ пирожнымъ въ видѣ колецъ изъ миндальнаго тѣста. Только что хотѣла она раздавать, вдругъ вслѣдъ за нами вбѣгаетъ Кистеръ, съ лицомъ разсвирѣпѣвшимъ, и, накинувшись на насъ—закричалъ: „Qu'avais vous affaire ici, allaiz vous en!“—и говоря это уже протягивалъ руки къ ушамъ...

Увидѣвъ такое неожиданное совершившееся съ Кистеромъ превращеніе, мы опрометью бросились бѣжать обратно въ залу, а онъ, разбранивъ супругу, вошелъ вслѣдъ за нами какъ ни въ чемъ не бывало, съ пріятно обязательнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Дѣло въ томъ, что когда онъ насъ послалъ полакомиться, и мы вышли, кто-то изъ профессоръ-экзаменаторовъ замѣтилъ, что во время экзамена вовсе не время ѣсть.

Профессора, присутствовавшіе на нашемъ экзаменѣ, и учителя, имѣвшіе университетскія степени, были одѣты въ синіе фраки съ форменными пуговицами и суконными малиноваго цвѣта воротниками. Эта странная форма, которую развѣ только на смѣхъ можно было придумать для ученаго сословія, существовала довольно долго. Дѣло въ томъ, что когда при императорѣ Николаѣ были введены по всѣмъ министерствамъ форменные фраки, то воротники для нихъ были присвоены бархатные по цвѣту воротниковъ парадныхъ мундировъ; а такъ какъ парадный мундиръ чиновъ университета былъ суконный малиновый съ золотымъ по немъ шитьемъ, то такой же суконный малиновый воротникъ былъ присвоенъ и форменнымъ фракамъ. Форменная одежда тогдашнихъ студентовъ былъ мундиръ синяго же сукна съ малиновымъ воротникомъ съ вышитыми золотомъ петлицами, треугольная шляпа и шпага при бедрѣ безъ темляка. Кромѣ параднаго мундира они имѣли еще сюртукъ военного покроя также синяго сукна и съ малиновымъ воротникомъ. Впрочемъ форменную одежду постоянно носили только казеннокоштные студенты. Для приходящихъ студентовъ одеж-

да эта была только обязательна на лекціяхъ, и внѣ университета никто изъ всекоштныхъ студентовъ ее не носилъ.

По окончаніи экзамена, началась раздача наградъ. Золотую медаль получилъ Соловцовъ—самый старый изъ учениковъ нашего пансіона; но такъ какъ по болѣзни онъ на экзаменѣ не былъ, то присужденную ему награду, по просьбѣ Кистера, отнесъ ему въ лазаретъ самъ инспекторъ учебного округа. Я тоже, Богъ знаетъ за что, получилъ похвальный листъ и книгу.

На другой день я послѣ экзамена ушелъ домой на Ольховцы къ братьямъ, а дня черезъ два, нанявъ тройку лошадей, ѣхалъ уже по дорогѣ въ Любаво. Я ѣхалъ на этотъ разъ одинъ, только съ моимъ человѣкомъ Никитою, состоявшимъ при мнѣ въ качествѣ дядьки и оставшимся при мнѣ камердинеромъ почти что до уничтоженія крѣпостнаго права.

Братъ Илья со мною ѣхать не могъ. Онъ въ это время кончалъ свой университетскій курсъ и у него шли экзамены. Въ Любавѣ я нашелъ только тетушку и сестру, да проживавшую у насъ въ это время одну дѣвушку изъ воспитанницъ воспитательнаго дома временъ Тутолмина. Въ воспитательномъ домѣ она была въ руководѣльномъ классѣ и во время пребыванія французовъ въ Москвѣ въ числѣ невывезенныхъ дѣвицъ оставалась въ воспитательномъ домѣ. По словамъ ея; она видѣла французовъ только въ окна, потому что въ отдѣленіи къ оставшимся дѣвицамъ ни одинъ изъ французовъ проникать не дерзалъ. Тутолминъ былъ ихъ ангеломъ хранителемъ.

По выходѣ изъ воспитательнаго дома, она имѣла мѣста въ Саратовѣ, а потомъ жила у моего дяди Николая Павловича при малолѣтнихъ дочеряхъ, надзирая за ними и обучая ихъ грамотности и руководѣльямъ. Въ 26-мъ или 27-мъ году она отъ дяди отошла и до пріисканія мѣста проживала у насъ, какъ семьянинка. Немного подслѣповатая, очень блѣдная и худая, нѣсколько мечтательная, какъ подобаетъ старой дѣвѣ, она была любима всѣмъ нашимъ семействомъ за ея веселость и своеобразныя шутки, переходившія нерѣдко въ дурачество.

Отца въ это время въ Любавѣ не было. Онъ съ мая уѣхалъ въ Тамбовскую вотчину Орловку и оставался тамъ почти до августа.

Лѣто было великолѣпное, и я весь предался наслажденіямъ деревенской свободы. Бродилъ по лѣсамъ, оврагамъ и болотамъ, ѣздилъ верхомъ и купался. Иногда отъ усталости бросался гдѣ нибудь на траву въ кустарникъ и предавался моимъ любимымъ мечтаніямъ, т. е. о любви и войнѣ, или, лучше сказать, о предстоящей жизни въ полку, о будущихъ товарищахъ-юнкерахъ и о впечатлѣніи, какое я буду производить конно-егерскимъ мундиромъ, гремящей саблею и звенящими шпорами на нее и на всѣхъ вообще дѣвицъ и женщинъ.

Я непремѣнно надѣялся поступить въ Переяславскій конно-егерской полкъ, и вотъ почему образовалась эта надежда. Братъ Алексѣй въ 1828 году перешелъ изъ пѣхоты, гдѣ онъ послѣднее время былъ бригаднымъ адъютантомъ у генерала Петерсена, въ Переяславскій конно-егерской полкъ. Когда онъ ѣхалъ изъ Курляндіи въ Шигры, гдѣ былъ штабъ Переяславскаго полка, я видѣлъ его при проѣздѣ черезъ Москву и его конно-егерскій мундиръ окончательно свелъ меня съ ума. Съ тѣхъ поръ я только и думалъ, чтобы скорѣе быть коннымъ егеремъ и до того увлекался этою мыслию, что на меня по временамъ находила тоска. Я еще не былъ увѣренъ, что батюшка позволить мнѣ въ 16 лѣтъ оставить ученье и пансіонъ.

Кстати о генералѣ Петерсенѣ. Онъ былъ уроженецъ Курляндіи, исповѣданія лютеранскаго; по словамъ брата терпѣть не могъ нѣмцевъ. „Для нѣмца побойться — все равно, что русскому м...“, говаривалъ Петерсенъ. Это мнѣ напоминаетъ другого нѣмца по рожденію, но русскаго душою. Это покойный генералъ адъютантъ Бистромъ, начальникъ всей гвардейской пѣхоты. По словамъ Крутова, бывшаго въ 30-хъ годахъ моимъ полковымъ командиромъ въ Казанскомъ Драгунскомъ полку, для Бистрома нѣмецъ было браннымъ словомъ. „Салтыковъ, Ваше Высочество, ужасный нѣмецъ“, говорилъ онъ разъ великому князю Михаилу Павловичу, вознегодовавъ за что-то на Салтыкова. Будучи лютеранинъ, Бистромъ постоянно носилъ на своей косматой широкой груди православный тѣльникъ.

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ въ Любаво братъ Илья съ степенью дѣйствительнаго студента. Разумѣется онъ былъ счастливъ и доволенъ, окончивъ свой четырехлѣт-

ній университетскій курсъ, но въ тайнѣ его сердца гнѣзди-
лась скорбь другого рода. Предметъ его страстной любви,
Софья Петровна Шепочкина, дѣвушка дѣйствительно пре-
лестная собою, какъ слышно, была помолвлена. Сначала
онъ примѣтно тосковалъ, но мало-по-малу онъ началъ свы-
каться съ своимъ горемъ и, наконецъ, повеселѣлъ.

Разъ, когда онъ, сестра, я и Варвара Александровна
возвращались съ прогулки, когда солнце во всемъ блескѣ
своей вечерней красоты торжественно опускалось за гори-
зонтъ, и мы вспомнили слова изъ трагедіи „Разбойники“,
Шиллера, произнесенныя Карломъ, когда онъ, окруженный
разбойниками, смотрѣлъ съ холма на закатывавшееся солн-
це: „Такъ умираетъ герой, достойный обожанія!“—вдругъ
видимъ, что къ крыльцу подѣхала коляска, запряженная
четвернею красивыхъ гнѣдыхъ лошадей. Высокій видный
лакей вскочилъ съ козелъ, чтобъ отворить дверцу, и изъ
коляски вышла молодая красивая женщина съ маленькимъ
зонтикомъ въ рукахъ. Это была тетушка Варвара Петровна
Ренова. Въ это время она была вдовою. Ея веселый нравъ,
ея ласки къ намъ, ея живое сочувствіе молодости и, глав-
ное, привлекательная наружность, обворожили всѣхъ насъ
такъ, что мы скоро привязались къ ней со всѣмъ востор-
гомъ юношескихъ сердецъ. Самъ братъ Илья при ней
повеселѣлъ и, увлекаемый новымъ обаяніемъ, хотя и со-
вершенно другого рода, примѣтно забывалъ свое сердеч-
ное горе.

Тетушкѣ Варварѣ Петровнѣ было тогда съ неболь-
шимъ лѣтъ 30-тъ; но она, никогда не имѣвши дѣтей, такъ
хорошо сохранилась, что на видъ ей казалось 27 или 28-мъ.
Тогда было время поэзіи, или стихоманіе. Была-ли это мода
или повѣтріе, только всѣ молодыя дамы, дѣвицы, молодые
люди всѣхъ мнѣ извѣстныхъ слоевъ общества въ столи-
цахъ и деревняхъ—все бредило стихами, выражалось сти-
хами, философствовало стихами и занималось переписыва-
ніемъ стиховъ въ тетрадки. У всѣхъ дамъ и дѣвицъ были
цѣлыя кипы переписанныхъ стиховъ. Жуковскій, Пушкинъ,
Баратынской, Дельвигъ, Козловъ, Грибоѣдовъ, Туманскій,
Ө. Глинка и множество другихъ поэтовъ представляли не-
исчерпаемый запасъ общественнымъ разговорамъ, а въ мо-
лодыхъ дѣвицахъ и дамахъ развивали чувствительную мечта-

тельность, увлекавшую ихъ въ какой то невѣдомый міръ, гдѣ живутъ только образы безъ лицъ!...

Это время было временемъ какихъ-то сладостныхъ грезъ, безъ отрицанія, безъ сомнѣнія, время какой-то духовной изнѣженности, наконецъ, время идеаловъ.

Батюшка любилъ слушать, когда мы ему читали стихи; но говаривалъ: „хорошо! только, по моему, стихи разслабляютъ чувства молодежи!...“ Разумѣется, что онъ говаривалъ это о стихотвореніяхъ элегическаго свойства, гдѣ господствовавшей мыслию была любовь и нѣга.

Подчиняясь духу времени, наша проѣзжая тетушка привезла съ собою стопы двѣ исписанной стихами бумаги, и во время своего гощенія у насъ переписывала „Абадоскую невѣсту“ Козлова. Дни шли за днями.... Время проходило въ чтеніяхъ, въ прогулкахъ, въ разговорахъ, подъ вліяніемъ самаго пріятнаго настроенія духа всего нашего семейства. И дѣйствительно, время это, какъ вообще, такъ въ особенности для нашего дома, было хорошимъ временемъ. Каждая газеты привозили только извѣстія о побѣдахъ, о новомъ торжествѣ нашего оружія: тогда шла война съ турками.

Лѣто стояло чудесное, воздухъ благоуханный, хлѣба превосходныя. Довольство въ нашемъ домѣ съ окончательнымъ переходомъ вотчинъ бабушки Александры Николаевны въ наши руки возросло со дня на день... Всѣ карнизы нашихъ отъ времени и непогодъ потемнѣвшихъ хоромъ были унизаны гнѣздами ласточекъ, какъ будто подтверждая народное повѣрье, что благо дому тому, подъ кровлею котораго гнѣздятся ласточки.

Вскорѣ послѣ Ильина дня возвратился въ Любаво и батюшка. Онъ былъ бодръ, дѣятеленъ, веселъ. Въ отношеніи насъ же, т. е. дѣтей своихъ, нѣженъ и ласковъ. Съ пріѣздомъ его, мысль объ опредѣленіи въ юнкера пробудилась во мнѣ съ новою силою; но я какъ-то робѣлъ начать съ батюшкою разговоръ объ этомъ и, боясь получить отказъ, откладывалъ его до удобной минуты. Случай, повидимому ничтожный, ускорилъ это дѣло.

Дня за 2 еще до Ильина дня пріѣхали къ намъ гости. Это была Наталья Николаевна Батурина съ дочерью Аделью Павловной и зятемъ Пв. Пв. Шуваловымъ. Это, вотъ ви-

дите ли, къ намъ пріѣхали молодые новобрачные сдѣлать 1-й родственный визитъ.

Молодой было лѣтъ 19, а молодому 22 года. Въ лицахъ новобрачныхъ соединялось хорошее состояніе какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Онъ служилъ въ конной гвардіи и съ чиномъ поручика вышелъ въ отставку, имѣлъ изящныя манеры свѣтскаго человѣка, былъ хорошъ собою и любезенъ. Дѣйствительно же онъ былъ добрый малый. Хотя молодая была и молода, и недурна, и богата; но, какъ въ послѣдствіи говорили, онъ женился на ней не по любви, а какъ на богатой невѣстѣ, въ видахъ поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ.

Послѣдствія этого не замедлили обнаружиться. Онъ сталъ вѣтреничить, она ревновать, а теща своими наблюденіями за его поведеніемъ подливала только въ огонь масла. Плодомъ этого брака были двѣ дочери, возрастъ ихъ требовалъ развитія, какъ умственныхъ способностей, такъ и талантовъ, и для того была нанята гувернантка. Къ несчастію, гувернантка эта была не болѣе 19 лѣтъ и чрезвычайно хороша собою. Какъ и слѣдовало ожидать Иванъ Ивановичъ предался ей со всѣмъ пыломъ необузданной страсти. При деревенской обстановкѣ связь ихъ не могла долго оставаться тайною, она сдѣлалась беременна; ее хотя и отпустили, но вслѣдствіе домашнихъ бурь у него разлилась желчь, доведшая его до умопомѣшательства. Теща и жена привезли его въ Москву. Онъ былъ молчаливъ, тихъ и покоренъ. Въмѣсто того, чтобы избѣгать всего того, что могло его тревожить, онъ, приписавъ его умопомѣшательство порчѣ, пригласили какого-то священника-спеціалиста по части отчитыванія одержимыхъ бѣсами, чтобъ онъ его отчиталъ. Какъ происходило это отчитываніе, я хотя и слышалъ тогда, но теперь забылъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1843 года я, будучи женихомъ, пріѣхалъ изъ Саранска въ Москву. Въ 6 часовъ утра, когда батюшка еще почивалъ, я взошелъ въ домъ, и первый, встрѣтившій меня въ сѣняхъ, былъ камердинеръ батюшки. Поздравивъ меня съ невѣстой, онъ вслѣдъ затѣмъ сказалъ „А вчера папенька вашъ былъ на похоронахъ!“

— У кого? спросилъ я.

„Иванъ Ивановичъ Шуваловъ зарѣзался“.

И вотъ что я узналъ отъ батюшки, когда онъ проснулся, и я вошелъ къ нему поздороваться.

Послѣ отчитываній, Иванъ Ивановичъ сталъ еще скрытнѣе, и жена его, изъ боязни спать съ нимъ одна, клала двухъ своихъ далеко еще несовершеннолѣтнихъ дочерей. Старшей дочери было 13, другой лѣтъ 10, и каждый вечеръ въ спальнѣ на полу стлали имъ особую постель. Въ роковой вечеръ Иванъ Ивановичъ особенно усердно хлопоталъ о постеляхъ дочерямъ, самъ носилъ подушки, одѣяла, простыни, а между тѣмъ подъ свою подушку тихонько припряталъ бритву. Выждавъ минуту, когда жена начала забываться первымъ сномъ, онъ, доставъ бритву, хватилъ ею по горлу жену. Та вскрикнула и, защищаясь руками отъ вторичнаго удара, стала хвататься за бритву, при чемъ изрѣзала себѣ руки. Крикъ ея заставилъ его оставить жену, и онъ бросился на дочерей. Старшей успѣлъ сдѣлать на шеѣ два глубокихъ порѣза, но поднявшаяся въ домѣ тревога не допустила его довершить убійства. Испугавшись самъ своего дѣла, онъ въ отчаяніи бросился въ другую комнату и, когда зажгли свѣчу и вошли туда, нашли его стоящимъ посреди комнаты въ одной окровавленной рубашкѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Еще мгновеніе—и онъ мертвый упалъ на полъ.

Всякое медицинское пособіе для него было уже поздно. Жена же и дочь чрезъ нѣсколько недѣль были уже совершенно здоровы. Эпизоду этому хотя бы и не кстати быть вклеену въ мой разсказъ; но я коснулся его по поводу перваго визита молодыхъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ въ присутствіи ихъ не хотѣлось показаться въ худыхъ заношенныхъ сапогахъ; заказанные вновь сапоги еще не были готовы, а готовыхъ купить въ деревнѣ сапогъ негдѣ. Какъ тутъ быть?... Шаря вездѣ, я залѣзъ въ батюшкинъ шкафъ и тамъ нашелъ его сапоги, но не простые, а высокіе съ кисточками въ родѣ гусарскихъ, какіе тогда хотя уже вышли изъ моды, но ихъ еще носили при гражданскихъ мундирахъ. Батюшка имѣлъ очень небольшія ноги и я, примѣривъ его сапоги, нашелъ, что они были мнѣ въ пору. Не думая ни мало, я отрѣзалъ верхнюю ихъ часть почти до половины голенища и, бросивъ съ ногъ свои худые сапоги, надѣлъ отцовскіе.

По возвращеніи батюшки, камердинеръ его, не найдя въ шкафу оставшихся тамъ сапогъ, началъ ихъ искать, и когда узналъ отъ меня, что я ихъ изрѣзалъ, объявилъ мнѣ, что батюшка сапоги эти всегда надѣваетъ, когда ѣздитъ на выборы, что они ему были нужны. Это меня очень потревожило.

Невѣдѣніе, чѣмъ разрѣшится моя участь, отпустить-ли меня батюшка въ полкъ, или придется опять возвращаться въ пансіонское заточеніе, а тутъ еще сапоги, все это вмѣстѣ погружало меня въ непритворное уныніе. Я сдѣлался задумчивъ и грустенъ...

Прошелъ день, другой, батюшка это замѣтилъ. Разъ, когда я сидѣлъ въ гостиной у стола и, облокотясь на локоть, читалъ какую-то книгу, батюшка, подойдя ко мнѣ и взявъ меня тихонько за ухо, сказалъ: „Что ты, Васюкъ, такой не веселый?..“ Батюшка, когда хотѣлъ меня приласкать, называлъ всегда Васюкомъ. „Что тебя тревожитъ? Если ужъ тебѣ такъ хочется въ полкъ на службу, я препятствовать тебѣ не стану“.

Вмѣсто отвѣта я схватилъ руку батюшки и покрывалъ ее поцѣлуями.

— Папенька я виноватъ!

„Что такое? Въ чемъ?“

— Я изрѣзалъ ваши сапоги, которые вы надѣваете на выборы. И теперь ихъ ношу.

„Такъ чтожъ такое? я очень радъ, если они тебѣгодились. А... а...хъ, ахъ! какъ же тебѣ не стыдно беспокоиться объ такомъ вздорѣ?..“

Я снова и еще горячѣе началъ цѣловать его руки и отъ радости плакать.

Завѣтная моя мечта осуществилась скоро.

Братъ Алексѣй, служившій въ это время въ Переяславскихъ конныхъ егеряхъ, былъ въ числѣ шести офицеровъ разныхъ полковъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса прикомандированъ къ жандармскому полку, состоявшему при главной квартирѣ 1-й арміи, имѣвшей съ 1815 г. постоянное свое пребываніе въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

Поводомъ къ тому было то обстоятельство, что „Государь Императоръ, во время проѣзда своего чрезъ Могилевъ, замѣтилъ въ жандармскомъ полку многихъ офицеровъ

молодыхъ лѣтъ, изъявилъ высочайшую волю о переводѣ ихъ въ другіе полки и выборѣ на мѣсто оныхъ другихъ изъ арміи. По всеподданнѣйшему докладу, изъ представленнаго шефомъ жандармовъ, генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ, списка офицеровъ полковъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, извѣстныхъ по хорошему поведенію и знанію службы, Его Величество высочайше повелѣтъ соизволилъ прикомандировать изъ (Переяславскаго конноегерскаго полка) поручиковъ Апполона Меркулова и Алексѣя Селиванова къ жандармскому полку для испытанія*).

Въ исполненіе полученнаго предписанія, братъ Алексѣй изъ Щигровъ, гдѣ квартировалъ Переяславскій полкъ, отправился къ новому своему назначенію въ Могилевъ на Днѣпрѣ; но, пользуясь случаемъ безсрочнаго пріѣзда, поѣхалъ не прямо туда, а заѣхалъ, хотя это было и далеко не по пути, провести нѣсколько дней въ родной семьѣ въ Любаво.

Хотя въ Любавѣ всѣ искренно радовались пріѣзду брата, но я исключительно. Я какъ будто не слыхалъ подъ собою земли, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же вечеръ (братъ пріѣхалъ въ Любаво часу въ 8 пополудни, и это былъ чудный лѣтній вечеръ) онъ объявилъ, что беретъ меня съ собою въ Могилевъ.

Началось снаряжанье добраго молодца. Нашили мнѣ достаточно бѣлья носильнаго и постельнаго, снабдили и халатомъ, и тулупчикомъ... и вотъ недѣли черезъ двѣ или три благословилъ меня батюшка на новое поприще, на ратную службу.

Станціи смѣнялись станціями, одни почтовые тройки замѣнялись другими. Съ постепеннымъ удаленіемъ отъ родимаго гнѣздышка мало-по-малу изглаживалось изъ памяти грустное впечатлѣніе и проводовъ и слезъ, улетаая вмѣстѣ съ пылью, поднимавшейся изъ подъ колесъ нашей телѣги и разносимой вѣтромъ...

Въ Москвѣ мы пробыли дня три. Впервые я чувствовалъ, что я вырвался на свободу, что я самостоятеленъ, что я воленъ располагать временемъ, собою, и не зная,

*) Изъ предписанія командовавшаго 5-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ Переясл. конн. егерск. полка.

что мнѣ дѣлать. Въ первый день обѣдалъ и почти до вечера провелъ у Нестеровыхъ. Старушки Александры Афанасьевны уже не было въ живыхъ. Александра Александровна по прежнему съ тѣмъ же, какъ и всегда, спокойнымъ и старчески миловиднымъ лицомъ, сидѣла въ креслахъ у угольнаго окна своей спальни, наблюдая за проѣзжавшими и проходившими по площади; а столовые англійскіе часы по прежнему выбивали четверти и каждый часъ наигрывали маршъ: Мальбругъ въ походъ поѣхалъ, раздававшійся какимъ-то грустнымъ воспоминаніемъ въ большихъ комнатахъ пустыннаго дома. Тетушка Анна Павловна, по прежнему сухая и блѣдная съ трясущеюся головою съ синимъ бумажнымъ на ней платкомъ, сидѣла на диванѣ въ своей комнатѣ, обложенная подушками. Жаловалась на нездоровье, и на дурную пищу, что ѣсть нечего, что хоть съ голоду умирай... Но это все болѣе по привычкѣ, потому что въ домѣ Нестеровыхъ былъ все тотъ же неизмѣнно хорошо приготовленный обильный столъ съ неизбѣжными двумя горячими въ массивныхъ серебрянныхъ мискахъ.

По прежнему Афанасій Александровичъ всякій день куда-то съ утра уѣзжалъ и возвращался только къ обѣду, и по прежнему въ лакейской торчали пожилые, рослые лакеи въ синихъ фракахъ съ свѣтло-вычищенными мѣдными пуговицами.

На другой день я прочелъ въ газетахъ, что въ тотъ вечеръ дають въ театрѣ.

Давали „Недоросля“. Не думая ни мало, я изъ Нѣмецкой Слободы отправился прямо за билетомъ, и, получивъ билетъ, возвратился обѣдать домой въ Ольховцы. Было еще рано и потому до четырехъ часовъ я уже успѣлъ пообѣдать и отдохнуть; а въ пять часовъ снова былъ на пути къ театру. Проходя мимо Красныхъ воротъ, я неожиданно встрѣтилъ нашего пансіонскаго законоучителя, протоіерея Арсентія Ивановича Тяжелова. „Что же это вы, г. Селивановъ, шатаетесь? Пора вамъ къ Федору Ивановичу, въ пансіонъ“.

Я хотя и сознавалъ вполне свое право шататься, однакожъ сробѣлъ. Ну, какъ думаю, онъ меня потащитъ въ пансіонъ. Однакожъ ободрился и, подошедъ къ Арсентію Ивановичу, просилъ его благословенія на службу, объявивъ

притомъ, что я ужъ больше не въ пансіонѣ, и что завтра выѣзжаю въ Могилевъ. „Ну, Господь съ вами“, проговорилъ, благославляя меня, Арсентій Ивановичъ—и мы разстались.

Арсентій Ивановичъ былъ всегда логиченъ и послѣдователенъ, а въ классѣ рѣчь его была до того увлекательна, что ученики, слушая его, остерегались шевельнуться, чтобъ не нарушить тишины или проронить хоть одно его слово. Его уважали, любили и боялись.

Если я сколько нибудь унесъ изъ моей юности теплоту вѣры въ сердца, то этимъ я много обязанъ ему.

Въ театръ идти было еще рано, и я до начала представленія пошелъ побродить по кремлевскому саду. Я былъ свободенъ располагать собою; но странно: когда я присѣлъ отдохнуть на скамеечкѣ сада, вдругъ я почувствовалъ мое одиночество и такъ мнѣ сдѣлалось грустно съ моей праздной свободой, что я и передать не могу. Разумѣется это продолжалось не долго и совершенно испарилось, когда я очутился въ большомъ театрѣ на скамьѣ, въ мѣстахъ за бенеуарами, переименованныхъ нынѣ въ амфитеатръ или сталь.

Я уже сказалъ, что давали Недоросля Фонъ-Визина. Митрофанушку игралъ Живокини—тогда еще молодой, тонкій, стройный и во всѣхъ своихъ роляхъ непродражаемо веселый!...

Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ Живокини въ роли Митрофанушки, прошло 41 годъ; но еще и въ 1870 году московская сцена не обходилась безъ Живокини. И теперь, хотя ужъ далеко не по прежнему, онъ еще смѣшитъ публику...

На другой день послѣ обѣда на перекладной почтовой телѣгѣ мы съ братомъ выѣхали изъ Москвы.

Дорога до Можайска была грунтовая; тогда еще о шоссе-ныхъ дорогахъ, исключая Московско-С.-Петербургской, не было и помину; но дорога эта была окаймлена двумя довольно высокими валами съ обложенными дерномъ откосами и обложенная по валу аллеями изъ березокъ. Березки были чисты, стройны, зелены, молоды, одна въ одну, такъ что для глазъ дорога эта представляла чрезвычайно пріятный видъ. Устройствомъ этихъ дорогъ — аллей занимались

инженеры путей сообщенія, и князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, тогдашній главнокомандующій Москвы, очень заботился объ ихъ устройствѣ и содержаніи въ порядкѣ.

Такая же дорога была устроена и до Троицко-Сергіевской Лавры но... съ проведеніемъ шоссе валы лавровской дороги были скрыты, прекрасно росшія деревья опрокинуты или вырублены, и такимъ образомъ труды на посадку деревъ и заботы о нихъ пропали даромъ.

Судьба березокъ по Можайской дорогѣ была еще печальнѣе. Какъ говорили, ихъ вырубили для того, чтобъ въ тѣни ихъ не могли укрываться жулики...

О путешествіи нашемъ отъ Москвы до Могилева сказать нечего. Мы ѣхали день и ночь. Братъ въ дорогѣ останавливаться не любилъ и на станціяхъ, перемѣняя лошадей, онъ торопилъ безъ милосердія ямщиковъ и смотрителей. Можайскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Смоленскъ и Орша промелькнули въ моихъ глазахъ почти незамѣтно.

Въ Вязьмѣ на базарной площади я замѣтилъ много торговцевъ, продававшихъ пряники; а въ Лядахъ, первомъ мѣстечкѣ при выѣздѣ въ Бѣлоруссію, я въ первый разъ увидалъ жидовское племя въ необычайно многочисленномъ развитіи. Когда мы въѣхали на торговую площадь, насъ окружила цѣлая толпа разносчиковъ со всякаго рода продуктами, а по площади, и въ торговыхъ лавочкахъ, и на дворахъ, и въ окнахъ домовъ кишели черныя фигуры евреевъ, какъ въ великорусскихъ губерніяхъ на постоянныхъ дворахъ кишатъ большіе черные тараканы. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ произвели они на меня, когда я увидалъ ихъ въ первый разъ въ Лядахъ.

Тогда современное европейское платье не было обязательно для евреевъ, и они строго еще держались своей племенной одежды, заимствованной ими въ средніе вѣка отъ нѣмцевъ вмѣстѣ съ такъ называемымъ новоеврейскимъ языкомъ.

Одежда эта состояла изъ плисовыхъ узенькихъ въ обтяжку панталонъ до колѣна, изъ черныхъ или бѣлыхъ чулокъ и башмаковъ съ пряжками. Верхняя одежда состояла изъ длиннаго чернаго камзола и чернаго же демикотоноваго, иногда и шелковаго или суконнаго, смотря по состоянію и

времени года, долгополаго съ лифомъ халата, по большей части нараспашку. На головѣ черная плисовая ермолка, подъ которой отъ висковъ по обѣимъ сторонамъ лица ниспадали длинныя пряди вьющихся въ кольца пейсиковъ. Въѣ дома нарядъ этотъ довершала круглая съ низенькой тульею шляпа съ преширокими полями. Нельзя сказать, чтобъ одежда эта была живописна. Особенно очень страдали отъ нея молодые люди, иногда хорошо сложенные и одаренные красивыми чертами лица; но особенно смѣшны были маленькіе жиденята полуобнаженные, нагіе, въ своихъ узенькихъ по колѣни штанишкахъ, почти всегда растегнутыхъ, и съ трясущимися пейсиками изъ подъ засаленныхъ ермолокъ.

Насколько показались мнѣ безобразны мужчины евреи своимъ нарядомъ, настолько же показались мнѣ прекрасны молодыя еврейки въ своей нарядной одеждѣ съ роскошными головными уборами, шитыми золотомъ, жемчугомъ и самоцвѣтными камнями.

На станціи, бывшей на содержаніи у евреевъ, гдѣ мы перемѣняли лошадей, воздухъ былъ пропитанъ жиновской вонью. Въ передней комнатѣ грязная старая жидовка полуиссохшими руками на засаленномъ столѣ крошила лапшу, и этотъ видъ жиновской кухни возбуждалъ во мнѣ отвращеніе; но за то образы трехъ молодыхъ красавицъ евреекъ, дочерей или невѣстокъ хозяина, съ ихъ черными страстными, горящими, какъ уголь, глазами, съ коралловыми губками, съ жемчужными зубами маленькихъ прекрасно очерченныхъ ротиковъ, и съ необыкновенной привлекательностію во всѣхъ чертахъ лицъ и ярко рдѣвшимъ румянцемъ въ щекахъ, произвели на меня тревожное впечатлѣніе.

Чуть ли не до самой Орши я все думалъ о людскихъ красавицахъ, и только свѣжесть тихой ночи, усталость отъ безостановочной ѣзды на перекладной телѣгѣ и безпрестанно нарушаемая толчками дремота очистили отъ нихъ мою голову.

Дороги въ Бѣлоруссіи еще при императрицѣ Екатеринѣ Великой были обсажены березами. Высокія, старыя, развѣсистыя деревья окаймляли дорогу, придавая ей видъ безконечно длинной роскошной аллеи. Полная луна, плавающая на темномъ небѣ, то скрываясь въ сучьяхъ березъ, то вдругъ обливая своимъ свѣтомъ уносившую насъ по ров-

ному, какъ по скатерти, пути тройку, рисовала по серебрястой землѣ причудливые образы древесныхъ тѣней. Валдайскій колокольчикъ заливался веселымъ звономъ, ямщикъ разгульно свисталъ, помахивая кнутомъ и шевеля возжами, тройка неслась...

Въ Могилевѣ мы вѣхали уже ночью и остановились на почтовой станціи въ особой мебелированной комнатѣ. Всякій прїѣзжій въ Могилевъ офицеръ, по распоряженію начальства главной квартиры, до прїисканія себѣ квартирнаго помѣщенія въ городѣ, три дня могъ проживать на почтовой станціи. Для этой цѣли было устроено 4 или 5 номеровъ отдѣльныхъ комнатъ и даже, какъ мнѣ помнится, кто хотѣлъ, могъ пользоваться и даровымъ обѣдомъ.

На другой день братъ, одѣвшись въ полную парадную форму, отправился являться къ коменданту главной квартиры, командиру жандармскаго полка полковнику Гояринову, а я пошелъ побродить по городу. Было 10 часовъ утра и день былъ великолѣпный. Подошедъ къ плацъ-парадному мѣсту, я увидалъ, что тамъ приготовленъ былъ отъ какого то пѣхотнаго полка разводъ съ церемоніей. Фронтъ стоялъ неподвижно. Передъ нимъ стояло множество генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ. Черныя и бѣлыя перья султановъ на шляпахъ развѣвались и играли въ осеннемъ воздухѣ.

Самъ главнокомандующій 1-й арміею баронъ фонъ-деръ Остенъ Сакенъ присутствовалъ при этомъ разводѣ, и, по окончаніи парада, тутъ же на плацу ему представлялись прибывшіе въ главную квартиру офицеры.

Когда главнокомандующій уѣхалъ, и всѣ присутствовавшіе при разводѣ стали разъѣзжаться и расходиться, я увидѣлъ нѣсколько кавалерійскихъ офицеровъ разнаго оружія, шедшихъ вмѣстѣ и весело разговаривавшихъ; въ числѣ ихъ былъ и братъ. Тутъ были и гусары, и драгуны, и конные егеря, и всѣ они, какъ и братъ, были прикомандированы противъ ихъ воли къ жандармскому полку. Когда я подошелъ къ брату, онъ меня представилъ своимъ новымъ товарищамъ, и всѣ они дружески жали мнѣ руку.

Опасеніе быть переведенными въ жандармы сблизило новыхъ товарищей и, любя свои полки, всѣ они твердо

рѣшились во что бы то ни стало отвертѣться отъ этого перевода.

На слѣдующій день братъ пріискалъ квартиру въ жандармскомъ домѣ, куда мы немедленно и перебрались. Она состояла изъ 2-хъ комнатъ. Въ первой, или прихожей, гдѣ была устроена кухня, помѣстился Никита, а въ другой съ окномъ на улицу мы съ братомъ. При нашихъ малыхъ пожиткахъ и неприхотливости въ образѣ жизни, для насъ было достаточно. Никита готовилъ намъ обѣдъ, состоявшій всегда изъ картофельнаго супа и жареной съ кортофелемъ говядины, и однообразіе такого стола нисколько не надоѣдало. Съ каждымъ, казалось, днемъ чувствовался все болѣе и болѣе увеличивавшійся аппетитъ. Нерѣдко въ приготовленіи обѣда помогаль и я Никитѣ: чистилъ картофель, подкладывалъ въ печь дрова и проч. Никита былъ необыкновенно веселаго нрава, балагуръ и шутъ. Нерѣдко бывало, когда мы съ братомъ обѣдали и располагались пить чай, Никита, подавъ самоваръ и ставъ у дверей, своими неистощимыми рассказами смѣшилъ насъ чуть не до умуру. Всему тому, что онъ видѣлъ, встрѣчалъ или слышалъ, онъ въ своихъ рассказахъ придавалъ такой забавный отгѣнокъ, что невольно заставлялъ хохотать.

Вѣроятно вліянію его юмора способствовало и собственное настроеніе нашего духа, не омраченнаго никакими житейскими заботами.

Случилось разъ, что я дома одинъ часу въ 5 пополудни, собираясь идти и выходя въ переднюю, увидалъ, что Никита, обратившись лицомъ къ стѣнѣ, спалъ крѣпкимъ сномъ. Тутъ же въ кадочкѣ лежалъ сырой картофель, и я, недумая долго, началъ обкладывать имъ Никиту, заранѣе радуясь тому, какое дѣйствіе это произведетъ на спящаго при его пробужденіи, когда посыпятся съ него картофелины. Тихо совершалъ я мою остроумную операцію, но не успѣлъ я положить на Никиту и двухъ десятковъ картофеля, какъ онъ вдругъ во снѣ захохоталъ неистовымъ образомъ, повернулся и грохнулся на полъ съ своей кровати, продолжая хохотать на полу. Нѣсколько минутъ я смотрѣлъ съ изумленіемъ на Никиту, не понимая, что съ нимъ сдѣлалось? Когда же онъ очнулся, то объяснилъ мнѣ, что онъ видѣлъ

во снѣ что то очень смѣшное, но что именно — того не помнить.

Время было, наконецъ, подумать и о дѣлѣ, за которымъ я пріѣхалъ въ Могилевъ. Надобно было подавать прошеніе на службу; но куда? Положеніе брата было еще неопредѣленное: останется ли онъ самъ въ Могилевѣ или возвратится обратно въ свой полкъ.

Тогда въ Могилевѣ при главной квартирѣ была устроена юнкерская школа 1-го пѣхотнаго корпуса съ офицерскими классами. Образованные офицеры разнаго оружія были прикомандированы къ школѣ въ качествѣ преподавателей. Школа содержалась прекрасно, преподававшіе занимались своимъ дѣломъ добросовѣстно, и я не разъ въ послѣдствіи сталкивался и на войнѣ, и въ обществѣ съ офицерами, которые своимъ воспитаніемъ были единственно обязаны это школѣ.

Часто, ходя по городу предъ закатомъ солнца, встрѣчалъ я молодыхъ, стройныхъ, чисто одѣтыхъ пѣхотныхъ офицеровъ съ шляпами, надѣтыми по формѣ, парочками или одиноко гуляющими послѣ дневныхъ классныхъ занятій, и это были воспитанники школы офицерскаго класса.

Нѣкоторые изъ нихъ, съ которыми братъ познакомился, заходили иногда къ намъ раздѣлить время за чаемъ, и братъ такъ прельстился ихъ образованіемъ, что предлагалъ мнѣ поступить въ школу. Я же и руками, и ногами...

Нечего дѣлать, братъ отправился посоветоваться съ Гояриновымъ, и вотъ что ему предложилъ Гояриновъ: „Пусть вашъ братъ обмундируется, какъ юнкеръ жандармскаго полка, мы его употребимъ на службу наравнѣ съ юнкерами... Если вы останетесь здѣсь, то службу его зачтемъ; еслижъ не останетесь здѣсь, то запишите его тогда въ какой полкъ найдете лучше. А между тѣмъ онъ будетъ уже обученъ и въ верховой ѣздѣ, и пѣшему фронту“.

Братъ съ благодарностію принялъ предложеніе Гояринова. Въ тотъ же день жидъ портной снималъ съ меня мѣрку; а на третій день я уже облегся въ голубой мундиръ жандармскаго полка.

Я былъ вполне счастливъ: голубой мундиръ шелъ какъ нельзя болѣе къ моему молодому лицу; я любовался

собою въ зеркало и мнѣ казалось, что и всѣ, кто только видѣлъ меня, любовались мною.

Представившись полковнику Гояринову, я отправился въ казармы знакомиться съ новыми товарищами юнкерами, которые меня приняли очень радушно, особенно Суходольскій и Стрѣлковъ, съ которыми я скоро сдружился.

При главной квартирѣ и при штабѣ полка состоялъ только одинъ дивизионъ (2 эскадрона дѣйствующихъ и одинъ эскадронъ запасный), составлявшій кадры полка. Юнкера постоянно находились при запасномъ эскадронѣ подъ начальствомъ командира этого эскадрона капитана Сафронова и имѣли помѣщеніе въ обширномъ мезонинѣ деревянныхъ прочно и удобно устроенныхъ казармъ. Для каждаго двухъ юнкеровъ, т. е. на каждыя 2 кровати, были устроены особыя комнаты. Кровати желѣзныя, и у каждой кровати столикъ и табуретка.

Служба юнкеровъ состояла въ очередномъ дежурствѣ по конюшнямъ и по казармамъ, исключая времени, когда состоявшіе въ спискахъ дѣйствующихъ эскадроновъ выѣзжали съ своими эскадронами для обученія и смотровъ.

Остальное время занимались верховой ѣздою въ манежѣ, фехтованьемъ на рапирахъ и эспадронахъ, или изучали построеніе и расчеты рядовъ по уставу строевой кавалерійской службы на большой черной партѣ, стоявшей въ большой фехтовальной залѣ казармъ.

Не смотря вообще на строгость Гояринова, юнкера не видали ни малѣйшаго принужденія: всѣ какъ то учились охотно, шутя, весело; но всѣ и ѣздили хорошо, хорошо фехтовали, ловко и красиво маршировали.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время всякій шелъ, куда хотѣлъ, и возвращался въ казармы, когда хотѣлъ, вслѣдствіе чего не было разрыва съ общественной жизнью.

Никто не чувствовалъ давленія такъ называемой дисциплины, но она сама невидимо входила въ плоть и кровь сознательно, хотя объ ней никто не говорилъ и не напоминать. Какъ многіе другіе юнкера, имѣвшіе въ городѣ родныхъ, я не жилъ въ казармахъ, а оставался жить съ братомъ. Ходилъ по утрямъ, а иногда и послѣ обѣда, въ казармы упражняться въ верховой ѣздѣ, въ фехтованьи и

проч., и только оставался ночевать тамъ въ тѣ дни, когда бывалъ дежурнымъ.

Суходальскій и Стрѣлковъ, два задушевныхъ друга, покровительствовали мнѣ, какъ истинные товарищи, а когда мнѣ приходилось оставаться въ казармахъ цѣлыя сутки, то и столъ, и кофей, и ночлегъ я имѣлъ въ ихъ казармѣ. Они радушно дѣлились со мною всѣ побратски. У Суходольскаго, какъ я слышалъ, была красивая сестра, и Стрѣлковъ впоследствии женился на ней. Оба мои пріатели были хорошо воспитаны, ловки и очень красивы собою. Это первая моя юнкерская дружба никогда не изгладится изъ моей памяти.

Капитанъ Сафроновъ былъ уже человѣкъ порядочно пожилой и добрякъ; но онъ рѣдко приходилъ къ намъ. Когда я являлся къ нему съ рапортомъ, когда бывалъ дежурнымъ, онъ былъ всегда необыкновенно привѣтливъ, сажалъ и предлагалъ чаю, такъ какъ вечерній рапортъ всегда совпадалъ со временемъ его чая. Странна была судьба его по службѣ: ему какъ будто суждено было вѣчно оставаться капитаномъ. Когда, много лѣтъ спустя, я столкнулся съ нимъ на смотру въ Вознесенскѣ, когда я уже былъ и самъ штабсъ-капитаномъ, онъ все еще оставался въ своемъ неизмѣнномъ капитанскомъ чинѣ.

Когда Гояриновъ смотрѣлъ ѣзду нижнихъ чиновъ въ манежѣ или училъ самъ, онъ горячился, кричалъ и выходилъ изъ себя. За малѣйшее отступленіе отъ правилъ верховой ѣзды, онъ ссаживалъ виновнаго съ лошади и наказывалъ палками или бичами. Во время такихъ ученій и смотровъ юнкера всегда присутствовали въ манежѣ у вѣзда за барьеромъ. Разгорячившійся Гояриновъ, обращаясь къ намъ, кричалъ: „юнкера, палокъ!“ Услыхавъ это приказаніе мы всѣ въ одно мгновеніе разсыпались въ разныя стороны, кто куда попало; но этого явнаго послушанія Гояриновъ какъ будто не замѣчалъ. Вообще Гояриновъ къ нижнимъ чинамъ былъ строгъ иногда до жестокости. Каждый день послѣ обѣда онъ пріѣзжалъ въ казармы и всѣхъ, кого находилъ подъ арестомъ въ своемъ присутствіи, жестоко наказывалъ розгами. И колодки на ноги, и рогатки на шею, все было въ употребленіи. Я помню, что одинъ рядовой что-то укралъ. Гояриновъ приказалъ надѣть виновному на

шею рогатку и заклепать ее наглухо. Въ этомъ желѣзномъ уборѣ продержалъ онъ его цѣлый мѣсяцъ, такъ что несчастный не могъ ни прилечь на нарахъ, ни приклониться, а долженъ былъ постоянно сидѣть. Сверхъ этого чрезъ каждые три дня Гояриновъ, прїѣзжая въ казармы, истязалъ его розгами.

Не помню по какому случаю, чуть ли не въ Николинъ день, Гояриновъ въ залѣ казармъ, въ той самой, гдѣ мы юнкера учились фехтовать, давалъ балъ, на который было приглашено все лучшее общество Могилева, весь генералитетъ, состоящій при штабѣ 1-й арміи и самъ главнокомандующій баронъ Остенъ-Сакенъ.

Для этого бала бревенчатая, неошекатуренная стѣна зала были обтянуты сукномъ: до оконъ въ видѣ панелей сѣрымъ, а отъ панели до потолка голубымъ. По угламъ и простѣнкамъ возвышались громадныя жирандоли изъ ружей, пистолетовъ, штыковъ со множествомъ восковыхъ свѣчей. Всѣ стѣны были украшены арматурами изъ всякаго оружія, а на одной поперечной стѣнѣ былъ устроенъ щитъ съ изображеніемъ колоссальной буквы „Н“ подъ императорской короной, окруженной лучами изъ шомполовъ. Мнѣ удалось пробраться на хоры, и въ дырочку, проверченную въ сукно, которымъ были скрыты хоры, наблюдать за ходомъ бала. Въ памяти моей осталось польское. Фельдмаршалъ Сакенъ шелъ въ 1-й парѣ, за нимъ генералъ отъ артиллеріи князь Яшвель, и эти оба едва волочившіе ноги старикашки на перерывъ любезничали съ красавицами. Обращеніе ихъ съ дѣвицами было безцеремонно: когда какая дѣвица имъ нравилась, они позволяли себѣ взять ее за подбородокъ и приласкать словомъ: „какая миленькая!“, или что нибудь въ этомъ родѣ, на что конечно въ глазахъ всѣхъ давали имъ право ихъ мафусаиловскія лѣта и положеніе общественное, упроченное заслугами. Своими глазами я этого не видалъ; но помню, что когда Сакенъ въ продолженіе польскаго хотѣлъ отбить у Яшвеля его даму, молоденькую хорошенькую дѣвицу, беззубый Яшвель взялъ ее за руку обѣими своими руками, заспорилъ, говоря: „не уступлю, ваше сіятельство! ни за что не уступлю!...“

Шли дни, недѣли, мѣсяцы—прикомандированные офицеры не давали покоя Гояринову, приставая къ нему съ

требованіемъ о возвращеніи ихъ въ ихъ полки, и надоѣли ему до невозможности. Въ то время еще существовала въ офицерахъ какая то фанатическая привязанность къ своимъ полкамъ; но между прочимъ многихъ смущала мысль, которую они не могли переварить: это, чтобъ сбрить усы!... Тогда ни кирасирскіе, ни жандармскіе, также какъ и всѣ пѣхотные офицеры усовъ еще не носили. Можно ли было равнодушно разстаться съ этимъ отличительнымъ украшеніемъ тогдашняго кавалериста.

Дней за 10 до Рождества я простудился и слегъ въ постель. Хотя я и не былъ сильно болѣнъ, но лихорадочные припадки повторялись довольно часто, сопровождаемые изнурительнымъ потомъ. Братъ каждый день былъ приглашаемъ то на обѣды, то на вечера, то проводилъ время съ товарищами, а я, будучи не въ силахъ ни служить, ни выѣзжать, естественно скучалъ. Книги, какія были подъ руками, или какія могъ достать въ самомъ скудномъ количествѣ, я перечиталъ. Никита тоже завелъ знакомство и пріязнь съ человѣкомъ одного изъ прикомандированныхъ офицеровъ поручика Меркулова и, уходя къ нему въ гости, поручалъ мнѣ запереть за нимъ дверь и часто надолго пропадалъ. Пріятель этотъ, разъ пришедъ безъ него, когда Никита отлучился на короткое время отъ кухни или передней, называйте какъ хотите, стянулъ со стѣны его карманные серебрянные часы, пріобрѣтеніемъ которыхъ Никита чрезвычайно гордился.

Такое воровство произвело вражду между друзьями и даже драку; но это продолжалось недолго и чрезъ недѣлю дружба возстановилась во всей силѣ, не смотря на то, что Никита за глаза не иначе называлъ его, какъ подлецомъ, и говорилъ, что часы его „безпремѣнно стянулъ Меркуловъ Ванька“.

Въ Рождество мнѣ стало лучше, и я пошелъ къ обѣднѣ въ монастырь, или, какъ называли все въ Могилевѣ, въ братство. Полковая церковь жандармскаго полка была устроена въ упраздненномъ костелѣ бывшаго Іезуитскаго коллегіума. Въ бытность мою въ Могилевѣ еще свѣжо было воспоминаніе объ изгнанныхъ отцахъ, а въ жандармскомъ полку не было почти ни офицера, ни юнкера польскаго происхожденія, который бы не былъ воспитанъ въ колле-

гіумѣ отцовъ іезуитовъ. Мнѣ прожужжали уши разсказами о достоинствахъ того широкаго развитія, какое получалось въ этой школѣ, какъ основательно преподавались науки, какое обиліе было въ вспомогательныхъ средствахъ, и громадная бібліотека, и физическій кабинетъ, и все другое проч.; но я искренно скажу, что мнѣ не удалось встрѣчать ни одной личности въ свѣтскомъ быту изъ воспитанниковъ іезуитскаго коллегіума, котораго можно было назвать чело-вѣкомъ просвѣщеннымъ. По большей части, я встрѣчалъ только или тупицъ, или самыхъ тонкихъ плутовъ и лицемѣровъ съ самыми ограниченными научными свѣдѣніями. Окружавшій меня со всѣхъ сторонъ въ Могилевѣ или католицизмъ, или талмудизмъ, на которые я сначала моего пріѣзда смотрѣлъ съ любопытствомъ, начинали меня тяготить, и потому я ко всеночной, и къ обѣдни любилъ ходить въ братство, предпочитая его другой единственной православной въ Могилевѣ церкви кафедральному собору. Смотри на православныхъ монаховъ, я живо чувствовалъ мое православное отечество.

Возвратясь отъ обѣдни, я почувствовалъ лихорадочный припадокъ и легъ въ постель. Сдѣлался жаръ, и я погрузился въ какое то забытѣе. Никита куда-то ушелъ, я оставался одинъ, а между тѣмъ наступилъ вечеръ. Меня окружила темнота. Вдругъ сквозь сонъ я слышу громкое пѣніе: открываю глаза и вижу сквозь стекла окна огромную изъ прозрачной бумаги звѣзду, ярко освѣщенную изнутри и съ изображеніемъ по серединѣ Рождества Христова.

Звѣзду эту, прикрѣпленную къ палкѣ, носили бурсаки и, поставивъ ее къ окну дома, гдѣ извѣстно имъ было, что живутъ православные, пѣли хоромъ канты, за что разумѣется имъ высылали деньги. Такъ они у нашихъ оконъ пропѣли нѣсколько кантовъ, изъ которыхъ я запомнилъ только одинъ припѣвъ, потворяемый послѣ каждой строфы:

„Радуйся, Марія!

„Радуйся, присно Дѣва!

Денегъ я имъ выслать не могъ, потому что было не съ кѣмъ; самъ же я лежалъ въ жару раздѣтый, и потому они, простоявъ подъ окномъ и пропѣвъ напрасно съ добрыхъ $\frac{1}{4}$ часа, ушли.

Впослѣдствіи мнѣ сказывали, что этотъ обычай собиранія денегъ бурсаками существуетъ въ городахъ Малороссіи и всего юго-западнаго края.

Мало-по-малу я сталъ поправляться, а между тѣмъ всѣ прикомандированные къ жандармскому полку офицеры получили разрѣшеніе возвратиться въ свои полки. Братъ былъ радъ до невозможности; но надобно было подумать и обо мнѣ; я не былъ еще записанъ никуда.

Въ Переяславскомъ конно-егерскомъ полку, въ которомъ служилъ братъ, юнкеровъ было множество: чуть ли не болѣе ста. Скоро ли же можно было тамъ дожидаться производства въ офицеры? Въ виду этого братъ отправился въ канцелярію главнаго штаба 1-й арміи и, справившись со списками полковъ, составлявшихъ 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, узналъ, что изъ всѣхъ 8-ми полковъ самое меньшее количество юнкеровъ было въ Казанскомъ драгунскомъ. Не думая долго, онъ тотчасъ поручилъ одному изъ штабныхъ писарей написать отъ имени моего прошеніе объ опредѣленіи меня юнкеромъ въ Казанскій драгунскій полкъ; въ тотъ же день я его подписалъ, подалъ и на другой день былъ уже зачисленъ въ драгунскіе юнкера.

Недѣли за двѣ до масляной выѣхали мы изъ Могилева въ Москву. Морозы были трескучіе, дорога гладка, какъ скатерть. Небо было ясно и серебристый иней густыми хлопьями одѣвалъ березовыя аллеи, окаймлявшія дорогу.

Для совершенія этого путешествія братъ купилъ сани новыя, но безъ подрѣзовъ. Будучи нетерпѣливаго характера, ему показалось долго накладывать подрѣза, и потому, прожившись только на „авось доѣдемъ“, глубокомысленно произнесенное Никитою, поѣхали. Сани раскатывались и туда, и сюда, и при малѣйшемъ ухабѣ опрокидывались на бокъ, а мы и вся наша кладь вылетали на дорогу. Подобные случаи, пока мы доѣхали до Москвы, повторялись довольно часто. Я съ терпѣніемъ стоика переносилъ эти дорожныя неудобства, но братъ при каждомъ паденіи ужасно сердился и всякій разъ попрекалъ Никитѣ за его „авось!“

Въ девятомъ часу вечера на третій день подѣхали мы къ Дорогомиловской заставѣ. Караульный унтеръ офицеръ, сдѣлавъ обычный распросъ, отобралъ подорожную. „Бомъ—высь!..“ и мы въѣхали въ Москву. Запахъ саякъ и

калачей охватилъ насъ, замелькали фонари... Вотъ и Красныя ворота... Вотъ поворотили въ темный кривой переулокъ возлѣ церкви Петра и Павла въ новой Басманной, проѣхали между длинно тянувшимся заборомъ и занесенными сугробами снѣговъ огородами и, наконецъ, остановились у безмолвно чернѣвшагося во мракѣ ночи нашего ольховицкаго дома.

Въ домѣ въ это время жилъ только одинъ братъ Павелъ. Братъ Илья Васильевичъ, послѣ моего отъѣзда въ Могилевъ, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ департаментъ Военнаго Министерства.

Въ Москвѣ мы съ братомъ пробыли дня три и этимъ временемъ я воспользовался порисоваться предъ родными и знакомыми своимъ юнкерскимъ мундиромъ, погромѣть саблю и побранцать шпорами.

Въ это время жилъ въ Москвѣ числившійся въ отпуску уланскаго Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка тогда еще юнкеръ Блюмеръ, знакомый и пріятель нашего семейства, въ особенности брата Павла до конца его жизни. Домъ матери Блюмера, вдовы старушки, находился на Разгуляѣ близъ дома нынѣшней 2-й гимназій, бывшаго тогда домомъ Пушкиной. Какъ новый юнкеръ, я отправился къ нему, и все краткое время моего пребыванія въ Москвѣ, кромѣ ночлега, я проводилъ съ нимъ и у него. Старушка его мать жила въ довольствѣ, столъ у нихъ былъ приготовленъ со вкусомъ, а со мною она была ласкова.

Заглянувъ въ Московскія Вѣдомости театральныхъ объявленій и узнавъ, что на сценѣ идетъ водевиль „Чудныя и странныя приключенія Піэтро-Дандини“, мы отправились въ театръ. Въ юнкерскихъ мундирахъ въ театрѣ мы быть не могли, и потому должны были переодѣться въ партикулярныя платья, что мы и сдѣлали только въ половину.

Правда, что вмѣсто колетовъ надѣли партикулярные сюртуки, но ни рейтузъ, ни сапоговъ со шпорами не снимали. Совершенно въ рябчиковъ преобразиться не хотѣлось: пусть, молъ, кто увидитъ, заподозриваетъ въ насъ юнкеровъ, а не сочтетъ дѣйствительно за рябчиковъ.

Представленіе Піэтро-Дандини было въ этотъ день избрано дирекціей театра по случаю нахождения въ Москвѣ,

проѣздомъ изъ Персіи въ Петербургъ, наслѣднаго персидскаго принца Хозрефа Мирзы, ѣхавшаго во главѣ персидскаго посольства извиняться въ смерти русскаго посла Грибоѣдова, убитаго въ Тегеранѣ во время народнаго мятежа.

Водевиль состоялъ изъ 3-хъ дѣйствій съ чрезвычайно красивыми декораціями, что для непонимающихъ русскаго языка персіянъ могло доставить фантастическое наслажденіе.

Главное содержаніе этого водевиля состояло въ томъ, что Піетро-Дандини, отправившись съ своимъ служителемъ и другомъ отыскивать счастье за океаномъ, потерпѣлъ крушеніе и былъ поглощенъ китомъ.

Тутъ былъ представленъ открытый волнующійся океанъ и далеко игравшій китъ, который, мало-по-малу приближаясь и вынырнувъ изъ воды, въ послѣдній разъ занялъ собою аванъ-сцену во всю ее ширину.

Черезъ открывшійся бокъ кита обнаруживались его внутренности и въ средѣ ихъ наши несчастные путешественники, расположившіеся въ китовой утробѣ, какъ у себя дома. Чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ свѣтѣ, окнами имъ служили глаза кита, пищею глотаемая китомъ сельди.

Между наглотанными китомъ рыбами они нашли сундучекъ, въ коемъ заключался какой то талисманъ, съ помощью котораго всякое желаніе могло быть исполнено, если только пожелать на оборотъ. Когда они стали совѣтоваться, чего бы имъ пожелать, служитель Піетро-Дандини торжественно пожелалъ, чтобъ они сейчасъ же очутились на поверхности моря; но такъ какъ всякое желаніе исполнялось на изворотъ, то они вдругъ полетѣли изъ кита внизъ и очутились въ подводныхъ чертогахъ...

Водевиль этотъ кромѣ прекрасныхъ декорацій не лишенъ былъ веселости и остроумія, какъ мнѣ тогда казалось по крайней мѣрѣ; а исполнителями главныхъ ролей были Живокини, Бандышевъ и знаменитая артистка Рѣпина.

Приключеній въ театрѣ особенно никакихъ не было, исключая, развѣ, что я, сидя въ галлерей за бенуарами, поссорился съ двумя сидѣвшими тамъ же французенками съ Кузнецкаго моста, задѣвшими какъ-то мою амбицію.

На другой день послѣ этого памятнаго для меня представленія мы съ братомъ выѣхали изъ Москвы, а на третій въ сумерки я уже грѣлся въ Любавѣ, сидя на лежанкѣ въ

нашей чайной комнатѣ, окруженный родною семьею, весело слушавшей разказы о моихъ Могилевскихъ походахъ.

На столѣ кипѣлъ самоваръ, наполняя комнату паромъ, а кострюлечки съ густыми топлёными сливками золотились толстыми пѣнками. Марѳа Александровна не знала себѣ равную въ искусствѣ топлёнія сливокъ...

Это уже было въ концѣ января 1830 года, но я забылъ упомянуть, что въ 1829 году іюня 20-го въ сраженіи при Баязетѣ, братъ Михайла Васильевичъ на 21-мъ году своей жизни былъ убитъ. Объ этомъ грустномъ событіи мы съ братомъ Алексѣемъ узнали изъ приказовъ по арміи вскорѣ по приѣздѣ въ Могилевъ.

Геройская смерть брата была подробно описана въ „Исторіи войны въ азіатской турціи въ 28 и 29 году“ *).

*) Въ моемъ фамильномъ архивѣ сохранилось нѣсколько писемъ М. В. Селиванова къ отцу, писанныхъ съ театра военныхъ дѣйствій.

ГЛАВА X.

Княгиня Н. А. Мещерская.—Поѣздка къ ней на обѣдъ.—Н. Я. Любавскій.—Поѣздка въ Авдѣево.—Масляница.—Смерть дяди Николая Павловича.—Пріѣздъ въ Шигры.—Полковникъ Новосильцевъ.—Штабсъ-капитанъ Падерниковъ.—Военный постой.—Пріѣздъ въ Старый Осколь.—Полковникъ Баланъ.—Его характеристика.—Слухи объ открытіи мощей св. Митрофанія.—Пребываніе у брата въ селен. Гуровѣ.—Карабинеръ Теличко.—Продѣлки его съ Никитой.—Юнкерскій кружокъ Переяславскаго полка.—Разлука съ братомъ.—Возвращеніе въ Старый Осколь.—Городъ.—Хлопоты о квартирѣ.—Депутатъ Масловъ.—Знакомство съ товарищами-юнкерами.—Экзекуція надъ преступникомъ.—Манежное ученіе.—Пирушка у Сечинова.—Прапорщикъ Арцибашевъ.—Святая недѣля.—Горняшка.—Походъ въ Козелецъ.—Генераль Гельманъ.—Малороссія.—Природа.—Катанье на лодкѣ по разливу Сейма.—Переправа подъ Батуринымъ.

— А завтра я званъ на обѣдъ къ княгинѣ Мещерской. Не хотите ли и вы со мною?—предложилъ намъ батюшка, когда послѣ шумныхъ изліяній радости, смѣшанныхъ съ безсвязными вопросами и отвѣтами, всѣ призамолкли.

— Мы не званы... хорошо ли...

— Ничего, я скажу, что я васъ привезъ... У нея сегодня свадьба. Выдаетъ дочь Катерину за какого то военнаго... забылъ фамилію. Поѣдемте!...

— Чтожъ, братъ, поѣдемъ,—обратился ко мнѣ братъ Алексѣй—

— Поѣдемъ,—отвѣчалъ я...

И батюшка веселый и довольный, что явится на званный обѣдъ къ сосѣдкѣ и родственницѣ въ сопровожденіи двоихъ сыновей военныхъ, вышелъ торопливо изъ комнаты, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія.

Княгиня Настасья Амосовна Мещерская была урожденная Демидова, дочь Амоса Прокофьевича, слѣдовательно

двоюродная сестра бабушки Анны Акакіевны. Мы съ княгиней считались въ родствѣ.

Усадьба ея была въ селѣ Киселевѣ, отъ насъ верстахъ въ 12-ти. Правда, что недвижимое имущество ея было не очень велико, но всѣ сосѣди и знакомые полагали ея кису порядочно набитой, потому что княгиня Настасья Амосовна слыла въ околodкѣ очень и очень разсчетливой...

Она была очень неглупа, полна, бѣла, въ обращеніи любезна и говорила безъ утомленія. Туалетомъ своимъ она занималась мало. Сѣрые рѣдкіе волосы ея были какъ будто всегда растрепаны, и впечатлѣніе моего дѣтства представляетъ мнѣ ее не иначе, какъ одѣтой не то въ каленкоровой кофтѣ, не то въ такомъ же капотѣ съ подвязушками и очень небрежно. Князь, мужъ ея, жилъ не съ нею, а въ своей усадьбѣ—гдѣ то, не знаю... но въ оказіяхъ, какъ, на-примѣръ, въ торжественные дни годовыхъ праздниковъ или именинъ и рожденія княгини, пріѣзжалъ навѣстить ее и поздравить, какъ то доброму и вѣрному мужу надлежитъ.

Въ описываемое мною время двѣ старшихъ ея дочери были уже замужемъ и обѣ обзавелись порядочнымъ количествомъ дѣтей. Сынъ былъ въ отставкѣ и женатъ... Такъ какъ бракъ этотъ былъ совершенъ противъ воли ея, княгини, то она, хотя и простила непокорнаго сына, но невѣстки своей не принимала и денегъ ему не давала...

Теперь выходила за мужъ ея третья дочь Катерина, а четвертая дочь еще была подросткомъ.

Какъ мы ни были утомлены почтовой ѣздой по ухабистой дорогѣ и не спали ночи; но, по приглашенію батюшки, пошли въ нашу комнату на мезонинѣ разбирать свои чемоданы — холиться, одѣваться, чтобы на свадебномъ обѣдѣ не ударить лицомъ въ грязь.

Одѣвшись въ мундиръ Казанскаго драгунскаго полка, состоявшаго изъ колета темнозеленаго сукна съ малиновымъ прикладомъ, т. е. съ воротникомъ, обшлагами и фалдочками малиноваго сукна и золотымъ приборомъ, т. е. какъ юнкеръ, съ золотымъ голуномъ во воротнику и по обшлагамъ, мѣдными вызолоченными пуговицами и такими же чешуйчатыми эполетами по формѣ нижнихъ чиновъ кавалеріи, я сошелъ внизъ. Все было изящно, все такъ ко мнѣ шло,

что появленіе мое среди любившей меня семьи произвело восторженное впечатлѣніе. Шумъ восклицаній, поздравленій и поцѣлуевъ привлекъ изъ дѣвичей всѣхъ ея обитательницъ, сначала старухъ, осмѣлившихся такъ, немножко, приотворить двери, чтобъ незримо любопытнымъ окомъ взглянуть, что дѣлается въ чайной, а тамъ, съ приливомъ къ отверстію и молодыхъ дѣвушекъ, двери мало-по-малу растворялись, и вся дѣвичья во всемъ своемъ олицетвореніи незамѣтно наполнила чайную.. Мое юношеское тщеславіе было сладко удовлетворено.

На дворѣ былъ порядочный морозъ. Батюшка, братъ и я сѣли въ широкія трюичныя сани—и борзая тройка сытыхъ лошадей понесла насъ по снѣжной равнинѣ по торной проселочной дорожкѣ, замѣтаемой перебѣгающей поземкою. Поверхъ моей юнкерской изъ темнаго сѣраго сукна укусомъ подбитой шинели, на меня распорядились надѣтъ батюшкинъ на бѣличьемъ мѣху тулупчикъ, да еще что то; на голову теплую мѣховую шапку; фуражку я везъ для приличія въ рукахъ, и мнѣ было тепло. А чтобъ мнѣ не отморозить носа и не обвѣтрить лица, то я спряталъ его въ батюшкину медвѣжью шубу. Такимъ образомъ я цѣлъ, теплый и невредимъ доѣхалъ до усадьбы Настасьи Амосовны въ с. Киселевѣ.

Необширный, низенькій деревянный домъ княгини былъ полонъ гостей по большой части родныхъ. Кромѣ дочерей съ ихъ мужьями и ихъ мелкаго потомства, кромѣ князя, мужа самой хозяйки, и молодого князя, ихъ сына, кромѣ насъ съ отцомъ и братомъ, былъ тутъ только сосѣдъ княгини Николай Яковлевичъ Любавской съ женою и дочерью. Это тотъ самый Любавской, который написалъ эпитафію въ память моей покойной матери. Знавшіе въ молодости Николая Яковлевича говорили, что онъ былъ когда то и строенъ, и красивъ собою, но годы и болѣзни истребили и самые слѣды былого. Когда я его зазналъ, онъ былъ только сухой и сгорбленный старикъ, немножко тронутый, но не смотря на то, рѣчь его дышала веселымъ юморомъ, а въ черныхъ глазахъ свѣтилась мысль. Разстройство его умственныхъ способностей проявлялось разными странностями; но всего странѣе было, что онъ никогда почти не спалъ. Ночи онъ проводилъ, или играя на скрипкѣ, или въ бесѣ-

дахъ съ своимъ любимымъ служителемъ, неуклюжимъ горбуномъ, котораго онъ звалъ обыкновенно келейникомъ,

Онъ былъ большой хлѣбосоль, и эта наклонность его добродушія выражалась иногда очень забавно.

Разъ, это было въ Николинъ день, рассказывалъ мой отецъ, я вмѣстѣ съ многими другими господами ночевалъ у Николая Яковлевича. Гостей было не мало, послѣ ужина въ гостиную и въ залу натаскали кроватей, перинъ подушекъ. Николай Яковлевичъ всѣмъ самъ распоряжался, хлопоталъ, и когда всѣ улеглись, ушелъ и онъ, предварительно пожелавъ гостямъ спокойной ночи и пріятнаго сна.

Всѣ гости рады были добраться до постелей и скоро уснули; заснулъ и я...

Часу во второмъ или третьемъ ночи я сквозь сонъ слышу, что кто то будто шаркаетъ около кровати, что то будто проблеснуло въ глазахъ и все опять тихо; но черезъ минуту я опять слышу шарканье. Подъ вліяніемъ сна, чтобы избавиться отъ этого пробуждающаго шарканья, я машинально повернулся на другой бокъ—но въ это время чей то голосъ спрашиваетъ меня:

— Василій Павловичъ, вы не спите? Не прикажете ли чаю?

Открываю глаза, надо мною стоитъ Николай Яковлевичъ въ халатѣ и со свѣчею въ рукахъ.

— Что вамъ угодно, Николай Яковлевичъ?

— Не прикажете ли чаю?

— Не хочу.

— Ну такъ кофею, можетъ быть?

— Не хочу ничего...

— Ну такъ яблочка — освѣжитесь. Ей, келейникъ, вскричалъ Николай Яковлевичъ, подай Василью Павловичу чаю, яблокъ.

— Я не хочу...

— Ничего, освѣжитесь! это хорошо!

Разговоръ нашъ и приказанія, отдаваемые келейнику разбудили и того и другого, и Николай Яковлевичъ, обрадованный ихъ пробужденіемъ, обращался и къ тому и другому съ такими же подчиваніями, какъ и ко мнѣ. Между тѣмъ во исполненіе хозяйскаго приказанія несли и чай, и кофе и яблоки, и перебудуженные гости волей или неволей,

а должны были, вмѣсто сна, пить и ѣсть. Это продолжалось часа два. Наконецъ, онъ ушелъ, огонь вторично былъ потушенъ, но уже перерванный первый сонъ не скоро возвратился къ перебуженнымъ гостямъ.

Когда мы взошли въ гостиную, княгиня сидѣла на диванѣ, занимая своими разполсшимися тѣлесами чуть не половину всего дивана. Батюшка подвелъ насъ къ ней, мы приложились къ ея пухлой ручкѣ; а она представила батюшкѣ и намъ своего новаго зятя, прося полюбить его.

Это былъ старшій адъютантъ какой то, теперь ужъ не помню, гренадерской дивизіи. Ему было лѣтъ подъ 30-ть. Онъ былъ довольно высокъ и недурно сложенъ, а адъютантскій его мундиръ придавалъ ему видъ такъ называемаго молодца, сквозь котораго выглядывалъ пѣхотно-армейскій франтовикъ.

Поздоровавшись со всѣми, батюшка подсѣлъ къ княгинѣ на диванъ, брата Алексѣя Васильевича занялъ разговоромъ молодой, а мнѣ оставалось только сидѣть и наблюдать.

Наступилъ вожделѣнный часъ обѣда. Двери въ залу растворились, и всѣ пошли къ столу.

Супъ разливалъ самъ молодой. Супъ черный, пречерный, безъ прибавленія, видомъ и вкусомъ походилъ болѣе на помои, а пирожки къ нему твердые, претвердые изъ самой низкой муки, такъ что Николай Яковлевичъ, сидѣвшій за столомъ противъ меня, откусивъ отъ пирожка и отвѣдавъ супа, энергически шарахнулъ пирожокъ въ тарелку съ супомъ и сдѣлъ ее лакею.

Вторымъ кушаньемъ была говядина изъ супа, нарѣзанная наканунѣ ломтями, безъ всякой приправы.

Послѣ обѣда ближайшій изъ сосѣдей княгини Николай Яковлевичъ Любавской пригласилъ батюшку и насъ къ себѣ ночевать. Батюшка принялъ предложеніе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что поземка къ ночи превратилась въ настоящую мятель и возвратиться домой сдѣлалось невозможнымъ.

Первое замѣчаніе, сдѣланное Николаемъ Яковлевичемъ батюшкѣ, когда подали чай, было: „Знаете-ли, Василиій Павловичъ, княгиня очень жирно кушаетъ!“

И это замѣчаніе было произнесено такъ серьезно, что заставило насъ невольно расхохотаться.

Послѣ этой поѣздки всей семьей ѣздили мы въ Авдѣево. Дядя Николай Павловичъ видимо таялъ. Хотя онъ и не лежалъ постоянно въ постели, но силы его со дня на день исчезали. При насъ онъ пріобщался и, приступая къ этому священному таинству, обновилъ новый байковый сюртукъ. Когда онъ указывалъ на свою обнову, слезы текли по блѣднымъ и впалымъ его щекамъ. На третій день мы уѣхали домой. При прощаніи съ умирающимъ дядею, моимъ крестнымъ отцомъ, я просилъ его благословенія, и онъ изсохшею, холодѣвшею рукою и съ глазами полными слезъ благословилъ меня.

Ѣздили мы и къ другимъ сосѣдямъ... Былъ я у Андрея Ефремовича Гуфферландъ... и любовь къ его прекрасной дочкѣ, постоянно тлѣвшая въ моемъ сердцѣ, разгорѣлась съ новою силою. Снова она грезилась мнѣ во снѣ и наяву— и часто въ безсонную ночь, припоминая нѣжное личико и блѣдно-розовый румянецъ ея щечекъ, подернутьхъ легкимъ пушкомъ, я, передѣлавъ Лилу въ Лизу, твердилъ:

„Лиза, Лиза, я страдаю

„Безутѣшною тоской;

„Я томлюсь, я изнываю,

„Гасну пламенной душой;

„Но любовь моя напрасна, и проч.

Приближалась масленица — время безконечныхъ надеждъ и ожиданій; время, въ которое я надѣялся не одинъ разъ столкнуться съ предметомъ моего обожанія и при удобномъ случаѣ надѣялся передать ей тихонько мои ощущенія, пожать ей слегка ручку, шепнуть ей, что я ее люблю..., а между тѣмъ брата Алексѣя, съ которымъ моя судьба была неразрывно связана, также сердечныя побужденія тянули на масленицу въ Москву...

Дня за четыре до масленицы онъ объявилъ при мнѣ батюшкѣ, что въ субботу мы должны отправиться въ путь. Масленицу мы пробудемъ въ Москвѣ, а на первой недѣлѣ выѣдемъ въ Курскую губернію къ своимъ полкамъ. Батюшка зналъ, что братъ имѣетъ виды на руку Марьи Александровны Демидовой, охотно согласился съ этимъ пла-

номъ — а я... я почувствовалъ себя, какъ ошпаренный кипяткомъ или какъ окунувшійся въ воду... Я загрустилъ не на шутку, хотя и не думалъ возражать или сопротивляться.

Братъ наблюдалъ за мною и доброму его сердцу сдѣлалось жаль меня... Задумался и онъ.

На другой день въ сумерки, когда мы съ сестрой сидѣли въ чайной вдвоемъ и говорили о скорой разлукѣ, вдругъ вбѣжалъ въ дверь братъ — веселый и довольный, будто открылъ Америку.

— Знаете-ли, что я придумалъ, — заговорилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ. — Братъ Василій масляницу останется здѣсь, а я попрошу у батюшки пару разгонныхъ лошадей, да Игната кучера, да на нихъ трухи, трухи... и поѣду завтра въ Москву. Тамъ я пробуду масляницу, лошади по вечерамъ будутъ возить въ Москвѣ, а въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ мы опять себѣ съ Игнатовъ трухи, трухи и вернемся въ Любаво. Подорожная наша по казенной надобности будетъ, и мы съ братомъ Василиемъ поѣдемъ уже прямо на Тулу.

Веселый и довольный, онъ побѣжалъ къ батюшкѣ сообщить ему свою мысль и приводить въ исполненіе...

Я былъ въ восторгѣ. На другой день братъ Алексѣй, закутавшись въ отцовскую медвѣжью шубу, завалился въ наполненный сѣномъ и покрытый ковромъ розвальни и затрусилъ въ Москву.

Масляница прошла для меня весело. Каждый день, то мы на званныхъ блинахъ, то у насъ блины. Вездѣ я встрѣчался съ нею...

На четвертый день масляной недѣли, послѣ сильныхъ морозовъ и непогодъ, наступила оттепель.

Что-то теперь братъ Николай Павловичъ — проговорилъ батюшка, когда мы съ нимъ въ открытыхъ саняхъ возвращались отъ Исаковыхъ. Для больныхъ такая погода убійственна. Того и гляди братъ умеръ, — еще разъ повторилъ мой отецъ.

Когда мы были уже недалеко отъ Любавы, встрѣтилъ насъ нарочный, ѣхавшій къ намъ съ печальнымъ извѣстіемъ, что въ эту ночь дядя Николай Павловичъ скончался. Это было 16-го февраля 1830 года.

По приѣздѣ домой, батюшка велѣлъ тотчасъ запрягать свѣжихъ лошадей въ кибитку и вмѣстѣ съ тетушкой Варварой Павловной уѣхали въ Авдѣево. Мы съ сестрой остались въ Любавѣ одни. Извѣстіе о смерти дяди произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Его блѣдное умирающее лицо, его потухающіе глаза и крестящая меня холодная рука—грезились мнѣ поминутно, особенно при той тишинѣ въ домѣ, которая насъ окружала.

Въ концѣ 1-й недѣли поста мы съ братомъ оставили Любаво. При прощаніи, по обыкновенію, всѣ плакали, плакалъ и я... Ъхали мы и день, и ночь. Почтовые тройки смѣнялись... Въ Тулѣ я купилъ себѣ саблю и чугунное кольцо, въ Орлѣ обѣдали, а не то на третьи, не то на четвертые сутки въѣхали мы въ Щигры—штабъ квартиру Переяславскаго конно-егерскаго полка.

Остановившись на постояломъ дворѣ, мы напились чаю съ братомъ и, переодѣвшись, тотчасъ отправились въ квартиру полкового командира Новосильцева, братъ, чтобы представиться ему по возвращеніи и командировки; а меня онъ взялъ съ собою, чтобы представить ему и просить его дозволенія о прикомандированіи меня до весны къ Переяславскому полку.

Казанскій драгунскій полкъ имѣлъ свою штабъ-квартиру въ городѣ Старомъ-Осколѣ. Во всякомъ случаѣ мнѣ надобно было предварительно ѣхать въ Старый-Осколь представиться своему полковому командиру Балану и просить также его согласія на задуманную братомъ прикомандировку.

Новосильцевъ вышелъ къ намъ въ растегнутомъ сюртукѣ безъ эполетъ. Онъ былъ очень красивъ собою, высокъ ростомъ и держалъ себя съ тѣмъ величавымъ и снисходительнымъ достоинствомъ, которое не допускаетъ ни признака фамильярности съ подчиненными. При всемъ этомъ былъ любимъ своими подчиненными до фанатизма.

Распросивъ очень привѣтливо брата касательно подробностей проведеннаго имъ въ откомандировкѣ времени, Новосильцевъ изъявилъ согласіе на все, о чемъ только братъ его ни просилъ. Потомъ помолчавъ немного, онъ улыбнулся и, сдѣлавъ головою едва замѣтный поклонъ, вышелъ изъ залы также быстро, какъ и вошелъ.

— Кланяйтесь вашему полковнику Балану: мы съ нимъ пріятели,—проговорилъ онъ, отворяя дверь. Эти послѣднія слова Новосильцева относились ко мнѣ.

Въ тотъ же день мы выѣхали изъ Щигровъ и направили нашъ путь къ Старому Осколу. Проѣхавъ верстъ 30 или 40, теперь уже не помню, мы заѣхали ночевать къ бывшему ремонтёру Переяславскаго полка Падерникову.

Штабсъ-капитанъ Падерниковъ былъ тогда извѣстной въ ремонтёрскомъ мѣрѣ личностію; являлся въ штабъ полка только для сдачи ремонта или полученія денегъ на покупку лошадей, а все остальное время проживалъ, какъ помѣщикъ, въ купленномъ имъ небольшомъ имѣніи, занимаясь хлѣбопашествомъ и маленькимъ коннымъ заводомъ. Домикъ его былъ очень небольшой, но теплый и уютный; стѣны были украшены гравюрами битвъ изъ эпохи отечественной войны. Вообще все въ домикѣ было въ порядкѣ, какъ бываетъ по возможности у холостяка уже не первой молодости.

Конечно, въ то блаженное время и безъ случайныхъ казенныхъ конюшенъ, коннозаводство по губерніямъ Тамбовской, Воронежской, Курской и Харьковской процвѣтало, не говоря уже о громадномъ запасѣ бродящихъ по землѣ войска Донскаго степныхъ табуновъ, отчего лошади были дѣйствительно дешевы; но тогда и фуражное продовольствіе было уже черезъ чуръ дешево. Четверть овса въ 9 мѣрѣ въ Курской губерніи можно было (я это говорю по опыту, самъ покупалъ) купить за двугривенный, т. е. за 20 коп. серебромъ.

Чудная тогда стоянка для конныхъ войскъ была въ степныхъ губерніяхъ, лишенныхъ всякаго сбыта своимъ хлѣбнымъ продуктамъ. Народонаселеніе Курской губерніи, не говоря о помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ которыхъ никогда военного постоя не несли, состояло почти исключительно изъ однодворцевъ.

Конюшни для лошадей устраивались подъ навѣсами или въ плетневыхъ сараяхъ; на зиму защищались и обваливались навозомъ и соломой такъ, что въ такой конюшнѣ въ трескучіе морозы было можно оставаться безъ нужды въ одной рубашкѣ. Избытокъ даровой соломы былъ такъ великъ, что лошади, имѣя ее подъ ногами, всегда по брюхо нѣжились въ ней, какъ въ пуховикахъ.

Не знаю пользуется ли теперь кавалерія такими благами, но тогда ей было житье. Казеннаго фуража для лошадей было немного. Изъ отпускаемыхъ казною денегъ на содержаніе лошадей въ полки по расчету 3 гарнца на лошадь въ сутки, причитающуюся сумму на 1 гарнецъ отъ каждой лошади полковой командиръ оставлялъ себѣ на разные непредвидимые расходы, въ видахъ благоразумной экономіи, на составленіе капитала на случай сдачи полка и на сведеніе счетовъ съ властями.

Остальныя деньги по расчету на два гарнца отпускали въ безотчетное распоряженіе эскадронныхъ командировъ. Хотя справочныя цѣны были всегда довольно высоки, но и у эскадронныхъ командировъ бывали непредвидѣнные расходы на средства благоразумной экономіи, какъ, напримѣръ, ежегодно даваемый подарокъ мѣстному исправнику, на случай могущихъ возникнуть споровъ съ сельскими обществами при подпискѣ квитанцій, а потому казеннаго фуража для лошадей было бы недостаточно. Тутъ помогала расторопность солдатъ. Отъ нечего дѣлать пойдетъ солдатикъ къ хозяину въ ригу, когда тотъ молотить овесъ, возьметъ цѣпъ и ну помогать; помолотившись, сколько въ силу хватить или на сколько есть свободного времени, подставитъ полу или мѣшокъ, и хозяинъ сыплетъ безъ мѣры, сколько унесется.

Хороша была жизнь; но старые офицеры и въ описываемое мною время уже вспоминали о прошломъ, какъ объ утраченномъ лучшемъ. Пользуясь простотою родныхъ нравовъ, они простодушіе и беззащитность часто употребляли во зло.

Нерѣдко случалось въ селеніи, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ сумерки проходя по улицѣ, быть свидѣтелемъ удивительныхъ повѣстоковъ.

Подойдетъ староста къ окошку какойнибудь избы и постучитъ подошкомъ въ косякъ. „Ей, слухай! кто тамъ у васъ... дома та-тъ?“ Изъ приподнятой рамки оконца высывается голова дебелой крестьянской дѣвушки, съ румяными щеками и лукавыми глазами. „Матрешка!—кричитъ староста—твоя очередь! къ капитану...“ И отдавши такое приказаніе, староста идетъ къ другой избѣ. Снова стучитъ въ

косякъ окна и снова кричитъ: „Ганька!.. къ поручику... живѣй!..“ и такъ далѣе...

Окончивъ нарядъ, староста, опираясь размашисто на свой подошкѣ, бойко идетъ домой съ самодовольнымъ видомъ человѣка, свято исполнившаго свою служебную обязанность. На что только нужны были офицерамъ вѣстовые женскаго рода—трудно рѣшить; за это я не берусь, но, полагаю, что для посылокъ.

Офицеры не любили сидѣть дома и постоянно разъѣзжали на крестьянскихъ лошадяхъ по домамъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Одинъ эскадронный командиръ, покидая свой эскадронъ, когда тотъ выступилъ въ походъ съ своихъ зимнихъ квартиръ въ полковой штабъ, призвалъ вахмистра и поручилъ ему вести эскадронъ. На продовольствіе людей и лошадей въ четырехъ дневномъ походѣ далъ ему пятиалтынный, наказавъ строго безъ особенной надобности его не тратить. Самъ-же, какъ и другіе младшіе офицеры его эскадрона, поѣхалъ окольными дорогами, переѣзжая по пути отъ одной помѣщицѣй усадьбы въ другую, съ ночлега на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы съѣхаться съ своимъ эскадрономъ на послѣднемъ переходѣ.

— Слушаю, Ваше Высокоблагородіе,—говорилъ вахмистръ, принимая пятиалтынный,—ради стараться.

Въ маленькомъ домикѣ Падерникова было свѣтло, тепло и уютно. Вечеръ за стаканами чая въ прихлебку, съ дымящимися табакомъ Жукова трубками на длинныхъ черешневыхъ чубукахъ съ янтарями мунштуками, какими въ то время любили щеголять офицеры, въ неумолкаемыхъ веселыхъ разговорахъ, прошелъ незамѣтно. Ужинали, ночевали, а на другой день пустились въ путь, и рано утромъ прибыли въ Старый Осколь.

Это было въ послѣднихъ числахъ февраля 1830 года. Умывшись, напившись чая на постояломъ дворѣ и передѣвшись, какъ слѣдуетъ, мы съ братомъ отправились въ квартиру командира Казанскаго драгунскаго полка: я, чтобъ представить ему себя, а братъ, чтобъ познакомиться съ нимъ и замолвить за меня слово. Командиръ полка былъ полковникъ Баланъ.

Личность эта была очень замѣчательна, и потому я позволю войти въ нѣкоторыя объ ней подробности.

Баланъ по рожденію былъ Малороссійскій казакъ, по службѣ сдаточный. Вѣроятно, обязанный своему богатырскому сложенію и красивой наружности, былъ опредѣленъ въ лейбъ-гв. конно-гвардейскій полкъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ вахмистромъ. Въ какую-то войну, въ 1806 или въ 1812 или 13 годахъ, теперь не упомню, онъ съ нѣсколькими рядовыми его же полка конвоировалъ генер. Депрерадовича въ предпринятой имъ рекогносцировкѣ для осмотра расположения непріятельскихъ форпостовъ.

Вдругъ откуда ни возьмись на нихъ нападаетъ въ пресвходнѣйшемъ противъ ихъ числѣ разѣздъ непріятельскихъ уланъ. Нападеніе это было такъ внезапно, что конвой Депрерадовича, не думая защищаться, обратился въ бѣгство. Одинъ только Баланъ не смѣшался. Одаренный богатырскою силою, онъ встрѣтилъ нападавшихъ и палашемъ своимъ положилъ не одного изъ нихъ на мѣстѣ. Увидѣли ли нападавшіе возвращеніе сначала растерявшихся конвойныхъ на помощь своему вахмистру, или такъ сробѣли, только и они въ свою очередь пошли на утекъ, не успѣвъ причинить Депрерадовичу никакого вреда.

За этотъ геройскій подвигъ Баланъ былъ произведенъ въ корнеты, съ назначеніемъ въ одинъ изъ кирасирскихъ полковъ молодой гвардіи, но въ какой не помню. Я не видалъ формуляра полковника Балана и за точность рассказаннаго мною не ручаюсь. Какъ мнѣ помнится, я передалъ довольно вѣрно то, что слышалъ отъ старыхъ офицеровъ полка, съ которыми имѣлъ честь служить; изъ нихъ многіе были и сами участниками въ знаменитой отечественной войнѣ и въ послѣдующихъ за нею славныхъ войнахъ.

Если въ рассказъ о подвигѣ Балана и вкрались у меня неточности, то за то безошибочно скажу и поручусь, что добросовѣстнѣе и прямодушнѣе его, какъ человѣка и какъ полкового командира, трудно было встрѣтить другого. Въ немъ было чрезвычайно много служебнаго благородства.

Въ Казанскомъ драгунскомъ полку, при началѣ въ немъ моей службы, было много офицеровъ, человѣкъ до 10-ти, выслужившихся изъ вахмистровъ, что, конечно, въ смыслѣ тогдашнихъ понятій о хорошемъ обществѣ было очень не

лестно для полка. Штабные офицеры, какъ, напримѣръ, казначей Сочневъ, такъ и квартирмейстеръ Сорокинъ, были тоже выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ; но съ ними, и съ подобными имъ Баланъ обращался не стѣсняясь и, если что не такъ, то онъ такихъ господъ награждалъ подъ часъ и крѣпкимъ словомъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и подзатыльникомъ.

Разъ казначей, представивши ему отчетъ сдѣланныхъ расходовъ, показалъ цѣну одному заказу болѣе, чѣмъ дѣйствительно стоило. Баланъ, обозвавъ его за это воромъ съ добавленіемъ приличнаго случаю крѣпкаго словца, вытолкалъ изъ своего кабинета, буквально, въ шею.

Зато съ офицерами изъ дворянъ, въ особенности съ мало-мальски образованными, былъ деликатенъ насколько онъ только могъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ собирался за чтонибудь распечь. Онъ рѣдко кому говорилъ „вы“, но когда хотѣлъ распечь, то начиналъ такъ: „Вы офицеръ! вы офицеръ!“ Но далѣе онъ забывался и восклицалъ: „Какой ты чертъ офицеръ!“...

Во все продолженіе командованія его полкомъ, я не помню случая, чтобы онъ кого либо изъ офицеровъ посадилъ на гауптвахту, подъ арестъ. Съ 1832 года духъ подавляющей дисциплины особенно началъ охватывать русскую армію. Всякій генералъ, всякій полковой командиръ того времени чѣмъ больше оскорблялъ офицеровъ безпрестанными выговорами, угрозами и сажаніемъ за всякій по фрунтовой части вздоръ на гауптвахту, тотъ много выигрывалъ въ глазахъ высшаго начальства; тотъ смѣло могъ разсчитывать и на награды, и на повышенія, и на лестныя назначенія. Изъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, которыхъ я зналъ (исключая развѣ одного благороднаго П. Х. Граббе), только Баланъ не подчинился этому жалкому вліянію времени.

— Пока я команду полкомъ, ни одного казанца на гауптвахтѣ не будетъ!... Эти честныя слова высказаны Баланомъ въ то время, когда дивизія наша была собрана въ Бѣлгородѣ для царскаго смотра, въ то время, когда городская гауптвахта ни на минуту не была свободна отъ арестованныхъ офицеровъ трехъ остальныхъ полковъ нашей дивизіи, т. е. Рижскаго, Тверскаго и Финляндскаго.

Мы нашли Балана ходившимъ по своей залѣ и курившимъ табакъ изъ длиннаго и толстаго черешневаго чубука. Онъ былъ одѣтъ въ форменный сюртукъ безъ эполетъ на-распашку и въ бѣлый пикейный жилетъ.

— Очень радъ,—сказалъ онъ мнѣ, когда я ему представлялся, какъ новый юнкеръ. Потомъ, выслушавъ брата, просившаго его меня не оставить своимъ вниманіемъ, онъ отвѣчалъ: Будь покоенъ, братъ не будетъ обиженъ, я все сдѣлаю, что нужно.

— Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: Зачислить въ Лейбъ эскадронъ: тамъ и офицеры получше... а теперь ступай съ братомъ къ нему и возвращайтесь, пока еще не испортилась дорога...

Веселые и довольные пріемомъ полковника Балана, возвратились мы на постоянный дворъ и принялись за непрехотливый постный обѣдъ.

Пока послали за лошадьми, чтобы ѣхать въ обратный путь, т. е. въ расположеніе Переяславскаго конно-егерскаго полка въ Цигровскій уѣздъ, братъ ушелъ купить не то чаю, не то табаку, а я сѣлъ на лежанку, отъ нечего дѣлать болтать ногами, довольный и собою, и всѣмъ меня окружавшимъ.

На постояломъ дворѣ, за неимѣніемъ особой, мы занимали комнату общую съ хозяйкой. Это была старушка лѣтъ за 50, высокая ростомъ, немножко сгорбленная.

Одѣта она была въ темный ситцевый сарафанъ, черную душегрѣйку и съ чернымъ платкомъ на головѣ, повязаннымъ въ видѣ шлыка. По всему замѣтно было, что она въ одеждѣ и въ образѣ жизни подражала тѣмъ старушкамъ богомолкамъ, которыя во множествѣ проживаютъ при женскихъ монастыряхъ южныхъ губерній, въ собственныхъ кельяхъ. Передній уголъ горницы былъ весь заставленъ иконами разныхъ величинъ. Иныя были въ ризахъ, другія совершенно потемнѣли отъ времени и копоти. Передъ ними теплились 3 или 4 лампадки.

Когда я остался одинъ, она вышла изъ боковой каморки, поправила лампадки и, ставъ посреди комнаты, обратилась ко мнѣ съ разговоромъ.

— Вы слышали въ Воронежѣ-то явились мощи?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Народу то, народу туда столько устремилось, — продолжала старуха.

— Чьи же это мощи?

— Святителя Митрофанія.

— Когда жъ они открылись?

— Ихъ еще не открыли, а ужъ чудесъ много было, много и исцѣленій, говорятъ. Теперь еще надъ гробомъ святителя служатъ панихиды. Преосвященный Антоній о всѣхъ явленныхъ чудесахъ доноситъ въ Синодъ и говорятъ, что скоро, вишь, будетъ изъ Синода послана комиссія изъ архіереевъ для освидѣтельствванія нетлѣнности мощей. А открывать мощи, вишь, самъ государь пріѣдетъ въ Воронежъ.

— Какъ же они явились?

— Явились то они, сказываютъ, такимъ дѣломъ. Вишь, соборный пономарь съ сторожами по ночамъ много разъ замѣчали, что въ окнахъ того собора, гдѣ почивали мощи святителя Митрофанія, появляется свѣтъ необычайный. Свѣтъ въ окна видятъ, а войдти то въ соборъ, чтобъ посмотреть — нельзя: двери заперты. Думали, думали, да и доложили объ этомъ чудѣ преосвященному. Преосвященный Антоній, какъ вотъ слухи носятъ, когда ему доложили о свѣтѣ, позвалъ ключаря, да и пошелъ ночью въ соборъ, самъ и видѣлъ...

— Что же онъ видѣлъ?

— Видѣлъ, говорятъ, — продолжала старуха съ таинственнымъ видомъ, — что весь соборъ освѣщенъ, царскія двери открыты и самъ угодникъ стоитъ на молитвѣ передъ престоломъ, колѣнопреклонный... Теперь и день и ночь служба въ соборѣ не умолкаетъ. Все поютъ панихиды, такъ ужъ дверей и не затворяютъ. Одни входятъ, а другіе выходятъ. И откуда только берется столько народу!

И проговоривъ эти послѣднія слова, какъ будто что припомнивъ, что надобно было давно бы сдѣлать, что-то ворча про себя, старушка выбѣжала торопливо въ сѣнную дверь.

По возвращеніи брата, мы, не теряя времени, выѣхали изъ Старого Оскола, и къ вечеру на другой день прибыли въ большое однодворческое селеніе Гурово, гдѣ находились

эскадронная квартира лейбъ-эскадрона Переяславскаго конно-егерскаго полка, котораго шефомъ былъ его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, и первый взводъ, которымъ командовалъ братъ.

Наши люди, т. е. мой Никита Ивановъ и братинъ человѣкъ Василій Гавриловъ, сынъ Гаврилы Малофѣевича, давно уже насъ ожидали. Просторная и чистая изба была вытоплена, постели постланы, и мы послѣ довольно продолжительнаго путешествія то на почтовыхъ, то на сдаточныхъ, послѣ рѣдкихъ, да притомъ безпокойныхъ ночлеговъ, заснули сладкимъ сномъ.

Въ первомъ взводѣ Переяславскаго полка былъ правымъ фланговымъ карабинеръ Теличко. Во всемъ полку считался онъ самымъ удалымъ, самымъ исправнымъ, самымъ виднымъ солдатомъ, и при этомъ плутомъ первостатейнымъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, а сквозь огромные усы и бакенбарды сильно пробивалась сѣдина. На смугломъ его лицѣ и въ черныхъ блиставшихъ изъ-подъ нависшихъ бровей глазахъ вѣчно сіяла какая то рѣшительная веселость, какъ будто хотѣвшая сказать: „Нечего терять солдату: что было въ прошломъ, того не воротишь, а что будетъ, про то Богъ вѣдаетъ“.

Всѣ офицеры и юнкера его любили, ласкали. Въ день своихъ именинъ, а это бывало по нѣскольку разъ въ годъ (кто-жъ станетъ въ полку заглядывать въ календарь), онъ выпроситъ у когонибудь изъ юнкеровъ крендель или булку или калача, ну что случится, и пойдетъ по офицерамъ и по другимъ юнкерамъ поздравлять съ днемъ своего ангела. Кто ему даетъ двугривенный, кто четвертакъ, кто полтинникъ: Теличко всѣмъ доволенъ. Гдѣ поднесутъ водки, гдѣ попятъ чайкомъ, а если кто забудетъ возратить ему обратно его приношеніе, то онъ напомнитъ самъ, говоря, что надо еще побывать у того-то и у того-то.

Такія личности, какъ былъ Теличко, вызываютъ къ себѣ невольное, хотя и не всегда законное сочувствіе. Немудрено, что мой Никита, узнавши Теличку, скоро сблизился съ нимъ, какъ съ другомъ закадычнымъ. Пора была масляничная, погулять хочется, денегъ у Никиты намалѣ, а у Телички и вовсе нѣтъ. Надобно подыматься на штуки. У Василья Гаврилова былъ старый офицерскій сюртукъ,

который ему братъ Алексѣй Васильевичъ отдалъ за негодность. По совѣту Телички Никита напялилъ этотъ сюртукъ на себя, и они вмѣстѣ съ Теличкой отправились по самымъ зажиточнымъ дворамъ справлять масляницу. Никита долженъ былъ представлять вновь прибывшаго во взводъ поручика, а Теличка, какъ издавна знакомый съ мѣстными жителями, долженъ былъ его, какъ своего новаго начальника, съ ними знакомить.

Прежде нежели войти во дворъ, Теличка отпралялся впередъ и предупреждалъ хозяина, что вотъ, молъ, новый начальникъ прибылъ во взводъ, дѣлаетъ ему честь — въ гости, молъ, къ вамъ идетъ, есть ли чѣмъ угостить?

Пріятенъ ли, непріятенъ ли гость, а дѣлать нечего! Поручикъ во взводѣ первое лицо, подъ часъ пригодится, и хозяинъ говоритъ, что „милости просимъ! Чѣмъ богаты, тѣмъ рады!..“

Теличко бѣжитъ просить мнимаго поручика пожаловать въ избу. Самъ снимаетъ съ него шинель, называетъ не иначе, какъ ваше благородіе, и все время, пока Никита ломается за столомъ, остается у дверей, вытянувшись во весь ростъ и выпуча глаза.

Поручикъ ѣстъ блины, пьетъ водку и брагу но не забываетъ и своего спутника. Сначала снисходительно приказываетъ ему выпить рюмку водки, тамъ другую и третью, а потомъ приказываетъ ему сѣсть, чего тотъ долго не рѣшался сдѣлать.

— Помилуйте, ваше благородіе, какъ же это можно? Смѣю ли я при вашемъ благородіи, и проч.

— Но, наконецъ, во исполненіе воли начальства садитесь за столъ... и время идетъ пріятно. Натянувшись вдоволь и поблагодаривши хозяина и хозяйку за угощеніе, пріятели, заслышавъ пѣніе хоровода, шли туда. Ихъ веселый разгулъ сообщался всему хороводу, и поручикъ, нерѣдко забывъ всякое приличіе, пускался въ присядку.

Въ послѣдній день масляницы дружба Никиты съ Теличкой нѣсколько поколебалась. Теличко, обѣщавъ Никитѣ доставить ему свиданіе съ одной красавицей, съ которой они познакомились въ хороводныхъ играхъ, взявъ у него на необходимые на этотъ предметъ расходы деньги: нужно было вѣдь угостить и того и того-то водочкой и пр., у Ни-

киты мелочи не случилось и онъ далъ ему красненькую бумажку съ тѣмъ, чтобъ онъ размѣнялъ ее въ кабацѣ и сдачу принесть ему обратно.

Долго Никита дожидался обѣщаннаго свиданія, стоя гдѣ-то за угломъ—и не дождался. Прогногнувши по напрасно часа три, онъ возвратился домой и легъ спать. Это былъ послѣдній вечеръ масляницы. Проснувшись въ чистый понедѣльникъ, онъ побѣждалъ къ Теличкѣ за своими деньгами, но Теличко на требованіе Никиты отвѣчалъ, что онъ ихъ потерялъ, а потому обѣщаннаго свиданія доставить не могъ.

Когда мы съ братомъ пріѣхали на свое гнѣздо, Никита былъ очень не въ духѣ. Жаль ему было денегъ, и онъ страшно ругалъ Теличку!... „Чтобъ ему и того и сего подлещу!...“ Онъ ругался и сердился, а Василий не давалъ ему покоя своими насмѣшками.

Живя у брата въ Гуровѣ, я занимался по службѣ только верховою ѣздой въ манежѣ, а остальное время я проводилъ въ кругу юнкеровъ.

Въ одномъ Переяславскомъ лейбъ эскадронѣ ихъ было человѣкъ до 12. Одного изъ нихъ, Станиславскаго, я зналъ еще прежде въ Москвѣ, когда онъ былъ студентомъ. Въ домѣ Ал. Львов. Демидова онъ считался своимъ. Гости разъ у Станиславскаго дня три, я познакомился съ Даниловымъ и Растовцевымъ—также юнкерами. Вообще юнкерскій кружокъ состоялъ изъ людей образованныхъ, хорошихъ фамилій и со средствами.

Это временное пребываніе мое у брата пожалуй было и не дурно, но все я чувствовалъ, что я не на мѣстѣ, что меня окружали не тѣ товарищи, съ которыми суждено мнѣ въ будущемъ дѣлать и горе и радость. Къ тому жъ они были съ ногъ до головы пропитаны чувствомъ своего конноегерскаго достоинства, и на меня, драгуна, какъ мнѣ казалось, смотрѣли съ гордымъ снисхожденіемъ. Разумѣется, это оскорбляло мое самолюбіе, и я въ глубинѣ души желалъ поскорѣ развязаться съ ними.

Судьба помогла мнѣ въ этомъ случаѣ и очень скоро. На 5-й недѣлѣ поста неожиданно-негаданно братъ получилъ предписаніе полкового командира явиться въ Курскъ и принять завѣдываніе дѣлами бригадной канцеляріи, такъ какъ

бригадный командиръ вмѣстѣ съ своимъ бригаднымъ адъютантомъ находился гдѣ то въ отлучкѣ на неопредѣленное время. Командованіе бригадою возложено было на полковника Новосильцева.

Какъ ни непріятно было брату это новое назначеніе, тѣмъ болѣе, что спокойную жизнь въ Гуровѣ онъ предпочиталъ натянутой жизни при штабѣ, въ Курскѣ, но дѣлать нечего—надобно ѣхать!

Оставаться во взводѣ въ его отсутствіе мнѣ было уже вовсе неумѣстно, и потому порѣшили: ему ѣхать въ Курскъ, а мнѣ въ Старый Осколь. Такъ и сдѣлали. Въ одно время привели намъ лошадей, въ одно время вышли мы съ братомъ изъ избы, крѣпко обнялись, поцѣловались и разѣлись всякій въ свои сани, вмѣстѣ выѣхали изъ воротъ, чтобы разѣхаться въ разныя стороны.

Небольшой уѣздный городокъ, Старый Осколь, въ которомъ судьба опредѣлила мнѣ начать мое военно-служебное поприще, занимаетъ по своему топографическому положенію одну изъ миловиднѣйшихъ мѣстностей. Онъ расположенъ при устьѣ небольшой рѣчки Оскольца, впадающей въ рѣку Осколь, на горѣ, далеко господствующей надъ окрестностью. Живописная рѣка Осколь, развѣтвляясь рукавами, въ своемъ теченіи образуетъ много зеленѣющихъ островковъ, поросшихъ по краямъ густымъ раkitникомъ и тростниками. По обоимъ берегамъ его и впадающаго въ него Оскольца раскинулись пригородныя слободы, утопающія въ пушистой зелени своихъ садовъ, мягко муравчатыхъ левадъ и цѣлыхъ рощей развѣсистыхъ ветелъ. Отъ перешейка той горной возвышенности, на которой построенъ городъ, далеко направо тянется цѣпь зеленѣющихъ холмовъ, которыхъ вѣчно бѣлѣющія мѣловыя вершины довершаютъ красоту общей картины.

Побогрѣвшись немного съ дороги, я умылся, одѣлся и тотчасъ же отправился къ полковнику. Онъ обошелся со мною ласково, сказалъ, что всѣ юнкера теперь находятся въ сборѣ при штабѣ, чтобъ я сходилъ къ адъютанту, заявилъ ему о своемъ пріѣздѣ, а онъ сообщитъ квартирмейстеру о истребованіи мнѣ квартиры.

Все это я окончилъ не болѣе какъ въ $\frac{1}{4}$ часа, потому что квартира полковника и полковая канцелярія отъ постоя-

лаго двора, гдѣ я остановился, были очень недалеко. Когда я возвратился къ себѣ, самоваръ уже кипѣлъ на столѣ и я расположился пить чай.

Никита былъ очень доволенъ, что онъ, поторговавшись, заплатилъ за чай на половину дешевле той цѣны, которую я ему назначилъ. Въ мое отсутствіе онъ, видите ли, успѣлъ сбѣгать въ лавку и купить фунтъ чаю; но какъ только я обварилъ этотъ чай кипяткомъ, онъ тотчасъ принялъ цвѣтъ баварскаго пива, а вкусъ и аромат обличали тождество его съ сѣнною трухою. Не смотря однакъ на этотъ маленькій недостатокъ, Никита и хозяйка наша, выпивши послѣ меня этого темнаго настоя по нѣскольку чашекъ, нашли, что чай очень недуренъ.

Съ этой покупкой перваго фунта чая началось мое самостоятельное хозяйство.

Послѣ обѣда, состоявшаго изъ постной густой лапши съ коноплянымъ масломъ, осетрины самага крутого засола съ хрѣномъ, я отправился хлопотать объ квартирѣ. Мысль, что я самостоятеленъ и иду хлопотать о главнѣйшей изъ житейскихъ потребностей, возвысила меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, и въ глубинѣ души я былъ очень доволенъ.

Сначала я пошелъ къ полковому квартирмейстеру поручику Сорокину. Онъ спалъ одѣтый, въ рейтузахъ и сапогахъ со шпорами, но безъ верхняго платья. Я безъ церемоніи разбудилъ его. Онъ приподнялся на своей кровати, спустилъ ноги на полъ и высоко, зѣвая и потягиваясь, вытянулъ руки вверхъ.

— Идите въ квартирную комиссію, сказалъ онъ мнѣ, смотря на меня сонными глазами. Требованіе на отводъ вамъ квартиры туда уже отослано мною.

Пошелъ я въ квартирную комиссію, но тамъ ни души и комиссія заперта.

— Мнѣ нужна квартира— сказалъ я сторожу,— гдѣ жъ мнѣ ее взять?

— А вотъ подите къ депутату.

— Къ какому депутату?

— Къ какому хотите, тутъ два депутата. Одинъ купеческій, другой дворянскій.

— Который ближе?

— Купеческій, вонъ насупротивъ живетъ, да кажись онъ боленъ; а можетъ и выздоровѣлъ. Зайдите.

Я пошелъ. Въ передней, которую послѣ настойчиваго торканья съ моей стороны наконецъ мнѣ отперли, меня встрѣтилъ нанковый долгополый сюртукъ зелено-гороховаго цвѣта, надѣтый на рыжаго, бѣлаго дѣтину, обстриженнаго въ кружокъ.

— Что вамъ нужно?—спросилъ онъ.

— Квартиру.

— Николай Лаврентьевичъ нездоровъ.

— Да мнѣ чтожъ дѣлать? мнѣ нужна квартира.

— Я ему доложу...—И сказавъ это, онъ на цыпочкахъ своихъ толстоподошвенныхъ подбитыхъ гвоздями сапогъ съ напускомъ пошелъ въ другую горницу.

— Николай Лаврентьевичъ приказалъ вамъ сказать, что онъ въ жару, чтобъ вы шли къ дворянскому депутату Маслову.

— Гдѣ онъ живетъ?

Долгополый сюртукъ мнѣ указалъ, и я пошелъ къ Маслову, все еще очень довольный, что хлопочу.

Дворянскій депутатъ Масловъ былъ потомственный дворянинъ и очень добрый старикъ. Служебное свое поприще онъ началъ съ подъячихъ. Былъ очень гостепріименъ. Самъ былъ не великъ ростомъ, одаренъ круглымъ брюшкомъ, имѣлъ очень толстую, довольно уже пожилую супругу, съ которой въ мирѣ и совѣтѣ бездѣтно проживалъ въ своемъ собственномъ домикѣ. Онъ очень любилъ пуншъ съ кизлярочкой, былъ всегда веселъ, и, бывало въ уѣздномъ обществѣ служащихъ, всѣхъ смѣшилъ своими остроумными прибаутками.

Когда я предсталъ предъ нимъ, какъ предъ официальнымъ лицомъ, онъ, выслушавъ добродушно мое требованіе, тотчасъ же велѣлъ запречь дрожки и вмѣстѣ со мною отправился въ комиссію. Подписавъ квартирный билетъ и вручая его мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ сторожу проводить меня и указать тотъ домъ, въ которомъ предназначено было мнѣ квартировать.

Въ тотъ же день я съ Никитой и со всѣми моими пожитками перебрался на мое новоселье.

На другой день я пошелъ представиться къ командиру запаснаго эскадрона маіору Гаврилову, въ вѣдѣніи котораго состояли юнкера. Гавриловъ былъ человѣкъ довольно суроваго характера и потому при первомъ свиданіи за что-то меня распекъ. Кажется за то, что не тотчасъ къ нему явился. На вопросъ же мой, что прикажетъ мнѣ дѣлать, онъ велѣлъ мнѣ идти въ манежъ, тамъ скажутъ мнѣ, что дѣлать.

Не совсѣмъ довольный, я отправился въ манежъ. Манежъ стоялъ у заставы. Онъ былъ сооруженъ изъ плетней, прикрѣпленныхъ къ столбамъ, на которыхъ утверждена была крыша, покрытая тростникомъ. Барьеры внутри были обшиты тесомъ, плетни были и снутри и снаружи обмазаны глиной и выбѣлены мѣломъ. Передъ манежомъ былъ небольшой плацъ, окруженный конюшнями такой-же системы постройки, какъ и манежъ, въ которыхъ содержались трубаческія и казенныя лошади для офицеровъ.

По другую сторону манежа стояла сборная изба, гдѣ жила прислуга, находившаяся при офицерскихъ лошадяхъ, казарма для трубачей и ихъ школа.

Пришедши на плацъ манежа, я нашелъ тутъ всѣхъ юнкеровъ. Ихъ было человѣкъ до 12, и я съ ними тотчасъ сошелся. Тутъ же я познакомился съ молодымъ прапорщикомъ Леоновымъ, уроженцемъ Рязанской губерніи, слѣдственно, какъ съ землякомъ. Какъ дежурный въ тотъ день по карауламъ, онъ былъ одѣтъ въ полной парадной формѣ.

Тутъ я узналъ отъ юнкеровъ, что капитанъ Цѣслинскій, котораго они прозвали змѣемъ горынычемъ и которому ввѣрена юнкерская команда, находится въ отпуску. Что слава Богу, что его нѣтъ, потому что Цѣслинскій очень золъ, и когда онъ учитъ въ манежѣ, просто юнкерамъ бѣда.

Теперь же, въ отсутствіе его, ученіемъ юнкеровъ занимается унтеръ-офицеръ, состоящій при офицерской командѣ, а очень часто приходитъ наблюдать за юнкерскою ѣздою и самъ полковникъ.

— Приходите сегодня вечеромъ ко мнѣ, — сказалъ мнѣ юнкеръ Сечиновъ, который, какъ я впоследствии узналъ, былъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи.

— Да, да, приходите къ намъ, — сказалъ Топорнинъ, очень красивый, стройный и ловкій юноша, — мы себе

ремся сегодня всѣ у Сечинова. Тамъ мы познакомимся покороче.

Меня очень удивило, что ни на воротникѣ, ни на обшлагахъ колета Топорнина не было галуновъ. Кантъ же его и рейтузы были, какъ и у всѣхъ у насъ юнкеровъ, тонкаго офицерскаго сукна, и сидѣли на немъ изящно. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ тѣ времена юнкера солдатскаго сукна не носили, никто ихъ къ тому не принуждалъ и одѣвались вообще щеголевато. Впослѣдствіи узналъ я, что Топорнинъ разжалованъ въ рядовые въ Казанскій полкъ изъ пажей за дерзость противъ корпуснаго начальства, безъ лишенія однакожъ дворянскаго достоинства.

— Что-же мы будемъ теперь дѣлать?—спросилъ я юнкеровъ.

— Сегодня назначена манежная ѣзда.

— Въ которомъ часу?

— Да вотъ, когда кончится экзекуція.

— Какая экзекуція?

— Сегодня будутъ гонять въ манежѣ сквозь строй приговореннаго военнымъ судомъ за 1-й побѣгъ. Одинъ разъ черезъ 500 человекъ.—Пока я разговаривалъ съ юнкерами, пришла отъ запаснаго эскадрона команда, человекъ во сто, одѣтая въ походной формѣ, и вошла въ манежъ. Вслѣдъ за ними привели туда и преступника.

Увлеченный движеніемъ юнкеровъ, съ бьющимся сильнѣе обыкновеннаго сердцемъ, подошелъ и я къ открытымъ воротамъ манежа. Приведенные для совершенія наказанія, солдаты стояли тамъ въ двѣ шеренги лицо къ лицу и у каждаго изъ нихъ въ правой рукѣ высоко вверхъ поднимался, покачиваясь въ воздухѣ, длинный хлыстъ.

Трубачъ заигралъ походъ, и обнаженный по поясъ преступникъ, держась за поданный ему двумя унтеръ офицерами прикладъ ружья и влекомый ими, пошелъ сквозь эту зеленую улицу.

Въ одно мгновеніе спина несчастнаго и руки отъ плечей до локтя были исполосованы сине-багровыми рубцами, еще немного и потекли струйки засочившейся крови.

Надобно правду сказать, что трудно придумать наказанія безчеловѣчнѣе этого нѣмецкаго изобрѣтенія. Мы стыдились кнута, этого орудія нашего уголовного правосудія,

какъ остатка варварства, завѣщаннаго намъ монгольскимъ игомъ; отчего же не стыдились и не стыдимся нравственнаго ига нѣмцевъ, со всѣми заимствованными отъ нихъ дисциплинами, шпицъ-рутенами, фехтелями, аркибузированиями и проч., поселившими ужасъ и отвращеніе въ русскомъ народѣ къ воинской повинности.

Отошедъ отъ воротъ манежа, я увидѣлъ полковника Балана. Завернувшись въ шинель, онъ ходилъ взадъ и впередъ по плацу, потупивъ голову внизъ.

Увидѣвъ меня, когда я, снявъ фуражку, стоялъ передъ нимъ, вытянувшись въ струнку, онъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головою и спросилъ:

— А умѣешь ѣздить верхомъ?

— Умѣю, полковникъ.

— Посмотримъ!

Скоро манежъ очистился. Юнкера, по приказанію полковника, бросились въ конюшню за лошадьми, которыя ужъ были осѣдланы. Я послѣдовалъ тоже ихъ примѣру и вмѣстѣ съ ними ввелъ въ манежъ назначенную мнѣ лошадь.

Въ срединѣ манежа мы сѣли на лошадей и построились въ шеренгу.

— Справа по одному! Шагомъ! маршъ!—скомандовалъ полковникъ, и манежная ѣзда началась.

— Стой!

Мы остановились. Баланъ подошелъ ко мнѣ, молча взявъ меня за колѣнку обѣими руками и тихо поправилъ мою посадку.

— А руку на шипокъ! такъ...—это относилось къ моей правой рукѣ, упиравшейся въ ляшку.

— Теперь хорошо... рысью маршъ!—И продолжая командовать, щелкалъ бичемъ, чтобы придать жару лошадямъ.

Подъ конецъ ѣзды, выстроивъ насъ въ шеренгу у одной изъ поперечныхъ стѣнъ манежа, скомандовалъ: съ мѣста маршъ! маршъ!

Мы дали шпоры лошадямъ и понеслись въ карьеръ.

— Стой! равняйся! Слѣзай!..—И подходя къ намъ съ веселымъ полусмѣющимся лицомъ, промолвилъ:

— Хорошо, молодцы!..

— Ради стараться...—отвѣчали мы.

— Ну, теперь отведите лошадей—и по домамъ.

Такъ кончилась моя первая ѣзда въ манежѣ при вступленіи въ полкъ—и мнѣ было весело.

Ни одного не только грубаго или оскорбительнаго, ни одного даже рѣзкаго замѣчанія во все продолженіе ученія не сорвалось съ языка Балана. А вѣдь онъ былъ человѣкъ безъ образованія...

По возвращеніи домой, я, отдохнувъ немного, пошелъ въ квартиру Сечинова, куда былъ приглашенъ юнкерами.

Въ небольшой комнатѣ маленькаго мѣщанскаго домика, я нашелъ человѣкъ 6 юнкеровъ. На столѣ красовался небольшой самоваръ, чайникъ, полоскательная чашка, нѣсколько стакановъ и большой штофъ съ кизлярской водкой.

Хозяинъ и гости его приняли меня съ большимъ радушіемъ: жали мнѣ руку и просили быть потоварищески на ты. Въ этомъ кругу моихъ новыхъ товарищей замѣшался, чего я сначала не замѣтилъ, одинъ офицеръ; онъ былъ черноволосый и молодъ, но слѣды невоздержной жизни, страшные слѣды нравственнаго упадка отражались и въ смуглыхъ впалыхъ щекахъ, и въ потухшихъ умныхъ глазахъ, и въ трясущихся рукахъ. Онъ тоже подошелъ ко мнѣ съ вѣжливымъ привѣтомъ, прося полюбить, какъ товарища.

Въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ прапорщикъ Арцыбашевъ, единственный сынъ одной помѣщицы Новгородской губерніи.

Образованіе онъ получилъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, учился хорошо и уже оканчивалъ курсъ, какъ за какую то шалость или дерзкое слово, или ужъ не помню за что, былъ исключенъ изъ вѣдомства инженеровъ и по какому то бывшему знакомству матери его съ полковникомъ Баланомъ съ чиномъ прапорщика поступилъ въ Казанскій драгунскій полкъ.

Прибывши въ полкъ, онъ еще принесъ на своемъ лицѣ юношескую бѣлизну и румянецъ, черные глаза его были ясны и смѣло встрѣчались съ глазами всякаго, но на бѣду...

На бѣду онъ съ собою въ полкъ для прислуги привезъ изъ дома своей матери очень хорошенькаго мальчика, лѣтъ 18-ти. Мальчикъ этотъ былъ живъ, проворенъ, легкокъ и услужливъ; но прошло мѣсяца 3 или 4, мальчикъ сильно сталъ измѣняться въ лицѣ, сдѣлался неповоротливъ и даже сталъ неестественно полнѣть. Нечего дѣлать: необ-

ходимо оказалось переодѣтъ его наконецъ въ женское платье. Дѣло то въ томъ, что Арцыбашевъ, сведя интригу съ горничной дѣвушкою своей матери, увезъ ее съ собою въ полкъ и, во избѣжаніе всякихъ пререканій, одѣлъ ее казачкомъ. Мать очень была оскорблена поступкомъ сына и перестала посылать ему денегъ, а между тѣмъ проходили года и у него, холостого отца, явилось семейство, состоящее изъ 3 или 4-хъ дѣтей. Естественная любовь къ дѣтямъ, о которыхъ онъ страдалъ, вмѣстѣ съ безвыходнымъ положеніемъ, въ которое онъ себя поставилъ, развили въ немъ страсть къ возліаніямъ. Каждый день съ утра и до вечера онъ былъ пьянъ. Офицеры отъ него отшатнулись, и вотъ потребность болѣе или менѣе образованнаго кружка втянула его въ кружокъ беззаботной и невзыскательной молодежи—юнкеровъ.

— Господа, чай налить, садитесь,—предлагалъ хозяинъ.

Всѣ усьлись около стола, и кизлярка полилась по стаканамъ, разнося по комнатѣ свой водочный запахъ.

— Чтожъ вы то не подливаете,—спросилъ Топорнинъ, обращаясь ко мнѣ?

— Я не пью пунша, мнѣ противенъ пуншъ...

— Какой же вы послѣ этого товарищъ, если вы нехотите участвовать съ нами въ дружеской бесѣдѣ.

— Я не пью пунша,—отвѣчалъ я и солгалъ. Я пилъ его у Ростовцева въ Переяславскомъ полку; но тамъ былъ ромъ, а тутъ кизлярка. Къ тому жъ мнѣ не хотѣлось сразу напиться, не зная еще съ кѣмъ я пью.

— Давайте я просто выпью голякомъ кизлярки, но пуншу я пить не могу: моя натура не принимаетъ.

Но ничто не помогало. Неудовольствіе моихъ товарищей росло соразмѣрно моему упорству. Арцыбашевъ тоже присоединился къ юнкерамъ.

— Понудьте себя наконецъ, если вы хотите быть добрымъ товарищемъ.

Между тѣмъ мнѣ уже два раза поднесли кизлярки голякомъ; все это было поставлено ни во что. Непремѣнно хотѣли, чтобъ я выпилъ пуншъ.

Отъ двухъ выпитыхъ рюмокъ у меня голова закружилась. Я забылъ свой планъ воздержанія, схватилъ стаканъ чая и ухнулъ въ него кизлярки.—Вотъ молодецъ, вотъ то-

варищъ,—вскричали всѣ мои собесѣдники, хлопая въ ладоши. Многие бросились меня обнимать...

„Славный малый“ доходило по временамъ до моего слуха, произносимое въ полголоса.... и я понималъ, что рѣчь шла обо мнѣ.

Мало-по-малу какой-то безумный восторгъ охватилъ все наше маленькое общество. Всѣ говорили, хохотали, кричали, никто не слушалъ; но вотъ кто-то изъ юнкеровъ затянулъ обычную при возліяніи пунша застольную пѣсню, другіе подхватили—и нестройный, но полный одушевленія хоръ огласилъ комнату.

„Плохой драгунъ.....

„Который пуншъ тянуть не любитъ;

„Въ атакахъ будетъ отставать,

„На штурмахъ камергерить будетъ“.

Послѣ такого поэтическаго приговора можно-же ли было не пить отвратительной кизлярки.

„Когда Богъ землю наказалъ—

„И шаръ земной вода покрыла,

„Онъ этимъ ясно доказалъ,

„Какая вредная въ ней сила.

„Друзья, не станемъ пить воды,

„Отъ ней великія бѣды“.

Когда ужъ было пить воду, и пуншъ то ужъ лѣзъ изъ горла; я рѣшился оставить веселую компанію и идти домой.

Темнота на улицахъ была страшная, грязь по колѣно и я, чтобъ уйти безопаснѣе, зашагалъ по серединѣ улицы. Пройдя немалое разстояніе, я, наконецъ, добрался до своей квартиры. Никита на мой стукъ въ дверь отвѣчалъ: „сейчасъ“, вздулъ огонь и встрѣтилъ меня со свѣчею.

Посмотрѣвъ мнѣ въ глаза и потомъ на мои ноги, которыя были уже не по колѣно, а гораздо выше колѣнъ, въ густой грязи, расхохотался.

Я не говоря ни слова, потому что не могъ говорить, сѣлъ на свою постель, и желая казаться совершенно ничего, только улыбался. Никита меня раздѣлъ и уложилъ спать.

Такія или подобныя этой сходки нашего юнкерскаго кружка повторялись довольно часто. По большей части мы

собирались у Арцыбашева. Начинали съ пунша, кончали водкой, ужинали потомъ, и, за непроходимой грязью на темныхъ улицахъ, не рѣдко тамъ и ночевали, разумѣется, какъ попало и на чемъ попало. Въ отношеніи меня мои добрые товарищи были особенно деликатны и внимательны. Лучшее мѣстечко для ночлега и, можетъ быть, единственная лишняя хозяйская подушка въ ситцевой наволоку всегда уступались мнѣ.

Послѣ ненастныхъ дней наступили дни ясные, и городскія улицы начали просыхать. Сначала показались утоптанная пѣшеходами тропинки, а потомъ мало-по-малу сушь распространилась все шире и шире, такъ что къ заутренѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова можно было пройти въ церковь, нисколько не рискуя испачкаться въ грязи.

Горожане Старого-Оскола были въ то время очень благочестивы. Храмы Божіи были въ цвѣтущемъ состояніи, и въ день Воскресенія Христова освѣщенные площадками колокольни далеко разливали вокругъ себя свѣтъ. Горожанки всѣхъ возрастовъ и состояній, женщины и дѣвицы, съ самаго вечера страстной субботы до начала заутрени, ходили изъ церкви въ церковь, прикладываясь къ плащаницѣ и къ образамъ.

Увлеченные примѣромъ прекраснаго пола и мы, юнкера, таскались за ними изъ церкви въ церковь, и только при первомъ ударѣ колокола отправились къ заутренѣ въ полковую церковь, отведенную для полка въ одной изъ двухъэтажныхъ церквей города.

Отслушавъ заутреню и обѣдню, мы всей гурьбой отправились къ Сечинову на квартиру. Тамъ у него было приготовлено чѣмъ разговляться, т. е. пасха, куличъ, яйца и, сверхъ того, довольно обильный завтракъ. Разговѣвшись, закусивши и запивши сантуринскимъ, мы вдругъ припомнили, что не худо бы пойти поздравить полковника.— Идемъ, идемъ!—и пошли. Такъ какъ мы были одѣты въ парадную форму, то, взойдя въ залъ, не снимая киверовъ, выстроились въ шеренгу по ранжиру.

Между тѣмъ доложили полковнику, что пришли юнкера. Онъ вышелъ изъ своего кабинета и на привѣтъ его „Христось воскресъ“, мы въ голосъ отвѣтили: „Во истину воскресъ“. Похристосовавшись съ каждымъ изъ насъ по

очереди, отчего у двухъ или трехъ юнкеровъ кивера свалились на затылокъ, полковникъ предложилъ намъ войти въ гостиную разговѣться.

— Мы ужъ разговѣлись, сказалъ Курдюмовъ.

Всѣ почувствовали невѣжливость такого отвѣта; но поправлять дѣло было уже нельзя. Слово было сказано однимъ за всѣхъ.

— Ну когда разговѣлись,—сказалъ полковникъ,—то ступайте по домамъ. Смотрите, праздники не шалить. Катайте яйца, веселитесь, а случится дома посидѣть, то читайте пунктики.

— Мы читаемъ, полковникъ,—отвѣчалъ Курдюмовъ, барашко-образный бѣлокурый юнкеръ, нѣсколько пискливымъ голосомъ.

— Ну что ты читалъ—скажи. Надобно все знать, что читалъ. Ну знаешь, что такое перпендикуляръ!

Курдюмовъ смѣшался; но полковникъ, чтобъ объяснить ему, что значить перпендикуляръ, приподнялъ руку и, выставивъ вертикально свой указательный палецъ, сказалъ: „вотъ перпендикуляръ!“

— Это кукишъ, полковникъ,—возразилъ, усмѣхаясь, Курдюмовъ.

Всѣ мы расхототались. Полковникъ также расхототался и, отпуская насъ, подтвердилъ, чтобъ не шалить!..

Въ Старомъ-Осколѣ за кладбищемъ была тогда, вѣроятно и теперь существуетъ, довольно обширная роща подъ названіемъ Горняшка. Въ праздничные дни и въ особенности въ продолженіе всей святой недѣли Горняшка служила сборнымъ мѣстомъ городскихъ обывателей. Разряженные женщины шли туда подышать лѣснымъ воздухомъ, а еще вѣрнѣе, чтобъ себя показать и другихъ посмотретьъ, а мужчины шли только посмотреть на кулачные бои, или принять въ нихъ участіе. Страсть къ кулачнымъ схваткамъ была очень развита тогда между купечествомъ, мѣщанствомъ и обывателями пригородныхъ слободъ. Въ Горняшкѣ въ продолженіе всей святой недѣли и по воскресеньямъ и праздникамъ во все лѣто происходили бои стѣнками. По большей части съ одной стороны выходили жители слободъ, съ другой горожане. Не разъ случалось видать какогонибудь шеголеватого одѣтаго по европейски молодого купчика,

идушаго въ Горняшку. На немъ круглая широкая шляпа, лайковыя перчатки и трость въ рукѣ. Онъ поигрываетъ ею какъ истинный джентельменъ. Сначала онъ только зритель происходящаго передъ нимъ ратоборства, но въдь сердце не каменное, и въ жилахъ его не вода. Закипитъ ретивое, и онъ, бросивъ свою джентельменскую тросточку, какъ сумашедшій, бросается въ свалку. Кулаки его работаютъ направо и налѣво, и онъ выходитъ побѣдителемъ, хотя съ разбитой рожей и съ недочетомъ двухъ или трехъ зубовъ.

Между гуляющими по тропинкамъ Горняшки и отдыхавшими по ея зеленымъ лужайкамъ, можно было встрѣтить много уѣздныхъ камелій, а юнкера извѣстно большіе любители цвѣтовъ этого рода. Что мудренаго, что для юнкеровъ, да и для офицеровъ, роща эта была любимымъ мѣстомъ прогулокъ. Ея гористая мѣстность, пересѣченная лощинами, ея окаймленные орѣховымъ кустарникомъ лужайки, имѣли въ себѣ что-то обаятельно пріятное.

Сборища наши въ квартирѣ Арцыбашева съ наступленіемъ весенней теплоты прекратились. Все послѣ обѣденное время каждаго дня, кто только изъ насъ не былъ дежурнымъ по конюшнямъ, проводилъ въ Горняшкѣ; и по закатѣ солнца, возвратившись въ городъ, заходили въ военный погребокъ при колоніальной лавкѣ купца Головина. Тамъ, оставаясь до поздней ночи, распивали на брата по бутылкѣ донскаго, и затѣмъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа расходились по домамъ.

Въ воскресенье послѣдовало пробужденіе.

Изъ приказа по полку мы узнали, что во вторникъ на Ооминой полкъ выступаетъ въ походъ, что въ понедѣльникъ, т. е. на другой день, послѣ прочтенія приказа, юнкерамъ отправиться въ свои эскадроны.

Походъ этотъ предполагено было совершить въ городъ Козелецъ Черниговской губерніи, куда назначено было собраться всему нашему 3-му резервному кавалерійскому корпусу для царскаго смотра.

Приказаніе выступить въ походъ было такъ внезапно и такъ мало дано было времени для сборовъ, что, начиная съ самага полкового командира и до рядовыхъ, огорошило всѣхъ. При штабѣ началась самая дѣятельная жизнь. Ни штабные офицеры, ни писаря не спали ночей. Самъ Баланъ

для скорѣйшаго приведенія въ исполненіе распоряженій не выходилъ изъ канцеляріи, и когда я въ 8 часовъ утра въ понедѣльникъ съ однимъ изъ своихъ товарищей Паренаго явился въ канцелярію за полученіемъ приказанія, предъ отправленіемъ въ эскадронъ, мы нашли Балана давно уже тамъ. Онъ сидѣлъ на сундукѣ и на память распоряжался необходимыми перемѣщеніями лошадей и нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ изъ эскадрона въ эскадронъ. Онъ зналъ чуть-ли не каждую лошадь и каждого рядового въ полку.

Тутъ только я узналъ, что зачисленъ не въ 1-й, а въ 4-й эскадронъ.

Получивъ изъ канцеляріи требованіе на подводы, мы съ Паренаго отправились не то къ исправнику, не то въ Стрѣleckое волостное правленіе и, получивъ лошадей, уложили наши пожитки и отправились въ эскадронъ, а въ какое село не упомяну. На одной подводѣ ѣхали мы съ Паренаго, а на другой Никита везъ пожитки.

На половинѣ пути въ одномъ какомъ то большомъ селеніи мы перемѣняли подводы. Солнце уже давно сѣло, и окрестности застигались темнотою. Отъ земли поднимался легкій туманъ. На обширномъ выгонѣ раздавались хоро-водныя пѣсни и, когда мы подъѣхали, веселый хороводъ, заканчивая уже свои забавы, съ плясками и пѣніемъ шелъ къ селу. Вдругъ со стороны женскаго пола раздался визгъ и хохотъ. Мы съ Паренаго взглянули и видимъ, что дѣвки бѣгутъ, преслѣдуемые парнями. Не выдержали и мы, выскочили изъ подводы и тоже пустились въ ловитву.

Какъ эта охота ни была увлекательна, но ѣхать было неизбѣжно, и мы возвратились къ нашей подводѣ.

Ночь сдѣлалась темна — туманъ подымался съ сырой земли, кругомъ и вблизи, и вдали въ пустынныхъ поляхъ текли потоки огня, выжигаемого жнивья.

То вспыхивали они ярко, на мгновеніе озаряя окрестность, то вдругъ исчезали, то легкимъ заревомъ разливались по горизонту.

Наконецъ я задремалъ и не помню уже, какъ мы пріѣхали въ эскадронную квартиру. Почти ощупью добрались мы до какого-то двора, долго стучались въ ворота и, наконецъ, уставшіе и продрогшіе подъ вліяніемъ сырой весенней

ночи, вошедши въ избу, легли, на чемъ попало, и заснули крѣпкимъ сномъ.

На другой день часу въ 7-мъ мы, проснувшись и одѣвшись въ походную форму, отправились по своимъ взводамъ. Паренаго былъ зачисленъ въ 1 взводъ, а я въ 4.

Взводнымъ вахмистромъ былъ тогда Акимъ Ивановъ, человѣкъ характера суроваго, онъ мнѣ назначилъ лошадь и дядьку.

Въ дядьки онъ мнѣ опредѣлилъ стараго драгуна, по прозванію Шарова. Грудь его была украшена медалями 12 и 13 годовъ, длинные усы висѣли внизъ, а на оцѣпенѣвшихъ чертахъ его смуглаго лица рѣдко кто видалъ улыбку.

Солдатъ онъ былъ исправный и старательный, но въ походѣ на квартирахъ былъ человѣкомъ самымъ безпокойнымъ. Капризничалъ, ругалъ бабъ хозяекъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и всегда былъ недоволенъ предложенной ему трапезой. Поѣвши же до сыта, онъ, выходя изъ избы, самъ не зная досаду на кого, сильно хлопалъ дверью.

Но вотъ эскадронъ выстроился на выгонѣ. Офицеры стояли передъ взводами. Приѣхалъ командиръ эскадрона капитанъ Павленко. „Съ права рядами“ и эскадронъ тронулся въ походъ.

Мы шли степями. Небо было безоблачно, солнце сіяло во всемъ блескѣ, разливая теплоту въ благорастворенномъ воздухѣ. Кое гдѣ пробивалась зеленая травка сквозь плотно прилегшую къ землѣ прошлогоднюю траву, и во множествѣ по степи, не успѣвая вылѣзти изъ земли, раскрывали свои тюльпанообразныя чашечки синіе флокусы. Всѣ ручки и рѣчки были въ полномъ разливѣ, такъ что иногда версты по 2 и болѣе случалось идти сплошь водою по пути, указываемому высланными земскою полиціею крестьянами-проводниками, или воткнутыми по разливу вѣхами. Прибавьте къ этому безчисленное множество жаворонковъ, незримо оглашавшихъ воздухъ своимъ нескончаемымъ пѣніемъ, и тогда поймете, какъ весело и хорошо было у меня на сердцѣ при совершеніи этого 1-го перехода моего 1-го похода.

Переходъ былъ не болѣе обыкновеннаго походнаго перехода, верстъ 25 или 27, но, по случаю частыхъ затрудненій при переправахъ чрезъ рѣчки и лощины, эскадронъ на ночлегъ добрался только къ вечеру.

Селеніе, въ которое мы пришли, было малороссійское. Въ первый только разъ увидалъ я здѣсь бабъ, одѣтыхъ не въ юбки и не въ поневы, а въ плахты. Въ первый разъ услышалъ я малороссійскую рѣчь и познакомился тутъ съ малороссійской хатой мазанкой, съ ея безукоризненно чисто выбѣленными стѣнами внутри, съ гладко убитымъ глинянымъ и опрятно выметеннымъ поломъ и съ блестящими каменными обливными узорчатыми мисками на полкахъ. Однимъ словомъ, въ первый разъ въ этомъ походномъ ночлегѣ я столкнулся тутъ съ малороссійскимъ племенемъ, хотя до Малороссіи было еще далеко. Южная половина Курской губерніи представляетъ смѣсь великоруссовъ и хохловъ, хотя тѣ и другіе живутъ особыми селеніями, и ни тѣ ни другіе не измѣняютъ своимъ племеннымъ обычаямъ. Малороссіянинъ великорусса зоветъ москалемъ, а великорусъ малороссіянина—хохломъ.

На столѣ, накрытомъ чистою скатертью, лежала недавно еще испеченная паленица изъ греченой муки. Молодая хохлушка, разведши огонь, готовила ужинъ, а Никита стелилъ мнѣ постель. Я уже совсѣмъ собирался расположиться на отдыхъ, какъ вошелъ Паренаго.

— Пойдемъ къ капитану,—сказалъ онъ, взойдя въ хату.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Капитанъ еще насъ не видѣлъ, тебя совсѣмъ не знаетъ, надобно-же къ нему явиться.

— Что онъ—добрый?

— Добрый. Пойдемъ.

Пошли.

Войдя въ квартиру капитана (капитанъ былъ малороссъ—по фамиліи Павленко), мы нашли у него всѣхъ офицеровъ эскадрона. Онъ и всѣ офицеры сидѣли около стола. Капитанъ, какъ хозяинъ, на первомъ мѣстѣ на лавкѣ подъ святыми, другіе засѣдали около него и на приставленной къ столу скамьѣ. Въ рукахъ у всѣхъ дымились трубки—на длинныхъ черешневыхъ чубукахъ. На столѣ валялись кн-сеты, стояли двѣ свѣчи на мѣдныхъ подсвѣчникахъ, величественно возвышался большой штофъ съ водкой, стояли 2 серебрянныхъ чарочки, деревянная солоница и на тарелкѣ хлѣбъ. Въ углу деньщикъ капитана убиралъ самоваръ и стаканы.

Между офицерами шелъ оживленный разговоръ, сопровождаемый хохотомъ.

— Честь имѣю явиться, г-нъ капитанъ,—сказалъ я, подойдя къ Павленкѣ послѣ Паренаго.

— Садитесь, братики,—сказалъ онъ намъ, указывая мѣста на лавкѣ возлѣ себя,—садитесь!—Мы присѣли.

— Не хотите ли горилки?—спросилъ онъ привѣтливо.

Я хотя и давно уже употреблялъ водку, но передъ новымъ начальникомъ, желая показать себя благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, нѣсколько слицемѣрилъ и отвѣчалъ: „я не пью, капитанъ“.

— Вретъ, вретъ онъ, капитанъ. Онъ пьетъ,—воскликнулъ Паренаго.

— Такъ чтожъ ты, братико, притворяешься, что не пьешь?—воскликнулъ Павленко, наливая чарку,—пей!—Я выпилъ.

— Вотъ братику, молодца!—продолжалъ онъ, и мало-по-малу чрезъ $\frac{1}{4}$ часа я былъ въ кругу офицеровъ, какъ будто вѣкъ жилъ съ ними; а часамъ къ 11 вечера неравенства между офицерами, нами — юнкерами и командиромъ эскадрона уже не существовало. До ужина, передъ ужиномъ, въ ужинѣ—передъ всякой новой перемѣной, и послѣ ужина—наливались чарки, такъ что штофъ, наконецъ, опустѣлъ. Всѣ были зѣло упившись.

— Ну скажи: зелени зазеленѣлись!—приставалъ ко мнѣ Паренаго, когда мы шли съ нимъ на ночлегъ, поддерживая другъ друга.

— Самъ скажи.

— Нѣтъ, ты скажи...—и никто изъ насъ не рѣшался сказать, что зелени зазеленѣлись.

Пошли переходы — черезъ два дня на третій дневка, и всякій день офицеры эскадрона и мы, юнкера, обѣдали и ужинали у капитана. Всякій день повторялся тотъ же веселый разгулъ, и всякій день все также всѣ упивались до зѣла.

Вотъ и граница Малороссіи — границы Черниговской губерніи. Тутъ откупъ — тамъ свободная продажа водки. Водка отличная въ сравненіи съ откупомъ, а дешева — то, дешева то какъ,—чуть не задаромъ.

Послѣдняя дневка въ Курской губерніи припала нашему эскадрону въ 1½ верстѣ отъ границы Черниговской губерніи и... но прежде нежели рассказывать, что тутъ совершалось, для подробности всѣхъ моихъ походныхъ походовъ возвращусь нѣсколько назадъ.

Бригадою нашею командовалъ генераль майоръ Гельманъ. Хотя всѣ знали его, какъ за самого пустого господина, и за глаза величали дуракомъ, но неменѣе того этотъ господинъ представлялъ собою начальство, и даже начальство очень придириливое, всегда готовое облаять подчиненныхъ.

Когда онъ въ коляскѣ обгонялъ нашъ эскадронъ, то офицеры и вахмистра предупреждали всѣхъ драгунъ смотрѣть ему въ глаза, какъ можно рѣзче, — „ѣшь его глазами!“ твердили постоянно, завидѣвъ коляску Гельмана. Дѣйствительно, когда всѣ ѣли его глазами, онъ проѣзжалъ мимо, не замѣчая ничего; но когда этого не дѣлали, онъ набрасывался на эскадронъ съ бранью. И то не такъ, и то не такъ.

Разъ я съ одной дневки былъ посланъ въ Обоюнь отъ эскадрона за приказаніемъ. Поднимаюсь на своей подводкѣ въ гору къ городу, гляжу, на горѣ стоятъ Гельманъ и Баланъ въ шинеляхъ и что-то разговариваютъ между собою. Когда я поровнялся съ ними, Гельманъ что то меня спросилъ.

Я не разслышалъ, выскочилъ изъ телѣги и подошелъ къ нему.

— Не скоро отвѣчаешь!—вскричалъ онъ.—Не знаешь дисциплины!... Сейчасъ велю тебя арестовать!

Баланъ, стоя за нимъ и смотря на него, насмѣшливо улыбался.

— Пошелъ!—еще разъ вскричалъ Гельманъ, и я пошелъ, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ далѣе.

За что онъ меня облаялъ, я и теперь не понимаю. Когда я рассказалъ капитану объ моемъ приключеніи, онъ отвѣчалъ:

— Ну, что на него смотрѣть, онъ вѣдь сумасшедшій.

Разъ пришли мы въ одно малороссійское селеніе на ночлегъ. Утро было великолѣпное. Проходя по улицѣ, и при выходѣ на сельскую площадь, вездѣ мы видѣли образо-

вавшіяся кучки парубковъ и дѣвчатъ, одѣтыхъ по праздничному и оглашавшихъ воздухъ мелодичными свадебными пѣснями. На всѣхъ встрѣчаемыхъ нами лицахъ отражалась веселость, которая невольно сообщалась и намъ... Дѣло въ томъ, что въ селѣ была свадьба.

До самаго заката солнца не прерывались гульба и пѣсни. Съ закатомъ солнца мало-по-малу все замолкло и по селенію распространилась тишина. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ по эскадрону и потому по обязанности службы часу въ 1-мъ ночи, обходя конюшни, вышелъ по площади. Чудная была эта ночь. Въ тихомъ и тепломъ воздухѣ отъ цвѣтущихъ яблонь, грушъ, вишенъ и черемухи, наполнявшихъ открытыя малороссійскія усадьбы, и въ которыхъ живописно прятались чисто выбѣленные мазанки, разливался ароматъ. Вода въ прудѣ, прилегавшемъ къ площади съ одной ея стороны, была тиха и, какъ въ зеркалѣ, отражала тростники, окаймлявшіе берега, и самые берега, густо поросшіе тополями, и цвѣтушія куртинки, и темное южное небо съ сверкавшими по немъ звѣздочками.

Полная луна, поднимаясь изъ-за садовъ и осеребряя легкіе, поднимавшіеся отъ воды, туманы, разлила свой чарующій свѣтъ на всю окрестность; множество соловьевъ въ густотѣ рощицъ, окружавшихъ прудъ, и по цвѣтушимъ садамъ усадьбъ, какъ будто одинъ передъ другимъ старались отличиться своимъ пѣніемъ.

И чтожъ это было за дивное пѣніе въ этой тишинѣ малороссійской полуночи. Я былъ, какъ очарованный. Присѣвъ у пруда на повалившейся дуплистой и уже полусгнившей ветлѣ, я смотрѣлъ на воду, вдыхалъ въ себя влагу благоуханнаго воздуха и слушалъ пѣніе, ничѣмъ не заглушаемое, соловьевъ... это было блаженство, котораго ни за какія деньги не купишь... Вдругъ...

Позади себя на площади слышу какое то странное завываніе хриплаго старушечьяго голоса. Оглянулся — и вижу посреди площади женщину всю въ бѣломъ, скачущую на одной ногѣ и распѣвающую своимъ отвратительнымъ голосомъ пѣсню самаго отвратительнаго, непристойнаго содержанія.

— Вотъ она, вѣдьма то,—подумалъ я невольно; но гляжу, къ этой вѣдьмѣ то изъ одной, то изъ другихъ хатъ

скачутъ на одной ногѣ такія же всѣ въ бѣломъ вѣдьмы, и хриплымъ, безобразнымъ хоромъ присоединяютъ свои голоса къ отвратительной пѣснѣ. Самыя непристойныя ругательства, самое отвратительное злословіе смѣшались въ пѣніяхъ этихъ вѣдьмъ, и пѣсни ихъ были упрекомъ несчастной новобрачной... При полномъ свѣтѣ луны, при тишинѣ ночи появленіе ихъ на площади казалось чѣмъ то сверхъестественнымъ.

Дѣло въ томъ, что новобрачная не была уже невинна... Это была ея казнь.

Выведенный изъ моего сладкаго раздумья, я вскочилъ и бросился къ этимъ вѣдьмамъ, чтобъ ихъ разогнать. Но разгоняя въ одномъ мѣстѣ, я видѣлъ, какъ въ другихъ во многихъ мѣстахъ собирались такія же скачущія на однихъ ногахъ съ разныхъ сторонъ остоны костлявые старухъ въ однихъ бѣлыхъ рубашкахъ и съ бѣлыми покрывалами на головахъ. Напрасно я гонялся за ними съ обнаженной саблею, стараясь съѣздить какуюнибудь фуктелемъ; но все было напрасно. Старыя вѣдьмы были увертливы, и я, наконецъ, утомленный и взбѣшенный, ушелъ со стыдомъ на свою квартиру.

За одинъ переходъ отъ Батурина была у насъ дневка, не помню въ какомъ селѣ. Село это было расположено не въ дальнемъ разстояніи отъ берега рѣки Сейма. Рѣка была въ полномъ разливѣ и окрестность на далекое пространство была покрыта водою. Подобно островамъ подымались изъ нея рощицы ольхъ, какъ бы укрываясь одна за другою, и, отражаясь въ кристальной поверхности тихаго разлива, казались опрокинутыми своими вершинами въ безпредѣльную глубину небеснаго свода.

Солнце уже сѣло, когда мы съ Паренаго вышли бродить на лугъ и подошли къ водѣ. Съ разлива подымался легкій паръ, одѣвая своею прозрачно-синеятою дымкою отдаленную окрестность. Было въ природѣ такъ тихо, на душѣ такъ покойно, а предъ глазами такъ хорошо, что и сказать нельзя. Насъ манило непреодолимое желаніе покататься по водѣ. Оглядываемся кругомъ и, вотъ радость-то! видимъ опрокинутый на лугу челнокъ и два валявшихся тутъ же плохихъ весла.

Нечего долго думать, стащили лодку въ воду, вооружились веслами и поплыли въ даль. Разговаривая и работая веслами, да глядя по сторонамъ, мы заплыли уже порядочно далеко и, попавъ на теченіе, только замѣтили, что лодка наша сильно наполняется водою, что она худая. Дѣло оказалось изъ рукъ вонъ. Въ лодкѣ вода, а отливаетъ нечѣмъ; теченіе увлекаетъ, а весла плохія; — да и грести-то мы оказались плохими мастерами. Какъ уроженецъ Воронежа и почитающій себя знатокомъ рѣчнаго дѣла, Паренаго сидѣлъ на кормѣ и бранился на мою неумѣлость дѣйствовать весломъ. Я хохоталъ, а дѣло все не ладилось. Бились, бились, и только съ большимъ трудомъ успѣли выбиться съ теченія на тихую воду разлива. Мало-по-малу, упираясь веслами въ землѣ, съ сапогами наполненными водою, добрались до суши. Притащивши лодку на лугъ, бросили весла и сами со всѣхъ ногъ бросились бѣжать на квартиру мѣнять сапоги и намокшее платье и носки.

Тяжело было вставать. Голова была тяжела до-нельзя, а вставать надо было рано. Выступленіе эскадрона въ походъ назначено было съ 2-хъ часовъ ночи. Такое раннее выступленіе было назначено для того, что черезъ рѣку Сеймъ, которая была въ полномъ разливѣ, подъ Батуринымъ надобно было полку переправиться на паромахъ. Обстоятельство это во всякомъ случаѣ замедляло передвиженіе полка, а тутъ еще на встрѣчу намъ шла 4 гусарская дивизія. Дивизія эта въ продолженіе многихъ лѣтъ имѣла свою постоянную стоянку подъ благословеннымъ небомъ Малороссіи. Почти всѣ офицеры, не говоря уже о рядовыхъ, которые во всей почти русской кавалеріи изъ малороссовъ, всѣ были ея дѣти. Въ то время, когда нашъ полкъ встрѣтился съ нею въ Батуринѣ, дивизія эта слѣдовала въ Тверь. Не знаю, весело ли было гусарамъ покидать родимую сторону, съ ея привольемъ, дешевою горилкою, гадушками, варениками и саломъ, только встрѣча съ ними на переправѣ вовсе не была для насъ пріятна. Хотя эскадронъ нашъ, совершая свой переходъ въ тишинѣ ночи, часу въ 7-мъ утра, и былъ уже у переправы, но на другую сторону рѣки перебрался не ранѣе, какъ часовъ въ 6 вечера. Одни и тѣ же паромы перевозили и гусаръ, и драгунъ. Высадивши на берегъ однихъ, они принимали другихъ.

ГЛАВА XI.

Дружба съ Павленкой.—Осенній компаньентъ.—Холера въ Бѣлградѣ.—Учебная юнкерская команда.—Наши обязанности.—Выступленіе въ походъ.—Эпизоды походной жизни.—Помѣщикъ Пиленко.—Его гостепріимство.—Переходъ черезъ Днѣпръ.—Предстоящая война съ Польшей.—Разлука съ Никитой.—Обѣдъ у польскаго пана.

Село Опочки, расположеніе квартирное 4-го эскадрона, было широко раскинуто. Туземцы, по большей части однодворцы, жили въ довольствѣ. Гумны ихъ полны многолѣтними скирдами, а огромныя стада коровъ и овецъ благополучно гуляли по обширному выгону. Я имѣлъ квартиру въ свѣтлой хорошей избѣ; но въ ней я мало сидѣлъ или занимался. Съ утра напившись чаю и поучившись немного съ унтеръ-офицеромъ Жилинковымъ ружейнымъ приѣмамъ, я уходилъ къ капитану Павленкѣ, гдѣ и проводилъ весь день до поздней ночи. Если случалось достать какую новую книгу, я читалъ вслухъ, а то такъ рисовалъ, и онъ съ любовью диллетанта смотрѣлъ на мою работу. Онъ охотникъ былъ клеить изъ картона разныя бездѣлушки, и въ это время по моему рисунку склеилъ что то въ родѣ колонны или памятника, окруженнаго рѣшеткой, съ мѣстечкомъ надъ капителью для карманныхъ часовъ. Онъ клеилъ, а я разрисовывалъ красками подъ мраморъ и бронзу. Между мной и Павленкомъ мало-по-малу завязалась дружба, какая могла только существовать между немолодымъ добродушнымъ эскадроннымъ командиромъ и мальчикомъ юнкеромъ. Столъ его былъ сытенъ и соченъ. Павленко, какъ хохолъ, любилъ кушать жирно, и потому самъ подкладывалъ масла въ кашу своимъ гостямъ, если ему казалось, что гость церемонился положить достаточно масла или не знаетъ вкуса.

Передъ обѣдомъ и въ обѣдѣ, передъ ужиномъ и въ ужинѣ серебряно-вызолоченная чарочка съ полнѣйшимъ постоянствомъ наливалась и осушалась.

Въ концѣ августа весь нашъ полкъ былъ собранъ въ Старый-Осколь для осенняго компамента. Все шло своимъ порядкомъ. Эскадронъ нашъ былъ расположенъ съ Стрѣлецкой пригородной слободѣ. Помню, что мы ходили на ученье и съ ученья, помню, что мнѣ приглянулась очень хорошенькая огородница, помню, что въ ту осень было много грибовъ и мы съ Павленкой и съ другими офицерами эскадрона ходили за грибами въ Горняшку, вдыхая въ себя сырой воздухъ влажной осени. Много набирали, и деньщикъ Павленковъ жарилъ ихъ намъ въ сметанѣ.

Помню, что я, бывши на почтовомъ дворѣ, получилъ письмо отъ батюшки, въ которомъ онъ извѣщалъ, что скверные французы прогнали Карла X-го; но самое страшное, что осталось въ моей памяти отъ этого компамента, такъ это дошедшій до насъ слухъ, что въ Бѣлгородѣ, въ 120-ти верстахъ отъ Стараго-Оскола, появилась неслыханная дотолѣ восточная эпидемія — холера. Разказы объ ней наводили ужасъ. Говорили, что противъ нее, какъ противъ чумы, принимались карантинныя мѣры — и мѣста, гдѣ она проявлялась, оцѣплялись.

Ее тогда величали не иначе, какъ полнымъ титуломъ: холера-морбусъ. Говорили даже такъ, что холера то бы ничего—а вотъ морбусъ то скверно. Въ Бѣлгородѣ умиравшихъ холерою хоронили арестанты, вытаскивая покойниковъ изъ домовъ баграми. Для предохраненія самихъ арестантовъ отъ заразы дѣлали для нихъ одежду изъ кожи, пропитанной дегтемъ, или одѣвали въ смоченныя въ деготь рубашки и шаровары. Таковые то доходили до насъ слухи. Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ велѣно было въ квартирахъ держать распущенную хлоровую известь, будто бы очищающую воздухъ, но въ сущности издававшую отвратительный запахъ, не употреблять въ пищу рисовую крупу и носить на шеѣ завязанный въ тряпочку чеснокъ. Соображая, что если хорошо носить чеснокъ на шеѣ, то вѣроятно еще лучше его ѣсть, я и нѣкоторые мои товарищи, т. е. юнкера и офицеры, безъ милосердія жевали чеснокъ. У многихъ изъ насъ, въ томъ числѣ и у меня,

показался поносъ; но мы положительно не зная, какія признаки предшествуютъ холерѣ, мало обращали на него вниманія. По прежнему ѣли, по прежнему кутили и въ сласть пользовались арбузами, которыхъ въ городъ не пропускали, а потому въ пригородныхъ слободахъ отдавали ихъ намъ чуть не за даромъ.

Болѣе всѣхъ мѣстныхъ властей возставалъ противъ арбузовъ нашъ полковникъ командиръ Баланъ: цѣлыми возами, даже своеручно, разбивалъ онъ ихъ, безъ всякаго милосердія. Никто не смѣлъ показаться съ арбузами на базарѣ. Такъ или сякъ, но пока мы оставались въ Старомъ-Осколѣ, смертныхъ случаевъ не было, и поносы пока проходили сами собою.

1-го октября компанентъ кончился, всѣ эскадроны разошлись по своимъ стоянкамъ, а намъ, юнкерамъ всего полка, велѣно было остаться при штабѣ въ учебной юнкерской командѣ.

Въ начальники нашей команды назначенъ былъ капитанъ Цѣслинскій. Это былъ человѣкъ высокаго роста съ непропорціонально длиннымъ туловищемъ и относительно короткими ногами, за что мы и прозвали его Змѣемъ Горынычемъ. Эта кличка была ему по шерсти, потому что онъ былъ золъ, какъ можетъ быть золъ только полякъ.

Квартиры юнкерской командѣ велѣно было занять въ Пушкарной слободѣ. Собрались мы всѣ въ числѣ человѣкъ 18-ти юнкеровъ и отправились въ Пушкарную слободу. Для указанія намъ домовъ подъ квартиры исправникъ распорядился прислать десятскаго, но этотъ членъ полиціи мало принесъ намъ пользы. Узнавши, что квартирантами въ слободу назначены юнкера, домовладѣльцы Пушкарной слободы заперли ворота и затворили ставнями окна своихъ домовъ.

Дѣло то въ томъ, что отцы семействъ, у кого имѣлись дочери на возрастѣ, какъ чумы, боялись юнкеровъ. Нельзя сказать, чтобы они были не правы, да и намъ то оставаться на улицѣ безъ пріюта было неудобно. „Господа, на штурмъ!“ — закричалъ юнкеръ Мавринъ. Юнкеръ Мавринъ, уроженецъ Новгородской губерніи, парень толстый, свѣжій, какъ молодой отпоенный быкъ, при этомъ обладалъ замѣчательною силою. Занимался ради шутки разги-

баніємъ подковъ и не разъ одинъ вступалъ въ рукопашную съ толпою ямщиковъ.

— На штурмъ!—вскричалъ Мавринъ,—на штурмъ!— подхватили другіе, — и всѣ мы бросились къ одному дому. Одни потащили бревно, чтобы разбивать ворота, другіе ползли по накатаннымъ къ стѣнѣ дома бревнамъ открывать ставни, и чѣмъ бы это кончилось, Богъ вѣдаетъ, еслибъ десятскій не сходилъ къ исправнику и тотъ не прислалъ сказать, чтобы мы ужъ какъ нибудь переночевали эту ночь на своихъ старыхъ квартирахъ, а съ завтрашнимъ днемъ онъ распорядится отводомъ намъ квартиръ самъ.

Такъ и было. На другой день намъ доставленъ былъ списокъ квартиръ, которыя мы могли себѣ избрать. Мнѣ досталась квартира въ домикѣ Пичеи, какъ называли торговку бубликами собственного производства. Комната моя имѣла въ квадратѣ аршина 4 съ однимъ большимъ почти квадратнымъ окномъ. Для Никиты была передняя въ половину менѣе, вообще квартира была чрезвычайно сухая и теплая.

Наступила поздняя осень со всѣми своими невзгодами. На улицѣ была слякоть и вязкая грязь, то туманъ, то изморозь, то мелкій снѣгъ, но мнѣ въ моей теплой каморкѣ мало было заботы. По службѣ обязанности нашей учебной команды вообще съ запаснымъ эскадрономъ, къ которому мы были прикомандированы, было содержаніе карауловъ, да ежедневная ѣзда въ манежѣ.

Учебныя занятія наши состояли въ оружейныхъ приѣмахъ, да въ ежедневной ѣздѣ. Вотъ тутъ-то ужъ Змѣй Горынычъ допекалъ насъ, рабовъ Божіихъ, со всѣмъ увлеченіемъ своего злого сердца. На меня, какъ на новичка, онъ налегалъ болѣе, нежели на другихъ. Быть можетъ ему не нравилось, что еще не заглубѣли на полудѣтскомъ лицѣ моемъ слѣды нѣжнаго воспитанія, отражавшагося и въ манерахъ, и въ голосѣ, и во взглядѣ, чего терпѣть не могутъ истые фрунтовики съ казарменнымъ воспитаніемъ.

Змѣй Горынычъ, чтобы гонять меня на кордѣ, назначилъ самую тряскую лошадь, гоньбу сопровождалъ крикомъ и угрозами и гонялъ такъ долго, что я отъ сотрясенія въ желудкѣ нѣсколько разъ падалъ съ лошади, что его очень забавляло.

Какъ ни грустны были эти ежедневные эпизоды, но по выходѣ изъ манежа все забывалось. Возвратясь домой, я облакался въ овчинный изъ домашнихъ мягкихъ мерлушъ, крытый полосатою нанкою, тулупчикъ, обѣдалъ щи и кашу, а послѣ обѣда или самъ шелъ куда нибудь въ товарищескую бесѣду, либо ожидать къ себѣ прихода товарищей.

Усадимся бывало за самоваръ, пьемъ чай со сливками, а иногда съ кизлярочкой, не ради чего другого, а такъ для провожденія времени. Этакая была жизнь, — что и умирать не надо, жаль только, что не долго продолжалась.

Въ одинъ темный вечеръ — на дворѣ шла изморозь, холодный осенній вѣтеръ пронизывалъ насквозь и на улицѣ было такъ скверно, что ни одинъ хозяинъ не рѣшился бы и собаки согнать со двора. Въ моей укомной каморкѣ напротивъ было пріятно, какъ въ раю. Никита затопилъ печь, и яркій свѣтъ огня разливался по всѣмъ уголкамъ комнаты. На столѣ кипѣлъ самоваръ, а я и четверо моихъ товарищей: Мавринъ, Пареный и два брата Шеховцевы, бывшіе мои еще по пансіону однокашники, кто сидя, кто лежа на моей кровати, болтали, смѣялись и курили. Всѣмъ было хорошо, вдругъ... вдругъ растворяется дверь и унтеръ-офицеръ приноситъ приказаніе. „Завтрашняго числа всѣмъ юнкерамъ, взявъ своихъ лошадей, отправляться по эскадронамъ. Передъ отправленіемъ явиться въ канцелярію за приказаніемъ. Походъ въ Волынскую губернію для перемѣны квартиръ. Корпусному штабу назначенъ г. Житомиръ, нашему полку мѣстечко Бѣлгородка“. Таковое, какъ мнѣ помнится, въ главныхъ чертахъ было содержаніе приказа. Чтеніе этого приказа повергло насъ въ уныніе. Теперь была не весна. Намъ предстоялъ походъ въ самое позднее время года и только къ 13 декабря, какъ значилось въ маршрутѣ, мы дошли бы до Бѣлгородки. Грустно было разставаться намъ съ мирною Пушкарною слободою и съ нашими теплыми квартирами...

Послѣ перваго тяжелаго впечатлѣнія пустились мы разсуждать и обдумывать, зачѣмъ это нужно — вдругъ сдѣлать перемѣны квартиръ. Мы ясно сознавали, что остановкой въ Волынской губерніи походъ не кончится. Что насъ поведутъ на войну, за границу, но куда?...

Тогда въ западной Европѣ была смута: Бельгія отказалась отъ Голландіи — мы знали это изъ газетъ, и вслѣдствіе того порѣшили, что мы на помощь Голландіи пройдемъ поперекъ всю Европу, побываемъ даромъ во Франціи... какъ весело.

На другой день, часу въ 3-мъ пополудни, мы съ Паренаго, одѣтые по походному, уже ѣхали на своихъ лошадяхъ по пустыннымъ полямъ, направляя путь къ эскадрону. Часу въ 10-мъ вечера, сдавъ лошадей своихъ во взводы, сами залѣзли на печь въ первой попавшейся избѣ и проспали до разсвѣта самымъ безмятежнымъ сномъ.

Маршрутъ нашъ изъ Старого Оскольского уѣзда верстъ 300 лежалъ по тому самому пути, какимъ мы шли въ Козелецъ; и хотя походъ совершился также весело, какъ и тогда, но ужъ поэзіи той не было; какая ужъ тамъ поэзія, когда подь-часъ снѣгъ лѣпитъ глаза или ледяная крупа прямо съчетъ въ лицо.

Ноября 7-го были въ Путивлѣ. Не помню, каковъ мнѣ показался городъ, но помню жаренаго поросенка, котораго принесъ мнѣ Никита изъ харчевни. Я съѣлъ его съ большимъ удовольствіемъ. Ноября 9 прошли Прилуки; а 19-го эскадронъ нашъ расположился въ одномъ селеніи въ 15-ти верстахъ отъ Переяславля.

Изъ событій походной жизни не много осталось въ моей памяти.

Проводя дневку въ селеніи близъ пустыни Сафроновской, всѣ офицеры и юнкера нашего 2-го дивизіона, по предложенію моему, ходили въ пустынь служить молебенъ Архангелу Михаилу и Божіей Матери.

Въ Полтавской губерніи тоже во время одной изъ дневокъ, я, Паренаго и двое или трое офицеровъ нашего эскадрона, бродя по селенію, увидали высокую тесовую крышу господскаго дома, поднимавшуюся изъ густо разросшагося сада; послѣ краткаго совѣщанія положили познакомиться съ владѣльцами дома и провести въ немъ вечеръ. Сказано — сдѣлано. Я надѣлъ свой новый колетъ, а Паренаго, такъ какъ у него колетъ былъ очень поистертъ, одѣлся въ офицера, т. е. надѣлъ офицерскій сюртукъ съ эполетами прапорщика Юркевича, который пришелся ему совершенно въ пору. Въ домѣ хозяина не было, а хозяйка была вдова Гор-

ленко, и при ней три взрослых дочери институтки, очень хорошенькія собою. Онѣ насъ приняли со всѣмъ малороссійскимъ гостепріимствомъ, играли на фортепьянахъ, пѣли малороссійскія пѣсни, танцовали, и такъ увлекли своими ласками, что къ ужину я чувствовалъ, что уже былъ влюбленъ по уши.

Во время ужина я сидѣлъ возлѣ одной изъ юныхъ хозяекъ, то невольно вглядываясь въ миловидный ея профиль, то преслѣдуя движенія ея плутовки ручки, частенько-таки нагибавшей бутылку съ наливкою къ моей рюмкѣ. Наконецъ, когда лицо мое отъ любви и наливки зардѣлось, какъ маковой цвѣтокъ, глаза засвѣтились огнемъ страсти, а зубы упражнялись обглаживаніемъ крылышка жареной пулярки, вдругъ Паренаго, сидѣвшій возлѣ меня съ другой стороны, толкнувъ меня слегка въ бокъ, шепнулъ: „полно ѣсть, оставь что нибудь собакамъ!...“ Я такъ и разразился хохотомъ. Отъ этого внезапнаго хохота милая моя угостительница, не понимая его причины, сдѣлалась посерьезнѣе...

За такое несвоевременное возмущеніе моего духа Паренаго на другой день былъ выруганъ свиньею. Затѣмъ весь первый переходъ я постоянно думалъ только о черно-окой горлинкѣ, такъ мило ворковавшей мнѣ въ продолженіе ужина. На второмъ переходѣ я все еще думалъ объ ней, но уже съ нѣкоторою разсѣянностію, а на третьемъ переходѣ и совсѣмъ позабылъ думать...

Не въ дальнемъ разстояніи отъ того селенья, гдѣ расположился эскадронъ нашъ подъ Переяславлемъ, проживалъ въ то время помѣщикъ Пиленко. Пиленко лучшіе годы своей жизни прослужилъ въ нашемъ полку; долго былъ ремонтеромъ, а въ описываемое мною время мирно жилъ на покоѣ въ своемъ небольшомъ помѣстьѣ или лучше сказать хуторкѣ, довольный настоящимъ и, какъ мнѣ казалось, мало заботившійся о томъ, что совершалось за рубежомъ его владѣнія. Другомъ его въ продолженіе служебнаго поприща въ полку былъ нашъ капитанъ Павленко, и потому, когда мы проходили мимо усадьбы Пиленко, эскадрону велѣно было остановиться. Пиленко вышелъ къ намъ навстрѣчу, обнимался съ Павленкою и, какъ бывший эскадронный прежде Павленки командиръ, поздоровался съ своими сослуживцами. Драгуны привѣтствовали его обычнымъ здравіа

желаемъ, отъ котораго затрещало въ ушахъ, а Пиленко велѣлъ угостить ихъ водкою съ преизбыткомъ. Офицеровъ и юнкеровъ просилъ въ домъ.

Домикъ его былъ уже полонъ старыми его товарищами офицерами другихъ эскадроновъ, прибывшихъ прежде насъ. На большомъ столѣ, занимавшемъ почти всю залу Пиленкина домика, наставлено было множество провизіи и жареной и вареной, чего тутъ не было—и жареные поросята, гуси, ветчина, сало малороссійское, колбасы домашняго приготовленія всѣхъ родовъ и безчисленное множество бутылей съ наливками всѣхъ возможныхъ названій. На ближайшемъ же столикѣ бросалась въ глаза шеренга графиновъ различныхъ настоевъ, всегда полезныхъ для желудка. Кругомъ стола сидѣли въ различныхъ безцеремонныхъ положеніяхъ гости — всѣ уже порядочно навеселѣ. Бутылки пустѣли, но тотчасъ же замѣнялись новыми. Шумъ, говоръ, пѣсни. Возлѣ стола въ тѣсномъ промежуткѣ между столомъ и стѣною устанавливалась французская кадрили, разумѣется, безъ дамъ, потому что ихъ не было. „Селивановъ пой!“ — „Что?“ — „Французскую кадрили“ — кричалъ поручикъ Костаревъ 2-й, очень тогда еще молодой и веселый офицеръ, котораго товарищи звали обыкновенно Алешей и теперь принявшій на себя распоряженія танцами. Я заартачился, смѣшался, пѣвецъ я былъ плохой; но кто-то выручилъ, запѣлъ: тра-та-та! тра-та-та! и все запрыгало, заскакало, заплясало въ полоумномъ восторгѣ. Часу въ девятомъ вечера домикъ Пиленки опустѣлъ. Всѣ гости, не исключая офицеровъ, юнкеровъ и нашего 4-го эскадрона, разъѣхались по своимъ эскадронамъ. Единственнымъ гостемъ Пиленки остался Павленко на все время расквартированія полка въ этомъ окологдѣ. По маршруту намъ слѣдовало тутъ только дневать, но мы простояли ровно двѣ недѣли. Не могу теперь опредѣлить почему, но кажется, что причиною было большое скопленіе войскъ на переправахъ Днѣпра и недостатокъ паромовъ.

Каждый почти день офицеры нашего эскадрона и мы съ Паренаго являлись обѣдать къ Пиленкѣ — и проводили у него большую часть времени — пока одно и то же при всемъ радушіи хозяина не наскучило. Раза два онъ устраивалъ намъ охоту съ тенетами. Наконецъ, переправа на

Днѣпрѣ очистилась, и мы, распростившись съ гостепріимнымъ угломъ, двинулись въ походъ. Въ сумерки только подошли мы къ Днѣпру. Рѣка волновалась, скоро сдѣлалось темно и потому переправа отложена была до утра. Три или четыре эскадрона провели ночь на бивуакахъ. Это былъ первый бивуакъ, который я узналъ не по наслышкѣ, и остался имъ очень недоволенъ. Не ожидая, что намъ придется ночевать на холодномъ пескѣ пустыннаго берега, мы всѣ пожитки наши отправили впередъ и они уже были за Днѣпромъ. Продовольствіе съ нами не было никакого. Голодно, холодно, и въ ближнихъ окрестностяхъ никакого жилья. Не было даже водки. Капитанъ Павленко и еще кое-кто изъ офицеровъ ночевали въ куренѣ чиновника земской полиціи, который давно уже проживалъ тутъ, переправляя черезъ рѣку разныя части войскъ. Я пошелъ къ нимъ, думая тамъ найти хоть рюмку водки, но увы, тамъ все уже было выпито. Офицеры 6-го эскадрона разложили огонекъ, набравъ кое-гдѣ палочекъ и хворосту. Кругомъ огня сидѣли и лежали офицеры изъ всѣхъ тутъ ночевавшихъ эскадроновъ. Когда я подошелъ къ нимъ, то по выраженію ихъ глазъ, устремленныхъ къ огню, я тотчасъ смекнулъ, что что-то неладно, что есть какая нибудь непріятная новость, которая всѣхъ занимаетъ. Такъ и было. Примкнувши къ кружку, окружавшему огонекъ, я услышалъ страшную новость. Польша взбунтовалась и насъ ведутъ ее усмирять. Сердце у меня, какъ вѣроятно и у многихъ другихъ, при этомъ извѣстіи сильно екнуло... Холодная ночь на Днѣпрѣ тянулась будто вѣчность.

Съ этого ночлега мы уже знали цѣль нашего похода. Новость скоро стала обыденною и, наконецъ, мало-по-малу всѣ привыкли къ мысли, что въ близкомъ будущемъ намъ предстоитъ война.

Съ углубленіемъ нашимъ въ Волынь увеличивались морозы; снѣгъ покрылъ равнины и лѣса инеемъ. Велѣно было отпустить сабли. Я отдалъ свою моему дядкѣ старому усачу Шарову и онъ мнѣ наточилъ ее великолѣпно. Я часто пробовалъ ея остріе и задумывался...

Наконецъ, 23 декабря дошли мы до Заставы. Тутъ я долженъ былъ проститься съ Никитой. Какъ юнкеръ, я не имѣлъ права имѣть съ собою прислугу, потому что всѣхъ

лишнихъ людей, слѣдовавшихъ за полкомъ, вѣрно было удалить. Мнѣ нужно было сшить новый суконный галстукъ, и Никита всю послѣднюю ночь передъ нашимъ разставаньемъ провелъ за шитьемъ, сидя возлѣ моей постели, не разъ окропивъ свою работу слезами. Къ разсвѣту, когда эскадрону надо было выступать, — я обновилъ галстукъ, крѣпко горячо обнявшись съ Никитою; оба плакали навзрыдъ. Наконецъ, мы простились. Я пошелъ съ эскадрономъ, а онъ отправился въ дальнѣйшій путь — домой въ Любаво.

По пути мы въ селахъ и мѣстечкахъ, которыя проходили, вездѣ видѣли великолѣпные громадныя каменные костелы и въ параллель имъ въ селахъ часто съ русскимъ населеніемъ, а иногда рядомъ съ костелами торчали полуразвалившіяся русскія церкви, поросшія мхомъ съ провалившимися крышами — тѣсныя, жалкія. Православное население, угнетаемое крѣпостнымъ правомъ польскихъ пановъ, прозябало въ полнѣйшей нищетѣ и въ безвыходныхъ трудахъ. Трудно было достать кусокъ хлѣба безъ примѣси овсяной муки, то есть овсянки съ мякиной. Лица мужчинъ и женщинъ, старости и юности, были истощены. Впалыя щеки, отупѣвшіе глаза и желто пергаментный цвѣтъ лица представляли общій типъ. За кусокъ чистаго хлѣба можно было купить невинность дѣвушки.

Разъ пришли мы въ большое селенье съ великолѣпнымъ панскимъ домомъ. Не успѣли мы взойти въ отведенныя намъ квартиры, какъ панъ прислалъ своего изящно одѣтаго служителя просить офицеровъ и юнкеровъ къ нему кушать. Мы пошли. Панъ встрѣтилъ насъ съ распростертыми руками, объятіямъ и поцѣлуямъ въ плечо не было конца. Въ гостиной, изящно убранной, онъ представилъ насъ женѣ, представилъ намъ и дѣтей своихъ, мальчика лѣтъ 14-ти и дѣвочку лѣтъ 13-ти. Какъ мнѣ помнится, это было на Рождество, 25 декабря. Жена тоже была съ нами очень любезна. Былъ тамъ еще учитель, кажется французъ, съ черными бакенбардами очень серьезнаго вида и 2 или 3 молоденькихъ ловкихъ приживалки изъ мелочной шляхты.

Начался разговоръ о современныхъ дѣлахъ въ Царствѣ Польскомъ. Панъ безъ милосердія порицалъ возмущеніе; говорилъ, что его 14-ти лѣтній сынъ величайшій пат-

риютъ и что нигдѣ не хочетъ иначе служить, какъ въ петербургской гвардіи, въ гренадерахъ.

Между тѣмъ столъ былъ накрытъ — и всѣ мы были приглашены въ столовую.

Сервировка вся была на серебрѣ, не говоря о серебряно-подобной скатерти. Стаканы, рюмки, графины, все было высокаго граненаго хрусталя, но изъ винъ стояла только на столѣ одна бутылка на серебряномъ поддонникѣ, — а графины были наполнены, какъ алмазъ, чистою водою. Болѣе всего меня удивило то, что въ стоявшей на серединѣ стола, разумѣется, серебряной корзинѣ лежали ломтики хлѣба простого, ржаного и до того тонко и крохотно наръзанные, что и заразъ положить въ ротъ весь кусокъ нечего.

Панъ сперва подвелъ насъ къ водкѣ. Рюмочки, вѣроятно, были взяты изъ дѣтскаго сервиза. Буквально не превосходили емкостью наперстка.

Сѣли за столъ. Хозяйка разливала супъ чистый, прозрачный и съ привѣтомъ подавала каждому изъ насъ. Тарелки были самага малаго размѣра и наливались до половины, такъ что вся порція равнялась 3 или 4 столовымъ ложкамъ. Пирожки по числу гостей очень хорошо приготовленные были въ голубиное яичко.

Послѣ этого въ закрытомъ серебряномъ соусникѣ принесли и поставили передъ хозяиномъ ту говяжью кость, изъ которой, вѣроятно, варился бульонъ. Онъ вытряхнулъ мозгъ, говоря, что онъ очень „это“ любить, что это его прихоть, и потомъ по очереди сталъ подчивать всѣхъ. Всѣ отказались. Потомъ подавали ветчину, жаркое, кажется дичь, но все это наръзано такъ крохотно, что только раздражало вкусъ. Наконецъ, радушный хозяинъ, не перестававшій подчивать, предложилъ вина. Что это было за вино, я и теперь не знаю. Была ли это смѣсь наливокъ, былъ ли это черный, пречерный медъ, никто изъ насъ не могъ бы сказать, что мы пили?

Послѣ обѣда, по предложенію хозяина занять гостей, хозяйка сѣла за рояль и занимала насъ музыкаю.

Подали хербату, т. е. чай. Тутъ стаканы были большіе, но чай представлялъ только едва желтенькую водичку безъ всякаго вкуса. Въ это время пришелъ ксендзъ съ органщикомъ изъ ихъ приходскаго костела, и принесли нѣ-

сколько пачекъ, связанныхъ розовыми ленточками, облатокъ. Хозяйка тотчасъ раздала намъ по пачкѣ, а хозяинъ замѣтилъ, что облатки эти очень вкусно ѣсть съ медомъ. „Вотъ я сейчасъ велю вамъ подать меду... Мы такъ вамъ рады, прибавилъ онъ... Все, что есть у насъ — мы ничего не пожалѣемъ для дорогихъ гостей“, и тотчасъ началъ обнимать ксэндза и цѣловать его въ плечо.

Принесли на тарелкѣ медъ и намъ подали блюдечки и чайныя ложки. Приличіе заставило брать, но что это былъ за медъ съ неотдѣленною узою, съ дохлыми пчелами, такъ что сколько нибудь чистаго меду нельзя было набрать съ блюдечка и двухъ чайныхъ ложекъ.

Послѣ чаю капитанъ началъ прощаться съ хозяиномъ и хозяйкою. Его примѣру послѣдовали и другіе офицеры, за ними и мы съ Паренаго. Объятіямъ, прикладываніямъ къ плечу, лстивымъ словамъ опять не было конца, дѣйствительно не было бы всему этому лицемѣрію конца, если бы мы не поторопились поскорѣе сойти съ крыльца.

Морозная безлунная ночь обхватила насъ со всѣхъ сторонъ. Насмѣшливо моргали на насъ съ темнаго неба ярко сіявшія звѣзды. Мы шли молча; всѣ были голодны; никому не хотѣлось начинать разговора.

— Вотъ бестія-то,—вскричалъ, наконецъ, капитанъ, когда мы вышли на площадь и остановились съ тѣмъ, чтобы пожать другъ другу руки и разойтись. „Бестія, бестія!“ подтвердили всѣ. Разошлись; но долго еще въ темнотѣ морозной декабрьской ночи слышались разныя непечатныя междометія, расточаемыя расходившимися въ разныя стороны офицерами на счетъ гостепріимнаго помѣщика.

— Пойдемъ, братико, ко мнѣ, поужинаемъ,—сказалъ мнѣ Павленко, когда офицеры разошлись.

— Еще не поздно и мы успѣемъ еще и почитать.—Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось у кого то достать 1-ю часть Евгенія Онѣгина, которую Павленко еще не читалъ.

— Горѣлки!—гаркнулъ Павленко своему курчавому деньщику, когда мы съ нимъ вошли въ хату,—да ставъ сюда поросенка.—Пока Павленко снималъ скюртку и облекался въ халатъ, на столѣ уже стояла горѣлка, двѣ серебряныя чарочки и жареный поросенокъ. Павленко налилъ чарочки и мы съ нимъ чокнулись. „Ѣшь, братико“!

Въ половинѣ ужина, т. е. когда половина поросенка была съѣдена, мы выпили еще по чарочкѣ и затѣмъ окончили вторую половину ужина.

— Ну, теперь читай!—сказалъ Павленко и прилегъ на посланную ему постель.

Безъ остановки я прочелъ всю 1-ю главу Онтѣгина. Павленко былъ доволенъ. Я тоже ушелъ очень довольный и чтеніемъ и ужиномъ.

Болѣе 25 градусовъ мороза было на дворѣ, когда эскадронъ нашъ утромъ слѣдующаго дня выступалъ въ дальнѣйшій путь. Тутъ намъ разсказалъ вахмистръ, что панъ выставилъ на базарѣ печеный хлѣбъ и обязалъ своихъ крестьянъ покупать этотъ хлѣбъ, чтобы кормить солдатъ. Крестьяне были до того разорены, что буквально ни въ одной хатѣ нельзя было достать хлѣба, который безъ привычки можно бы было жевать.

ГЛАВА XII.

Луцкая городская больница. — Приѣздъ въ Устилугъ. — Капитанъ Креслингъ. — Вступленіе въ предѣлы Польши. — Отъ Устилугъ до Пулавъ. — Офицеры отряда Крейца. — Люблинъ. — Кофейная Шикандара. — Мои хозяева. — Полковникъ Притвицъ. — Прапорщикъ Забѣльскій. — Фальшивая тревога. — Генераль Бракеръ. — Вступленіе въ Пулавы. — Поручикъ Піотухъ. — Польскій разѣздъ. — Переправа черезъ Вислу. — Занятіе Козеницъ. — Штабъ-капитанъ Марковъ. — Походныя насѣкомыя. — Ссора Киндякова съ Рѣпинскимъ. — Тревога. — Атака Дверницкаго. — Дневка въ Машіовицахъ. — Возвращеніе въ Пулавы. — Атака не-пріятеля на 5 эскадронъ Казанскаго полка. — Плѣнъ Сакмина и др. офицеровъ. — Смерть прапорщика Воейкова. — Прапорщикъ Юргенсъ. — Княгиня Чарторыжская. — Александра Заборовская. — Экспедиція Делинсгаузена. — Свиданіе его съ Чарторыжской. — Арестъ Забаровской. — Занятіе замка кн. Чарторыжской. — Возвращеніе въ Люблинъ. — Мое выздоровленіе. — Порученіе Делинсгаузена. — Выѣздъ изъ Люблина. — Мои приключенія. — Переходъ до селенія Нѣмецъ. — Штурмъ Люблина. — Занятіе города.

Луцкая городская больница помѣщалась въ низкомъ, ветхомъ, деревянномъ строеніи. Для больныхъ, кромѣ небольшой передней, было всего двѣ комнаты. Одна для арестантовъ, другая для инвалидовъ. Въ первой комнатѣ при вступленіи моемъ въ больницу, лежало 4 и 5 больныхъ изъ городской тюрьмы; во второй три кровати заняты были рядовыми луцкой инвалидной команды, четвертую кровать отвели мнѣ. Какъ ни непріятна показалась мнѣ сначала вся эта обстановка, а болѣе всего мои новые товарищи, но скоро я примирился со всѣмъ меня окружавшимъ. Я былъ въ теплѣ. Положимъ, что наволочки на подушкѣ и простыня были сшиты изъ грубаго равендука, но они были чисты. Суконное одѣяло было подшито чистою-же простынею. Возлѣ кровати стоялъ столикъ съ оловянною кружкою чистой воды. Кормили меня кашецею съ хорошей говядиной въ обѣдъ и въ ужинъ и при этомъ давали по фун-

товой булкѣ изъ пшеничной, довольно бѣлой муки. Чаю и сахару я купилъ себѣ самъ, но чайникъ и горячую воду доставляла мнѣ безъ затрудненія больничная прислуга, состоявшая изъ фельдшера, да отставного инвалида. Обходились со мною вѣжливо. Товарищи мои, инвалиды, были добродушны и рассказывали мнѣ про свою боевую жизнь и про походы. Въ числѣ арестантовъ былъ одинъ священникъ, лишенный правъ состоянія, и какая-то крестьянка. Эти два лица, отъ которыхъ я не слыхалъ ни ропота, ни жалобъ, возбуждали во мнѣ чувство особеннаго состраданія. Священникъ разстрига былъ уже старъ. Борода и волосы на головѣ сѣдые, впалыя щеки, глаза тусклые. Онъ едва ворочался и едва приподнимался на своей постелѣ, но по утрамъ и вечерамъ доставалъ изъ подъ подушки ветхій молитвенникъ въ черномъ кожанномъ переплетѣ, завернутый въ неменѣе ветхую шелковую эпитрахиль и тихо читалъ молитвы. Крестьянка арестантка, напротивъ, была молода, но пороки и заключеніе въ тюрьмѣ наложили на лицо ея исключительную печать. На впалыхъ щекахъ рѣлся пятнами румянецъ, глаза свѣтились болѣзненнымъ огнемъ; волосы всклокочены, но не смотря на собственныя душевныя и тѣлесныя страданія, она послѣднія свои изнеможенные силы посвящала уходу за старцемъ-священникомъ, подавала ему пить, помогала ему привстать и повернуться. Между тѣмъ я поокрѣпъ и ждалъ уже дня, когда меня выпишутъ изъ больницы, чтобы отправиться къ резервамъ, но сдѣлалось не такъ.

Въ одно прекрасное утро, когда я, выпавшись отлично и напившись чаю въ полусидячемъ положеніи, умывшись, причесавшись и одѣвшись сказалъ бы я, еслибъ я не былъ одѣтъ въ халатъ, лежалъ на своей койкѣ и читалъ одинъ изъ разрозненныхъ томовъ знаменитаго романа Ричардсона, „Кларису Гарловъ“, вдругъ входитъ къ мнѣ братъ Алексѣй... „Здорово, братъ! что ты это гдѣ валяешься... Одѣвайся скорѣе.... Ыдемъ съ мною!..“

Признаюсь, внезапное появленіе его, вызовъ сейчасъ же ѣхать, ѣхать въ трескучій морозъ, въ будущемъ опять походы, опять труды и лишенія проняли меня лихорадкой.

— Я просилъ за тебя Крейца,—продолжалъ братъ, я состою при немъ ординарцемъ и тебя прикомандировали

къ корпусному штабу. Ты будешь состоять при оберъ-квартирмейстерѣ...

Поцѣловавшись съ братомъ, я началъ торопливо одѣваться. Надѣлъ свой походный на шленской овчинѣ колетъ, шинель, и чрезъ полъ-часа мы уже мчались съ нимъ по снѣжной гладкой дорогѣ на лихой почтовой тройкѣ въ Устилугъ, гдѣ долженъ былъ ночевать корпусный штабъ.

Когда мы вѣхали въ Устилугъ, было уже совершенно темно. Пройдя черезъ темныя сѣни, взошли мы въ корчму, освѣщенную салнымъ огаркомъ. Вся эта комната завалена была выюками и чемоданами, а за стѣной въ другой комнатѣ слышенъ былъ говоръ многихъ голосовъ. Изъ всего я заключилъ, что въ этой корчмѣ было скучено много состоящихъ при штабѣ. Василий Гавриловъ, подмостивъ скамью къ лежанкѣ и постеливъ кое-что, уложилъ меня спать. Въ корчмѣ было шумно, ходьба взадъ и впередъ офицеровъ, деньщиковъ, вѣстовыхъ, казаковъ не прекращалась всю ночь. Однакожъ еще слабый и утомленный перѣздомъ я заснулъ крѣпкимъ сномъ. Василий Гавриловъ, пока я еще не заснулъ, успѣлъ уже рассказать мнѣ объ отношеніи брата къ начальству, объ офицерахъ Переяславскаго полка, о полковомъ командирѣ ихъ Новосильцевѣ и, наконецъ, о капитанѣ Креслингѣ.

Капитанъ Креслингъ командовалъ лейбъ-эскадрономъ въ Переяславскомъ конно-егерскомъ полку. Онъ былъ высокаго роста, одаренъ богатырскимъ сложеніемъ и въ мирное время почитался однимъ изъ отличнѣйшихъ служакъ. Всѣ ожидали, особенно всегда нѣсколько увлекавшійся мой братецъ, что въ первую войну Креслингъ съ его твердостью, знаніемъ службы и воинскою наружностью покажетъ себя героемъ... но увы, наружность почти всегда бываетъ обманчива.

Герой этотъ, когда уже сдѣлалось непреложнымъ, что война неизбѣжна, до того перетрусился, что плакалъ, какъ баба, возбуждая къ себѣ своимъ малодушіемъ презрительное состраданіе. Его оставили въ резервахъ, откуда онъ скоро былъ переведенъ въ корпусъ фельдъ-егерей.

На утро, съ разсвѣтомъ, отрядъ нашъ, состоявшій изъ 2-й драгунской дивизіи, въ числѣ 24 эскадроновъ при 24 орудіяхъ и одного казачьяго полковника Грекова полка, подъ

личнымъ начальствомъ корпуснаго командира генераль-лейтенанта Крейца, перешедъ Бугъ по льду, вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго. Это было 24 января 1831 года.

Послѣ болѣзни я былъ еще слабъ. У меня не было ни лошади, ни аммуниціи, и потому мнѣ дали мѣсто въ огромной бричкѣ, вмѣстѣ съ старшимъ корпуснымъ писаремъ и топографомъ, въ бричкѣ, въ которой везли походную канцелярію и чертежную корпуснаго штаба. Когда легкій вагенбургъ, при которомъ слѣдовала занимаемая мною бричка, выѣхалъ на противоположный берегъ Буга, съ лѣвой стороны отъ дороги увидѣли мы высокое врытое въ землѣ бревно, одѣтое соломой. Это былъ телеграфный маякъ, который предназначался быть зажженнымъ въ ночь, при первомъ появленіи русскихъ войскъ въ границахъ Царства. Линія такихъ маяковъ, разставленныхъ по всѣмъ высотамъ, отъ самой границы тянулась до самой Варшавы. Въ виду нашемъ нѣсколько казаковъ, отдѣлившись отъ отряда, поскакали къ маяку и тотчасъ начали рубить его топорами. Маякъ упалъ.

Первый ночлегъ корпуснаго штаба былъ мѣстечко Грубешовъ, а 31-го вступили въ мѣстечко Пулавы.

На движеніе нашего отряда, отъ Устилуга и до Пулавъ, тянувагося длинною вереницею по дорогѣ, я смотрѣлъ, какъ на обыкновенное походное движеніе въ мирное время. Ничто не напоминало о войнѣ. Кругомъ все спокойно и тихо, лица веселыя. Только прекрасно устроенныя шоссе, да верстовые столбы, окрашенные не въ 3 цвѣта, а въ 2, т. е. малиновый и бѣлый, напоминали, что мы не дома, а на чужбинѣ.

Приѣзжая на ночлегъ, я, какъ ничѣмъ не озабоченный человекъ, бѣжалъ прямо на квартиру, отведенную брату. Впрочемъ за рѣдкими исключеніями, для адъютантовъ и постоянныхъ ординарцевъ Крейца, къ которымъ принадлежалъ братъ, квартиры отводились въ одномъ по просторнѣе домѣ.

До прибытія въ Люблинъ я уже ознакомился со всѣмъ составомъ чиновъ, составлявшихъ штабъ Крейца. Начальникомъ штаба нашего корпуса былъ свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ Долинсгаузенъ, оберъ-квартирмейстеръ полковникъ баронъ Притвицъ, дежурный

штабъ-офицеръ подполковникъ Бронеvскій, за старшаго адъютанта исправлялъ должность Арзамазскаго конноегерскаго полка штабсъ-капитанъ Марковъ. Адъютанты Крейца: гвардіи поручикъ Киндяковъ и поручикъ князь Друцкой. Этотъ послѣдній послѣ войны состоялъ адъютантомъ при Московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицинѣ. Въ Московскомъ обществѣ онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ „возокъ съ фонарями“. Прозвище это онъ пріобрѣлъ своими огромными, въ родѣ коровьихъ, стекловидными буркұлами. Въ военное время онъ былъ малый добрый. Возилъ съ собою во вьюкѣ пуховыя подушки и вообще располагался на квартирахъ, гдѣ было возможно, чрезвычайно причудливо. По вечерамъ на столѣ его всегда горѣли двѣ свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, которые онъ тоже возилъ съ собою. Впослѣдствіи я не разъ встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ, но тутъ онъ, женившись на какой-то дѣвицѣ изъ высшаго круга, очень зазнался. Ординарцами при Крейцѣ были братъ и рижскаго принца Виртембергскаго полка поручикъ Охотниковъ. Слишкомъ черезъ 40 лѣтъ этого послѣдняго я увидѣлъ въ Москвѣ у прежде-освященной обѣднѣ въ церкви Николы, что на Курьихъ Ножахъ, старостою церковнымъ, ходившаго по церкви съ тарелкою. Черезъ плечо на шнуркѣ висѣла у него огромная слуховая труба. Изъ прежняго полного жизни, лихого офицера, осталась глухая, сѣдая согбенная старостію развалина. При оберъ-квартирмейстерѣ полковникѣ Притвицѣ-генеральнаго штаба капитанъ Бутовской и поручикъ князь Друцкой-Соколицкій. Послѣдній былъ чрезвычайно симпатичная личность. Его миловидная изяшная наружность съ перваго знакомства внушала довѣріе и невольно влекла къ нему. Не любить его было нельзя. Прикомандированные въ распоряженіе оберъ-квартирмейстера были: Переяславскаго конно-егерскаго полка штабсъ-капитанъ и поручикъ Бырдины, поручикъ Бѣлкинъ и Тверскаго драгунскаго полка поручикъ Сомовъ и прапорщикъ Забельскій.

Къ чертежной въ распоряженіи барона Притвица было прикомандировано нѣсколько юнкеровъ, а именно: Переяславскаго конно-егерскаго полка юнкеръ Свѣчинъ, Тверскаго драгунскаго полка юнкеръ Кирѣевскій и отъ казачьяго драгунскаго полка я.

Кромѣ корпуснаго штаба при отрядѣ нашемъ слѣдовалъ штабъ 2-й драгунской дивизіи, въ лицѣ начальника дивизіи генераль-маіора, или лейтенанта, не помню, Забаринскаго, и состоявшаго при немъ адъютантомъ князя Мещерскаго. Кромѣ Забаринскаго было еще два генерала. Это бригадные командиры: генераль-маіоръ Каверъ и генераль-маіоръ Гельманъ, со всѣми адъютантами. Адъютантомъ при Гельманѣ былъ поручикъ Карповичъ. При Каверѣ не помню кто, тутъ же при штабѣ вертѣлся Виртембергскаго конно-егерскаго полка поручикъ Кудрявцевъ, но былъ ли онъ въ числѣ ординарцевъ Крейца—не помню. Артиллерею командовалъ генераль-маіоръ Брикеръ. При немъ адъютантомъ-поручикъ Игнатьевъ.

Такъ какъ весь отрядъ нашъ состоялъ изъ одной драгунской дивизіи, двухъ батарей, да одного полка казаковъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира Крейца, то Забаринскому и дѣлать было нечего.

Каверу Крейцъ сначала ввѣрялъ еще отдѣльныя части, а Гельманъ, какъ и Забаринскій только ѣли и спали. Для Крейца они рѣшительно ни на что не были нужны. При нашемъ же отрядѣ находился генераль адъютантъ принцъ Адамъ Виртембергскій.

Авангардъ нашъ состоялъ изъ Виртембергскаго драгунскаго полка подъ начальствомъ своего полкового командира полковника Шилинга. Полки, составлявшіе отрядъ, на ночлегъ располагались по ближайшимъ къ штабу деревнямъ. При штабѣ оставался всегда одинъ дежурный эскадронъ и команда жандармовъ, которой начальствовалъ поручикъ Піотухъ, офицеръ польскаго происхожденія.

Приключеній особенно замѣчательныхъ или передвиженій нашего отряда отъ Устилуга до Люблина никакихъ не было. Помню только, что въ Красновоставскомъ трактирѣ я въ послѣдній разъ видѣлъ офицера нашего полка прапорщика Воейкова. Не знаю почему, но его прекрасныя, юныя черты лица, свѣтлорусые небольшіе усы его въ этотъ разъ привлекли на себя исключительное мое вниманіе. Я взглядывался въ него, какъ будто съ тѣмъ, чтобы на всегда сохранить въ памяти его черты, какъ будто говорило сердцу, что онъ будетъ первою жертвою войны.

Не помню теперь изъ Выйсловецъ ли, или изъ Красностава Крейцъ посылалъ брата въ крѣпость Замостье парламентаромъ съ предложеніемъ сдачи крѣпости; но предложеніе это было отвергнуто.

Приблизившись къ крѣпости, рассказывать братъ, я велѣлъ сопровождавшему меня трубачу трубить. Изъ крѣпости выѣхалъ офицеръ. За нимъ слѣдовалъ небольшой конвой. Когда братъ объявилъ, что онъ желаетъ говорить съ комендантомъ, ему предложили слѣзть съ лошади, завязали глаза и повели чрезъ ворота къ дому коменданта.

Поднявшись по лѣстницѣ, его ввели въ пріемную, и уже тутъ развязали глаза. Не помню, что и какъ было говорено, но когда глаза были развязаны, братъ вмѣстѣ съ комендантомъ увидѣлъ много молодыхъ офицеровъ, съ которыми, по окончаніи переговоровъ, онъ познакомился по пріятельски.

Всѣ они были очень вѣжливы, привѣтливы, и на прощанье братъ изъявилъ имъ надежду, встрѣтившись съ ними когда нибудь въ бою, порубиться на славу. Затѣмъ глаза были завязаны и, когда его вывели за ворота, подъемный мостъ тихо подняли.

Въ Пяскахъ квартира брату и мнѣ была отведена въ небольшомъ домикѣ, принадлежащемъ унтеръ-офицеру ветерану. Польская армія до 1831 года комплектовалась посредствомъ конскрипціи. Срокъ службы былъ не продолжительный, и заслуженные нижніе чины, отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ, выпускались ветеранами. Они носили особенный, присвоенный имъ мундиръ — синій съ малиновыми кантами и тесакъ на черной глянцевої перевязи съ серебрянымъ темлякомъ. Хозяинъ ветеранъ накормилъ насъ, чѣмъ Богъ послалъ; въ первый разъ я увидѣлъ у него на стѣнѣ литографированный портретъ покойнаго Императора Александра. Онъ былъ изображенъ на щитѣ, поставленномъ на пьедесталѣ. Съ одной стороны щита польскій уланъ съ своимъ уланскимъ дротикомъ, а на другой сторонѣ русскій гвардейскій гренадеръ съ ружьемъ подавали другъ другу руки. Очень часто впослѣдствіи мнѣ случалось встрѣчать въ Царствѣ Польскомъ портреты Александра въ этомъ видѣ; но не рѣже встрѣчался въ томъ же видѣ и портретъ Наполеона I-го. Разница только въ томъ, что

вмѣсто русскаго гренадера поставленъ гренадеръ старой французской гвардіи въ медвѣжьей шапкѣ. Послѣдняя литографія была исполнена значительно лучше: то было французское издѣліе.

Видъ Люблина съ своимъ кафедральнымъ костеломъ, высоко-господствующимъ надъ всѣмъ городомъ, и холмистымъ мѣстоположеніемъ еще издали произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Когда отрядъ нашъ достигнулъ собора, то на холмѣ, на которомъ построенъ, собралось около сотни гимназистовъ разныхъ возрастовъ въ синихъ форменныхъ сюртукахъ съ малиновыми воротниками, съ веселыми минами, какъ мнѣ казалось, и съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на проходившіе мимо ихъ эскадроны.

Въ одной изъ лучшихъ улицъ въ предмѣстьѣ Люблина бричка, въ которой я ѣхалъ, остановилась противъ дома, отведеннаго подъ дежурство, и я побѣжалъ въ домъ, въ которомъ отведена квартира брату. Комната ему назначена была во 2-мъ этажѣ большого каменнаго дома, очень чисто и хорошо меблированнаго. Взглянувъ изъ окна на улицу, я увидѣлъ небольшую вывѣску съ надписью золотыми буквами „Сава“, что особенно обратило мое вниманіе. У входа въ эту каву на улицѣ стояло уже нѣсколько офицерскихъ лошадей разныхъ полковъ нашей дивизіи въ сѣдлахъ, что ясно показывало присутствіе ихъ сѣдаковъ въ кофейной. Не думая долго, отправился туда и я.

Кофейная эта принадлежала французу Шикандару, женатому на полькѣ. Кофейная состояла изъ 2-хъ отдѣленій. Направо собственно кофейная съ каминомъ и небольшой плитой, на которой постоянно кипѣло нѣсколько кофейниковъ съ готовившимся кофе и стояло нѣсколько горнушечковъ со сливками, покрытыми розово-золотистыми пѣнками. Двѣ очень хорошенькія, ловкія дѣвушки — приманка всѣхъ польскихъ кавъ — составлявшія прислугу этого отдѣленія, кокетничали съ посѣтителями, какъ могутъ кокетничать только польки. Въ отдѣленіи съ лѣвой стороны, гдѣ находился буфетъ, расположены были столы и столики для желающихъ обѣдать или просто перекусить. Въ этомъ отдѣленіи, какъ и въ первомъ, прислуга состояла также изъ двухъ хорошихъ дѣвушекъ. Самъ Шикандаръ былъ мужчина лѣтъ подъ 50, замѣчательный тѣмъ, что кто бы

ни подходилъ къ его конторкѣ для расплаты, много ли, мало ли бѣлъ, всегда слышалъ одну и ту же фразу: „Dix florins et dix graces“. Супруга его г-жа Шикандаръ была женщина не первой молодости, но очень миловидная. Держала себя, какъ *grande dame*, и чрезвычайно граціозно умѣла обвивать персидской шалью свой красивый станъ и изящно сложенные плечи. Если Люблинъ съ первыхъ дней похода нашего отряда въ Царствѣ Польскомъ сдѣлался главнымъ операционнымъ пунктомъ его дѣйствій, то кофейная Шикандара сдѣлалась любимымъ сборнымъ мѣстомъ нашихъ офицеровъ. То преслѣдуя непріятеля, разбивши его, то уклоняясь отъ сраженія, если силы непріятеля были несоразмѣрно значительнѣе нашихъ, отрядъ нашъ, смотря по обстоятельствамъ, то оставлялъ Люблинъ, то возвращался опять въ него, и возвращался всегда въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Первый визитъ офицеровъ по приходѣ въ Люблинъ былъ всегда въ кофейную Шикандара. Тамъ передавали другъ другу взаимныя впечатлѣнія, рассказывали о боевыхъ и любовныхъ приключеніяхъ и расточали любезности хорошенькой прислугѣ. Днемъ бѣли и пили, а по вечерамъ около большого ломбернаго стола въ кофейномъ отдѣленіи собиралась многочисленная толпа поиграть въ банкъ или попытать счастья на поприщѣ штосса. Кучи голландскихъ червонцевъ невидимо росли и, мало-по-малу поднимаясь горами, составляли для понтирующихъ неотразимую приманку. Много при этомъ выпивалось шампанскаго, да и много же и червонцевъ изъ кармановъ гулякъ переходило въ карманъ Шикандара. Въ скоромъ времени онъ нажилъ себѣ значительный капиталъ, приобрѣлъ дома, и, какъ я слышалъ впоследствии, отъ избытка счастья сошелъ съ ума.

Когда я, пообѣдавъ всласть, возвратился на квартиру, были уже сумерки. Брата не было дома. Вдругъ входитъ въ комнату горничная дѣвушка и говоритъ мнѣ, что хозяинъ дома проситъ меня пожаловать къ нимъ на „хербату“. Тогда я еще ничего ровно не понималъ по польски, однакожь догадался, что меня просятъ на чай. Доставъ новый мой колетъ и рейтузы изъ тонкаго сукна, я переодѣлся, причесался и пошелъ на радушный призывъ, на новое знакомство. Миновавши залъ и хорошо меблированную гости-

ную, вхожу въ диванную. Въ диванной я увидалъ до пяти лицъ. Хозяинъ, хозяйка, ихъ дочь и еще двѣ молодыя дѣвушки, сидѣвшія за небольшимъ овальнымъ столомъ, вмѣстѣ съ юною хозяйкою. Всѣ три были очень хорошенькія дѣвушки, и всѣ три усердно щипали корпію. Хозяинъ привѣтливо, хотя не безъ нѣкоторой важности протянулъ мнѣ руку и просилъ садиться. Я, поклонившись сперва пожилой хозяйкѣ и потомъ дѣвицамъ, сѣлъ. Хозяинъ былъ видный мужчина лѣтъ 50, волосы съ просѣдью. Кто онъ такой, негоціантъ ли, панъ ли, чиновникъ ли—теперь не припомню. Да едва ли и тогда то догадался я узнать эти подробности. Во всякомъ случаѣ, какъ полякъ, онъ держалъ себя съ гороромъ. Начался разговоръ. Онъ жалѣлъ, что поводомъ къ нашему знакомству послужили такія печальныя обстоятельства, какъ война.... и проч. Между тѣмъ спросилъ меня, какъ великъ нашъ отрядъ?

Я, признаться, и самъ тогда этого не зналъ; но не желая разыгрывать роль несмышлениша, что-то очень преувеличилъ нашу силу, особенно казаковъ.

— О, нѣтъ, сказалъ онъ, столько не можетъ быть. Чрезъ Устилугъ мы знаемъ навѣрное вступила только одна дивизія драгунъ.

Тогда я обратился къ дочкѣ съ вопросомъ по-французски, что она работаетъ?

— Вы видите, щипимъ корпію, для войны она необходима.

— Можетъ быть обойдется безъ войны.

— Нѣтъ, война неизбежна. Сеймъ посылалъ депутатовъ къ царю въ Петербургъ. Они изложили предъ нимъ все бѣдствие страны, всѣ несправедливости, какія здѣсь совершались, но царь на всѣ ихъ представленія, молча, показавъ только на свою шпагу. Конечно, они поняли, что это значить.

— Къ тому же корпія, сказала—она, немного помолчавъ, можетъ быть понадобится моимъ братьямъ.

— У васъ есть братья!

— Да, два брата. Они теперь въ арміи въ Варшавѣ.

— Польшѣ трудно бороться съ Россіей,—замѣтилъ—я. Армія русская многочисленна...

— Зато наши будутъ сражаться, какъ львы... какъ львы!...—еще разъ повторилъ, вмѣшавшійся въ нашъ разговоръ, отецъ.

Подали чай. Я выпилъ чашку и, боясь проболтать что нибудь некстати, поблагодаривъ за вниманіе къ себѣ, ушелъ.

Не заходя на квартиру, я прямо отправился въ походную чертежную. Тамъ я явился оберъ-квартирмейстеру, полковнику Притвицу, который разсѣяннo, молча взглянулъ на меня чрезъ очки и снова занялся своимъ дѣломъ. Около него толпились офицеры, были разложены топографическія карты, и тутъ же за особымъ столомъ топографы что-то тщательно переписывали. Полковникъ Притвицъ былъ средняго роста, худой и блѣдный старичекъ. Голова была плѣшивая, окаймленная рѣдкими сѣдыми волосами. Верхняя губа всегда была въ табакѣ, но выраженіе лица было необыкновенно доброе, и лицо его было дѣйствительно въѣскою души. Онъ былъ необыкновенно добръ и страшно разсѣянъ. Какъ параллель его пожилой наружности тутъ же возлѣ него сидѣлъ, внимательно взглядывая въ топографическую карту, дѣлая по временамъ свои замѣчанія, молодой офицеръ генеральнаго штаба чрезвычайно миловидной наружности князь Друцкой-Сокольниковъ. Они составляли дизлокацію. Не имѣя возможности близко подойти къ столу, чтобы понять въ чемъ дѣло, мнѣ показалось все это очень скучно. Я тихонько убрался домой, за что братъ меня послѣ распека. „Хоть ничего не дѣлай, да вертись въ глазахъ начальства, чтобъ тебя видѣли. Ты не виноватъ въ томъ, если тебѣ не дають дѣла“.

На другой день съ утра и до поздняго вечера я пробылъ въ чертежной. Тутъ я въ этотъ день сдружился съ прапорщикомъ Тверского драгунскаго полка Забѣльскимъ. Онъ кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ. Тогда имѣвшіе университетскій дипломъ служили юнкерами только 6 мѣсяцевъ и производились въ офицеры безъ всякихъ оговорокъ касательно знанія фрунтовой службы на открывшіяся въ полку вакансіи. Его молодость, веселость и воспоминанія о Москвѣ, ея театрѣ и шалостяхъ ея молодежи сблизили насъ такъ, что во все пребываніе мое при оберъ-

квартирмейстерѣ, т. е. до производства моего въ офицеры, мы были неразлучны.

Поздно вечеромъ, когда я возвращался на квартиру по сырой улицѣ (снѣгу въ окрестностяхъ Люблина и далѣе не было), и густой туманъ едва прорѣзывался свѣтомъ рѣдкихъ фонарей, мимо меня пробѣжалъ писарь изъ корпуснаго дежурства и на вопросъ мой, куда бѣжишь, отвѣчалъ: тревога! и побѣжалъ далѣе. Не много погодя проскакалъ по опустѣвшей улицѣ ординарецъ по направленію расположеннаго бивуака. Я тоже побѣжалъ къ своей квартирѣ, чтобы увѣдомить брата о тревогѣ, если его найду дома, и на углу перваго перекрестка улицъ наткнулся на артиллерійскаго генерала Бракера. Старикъ стоялъ на тротуарѣ въ тепломъ мѣховомъ сюртукѣ, въ саблѣ, шарфѣ и, по обычаю тогдашняго военного времени, имѣлъ на тоненькомъ, надѣтомъ черезъ плечо, ремнѣ казацкую нагайку. Тогда всѣ генералы и офицеры почитали это казацкое оружіе необходимымъ дополненіемъ форменнаго вооруженія. Въ рукахъ казаковъ это было дѣйствительно оружіе, еслибъ не совѣстно было назвать его смертоноснымъ. Такъ у одного изъ офицеровъ нашего отряда была нагайка съ вплетенными въ нее пулями, и онъ, пользуясь ею, даже въ схваткахъ съ неприятелемъ не вынималъ сабли. Ударъ ея нерѣдко укладывалъ на мѣстѣ вооруженнаго врага.

— Куда вы, молодой человѣкъ, бѣжите, — спросилъ меня Бракеръ?

„Говорятъ тревога, вѣще превосходительство“, — отвѣчалъ я.

— Слышали и мы, и вотъ я жду лошади, чтобъ ѣхать на бивуакъ, — говорилъ Бракеръ, подергивая шаровары. — Узнайте повѣрнѣе, да скажите мнѣ... Страхъ какъ неловко!... И снова принялся поправлять слѣзавшія, или недававшія свободного движенія, шаровары. Въ послѣдствіи адъютантъ его, кажется Игнатьевъ, рассказывалъ, что старикъ до того растерялся и заторопился, что надѣлъ свои шаровары задъ на передъ.

Я, по приказанію Бракера, побѣжалъ въ штабъ, но тамъ все было спокойно, и мнѣ сказали, что никакой тревоги нѣтъ.

Когда я возвратился на то мѣсто, гдѣ стоялъ Бракеръ, его уже тамъ не было. Всю эту фальшивую тревогу надѣлалъ мой полковой товарищъ и рядовой изъ пажей Топорнинъ. Онъ, зайдя въ шинокъ выпить водки, прислушался къ разговору одного пьяницы и, хотя еще Топорнинъ тогда не очень-то смыслилъ въ польскомъ языкѣ, однако понялъ, что дѣло шло о намѣреніи въ эту же ночь перерѣзать всѣхъ русскихъ въ расплохъ, возбудивъ общее возстаніе. Вѣрнѣе всего, что пьяница, увлеченный польскимъ хвастовствомъ и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, вралъ чепуху. Топорнинъ тотчасъ побѣжалъ къ Крейцу, былъ къ нему допущенъ и объявилъ слышанное имъ. Крейцъ далъ ему изъ своего караула людей, чтобъ отыскать пьяницу, а между тѣмъ послалъ на бивуакъ ординарца съ тайными приказами къ полковымъ командирамъ быть наготовѣ въ случаѣ тревоги. Вотъ это-то обстоятельство и было причиною фальшивой тревоги. Между тѣмъ Топорнинъ съ даннымъ ему патрулемъ отыскалъ пьяницу въ томъ же шинкѣ, спавшимъ мертвымъ сномъ, и когда его привели къ Крейцу и стали допрашивать, онъ не могъ сказать ни одного слова, потому что былъ невыразимо пьянъ.

Января 31-го, или февраля 1-го—теперь ужъ не упомяну, отрядъ нашъ вступилъ въ мѣстечко Пулавы. Окрестности этого прелестнаго мѣстечка представляли, по крайней мѣрѣ тогда, для меня живописный видъ. Всѣ дороги прямая, какъ стрѣла, пересѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ, были обсажены высокими итальянскими тополями. По окрестнымъ холмамъ виднѣлись такіе же, посаженные кустами, тополи, и хотя все это стояло обнаженное, безъ листьевъ, но я дополнилъ своимъ воображеніемъ, какъ это все должно быть хорошо весною. Черезъ кучи невысокихъ домиковъ пулавскихъ обитателей виднѣлся четырехъ-этажный замокъ княгини Чарторыжской съ далеко выступавшею террасой и съ примыкавшими къ нему салами.

Квартиру намъ съ братомъ отвели въ домѣ кузнеца, чуть ли не нѣмца. Привыкши видѣть только нашихъ русскихъ кузнецовъ въ нагольныхъ дырявыхъ полушубкахъ съ закорузлыми руками, мнѣ странно показалось видѣть кузнеца толстого, бѣлаго, съ бритою бородою въ кафтанѣ

нѣмецкаго покроя, какими изображаютъ кузнецовъ на картинкахъ.

Когда мы съ братомъ пообѣдали, пришелъ къ намъ жандармскій поручикъ Піотухъ. Піотухъ былъ добрый малый; ростомъ довольно высокъ, недурно сложенъ. Лице продолговатое и было бы совсѣмъ недурно, если бы тонкій и длинный носъ его не былъ загнутъ нѣсколько на бокъ. Но главное бѣдный Піотухъ страдалъ душою за поляковъ, почитая ихъ своими соотечественниками. Вслѣдствіе внутренней борьбы между долгомъ и чувствомъ соплеменности онъ былъ, если не притворялся, все какъ въ лихорадкѣ. Войдя и поздоровавшись съ братомъ и процѣдивъ сквозь зубы о своемъ нездоровьѣ, онъ сообщилъ намъ, что за Вислой показались польскіе разбѣды.

Услыхавъ это, я тотчасъ схватилъ фуражку и побѣжалъ къ Вислѣ. Вышедъ на отлогій, песчаный берегъ, я увидѣлъ впереди себя Крейца и Делингаузена, стоявшихъ съ зрительными трубками и смотрѣвшихъ на противоположный берегъ. Позади ихъ нѣсколько казаковъ на лошадяхъ и состоявшій по кавалеріи подполковникъ Бутовскій, прикомандированный къ штабу Крейца. Не много погодя, Бутовскій вскочилъ на лошадь и въ сопровожденіи урядника и трехъ казаковъ понесся въ карьеръ чрезъ рѣку по льду на противоположный берегъ. Кракусы ихъ выждали и когда казаки были отъ нихъ на близкомъ разстояніи, сдѣлали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пистолетовъ. Но казаки, оставшись невредимы, опустили пики и съ гикомъ понеслись на нихъ. Кракусы не выдержали, обратились въ бѣгство на утекъ. Я потерялъ скоро и тѣхъ и другихъ изъ виду, и боясь, чтобъ Крейцъ меня не замѣтилъ въ фуражкѣ и безъ оружія, бродящимъ по берегу, когда считаюсь больнымъ, тоже утекъ поскорѣе на свою квартиру.

Тамъ я засталъ Піотуха лежащимъ на постелѣ, безъ сюртука, и разговаривающимъ съ братомъ о горькой своей судьбѣ: что онъ долженъ поднимать руку на своихъ братьевъ; при чемъ рассказалъ намъ нѣсколько чувствительныхъ анекдотовъ о великодушіи поляковъ и ихъ страданіяхъ. И голосъ и декламация — все было а la Гамлетъ; но при всемъ этомъ рассказы его нисколько насъ не трогали. Пока онъ говорилъ съ одушевленіемъ, въ дверяхъ пока-

зался Бутовскій съ веселымъ, побѣднымъ лицомъ. Разъѣздъ, за которымъ онъ погнался съ казаками по его рассказамъ, былъ уничтоженъ. Одинъ кракусъ убитъ. Конноегерскій офицеръ, командовавшій разъѣздомъ и еще трое кракусовъ рядовыхъ взяты въ плѣнъ.

Такія вѣсти насъ съ братомъ порадовали, за что мы Бутовскаго и казаковъ обозвали молодцами. А Піотухъ чуть не заплакалъ, вскочилъ, тотчасъ одѣлся и пошелъ навѣстить своего соотечественника.

День уже склонялся къ вечеру, а въ ночь была назначена переправа черезъ Вислу. Ледъ на Вислѣ былъ не очень твердъ, и потому переправа совершалась со всѣми предосторожностями. Эскадроны и артиллерія переправлялись въ разныхъ мѣстахъ и не вдругъ. Я тоже, покинувъ свою штабную, тяжело нагруженную бричку, перешелъ на другой берегъ пѣшкомъ и тотчасъ пошелъ къ стоящей у переправы корчмѣ. Я думалъ найти въ ней хоть временно теплый пріютъ, но былъ ужасно разочарованъ: корчма оказалась покинутою, и рамы изъ оконъ вынуты. Однако я все-таки вошелъ въ корчму. Нѣсколько казаковъ и рядовыхъ Тверского полка, между которыми былъ одинъ юнкеръ, разложивъ огонь въ каминѣ, грѣлись. Я тоже присоединился къ нимъ. Юнкеръ, тутъ же грѣвшійся, снялъ съ себя киверъ, вынулъ изъ него небольшой мѣдный чайникъ, налилъ въ него воды и поставилъ къ огню. Пока вода вскипала, онъ досталъ изъ кивера же стаканъ, сахаръ, чай — и тотчасъ же его заварилъ. Когда чай настоялся, онъ налилъ въ стаканъ и принялся пить, какъ у себя дома, спокойно, не торопясь, пуская кольцами дымокъ изъ коротенькаго чубучка своей походной трубки. „Умница, мой собратъ“ — подумалъ я про себя.

Третьяго или четвертаго числа отрядъ нашъ занялъ Козеницы. Авангардъ, состоявшій изъ полка тогда Георга Виртембергскаго, нынѣ Рижскаго драгунскаго, подъ начальствомъ своего полкового командира полковника Шилинга, выдвинутъ былъ версты на три по пути къ Варшавѣ, гдѣ и расположился на полянѣ, окруженной густымъ лѣсомъ, имѣя передъ собою и въ тылу своего расположенія дефиле, чрезъ которые пролегало Варшавское шоссе. При авангардѣ

находилась легкая батарея изъ 6 орудій, подъ начальствомъ полковника Бутовскаго.

Всѣ состоявшіе и прикомандированные къ штабу офицеры и юнкера занимались своимъ дѣломъ; но такъ какъ въ нарядѣ недостатку не было, то все шло и легко и весело. Большая часть молодежи группировалась въ чертежной около оберъ-квартирмейстера полковника Притвица.

Туда сходились не только состоявшіе по квартирмейстерской части, но и изъ дежурства, и тамъ, я говорю собственно про Казеницы, разводили въ каминѣ огонь, курили, болтали и обсуживали привезенныя разъѣздами новости. Тутъ я узналъ штабсъ-капитана Арзамасскаго конно-егерскаго полка Маркова, прикомандированнаго къ корпусному дежурству въ должность старшаго адъютанта. Теперь онъ ужъ давно генераль-лейтенантъ и состоитъ на службѣ при военномъ министрѣ въ Петербургѣ; но тогда онъ незадолго до войны высидѣлъ годъ въ крѣпости за участіе въ дуэли, и потому война для него имѣла значеніе очистительной дани, имѣвшей смытъ изъ его формуляра нахожденіе подъ судомъ. Марковъ былъ молодой красивый офицеръ, но веселость его была всегда сдержанная, всегда спокойная, что заставляло товарищей его уважать. Впрочемъ, все общество офицеровъ, наполнявшее штабъ Крейца, во взаимныхъ сношеніяхъ было чрезвычайно деликатно. Попоекъ не существовало.

На другой день утромъ случилась въ нашей квартирѣ маленькая ссора.

Зашли ли къ намъ съ братомъ или стояли съ нами на одной квартирѣ Киндяковъ и юнкеръ Рѣпинскій. Киндяковъ, адъютантъ Крейца, былъ гвардейскій офицеръ. Онъ рѣзко отличался отъ другихъ офицеровъ штаба заносчивостью, или, какъ обыкновенно обзываютъ это свойство, гордичествомъ или важничаньемъ. Было ли это мелочное самолюбіе гвардейца, полученное ли воспитаніе по всѣмъ правиламъ тогдашняго свѣтскаго общества, только манера Киндякова не нравилась никому. Онъ былъ средняго роста, щеки блѣдныя, впалыя, поросшія темными бакенбардами, и, какъ мнѣ тогда казалось, въ немъ уже развивалась чахотка.

Рѣпнинскій былъ племянникомъ бывшаго корпуснаго командира, былъ прикомандированъ къ штабу по ходатайству дежурнаго штабъ-офицера Броневскаго. Юноша энергичный, храбрый, и, при вызовѣ фланкеровъ, всегда являлся впереди въ числѣ охотниковъ.

Шелъ разговоръ о томъ, о семъ. Киндяковъ растянулся на одномъ диванѣ, Рѣпнинскій на другомъ. Сначала шло все хорошо. Киндяковъ что то доказывалъ, Рѣпнинскій опровергалъ. Киндяковъ, разгорячившись, что доказательства его не убѣждаютъ Рѣпнинскаго, произнесъ въ досадѣ: „мѣдный лобъ“!.. Рѣпнинскій отвѣтилъ: „сами Вы—мѣдный лобъ“. Услышать такія слова отъ юнкера Киндякову показалось въ высшей степени обидно. Онъ тотчасъ вскочилъ, побѣждалъ съ жалобой къ Броневскому и подаль рапортъ на сдѣланное ему юнкеромъ оскорбленіе. Въ военное время подобная жалоба могла имѣть для Рѣпнинскаго очень печальное послѣдствіе. Рѣпнинскій тотчасъ былъ арестованъ, и онъ не избѣгнулъ бы суда, еслибъ нѣкоторые офицеры, а въ особенности братья, не уговорили Киндякова взять рапортъ назадъ...

Все было покойно. Вдругъ... часу во 2-мъ пополудни со стороны Нововеси послышалась пушечная пальба, и вскорѣ затѣмъ разѣзды привезли извѣстіе, что въ авангардѣ дерутся. Тотчасъ поднялась тревога. Адъютанты и ординарцы помчались съ приказаніями въ разныя стороны. Писаря изъ дежурства укладывали въ бричку, въ которой я совершалъ походъ, бумаги и ящики; и когда лошади были впряжены, все уложено, весь вагенбургъ, а съ нимъ и моя бричка, подъ прикрытіемъ одного взвода Казанскаго полка, выѣхали изъ Казеницъ по той же дорогѣ, по которой въѣхали. Я видѣлъ, какъ сѣлъ на лошадь Крейцъ, какъ выѣхала команда жандармовъ, составлявшая конвой Крейца, и какъ Крейцъ, Делинстаузенъ, Притвицъ, Броневскій и всѣ офицеры штаба и конвой понеслись по дорогѣ къ Нововеси. Съ завистью смотрѣлъ я на моихъ скачущихъ тамъ же товарищей—штабныхъ юнкеровъ. Сердце мое билось... Отдаленные пушечные выстрѣлы раздавались все чаще и чаще... Вотъ мимо насъ на полныхъ рысяхъ пронеслись 5 эскадроновъ Казанскаго драгунскаго полка; 6-й эскадронъ былъ оставленъ въ Пулавахъ. Смотрю налѣво тамъ во

весь карьеръ густою колонной несется Тверской драгунскій полкъ. За нимъ, чтобы привести его на позицію, былъ посланъ братъ. Я вижу брата, скачущаго одного впереди темной колонны... Тверской полкъ былъ тогда на лошадяхъ вороной шерсти.

Все скачетъ, все движется впередъ, впередъ на встрѣчу опасности, а мы съ вагенбургомъ тащимся шагкомъ, и остановились въ первомъ, не помню какомъ-то, селеньѣ верстахъ трехъ отъ Козеницъ, гдѣ расположенъ былъ арьергардъ, состоявшій изъ взвода Тверскихъ драгунъ. Дѣло авангардное было такъ: Дверницкій, имѣя въ своемъ распоряженіи 22 эскадрона кавалеріи, 7 батальоновъ пѣхоты и 16 орудій, внезапно атаковалъ нашъ авангардъ. Пѣхота, вышедъ изъ лѣса, ударила на лѣвый флангъ, а кавалерія, пройдя дефиле въ числѣ 10 эскадроновъ, повела атаку съ фронта. Такъ какъ всѣмъ атакующимъ вдругъ дѣйствовать по тѣснотѣ мѣста было нельзя, то эскадроны, по мѣрѣ выхода изъ дефиле, развертывали фронтъ подъ выстрѣлами нашихъ орудій и тотчасъ же бросались въ атаку.

Командовавшій на нашей батарее, полковникъ Бутовичъ, самъ наводилъ орудія. Отъ природы безстрастный и, какъ тогда говорили еще, разгоряченный виномъ, онъ только кричалъ: Картечи! Еще картечи!... И картечь неумолкаемымъ градомъ осыпала атакующихъ. Нѣсколько атакъ были отражены. Тѣсная поляна была усыпана трупами: болѣе 300 польскихъ тѣлъ покрывало ее; но атаки не прекращались... Между тѣмъ непріятель сталъ выходить изъ лѣса около самой батареи.

„Прикажете взять орудія на передки и увозите орудія скорѣе“, говорилъ Бутовичу подѣхавшій въ это время къ батарее полковникъ Притвицъ; но разгоряченный Бутовичъ не слышалъ ничего. „Картечи, еще картечи!“—кричалъ онъ въ изступленіи и кричалъ до тѣхъ поръ, пока прислуга была перебита и одинъ изъ поляковъ схватилъ его всего изколотаго пиками за волосы. Два орудія наши остались въ рукахъ поляковъ. Другія два орудія по приказанію Притвица успѣли увести.

Тогда неудерживаемые болѣе картечью кракусы дорвались до противоположной стороны дефиле, но тутъ были встрѣчены остававшимся въ резервѣ дивизіономъ Рижскаго

драгунскаго полка, который взаимно атаковалъ и опрокинулъ ихъ съ большимъ урономъ. Въ этой схваткѣ, что, конечно, открылось въ послѣдствіи, самъ Дверницкій едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его драгунъ. Я помню, тогда говорили, что отъ непріятельскаго фронта по вѣтру, тогда вѣтеръ былъ въ лицо нашимъ, страшно несло запахомъ водки... Когда съ Нововеси прибылъ Крейцъ съ остальными 10 эскадронами драгунъ, дѣло было уже кончено и войска расположились на позиціи бивуакомъ.

На другой день ожидали новаго нападенія, но, къ величайшему изумленію, посланные разѣзды донесли, что непріятеля нигдѣ не видно, что онъ отступилъ. Разумѣется, обо всемъ этомъ я слышалъ изъ разсказовъ.

Утро 8-го числа. День былъ солнечный и теплый. Въ то время, когда въ отрядъ ожидали сраженія не на животъ, а на смерть, въ вагенбургъ нашемъ всѣ были проникнуты тревожнымъ ожиданіемъ. Подошедъ къ поручику Луцкому, командовавшему взводомъ, составлявшимъ прикрытіе вагенбурга, я спросилъ его, какъ онъ думаетъ, кто побѣдитъ? „Наши побѣдятъ“, отвѣчалъ онъ глубокомысленно и съ увѣренностью. Я очень остался доволенъ его отвѣтомъ. Поручикъ Луцкій по происхожденію былъ, какъ тогда величали, изъ бурбоновъ.

Въ сущности, еслибы Дверницкій не поторопился съ своимъ корпусомъ на помощь къ Варшавѣ, угрожаемой Дибичемъ, и не былъ введенъ въ заблужденіе преувеличенными слухами о составѣ нашего отряда, онъ бы раздавилъ насъ своею многочисленностью, такъ что ни одинъ чловекъ не ушелъ бы обратно за Вислу.

Такъ ли, сякъ ли, только 9 числа отрядъ нашъ двинулся впередъ и дошелъ до мѣстечка Рычиволи. Тутъ, какъ мнѣ помнится, простояли мы дня три, потому только не преслѣдуя Дверницкаго, что онъ при отступленіи своемъ разрушалъ и жегъ по дорогѣ мосты на переправахъ. Проѣзжая чрезъ поле битвы въ лѣсу Нововеси, слѣдовъ сраженія замѣтно уже не было. Только въ сторонѣ на опушкѣ лѣса песчаная земля была взрыта и покрыта сучьями ельника и можжевельника, да врыты были два или три деревянныхъ небольшихъ, кое-какъ сколоченныхъ, креста.

„Вотъ тутъ похоронили всѣхъ въ одну яму“, сказалъ сопровождавшій насъ казакъ.

— Кто же хоронилъ,—спросилъ сидѣвшій со мною въ бричкѣ писарь?

„Изъ деревни высылали народъ, чтобъ похоронить убитыхъ...“ и проговоривъ это, казакъ поскакалъ въ сторону. Мы слѣдили за нимъ глазами. Дѣло въ томъ, что саженьяхъ въ 200 отъ дороги бродила лошадь. Зоркій казакъ тотчасъ сообразилъ, что эта лошадь будетъ лучше его лошади, и потому, подѣхавъ къ ней, слѣзъ, свою раздѣлалъ, новую осѣдлалъ, пустилъ свою на всѣ четыре стороны, вскочилъ на сѣдло и вихремъ примчался къ отряду.

Переправа черезъ Вислу совершалась у мѣстечка или деревни Торчины, не помню хорошо; но помню, что на этой переправѣ отрядъ нашъ и особенно артиллерія подвергалась величайшей опасности. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней пребыванія нашего за Вислою стояли оттепели; ледъ на Вислѣ сдѣлался рыхлъ, такъ что пѣшему человѣку переходить рѣку было небезопасно; а тутъ надо было переправлять орудія. Перевозить ихъ на лошадяхъ оказалось черезъ-чуръ рискованнымъ дѣломъ, и потому ихъ снимали съ лафетовъ, клали на салазки и на людяхъ волокомъ перетаскивали на другой берегъ. Заряды изъ зарядныхъ ящиковъ вынимали и переносили на рукахъ, а ящики и лафеты перевозили пустыми. Драгуны переводили лошадей по одиночкѣ, и такимъ образомъ тихо, безъ шума къ разсвѣту переправился весь отрядъ. Я, разумѣется, не наблюдалъ за всѣмъ этимъ, и какъ только обозъ нашъ достигнулъ до берега Вислы, я выскочилъ изъ брички и, перебѣжавъ рѣку по льду, трещавшему подъ ногами, взошелъ въ ближайшую къ берегу избушку въ деревнѣ Торчинѣ. Тамъ уже былъ такой же какъ и я постоялецъ, прежде меня занявшій квартиру, какой-то полковой лекарь, который очень привѣтливо обошелся со мною. Скоро мы съ нимъ познакомились. Онъ разсказалъ мнѣ о сдѣланной имъ операціи, вынутіи пули изъ черепа у одного рядового послѣ послѣдняго сраженія, при чемъ показалъ даже и самую пулю. Послѣ этого прикурнувъ кое-какъ, мы предались сладостной дремотѣ, не думая о томъ, что происходитъ на рѣкѣ.

Февраля 12 провели въ Торчинѣ, а 13-го перешли въ мѣстечко Маціовицы (Maciejowice). Въ Маціовицахъ, какъ мнѣ помнится, была дневка. На другой день по прибытіи въ Маціовицы часу въ 10 утра, я пошелъ посмотрѣть, что дѣлается въ дежурствѣ. Дежурство помѣщалось въ корчмѣ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ тутъ собравшуюся всю нашу штабную молодежь. Киндяковъ, князь Друцкій и Бѣлкинъ сидѣли на единственномъ тутъ стоявшемъ въ глубинѣ комнаты диванѣ, другіе кто сидѣлъ на лавкахъ, кто бродилъ по комнатѣ, или собравшись въ кружки, разговаривали въ полголоса.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это вытянутыя лица, что предвѣщало что-то недоброе. Не успѣлъ я еще дознаться о причинахъ, какъ въ комнату изъ боковой двери вышли Крейцъ, Притвицъ и Броневскій. Всѣ они имѣли встревоженные лица. Лицо Крейца судорожно сжималось.

— Этотъ Сакминъ должно быть страшная дрянь...—говорилъ онъ Броневскому.

Броневскій почтительно молчалъ.

— Кто еще тамъ офицеры?

— Курдомовъ, Воейковъ, Юргенсъ—все молодые офицеры...

— Молодость еще ничего. И молодой можетъ быть дѣльнымъ. У меня и не молодые, да куда послать нельзя...

При этихъ словахъ Киндяковъ, продолжая по прежнему сидѣть на диванѣ, заслоненный отъ глазъ Крейца толпою окружавшихъ его штабныхъ, опрокинулся назадъ къ спинкѣ дивана и скорчилъ гримасу, какъ ужаленный пчелою или захваченный въ распахъ. Дѣйствительно намекъ Крейца былъ сдѣланъ на него. Дѣло въ томъ, что Киндяковъ, посланный Крейцемъ изъ Казеницъ въ Нововеси, при первомъ долетѣвшемъ оттуда до слуха пушечномъ выстрѣлѣ, узнать, что дѣлается въ авангардѣ, не доѣхавъ до него, скоро вернулся съ извѣстіемъ, что въ обходъ нашему отряду идетъ много пѣхоты въ батальонныхъ колоннахъ. Киндяковъ, кажется, былъ близорукъ, или у страха глаза бываютъ велики, только сложенные по вновь планированному шоссе въ кубики камни онъ принялъ за колонны пѣхоты и... донесъ Крейцу вздоръ.

Я выше повѣствовалъ, что когда отрядъ нашъ переправился на лѣвый берегъ Вислы, въ Пулавахъ для охраненія нашего тыла и прикрытія лазарета и сообщенія оставленъ былъ 5 эскадронъ Казанскаго драгунскаго полка подъ командою маіора Сакмина.

Въ одинъ прекрасный день, когда драгуны, ничего не подозрѣвая, вывели лошадей на водопой, 18 пѣшихъ егерей и 100 кракусовъ Вельснера, тайно проведенныхъ жителями Пулавы, внезапно ихъ атаковали. Захваченные върасплохъ, драгуны бросились въ овинъ и, тамъ запершись, стали перестрѣливаться; другіе стрѣляли съ крышъ... Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ, поляки, послѣ 2-хъ часовыхъ бесполезныхъ усилій овладѣть овиномъ, положили сечь его. Начали таскать солому и обкладывать ею овинъ, что, конечно, заставило драгуновъ сдаться. Многіе изъ плѣнныхъ извѣстны. Тутъ убитъ чедовѣкъ брата Алексѣя Васильевича Василій Гавриловъ, за болѣзнію остававшійся въ Пулавскомъ лазаретѣ. Сакминъ и всѣ офицеры, кромѣ Воейкова, были взяты въ плѣнъ. вмѣстѣ съ ними былъ взятъ оставленный при эскадронѣ штандартъ 3-го дивизіона, и, какъ трофей, отправленъ въ Варшаву. Долго штандартъ этотъ развѣвался надъ Варшавскою рагушей въ лапѣхъ одноглаваго польскаго орла. Я сказалъ, кромѣ Воейкова. Предчувствіе мое въ Красноставскомъ трактирѣ сбылось. Я его уже не видалъ болѣе. Въ то время, какъ сдѣлано было нападеніе, Воейковъ, совсѣмъ раздѣтый, такъ какъ было утро, лежалъ на своѣй квартирѣ въ постели, ничего не зная, что дѣлается. Вдругъ къ нему въ дверь врываются польскіе солдаты подъ начальствомъ офицеровъ и требуютъ, чтобы онъ сдался. Воейковъ схватилъ саблю и, вмѣсто отвѣта, началъ рубить направо и налево. Напрасно офицеры убѣждали его оставить бесполезное сопротивленіе, что они вынуждены будутъ велѣть стрѣлять, но онъ ихъ не слушалъ и лучше хотѣлъ умереть, чѣмъ быть въ плѣну. Тогда офицеры уже были не въ состояніи удержать разсвирѣпѣлой толпы, и юный Воейковъ палъ, прострѣленный насквозь многими пулями. Тѣло его было отыскано любившими его товарищами и похоронено на одномъ изъ холмовъ въ окрестностяхъ Пулавы. На могилѣ его насажали купу пирамидальныхъ тополей.

Другой занимательный субъектъ Пулавской драмы представляет прапорщикъ Юргенсъ. Когда я поступилъ въ полкъ, Юргенсъ былъ еще юнкеромъ и только не за-долго до похода былъ произведенъ въ офицеры. Онъ былъ племянникомъ полковника нашего же полка нѣмца Фер-мора. Хотя между нами юнкерами товарищами строгой нрав-ственности никому не приходило въ голову требовать,—вообще мы смотрѣли снисходительно другъ къ другу,—но съ Юргенсомъ большинство нашего круга не зналось. Юр-генсъ во всѣхъ отношеніяхъ считался нравственно-грязно-ватымъ. Бывало дядя его, нѣмецъ, начнетъ его распекать: „Э! ты! Юргансъ патлецъ!“—„Сами вы, дядюшка, подлецъ“,—отвѣчалъ Юргенсъ пискливымъ голоскомъ. Юргенсъ былъ средняго роста, худощавъ, имѣлъ вздернутый носъ и гово-рилъ пискливымъ голосомъ. Въ продолженіе похода онъ проигралъ въ карты все: не только лошадь, но и все но-сильное платье, и за неимѣніемъ лошади дѣлалъ переходы пѣшкомъ. На немъ оставался сѣрый, нанковый коротенькій халатецъ, который онъ подпоясывалъ, какъ монастырскіе послушники, широкимъ ремнемъ. Въ этомъ то нарядѣ его застало возстаніе въ Пулавахъ.

При первой тревогѣ онъ забрался на сѣноваль, помѣ-щавшійся надъ каменнымъ строеніемъ, въ которомъ была одна входная дверь. Приперши дверь изнутри и влѣзши на сѣноваль, онъ притаился возлѣ люка, устроеннаго для подѣ-ема или скидки сѣна, надъ самой входной дверью. Тамъ онъ рѣшился защищаться и, дѣйствительно, защищался, пока послѣдній зарядъ не былъ имъ выпущенъ изъ пи-стоleta.

Нѣсколько разъ осаждавшіе его покушались разломать дверь, но едва приближался ктонибудь къ двери, Юргенсъ черезъ люкъ стрѣлялъ въ самое темя подошедшаго, и тотъ падалъ жертвой своей отваги. Когда всѣ патроны были разстрѣляны—сдался тогда и Юргенсъ.

Возстаніемъ въ Пулавахъ руководила фрейлина ста-рой княгини Чарторыжской Александра Заборовская; но и сама княгиня, какъ надобно полагать, не была чужда заго-вора. Не могла она не знать, что въ собственномъ ея замкѣ скрывались вооруженные солдаты. Во время самага разгара

битвы Заборовская, какъ говорили, бѣгала по улицамъ мѣстечка, возбуждая жителей къ рѣзнѣ.

Въ ту же ночь, какъ получено было извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи, т. е. съ 12 на 13 число, посланъ былъ въ Пулавы начальникъ нашего штаба Делинсгаузенъ для разслѣдованія этого дѣла и наказанія предательскаго мѣстечка.

Съ нимъ отправлено было 3 эскадрона Тверского драгунскаго полка, 300 казаковъ и 2 орудія подъ командою прапорщика артиллеріи Михайлова. Къ отряду этому присоединился и принцъ Адамъ Виртембергскій.

Объ экспедиціи этой рассказывали такъ: когда отрядъ подошелъ къ Пулавамъ и распложился на одной изъ высотъ, окружающихъ Пулаву, Делинсгаузенъ велѣлъ снять орудія съ передковъ и открыть по мѣстечку огонь. Нѣсколько ядеръ и гранатъ полетѣли въ городъ. Хотя въ сущности бомбандировка эта и не нанесла много вреда, но заставила жителей покориться и просить пощады.

— Можете ли вы навести орудіе такъ,—спросилъ Делинсгаузенъ Михайлова,—чтобъ ядромъ вѣрно попасть вонъ въ то окно замка,—при чемъ онъ указалъ этажъ и открытое окно. Это былъ будуаръ старой княгини.

— Могу, отвѣчалъ Михайловъ.

— Попадите, и получите Владиміра.

Михайловъ навелъ орудіе, и ядро угодило по назначенію.

Въ польскихъ газетахъ, какъ мнѣ переводилъ Піотухъ, объ этомъ происшествіи было напечатано такъ. Когда ядро влетѣло въ окно будуара, старая княгиня нисколько не смутилась. Подняла ядро и, показывая бывшимъ при ней, сказала: „Вотъ гостинецъ, который посылаетъ мнѣ мой племянникъ Адамъ Виртембергскій“....

Далѣе, какъ я слышалъ, Делинсгаузенъ, занявъ Пулавы, отправился въ замокъ. Когда онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ взшелъ въ ту комнату, гдѣ находилась сама княгиня Чарторыжская, она, встрѣтивъ его, гордо спросила: „Какъ вы смѣли, генераль, войти ко мнѣ безъ доклада?“ — Если бы я не видалъ въ васъ, княгиня, родственницу моего Государя, я бы не такъ еще поступилъ съ вами. Былъ при этомъ разговорѣ принцъ Адамъ, и такъ ли

дѣйствительно происходилъ разговоръ, я не ручаюсь. Какъ слышалъ тогда, что говорили, такъ и пишу.

Заборовская вмѣстѣ съ главными участниками предательскаго заговора были арестованы и привезены въ штабъ квартиру Крейца, находившуюся въ это время въ Конской-волѣ.

Въ Конской-волѣ мнѣ памятна темная ночь, грязь, привозъ Александры Заборовской и ночлегъ въ корчмѣ у жида. Кажется я ночевалъ тамъ съ Забѣльскимъ и Кирѣевскимъ на полу на жидовскихъ грязныхъ перинахъ. Подъ голову жидъ далъ мнѣ свою подушку, грязную и провонялую. И что жъ? Я спалъ, и спалъ сладкимъ сномъ. Не могу теперь дать себѣ отчета, какъ это я рѣшился коснуться лицомъ своимъ этой жидовской подушки...

По ходатайству старой княгини Заборовская была отпущена, и вскорѣ затѣмъ и сама княгиня оставила Пулавы и выѣхала въ Австрію. Багажъ ея вывезли за нею изъ замка въ 80 фурахъ.

Замокъ опустѣлъ. Почти вслѣдъ за выѣздомъ княгини введенъ былъ въ Пулавы конно-егерскій короля Виртембергскаго полкъ. Стояли тамъ еще какіе то гусары, стояла какъ будто и пѣхота, но всѣ эти постой очень грустно отзывались на великолѣпномъ замкѣ Чарторыжскихъ. Громадныя трюмо разстрѣливались, мебель одиралась и жглась въ каминахъ. У каждаго конно-егерскаго офицера Виртембергскаго полка можно было видѣть или бурку, подбитую дорогимъ венеціанскимъ зеленымъ бархатомъ съ портьеръ и съ мебели, или архалукъ, или шапочку, или кисеть для табака, и все это изъ Пулавскаго замка. Похищались и книги и гравюры, хотя въ небольшомъ количествѣ, потому что неудобно было возиться съ этими вещами на бивуакахъ. Впрочемъ, по возвращеніи въ Россію, въ Курской губерніи, мнѣ случилось видѣть одну очень большую картину масляными красками, вывезенную изъ Пулавской картинной галереи. Къ счастью опустошенія эти продолжались не долго. Вскорѣ командированъ былъ майоръ нашего Казанскаго драгунскаго полка Абнискій для принятія по каталогу книгъ въ библіотекѣ и составленія описи картинной галлерей. Впослѣдствіи все имущество Чарторыжской было конфи-

сковано и библіотека вывезена и присоединена къ Императорской С.-Петербургской публичной библіотекѣ.

Въ Люблинѣ тоже было непокойно. Изъ перехваченныхъ депешъ узнали, что и тамъ, какъ въ Пулавахъ, готовится возстаніе. Узнали, что комендантъ, оставленный тамъ съ 1 эскадрономъ, не помню уже какого изъ полковъ нашей дивизіи, во избѣжаніе участи, постигшей 5-й нашъ эскадронъ въ Пулавахъ, удалился изъ Люблина по добру и по здорову. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ отрядъ нашъ изъ Конской воли снова выступалъ въ Люблинъ.

Тутъ я уже чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Ни пластыря, ни бинтовъ на мнѣ уже не было. Я чувствовалъ себя бодрѣе и крѣпче, нежели былъ когда нибудь. Явившись къ дежурному штабъ-офицеру Броневскому, я просилъ его истребовать мнѣ изъ полка лошадь и аммуницію.

— Распоряженіе объ этомъ уже сдѣлано,—сказалъ мнѣ Броневскій.—Пора, пора на коня. Аммуницію вамъ выдадутъ изъ цейхгауза. Обратитесь туда.

Я тотчасъ побѣжалъ въ цейхгаузъ. Сейчасъ мнѣ тамъ выдали аммуницію: киверъ, ледунку съ патронами, пистолеты на шнуркѣ, саблю; и когда я все это надѣлъ на себя, я былъ такъ счастливъ, что и передать не могу. У дежурства, куда я возвратился, меня ожидала приведенная изъ эскадрона осѣдланная лошадь. Впрочемъ это было уже на 3-й день по приходѣ нашемъ въ Люблинъ. А между тѣмъ Дверницкій 18 числа со всѣмъ своимъ корпусомъ переправился въ Пулавахъ черезъ Вислу и шелъ къ Люблину. У Курови наткнулся на Тверской драгунскій полкъ и преслѣдовалъ его до Маркушова. У Маркушова присоединился къ тверцамъ бригадный командиръ Каверъ съ Финляндскимъ драгунскимъ полкомъ, и ободренные тверцы, обратившись, сами уже атаквали преслѣдовавшихъ ихъ поляковъ, опрокинули ихъ и преслѣдовали обратно до Курови. Такимъ образомъ тверцы и финляндцы очутились у Курови лицомъ къ лицу со всѣмъ корпусомъ Дверницкаго. Увидавши всю опасность своего положенія, они начали быстро отступать, а Каверъ, ихъ бригадный командиръ, опередивъ свою отступающую бригаду, какъ съумасшедшій прискакалъ

въ Люблинѣ, прямо къ Крейцу и донесъ ему, что бригада „болѣе не существуетъ“, что она истреблена.

Въ штабѣ у насъ вслѣдствіе этого донесенія поднялась тревога, и черезъ $\frac{1}{2}$ часа Крейцъ, со всѣмъ своимъ штабомъ съ оставшимся еще при немъ Казанскимъ полкомъ, выступилъ изъ Люблина по дорогѣ къ Маркушову. Я вмѣстѣ съ другими штабными ѣхалъ за Притвицемъ. Отѣхавъ съ полъ-версты отъ заставы, Притвицъ остановился, разсѣянно понюхалъ табаку и тутъ только замѣтилъ, что онъ забылъ надѣть свою саблю. Вслушавшись въ его слова, я тотчасъ повернулъ лошадь, далъ шпоры и полетѣлъ въ городъ, чтобы привезти ему забытую имъ саблю; но казакій урядникъ, находившійся также при Притвицѣ, увидя мое движеніе и желая самъ подслужиться оберъ-квартирмистру, бросился за мною съ тѣмъ, чтобы меня опередить. У меня лошадь была крупнѣе его казацкой лошади и потому онъ меня, хотя и нагонялъ много разъ, но перегнать не могъ. Съ усиленнымъ напряженіемъ онъ какъ то, нагнавъ меня, изо всѣхъ силъ раза три нагайкою хватилъ по крупу моей лошади, проговоривъ: „скачать вотъ такъ“! И дѣйствительно лошадь моя рванулась съ такою быстротою впередъ, что у меня занялся духъ, и казакъ остался далеко позади меня. Сабля Притвица лежала спокойно на столѣ въ оставленной имъ квартирѣ. Я взялъ ее и, какъ съ трофеемъ, понесся догонять отрядъ. Казака уже не видалъ. Онъ вернулся къ отряду прежде меня. Старикъ Притвицъ поблагодарилъ меня ласковымъ взглядомъ.

Я нагналъ штабъ, остановившійся верстахъ въ двухъ отъ заставы. Крейцъ въ енотовой шубѣ, Дилинсгаузенъ, Притвицъ были слѣзши съ лошадей. Они стояли впереди, разговаривая между собою, и смотрѣли впередъ на дорогу вдаль. Зрительная труба переходила изъ рукъ въ руки. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на Крейца. Всѣ движенія его были спокойны, какъ будто онъ былъ у себя дома, какъ какойнибудь помѣщикъ, вышедшій зимнею порою въ шубѣ походить по своему двору. Только по временамъ внутреннее волненіе выражалось подергиваніемъ въ лицѣ около носа. Да, правду сказать, и было о чемъ побеспокоиться. Наличныя силы его коръ-де-баталья составляли 5 эскадро-

новъ Казанскаго драгунскаго полка, да ужъ не знаю 1 или 1½ батальона артиллеріи, да сотни 2 или 3 казаковъ.

Драгунскій принца Виртембергскаго полкъ былъ въ авангардѣ, а на него двигалась масса цѣлаго корпуса Дверницкаго. Объ участи бригады Кавера еще не было ничего извѣстно. Около часа стояли мы на одномъ мѣстѣ, штабная молодежь, не подозрѣвая опасности, была весела: врачи смѣялись, какъ вотъ наконецъ показалась уничтоженная бригада Кавера, шедшая въ порядкѣ, и, подходя къ позиціи, занятой Казанскимъ полкомъ, начала выстраиваться на указанныя мѣста.

Позиція, занятая отрядомъ, была однако скоро оставлена. Вступить въ бой съ далеко сильнѣйшимъ непріателемъ, имѣя въ тылу враждебно настроенный городъ, было бы черезъ-чуръ безразсудно. Къ тому же наступали сумерки, а Крейцу хотѣлось засвѣтло провести отрядъ черезъ городъ. Штабъ тронулся. Всѣ окна въ домахъ были закрыты—на опустѣвшихъ улицахъ не видно было ни одной души, не мерцало ни одного огонька въ домахъ, хотя уже было порядочно темно. Одно только окно на главной улицѣ открылось и въ немъ показался бургомистръ города, который дружескимъ движеніемъ головы простился съ Крейцомъ. За штабомъ слѣдовалъ весь отрядъ... Только слышанъ былъ топотъ лошадей по мостовой, да гдѣ-то вдали со стороны наступающаго непріателя все чаще и чаще раздавались пистолетные выстрѣлы.

Когда штабъ былъ уже на выѣздѣ изъ города, Делингаузенъ, подзвавъ меня, сказалъ: „Поѣзжайте въ авангардъ, скажите полковнику Шиллингу, чтобъ онъ держался, какъ можно долѣе, но въ бой не вступалъ. Потомъ проводите авангардъ по той же улицѣ и поверните чрезъ этотъ переулокъ къ мосту“.

Выслушавъ приказаніе, я далъ шпоры лошади и во весь карьеръ поскакалъ къ авангарду. Онъ отступалъ въ большомъ порядкѣ и, когда я подъѣзжалъ къ нему, онъ остановился и повернулся лицомъ къ непріателю.

— Гдѣ полковникъ Шиллингъ,—закричалъ я?

— Здѣсь, что нужно?

Я передалъ приказаніе начальника штаба.

— Охотники, впередь! — закричалъ онъ и человѣкъ 40 охотниковъ вылетѣли впередь. Рѣпинскій былъ въ числѣ охотниковъ. Между охотниками и непріятельскими карабинами скоро началась перестрѣлка. А между тѣмъ становилось все темнѣе и темнѣе. Видны были офицеры, но лицъ разглядѣть было уже нельзя. Темная масса непріятелей придвигалась. Шиллингъ съ авангардомъ медленно отступалъ почти до самой заставы, но когда вошли въ городъ командовалъ „рысью“. Я ѣхалъ впереди возлѣ Шиллинга: было уже очень темно.

— Гдѣ вы, Селивановъ?

— Здѣсь.

— Куда же ѣхать?

— Ступайте за мной вотъ въ этотъ переулокъ.

Позади насъ раздавались перестрѣлки уже въ улицахъ и вмѣстѣ съ ними крики народа, привѣтствовавшего вступленіе Дверницкаго. Ночь сдѣлалась темна, хоть выколоть глазъ.

Пройдя мостъ, Шиллингъ остановился, а я, исполнивъ свое дѣло, поѣхалъ отыскивать корпусный штабъ. По порогѣ во тмѣ двигались экипажи, фуры, — вьюки сновали. Казаки безпрестанно перерѣзывали мнѣ дорогу. Спросить не у кого, да и на мои вопросы никто бы не могъ мнѣ отвѣтить: гдѣ штабъ? Въ какую указать въ потьмахъ сторону никто не зналъ. Въ городѣ засверкали огни, вѣроятно отъ площадъ, раздавались клики ликованья, радостные выстрѣлы... бѣдные люблинцы! Они полагали, что Дверницкій на всегда выгналъ насъ изъ Люблина.

Мое положеніе далеко не было радостно. Я былъ голоденъ, во первыхъ, хотѣлось ѣсть, а во вторыхъ, потерявъ штабъ, я привязался къ эскадрону Финляндскаго драгунскаго полка и, чтобы совсѣмъ не пропасть во мракѣ темной, февральской, холодной, хотя и безснѣжной ночи, ѣхалъ за нимъ, куда, не зная самъ.

Проѣхавъ нѣсколько часовъ, я вмѣстѣ съ эскадрономъ выѣхалъ въ знакомыя уже мнѣ Пяски. Часть эскадрона расположилась подъ крышей большого постоялаго двора при жидовской корчмѣ.

Я тоже привязалъ тамъ свою лошадь къ яслямъ, далъ ей подъ морду клокъ сѣнца, а самъ, усталый, бросился на землю подлѣ стѣны двора и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Звукъ трубы, трубившей тревогу, разбудилъ меня. Я приподнялъ голову, осмотрѣлся вокругъ себя. Сквозь ворота вижу, что на дворѣ свѣтло. Лошадей Финляндскихъ драгунъ уже нѣтъ. Фонарь, повѣшенный съ вечера, освѣщалъ еще пустой дворъ. Я бросился къ моей лошади. Она стоитъ одиноко. Недоуздникъ съ нея снятъ. Я хотѣлъ ее замундштучить—глядь, туда—сюда—мундштукъ украденъ. Я выбѣжалъ на площадь—тамъ эскадронъ строится во фронтъ. Я сначала съ жалобой къ офицерамъ: никому не до меня.

Я опять бросился къ своей лошади, боясь не украли бы ее. На дворѣ я нашелъ одного отсталаго драгуна, который собиралъ тамъ кое какую кладь и увязывалъ на вьюкъ. Я обратился къ нему съ просьбою, нѣтъ ли у него какойнибудь уздечки. На мое счастье у него дѣйствительно нашлась уздечка, и онъ мнѣ ее продалъ за 5 злотыхъ. Не теряя времени, я взнуздавъ новопріобрѣтенною уздечкою моего коня, вскочилъ на него и поѣхалъ по дорогѣ на Люблинъ.

Корпусную квартиру, кажется, я нашелъ еще въ селѣ Ястковѣ. Тамъ уже начинали полагать меня пропавшимъ. Изъ Ясткова мы перешли въ Пяски; изъ Пясокъ въ Суходилъ; 25 были въ Ленчнѣ, 26-го вступили въ с. Нѣмецъ. Всѣ эти передвиженія не оставили въ моей памяти никакого впечатлѣнія. Помнится мнѣ только, въ это время въ отрядѣ нашемъ велѣно всѣмъ войскамъ имѣть на киверахъ въ видѣ султанчика еловыя вѣтки. Вѣроятно такое распоряженіе во всей русской арміи имѣло ту цѣль, чтобы можно было издали узнать своихъ отъ поляковъ. Регулярныя польскія войска обмундированы и вооружены были совершенно одинаково съ русскими войсками.

Не помню хорошо, но кажется изъ Ленчны былъ посланъ братъ Алексѣй съ депешами въ главную квартиру. Передъ отъѣздомъ онъ передалъ мнѣ свою лошадь съ тѣмъ, чтобы я на ней ѣздилъ, кормилъ и берегъ ее. Я помню, что на переходѣ къ селенію Нѣмецъ она была подъ моимъ сѣдломъ. Лошадь была красивая и довольно горячая, такъ что, сидя на ней, я, помню, очень рисовался...

Въ сумерки вступили мы въ Нѣмецъ. Въ первый разъ я, а быть можетъ, что и большая часть моихъ походныхъ

товарищей, испытывали тутъ тяжелое чувство видѣть цѣлое селеніе, оставленное жителями.

Ни собака не полаяетъ, ни пѣтухъ не прокричитъ, ни курица не прокудакчетъ, ни корова, ни телокъ не промычатъ. Все какъ будто вымерло. Это было первое селеніе въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ передъ приходомъ нашимъ всѣ жители удалились въ лѣса и угнали съ собою весь скотъ. Ночью я не видалъ господскаго двора, но вѣроятно усадьба принадлежала богатому пану, потому что опустѣвшія, выстроенныя изъ кирпича, конюшни, куда введены были лошади жандармской команды и лошади всѣхъ, состоявшихъ при штабѣ генераловъ и офицеровъ, были очень обширны.

Не помню, какъ я провелъ вечеръ и гдѣ ночевалъ эту ночь, а кажется, что въ конюшнѣ на сѣнѣ, только еще далеко до свѣта осѣдлали лошадей и выступили по Любартовскому тракту къ Люблину.

Весело было у меня на душѣ. Я скакалъ, гарцовалъ... то подъѣду къ эскадронамъ своего полка, то поскачу къ колоннѣ, идущей впереди, то примкну къ штабу. Было темно. Видно было, напримѣръ, что ѣдутъ на лошадяхъ, но узнать или различить, кто ѣдетъ, было невозможно. Разъ, когда я далъ шпоры братниному жеребцу и поскакалъ куда то, вдругъ слышу голосъ:

— Мучь, мучь братнину-то лошады!

— Убирайся къ черту съ своими совѣтами, — отвѣтилъ я невѣдомому мнѣ голосу и поскакалъ впередъ.

Невѣдомый этотъ былъ самъ корпусный командиръ Крейцъ. Когда братъ возвратился изъ командировки и явился къ Крейцу, Крейцъ, выслушавъ его рапортъ и отпуская его, сказалъ: „А твой братъ разбранилъ меня и послалъ къ черту“.

При этомъ онъ со смѣхомъ рассказалъ, какъ это было.

Когда уже порядочно разсвѣло, мы подошли къ Люблину. Не доходя версты до заставы, остановились. Я подъѣхалъ къ старичку генералу Бракеру, остановившемуся у батарей, наведенныхъ на городъ. Около него было двое или трое офицеровъ.

— Холодно, — замѣтилъ онъ. И обратившись къ ѣхавшему за нимъ верхомъ деньщику, сказалъ: „Подай-ка сюда

водочки"! Деньщикъ, подѣхавъ, подаль ему серебряную чарочку.

— Ну налей!

Деньщикъ налилъ. Онъ выпилъ.

— Господа, не хотите ли согрѣться?—сказаль онъ, передавая офицерамъ чарку.

Тѣ пожелали и пропустили по чарочкѣ.

Деньщикъ хотѣлъ уже отѣхать. „А молодому то чело-вѣку“, сказалъ Бракеръ, ласково взглянувъ на меня. „Поддай молодому чело-вѣку“!

Я благодарилъ за вниманіе и тоже пропустилъ.

Шлагбаумъ у заставы былъ опущенъ. Изъ-за земляного городского вала по временамъ показывалось оружіе. Посланные впередъ карабинеры, встрѣченные выстрѣлами, составили цѣпь и открыли перестрѣлку изъ пистолетовъ. Подѣхавшій близко къ валу начальникъ авангарда, полковникъ Шиллингъ, вдругъ, схвативъ себя за щеку, вскрикнулъ: „я убитъ“! Дѣйствительно онъ былъ бы убитъ, если бы не спасла его чешуя кивера. Пуля попала въ чешую, скользнула въ щеку и осталась въ мякотѣ подбородка. Точка лѣкаръ вынулъ ему пулю и сдѣлаль перевязку. Шиллингъ остался на лошади.

Прежде, нежели открыть огонь изъ батареи по городу, Крейцъ рѣшился послать парламентаря. Притвицъ, Броневскій, многіе штабные офицеры и мы, юнкера, состоявшіе при оберъ-квартирмейстерѣ, подѣхали почти къ самой заставѣ. Охранявшіе заставу и валъ мало-по-малу отступали подъ гору, потому что дорога или улица отъ заставы шла внутрь города нѣсколько подъ гору и кажется тамъ внизу былъ мостъ. Все это я припоминаю теперь смутно, только внизу около моста стояли вооруженные толпы гражданъ и, хотя въ Люблинѣ въ это время находился гарнизонъ, состоявшій изъ батальона пѣхоты и 300 кракусовъ, но ихъ пока еще видно не было.

Парламентаремъ съ требованіемъ сдачи города и сложенія оружія поѣхаль молодой офицеръ драгунскаго принца Виртембергскаго полка, Ульянинскій, польскаго происхожденія и любимецъ своего полковаго командира Шиллинга. Сопровождаемый трубачемъ, онъ бодро поѣхаль по дорогѣ къ стоявшей толпѣ, но когда онъ подѣхаль къ нимъ

близко, они закричали ему, чтобъ онъ далѣе не ѣхалъ. Онъ началъ было имъ что то говорить, но они прицѣлились въ него изъ ружей. Ульянинскій оробѣлъ, повернулъ лошадь и ну улепетывать къ заставѣ. Мы всѣ, стоявшіе у заставы, захохотали съ большимъ или меньшимъ негодованіемъ.

Притвицъ, раздосадованный, обратился къ нему съ упрекомъ: „Чего вы испугались? Стыдитесь. Кто жъ станетъ стрѣлять въ парламентаря“? И онъ, сбросивъ съ себя шинель и приказавъ трубачу слѣдовать за собою, въѣхалъ въ заставу. Когда онъ сталъ приближаться къ вооруженной толпѣ, точно также наклонились ружья; но онъ снявъ съ себя саблю и отдавъ ее трубачу, слѣзъ съ лошади и подошелъ къ толпѣ. Поговоривъ съ ними минутъ съ десять, онъ снова сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ обратно.

На предложеніе гарнизону оставить городъ, а гражданамъ разоружиться, онъ получилъ отказъ. Крейцъ велѣлъ бомбардировать городъ. Тотчасъ открыли огонь. Въ городъ полетѣли ядра и гранаты. Послѣ получасового бомбардированія, отъ котораго толпа, стоявшая внизу, вслѣдствіе лопнувшей близъ нея гранаты, не причинившей впрочемъ никому вреда, разбѣжалась, что доставило намъ много потѣхи—внизу показалось бѣлое знамя. Его несли лучшіе граждане города и приближались къ заставѣ. Огонь былъ прекращенъ, и Крейцъ, окруженный штабомъ и всѣмъ наличнымъ генералитетомъ, подъѣхалъ къ заставѣ.

Депутація, подойдя къ нему, изъявила покорность и просила пощады городу. Кажется для эффекта были при этомъ поднесены и ключи города. Депутація была удержана, а внутрь города посланъ былъ спѣшенный дивизионъ драгунъ съ ружьями и съ примкнутыми штыками. Дивизионъ этотъ отъ Виртембергскаго драгунскаго полка повелъ Притвицъ.

— Господа юнкера! Кто хочетъ со мною?

— Я! Я! Я!... закричали Свѣчинъ, Кирѣевскій и я. Къ намъ присоединилось и нѣсколько офицеровъ.

Боже мой! Какъ было весело мнѣ въ эту минуту!

Сначала мы двигались внутрь города, не встрѣчая сопротивления, но, по мѣрѣ приближенія къ площади изъ, оконъ, изъ-за угловъ и заборовъ начали раздаваться ружейные выстрѣлы. Изъ обывателей на улицѣ ни души не было

видно. Всѣ лавки, кофейни, кабаки и всѣ двери домовъ были заперты.

— Что это такое жужжить въ воздухѣ, точно пчелы? вопросительно проговорилъ Свѣчинъ.

— Это пули,—повернувшись къ намъ лицомъ, сказалъ, ѣхавшій впереди насъ, Притвицъ.—А вы и не знали, что это пули!...

Между тѣмъ выстрѣлы съ минуты на минуту стали повторяться все чаще и чаще, и потому спѣшеннымъ драгунамъ, которые шли за нами, велѣно было выбить стрѣлявшихъ изъ мѣстъ ихъ засады. Съ дружнымъ „ура“ драгуны бросились на штурмъ.

Изъ воротъ одного дома выбѣжала толпа человѣкъ изъ десяти гимназистовъ еще съ ружьями, но, увидя, что скрыться нельзя, они побросали ружья и просили пощады.

— Отведите этихъ мальчишекъ и сдайте на гауптвахту,—сказалъ мнѣ Притвицъ, указывая на гимназистовъ. Я принялъ приказаніе и, держа пистолетъ со взведеннымъ куркомъ, погналъ ихъ передъ собою, какъ барановъ. Хотя я былъ такой же мальчишка, какъ и они, но мнѣ было ихъ жаль. Такія они скорчили печальныя рожи, и, ради этихъ печальныхъ рожъ, не многихъ мнѣ привелось довести до гауптвахты, уже занятой нашимъ карауломъ. Изъ моихъ плѣнныхъ человѣкъ 6 разбѣжалось. Гналъ я ихъ по тротуарамъ, и они, когда случалось проходить мимо воротъ, чуть не притворенныхъ или съ открытыми подворотнями, глядь? вижу ужъ какойнибудь изъ нихъ торопливо осмортится, туда, сюда, да и шмыгъ въ подворотню.

— Чертъ тебя побери!—говорилъ я каждому въ напутствіе, а себѣ въ утѣшеніе, что я, какъ будто ничего не замѣчая, по долгу службы не пустилъ ему пулю въ затылокъ.

Когда я, исполнивъ порученіе, съ гауптвахты возвратился на то мѣсто, гдѣ оставилъ Притвица и всѣхъ своихъ товарищей, бой внутри города замолкъ, и Крейцъ со всѣми своими войсками вступилъ въ городъ.

Въ то время, какъ мы были съ Притвицемъ на площади, другую спѣшенную колонну драгунъ велъ Каверъ на Велявскую водяную мельницу. Пунктъ тотъ занимали регулярные солдаты и потому сопротивленіе было довольно

значительное. Вообще въ этотъ штурмъ Люблина убито съ нашей стороны до 40 человѣкъ, раненыхъ болѣе 80-ти.

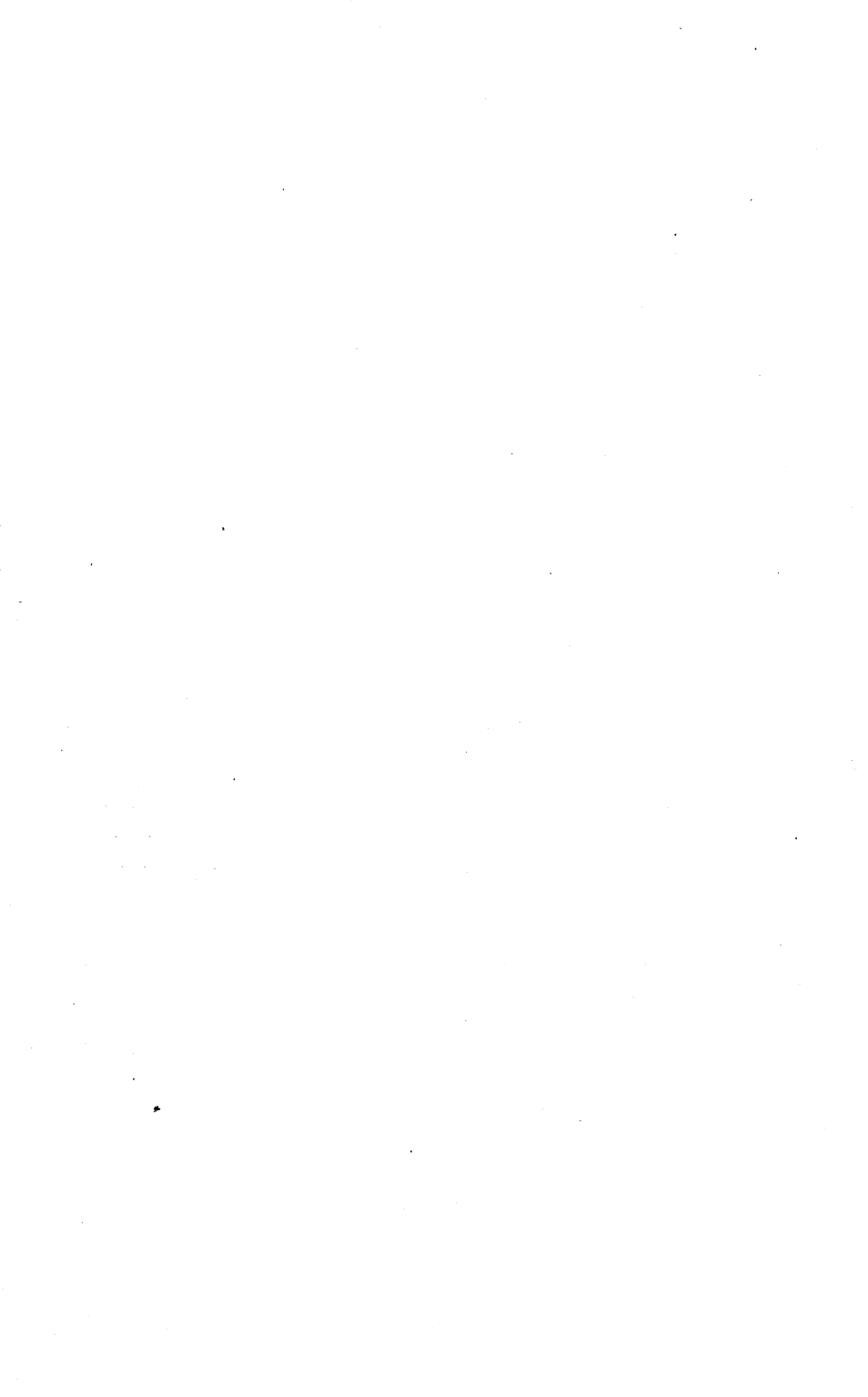
Завладѣвъ городомъ, въ которомъ тотчасъ лавки, магазины, кабаки и кофейни открылись и жизнь пошла обычнымъ порядкомъ, всѣ и генералы и офицеры, равно голодные (это былъ часъ самый обѣденный), собрались въ кофейной Шикандара.

Когда я съ Забѣльскимъ, Свѣчинымъ и Кирѣевскимъ вслѣдъ за Притвицемъ входили въ кофейную, весело болтая между собою о событіяхъ дня, Свѣчинъ задался такимъ вопросомъ: Отъ чего это въ нынѣшній разъ веселѣе какъ то чувствуется въ Люблинѣ, нежели въ прошедшіе разы?— Отъ того, что мы заняли его съ бою,—отвѣчалъ Притвицъ, вслушиваясь въ нашу болтовню.

Въ кофейной, гдѣ варился кофе, на диванѣ сидѣлъ въ перевязкахъ раненый Шиллингъ. Половина лица сильно опухла и почернѣла. Видно было, онъ очень страдалъ. Исключая его всѣ были веселы.

М-ме Шикандаръ улыбалась и граціозничала. М-еур Шикандаръ одушевленно кричалъ: *Dix florins et dix graces*. Офицеры любезничали съ хорошенькой прислугой. Прислуга кокетничала съ офицерами. Все шло по прежнему, только найденныя кое гдѣ на дверяхъ и на стѣнахъ надписи мѣломъ и карандашемъ: „некъ жіе ойчизна“, оставленныя вѣроломными нашими предшественниками офицерами отряда Дверницкаго, были замѣняемы надписями: „некъ жіе нагайка“.

Тимофей Николаевич Грановскій¹⁾.

Я узналъ Грановскаго въ концѣ двадцатыхъ годовъ, въ Москвѣ, въ пансіонѣ для благородныхъ дѣтей мужскаго пола коллежскаго совѣтника доктора Оедора Кистера—какъ значилось это на вывѣскѣ, выставленной на стѣнѣ занимаемаго пансіономъ дома. Не помню въ какомъ домѣ помѣщался нашъ пансіонъ, когда привезли Грановскаго. Въ началѣ 1826 года пансіонъ занималъ еще домъ Лобанова-Ростовскаго, гдѣ потомъ было механическое заведеніе братьевъ Бутеновъ; въ томъ же году, осенью, пансіонъ переехалъ въ домъ, что противъ церкви Николы Мясницкаго²⁾. Весною 1827 года, возвратившись изъ деревни послѣ Святой недѣли, я нашелъ пансіонъ нашъ переселившимся на Моховую въ домъ Гусятникова, что нынѣ (въ 1858 г.) противъ Экзерциргауза, на углу Воздвиженки; а 1828 года лѣтомъ, во время вакаціи, послѣдовало новое переселеніе пансіона: съ Моховой на Большую Дмитріевку, въ домъ бывший Салтыкова, впослѣдствіи занимаемый купеческимъ клубомъ.

Болѣе 30-ти лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, и потому я не могу опредѣлительно сказать, въ какомъ изъ домовъ въ первый разъ узналъ я Грановскаго; но какъ теперь помню его идущаго дорожкой въ саду, бывшемъ при домѣ Гусятникова, и съ энергіей юности упрекавшаго надзирателя-француза, шедшаго съ нами, въ суровомъ обращеніи съ учениками: „on ne vous aime pas parce que vous êtes trop sévère avec les écoliers“; это было говорено въ маѣ или іюнѣ 1827 г.

¹⁾ Статья эта была напечатана въ Русской Старинѣ за 1878 годъ (т. XX, стр. 205—220).

²⁾ Нынѣ домъ этотъ принадлежитъ почтовому вѣдомству.

передъ лѣтней вакаціей, и потому изъ этого воспоминанія я полагаю, что Грановскаго привезли въ Москву не задолго до помѣщенія пансіона въ домъ Гусятникова. Надзиратель, котораго поучалъ Грановскій, имѣлъ похвальную привычку, въ рапортичкахъ, подаваемыхъ Кистеру по субботамъ, отмѣчать почти поголовно всѣхъ учениковъ въ дурномъ поведеніи, и потому, въ первую же субботу послѣ разговора въ саду, въ списокъ замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи значился и Грановскій. Прилежаніе и благородное поведеніе Грановскаго, при веселости, никогда не доходившей до шалостей пошлыхъ, были извѣстны всѣмъ ученикамъ. Грановскій составлялъ между товарищами авторитетъ нравственности безукоризненной, и когда нѣкоторымъ изъ шалуновъ, по утру въ субботу, удалось подсмотреть приготовленный надзирателемъ и на минуту оставленный имъ случайно на столѣ списокъ, то, увидѣвъ въ немъ имя Грановскаго, повѣстили эту радостную вѣсть по всему пансіону. Всѣ, въ особенности шалуны, дѣйствительно давашіе въ продолженіе недѣли волю своему отроческому разгулу, были убѣждены, что списокъ, въ которой они внесены заурядъ съ именемъ Грановскаго, Кистеръ разорветъ непременно, и угрожающая опасность быть неотпущенными изъ пансіона минуетъ виновныя головы. Такъ и случилось. Когда въ 12 часовъ, по окончаніи утреннихъ классовъ, имѣвшіе родителей и родныхъ въ Москвѣ бросились проситься домой, Кистеръ, взявъ у надзирателя списокъ, сказалъ: „allons, enfants; il faut voir peut-on encore vous laisser“, и пошелъ, въ сопровожденіи просителей, въ залу, куда сбѣжались и другіе ученики.

Кистеръ, съ веселымъ на этотъ разъ и добродушнымъ лицомъ, сѣвъ на стулѣ посреди залы, вынулъ изъ кармана очки и, смотря изъ-подлобья на окружавшую его толпу, началъ медленно надѣвать ихъ на носъ.

Нетерпѣливое волненіе отражалось на всѣхъ лицахъ; надзиратель-французъ стоялъ съ сіяющимъ лицомъ. Надѣвши очки, Кистеръ такъ же медленно развернулъ списокъ, составленный на цѣломъ листѣ бумаги, сложенномъ вчетверо, развернулъ, и снова, прежде нежели началъ читать, посмотрѣлъ на всѣхъ изъ подлобья, но уже въ очки. Потомъ взялъ списокъ и лицо его, до этой минуты веселое, поддер-

нулось выраженіемъ сильнаго неудовольствія. Любовь съежился, брови нависли на глаза. Онъ вскочилъ со стула, изорвалъ списокъ въ мелкіе куски, проговорилъ съ досадою обыкновенную свою поговорку: „этыва, право, ей Богу“... и, проходя мимо совсѣмъ растерявшагося надзирателя, сказалъ ему вполголоса:

— „Vous ne savez pas vous même, comment faut-il se conduire avec les écoliers“...

Потомъ, дойдя до двери, еще разъ обернулся къ ученикамъ и, сказавъ: „Enfants! allez à la maison—qui le voudra“, вышелъ изъ залы.

Вскорѣ послѣ этого надзиратель былъ расчитанъ. Въ списокѣ, имъ поданномъ, имя Грановскаго стояло первымъ: ученики не ошиблись; вмѣстѣ со многими и я радовался счастливому для насъ исходу дѣла—по милости Грановскаго.

Въ памяти моей Грановскій какъ будто начинаетъ жить съ описанной мною прогулки въ пансіонскомъ саду. Это былъ ясный и теплый майскій вечеръ... Часъ десятый. Большое каштановое дерево, росшее посрединѣ пушистой зеленой лужайки, было покрыто цвѣтами. Цвѣты на рабаткахъ и сирень наполняли воздухъ ароматомъ. Шумъ отъ колесъ экипажей по Моховой и по Воздвиженкѣ постепенно рѣдѣлъ; набѣгавшіеся ученики шли домой, въ саду становилось пусто. Вдругъ двое учениковъ, одинъ кучеромъ, а другой лошадкой, завозженной веревочкой, въ курточкахъ и башмакахъ, съ пылавшими отъ бѣганья лицами, еще пронеслись по открытой дорожкѣ и скрылись въ аллеѣ изъ акацій. Мнѣ было тогда лѣтъ 15; Грановскій былъ старѣе меня, какъ я полагаю, годами двумя, но ростомъ онъ уже былъ высокъ и тонокъ. Вообще онъ былъ ходославъ, такъ что руки и ноги казались длинными. Щеки имѣлъ нѣсколько впалыя, при разговорѣ быстро оживляемые румянцемъ; глаза живые, а темные и не коротко остриженные волосы бывали тщательно причесаны. На верхней губѣ чернѣлся пухъ, отбѣнявшійся подобно усамъ. Надъ черными широкими и сросшимися бровями какъ будто витала дума; на губахъ же, если только не говорилъ чего серьезнаго, или не училъ урокъ, постоянно сіяла юношеская улыбка. Я былъ степеннѣе другихъ учениковъ моего возраста, и хотя однимъ классомъ учился ниже Грановскаго, но по возрасту почи-

талъ себя въ правѣ быть его товарищемъ и высказывать свои мнѣнія о поэзіи и литературѣ, какъ предметахъ, по тогдашнимъ понятіямъ нашимъ, единственно достойныхъ занятія людей съ высшимъ развитіемъ въ той небольшой средѣ мыслящихъ учениковъ, въ которой обращался Грановскій.

Впрочемъ, нѣкоторые предметы и однихъ учителей я слушать въ высшемъ классѣ вмѣстѣ съ Грановскимъ. Эти предметы были: исторія всемірная, проходившаяся по Шреку, географія, по Каменецкому, и русская исторія — по книгѣ, изданной для народныхъ училищъ. Исторію русскую, всемірную и географію, по руководствамъ этимъ, преподавалъ экстраординарный профессоръ Московскаго Императорскаго университета, Николай Андреевичъ Бекетовъ ¹⁾. Какъ руководства, такъ и система Николая Андреевича достойны того, чтобы поговорить о нихъ. Не знаю, удовлетворяла ли исторія Шрека потребностямъ низшихъ учебныхъ заведеній въ Германіи въ то время, когда русскій переводчикъ, кажется, Константиновъ, познакомилъ съ твореніемъ Шрека русское юношество, но въ настоящее время можно сказать положительно, что, при всемъ недостаткѣ нашей педагогической литературы, оно очень плохо. Въ географіи Каменецкаго можно было узнать и о моряхъ, и о рѣкахъ, и о городахъ, но все изложенное сухо и безцвѣтно, и для того, чтобы усвоить себѣ географическія познанія, нужно было имѣть много памяти и упорнаго терпѣнія—учить. Объ „Исторіи Россійской“, для народныхъ училищъ, еще менѣе можно сказать: эта небольшая книжечка въ 8-ю долю листа, скверно и на скверной бумагѣ напечатанная, не могла дать никакого понятія объ исторіи Россіи. Правда въ ней по порядку излагались дѣянія князей—Рюрика, Олега, Святослава, Владимира; но такъ коротко, что исторія каждаго изъ нихъ ограничивалась много если двумя печатными страничками. Еслибъ мы въ свободное время не читали „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, какъ произведенія въ высшей степени литературнаго, т. е. если бы не находили наслажденія въ чтеніи творенія Карамзина, учебникъ нашъ не

¹⁾ Въ домѣ Салтыкова его, впоследствии, замѣнилъ Николай Васильевичъ Савельевъ, служившій учителемъ при Екатерининскомъ институтѣ.

помогъ бы намъ не только заглянуть за завѣсу вѣковъ, но и не показалъ бы возможности, какъ приступить къ этому.

Система преподаванія какъ географіи, такъ и исторіи, была несравненно оригинальнѣе руководствъ. Николай Андреевичъ Бекетовъ являлся въ классъ, всегда почти опаздывая получасомъ, а иногда и болѣе. При входѣ въ дверь класса, всѣ ученики встрѣчали его привѣтствіемъ: „Здравствуйте, г-нъ профессоръ!“ что онъ очень любилъ; потомъ отдавалъ шляпу и палку кому нибудь изъ встрѣчавшихъ его учениковъ, и тотъ, принимая съ подобострастіемъ эти регалии, относилъ и складывалъ ихъ на окошко. Николай Андреевичъ былъ видный, здоровый и дебелый мужчина. На лицѣ его всегда изображалась спокойная самоувѣренность, и хотя въ движеніяхъ былъ довольно развязенъ, но развязность эта была груба и неразборчива. Соревнованіе и подобострастіе въ принятіи отъ него шляпы и палки происходили не отъ уваженія къ его личности, а отъ желанія этимъ знакомъ уваженія задобрить его въ свою пользу, на случай незнанія урока, что почти всегда оказывалось напрасною надеждою. Взойдя на кафедру и сѣвъ на стулъ, онъ закладывалъ обѣ руки на голову и, упершись колѣнками въ столъ, начиналъ качаться на стулѣ. Веселая безпечность его сообщала веселость всему классу, и хотя многіе ожидали неизбѣжной таски, но всѣ готовы были смѣяться отъ души.

— „Ну-ка, Г.....въ, что новаго у васъ по полиціи? Сказывай“,—спрашивалъ Николай Андреевичъ ученика Г.....ва, сидѣвшаго на первой лавкѣ.

Г.....въ былъ сынъ частнаго пристава С.....й части—и такъ какъ онъ былъ полупансіонеръ, то всегда имѣлъ возможность замѣнить собою для Николая Андреевича, тогда еще не существовавшій, полицейскій листокъ. Вопросъ Николая Андреевича давалъ Г.....ву поводъ занять его разговоромъ о случившемся воровствѣ, о смертоубійствѣ, о найденномъ трупѣ или пожарѣ, и рассказы эти продолжались нерѣдко добрыхъ полчаса. Послѣ чего Николай Андреевичъ говорилъ: „довольно“ и начиналъ вызывать къ кафедрѣ учениковъ—для спроса уроковъ—цѣлыми лавками.

— „Ей вы, шестеро изъ бочки!“ — крикнетъ бывало онъ, не переставая покачиваться на стулѣ съ заложенными

на голову руками; и шестеро самыхъ плохихъ учениковъ подходили къ нему съ послѣдней лавки. На вопросъ его, производившійся обыкновенно по книжкѣ, они поднимали глаза къ потолку и молчали.

— „Мужи галлилейскіе,—восклицалъ тутъ г-нъ профессоръ,—что вы стоите зряще на небо, преклоньте колѣна!“

— „Поближе, поближе къ каедрѣ, къ каедрѣ-то поближе“, — говоритъ онъ становящимся на колѣна, и становилъ ихъ такъ, чтобъ можно было достать рукою до волосъ виновныхъ. Послѣ этого выкликалъ „четверыхъ изъ бочки“, сидѣвшихъ на предпослѣдней скамейкѣ; тѣ сначала отвѣчали кое-что, но подъ конецъ и къ нимъ примѣнялось названіе галлилейскихъ мужей и они становились, какъ и первые, на колѣна возлѣ каедры.

За этими слѣдовала третья лавка; и пока онъ спрашивалъ урокъ у вновь подошедшихъ, ради занятія, съ самымъ веселымъ лицомъ, щипалъ стоящихъ на колѣняхъ за волосы, по его словамъ — какъ куръ щиплютъ, приговаривая при этомъ: „полудурье, дуракъ, скаatina!...“ На каедрѣ его всегда лежала костяная указка, употребляемая обыкновенно при изученіи букварей и имѣвшая подобіе пѣтуха. Она замѣчательна тѣмъ, что приобрѣтена для класса Бекетова иждивеніемъ учениковъ; и когда разъ одна указка куда-то пропала или изломалась, ученики немедленно замѣнили ее новою. Этою указкою или пѣтухомъ, если г-нъ профессоръ не щипалъ волосъ, то долбилъ по головамъ или хлопалъ по ладонямъ, отъ чего начинался страшный визгъ и пискъ. Самъ же онъ хохоталъ, и за нимъ весь классъ хохоталъ; и что страннѣе всего — что вслѣдъ за визгомъ, или вмѣстѣ съ визгомъ, и нерѣдко сквозь слезы, хохотали и тѣ, которыхъ онъ долбилъ и щипалъ.

Въ этихъ занятіяхъ проходилъ весь классъ, и для 1-й лавки, на которой, въ числѣ прочихъ, сидѣлъ Грановскій, для спроса урока оставалось очень немного минутъ. Передъ концомъ урока, Бекетовъ посылалъ одного изъ учениковъ къ Кистеру за двугривеннымъ на извозчика, какъ говорилъ онъ: „за прогонами“; потомъ, задавъ урокъ; т. е. отворотивъ, почти несмотря, полкниги, бралъ шляпу и палку и, напутствуемый восклицаніями учениковъ: „прощайте, г-нъ профессоръ!“, выходилъ изъ класса.

Никакого толкованія, никакого изустнаго объясненія—ни даже разговора объ исторіи, какъ предметъ занятія, мы не слышали въ классѣ; чтобъ преподавать такъ, какъ преподавалъ Бекетовъ, не нужно было быть профессоромъ. Безсмысленно задать урокъ, безсмысленно спросить его и, въ случаѣ незнанія, отколотить—могъ бы и приходскій дьячекъ; но не смотря на эту, болѣе нежели жалкую, методи преподаванія, Грановскій учился хорошо—и уже въ то время замѣтна была въ немъ любовь къ исторіи.

Кто бы, впрочемъ, могъ тогда думать, что изъ класса Бекетова на исторической кафедрѣ Московскаго университета появится современемъ знаменитый профессоръ!

Кромѣ исторіи и географіи, общимъ классомъ для меня съ Грановскимъ былъ классъ русской словесности. Предметами преподаванія были риторика и поэзія. Преподавателемъ же былъ Петръ Ѳеодоровичъ Калайдовичъ. Для заучиванія на память предметовъ его преподаванія, служили двѣ рукописныя тоненькія тетрадки, и хотя онѣ были переписаны у всѣхъ и каждый разъ приносились въ классы, но уроковъ Калайдовичъ никогда не задавалъ и не спрашивалъ.

Всякій воленъ былъ заучать и не заучать на память этихъ тетрадокъ; Петру же Ѳеодоровичу не было нужды до этого: онъ имѣлъ дѣло съ юношами уже взрослыми, которые сами должны были заботиться о своей пользѣ.

Преподаваніе его ограничивалось задаваніемъ небольшихъ сочиненій, а часто и переводовъ изъ французской хрестоматіи, которые онъ исправлялъ, указывая на ошибки противъ языка, грамматики или на неправильность слога. Потомъ онъ читалъ стихотворенія лучшихъ нашихъ поэтовъ минувшаго и настоящаго времени, или, какъ тогда подраздѣляли, на поэтовъ классическихъ и романтическихъ, читалъ увлекательно, разъяснялъ красоты читаемыхъ произведеній и объяснялъ направленіе и духъ школь.

Изъ класса Калайдовича хотя мы выходили не умнѣе и немного ученѣе, чѣмъ приходили, но за то выходили бодрѣе духомъ, проникнутые прелестью поэзіи, съ сознаниемъ челоѣческаго достоинства, и потому Петра Ѳеодоровича очень любили.

Двадцатые годы были золотымъ вѣкомъ русской поэзіи. Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій, Дельвигъ, Кры-

ловъ и многіе другіе замѣчательные поэты, какъ, напри-
мѣръ: Вяземскій, Глинка, Языковъ, Козловъ и нѣкоторые
другіе, составляли благородную фалангу писателей, призы-
вавшихъ всѣхъ и каждого отрѣшиться отъ пошлости суще-
ственного и нестись вмѣстѣ съ ними въ міръ поэзіи, въ
страну незримую, но исполненную всего высокаго и пре-
краснаго.

Литература вообще и поэзія въ особенности состав-
ляли предметъ общественныхъ разговоровъ.

Въ кругу молодыхъ дамъ и дѣвицъ молодые люди чи-
тали, на память, или изъ принесенной тетрадки или альма-
наха,—новое какое нибудь стихотвореніе. Строфы Пушкина
витами постоянно на устахъ молодыхъ людей и дѣвицъ,
стихотворенія всѣхъ поэтовъ старыхъ и новыхъ переписы-
вались и списывались всѣми, и кипы тетрадей, наполнен-
ныхъ стихотвореніями, составляли существенную принад-
лежность каждаго кабинета и каждаго щегольского будуара
свѣтской дамы (разумѣется, умѣвшей читать по русски), и
скромной спальни деревенской барышни Татьяны.

Написать какое нибудь стихотвореніе, маленькую эле-
гію или микроскопическое посланіе, или акrostихъ, чтобъ
имѣть право называться поэтомъ хотя въ своемъ муравей-
никѣ, было исходной точкой стремленій всей просвѣщенной
молодежи. Писать прозой никто не чувствовалъ призванія,
всякій хотѣлъ писать стихи.

Увлеченный духомъ времени,—впрочемъ, прекраснаго,
хотя далеко не практическаго, какъ теперь,—Тимофей Нико-
лаевичъ Грановскій созналъ въ себѣ поэта — или, лучше
сказать, стихотворцемъ, достойнымъ названія поэта, при-
знали его мы, его товарищи. Плоды его вдохновенія чита-
лись съ увлеченіемъ, и такова была похвала молодому по-
эту, что мы, сравнивая его стихотворенія съ твореніями
князя Шаликова, находили, что талантъ его не ниже. Эти
взгляды и приговоры теперь смѣшны; но тогда мы были и
молоды и зелены; мы не понимали призванія Грановскаго.

Кромѣ него, стихотворствомъ занимался еще ученикъ
Б.....; кто-то еще подвизался писать стихами или прозою —
не помню, только занятія эти дали поводъ къ образованію
литературныхъ вечеровъ. Способствовавшимъ къ этому
былъ магистръ Московскаго университета Гавриловъ, зани-

мавший у насъ въ пансіонѣ комнату и обѣдавшій съ нами за однимъ столомъ. Кажется, если не ошибаюсь, онъ платилъ Кистеру за столъ и квартиру, — но, какъ мнѣ помнится, уроковъ не давалъ. Вообще отъ учениковъ онъ держалъ себя очень далеко.

Несмотря на это, онъ настроилъ Кистера завести ученическіе литературные вечера; объяснилъ ученикамъ цѣль и значеніе такихъ вечеровъ, и тѣмъ возбудилъ въ нихъ сильное желаніе, чтобъ вечера эти дѣйствительно состоялись. Кистеръ же былъ доволенъ тѣмъ, что литературные вечера въ его пансіонѣ должны были произвести въ публикѣ полезный для заведенія эффектъ.

Въ одинъ прекрасный зимній вечеръ, въ половинѣ 7-го часа, въ танцевальной залѣ дома Салтыкова былъ поставленъ большой продолговатый столъ, покрытый зеленымъ коленкоромъ. Въ одномъ изъ узкихъ концовъ стола, облеченный званіемъ президента, сидѣлъ Грановскій; по сторонамъ стола сѣли члены литературнаго общества, чловѣкъ до шести или до восьми. Изъ числа этихъ членовъ я помню только трехъ: Б...на, С.....ва и Пу...ту. На столѣ поставлены были двѣ бронзовыя чернильницы, а передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ положенъ былъ листъ бѣлой бумаги и неочиненное перо. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другого конца стола, на поставленныхъ потукружіемъ креслахъ, сѣли Кистеръ, Калайдовичъ, Гавриловъ и еще, не помню хорошенько — Куртнеръ или Пельтъ, и князь Шаликовъ, знаменитый издатель „Дамскаго журнала“ и долгое время бывший редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ то время въ пансіонѣ нашемъ учился сынъ кн. Шаликова, въ ожиданіи поступленія въ кадетскій корпусъ; для Кистера же сближеніе съ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Дамскаго журнала“ было интересно: черезъ него можно было такъ, стороною, косвеннымъ образомъ, довести до свѣдѣнія публики о замѣчательномъ экзаменѣ въ заведеніи такого-то, объ отческой заботливости содержателя пансіона, о необыкновенныхъ успѣхахъ учениковъ и даже о литературныхъ вечерахъ.

Вслѣдъ за посѣтителеми впустили и насъ, всѣхъ остальныхъ учениковъ, и мы сѣли на диванахъ, окружавшихъ залу.

Вечеръ открылся рѣчью Грановскаго. Что было сказано въ этой рѣчи, и для чего она была сказана, я рѣшительно не припомню. Послѣ этой рѣчи принесли на подносѣ чай въ чашкахъ, подали его сначала посѣтителемъ, а потомъ и литераторамъ; намъ же, ученикамъ, по обыкновенію, чай поданъ былъ въ кружкахъ. Во время чая посѣтителі разсуждали о достоинствѣ рѣчи; литераторы сидѣли молча. Послѣ чая Б...нъ прочелъ стихотвореніе Грановскаго, — прочелъ со всѣмъ жаромъ юности, и возбудилъ общее удовольствіе. Грановскій, за слабостію груди, не читалъ самъ своихъ стиховъ, вѣроятно, увѣренный вполнѣ, что пылкій Б...нъ прочтетъ его стихотвореніе лучше, нежели бы онъ прочелъ его самъ. Во все продолженіе чтенія и въ остальное время вечера Грановскій сидѣлъ прямо, неподвижно, какъ будто, что называется, аршинъ проглотилъ; но помню и какъ теперь вижу умное и кроткое выраженіе его худощаваго лица, отбѣненнаго темными волосами. Послѣ стиховъ Грановскаго, Б...нъ читалъ свои стихи; тамъ кто-то читалъ прозу и, наконецъ, дѣло, за неимѣніе матеріала для чтенія, должно было кончиться; разсуждать же нашимъ литераторамъ было не о чемъ. Дѣйствительная жизнь, безъ которой все мертво и безсознательно, едва только начинала касаться ихъ, да и то прикосновеніе это было еще такъ нѣжно, обаятельно, что не затрудняясь можно его сравнить съ первымъ поцѣлуемъ любви, подъ вліяніемъ котораго ни мыслить, ни говорить не хочется... Конечно, міръ фантазіи и надеждъ внушалъ намъ многое, что нерѣдко высказывалось въ дружескомъ кругу, и когда дорывались мы до чтенія произведеній тогдашней литературы и журналистики, то не рѣдко подвергали все читанное своему критическому разбору, а вслѣдствіе этого возникали и литературные споры; но все это производилось случайно, домашнимъ образомъ, въ надеждѣ, что все, что ни совершь — все сойdetъ. Быть же на выставкѣ передъ почтенной публикой и разсуждать какъ по заказу—дѣло совсѣмъ другое: быть профаномъ никому не хотѣлось. Впрочемъ, Гавриловъ предвидѣлъ это, и потому, обратясь къ Грановскому, сказалъ: „Нѣтъ ли у васъ какого вопроса, требующаго обсужденія и разрѣшенія ученымъ образомъ? Ну, чтонибудь такого, о чемъ еще говорено не было. Предложите подобный вопросъ“.

Гавриловъ заранѣе уже приготовилъ вопросъ, который долженъ былъ предложить предсѣдатель, и Грановскій предложилъ его. Вопросъ заключался въ томъ, какое различіе имѣютъ слова: литература и словесность?

Члены-литераторы продолжали молчать, но объясненіемъ вопроса занялись посѣтители. Всѣ они говорили и толковали. Болѣе всѣхъ говорилъ Газриловъ, заранѣе приготовленный къ предвидѣнному спору. Кистеръ началъ было сперва разсуждать по русски: „этыва, этива, право, ей Богу“... но, видя несостоятельность свою въ русскомъ языкѣ, разгорячился и заспорилъ по нѣмецки.

Не знаю чѣмъ кончился ученый диспутъ, только, какъ мнѣ помнится, стихотворенія, читанныя на литературномъ вечерѣ, были напечатаны въ „Дамскомъ журналѣ“.

Сознавши свое поэтическое призваніе, я тоже написать тогда стихотвореніе: „Вечеръ“, въ подражаніе „Сельскому кладбищу“ Жуковского, но втрое короче. Изъ всего моего созданія остались у меня въ памяти только два послѣднихъ стиха первой строфы:

„Лишь въ отдаленіи далекомъ,
Звучать охотничьи рога!“

Несмотря на это „далекое отдаленіе“, участники литературнаго общества, изъ которыхъ я только нѣкоторымъ, и то по секрету, рѣшился прочесть „Вечеръ“, признали во мнѣ несомнѣнный, хотя еще не созрѣвшій талантъ. Грановскій взялся исправить, какъ „далекое отдаленіе“, такъ и другіе недостатки моей элегіи, и обѣщалъ прочесть ее въ слѣдующій литературный вечеръ, предполагая, что вечера эти будутъ продолжаться постоянно, хотя разъ въ двѣ недѣли или въ мѣсяцъ; но ожиданія эти не сбылись: литературнымъ вечерамъ суждено было существовать одинъ только вечеръ.

Стихотвореніе мое, исправленное Грановскимъ по общему составленному нами плану, должно было явиться на литературномъ вечерѣ, какъ присланное отъ неизвѣстнаго автора.

Въ тайнѣ сердца моего я очень былъ недоволенъ оставаться въ неизвѣстности; но и обнаружить себя я боялся. Во первыхъ, я не былъ тогда еще формально ученикомъ высшаго класса, во вторыхъ -- учился дурно; ну, какъ, по-

милой Господи, думалъ я, Кистеръ скажетъ съ кисло-на смѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ: „этыва, право, ей Богу—малышкѣ ушится дурно... глупы стихи писать“ и проч. Я не могъ, при всемъ пристрастіи къ себѣ, не сознавать въ предполагаемыхъ словахъ Кистера доли правды, и потому ожидать, какой успѣхъ произведетъ мое стихотвореніе въ общество. При хорошемъ впечатлѣніи—я бы умѣлъ открыться.

Между шестьюдесятью или семьюдесятью учениками разныхъ видовъ и возрастовъ, невозможно было, чтобы необходимо безъ усобицъ. Бывали ссоры, бывало и подерутся. Грановскій былъ такого возраста и такъ держалъ себя, что драться было бы для него страннымъ и нелѣпымъ, но разъ, — я какъ теперь вижу — одинъ задорливый малый и уже не маленькій, но много ниже Грановскаго ростомъ, вздумалъ открытымъ единоборствомъ принудить Грановскаго къ уступкѣ и даже лѣзъ ему съ кулаками къ носу. Грановскій также вспыхнулъ, вытянулъ свои длинныя худыя руки, какъ барабанныя палки, сжалъ кулаки, и такъ какъ ростомъ былъ выше своего врага, то и забарабанилъ по немъ самымъ учащеннымъ образомъ дробь. Врагъ былъ окончательно побѣжденъ и со стыдомъ отступилъ. Еще осталось у меня въ памяти празднованіе имъ для своего рожденія или именинъ—хорошо не помню. Товарищъ его, жившій съ нимъ въ одной комнатѣ, С.....въ, былъ также въ тотъ день или именинникъ или новорожденный, и потому они положили праздновать за-одно. Грановскій принялъ на себя утреннее угощеніе, т. е. завтракъ, С.....въ—послѣобѣденное, десертъ.

Учениковъ въ этотъ день въ пансіонѣ оставалось немного, классовъ не было, и потому я полагаю, что день былъ праздничный и чуть-ли не 9-е мая: день перенесенія мощей святителя Николая Чудотворца. Въ числѣ немногихъ приглашенныхъ участвовать въ празднествѣ былъ и я.

Утреннее угощеніе Грановскаго состояло изъ круглаго, заказнаго въ трактирѣ пирога съ фаршемъ, въ родѣ пастета; онъ самъ разрѣзалъ его на равныя куски и положилъ каждому на тарелку. Было и еще что-то съѣстное и, наконецъ, завтракъ окончился бутылкою вина. Грановскій былъ веселъ, говорилъ много и, ходя взадъ и впередъ по

комнатѣ, вдругъ остановился, приложилъ палецъ ко лбу и сказалъ: „Господа, я вамъ сейчасъ скажу экспромтъ“, и сказавъ это, снова зашагалъ по комнатѣ. Онъ обдумывать, мы ѣли пирогъ и ожидали экспромта. Но несмотря на указательный перстъ Грановскаго, то прикладываемый ко лбу, то къ носу, вдохновеніе не пришло, и экспромта мы не слышали. Ожидаемый десертъ не былъ такъ роскошенъ, какъ завтракъ: простые самые пряники, орѣхи, патока съ калачомъ, да, кажется, одна-ли, двѣ-ли бутылки меду — вотъ и все.

Десертъ этотъ, хотя и не было высказано этого С.....ву вслухъ по чувству деликатности, не понравился ни Грановскому, ни гостямъ: всѣ находили его далеко несоответствующимъ завтраку.

Въ 1829 году, я уже не возвратился съ лѣтней вакаціи въ пансіонъ ¹⁾. Желаніе скорѣй надѣть мундиръ, подпоясать саблю, да гарцовать на лихомъ конѣ — имѣя:

„Киверъ звѣрски на бекрень“ —

дѣлало дальнѣйшее ученіе для меня противнымъ. Вступить въ университетъ и быть студентомъ я бы не былъ прочъ; но употребить для этого хотя немного упорнаго труда я не хотѣлъ, и потому въ концѣ того же года поступилъ юнкеромъ въ Казанскій драгунскій полкъ. Въ концѣ 1830 года, въ Царствѣ Польскомъ вспыхнулъ мятежъ, и я, только почти за годъ шедшій съ школьной скамьи, очутился на дымныхъ бивуакахъ, въ удаломъ кругу веселыхъ товарищей, и мѣсяца черезъ два, по переходѣ за границу, былъ произведенъ въ офицеры. Стукъ оружія, громъ пушекъ, звукъ трубъ и бурный разгулъ, почти изгладилъ изъ моей памяти воспоминанія о товарищахъ пансіона: и сами они, и жизнь ихъ казались мнѣ блѣдными предъ дѣйствительными опасностями и беззаботной, мишурно-блестящей жизнію офицера-кавалериста.

Но миръ послѣ войны, однообразные смотры и ученья, шагистика и аллюры и, главное, чтеніе и лѣта — мало-помалу охладилъ меня ко всему тому, къ чему сначала я такъ стремился. Я началъ прислушиваться къ жизни въ другой.

¹⁾ Оставилъ ли Грановскій пансіонъ прежде меня, хорошо не помню.

чуждой для насъ сферѣ, во мнѣ мало-по-малу пробуждалась усыпленная мысль о наукѣ, какъ о вѣрнѣйшемъ пособіи къ достиженію нравственной свободы, и наука начала возникать передъ мною высокимъ идеаломъ блага и истины. Мнѣ уже перевалило гораздо за 25 лѣтъ, когда имя Грановскаго дѣлалось извѣстнымъ всей просвѣщенной Россіи... „Неужели это онъ, тотъ школьный товарищъ“, — думалъ я, услышавъ въ первый разъ о Грановскомъ, какъ о замѣчательномъ профессорѣ Московскаго университета... Дѣйствительно—то былъ онъ.

Выйдя въ отставку и женившись, я часто посѣщалъ Москву. Сердце мое рвалось къ Грановскому, но боязнь отнять у Грановскаго часъ времени отъ его ученыхъ занятій, недостатокъ самоувѣренности—будетъ ли мое посѣщеніе для него пріятно, боязнь, наконецъ, быть ему въ тягость, быть некстати,—меня постоянно удерживали отъ поѣздки къ нему.

Въ ту зиму, когда Призывающій къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ упокоенію—призвалъ и Гоголя, я зимовалъ въ Москвѣ; а въ день отпѣванія его тѣла, вмѣстѣ съ другими читателями великаго таланта, пріѣхалъ къ обѣднѣ въ университетскую церковь. Великій писатель лежалъ въ бѣдномъ гробу; но около этого гроба была тѣснота и давка, и это желаніе—воздать послѣдній долгъ усопшему—было краснорѣчивѣе самыхъ лавровъ, вѣчавшихъ чело покойника. Я стоялъ въ правой сторонѣ церкви, прислонясь къ западной стѣнѣ. Возлѣ меня расположился незнакомый мнѣ господинъ, съ чертами лица серьезными и мрачными. „Вонъ, — сказалъ онъ мнѣ, — собрались всѣ славянофилы“, и указалъ движеніемъ головы на нѣсколько лицъ, стоявшихъ у южной стѣны. Грустно мнѣ было слышать эти слова, и гдѣ же — у гроба Гоголя! Неужели и тутъ, имѣя передъ глазами живое доказательство всего преходящаго, предъ лицомъ вѣчности, можно было питать вражду за различіе взглядовъ, за различно избранные пути къ достиженію одной и той же цѣли — осуществленія истины, и тогда именно, когда одна цѣль и одна мысль собрала всѣхъ къ одному гробу. Но тутъ запало мнѣ сомнѣніе въ сердце: дѣйствительно-ли такъ, что во имя одной и той же цѣли и одной мысли собрались всѣ? Всѣ ли вѣрять въ покой, обѣ-

щанный Искупителемъ для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ? не пустая ли жажда демонстрацій собрала многихъ? у всѣхъ ли въ сердца молитва, за которую безсмертный духъ Гоголя сказалъ бы больше спасибо, нежели за лавры, которые его христіанская натура еще при жизни отвергала, какъ земныя игрушки. Размышляя такимъ образомъ, я до того увлекся, что во время отпѣванія окинулъ взоромъ тѣсно окружавшую гробъ толпу. Грѣшный человѣкъ! да проститъ мнѣ великая тѣнь мое увлеченіе!... Я началъ считать въ умѣ число лицъ, творившихъ крестныя знаменія о упокоеніи души усопшаго, и думалъ, что количествомъ ихъ успѣю разрѣшить возникшій въ умѣ моемъ вопросъ.

Сознаюсь, что это была фантазія болѣе, нежели странная; но что же въ жизни не подчинено подобнымъ случайностямъ фантазій?... Пока я мыслилъ и озирался во всѣ стороны, близъ гроба Гоголя показался мужчина съ длинными волосами. Студенты, стоявшіе толпою, съ почтеніемъ давали ему мѣсто; онъ оглянулся, и я въ мужественныхъ, благородныхъ чертахъ его узналъ своего пансіонскаго товарища Грановскаго.

При видѣ его, легкимъ, быстрымъ видѣніемъ, мгновенно въ памяти моей воскресъ другой образъ — образъ 18-ти лѣтняго юноши, съ IX томомъ „Исторіи Государства Россійскаго“ въ рукахъ и съ патріотическимъ одушевленіемъ глядящаго изъ оконъ дома Гусятникова на золотые верхи кремлевскихъ соборовъ, позлащенныхъ послѣ-полуденнымъ солнцемъ, въ то время, когда стада галокъ тучами и съ крикомъ метаются и унижаютъ собою и кресты Ивана Великаго, и шпили башень, и кровли храмовъ, и зданій кремлевскихъ. Другое мгновеніе представило мнѣ того же юношу стоящимъ за класснымъ столомъ между сидящими товарищами, и голосомъ, выходившимъ изъ груди, отвѣчающимъ на вопросъ законоучителя священника Арсенія Ивановича Тяжелова, изъ катихизиса; пронеслось и это мгновеніе, и снова предо мною бѣлыя зубчатая стѣна Кремля, и зелень лужаекъ кремлевскаго сада, и молодыми липками осѣненная дорога. По темному вечернему небу плыветъ серебряная луна, и тотъ же юноша съ двумя или тремя сверстниками идетъ по дорожкѣ; иду и я съ ними, и

жадно слушаю читаемые имъ вполголоса мелодическіе стихи Жуковского—изъ Шиллеровой „Орлеанской дѣвы“. И много и свѣтлыхъ, и дѣтски-тяжелыхъ, и забавно-комическихъ мгновеній быстро смѣнялись и замѣнялись мимолетными видѣніями, а я продолжалъ смотрѣть на Грановскаго, не разставаясь съ вопросомъ, внушеннымъ мнѣ собравшеюся толпою; и когда священникъ возгласилъ „упокой Господи душу усопшаго раба Твоего!“ и возгласъ этотъ повторилъ клиръ, я впился глазами въ знаменитаго профессора... И у меня отлегло какъ будто на сердцѣ, когда я увидѣлъ, что за упокой души Гоголя Грановскій перекрестился. Раздвигая толпу, я протѣснился къ нему. Онъ стоялъ въ это время у самаго гроба, куда, по обряду православныхъ, призывается всякій отдать усопшему послѣднее цѣлованіе. „Узнаете ли вы стараго товарища?“—спросилъ я, протягивая руку Грановскому. Онъ посмотрѣлъ на меня привѣтливымъ взоромъ: „Селивановъ! — сказалъ онъ, — вы Селивановъ?... что вы не повидаетесь со мною? гдѣ вы стоите?“ Около гроба въ это время началось сильное движеніе: лавровый вѣнокъ разрывали на части, и счастливъ былъ тотъ, кому удалось воспользоваться хотя однимъ листочкомъ на память о Гоголѣ.

— Я буду у васъ, сказалъ я.

— Пріѣзжайте.

Михайло Семеновичъ Щепкинъ накладывалъ гробовую крышку; толпа волновалась.

Въ слѣдующее воскресенье я пріѣхалъ къ Грановскому. Онъ квартировалъ въ приходѣ Харитонія-въ-Огородникахъ, и принялъ меня въ кабинетѣ, но, къ моему сожалѣнію, былъ не одинъ. Я нашелъ въ кабинетѣ двухъ или трехъ незнакомыхъ мнѣ посѣтителей и нѣсколькихъ студентовъ, обращавшихся къ Грановскому съ вопросами и съ просьбою книгъ. Занимаясь съ ними болѣе четверти часа, онъ не могъ посвятить мнѣ ни одной минуты. Наконецъ, онъ сѣлъ, припомнилъ со мною пансіонскую жизнь, поговорилъ о судьбѣ нѣкоторыхъ товарищей....

— Намъ бы собраться когда нибудь, воспитанникамъ Кистеровскаго пансіона; я это устрою. Гдѣ вы стоите?... Я дамъ вамъ знать. Я позову К...ра, васъ, найдемъ и еще кого нибудь.

Разговоръ этотъ былъ при нѣсколькихъ, молча слушающихъ, незнакомыхъ мнѣ лицахъ. Мнѣ было неловко. Я не могъ быть на распашку душою, какъ въ бывшее время, съ товарищемъ юности... Свидѣтели молчали; они какъ будто ожидали, чтобъ я скорѣе кончилъ, и я взялъ шляпу и, пожавъ крѣпко руку Грановскаго, вышелъ изъ кабинета, прощаясь „до свиданія“. Но свиданію этому, видно, суждено совершиться только въ будущей жизни. Дня черезъ три я долженъ былъ оставить Москву и, когда пріѣхалъ опять въ Бѣлокаменную, Грановскаго уже не было въ этомъ мірѣ.....

Изъ давнихъ воспоминаній ¹⁾).

Что за чудная улица была наши Ольховцы! Мнѣ кажется, что въ цѣлой Москвѣ такой улицы теперь не приищешь: всегда суха, а мостовой нѣтъ. Да и зачѣмъ быть мостовой, когда песокъ сыпучій? Пеперекъ улицы протекаетъ рѣчка, черезъ которую перекинутъ деревянный мостокъ съ некрашенными перилами. Рѣчка эта беретъ начало изъ Краснаго пруда, и, Богъ ее знаетъ, какъ она называется; но, протекая многія усадьбы и наполняя собою зеркальные пруды, въ которые глядѣлись роши ольхъ, липъ и березъ въ уединенныхъ садахъ, впадаетъ въ тихоструйную Язу.

Въ будни, тишина на улицѣ была не возмутимая: проѣдетъ телѣга, провезутъ бревна или доски изъ лѣсного ряда.... но по песку, что по коври — не прогремитъ колесо, не дребезжитъ телѣга. Только на рѣчкѣ, возлѣ моста, раздаются, бывало, мѣрные удары валька по тряпью, всполаскиваемому босоногой бабой въ ситцевомъ, съ крупными цвѣтистыми разводами, фартукѣ и съ засученными высоко рукавами. Проходя, бывало, по улицѣ, я любилъ заглядывать въ щели стараго, потемнѣвшаго дощатаго забора, съ кирпичными выбѣленными столбами, тянувшагося почти въ длину всей улицы, и съ наслажденіемъ любовался прудомъ, кое-гдѣ подернувшимся зеленью и окруженнымъ старыми липовыми аллеями. Мнѣ казалось, что тамъ обитаетъ какой-то особенный міръ: тамъ, во множествѣ, вили гнѣзда грачи, стаями порхали, чирякая, воробы и щебетали другія птички.

¹⁾ Воспоминанія эти были напечатаны въ Русскомъ Архивѣ за 1869 годъ, стр. 153—174.

У корней деревь и по лужайкамъ цвѣли ландаша и кучами синѣли незабудки. Кое-гдѣ въ аллеяхъ еще стояли чугунныя, покрытыя ржавчиною, статуи Цереръ и Юнонь, а по срединѣ сада возвышался одноэтажный домъ съ флигелями, — остатокъ барственной роскоши временъ Екатерининскихъ; но домъ и флигеля давно уже были въ запустѣніи.

Домовъ на улицу глядѣло не много: первой, другой — да и обчелся. Возлѣ нашего дома коротенькій переулокъ выходилъ въ поле къ Красному пруду, поросшему по краямъ кугою и айромъ, и къ длиннымъ низкимъ сараямъ Полеваго двора. Теперь все это поле застроено станціями желѣзныхъ дорогъ, и тамъ, гдѣ почти непрерывно, въ продолженіи сутокъ, слышится адскій визгъ локомотивовъ, тогда, невозмутимая тишина ночей нарушалась только, изрѣдка протяжными, окликами часовыхъ у Полеваго двора, крикомъ дергача въ густой травѣ, да гармоническимъ кваканьемъ болотныхъ лягушекъ.

Да, на Ольховцахъ было домовъ немного, это правда; но общество было, и это общество, обитавшее на Ольховцахъ и въ близъ лежащей Красносельской улицѣ, составляло свой кругъ, не нуждавшійся въ дальнѣйшемъ развитіи и довольный собою.

Эготъ кругъ хотя и обиталъ, въ географическомъ отношеніи, въ Москвѣ — первопрестольной столицѣ, но сохранялъ во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ характеръ простоты чисто сельской, — характеръ дворянъ помѣщиковъ. Обширные дворы, поросшіе травой, пространные сады и огороды при усадьбахъ, большое количество лошадей въ конюшняхъ, коровы, домашняя птица и многолюдныя женатыя дворни, сильно напоминали деревню. Прибавьте къ этому немощенную улицу, да собственные покосы на захваченныхъ пустошахъ Сокольничьяго поля и близъ громовыхъ колодѣзей, и тогда вы не удивитесь, что и въ нравахъ этого уголка Москвы не было ничего такого, что давало бы хоть малѣйшій намекъ о затѣяхъ и приличіяхъ, такъ называемаго, большого свѣта. Не думайте, однакожъ, чтобъ обитатели этого края были такъ кто-нибудь; напротивъ, — это, по большей части, были столбовые дворяне, имѣвшіе значительныя помѣстья, но жившіе тихо, тихо, жившіе для себя и считавшіе душевное и тѣлесное спокойствіе безцѣннымъ.

сокровищемъ, цѣлью жизни. Лѣтнимъ вечеркомъ, бывало, выдетъ кто-нибудь и сядетъ на улицѣ на лавку у своихъ воротъ. Увидитъ это сосѣдъ, другой, третій, подойдутъ—и возлѣ воротъ соберется кружокъ; разговоръ длится долго, спокойно, и не видать, какъ уходитъ время, и только пора ужинать разведетъ бесѣдующихъ по домамъ. Иногда двое или трое такихъ сосѣдей, говоря о качествахъ лошадей, перейдутъ къ четвертому на его конюшню, прямо, не заходя въ домъ,—навѣстятъ обитателей стойловъ, долго разсуждаютъ тамъ съ кучеромъ, перейдутъ оттуда въ каретный сарай, уйдутъ, а хозяинъ и не знаетъ, что у него на дворѣ были гости.

Не смотря на эту общую простоту нравовъ, они, т. е. обитатели Ольховцевъ, не были такъ однообразны, какъ люди нынѣшняго вѣка; напротивъ, каждый изъ нихъ былъ, болѣе или менѣе, въ своемъ родѣ оригиналь.

Вотъ хоть бы, напримѣръ, *Лавръ Львовичъ Демидовъ*,—господинъ сложенія сухоощаго, немолодой лѣтами, но прямой, что называется проглотилъ аршинъ. Всегда въ сѣромъ фракѣ съ обтяжными пуговицами, на узкихъ панталонахъ, въ англійскихъ съ раструбами салогахъ, и ходящій твердо и быстрою походкой..... У него въ домѣ, и во всемъ хозяйствѣ, и въ особенности въ конюшнѣ, порядокъ, порядокъ, и экономія, и чистота.... и если чистоту эту невѣжливо нарушала муха, то и тогда неизбежно было, если не взысканіе съ домочадцевъ, то ужъ выговоръ, строгій выговоръ. А объ пыли и не говорите..... нигдѣ!.... На дворѣ всегда бѣгало съ дюжину маленькихъ шавокъ-позвонковъ; бѣленькія-косматыя, совершенно одна въ одну, и привѣтствовали каждого, входящаго въ калитку, такимъ звонкимъ, учащеннымъ лаемъ, и вертѣлись около него такъ быстро и дружно, хотя и безъ малѣйшаго вреда, что заставляли невольно остановиться и выждать, когда, на лай собаченокъ, выйдетъ кто-нибудь изъ всегда-запертыхъ дверей дома—посмотрѣть, кто пришелъ. Ворота рѣшетчатаго забора съ улицы всегда были затворены, и отворялись только тогда, когда хозяинъ, въ удовлетвореніе своей страсти „къ лошадамъ“, выѣзжалъ или верхомъ, или лѣтомъ на бѣговухъ дрожкахъ, а зимою въ санкахъ, прокатиться, проматъ

застоявшуюся лошадь, что дѣлалось попеременно, каждый день по нѣсколько разъ.

Лѣтній костюмъ его для верховой ѣзды состоялъ изъ куртки сѣраго сукна, панталонъ въ обтяжку въ сапоги и круглой шляпы на головѣ. Зимой надѣвалась длинная куртка на лисьемъ мѣху, теплый ваточный картузъ, а на ногахъ бѣлые, вязанные, знаете, лохматые женскіе сапоги... Последнее было нѣсколько смѣшно для другихъ, но для Лавра Львовича это было все равно: онъ жилъ для-себя.

На страстной недѣлѣ, всѣ обитатели Ольховской улицы ходили къ службамъ въ приходскую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы—говѣли. „Вы развѣ не говѣете?“—спросилъ мой отецъ Лавра Львовича, когда возвращался отъ обѣдни, и встрѣтивъ его на улицѣ, гонявшаго на кордѣ лошадь. „Нельзя-съ“ отвѣчалъ онъ: „у меня-съ три лошади стоятъ съ развязанными на блоки хвостами, англезируются-съ. Это очень опасно-съ, хвостъ можетъ зарости на сторону-съ..... я изъ конюшни почти и не выхожу-съ..... тамъ я и сплю, и чай пью-съ и обѣдаю..... Чтожъ-съ, пойдешь въ церковь, будешь думать о хвостахъ..... нельзя-съ.....“

Когда открылась Николаевская желѣзная дорога, что было много лѣтъ спустя описываемаго мною времени, и изъ всѣхъ обитателей Ольховцевъ едва ли не онъ одинъ оставался еще въ живыхъ и не покидалъ этой богоспасаемой улицы..... и Лавръ Львовичъ выѣхалъ посмотрѣть на невиданное движеніе. Сталъ на полверсты отъ дебаркадера, возлѣ дороги, на ровномъ мѣстѣ, и когда тронувшійся поѣздъ поровнялся съ нимъ, онъ пустился скакать въ перегонку. „Нѣтъ-съ, не обгонишь“, говорилъ онъ послѣ, „не обгонишь-съ. Лошадь, знаете, устаетъ, а машина идетъ себѣ все шибче-съ и шибче“.

Но несравненно интереснѣе была личность *Поздњева*. Домъ его былъ каменный, неопредѣленной, уродливой архитектуры, съ тоненькими деревянными колонками, съ высокой тесовой крышей, съ ветхими рамами въ окнахъ, съ обвалившейся штукатуркой, и выкрашенный густо, но пятнами, желтой краской. Впрочемъ, обо всемъ этомъ хозяинъ мало заботился; духъ его былъ занятъ другимъ. Онъ былъ старикъ лѣтами, съ лицомъ некрасивымъ, собой черноватый и рябой, но съ добродушнымъ и кроткимъ выра-

женіемъ въ чертахъ. Поступь скромная, тихая; одѣтъ онъ былъ всегда въ мундирномъ сюртукѣ отставного моряка, и мало ектился съ сосѣдями. Чаше всего онъ встрѣчался въ церкви, потому что былъ очень богомоленъ. Его окружала какая-то таинственность. Онъ былъ масонъ и стоялъ во главѣ Московскихъ масоновъ высшаго круга: его они считали святымъ. Разъ на страстной недѣлѣ, между заутренней и обѣдней, когда всѣ, оставшіеся въ церкви, присѣли отдохнуть, и мнѣ не было мѣста, онъ посадилъ меня возлѣ себя. Я былъ лѣтъ девяти. Говоря со мною о томъ, о семъ, онъ спросилъ меня вдругъ: „гдѣ присутствіе души въ человѣкѣ?“ Я подумалъ,—и отвѣчалъ, что душа въ головѣ, потому-де что всякое разсужденіе творится въ мозгу. Онъ улыбнулся. „Нѣтъ,—сказалъ онъ,—душа въ крови“. И въ подкрѣпленіе этого привелъ текстъ, кажется, изъ какого-то псалма, но изъ какого — рѣшительно не помню. Когда онъ умиралъ, къ нему собрались всѣ маносы и бредъ его агоніи записывали, какъ пророчество.

Позднѣе я видѣлъ въ одномъ домѣ, съ которымъ я былъ знакомъ, гдѣ хозяинъ тоже былъ масонъ и находился при кончинѣ Поздѣева, картину послѣднихъ его минутъ, снятую съ натуры. Въ большихъ волтеровскихъ креслахъ сидитъ въ халатѣ умирающій. Передъ нимъ столъ, покрытый скатертью, а на столѣ икона Пречистой и Распятіе. Передъ святыней горятъ въ высокихъ подсвѣчникахъ свѣчи. Потухающіе взоры умирающаго обращены на святое изображеніе. Масоны свидѣтели происшествія, тихо группируются въ комнатѣ въ разныхъ положеніяхъ, а за высокою спинкою креселъ, приложивъ ухо, стоитъ Григорій Николаевичъ Коробынъ, извѣстный въ свое время членъ Московскаго Общества С. Хозяйства, агрономъ, и человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ: человѣкъ далеко опередившій свое время.

Третій сосѣдъ нашъ былъ *Андрей Николаевичъ Соковнинъ*. Этотъ человѣкъ иного покроя. А. Н. воспитывался въ вѣкѣ Екатерины въ пажескомъ корпусѣ, потомъ служилъ въ Кирасирскомъ великолѣпнаго князя Потемкина полку, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ былъ съ молодю знакомъ съ моимъ отцомъ и если не было дружбы искренней, задушевной, то знакомство ихъ восхо-

дѣло ко временамъ ихъ воспитанія въ Петербургѣ. Андрей Николаевичъ былъ членомъ Московскаго Человѣколюбиваго Общества и впослѣдствіи былъ избранъ въ вице-президенты этого Общества. Имѣлъ на шеѣ Владиміра и въ петлицѣ Анну, держалъ себя съ достоинствомъ, какъ подобаетъ истинному президенту. Съ чиновниками обращался гордо, говорилъ имъ: ты, братецъ, сударь,..... и все это такъ величественно. Домикъ его былъ не великъ, комнатки маленькія, но теплыя и убранныя чисто. Я любилъ съ батюшкою ходить къ Андрею Николаевичу, сидѣть съ ними—и слушать воспоминанія прошлаго, касательно ихъ воспитанія въ корпусахъ (батюшка воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ), о службѣ ихъ и о блаженныхъ временахъ Екатерининскихъ. Съ полчаса спустя, послѣ чаю, Андрей Николаевичъ, бывало, посмотрѣвъ на меня, говаривалъ: „Молодому-то человѣку съ нами скучно, надобно позабавить его“, и, сказавъ это, выходилъ въ дверь, сдѣланную въ видѣ шкафа, драпированнаго зеленою тафтою, въ свою спальню, и оттуда выносилъ глубокую тарелку, наполненную черносливомъ, винными ягодами, пряниками, изюмомъ, разными орѣхами и конфектами, и ставилъ предо мною. Разумѣется, я былъ доволенъ очень, слушалъ и ѣлъ, ѣлъ и слушалъ. Еслибъ я былъ одаренъ острой памятью, я бы разсказалъ много забытаго и незамѣченнаго другими, или непереданнаго современниками Екатерины; но, къ несчастію, я былъ еще слишкомъ молодъ, слушалъ все, какъ сказки и, подъ вліяніемъ молодого поколѣнія, на стариковъ и на разсказы ихъ смотрѣлъ ужъ какъ на что-то младенческое, не стоящее большаго вниманія. Я не понималъ еще интереса всего мною слышаннаго и теперь съ грустью воспоминаю о своей глупости.

— И нашъ мундиръ былъ по моему очень красивъ,—говаривалъ мой отецъ:—бирюзовые лацканы и воротникъ....

— Ну что вашъ мундиръ гарнизонный?!—перебивалъ Андрей Николаевичъ (батюшка служилъ въ Архаровскомъ полку),—какой ужъ мундиръ! гвардейскіе мундиры, или хоть бы нашъ Кирасирскій князя Потемкина полка—такъ, дѣйствительно были богаты. Этотъ полкъ считался собственною гвардіею Князя: на него онъ не жалѣлъ никакихъ расходовъ. Сверхъ кирасы надѣвался красный суконный

супервейсъ съ вышитыми на груди и на спинѣ серебромъ орлами. Лошади тысячныя, а что за народъ то?..... гиганты!.....

— Тогда и въ корпусѣ одѣвались хорошо,—продолжалъ отецъ;—офицеры носили по два золотыхъ шарфа чрезъ оба плеча крестъ на крестъ, съ большими кистями (и отецъ мой разводилъ при этомъ руками, показывая величину колоссальныхъ кистей). Особенно мнѣ нравились кадеты-егеря, зеленые курточки подъ цвѣтъ травы, кругленькая шляпа съ зеленымъ перышкомъ. Бывало, залягутъ въ траву, такъ отъ травы ихъ не отличишь,—и при дальнѣйшемъ рассказѣ рѣчь заходила о разницѣ между современнымъ (при Александрѣ I-мъ) корпуснымъ воспитаніемъ и воспитаніемъ при Великой Екатеринѣ, подъ отеческимъ, нѣжнымъ и благороднымъ надзоромъ графа Ангальта.

— Когда отвозилъ моихъ дѣтей въ корпусъ, я ужаснулся той переменѣ, какую я нашелъ теперь. Куда дѣвалась вѣжливость, благородное обращеніе! У насъ наказаніе розгами было вещь рѣдкой, а тутъ каждый офицеръ деретъ, когда ему вздумается. Стыдъ наказанія пропалъ,—разницы между кадетомъ и солдатомъ не стало. Невѣжество, необразованность..... такъ ли было въ наше время?... Бывало, графъ Ангальтъ, если случится какаянибудь шалость, онъ не разыскивалъ преступника. Онъ созывалъ кадетъ, говорилъ имъ объ обязанности, о правилахъ человѣка, говорилъ, что онъ не хочетъ даже знать того, кто пятнаетъ званіе кадета, пятнаетъ свое доброе имя; говорилъ долго, возбуждалъ въ кадетяхъ слезы умиленія, и можно было ручаться за то, что, по окончаніи его рѣчи, кадеты сами расправятся и крѣпко оттаскаютъ преступника. Маленькіе кадеты были на попеченіи у женщинъ; одѣты были въ курточки кофейнаго цвѣта и, переходя отъ возраста къ возрасту, постепенно мѣняли и платья и образъ занятій. Въ одной изъ залъ была устроена библіотека; на столахъ лежали всевозможныя книги на иностранныхъ языкахъ; разумѣется, были и Русскія, но очень мало. Книги эти придѣланы были къ столамъ, такъ что можно было ихъ читать, но унести было нельзя. Разумѣется, кадеты болѣе рвали, нежели читали и когда графъ Ангальтъ видѣлъ, что книга изорвана, говаривалъ бывало,—что его „очень радуетъ, что

кадеты такъ любятъ чтеніе и такъ часто упражняются въ этомъ занятіи, что книга изорвалась отъ частаго употребленія“.... и тутъ же приказывалъ изорванную книгу замѣнить новою.

— Кромѣ фехтованія, верховой ѣзды и другихъ гимнастическихъ упражненій было въ корпусѣ особое зданіе для *Jeu de fraiche*, и для этой игры кадеты одѣвались въ особую легкую одежду и, какъ мнѣ помнится, въ желтыя нанковыя курточки. Графъ Ангальтъ наблюдалъ за наклономъ всякаго кадета. Вотъ, на примѣръ,—говорилъ мой отецъ:—я всегда имѣлъ любовь къ садоводству, и графъ Ангальтъ сдѣлалъ меня Директоромъ корпуснаго сада; я былъ и кадетъ „ Директоръ не по одному названію, а съ полной свободой распоряженій. Въ саду я своими руками вырылъ бесѣдку или гротъ. Бесѣдка эта состояла изъ ямы, которая по краямъ обсажена была кустами, а въ срединѣ былъ устроенъ круглый столъ изъ дерна. Графъ Ангальтъ часто посѣщалъ мою бесѣдку и разъ, заставъ меня съ товарищами вокругъ стола, прозвалъ меня *chevalier de table ronde*. Лѣтними утрами онъ часто пріѣзжалъ въ корпусъ, и когда выходилъ прогуляться въ садъ, я обязанъ былъ встрѣтить и привѣтствовать его въ качествѣ Директора рѣчью на французскомъ языкѣ, на тему о садѣ, о пользѣ и пріятности садоводства и пр. Я никогда не обладалъ хорошою памятью, и начавши рѣчь: *Votre Excellence*, скоро заикался.... и тогда графъ Ангальтъ, обращаясь къ моему помощнику Лисенкѣ, говорилъ: *Lisenco, continuez*, и Лисенко окончивалъ рѣчь. Вся каменная, оштукатуренная стѣна кругомъ сада была расписана разными предметами изъ натуральной исторіи, разными геометрическими, алгебраическими и арифметическими задачами, шарами на французскомъ и русскомъ языкахъ, и дѣльными и пустыми, но постоянно занимавшими кадетъ. Стѣна эта называлась *Muraille Parlante*; помню я, что на этой стѣнѣ были изображены всѣ народы земного шара въ ихъ національныхъ одеждахъ, и между европейскими народами, одинъ былъ изображенъ голымъ съ кускомъ сукна въ рукахъ. Острякъ живописецъ, расписывавшій стѣну, на вопросъ графа Ангальта, что это значитъ, отвѣчалъ: „это я написалъ Француза, и такъ какъ у нихъ мода ежедневно мѣняется, то въ настоящее время я не знаю,

какого покроя Французы носятъ свое платье“. На этой же стѣнѣ, по приказанію графа Ангальта, нарисованы были его похороны: кадеты несутъ гробъ, а могилу ему роютъ кролики. Что за мысль была сочинить такую картину, Богъ его знаетъ.

— Какъ любитель садоводства, я дѣлалъ выписки изъ ботаническихъ книгъ, записывалъ, что могъ услышать по этому предмету, переводилъ съ французскаго все, что касалось до садоводства, и такимъ образомъ составилось у меня нѣсколько довольно толстыхъ тетрадей. Графъ Ангальтъ узналъ объ этомъ, велѣлъ тетради мои переплестъ въ кожаный корешокъ и подарилъ мнѣ. На переплетѣ вытѣсненъ золотой орелъ, листы съ золотымъ обрѣзомъ, а на корешкѣ напечатано золотомъ: „Новый совершенный Русскій садовникъ“, и моя фамилія ¹⁾).

— На здоровье кадетъ обращалось особенное вниманіе, и потому разъ каждый мѣсяцъ, и уже непременно всѣмъ поголовно, давали чистительное. Чтобы кадеты не сопротивлялись и не было бы имъ противно принимать лекарство, чистительное имъ давали въ разварномъ черносливѣ, который очень часто подавали намъ въ ужинѣ въ видѣ супа. Ничего не подозрѣвая, кадеты ѣли сладкое кушанье... и только ужъ ночью, когда начиналась страшная бѣготня по галлереймъ, догадывались, что надъ ними подшутили.

— Графъ Ангальтъ былъ нѣсколько педантъ. Одѣвался всегда въ Пруссскій мундиръ и имѣлъ длинную косу. Одна ботфорта была со шпорой, другая безъ шпоры. Вотъ какъ объясняли это. Когда Фридрихъ Великій потерялъ сраженіе при Коллинѣ, то, повстрѣчавъ при отступленіи графа Ангальта, который командовалъ какою-то частью его войскъ, сказалъ: *Sie haben ein Spor verloren!* Графъ Ангальтъ, въ память словъ его, скинулъ одну шпору, и уже не надѣвалъ ее.

— Онъ былъ безъ руки, потерявъ ее въ сраженіи; но это нельзя было почти замѣтить, такъ хорошо была сдѣлана искусственная рука на пружинѣ, которую онъ то держалъ впереди, то отбрасывалъ въ сторону, ударивъ ее нѣсколько разъ другою рукою по искусственнымъ пальцамъ въ перчаткѣ, въ которыхъ держалъ золотую табакерку съ

¹⁾ Книга эта теперь хранится у меня. А. С.

табакомъ. При прїѣздѣ его въ корпусъ, кадеты встрѣчали его съ восторгомъ и любовью. *Bon jour, mes enfants, bonjour, mes enfants; il est temps de se lever!* кричалъ онъ, проходя по спальнямъ, если случалось прїѣзжать рано утромъ; и, конечно, тѣ, которые еще хотѣли спать, особенно шалуны, при этомъ случаѣ начинали его ругать: Чортъ тебя принесъ! ишь тебѣ не спится и пр.... Иногда графъ слышалъ это, но, какъ будто не понимая по русски, оставался и ласковъ и привѣтливъ. Разъ шалуны на *Muraille Parlante* нарисовали портретъ Ангальта въ каррикатурѣ, съ огромнымъ краснымъ носомъ и предлинною косою. Графъ, проходя мимо, остановился, долго смотрѣлъ и обратился къ провожавшимъ его офицерамъ и кадетамъ, сказалъ: „Какъ мнѣ прїятно, что меня такъ любятъ кадеты, что даже нарисовали мой портретъ, чтобы чаще видѣть меня хоть въ изображеніи. Мнѣ это очень, очень прїятно. Пожалуйста не стирайте и не велите стирать!...“ и чтожъ? кадеты со слезами, какъ милости, просили графа, чтобы позволилъ стереть.

Да что ужъ говорить о графѣ Ангальтѣ: — сама-то Императрица, бывало, какъ прїѣдетъ въ корпусъ, маленькіе кадеты бросались къ ней, какъ къ матери, лѣзли къ ней на колѣни, когда она садилась въ кресла, чтобы отдохнуть, и она была такъ милостива, что ласкала ихъ и ни подъ какимъ видомъ не позволяла ихъ отъ себя отгонять.

Учителя у насъ, говорилъ отецъ, были самыя лучшіе во всемъ Петербургѣ; вотъ хоть, напримѣръ, Княжнинъ — писатель училъ насъ словесности. Княжнинъ одѣвался очень скромно, но необыкновенно чисто и опрятно; руки у него были полныя, бѣлыя и замѣчательно красивы. Кадеты чрезвычайно его любили и уважали.

— Однако, какъ слышно было, и онъ не миновалъ рукъ Шишковскаго?

— Кадеты узнали это и сговорились отомстить, сговорились высѣчь Шишковскаго. Случай скоро открылся. Не помню по какому только случаю, — было ли это гулянье — только Шишковскій появился у насъ въ саду; какъ теперь помню его небольшую мозглявую фигурку, одѣтую въ сѣрый сюртучекъ, скромно застегнутый на всѣ пуговицы, и съ заложенными въ карманы руками. Человѣкъ 40 кадетъ нарѣзали жидкихъ хлыстовъ, заткнули ихъ подъ

спинки мундировъ и стали слѣдить Шишковскаго въ аллеяхъ сада. Вѣроятно онъ замѣтилъ что-нибудь недоброе, сталъ торопливо пробираться къ воротамъ и уѣхалъ. Когда онъ вышелъ изъ воротъ, кадеты, видя свою неудачу, выхватили хлысты и, махая въ воздухъ, кричали ему въ догонку: „Счастливъ твой Богъ, что ушелъ“.

— А у насъ, перебилъ Андрей Николаевичъ, въ Пажескомъ корпусѣ его таки и высѣкли, какъ слѣдуетъ высѣкли: поймали, растянули и высѣкли розгами. Государыня была очень недовольна. Нѣсколько пажей наказали жестоко и исключили изъ корпуса. Страшный человѣкъ былъ этотъ Шишковскій; бывало, подойдетъ такъ вѣжливо, такъ ласково, попроситъ пріѣхать къ себѣ объясниться.... да ужъ и объяснится!....

— Конечно, страшный человѣкъ, а все таки,—проговорилъ мой отецъ,—при Екатеринѣ какъ-то всѣ были довольны и забывали даже и объ Шишковскомъ. Вотъ хоть бы опять обращусь къ корпусу. Послѣ графа Ангальта, директоромъ корпуса былъ слѣланъ Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ. Переворотъ былъ такъ крутъ, жестокія наказанія сдѣлались до того невыносимы, что, какъ я слышалъ, двое кадетъ бросились изъ оконъ съ верхняго этажа на мостовую и, конечно, расшиблись до смерти.

— Екатерина была мудрая Государыня—говорилъ Андрей Николаевичъ.—И странная вещь: когда она скончалась, и вѣсть эта дошла до Москвы, съ какою радостью вся знать поѣхала въ Петербургъ съ поздравленіемъ къ новому Императору. Поѣхали-то туда, Богъ вѣсть, съ какими надеждами, а возвратились съ опущенными головами....

— Да, помню.... какже.... помню,—говорилъ мой отецъ:—съ кончиною Императрицы все пошло на вонтараты. Служба при Екатеринѣ была спокойная: бывало, отправляясь въ караулъ (тогда въ караулѣ стояли безсмѣнно по цѣлымъ недѣлямъ), берешь съ собою и перину съ подушками, и халатъ, и колпакъ, и самоваръ. Пробьютъ вечернюю зорю, поужинаешь, раздѣнешься и спишь, какъ дома. Въ особенности мнѣ нравилось стоять въ караулѣ у главнокомандующаго князя Прозоровскаго, который лѣтомъ всегда жилъ въ Петровскомъ. Встанешь, бывало, съ солнцемъ и пойдешь себѣ, не одѣваясь, а такъ въ халатѣ и колпакѣ,

въ лѣсъ за грибами. Я это очень любилъ. Чай, кофе, завтракъ, все приносилось на гаубтвахту отъ князя, а обѣдать караульные офицеры всегда приходили къ нему. Смѣшно вспомнить, какъ я, по неопытности, раза два попалъ въ просякъ на этихъ обѣдахъ. Былъ, видишь ли ты, какой-то постный день, когда я, по обыкновенію, обѣдалъ у князя. Подаютъ кушанья, я вижу скоромное и отказался, и думалъ, что никто не замѣтитъ, но князь замѣтилъ, понялъ причину и со всевозможной заботливостію приказалъ подавать мнѣ постное. Я сильно сконфузился, да дѣлать было нечего. Тѣмъ же лѣтомъ случилось мнѣ опять быть въ караулѣ у Прозоровскаго. Это было уже Успенскимъ постомъ. Когда сѣли за столъ, подходятъ ко мнѣ челоуѣкъ и спрашиваетъ, что я кушаю—постное или скоромное? Ну теперь буду умнѣе, думаю себѣ, и чтобы снова не отличиться отъ другихъ, отвѣчалъ: скоромное. Вотъ мнѣ и подали скоромное,—а я.... глядь.... другимъ-то всѣмъ подаютъ и рыбу и уху,—всѣ ѣдятъ постное.

— Да, со вступленіемъ на престолъ государя Павла, служба сдѣлалась тяжелая, строгая, а мундиры при Павлѣ все-таки много были удобнѣе и покойнѣе теперешнихъ ¹⁾. Теперь несчастнаго солдата тянутъ, тянутъ, такъ что жалко смотрѣть; а тогда мундиры были широкіе, просторные, съ запасомъ и застегивались по сезонамъ. Въ зимній сезонъ подъ мундиръ надѣвался полушубокъ и лацканы были застегнуты на всѣ пуговицы. Чтобы мундиръ спокойно надѣвался на полушубокъ, по швамъ выпускались запасы. Весною полушубокъ снимался, запасы ушивались, лацканы отворачивались, хотя и оставались застегнутыми на всѣ крючки. Также и осенью. Въ лѣтній сезонъ лацканы были стянуты на серединѣ груди только крючка на два или на три. По моему, это было очень хорошо; но за то ужъ букли, да косы доходили несчастныхъ солдатъ. Бывало, когда готовятся въ караулъ, или въ парадъ, еще съ вечера начнется причесываніе головъ; сколько сала вымазывалось, сколько муки высыпалось на головы! Для солдатъ, вмѣсто пудры, отпущкалась простая ржаная мука. Причешется солдатъ съ

¹⁾ Рассказъ относится ко времени Александра I-го (началу 20-хъ годовъ).

вечера, и ужъ всю ночь лечь ему нельзя: спать сидя, чтобы не измять буклей. Много бывало случаевъ, что и крысы отъѣдали косы у сонныхъ. Особенно чаще всего случалось это несчастіе въ Красныхъ казармахъ: такая тамъ была бездна крысъ. Безобразны и неудобны до крайности были также на солдатахъ огромныя треугольныя шляпы. Бывало, на ученье скомандуютъ на плечо, или пойдутъ въ штыки бѣглымъ шагомъ, такъ шляпы и летятъ съ головъ. Нарочно наряжались команды для подбيرانія шляпъ.

— А помнишь ты,—спросилъ Андрей Николаевичъ,—когда послѣдовало повелѣніе, чтобы всѣ, встрѣчавшіеся съ Императоромъ на улицѣ проѣзжающіе выходили изъ экипажей?

— Какъ не помнить! Мущины должны были выходить совсѣмъ на мостовую, а дамамъ дозволялось становиться на приступкѣ.... Сколько изъ этого и смѣху-то и горя было!!

— Разъ, ѣдемъ мы съ матушкой въ каретѣ, вдругъ челоуѣкъ кричитъ намъ: Государь ѣдетъ, Государь ѣдетъ! Кучеръ остановилъ лошадей, лакей отворилъ дверцы и откинулъ приступки;... и матушка блѣдная, дрожащая бросилась вонъ и сѣла на приступкѣ. Я кричу матушкѣ: пустите, матушка, пустите! а она сидитъ, какъ мертвая.—Я вижу, что дѣло-то плохо, перепрыгнулъ черезъ нее и сталъ во фронтъ. Къ счастью, это былъ не Государь, а пустой экипажъ съ конвоемъ.

— А Далеко-то, Далеко-то, помнишь его?

— Далеко? какой же это Далеко?—говорилъ Андрей Николаевичъ, припоминая бывшее.—Далеко-вотъ что училъ у твоихъ Нестеровыхъ музыкѣ и пѣнію Варвару Александровну? Какъ же.... помню.... помню! Онъ всхлебнулъ горячку отъ такой встрѣчи“.

— Какимъ же это образомъ?

— Вотъ это какъ. Ъхалъ онъ на дрожкахъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ давать уроки (онъ всегда одѣвался щегольски).... а было очень грязно.... Вдругъ у Красныхъ Воротъ на встрѣчу ему Государь. Онъ глядь,—грязно. Башмаковъ марать не захотѣлось, онъ и сталъ на приступочкѣ дрожекъ по дамски. Это увидѣли, сочли за неуваженіе и приказали обвести Далеко кругомъ Красныхъ Во-

ротъ по колѣна въ грязи три раза. Разумѣется ужъ, послѣ этого было не до уроковъ: возвратился домой, да и слегъ.

— А дядюшку Сергѣя Николаевича такъ, кажется, и по-сѣкли въ Тайной. Бѣдный старикъ, послѣ того былъ такъ напуганъ, что если слышитъ, бывало, колокольчикъ, такъ и затрясется и поблѣднѣетъ. Все ему казалось, что фельдъегерь ѣдетъ взять его. Да тогда и не онъ одинъ приходилъ въ ужасъ и блѣднѣлъ при звукѣ колокольчика.... Смѣшно,—когда къ нему прѣхалъ Эртель, чтобы отвезть его въ Тайную. Чего онъ тутъ не общалъ; и корову-то англійскую, и какихъ, какихъ подарковъ не общалъ, а какъ выпустили, такъ и обманулъ!

— Да за что же его взяли въ Тайную?

— Лакей донесъ, что онъ говорилъ о курносыхъ. Богъ знаетъ, какъ и объяснить это? вѣдь сердцемъ-то Павелъ былъ предобрый и превеликодушный. Вотъ какой, напримѣръ, случай былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, когда Государь узналъ моего батюшку-тестя и полюбилъ его. Когда Государь изволилъ ѣхать по Нижегородской губерніи, то на пути къ Нижнему — на гатяхъ, проложенныхъ по болотамъ — встрѣтили Государя огромныя толпы народа и, при приближеніи экипажа, упали всѣ на колѣна. Государь приказалъ остановиться, вышелъ изъ экипажа и милостиво спросилъ, чего они отъ него просятъ? Защити, Государь! кричалъ народъ. Исправникъ замучилъ насъ совсѣмъ: поголовно и день и ночь работали на дорогѣ; дома свои позабыли, какъ стоятъ. Государь страшно вспыхнулъ.— Гдѣ исправникъ? подать его сюда! — Исправникъ ни живъ, ни мертвъ явился предъ разгнѣваннымъ Государемъ, блѣдный, трепещущій, оправдываться ужъ куда тебѣ, и не думалъ.— Повѣситъ его сейчасъ... вскричалъ Государь... повѣситъ на первой соснѣ! Всѣ были въ ужасѣ. Исполненіе должно было послѣдовать немедленно, но кто-то изъ приближенныхъ къ Императору осмѣлился замѣтить, что по законамъ русскимъ безъ суда не наказуютъ. Народъ также, какъ услышалъ такой приговоръ, приступилъ къ Государю съ моленіемъ о милости: говорили, что исправникъ до нихъ всегда былъ добръ, но что онъ и самъ подъ началомъ, и Государь взмилостивился.

По прїѣздѣ въ Нижній Новгородъ, Государь былъ сильно недоволенъ губернаторомъ, и когда всѣ почетныя лица изъ служащихъ въ городѣ были приглашены къ столу Государя, губернаторъ приглашенъ не былъ. Батюшка-тесть въ то время командовать въ Нижнемъ гарнизоннымъ батальономъ, и хотя былъ только въ чинѣ маіора, однако удостоился и онъ чести быть тоже приглашеннымъ. За столомъ Государь вспомнилъ о губернаторѣ... глаза засверкали и изъ устъ раздались гнѣвные рѣчи... Всѣ молчали, потупя глаза, никто не смѣлъ взглянуть на Государя. Одинъ только батюшка-тесть рѣшился говорить. Государь! сказалъ онъ,—корабль, пускающійся по волнамъ морскимъ всегда надѣется достигнуть желанной пристани; но достигнетъ-ли онъ ее, Богу только извѣстно; одна буря, и корабль разбитъ о подводный камень. Также и нашъ достойный губернаторъ думалъ сдѣлать тебѣ угодное, и вмѣсто милости, заслужилъ гнѣвъ. Прости меня, Государь, за мое дерзкое слово!

Всѣ присутствовавшіе еще болѣе потупили глаза, всѣ съ трепетомъ ожидали новаго порыва гнѣва... Нѣсколько секундъ длилось томительное молчаніе. Государь съ удивленіемъ озиралъ маіора, смотрѣвшаго на него съ покорностію и спокойствіемъ честнаго человѣка.

— Ты добрый старикъ, сказалъ Государь... спасибо тебѣ. Есть у тебя сыновья?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество! у меня только дочери.

— Ну все равно: когда у тебя будетъ зять, отдай его мнѣ.

Скоро послѣ того, Архаровъ впалъ въ немилость, а батюшка-тесть сдѣланъ былъ шефомъ 10-ти батальоннаго Московскаго гарнизоннаго полка, и до конца жизни Государь не измѣнилъ къ нему своего благоволенія.

— Ну, ты и не воспользовался милостію Государя, когда женился на Александрѣ Петровнѣ?—спросилъ Андрей Николаевичъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мой отецъ,—я женился, а Государя не стало. Такъ и погибла открывавшаяся мнѣ, счастливая будущность. Впрочемъ, я и самъ набрался страху не мало.

— Какъ это?

— А вотъ какъ. На другой день по прибытіи Государя Павла для коронованія въ Москву, мнѣ досталось быть за дежуръ-маіора. По новому уставу надобно было ввечеру рапортовать лично Государю, но порядка этого у насъ въ Москвѣ еще не знали. (У насъ еще продолжался порядокъ Екатерининскаго времени). Не смотря на это, я таки отправился къ коменданту Гессе, чтобы узнать отъ него, что мнѣ дѣлать? А комендантъ Гессе и самъ ничего не зналъ: думалъ, думалъ, да и не велѣлъ мнѣ беспокоить Государя. На другой день, послѣ смѣны карауловъ, требуютъ меня къ Государю. Онъ имѣлъ тогда свое мѣстопробываніе въ Слободскомъ дворцѣ. При входѣ въ залу, меня окружили и генераль-адъютанты и всякіе другіе генералы, ужъ я теперь и не помню кто... видѣлъ я только ленты, да звѣзды, и всякой мнѣ замѣчалъ: „какъ же я могъ не прійти съ вечернимъ рапортомъ къ Государю?“—Да объ этомъ никто мнѣ не говорилъ, отвѣчалъ я.—„Этого не можете говорить Государю, не можете.... слышите ли?“—твердили мнѣ... Вскорѣ вышелъ камеръ-лакей, ввелъ меня въ другую залу и оставилъ одного. Вотъ и стою я посреди комнаты, а сердце такъ и замираетъ. Прямо предо мною притворенная дверь. Смотрю — вотъ кто-то пріотворилъ ее и чьи-то глаза озираютъ комнату; вотъ остановились на мнѣ..... и дверь снова притворена. Черезъ нѣсколько минутъ опять повторилось тоже самое, опять глаза озираютъ комнату, опять смотрятъ на меня, и чувствую я, что отъ этихъ глазъ сердце у меня леденѣетъ... Все это продолжалось съ добрыхъ 1/2 часа. Дверь то пріотворялась, то опять затворялась раза четыре. Наконецъ дверь совсѣмъ отворилась, и Государь входитъ. Глаза его были налиты кровью и онъ пыхтѣлъ, что, какъ извѣстно, было признакомъ затаеннаго гнѣва. Онъ подошелъ ко мнѣ молча, обошелъ нѣсколько разъ кругомъ, осматривая меня съ ногъ до головы, и, остановившись противъ меня, грозно спросилъ: „Какъ ты смѣлъ, щенокъ, не прійти ко мнѣ съ вечернимъ рапортомъ?“ Я едва могъ выговорить „виновать...“—„Щенокъ,—повторилъ Государь, продолжая меня осматривать,—если ты впередъ осмѣлишься не исполнять своей обязанности, ты улетишь туда, куда и воронъ костей не заносилъ...“ Далѣе ужъ я и не помню ничего... и когда Государь вышелъ, я упалъ безъ памяти на

полтъ. Воды, воды! слышалось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ спрыски холодной воды на лицѣ, и, когда открылъ глазъ, увидалъ, что около меня суетился Великій Князь Александръ Павловичъ, стараясь привести меня въ чувство!

Вотъ такъ-то, бывало, бесѣдовали пріятели, вспоминая бывшее. Я сидѣлъ и слушалъ, и хотя впоследствии случилось мнѣ часто слышать отъ отца рассказы, приведенные мною; но никогда эти рассказы не производили на меня такого впечатлѣнія, и никогда эти рассказы не были передаваемы такъ опредѣленно, такъ плавно и спокойно, какъ въ маленькой гостиной Андрея Николаевича, оклеенной малиновыми съ золотыми звѣздочками бумажками русскаго издѣлія, бумажками, продававшимися по 20 к. асс. за кусокъ въ 3 аршина.

Странное дѣло! Началъ я рассказывать про Ольховскую улицу и про ея обитателей, а свелъ на рассказы объ отцѣ, объ его воспитаніи, да о службѣ при Павлѣ. Какая бы, казалось, тутъ связь? А между тѣмъ связь существуетъ. На Ольховцѣ въ то время доживали свой вѣкъ личности одной эпохи съ батюшкою. Рассказами этими дополнялся характеръ всѣхъ остальныхъ лицъ, которыя, болѣе или менѣе, унесли изъ протекшей жизни и до могильной доски духъ времени своего прошедшаго.

Кажется, что въ рассказѣ своемъ отецъ мой коснулся коменданта Гессе ¹⁾. Объ Гессе я слыхалъ отъ отца много смѣшного. Это былъ вполне нѣмецъ-служака, но добродушный и слабый до невозможности. Кто не знаетъ, что при Павлѣ военные всѣ носили прусскія косы.

— Разъ у меня была горячка, и волосы всѣ вылѣзли,— рассказывалъ мой отецъ.—Когда я выздоровѣлъ и явился по службѣ къ Гессе, онъ вдругъ спрашиваетъ: „а гдѣ вашъ косъ?“ У меня была горячка, ваше превосходительство, и волосы вылѣзли!—Это не отговоркъ,—гдѣ вашъ косъ? Напрасно я ссыался на болѣзнь: Гессе приставалъ неотступно, страдалъ гаубтвахтою, арестомъ и только едва, едва я отъ него отдѣлался.

¹⁾ Объ этомъ Гессе см. въ Запискахъ Болотова въ Рус. Архивѣ 1864, стр. 706. Гессе оставался комендантомъ Московскаго Кремля и въ 1812 году, см. Записки С. Н. Глинки. Спб. 1836, стр. 53.

— Первый его врагъ въ архаровскомъ полку былъ поручикъ Юни—повѣса съ ногъ до головы. Разъ Юни приходитъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ онъ былъ коротко знакомъ со всѣми плацъ-адъютантами; взошелъ и видитъ, что кто-то у стола стоитъ къ нему задомъ, нагнувшись, и что-то пишетъ. Юни, полагая, что это кто-либо изъ плацъ-адъютантовъ, пожелалъ поиграть въ чехарду, разбѣжался, сѣлъ къ стоящему у стола верхомъ на спину, схватилъ косу въ руки — и ну прищипывать, приговаривая и подергивая за касу: ну! ну! Долго барахтался несчастный подсѣдельный; но когда ему удалось повернуть лицо, Юни съ ужасомъ увидѣлъ, что это былъ комендантъ Гессе. Разумѣется, ѣздокъ сейчасъ соскочилъ со спины коменданта и, вытянувшись въ струну, могъ только проговорить: „Виновать, ваше превосходительство!“

— А!—вскричалъ Гессе.—Это ви, ви ѣздитъ на московскій комедіантъ, пошалуйте со мной?!

Пошелъ Юни вслѣдъ за Гессе. Сѣли въ карету молча и поѣхали къ военному генераль-губернатору Салтыкову.

Приѣхали. Гессе велѣлъ о себѣ доложить, что ему нужно видѣть генераль-губернатора, которому имѣетъ сообщить очень важное дѣло. Салтыковъ не заставилъ себя дожидаться, бросилъ занятіе и вышелъ въ пріемную, озабоченный тѣмъ, что предстоитъ ему услышать.

— Что вамъ угодно мнѣ сказать, генераль?—спросилъ онъ у Гессе.

— Я привезъ, ваше сіятельство, къ вамъ съ мой жалобъ: вотъ этотъ господинъ офицеръ, что изволить ѣздитъ на Московскій комедіантъ.

— Какъ ѣздитъ! Что вы говорите, генераль?

— Мой стоялъ, писалъ, а поручикъ Юни пригъ на спина, взялъ косъ, и ну! ну! ну!

Салтыковъ взглянулъ на Юни, всего сжавшагося и стоявшаго съ потупленною внизъ головою, какъ какой несчастный, взглянулъ на коменданта и не могъ удержать порывъ смѣха. Выхватилъ изъ кармана платокъ, зажалъ имъ себѣ ротъ, махнулъ рукою и, фыркнувъ, убѣжалъ вонъ изъ залы.

Не помню чѣмъ, какъ рассказывалъ отецъ мой, кончилось это дѣло; но, кажется, что Юни просидѣлъ трое сутокъ на гаубтвахтѣ и былъ выпущенъ.

— Другой разъ, тоже Юни стоялъ въ караулѣ на гаубтвахтѣ. Соскучился и, узнавъ, что въ домѣ генералъ-губернатора балъ, оставилъ караулъ и отправился на балъ. Увидаль его Гессе танцующимъ и подошелъ къ нему, чтобы поймать, когда тотъ окончить танецъ. Юни замѣтилъ, и лишь только танецъ кончился, онъ юркнулъ чрезъ толпу въ другую комнату, подцѣпилъ даму, и когда комендантъ отыскалъ его, онъ уже преисправно вытанцовывалъ съ другою дамою. Опять сталъ дожидаться Гессе, и опять Юни состряпалъ такую же штуку. Гонялся, гонялся Гессе и вдругъ потерялъ Юни изъ вида; искалъ, искалъ, наконецъ рѣшился ѣхать домой.

Проѣзжая мимо гаубтвахты, зашелъ онъ въ нее, глядитъ, а ужъ Юни, какъ ни въ чемъ не бывалъ, сидитъ въ караульной комнатѣ. — А, ви тутъ! А кто это въ шолкова шулочки на башмачки пригъ, пригъ?

— Не знаю и не понимаю, ваше превосходительство, что изволите говорить.

— О! мой видѣль, мой видѣль самъ у генералъ-губернаторъ, ви въ шолкови шулочки на башмачки пригъ! пригъ!

— Никогда, ваше превосходительство! я стою въ караулѣ, какъ же можно, что я прыгалъ на балѣ?

— Ну такъ шортъ, дѣволь тамъ билъ!

— Можетъ быть, ваше превосходительство, только не я.—И Гессе, не могли уличить его, ушелъ.

Юни умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Я зналъ его лично уже въ глубокой старости и въ чинѣ статскаго совѣтника, доживавшаго свой вѣкъ на Покровкѣ. До конца жизни онъ умѣлъ сохранить веселость и юморъ въ разговорѣ.

Записки офицера въ Вознесенскомъ походѣ 1837 года ¹⁾.

Городъ Богодуховъ.

Было время, когда слово походъ волновало душу. Было время, когда звукъ трубы, ржаніе лошадей, послѣдній прощальный говоръ отходящихъ кипятили кровь,—и мысль о безграничномъ просторѣ полей, видъ незнакомыхъ городовъ, кочевая безпечная жизнь—свобода и разгулъ воображенію, облекали походъ въ какіе-то радужные оттѣнки. Было время... Куда-жъ дѣвалось оно?...

Отчего жъ теперь я такъ задумчивъ? Отъ чего видъ опустѣвшей квартиры предъ выступленіемъ навелъ на меня уныніе?... Не отъ того-ли, что въ былое время и на жизнь смотрѣлъ я, какъ на тихій, ничѣмъ не возмущаемый потокъ, плавно текущій въ живописныхъ цвѣтущихъ берегахъ, отражая только ясную лазурь неба или красавицу ночи—луну!.. Но, проходя путь жизни, я узналъ по опыту, что этотъ потокъ бываетъ часто возмущаемъ грязною тиною страстей, что не одно ясное небо и не скромную луну отражаетъ въ струяхъ своихъ, но часто смотрится въ него съ своими жгучими лучами и солнце честолюбія, и мрачныя тучи неожиданныхъ бѣдствій; узналъ, что не всегда течетъ

¹⁾ Записки эти были написаны въ 1837 г., стало быть относятся къ числу юношескихъ произведеній моего отца. Первый разъ они были напечатаны въ Рязанскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1892 г. Я счелъ необходимымъ вновь ихъ перепечатать въ Собраніи сочиненій В. В. Селиванова вслѣдствіе ихъ автобіографическаго значенія.

онъ плавно, а чаще бушуетъ, пѣнится, и въ бурныхъ волнахъ своихъ готовить могилы для любви, надежды и добродѣтели...

Прежде... всякая радость, всякое наслажденіе, какъ-бы велики онѣ не были, не заставляли желать остановить на мигъ теченіе времени, чтобъ дольше наслаждаться ими:—я думалъ, пройдетъ оно, наступитъ другое... но теперь, когда знаю, что за радостію непремѣнно слѣдуетъ горе, я бы желать удержать время—но, неумолимое, оно летитъ, летитъ... влечетъ за собою новое горе, но минувшихъ радостей не возвращаетъ!

И въ походѣ, какъ въ жизни, смотришь впередъ вдаль.— Тамъ все такъ свѣтло, такъ радостно. Города красуются зданіями; деревни и села изобиліемъ и мирною тишиною; но какъ часто все это бываетъ обманчиво вблизи: яркая зелень луговъ представляется взорамъ тинистымъ болотомъ, въ которомъ гнѣзятся ядовитыя гадины; зданія городовъ превращаются въ ничтожныя, часто полуразрушенныя строенія, гдѣ обитаетъ порокъ и необразованность; а въ мирныхъ хижинахъ селеній встрѣчаемъ нищету и невѣжество, прикрывающія тѣже страсти, тоже себялюбіе, тоже ничтожество, хотя и не подъ модною шляпкою и не подъ нѣмецкимъ парикомъ...

Не всегда воздухъ полей бываетъ благотворенъ. Часто жаръ палящихъ лучей солнца сгущаетъ атмосферу, вѣтеръ несетъ въ лицо и въ глаза пыль и, удушая, истребляетъ всякое чувство. Не всегда попадаетъ хорошая квартира, но чаще тараканы, мухи, сквозной вѣтеръ и безобразная хозяйка... заставляютъ жалѣть объ утомительномъ переходѣ.

Испытавъ все это, не разъ побродивши въ походахъ, я не могу удержаться отъ вздоха, когда должно мнѣ оставить, иногда, самую посредственную квартиру, на которой, хотя и зная горе, но были также и отрадныя минуты: тутъ предавался я сладкой мечтѣ воспоминанія, на этомъ мѣстѣ читалъ завѣтное письмо, слышалъ отрадную новость, видѣлъ пріятный сонъ... и вотъ, и стѣны сдѣлались милы, и лавка, и столъ кажутся удобными,—я свыкъ съ ними, какъ умирающій, оставляя печальную, полную страданіями жизнь, тоскуя о ней, потому что къ ней привыкъ, потому что

и между страданіями просвѣчивали искры надежды, а будущее... покрыто непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности!..

Цѣлый мѣсяцъ дивизія наша предъ выступленіемъ въ Вознесенскъ стояла въ сборѣ при городѣ Бѣлгородѣ; и вотъ отсюда я начинаю писать мои записки, пишу и самъ не знаю, съ какою цѣлью, кажется отъ скуки, отъ нечего дѣлать.

Юня 1837 года, часу въ шестомъ утра я былъ разбуженъ словами: „пора вставать!“ открываю глаза, смотрю,—передо мною стоитъ одинъ изъ моихъ товарищей, уже готовый къ походу, въ ледункѣ и перетянутый шарфомъ. Безпечность и равнодушіе были написаны на лицѣ его, а я... со вздохомъ всталъ и началъ одѣваться.

Погода была ненастная. Сѣрые тучи обложили небо, частый дождикъ шумѣлъ и ручьи воды струились по всѣмъ направленіямъ. Засѣдланная лошадь стояла у крыльца, роя копытомъ землю, не отъ нетерпѣнія, но съ тоскою опустивъ голову, казалось, отвѣчала мрачному расположенію духа своего хозяина.

Но вотъ, звукъ трубы походной раздался—и эскадроны двинулись на сборное мѣсто.

Предъ начатіемъ молебна, который долженъ былъ предшествовать походу, и до прибытія генерала, эскадроны спѣшились. Офицеры стали сходиться въ кружки, шутки, остроты, хохотъ слышались въ каждомъ, коротенькія трубки и цыгары дымнились, переходя изъ устъ въ уста. Всѣ были веселы, но по выраженію лицъ можно было читать самыя сокровенныя тайны сердець: тотъ, закинувъ голову и съ серьезно веселымъ взглядомъ, оглядываясь на всѣ стороны, какъ будто уже чувствовалъ пріятную тягость на шеѣ отъ Анны или Станислава — справедливая награда его службы, или какъ слѣдствіе удачнаго смотра. Другой готовился приклеить лишнюю звѣздочку, или совсѣмъ снять ихъ съ своего эполета... Третій, не ожидая ни того ни другого, но привыкнувъ къ безпечности души, заранѣе радовался пріятному зрѣлищу, какое его ожидаетъ на поляхъ Вознесенскихъ. Юные ожидали денежныхъ наградъ и въ умѣ разсчитывали уплату долговъ...

Жалки мнѣ казались они съ ихъ мелочною суетностью... Но что волновало и мою душу? Люди, люди! зачѣмъ

проникать вамъ въ мои сокровенныя тайны? что вамъ въ нихъ? Вы ихъ не поймете, вы осмѣете меня! Но вотъ пріѣхалъ начальникъ дивизіи. Скомандовали *садись, кивера долой!* и молебень начался.

По окончаніи молебна, музыка заиграла и полкъ повзводно длинною тесмою потянулся мимо генерала на большую дорогу. Въ послѣдній разъ оглянулся я назадъ, вздохнулъ изъ глубины души и, опустивъ поводья, далъ лошади волю идти, какъ ей угодно...

Теперь мы въ Богодуховѣ. Городъ невеликъ, неопрятенъ, неправиленъ... Мѣстоположеніе унылое. Цѣлый вечеръ на площади играли наши трубачи и пѣли пѣсенники. — Жители были въ восторгѣ. Это первый городъ Малороссіи.

Мѣстечко Опошня.

Іюля 4 дня.

Проснувшись послѣ обѣда, я взглянулъ на часы, было четыре часа. Что стану я теперь дѣлать, подумалъ я; не пойди ли мнѣ на тотъ курганъ, который, я замѣтилъ, возвышался среди лѣса и овраговъ, въ правой сторонѣ отъ дороги, когда мы подходили къ Опошнѣ? Но до него будетъ отъ моей квартиры версты четыре, по крайней мѣрѣ... Что-жъ за бѣда: теперь я отдохнулъ, усталости походной не чувствую,—пойду.

Взявъ бумагу и карандашъ и, подкрѣпивъ еще силы свои двумя рюмками наливки, которыя предложилъ мнѣ мой хозяинъ (Малороссія въ аллегорическомъ видѣ), я пошелъ.

Вышедъ на большую дорогу, я повернулъ путь мой къ кургану. Изъ-за лѣсовъ онъ, какъ гигантъ, гордо возвышался надъ окрестностью и какъ будто съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣ окружающіе его предметы. Дороги къ нему не было, я пошелъ на счастье прямо, чрезъ глубокіе овраги, поросшіе лѣсомъ и густымъ кустарникомъ. Карапкаясь по крутымъ отлогостямъ, перелѣзая чрезъ поломанныя бурей деревья и продираясь чрезъ кустарникъ, я выбрался, наконецъ, чрезъ добрыхъ полчаса, на открытое мѣсто къ по-

дошвъ кургана. Еще не много труда... и я былъ уже на его вершинѣ.

Какими словами въ состояніи я перелить на бумагу величіе природы, всю прелесть того, что открылось глазамъ моимъ. Я былъ какъ будто окруженъ необозримою панорамой, сцѣпленною изъ очаровательныхъ видовъ; но они не для кисти, не для карандаша. Природа, какъ будто изъ гордости, не хотѣла въ этомъ мѣстѣ быть натурщицею для смертныхъ и, казалось, хотѣла сама быть неподражаемою картиною.

Впереди чрезъ лѣсъ, верстахъ въ полутора внизу, близъ излучистой и болотистой Ворсклы виднѣлся куполь церкви и нѣсколько домиковъ села *Млиновъ*. Далѣе текла Ворскла узкими и поросшими тростникомъ рукавами, чрезъ которыя перекидывались мосты большой Харьковской дороги. Далѣе открывалось пространство верстъ на 40, покрытое лѣсами, между ними въ перелѣсахъ мелькали хутора, виднѣлись мѣстечки и деревеньки; постепенно отдалаясь отъ зрѣнія, всѣ предметы какъ будто возвышались уступами, становились синѣе, блѣднѣе—и, наконецъ, сливались съ горизонтомъ.

Налѣво чрезъ просѣку виднѣлось кладбище и нѣсколько хуторовъ; направо и позади меня лѣса и долины раскидывались очаровательными амфитеатрами.

Самый курганъ, на которомъ стоялъ я, былъ повидимому насыпной; ничто иное, какъ древняя могила, или памятникъ битвы народовъ, давно уже исчезнувшихъ съ лица земли...

Взошедъ на курганъ, я былъ сначала пораженъ красотою открывшихся предомною видовъ. Никогда въ жизнь мою я не видывалъ ничего подобнаго! Какъ бѣдна сѣверная природа въ сравненіи съ южною... Ихъ можно назвать двумя сестрами: первая иногда бываетъ холодновеличественна, другая—пылко-очаровательна.

Усталость заставила меня прилечь на траву. Солнце приближалось къ окончанію своего пути; красновато-золотые лучи его, обливая предметы, придавали всему какой-то особенно прелестный колоритъ. Небо было безоблачно и синѣлось, какъ очи херувима. Какая-то нѣга, свойственная только южному краю, легла на каждую травку, на каждый

листокъ, на каждое деревцо... Какъ легко дышалъ я ароматнымъ, вечернимъ воздухомъ, долго я смотрѣлъ на всѣ стороны... и задумался.

Направо на полугорѣ чрезъ вершину лѣса виднѣлись еще остатки полевыхъ укрѣпленій, строенныхъ, вѣроятно, для удержанія переправы чрезъ Ворсклу шведскихъ отрядовъ. Съ этихъ береговъ, думалъ я, звукъ русскаго оружія начинать гремѣть славою по Европѣ; можетъ быть исполнитъ царь, объѣзжая линію войскъ своихъ, останавливался на этомъ редутѣ, устремивъ взоры свои на мѣсто переправы, измѣрялъ взорами пространство и направлялъ огонь артиллеріи, чтобы привѣтствовать картечью и ядрами на югъ Россіи незваныхъ гостей сѣвера... А тамъ за рѣкою непобѣдимый Карлъ, предводя желѣзными батальонами шведовъ, съ хладнокровіемъ въ лицѣ, но въ душѣ, можетъ быть, съ тайнымъ ужасомъ, видѣлъ успѣхи своихъ учениковъ и, потерявъ уже большую часть своей артиллеріи, надѣялся еще на кровавую звѣзду военнаго своего счастья. Въ русскихъ онъ помнилъ еще бѣглецовъ нарвскихъ... Тогда еще не рокоталъ надъ нимъ громъ Полтавы, тогда нога его еще не была прострѣлена русской пулею.

За рѣкою верстахъ въ пяти съ кургана видны еще валы крѣпости, строенной шведами для удержанія позиціи.

Тогда звукъ оружія, пальба артиллеріи, дикіе и иступленные крики воиновъ, стоны умирающихъ и раненныхъ оглушали окрестность... Теперь чрезъ лѣсъ и долины вечерній вѣтерокъ доносилъ до моего слуха очаровательные звуки увертюръ, играемыхъ нашими трубачами въ мѣстечкѣ предъ вечернею зарею. Не вдалекѣ, близъ одного хутора, слышался звонкій смѣхъ, прерываемый звуками малороссійской свирели; мирно жужжалъ жукъ вечерній и кузнечикъ, притаясь въ травѣ, наигрывалъ обычную свою пѣсенку!...

Можетъ быть тогда, на этомъ самомъ мѣстѣ, молодой воинъ, прострѣленный пулею и перенесенный по просьбѣ его товарищами на этотъ курганъ, смотря такъ-же, какъ я теперь, на заходившее солнце, въ послѣдній разъ любуясь синимъ небомъ, благодарилъ Творца за побѣду и посылалъ предсмертный свой вздохъ юной подругѣ, или мысленно просилъ благословенія матери... Можетъ быть онъ и схоро-

ненъ на этомъ курганѣ и я попираю прахъ его... Гдѣ-же я сложу мою голову, подумалъ я?.. Мнѣ стало грустно...

Я всталъ, чтобы идти домой. Западъ еще горѣлъ лучами закатившагося солнца, все было еще на немъ такъ свѣтло и радостно, а съ востока надвигались густыя тучи. Я былъ совершенно одинъ; въ это время мнѣ казалось, что нѣтъ въ мірѣ существа, которое-бы откликнулось на призывъ души моей. Въ тоскѣ я искалъ его глазами, прислушивался, не услышу-ли его голоса?.. Въ природѣ царствовало совершенное безмолвіе. Въ комъ-же искать мнѣ утѣшенія, думалъ я? — Какъ вдругъ до слуха моего начали доходить звуки вечерней молитвы, играемой трубачами по пробитіи зари, и мелодія ея утѣшительною надеждою пролилась въ мою душу... Я понялъ все... Снялъ фуражку и тихо началъ изливать предъ Творцомъ мольбы свои; но вотъ звуки молитвы становятся тише, тише — и замолкли, какъ послѣдній вздохъ умирающаго праведника.

Въ одиннадцать часовъ, вслѣдствіе того, что я хожу прямо безъ дорогъ, назначая только глазами издали цѣль своего пути, не смотря ни на какія препятствія, оборванный и усталый, возвратился я на мою квартиру... Въ эту прогулку я срисовать два вида: одинъ — видъ села Млиновъ, а другой я снялъ съ того кургана, на которомъ провелъ я нѣсколько часовъ съ большимъ наслажденіемъ.

Когда насыпанъ этотъ курганъ? спросилъ я у одного стараго хохла. „Еще до шведа“, отвѣчалъ онъ, „кажутъ, что то могила;“ — и я совершенно съ нимъ согласенъ.

С. Диканка.

Іюля 5-го и 6-го.

Гдѣ будетъ дневать эскадронъ нашъ? спросилъ я у встрѣчавшаго насъ квартирьера. „Въ Диканкѣ, ваше благородіе, вмѣстѣ съ 3, 7 и 8-мъ эскадронами“, — отвѣтилъ онъ.

Въ Диканкѣ... повторить я въ полъ-голоса. Кто читалъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканки, пасичника рудаго Панька* (Гоголя), тотъ не удивится, что извѣстіе, что мы будемъ квартировать въ Диканкѣ, принесло мнѣ удовольствіе; но не всѣ помнятъ и не всѣ знаютъ у насъ въ Россіи, что Диканка есть наслѣдственное имѣніе фамиліи *Кочубеевъ*.

Тутъ окруженный огромными садами, въ англійскомъ вкусѣ, среди стройныхъ тополей, красавцевъ растительнаго царства, возвышается дворецъ графа, плѣняющій зрѣніе простою, неизысканною красотою своей архитектуры въ новѣйшемъ вкусѣ. Къ двору примыкаетъ огромный паркъ, занимающій пространства по меньшей мѣрѣ квадратныхъ десятинъ шестьдесятъ. Чрезъ средину парка проложена во всю длину его напролѣтъ прямая, довольно широкая дорога; но отъ огромности вѣтвистыхъ деревь, надъ которыми вѣроятно протекли многія столѣтія, тамъ, среди бѣлаго дня, господствуетъ сумракъ. Весь паркъ перерѣзанъ многими излучистыми дорожками, надъ которыми вѣтки деревь и огромныхъ кустарниковъ сплелись почти непроницаемыми сводами. Въ одной сторонѣ парка построена каменная церковь, въ которой находится чудотворная икона Чудотворца Николая.

Ходя по парку, невольно переносишься мыслію во времена давно минувшія для Малороссіи. Сколькихъ бѣдствій и славы были свидѣтелями эти огромные дубы и вязы, къ которымъ, казалось, ни рука времени, ни сѣкира человѣка не смѣли прикоснуться въ продолженіе многихъ вѣковъ. Можетъ быть подъ непроницаемою тѣнью вѣтвей ихъ замышлялъ доносъ свой на измѣнника Гетмана страдалецъ преданности къ престолу и Россіи, старый Кочубей!.. Можетъ быть при корнѣ этого дерева любила отдыхать дочь его, юная прекрасная Матруся, затаивъ и лелѣя въ душѣ своей любовь къ губителю родины и тирану отца ея... Тогда какъ, пламенно любившій ее душою, воинственно чистою, молодой казакъ стоялъ въ отдаленіи и съ тайною грустію смотрѣлъ безмолвно на красоту гибнущаго ангела!

Куда дѣвалась воинственность Малороссіи? Гдѣ тѣ казаки, боровшіеся съ ляхами и татарами?.. Перелетный вѣтерокъ, шелестя листьями, какъ будто нашептываетъ про нихъ; но кто пойметъ таинственный языкъ этотъ? Самыя преданія народныя истребляются изъ памяти нынѣшнихъ обитателей прелестнаго края и только въ заунывной мелодіи пѣсенъ слышится отголосокъ давно минувшихъ страданій; и въ смѣлой и гордой осанкѣ безпечныхъ парубковъ видны еще потомки свободного, непобѣдимаго народа. Самая Диканка, вообще какъ и всѣ селенія и мѣстечки Малороссіи,

имѣть довольно живописныя окрестности, окружена хуторами и перепутана улицами и переулками до такой степени, что, отлучась разъ изъ своей квартиры, безъ помощи расспросовъ, не скоро опять найдешь ее. Въ первый вечеръ, возвратясь изъ парка на свою квартиру, которая состояла изъ небольшого плетенаго балаганчика, окруженнаго рощею, я легъ отдохнуть на травѣ и невольно любовался прелестью малороссійскихъ ночей. Описывать ихъ было-бы безразсудно послѣ поэтическаго описанія *Гоголя* (въ повѣстяхъ: Вечера на хуторѣ и Миргородѣ). Скажу одно, что вѣрнѣй схватить красоты природы и нравы теперешнихъ обитателей едва-ли кто будетъ въ состояніи изъ современныхъ писателей.

Когда я отдыхалъ, изъ-за горизонта начинала выкатываться полная луна. Не знаю отчего, хотя и всегда эта лампада земныхъ ночей привлекала мое зрѣніе, но въ этотъ вечеръ я смотрѣлъ на нее съ особеннымъ наслажденіемъ. Мнѣ казалось, что на ней взоры мои встрѣтились съ чьими-то очами; мнѣ казалось, что луна была посредницею...

Но какъ ни прекрасна ты, Малороссія, какъ не обольстительны свѣтлыя ночи твои, но душа моя все невольно стремится къ темнымъ зимнимъ ночамъ, гдѣ и на сугробахъ глубокихъ снѣговъ, и при 30-ти градусныхъ морозахъ, не разъ цвѣли для меня розы блаженства.

Не ты, южный край, думалъ я, образовалъ во мнѣ душу, восхищающуюся тобою; не подъ твоимъ теплымъ небомъ впервые забилося сердце мое для чувствъ возвышенныхъ: мнѣ не за что любить тебя...

Въ паркѣ былъ я три раза. Гулялъ въ саду, смотрѣлъ оранжереи, но въ самомъ дворцѣ быть не удалось. Въ это время находилась тамъ генераль-губернаторша графиня С***, пріѣзжающая сюда, какъ мнѣ говорили, для воздуха и прогулокъ. Не давно, говорятъ, присланы сюда изъ Петербурга сто тридцать портретовъ фамиліи Кочубеевъ, что было-бы очень интересно видѣть.

Здѣсь также срисовалъ я два вида: одинъ представляющій видъ дома изъ большой аллеи парка, другой—тотъ-же домъ, съ другой стороны изъ сада.

Хутора близъ Диканки.

Юля 8 и 9.

Другой день стоитъ ненастная погода. Сегодня я во время похода промокъ до костей, но неутѣшительны и квартиры. Эскадронъ нашъ расположенъ по хуторамъ, версты на три, вблизи эскадроновъ никакихъ нѣтъ. Мѣстоположеніе нашихъ квартиръ самое унылое. Впереди и позади чистыя поля, вдаль только кое гдѣ виднѣются лѣсочки, и ко всему этому еще и погода дурная... Небо подернуто сѣрыми тучами, которыя обложились кругомъ, дождикъ не перестаетъ и вѣтеръ, свистя, сквозить въ худое окно моей хаты. Скучно!

Отъ скуки велѣлъ ставить самоваръ, и пока онъ будетъ готовъ, поглядимъ въ окошко... авось либо, что нибудь увижу. Передо мною возвышается катушокъ съ притворенною плетенною дверкою, предъ нею стоитъ теленокъ. Унылая его физіономія доказываетъ, что дождь надоѣлъ и ему и что у него есть большое желаніе проникнуть въ заветную обитель, гдѣ мягкая солома готова нѣжить флегматическую его особу.

Но вотъ подошла къ нему корова, и теленокъ, сначала лягнувъ и сдѣлавъ какое-то удивительное сальтомортали, подбѣжалъ къ ней и хотѣлъ попытаться молочкомъ. Вдругъ раздается голосъ моего человѣка. Рѣчь его обращалась къ хозяйкѣ: *Смотри! смотри!*—кричалъ онъ, *телокъ все молоко высосетъ!* Изъ этихъ словъ я замѣтилъ, что онъ заботился о томъ, чтобы не было недостатка въ молокѣ для моего чая... Бѣдный теленокъ!

Но вотъ катушокъ открылся, корова съ телкомъ скрылась; первое дѣйствіе кончилось.

Вотъ выступаетъ мокрый пѣтухъ; хвостъ его, достойный украсить голову всякаго генерала, намокъ и опущенъ; но онъ самъ сохранилъ еще всю важность своей осанки. Онъ остановился, собирается закричать, вотъ открылъ ротъ... но чтоже? Онъ такъ продрокъ, что на половинѣ своего куку-реку заикнулся, а пробѣжавшій съ визгомъ поросенокъ заставилъ его удалиться съ мѣста сцены.

На небѣ какъ будто промелькнулъ въ одномъ мѣстѣ цвѣтъ чистой лазури и потомъ опять затмился...

Какъ сходна участь моя съ вашею, телокъ и пѣтухъ: сколько разъ стремился я напитать душу мою молокомъ возвышенныхъ ощущеній; бывало, быть близокъ къ своей цѣли, какъ люди безжалостно своими мелочными забавами, ничтожною суетностію отнимали его у меня, чтобы забѣлнить имъ *дешевый чай* своихъ обществъ, или хоть немножко приправить имъ вкусъ *сквозника* своего пустословія... Но ты счастливѣе меня, телокъ! тебѣ достаточно было опустить голову и промычать жалобно, чтобы благотворная рука хозяйки отворила тебѣ катушокъ, а мнѣ, чтобы достигнуть туда, куда стремятся всѣ мои мечты и желанія, надобно еще выжидать много времени, пока судьбѣ будетъ угодно обратить на меня вниманіе, а задумчивость и грусть моя въ состояніи только возбуждать въ людяхъ насмѣшливую улыбку.

Ты, пѣтухъ, смотря на прояснившееся на одно мгновенье небо, думалъ воспѣвать ясную погоду... Сколько разъ случалось и мнѣ, на мгновенье, увлекаясь обольстительными словами красавицъ, думать, что вокругъ меня существуютъ однѣ только радости, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго. Въ восторгѣ я начиналъ воспѣвать свое счастье..., какъ, вдругъ, обхватывало меня холодомъ равнодушіе милаго предмета и я въ половинѣ поэтическаго восторга заикался, какъ ты на своемъ куку-реку, а проявившійся какойнибудь невѣжда, своимъ хрюканьемъ обращая общее вниманіе, заставлялъ меня удалиться безоглядки.

Какія водяныя мысли!... Не мудрено, на дворѣ шумитъ проливной дождь.

С. Демидовка.

Іюля 10.

Вчера я почти цѣлый день прогулялъ по пустымъ окрестностямъ хуторовъ, не видавъ и не встрѣтя ничего интереснаго. Сегодня эскадронъ нашъ расположился ночевать въ Демидовкѣ, селеньѣ, хотя довольно и большомъ, но скучномъ и разоренномъ до невозможности челоуѣколюбіемъ помѣщика и грека арендатора. Переходъ былъ 40 верстъ, однако я, не смотря ни на мою усталость, ни на желаніе спать, пообѣдавъ кое какъ на скорую руку, отпра-

вился посмотрѣть Рѣшетилровку и, ежели можно, купить кое какія бездѣлицы.

Рѣшетилровка—мѣстечко довольно многолюдное, извѣстное по своимъ неподражаемымъ смушкамъ, имѣетъ нѣсколько хорошихъ церквей, лавки, порядочное строеніе. Но покупать тамъ, кромѣ смушекъ, ежели что понадобится, такъ просто бѣда. Чай отзывается трухою, бубликами, когда ѣшь — давишься, бумага протекаетъ; но что за наливка!... Я рѣдко пивалъ подобную, это нектаръ.

Въ Рѣшетилровкѣ я пилъ чай у одного изъ монаховъ товарищей и потомъ вмѣстѣ съ нимъ долго бродилъ по мѣстечку, которое не сдѣлало впрочемъ на мою память никакого впечатлѣнія. Въ 12 часовъ ночи я только возвратился къ моей подушкѣ.

Въ продолженіе обратнаго пути въ Демидовку, я любовался быстротою падающихъ звѣздъ... Нашептывалъ и дѣлалъ имъ кое какія порученія. Не знаю, исполнили ли они завѣтъ мой!... Сонъ смыкаетъ глаза, я усталъ до невозможности.

Послѣ 38-ми верстнаго перехода, зашелъ я наконецъ на мою квартиру. Взгляну въ окошко: шагахъ въ 20-ти отъ воротъ течетъ Пселъ, чрезъ который нѣсколько правѣе устроенъ перевозъ. За Псомъ видѣнъ высокій и крутой берегъ, а надъ вершиной его возвышается деревянная, по-видимому, очень древняя церковь.

Послѣ обѣда, которому приправой были наливка и голодъ, отдохнувъ немного, я пошелъ купаться. Погода была тиха и прекрасна; рѣка съ своими свѣжими прозрачными струями была такъ заманчива, что невольно возбуждала желаніе скорѣе погрузиться въ ея водахъ. Никогда, или очень рѣдко испытывалъ я такое удовольствіе: вышедъ изъ воды, я какъ будто отряхнулъ съ себя двухъ-дневную усталость,—какъ будто получилъ новую жизнь.

Земныя рѣки! много въ васъ цѣлительной силы для тѣла... Но гдѣ текутъ тѣ рѣки, которыя могли-бы смыть съ памяти нагаръ душевныхъ страданій!.. Какія струи въ состояніи освѣжить сердце, изнуренное недовѣрчивостію и сомнѣніемъ, или обмытъ съ него копотъ тайной тоски, лежащей на немъ слоями отъ клеветы и злобы людей, — или язвительной улыбки друга?..

Тѣ воды не текутъ здѣсь. Однако я слыхалъ, что они существуютъ, и что рѣдко, но и-то по каплямъ, похожимъ на капли росы весенней, даются они страдальцамъ чрезъ молитву... Видно завѣтнымъ струямъ ихъ предназначено украшать только эдемскія равнины, или обмывать подножіе Престола Всемогушаго.

Переѣхавъ Пселъ на лодкѣ, заплативъ перевозчику 8 копѣекъ, я, не захотѣвъ идти по дорогѣ, которая, опоясывая берегъ, поднимается въ гору, постепенно началъ карапкаться прямо. Взобравшись наверхъ и осмотрѣвъ положеніе мѣста, увидѣлъ я, что это былъ полуостровъ, образовавшійся излучиною Псела. Онъ имѣетъ овальную форму: версты полторы или нѣсколько болѣе длинной и менѣе полуверсты шириною, съ крутыми, утесистыми берегами, въ ущельяхъ которыхъ растутъ небольшія рощицы тополей и другихъ деревьевъ.

На сѣверо-восточной сторонѣ его, противъ самаго изгиба рѣки, видны остатки древнихъ земляныхъ укрѣпленій. Въ срединѣ ихъ возвышается старая деревянная церковь, (объ которой я уже говорилъ), съ готическою фигуροю, съ рѣзными столбиками и колонками, колокольною, которая отъ ветхости приходитъ въ разрушеніе. Шагахъ въ 20-ти начинается мѣстечко, состоящее изъ немногихъ дворовъ—съ бѣдными огородами: вѣроятно возвышенность открытаго мѣста препятствуетъ растительности деревъ. Далѣе за мѣстѣчкомъ идетъ большой лугъ, или выгонъ, на немъ разбросано нѣсколько мельницъ и виднѣются слѣды множества, почти уже изгладившихся, могилъ, свидѣтельствовавшихъ о многолюдствѣ бывшаго здѣсь когда-то города.

Вообще наружность самаго мѣстечка печальна, но за то виды окрестности со всѣхъ сторонъ прекрасны.

Кругомъ извивается зеркальною лентою Пселъ, въ изгибъ его впадаетъ рѣчка Голтва. По подолу кругомъ всего полуострова и за рѣкою разбросаны селенія и виднѣются церкви, тонуція въ тѣнистыхъ садахъ и рощахъ. Все это вообще вмѣстѣ съ мѣстечкомъ называется однимъ именемъ Голтвою. Далѣе разстилаются поля и степи, покрытыя курганами и остатками воинственной старины, земляными городками. Наконецъ, зрѣніе, окидывая пространство верстъ на шестьдесятъ, теряется въ отдаленіи, гдѣ предметы, уже

синѣя, сливаются съ горизонтомъ. Такъ земная вещественная жизнь человѣка гармонируетъ жизни небесной, духовной.

Посѣтивъ товарищей въ ближнемъ эскадронѣ и побродя еще нѣсколько времени по прибрежнымъ скаламъ, часу въ одиннадцатомъ вечера спустился я къ перевозу. Въ это время отчаливалъ пустой паромъ и я впрыгнулъ на него.

Ночь была тиха и спокойна, какъ сонъ младенца.— Облокотясь на перила, задумчиво я смотрѣлъ на воду, въ которой отражалось звѣздное небо... Тутъ вспомнилъ я, что Пселъ протекаетъ не далеко отъ Курска. Въ рукахъ у меня былъ цвѣтокъ, сорванный въ ущельи крутого берега, я бросилъ его въ воду и... его помчало по теченію въ Днѣпръ!..

Паромъ причалилъ; я на своей квартирѣ.

С. Орлова Балка.

Вчера сдѣлали мы первый переходъ отъ Кременчуга къ Елисаветграду: жара, безлюдныя поля и степи, покрытыя бурьяномъ, недостатокъ воды, унылыя окрестности рѣдкихъ и бѣдныхъ деревень,—вотъ все, что могу сказать въ началѣ о Херсонской губерніи.

Сегодня у насъ дневка.

Десять дней отдыхалъ полкъ въ Кременчугѣ. Эскадронъ нашъ былъ расположенъ въ 9-ти верстахъ отъ города, въ селѣ Власовкѣ, разбросанномъ на песчаной и болотистой равнинѣ. Саженьяхъ во ста отъ моей квартиры протекалъ широкій Днѣпръ, который въ это время года, по малому судоходству, имѣлъ такой-же пустынный видъ, какъ и его окрестности. Безмолвіе рѣки нарушалось только грустнымъ рокотомъ волнъ, бьющихся о песчаный берегъ, шумомъ колесъ плавучихъ мельницъ, или крикомъ прибрежной чайки...

Но при всемъ этомъ, въ краткое пребываніе мое въ Власовкѣ, я любилъ посѣщать Днѣпръ и послѣ захождения солнца, когда земля начинала освѣжаться отъ зноя дневнаго прохладною росой вечера, бродить по песчанымъ берегамъ его... Переносясь мечтами во времена глубокой древности

я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на жемчужныя волны Днѣпра, тихо катившіяся у ногъ моихъ.

Мнѣ сладко было воображеніемъ осуществлять всѣ сказки, всѣ преданія о водахъ его. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что на днѣ его существуютъ хрустальные чертоги русалокъ, выходящихъ на поверхность воды играть и плескаться, при серебряныхъ лучахъ мѣсяца... Мнѣ хотѣлось видѣть этихъ прелестныхъ нимфъ славянскаго язычества, съ ихъ неподвижными глазами и блѣдными челами, увѣнчанными осокою, и въ тайнѣ досадоваль, что просвѣщеніе и здравый разумъ попрали и надсмѣялись надъ суевѣріемъ древности.

Сколько разъ побережье Днѣпра оглашалось пѣснями воиновъ князей Кіевскихъ, когда они на легкихъ судахъ неслись грозою на изнѣженныхъ грековъ?.. Сколько разъ воды его бременялись тягостію Царьградскихъ драгоценностей и, наконецъ, сдѣлались купелью нашего христіанства.

Изъ десяти дней, которые мы простояли въ Власовкѣ, пять дней я провелъ въ Кременчугѣ, отчасти изъ желанія покороче узнать городъ, но болѣе по дѣламъ. Городъ великъ, порядочно обстроенъ, но не можетъ похвалиться опрятностію. Онъ имѣетъ двѣ церкви и двѣ или три старообрядческихъ часовни; много трактировъ, есть магазины и большой гостинный дворъ. Торговля и промышленность Кременчуга довольно велики, но какъ то, такъ и другое находится въ рукахъ у евреевъ, которыхъ въ Кременчугѣ преобладаетъ.

Тамъ есть и публичный садъ въ англійскомъ вкусѣ, который, какъ я слышалъ, насаженъ по волѣ Потемкина, предъ путешествіемъ Императрицы Екатерины. Садъ я посѣщать два раза. Онъ не великъ, но пріятенъ: большія деревья могутъ дать въ избыткѣ тѣнь и прохладу въ самый жаркій полдень; цвѣтники веселятъ зрѣніе любителя цвѣтовъ. Чего-же болѣе нужно?

Городъ лежитъ тоже на песчаной равнинѣ, по берегу Днѣпра. На противоположномъ Херсонскомъ берегу противъ него видѣнъ небольшой, но тоже красивый городокъ, Крюковъ, около котораго возвышаются мачты стоящихъ въ пристани судовъ. Оба эти города соединены пловучимъ или живымъ мостомъ изъ плотовъ, который для прохода

барокъ раздвигается два раза въ недѣлю. Ширина рѣки, судя по длинѣ моста въ этомъ мѣстѣ, ровно верста.

Наканунѣ выступленія въ походъ, всѣ эскадроны изъ окрестныхъ селеній собрались въ Кременчугъ. По приходѣ въ городъ, я узналъ, что въ этотъ вечеръ назначено благодарное собраніе. Мнѣ не хотѣлось быть въ собраніи, но, увлекаемый другими, я рѣшился.

Часу въ 12-мъ вечера, когда я уже хотѣлъ начинать одѣваться, праздность понудила меня выйти на улицу. Вдругъ до слуха моего донеслись звуки страннаго, никогда мною не слыханнаго, напѣва. Я сей-часъ догадался, что это поетъ какой-нибудь татаринъ, которыхъ полкъ шелъ въ это время чрезъ Кременчугъ съ Кавказа въ Варшаву.

Любопытство влекло меня посмотреть на пѣвца. Ночь была темна и потому я, не заботясь о томъ, что былъ безъ сюртука, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ слышался голосъ. Подошедъ къ одному домику, котораго окошки были открыты, я увидѣлъ, что у одного изъ нихъ сидѣлъ татарскій офицеръ въ своемъ національномъ нарядѣ и въ обыкновенной ихъ шапкѣ изъ черныхъ смушекъ. Лицо его было благородно и прекрасно. Онъ, повидимому, имѣлъ не болѣе лѣтъ 22-хъ, высокій лобъ, томные, но полные огня, глаза, черные усы на смугломъ выразительномъ лицѣ, на которомъ задумчивость и меланхолія рисовались съ такою поэзіею, что, взглянувъ на него, нельзя было не принять въ немъ участія.

Въ срединѣ комнаты стоялъ молодой татаринъ, держась одною рукою за кинжалъ, а другою за поясъ, пѣлъ на языкѣ своемъ пѣсни, которыхъ я не понималъ, но, по мелодіи ихъ и по выраженію фізіономіи пѣвца, могъ догадываться о ихъ содержаніи.

Напѣвъ былъ дикъ и страненъ. То слышались въ немъ вопли умирающаго, то какъ будто раздавались оклики ночной стражи, вторимые эхомъ горъ. То вдругъ голосъ его принималъ выраженіе молитвы, или страданія любви, ревности и разлуки.

Онъ пѣлъ небольшими куплетами; послѣ каждого куплета останавливался, задумывался и опять начиналъ пѣть. Но на офицера въ это время нельзя было смотрѣть безъ особеннаго чувства. Онъ сидѣлъ на двухъ стульяхъ въ полуположеніи, заложивъ ногу за ногу, безпре-

станно измѣняя положеніе тѣла и, хотя каждое измѣненіе, каждое положеніе, обнаруживало въ немъ благородство, но по всему было замѣтно, что онъ чувствовалъ себя на стульяхъ безпокойно, привыкнувъ къ диванамъ родины. Въ рукахъ его былъ пистолетный прибойникъ и, когда содержаніе куплета или голосъ пѣвца трогалъ его душу, онъ замѣтно приходилъ въ волненіе, лицо его дѣлалось грустнѣе, пасмурнѣе и онъ, отъ избытка чувствъ, судорожно стучалъ прибойникомъ по столу...

Но что заставляетъ грустить его?.. Покинутая ли родина? но онъ туда возвратится. Жажда ли битвъ и славы? но онъ доживетъ до нихъ. Безнадежная или отвергнутая любовь?.. Но это меланхолическая тихая грусть, это благородное и гордое лицо, душа, которая видна въ глазахъ и каждомъ его движеніи, все говоритъ, что онъ не могъ любить безъ взаимности. Не разлука-ли съ милымъ предметомъ заставляетъ грустить тебя? Можетъ быть ты вспомнилъ слезы и страданія прекрасной твоей подруги, когда она говорила тебѣ послѣднее прости... Можетъ быть ты вспомнилъ часы блаженства, проведенные тобою въ ея объятіяхъ или жгучіе ея поцѣлуи!..

Не оскорбилъ-ли ты ее безразсудною ревностію и раскаяніе терзаетъ тебя? Не пришли-ли тебѣ на память минуты, когда, стоя на колѣняхъ, обнималъ станъ существа, тобою любимого, просилъ прощенія и слезы оскорбленной тобою, падая на лице твое, мѣшались съ твоими слезами, тогда какъ нѣжныя руки прижимали твою голову къ пламенной и полной любовью груди?

Можетъ еще быть и теперь сомнѣніе...

Предъ окнами на улицѣ, гдѣ я стоялъ, собралась небольшая толпа, приведенная, такъ же какъ и я, любопытствомъ. Почти всѣ смѣялись надъ движеніемъ и голосомъ пѣвца. Но я былъ разстроенъ: этотъ офицеръ какъ будто обворожилъ меня. Мнѣ хотѣлось подать ему руку и сказать: „я тебя понялъ“, но приличіе меня удержало. Не знаю, чувствовалъ-ли онъ, что есть близъ него душа, которая принимаетъ въ немъ участіе, но онъ часто оборачивалъ голову, гдѣ стоялъ я, и пристально глядѣлъ въ ту сторону. Ночь была темна. Онъ не могъ меня видѣть и это меня радовало... Можетъ быть душа его говорила ему обо мнѣ.

Долго не хотѣлось мнѣ отойти отъ окошка, но, вспомнивъ, что уже было половина 12-го, я пошелъ домой, одѣлся и отправился въ собраніе.

Зала Кременчугскаго собранія длинна, выбѣлена мѣломъ и съ досчатымъ, не совсѣмъ ровнымъ поломъ. Вошедъ въ залу, я увидѣлъ, что тутъ было нѣсколько старухъ, около двадцати дѣвицъ и почти столько же офицеровъ, нѣсколько фраковъ и человѣкъ десять или двѣнадцать татарскихъ офицеровъ.

Сказать о собраніи нечего, оно, какъ и во всѣхъ уѣздныхъ городкахъ, все на одинъ манеръ. Тутъ видѣлъ я и недурныя личики и безобразныя ножки, слышалъ и балыныя пошлости, и привѣтливый голосокъ, и неуклюжія смѣхъ, и звонкую рѣчь, но скучалъ... и, протанцовавъ, для приличія, двѣ кадрили, не дожидаясь мазурки, возвратился домой съ усталымъ воображеніемъ и утомленными усталостію и скукою глазами.

Лагерь при г. Вознесенскѣ.

10 августа.

Тихо катилось солнце по безоблачному Херсонскому небу, постепенно опускаясь на западъ все ниже и ниже. Лучи его, обливая бѣлыя палатки лагеря багровымъ цвѣтомъ, играли на полированныхъ стволахъ ружей и пикахъ, сложенныхъ въ пирамиды. Квартирьерскіе значки и флюгера, лелѣемые слабымъ вечернимъ вѣтеркомъ, едва колебались на своихъ древкахъ... и шумъ, и говоръ, и ржаніе лошадей, и музыка предъ зарею, все сливалось въ одинъ, какой-то нестройный гулъ.

Съ полъ-часа, какъ возвратились съ ученья, уже кипѣли самовары въ офицерскихъ палаткахъ; предъ нѣкоторыми сидѣли офицеры кучками, и одиноко на киверныхъ ящикахъ, на погребцахъ, или просто на землѣ, пуская съ наслажденіемъ дымокъ изъ своихъ трубокъ и запивая его чаемъ. Иные были веселы, безпечны; шумъ и смѣхъ прерывалъ разговоръ ихъ, другіе были задумчивы... У всякаго свое на умѣ и на сердцѣ.

Прохладный вечеръ смѣнилъ знойный день; заблестали на небѣ серебряныя звѣзды, огни освѣтили палатки и онѣ

какъ фантастическія жилища духовъ, забѣлѣлись въ вечернемъ сумракѣ. За заднею линіею и въ обозахъ сверкали разложенные огни, на которыхъ варился скромный ужинъ. Около нихъ по временамъ, скрытые дымомъ, въ безпорядкѣ, толпились, какъ привидѣнія, деньщики — солдаты и кучера, и росказни, и споръ между ними, а въ воздухѣ, надъ этимъ таборомъ, слоился дымъ, освѣщаемый заревомъ.

Девять часовъ... Раздался выстрѣлъ заревой пушки; гулъ ея, ударившись въ высокій противоположный берегъ Буга, отпрянулъ, покатился по безпредѣльнымъ равнинамъ и умолкъ въ пространствѣ.

Заблестали ракеты, пускаемая въ артиллерійскихъ ротахъ, оставляя въ воздухѣ за собою струю огня, онѣ лопались и, разсыпаясь алмазными искрами, какъ будто говорили о ничтожности всего земного и въ особенности того, что называемъ мы счастьемъ.

Не такъ-же-ли быстро, какъ и ракета, душа пылкая, забывъ на мигъ земную темницу свою и сбросивъ съ себя оковы общественныхъ предразсудковъ, ея гнетущихъ, стремится въ идеальный міръ наслажденія. Отвергая въ гордости мишурное блаженство себѣ подобныхъ, уносясь мечтами въ седьмое небо, видитъ все величіе свое, гордится имъ; но, тѣсно сопряженная съ тѣломъ, не переноситъ его и, озаривъ въ послѣдній разъ міръ лучезарнымъ свѣтомъ мысли и воли, вмѣсто радостей, испытавъ одни страданія, падаетъ, сдѣлавшись жертвою гибельныхъ страстей — и не воскреснуть ей болѣе.

Не такъ-же-ли и юноша стремится къ любви и думаетъ о ней? Не такъ-же-ли честолюбецъ ищетъ почестей? Не такъ-же-ли герой гоняется за славою? Но многихъ-ли юношей, честолюбцевъ и героевъ счастье не бываетъ въ послѣдствіи похоже на ракету.

Но кто-же не платитъ дани земному? И простительно-ли было бы для человѣка не искать на землѣ счастья, ежели и самъ Всемогущій еще при созданіи насъ заронилъ въ насъ мысль о немъ? И когда мы уже истратили лѣта жизни нашей, не лучше ли предъ смертію сказать себѣ: я жилъ, я имѣлъ минуты счастья, (жизнь и счастье одно и тоже), нежели умереть, не живши. Но люди! не основывайте счастья вашего на ущербѣ счастья другого, не идите также и

противъ природы, а, иначе, сладкая чаша, которую вы пьете на мирномъ одрѣ, наполнится для васъ мучительною горечью!

Въ полкахъ раздалися звуки трубъ и барабановъ, воздухъ огласился вечернею молитвой; еще перекаты барабана — и ночь пала на землю.

Двѣнадцать часовъ. Огни въ лагерѣ и въ обозахъ потухли, все спитъ. Безмолвіе изрѣдка нарушается окликомъ часовыхъ, фырканьемъ лошадей, дружно жующихъ сѣно, или соннымъ ропотомъ спящихъ. Теперь я сижу на своей кровати и, положивъ на подушку бумагу, пишу; предо мною горитъ свѣча. Черезъ откинутыя полы моей палатки виденъ мѣсяцъ. Однообразные квадратные шатры, при блѣдномъ его мерцаніи, получили видъ еще болѣе таинственный, походя на обелиски древнихъ египтянъ...

Съ самой деревни Орловой Балки, гдѣ мы дневали дня два, я не принимался за перо. Огромные переходы, жара и неудобность квартиръ отнимали время ужаснымъ образомъ.

Двадцать шестого іюля выступили мы изъ Кременчуга церемоніальнымъ маршемъ и съ музыкой, проходя мостъ черезъ Днѣпръ, я любовался его движеніемъ, когда онъ гнулся и обливался водою подъ тяжестью идущихъ по немъ эскадроновъ. Прошедъ черезъ городъ Крюковъ, въ которомъ я замѣтилъ только довольно красивое строеніе Камисарьятской Коммиссіи, мы поднялись на высоты, раскинутыя по всему протяженію Днѣпра со стороны Херсонской губерніи.

Послѣ цвѣтущей, лѣсной и населенной Малороссіи, необъятныя утомительныя степи Херсонскія, въ которыхъ взоръ напрасно ищетъ остановиться на какомъ нибудь хуторкѣ, деревенькѣ, деревцѣ или рѣкѣ, заставляють погружаться въ раздумье, а изъ груди вылетаетъ вздохъ.

Не спору, что для коренныхъ обитателей этого края, можетъ быть, и можетъ нравиться безпредѣльность степей и почти всегда знойное, чистое небо и проч... Но человѣку, удаленному отъ мѣстъ, имъ любимыхъ, и у котораго всѣ воспоминанія о былыхъ наслажденіяхъ тѣсно соединены въ памяти съ неодушевленными предметами, видами частыхъ селъ, господскихъ домовъ, лѣсовъ, воды, когда онъ попадаетъ въ край, гдѣ эти предметы слишкомъ рѣдки, или вовсе исчезаютъ,

дѣлается еще грустнѣй, потому что и самое воображеніе у него, при видѣ унылой природы, получаетъ какое-то оцѣпенѣніе.

Въ окрестностяхъ Елисаветграда видъ нѣсколько оживленъ лѣсами и, не доходя до города верстъ 30-ть, начинается и продолжается вправо, такъ называемый, черный лѣсъ, который, какъ мнѣ говорили жители, идетъ верстъ на триста, но, пройдя Елисаветградъ и до самаго Вознесенска, природа почти совершенно мертва.

Елисаветградъ мнѣ понравился и, хотя тамъ есть довольно церквей, но вообще онъ съ перваго взгляда не походитъ на европейскій городъ. Узкія улицы, густое строеніе, въ садахъ фруктовыя деревья, по заборамъ вездѣ тополи; все это даетъ ему какой то азіятскій колоритъ.

Теперь третій день, какъ кончился нашъ походъ. Весь корпусъ нашъ и всѣ войска, состоявшія изъ четырехъ корпусовъ кавалеріи, съ ихъ артиллеріею и 26 батальоновъ пѣхоты, расположены лагеремъ, направо и налѣво отъ Вознесенска, на пространствѣ двадцати четырехъ верстъ вдоль по рѣкамъ Мертвоводѣ и Бугу, на луговой его сторонѣ.

22 августа.

Съ самого вступленія нашего въ лагерь, жизнь наша текла однообразно. Каждый день служба, каждый день усталость, жаръ, пыль, холодная ночь и крѣпкій сонъ были началомъ и концемъ ежедневнаго существованія. Наконецъ, 18-го числа по утру доходитъ до слуха нашего вѣсть, что ночью пріѣхалъ Государь и что въ тотъ же день будетъ смотрѣть церемоніальный маршъ всей здѣсь собранной кавалеріи въ полной парадной формѣ.

Все пришло въ движеніе: начали сѣдлать лошадей, одѣваться, и вотъ мы на плацу.

Дѣйствительно, видъ такого огромнаго сбора кавалеріи, безчисленное множество копій, разноцвѣтные флюгера, блестящія латы кирасиръ, богатый пестрый нарядъ гусаръ, былъ восхитителенъ для глазъ. Всѣ войска были выстроены въ четыре линіи въ полковыхъ колоннахъ. Пятую линію составляла артиллерія.

Наконецъ, музыка и громкое ура на правомъ флангѣ извѣстили насъ о прибытіи Императора!... И вотъ, наконецъ

показался и онъ, сопровождаемый огромною свитою и множествомъ иностранцевъ въ разныхъ болѣе или менѣе странныхъ и пестрыхъ мундирахъ. Лицо Государя было весело. Обѣхавъ всѣ линіи и поздоровавшись со всѣми полками, которые встрѣчали и провожали его съ громкимъ ура, онъ поѣхалъ впередъ.

Прежде начала церемоніальнаго марша, Государю угодно было служить молебенъ. Штандарты со всѣхъ полковъ поѣхали къ мѣсту служенія. Скомандовали на молитву, всѣ войска сняли кивера и каски и служеніе началось. Въ продолженіе всего молебна никто не слѣзаль съ лошадей, кромѣ самого Государя, который молился, стоя на колѣняхъ. Высокій образецъ покорности и смиренія!..

Тотъ, которому нѣтъ на землѣ равнаго, тотъ, отъ котораго зависятъ судьбы миллионовъ людей, предъ лицомъ громады своихъ воиновъ, готовыхъ по единому его мановенію, по движенію брови, смять, уничтожить и положить къ стопамъ его цѣлыя царства и народы, отвергая величіе, земной сомодержецъ преклоняетъ колѣна предъ величіемъ небеснаго Вседержителя.

Но вотъ молебенъ кончился. Кивера надѣты и войска по-дивизионно пошли мимо Государя. Смотрѣ былъ на трехъ аллюрахъ: собранной рысью, въ галопъ и, наконецъ, полной рысью колонами.

Прошедъ колонами, всѣ войска пошли по лагерямъ, кромѣ нашего драгунскаго корпуса, который Государю угодно было видѣть спѣшеннымъ. Сначала скомандовали: укоротить поводья *съ мѣста марши, марши*, и, когда колонны шли во весь карьеръ, скомандовали *сѣзай!* Въ одно мгновеніе спѣшились драгуны, штыки примкнуты къ ружьямъ и стройныя колонны пѣхоты пошли съ музыкой и барабаннымъ боемъ мимо Государя.

Этимъ кончился первый смотрѣ. Драгунами Государь былъ особенно доволенъ.

Девятнадцатаго числа ожидали мы пріѣзда Государя въ лагерь, однако онъ не былъ.

Двадцатаго числа были большіе маневры всей кавалеріи. Надобно было видѣть, съ какою быстротою и искусствомъ Государь двигалъ эти огромныя массы, подобныя которымъ едва-ли когда нибудь собирались въ одномъ мѣстѣ.

Нашъ корпусъ былъ въ резервѣ, но, когда дѣло дошло до насъ, весь корпусъ, вытянувшись въ одну линію, въ густыхъ колонахъ, пошелъ впередъ рысью, имѣя впереди себя артиллерію. Потомъ скомандовали „маршъ! маршъ“! Пошли въ карьеръ, „слѣзай“! и вотъ, спѣшились, пошли впередъ колонами; пропустивъ въ интервалы артиллерію, которая была впереди, развернули фронтъ и батальонный огонь закипѣлъ.

Это было подъ самымъ Вознесенскомъ. Дѣйствіями драгунъ кончились маневры. Когда драгуны сѣли на лошадей, Государь подѣзжалъ къ нашимъ полкамъ и благодарилъ, называя молодцами. „Ради стараться, В. И. В.“, было громкимъ отвѣтомъ драгунъ. „Что, устали ребята?“, мило-стиво спросилъ Государь. „Никакъ нѣтъ, В. И. В.“, отвѣчали солдаты. „Ну чтожъ дѣлать, ласково возразилъ Государь, хоть и устали; я васъ такъ рѣдко вижу“. Никогда не случилось мнѣ видѣть Государя такимъ веселымъ.

Когда полкамъ надо было возвращаться въ лагерь, я остался въ городѣ для полученія съ почты писемъ. Городъ Вознесенскъ, какъ говорятъ, до сихъ поръ состоялъ изъ бѣдныхъ мазанокъ. Теперь къ смотру выстроили цѣлыя улицы одинаковыхъ, небольшихъ, выштукатуренныхъ домовъ довольно миловидной наружности, соединенныхъ между собою также выштукатуренными оградами. Всѣ эти домики воздвигнуты изъ земли, но въ постройкѣ совершенно получили видъ каменнаго строенія. Всѣ они хорошо меблированы и снаружи выкрашены розовою, желтою, зеленою и бѣлою краскою, что даетъ Вознесенску видъ красиваго городка.

Среди города возвышается дворецъ Государя: двухэтажное, не огромное, но красивое зданіе. Къ нему съ одной стороны примыкаетъ садъ, украшенный деревьями южныхъ краевъ. Предъ фасадомъ дворца разстилается большая площадь, обсаженная кругомъ тополями.

На другой площади выстроены театръ, съ опрятною архитектурою, кажется изъ того-же матеріала, какъ и всѣ зданія Вознесенска. Проходя мимо его, я вошелъ внутрь. Въ это время на сценѣ шла репетиція какого-то французскаго водевиля. Посмотрѣвъ и послушавъ куплетовъ, я вы-

шелъ. Театръ внутри отдѣланъ, по возможности, не дурно и со вкусомъ.

Получивъ съ почты все, что было мнѣ нужно, я, взявъ извозчика, возвратился въ лагерь.

Двадцать перваго числа Государь изволилъ дѣлать смотръ одному нашему корпусу; была стрѣльба въ мишени. Полки спѣшивались два раза и Государь остался доволенъ. По окончаніи ученія, подзывалъ къ себѣ всѣхъ дивизионныхъ и эскадронныхъ командировъ, благодарилъ ихъ и, наконецъ, сказалъ, что „предъ вами (драгунами) не только непріятель и самъ чертъ не устоитъ“. Къ несчастію, мнѣ самому не удалось слышать словъ Государя.

Сегодня день коронаціи. У насъ былъ разводъ. Послѣ развода, всѣ офицеры, кромѣ должностныхъ, къ которымъ принадлежу и я, поѣхали на разводъ въ пѣхотный лагерь, гдѣ будетъ присутствовать Государь.

Теперь я сижу спокойно въ моей палаткѣ и пишу. На небѣ бродятъ сѣрыя тучки, вдали гремитъ громъ, драгуны чистятъ оружіе...

26 августа.

Наскучивъ читать путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля, единственную книгу, которую удалось мнѣ достать въ лагерь, я сѣлъ писать мой журналъ; вѣдь надобно же продолжать его.

Сухи, безцвѣтны впечатлѣнія лагеря, посреди степей и однообразной службы, но бывали и минуты какого то патристическаго удовольствія!

Вечеромъ двадцать втораго числа, часу въ 10-мъ или позднѣе, я услышалъ шумъ и слово *тревога*, произнесенное близъ моей палатки. Бросивъ книгу, которую въ это время читалъ, я началъ одѣваться въ форму, бѣгу на линейку, нахожу тамъ уже многихъ офицеровъ совсѣмъ готовыхъ... Но эта тревога была фальшивая и, кажется, произошла отъ ошибки.

Но на другой день, т. е. 23 числа, по утру въ 9 часовъ, была тревога дѣйствительная.

Нѣсколькихъ минутъ было достаточно быть полку совершенно готову, и вотъ вся наша дивизія, соединясь на

походѣ, пошла на рысяхъ по направленію, гдѣ было слышно дѣйствіе артиллеріи.

Версть 16 или 17 шли мы по степи, но вотъ оврагъ, за оврагомъ замѣтно движеніе колонъ... Маршъ! маршъ! и вотъ наши колонны спустились въ оврагъ и съ крикомъ, „ура“ взлетѣли на противоположную сторону.—

Тутъ увидѣли мы Императора, окруженнаго свитою, который, поздоровавшись съ драгунами, изволилъ самъ командовать, „приготовиться къ пѣшему строю“.

Снова маршъ—маршъ! и слѣзай!

Дѣйствіями спѣшенныхъ драгунъ кончилось ученіе; часу во второмъ мы возвратились къ своимъ палаткамъ.

24 числа съ полудня ожидали мы проѣзда мимо лагеря Императрицы, долженствовавшей въ этотъ день прибыть въ Вознесенскъ. Но она мимо лагеря ѣхать не изволила.

25-го былъ церемоніальный маршъ.

Въ этотъ день, въ первый разъ, имѣли мы счастье видѣть Императрицу, Великую Княжну Марію Николаевну и Великую Княгиню Елену Павловну, ѣздившихъ по всѣмъ линіямъ полковъ.

Церемоніальный маршъ былъ удаченъ, да и самая погода благопріятствовала, не было слишкомъ жарко. Драгунскіе полки, Московской и Тверской, наименованы: 1-й) полкомъ Его Высочества Наслѣдника, а 2-й) Его Высочества В. К. Михаила Павловича. Кирасирскій Екатеринославскій наименованъ полкомъ Ея Высочества В. Княжны Маріи Николаевны. Австрійскій Эрцъ-Герцогъ Іоаннъ наименованъ шефомъ Гренадерскаго сапернаго батальона.

Двадцать седьмое число было тоже предоставлено отдыху; но этотъ день, особенно для меня, памятенъ тѣмъ, что я имѣлъ счастье въ первый разъ вблизи видѣть Великую Княжну Марію Николаевну. Часу въ седьмомъ пополудни крикъ дежурнаго унтеръ-офицера вызвать меня на линейку; гляжу направо... Вдоль по линіи неслась коляска, запряженная четвернею въ рядъ. Бѣлый султанъ игралъ въ воздухѣ, по движенію на линейкѣ вдоль всего лагеря, не трудно было догадаться, что это былъ Императоръ. Но онъ былъ не одинъ. Съ нимъ сидѣла юная Княжна и ея очаровательныя черты, ея исполненный кротости небесный взоръ были усладительны для насъ, загорѣлыхъ обитателей

лагеря. Привыкнувъ видѣть одни только старыя, или строгія лица начальниковъ, и вдругъ появленіе Великой Княжны, какъ ангела, хоть быстро промелькнувшаго, но оставившаго благодатное впечатлѣніе неба, было дѣйствительно отрадою, праздникомъ души въ Вознесенскомъ лагерѣ.

Лице Императора было спокойно; счастье, гордость и любовь отца выражались на немъ, когда, здороваясь привѣтливо съ вышедшими на линейку, обращалъ взоры свои къ дочери.

Въ этотъ день, по утру, проѣзжалъ также мимо лагеря Его Высочество Наслѣдникъ. Въ первый разъ мы видѣли его въ драгунскомъ мундирѣ полка его имени.

28 числа было линейное ученіе; а къ вечеру ожидали посѣщенія лагеря Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Вечеръ былъ прелестный; музыка играла во всѣхъ полкахъ, и уже высоко вззошелъ мѣсяцъ, осыпая лагерь палевыми лучами и осребряя вечерніе туманы надъ Бугомъ, когда я возвратился въ мою палатку.

29-го числа былъ отдыхъ. Но въ этотъ день назначенъ былъ штурмъ городка, построеннаго въ 3-хъ верстахъ отъ Вознесенска на обширной равнинѣ.

Городокъ этотъ при всей неопредѣленности архитектуры своихъ зданій имѣлъ видъ турецкой крѣпости. Обнесенный валомъ, онъ будто по мановенію волшебнаго жезла возникъ среди степей и невольно каждый разъ, когда мы проходили въ виду его со смотра или съ ученія, заставлялъ собою любоваться. Обманъ былъ совершенъ.

Часовъ въ 6 съ половиною я, велѣвъ себѣ осѣдлать лошадь, поѣхалъ верхомъ въ ту сторону, гдѣ слышались выстрѣлы артиллеріи. Отъ нашего лагеря городокъ при всей высотѣ своихъ фантастическихъ зданій и башенъ виденъ не былъ, будучи заслоненъ отлогою возвышенностію. Задумавшись о чемъ то, я ѣхалъ безъ дороги, не обращая никакого вниманія на окружающіе меня предметы... Пальба все сильнѣе и громче доходила до моего слуха, я видѣлъ какъ съ батарей подымался дымъ и въ ушахъ моихъ раздавался визгъ. Этотъ визгъ былъ мнѣ не знакомъ и потому заставилъ меня одуматься: гляжу направо, въ три четверти версты отъ того мѣста, гдѣ я ѣхалъ, виднѣлась цѣпь уланъ,

которая была поставлена для предосторожности, чтобъ кто по незнанію не подвергнулъ себя опасности подъ выстрѣлами.

Не понимаю, какимъ образомъ я не замѣтилъ ее сначала и, поѣхавъ прямо отъ нашего лагеря на звукъ выстрѣловъ, подѣхалъ къ городку сзади, такъ что тѣ выстрѣлы, которые не попадали въ настоящую цѣль, а летѣли выше валовъ городка, пролетали мимо ушей моихъ или прыгали около меня. Замѣтивъ свою неосторожность, я далъ лошади шпоры и понесся къ видимой мною направо цѣпи; чувство самосохраненія, кажется, очень извинительное въ этомъ случаѣ.

Подѣхавъ къ батареямъ, я увидѣлъ прелестную картину. Погода благопріятствовала; въ воздухѣ было тихо; небо покрывалось облаками и легкій сумракъ ложился на всѣ предметы. Частые выстрѣлы, расположенной полукругомъ, всей находящейся при корпусахъ артиллеріи безпрестанными взрывами доказывали мѣткость и искусство нашихъ артиллеристовъ. Соколомъ яснымъ, окруженный многочисленною свитою, носился Императоръ отъ батареи къ батарее, но вотъ клубомъ поднялся черный дымъ и 10,000 ракетъ съ оглушительнымъ трескомъ поднялись на воздухъ, зданія городка запрыгали и зарево багровымъ покровомъ повисло на небѣ.

Этимъ кончилось дѣйствіе артиллеріи. Царская фамилія, присутствовавшая при этомъ зрѣлищѣ въ особомъ шатрѣ, изволила возвратиться въ Вознесенскъ по дорогѣ, густо уставленной площадками.

И я шашкомъ поплелся къ моей палаткѣ.

30-го августа, въ 10 часовъ утра, день тезоименитства Наслѣдница-Цесаревича и рожденія Великой Княжны Ольги Николаевны былъ церковный парадъ въ лагерѣ, въ присутствіи всей царской фамиліи. Всѣ войска, находящіеся въ сборѣ при гор. Вознесенскѣ, были построены въ полковыхъ колонахъ, съ трехъ сторонъ походной церкви, гдѣ совершалась литургія и молебствіе.

Въ вечеру, въ городѣ Вознесенскѣ въ домѣ, занимаемомъ инспекторомъ всей поселенной кавалеріи графомъ Витомъ, данъ былъ балъ.

Еще по утру было роздано въ полкахъ по нѣскольку билетовъ офицерамъ. Мнѣ тоже удалось достать билетъ, и вотъ, часовъ въ 7 вечера, я съ однимъ изъ моихъ товарищей отправился въ коляскѣ въ Вознесенскъ. Ночь была свѣтлая, тысячи огней блистали въ лагеряхъ, мимо которыхъ мы ѣхали, множество экипажей обгоняли насъ, которые также, какъ и мы, ѣхали на балъ.

Весь городъ былъ ярко иллюминированъ, но домъ, въ которомъ долженствовалъ быть балъ, и площадь, отдѣляющая его отъ дворца, были иллюминированы великолѣпно и со вкусомъ: пальмы, щиты, фонтанъ, освѣщенные разноцвѣтными огнями, представляли видъ очаровательный.

Отъ тѣсноты экипажей не было проѣзду и потому мы рѣшились, оставивъ шинели наши въ коляскѣ, идти пѣшкомъ. На крыльцѣ дома группа генераловъ и множество офицеровъ ожидали пріѣзда царской фамиліи. Проходя мимо ихъ и отдавъ у входа билеты наши офицеру, которому это было поручено, вступили мы въ залъ.

Нельзя описать, надо было видѣть своими глазами все великолѣпіе, всю роскошь убранства этой залы: какъ стѣны, такъ и потолокъ, въ видѣ шатра, драпировались бѣлой кисею, карнизы были покрыты фестонами изъ голубой шелковой матеріи съ блестящею золотой бахромой. Отъ карнизовъ и къ срединѣ потолка растиались розовыя ленты, спутываясь тамъ въ видѣ бантовъ. Всѣ стѣны украшались оружіемъ, кирасами, касками, въ видѣ изящныхъ арматуръ. Огромныя люстры были сдѣланы изъ штыковъ, по угламъ залы возвышались въ колоссальномъ видѣ канделябры также изъ оружія. Въ глубинѣ зала, между двумя проходами, оставленными въ буфетъ, поднималась отъ самаго полу до потолка живая стѣна, сдѣланная изъ ружей, пикъ и другого оружія, которая къ потолку вѣнчалась нѣсколькими рядами ружей съ примкнутыми штыками, рядъ выше ряда, въ стволахъ ружей горѣли свѣчи, такъ что блескъ, который они отражали въ полированной стали штыковъ, былъ почти невыносимъ для зрѣнія.

За этой стальной и огненной щетиной были устроены хоры для музыкантовъ. Во всю длину этой фантастической стѣны стоялъ роскошный диванъ, прикрываемый съ обѣихъ сторонъ отъ проходовъ въ буфетъ великолѣпно сложенными

всѣхъ родовъ военными музыкальными инструментами; этотъ диванъ преимущественно назначался для царской фамиліи. Къ большому, описываемому мною залу, примыкали двѣ уборныя и четыре галлерей для ужина. Всѣ они были также убраны кисеею и оружіемъ; но та изъ галлерей, въ которой приготовлены были столы для высокихъ посѣтителей, замѣчательна тѣмъ, что оружія, которыми она была убрана, принадлежали или древности или лицамъ историческимъ, что составляетъ вполне рѣдкую драгоценность для потомства.

Множество генераловъ, посланниковъ иностранныхъ дворовъ, русскіе офицеры и чужестранцы толпились въ залѣ. Смѣшенный говоръ сливался въ одинъ невнятный гулъ... Но вотъ музыка заиграла польское. При входѣ толпа заколыхалась, отхлынула и длинная цѣпь польскаго, начатая Императрицею, потянулась по залѣ.

Наконецъ, начались контрдансы и я, не желая танцовать, началъ кочевать изъ угла въ уголъ, изъ зала въ залу, отъ одной кадрили къ другой, то разсматривая незнакомые мнѣ иностранные мундиры, то прислушиваясь къ толкамъ и сужденіямъ, то наблюдая за выраженіемъ фізіономій, или любуясь на славу и надежду народа русскаго, на нашего Царя и на его порфирородное семейство.

О, какъ прекрасенъ онъ былъ на этомъ балу! Съ какою любовью смотрѣли на него всѣ эти толпы, тѣснящіяся вокругъ него—и я ни одинъ разъ подумалъ: кто болѣе его достоинъ повелѣвать народами?

Императрица, Великая Княгиня Елена Павловна, Наслѣдникъ и Великая Княжна почти непрерывно участвовали въ танцахъ.

Великая Княжна, эта прелестная копія своего высокаго родителя, болѣе всего обратила на себя мое невольное вниманіе. Здѣсь я видѣлъ ее въ первый разъ вблизи. Свѣтлый умъ и величіе на челѣ, простота и благородство во всѣхъ движеніяхъ, неизысканный вкусъ наряда привязывали къ ней сердца; но, разсмотрѣвъ взглядъ ея ясныхъ очей и улыбку, оживляющую ея уста, всякій могъ бы почти ручаться, что скипетръ въ рукѣ ея могъ бы давать законы вселенной, а любовь къ подданнымъ воскресила бы въ лицѣ ея великую Екатерину. Послѣ танцевъ былъ ужинъ. Въ другой противуположной той галлерей, гдѣ ужинала царская фамилія и

другія высшія лица, были приготовлены столы для дамъ, а въ двухъ другихъ галлерейхъ, примыкавшихъ къ буфету, расположились всѣ штабъ и оберъ-офицеры.

Послѣ ужина стали разѣзжаться... Тѣмъ балъ и кончился!

Сонный, усталый возвратился я въ мою палатку, и, только что легъ и погасилъ огонь, былъ отъ души насмѣшенъ однимъ приключеніемъ.

Когда весь лагерь давно предавался покою, (было уже гораздо за полночь), одному изъ добрыхъ моихъ товарищей приснилась во снѣ тревога. Съ крикомъ „Сѣдай! тревога!“ выскочилъ онъ изъ палатки и переполошилъ этими восклицаніями и дежурнаго и многихъ своихъ сосѣдей.

Бывши твердо увѣренъ, что тревоги быть не могло, я помиралъ со смѣху, когда до слуха моего начали доходить вопросы пробужденныхъ: гдѣ тревога? кто сказалъ, откуда взяли? Однако чрезъ нѣсколько минутъ все опять замолкло и я заснулъ.

1-го сентября всѣ полки выступили за 12 верстъ отъ Вознесенска по дорогѣ къ Александровкѣ. Отсюда начались маневры и кончились около полудня уже подъ самымъ Вознесенскомъ. Драгуны спѣшивались не одинъ разъ!..

Возвратясь въ лагерь, я, не ожидая ничего, пренебрегъ послѣ обѣденнымъ сномъ, думая вознаграждать себя въ ночь, но какъ ужасно былъ разочарованъ.

Пужинавъ въ трактирѣ и безопасно шагая къ моему временному обиталищу, я вдругъ услышалъ, что около меня поговариваютъ о сѣдланіи лошадей. Сначала я самъ себя не повѣрилъ, но потомъ, сказать по совѣсти, съ большимъ прискорбіемъ узналъ, что намъ съ вечера велѣно выступать на позиціи и что съ завтрашняго дня начнутся большіе маневры.

Нечего дѣлать, надо садиться на лошадь. Прощайте сладкія мечты о сладкомъ снѣ. Мы выступили и тихо потянулись мимо всего лагеря, мимо города и у моста, лежащаго чрезъ Бугъ по большой дорогѣ въ Одессу, имѣли привалъ. Завернувшись въ шинель и лежа на сырой травѣ, я невольно вспомнилъ наши бивуаки во время польской кампаніи и самъ устыдился своей лѣни.

Чрезъ мостъ почти цѣлую ночь тянулись войска; на разсвѣтъ перешли и мы и за нѣсколько верстъ отъ Вознесенска заняли нашу позицію.

Описать маневры этого дня, для фронтового офицера, невозможно. До слуха моего доходили только изрѣдка выстрѣлы артиллеріи, видѣлъ я только движеніе нашихъ колонъ и болѣе почти ничего не видалъ...

Бивуакъ нашъ на эту ночь былъ подъ самымъ Вознесенскомъ.

3-го сентября съ ранняго утра начали маневры. Долго спѣшленные драгуны занимали городъ, но, когда должны были его оставить, сѣли на лошадей и нашъ полкъ первый имѣлъ честь ударить въ атаку на уланъ, которые зашли намъ въ тылъ.

Нѣсколькими атаками кончились маневры и войска потянулись по лагерямъ.

4-го числа нашъ полкъ выступилъ въ обратный походъ.

На лицахъ всѣхъ была написана радость; конецъ трудамъ, конецъ бивачной жизни въ безпредѣльныхъ степяхъ. Снова на постоянныя зимовыя квартиры, на тихую службу.

Съ музыкой потянулись эскадроны по дорогѣ, а я стоялъ и грустно, грустно смотрѣлъ имъ въ слѣдъ; я какъ будто прощался на вѣкъ съ ними, какъ будто предчувствовалъ, что въ послѣдній разъ въ Вознесенскѣ занималъ я мѣсто въ стройныхъ рядахъ ихъ!..

Прощайте товарищи!

З а к л ю ч е н і е .

По выступленіи полка я еще до вечера оставался въ лагерѣ вмѣстѣ съ двумя или тремя товарищами, которые имѣли различныя назначенія по службѣ. Не могу вспомнить того впечатлѣнія, какое произвелъ на меня тогда опустѣвшій лагерь и эта гробовая тишина и безмолвіе послѣ непрерывнаго шума. Тамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ кипѣла жизнь, только вѣтеръ осенній, свистя, гулялъ межъ покинутыми шатрами и, хлопая полотномъ о дѣвки, наводилъ на души невыразимое уныніе.

Разорванные тучи, гонимые осеннимъ вѣтромъ, быстро неслись по небосклону и луна — красавица южныхъ ночей, проглянувъ на мигъ, опять надолго спѣшила спрятаться за облаками, какъ будто грустила, что некому любоваться ею.

Въ это время я понялъ всю прелесть общественной жизни и, не въ состояніи будучи вынести тоски, стѣснявшей мое сердце, не смотря на просьбы моихъ товарищей остаться ночевать въ лагерѣ, часовъ въ 10 вечера, отужинавъ въ послѣдній разъ въ трактирѣ нашихъ полковыхъ маркитантовъ жидковъ, отправился въ Вознесенскъ.

На другой день удалая тройка мчала уже меня по дорогѣ къ Елисаветграду. Тутъ я забылъ все, я былъ веселъ, я легѣлъ на свиданье.

Но пора кончить. Чувствую, что мало занимательнаго въ моихъ описаніяхъ, да и что могло быть занимательнаго въ запискахъ офицера, служившаго во фронтѣ, которому рѣдко удавалось видѣть даже своей полковой колонны, да и кому, сказать правду, не знакомы смотры и лагерная жизнь?..

Чтоже касается до походныхъ записокъ, то не сердитесь, любезные читатели, ежели, прочтя ихъ, мало нашли въ нихъ мыслей и красотъ литературныхъ. На это двѣ причины. Первая, что мы шли не чрезъ поэтическое отечество древнихъ римлянъ — цвѣтущую Италію, ни даже не черезъ ученую Германію, а просто чрезъ Малороссію, страну, которой не прошло еще столѣтія, какъ она начала выходить изъ полудиковоинственнаго состоянія къ гражданской образованности. Вторая, — я не хотѣлъ вымышлять для моихъ записокъ ни приключеній, ни анекдотовъ, не хотѣлъ вносить въ нихъ разговоровъ, никогда не говоренныхъ, по методѣ большей части литераторовъ — путешественниковъ, а писалъ только то, что могъ запомнить и передать бумагѣ изъ видѣннаго и пережитаго мною; однимъ словомъ, записки мои я думалъ писать не для печати.

Все мгновенно, все пройдетъ,

Что пройдетъ, то будетъ мило.

А покуда въ настоящемъ пусть будетъ:

КОНЕЦЪ.
